Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

08
2090

МАЙ. 1910.

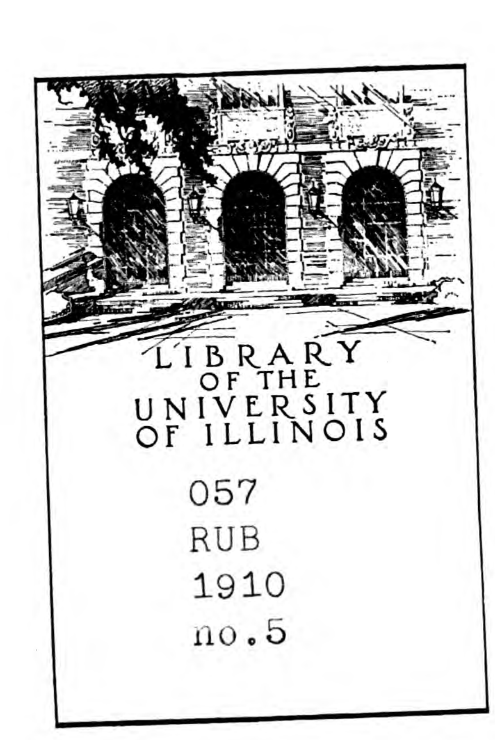
РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 5.

СОДЕРЖАНІЕ:

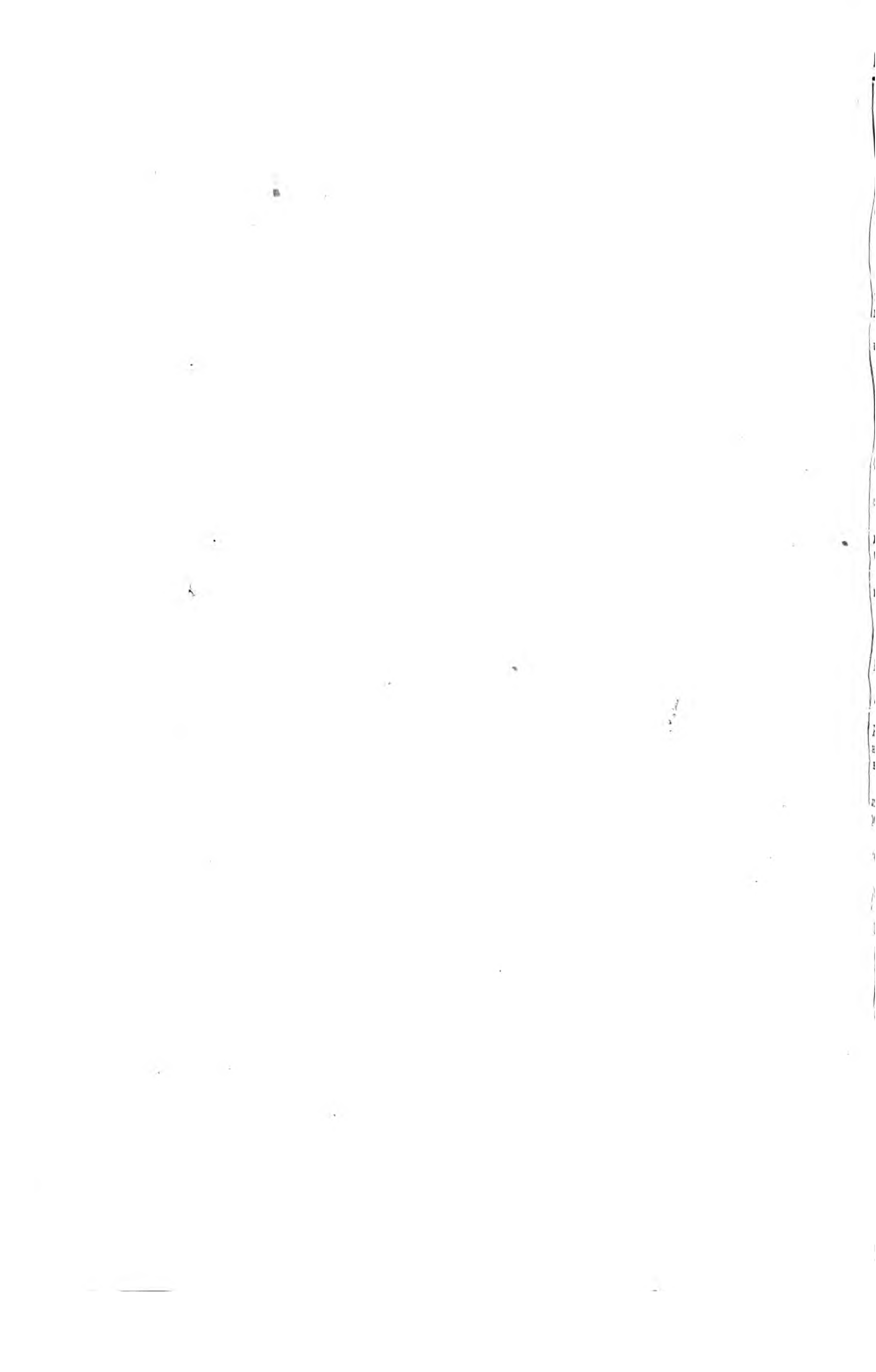
При этомъ № прилагается проспектъ о фабрикатахъ фотографическаго отдѣла „Акціонернаго Общества Анилиновой Промышленности въ Берлинѣ“.

057
RUB
1910
no.5

1174

Книжные склады и магазинъ
М. П. МЕЛЬНИКОВА

С.-Петербургъ, Литейный просп., № 57. Телефонъ 82—77. Фирма основана въ 1888 году.

Предлагаю слѣдующія книги:

Лапласъ, Мар. Изложеніе сист. міра, перев. Хотинскимъ. Спб. 1861 г. 2 т. перепл. 3 р.

Араго, Ф. Общепонятная астрономія, перев. М. Хотинскаго. Спб. 1861 г. 4 т. перепл. 6 р.

Араго, Ф. Біографіи знаменит. астрономовъ, Физиковъ и Геометровъ. Спб. 1859 г. 3 т. перепл. 6 р.

Фламмаріонъ, К. Многочисленность обитаемыхъ міровъ, перев. К. Толстого. Спб. 1896 г. 1 р.

Литературный распадъ, критическій сборникъ. Спб. 1908 г. 1 р. 25 к.

Гартманъ, фонъ Э. Истина и заблужденіе въ Дарвинизмѣ (крит. изложеніе органической теоріи развитія). 30 к.

Оболенскій, Л. Исторія мысли. Опытъ критич. исторіи философіи. 2-е изд. 40 к.

Поссе, В. По Европѣ и Россіи. Наблюденія и настроенія. 1 р.

Хиченсъ, Р. Дикая овца. Романъ. Спб. 1910 г. 75 к.

Плинеръ, А. Справочная книжка для лѣсныхъ хозяевъ. 1 р.

Ильинъ, В. Развитіе капитализма въ Россіи. Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности. Спб. 1908 г. 1 р.

Красота, молодость, грація. Курсъ лекцій. Посвящено женщинамъ. Въ хорош. золотообрѣз. перепл. 1 р. 25 к.

Фибихъ, К. Похожденія паломницы. Ром. изъ жизни совр. фанатизма. 60 к.

Захарьинъ, И. Для спектаклей, любительск. Сборн. пьесъ. Спб. 1897 г. 50 к.

Мережковскій, Д. Въ тихомъ омутѣ. Спб. 1908 г. 50 к.

Науманъ, Эм., проф. Иллюстрир. всеобщая исторія музыки. Развитіе музык. искусства, съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Спб. 1897—99 г. 3 т. 3 р.

Замкиной, Л. Хиромантія или тайны руки. Полное руководство къ опредѣленію типа, характера и наклонностей человѣка въ его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Съ 154 рис. автора. Спб. 1909 г. 50 к.

Зигвартъ, Х. Логика. Спб. 1908 г. 3 т 6 руб.

Сенкевичъ, Г. Камо грядеши. Повѣсть временъ Нерона. М. 1898 г. 1 р.

Вешняковъ, В. Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Спб. 1897 г. 2 т. 2 р.

Земля. Сборникъ I. 1 р. II,—1 р. III,—1 р. 25 к. М. 1908—909 г.

Штирнеръ, М. Единственный и его достояніе. Спб. 1910 г. 75 к.

Буньянъ, Д. Путешествіе пиллигрима въ небесную страну. Аллегорическій разсказъ. Спб. 1 р. 50 к.

Граховъ, Я. Нѣмецко-русскій научно-технич. словарь, собр. и объясн. техническихъ словъ и выраженій въ 2-хъ ч.; 2-е изд. Спб. 1900 г. Въ папкѣ ц. 2 руб.

Сочиненія Кайгородова:

Наши зимніе пернат. гости, со многими рисунками. Спб. 1909 г. 20 к.

О длинноногихъ и длинноносыхъ птицахъ. Спб. 1909 г. съ рисунк. 20 к.

О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Спб. 1910 г., съ рис. 20 к.

Растенія-мухоѣды. Чтеніе для народа. Спб. 20 к.

Дерево и его жизнь. М. 1910 г. 10 к.

Кукушка. 10 к.

Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содерж. въ себѣ описан. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Спб. 909 г., съ 14 роск. табл. въ пер. 1 р. 75 к.

Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Краснолѣсье (хвойный лѣсъ). Спб. 1 р.

Тоже Чернолѣсье (лиственный лѣсъ). Спб. 1 р.

Пернатые хищники. Популярн. очерки изъ міра русскихъ хищныхъ птицъ. Спб. 3 р.

Изъ царства пернатыхъ. Популярн. очерки изъ міра русскихъ птицъ. Спб. 6 р.

Изъ зеленаго царства. Популярные очерки изъ міра растеній. Спб. 2 р. 50 к.

Высылаю наложеннымъ платежомъ. При болѣе крупныхъ заказахъ требуется задатокъ 1/4 суммы. Періодически выходящіе каталоги высылаю безплатно. Составляю и пополняю всевозможные библіотеки по сходнымъ цѣнамъ по возможности безъ задержки. Цѣны безъ пересылки.

Оффиціальнымъ учрежденіямъ заказы исполняются безъ задатка.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Увеличивающійся съ каждымъ днемъ спросъ на **Сперминъ-Пеля** вызвалъ въ послѣднее время появленіе **множества** малоцѣнныхъ поддѣлокъ, предлагаемыхъ подъ разными похожими на **Сперминъ** названіями (сперматинъ, сперминоль, спермоль, секаровскія вытяжки, жидкости и т. д.), причемъ дѣйствіе ихъ самими поддѣлывателями ставится „наравнѣ и даже выше" **Спермина-Пеля.** Часто поддѣлывателями являются люди, ничего общаго съ медициною не имѣющіе, какъ-то: содержатели аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазиновъ и друг. Понятно, что подобныя поддѣлки ничего общаго съ медициной и наукой вообще не имѣютъ, а для того, чтобы придать научный характеръ своимъ подраженіямъ, поддѣлыватели въ своихъ рекламахъ приводятъ литературу и наблюденія врачей надъ **дѣйствіемъ Спермина-Пеля,** вводя этимъ въ заблужденіе не только больныхъ, но и даже Гг. врачей.

Въ виду этого мы считаемъ своимъ долгомъ **предостеречь** лицъ, пользующихся **Сперминомъ** отъ подобныхъ поддѣлокъ. Всѣ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія ученыхъ и врачей надъ благопріятнымъ дѣйствіемъ **Спермина,** при **неврастеніи, половомъ безсиліи, старческой дряхлости, истеріи, невралгіяхъ, малокровіи, чахоткѣ, сифилисѣ, послѣдствіяхъ ртутнаго леченія, сердечныхъ болѣзняхъ (ожирѣніи, склерозѣ сердца, сердцебіеніяхъ, перебояхъ, міокардитѣ), артеріосклерозѣ, алкоголизмѣ, спинной сухоткѣ, параличахъ, слабости отъ перенесенныхъ болѣзней, переутомленіи и проч.,** относятся **исключительно къ Спермину-Пеля,** а потому просимъ при покупкѣ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и на фирму, такъ какъ другіе препараты суть не что иное, какъ поддѣлки **Спермина-Пеля,** по дѣйствію съ нимъ ничего общаго не имѣющія, такъ какъ единственно **настоящимъ сперминомъ является Сперминъ-Пеля,** ФЛАКОНЪ **3 руб.** Литерат. высылается по первому требованію безвозмездно.

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

Профессоръ Докторъ Пель и Сыновья

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.—С.-Петербургъ.

УНІОНЪ С.П.Б.

Дамск. фигаро,
Безрукавки,
Блузы вязаныя,
Жакеты вязаныя,
Дамск. юбки.
Рейтузы дамск.,
Длин. гамаши,
Дамск. башлыки,
Фуфайки дамск.,
Комбинезонъ дамск.
Мужск. жилеты,
Вязан. пиджаки,
Замшевыя куртки.
Охотничьи чулки,
Набрюшники,
Наколѣнники,
Пуховыя руковицы.

Д-ра Егера бѣлье (изъ Штутгардта) и вообще всѣ чулочные и шерстяные товары рекоменд. специальн. складъ.

Д. ДАЛЬБЕРГЪ,

СПБ., Гороховая, 16.
Товаръ высыл. налож. платежомъ.

СПИНОДЕРЖАТЕЛИ,
ВЫПРЯМЛЯЮЩІЕ ФИГУРУ
МАРКУСЪ ЗАКСЪ. С.-Петербургъ, Литейный, 45.

ФОСФАТИНЪ ФАЛЬЕРА.

Пріятная пища, самая подходящая для дѣтей, начиная съ 6—7 мѣсячн. возраста до 10 лѣтъ, особенно во время отстраненія отъ груди и въ періодъ роста. Облегчаетъ прорѣзываніе зубовъ и обуcловливаетъ правильное развитіе костей.
Продается въ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ.

БИРЖА | БИРЖА | БИРЖА | БИРЖА

НОВАЯ КНИГА

КРАТЧАЙШІЙ И ДОСТУПНЫЙ КАЖДОМУ

ПУТЬ къ БОГАТСТВУ

БИРЖЕВЫЯ ОПЕРАЦІИ.

Популярное руководство для желающихъ испытать счастье на Биржѣ.

Предпославъ краткій историческій очеркъ Биржи авторъ, яркими живыми красками рисуетъ картину, **какъ наживаютъ деньги покупкою и продажею бумагъ на Биржѣ**, и даетъ указанія, какъ можетъ въ этомъ принять участіе каждый желающій, при наличности даже 100—200 р.; чѣмъ руководствоваться при выборѣ бумагъ; какъ угадать биржевое настроеніе; отчего бумаги повышаются и понижаются; какъ вести дѣло; гдѣ достать кредитъ, какъ выбрать банкира и т. п.

Книга снабжена перечнемъ наиболѣе ходкихъ бумагъ, съ указаніемъ ихъ расцѣнки за 1908 г. по мѣсяцамъ и за 17 предшеств. лѣтъ, дивиденда за 3 года и времени его выдачи, необходимыми таблицами и массой примѣровъ, доказывающихъ, что **ни одна область труда не можетъ такъ колоссально обогатить человѣка, какъ удачныя операціи на Биржѣ.**

Цѣна книги, содержащей 115 стран. убористаго шрифта, **50 коп.**, съ пересылкой **65** коп. (можно марками), съ наложеннымъ платежомъ **75** коп.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ: Спб., Николаевской Артели. Разъѣзжая, 5.

Телеграфный адресъ: **ПЕТЕРБУРГЪ—НИКАРТЕЛЬ.**

Продается во всѣхъ крупн. книжн. магаз., кіоскахъ и на станціяхъ ж. д.

Выписывающіе изъ сего склада **со ссылкою на это объявленіе** за пересылку не платятъ.

БИРЖА БИРЖА БИРЖА БИРЖА БИРЖА

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

А. С. ЧЕРНЯЕВА.

(Сущ. съ 1905 г.).

Съ правами правительств. реальн. училищъ для учащихся (С.-Петербургъ, уг. Кронверкскаго пр. и Татарскаго пер., д. 3—14).

Училище функціонируетъ въ количествѣ пригот. класса, 7-ми основныхъ и II-параллельн. классовъ, при 720 учащихся.

Плата: въ младш. пригот. классѣ—60 р. въ годъ, въ старш. приг.—80 р., въ 1-хъ и во 2-хъ кл.—100 руб., въ 3-хъ и 4-хъ классахъ—110 р. и въ 5-хъ 6-хъ и 7-мъ кл.—120 руб. въ годъ. ■ Канцелярія открыта для пріема прошеній съ 10 ч. до 2 ч. дня и съ 5 ч. до 7 час. вечера. ■

При училищѣ хорошо оборудованы физическій и естественно-научный кабинеты, химическая лабораторія и лабораторіи для практич. занятій по естествознанію. ■ Вступительные экзамены—1 и 12-го мая. ■ Принципъ наглядности проводится по всѣмъ предметамъ; для этой цѣли имѣется научный театръ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ „РУССКАГО БОГАТСТВА“.

В. Г. КОРОЛЕНКО. Исторія моего современника. Ц. 1 руб. 50 коп.

П. И. КОРЕНЕВСКІЙ. Крестьянскій „Генрихъ Блокъ“. Цѣна 15 коп.

Л. МЕЛЬШИНЪ. Пасынки жизни. Цѣна 1 руб.

В. В. МУЙЖЕЛЬ. Разсказы. Т. II. Цѣна 1 руб.

А. В. ПѢШЕХОНОВЪ. Наканунѣ. Цѣна 60 коп.

—— Въ темную ночь. Цѣна 1 руб.

—— Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной земли. Цѣна 10 коп.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Въ объявленіи

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ Н. В. БАЗЫКИНА

С.-Петербургъ, Владимірскій пр., № 13. Телеф. 113-22.

Напечатанномъ въ № 4 нашего журнала на страницѣ 166, вкралась опечатка, а именно:

НАПЕЧАТАНО:

Веберъ. Всеобщая исторія, переводъ Андреева (Чернышевскаго) въ 15 томахъ, 16 книгахъ изд. Солдатенкова; за 15 руб.

СЛѢДУЕТЪ:

Веберъ. Всеобщая исторія, переводъ Андреева (Чернышевскаго) въ 15 томахъ, 16 книгахъ изд. Солдатенкова; за **80** руб.

С.-Петербургъ. Кирпичный, 1.

ЕСЛИ ВАШИ

ВОЛОСЫ

выпадаютъ, если у Васъ есть жирная или сухая перхоть, если Вы страдаете зудомъ кожи головы и желаете имѣть прекрасные волосы, то сообщите свой адресъ, и Вы получите брошюру «Болѣзни волосъ и способы ихъ леченія», составленную Врачами-Спеціалистами 1-й Россійской Волосолечебницы въ С.-Петербургѣ, совершенно безплатно.

ЛАБОРАТОРІЯ „ДЕВЕСЪ".
СПБ., Кирпичный, 1.

Книжный магаз. и складъ **А. К. ГОМУЛИНА**, Спб. Литейный, 49, предлагаетъ

по удешевленнымъ цѣнамъ

нижепоименованныя книги:

Л. Н. Толстой. 8 кн. болѣе 1000 стр. убористь. печати, куда входятъ: Дорого стоитъ и др. разск. ц. 40 к. Требованія любви и др. разск. ц. 40 к. Часовщикъ и др. разск. ц. 40 к. О разныхъ людяхъ и др. разск. ц. 40 к. Мысли великихъ людей на каждый день. ц. 40 к. Въ чемъ счастье, ц. 50 к. Избран. разсказы 2 кн. ц. 70 к. Всѣ 8 кн. Вмѣсто 3 р. 20 к за 1 руб. 50 к.

Л. Н. Толстой въ карикатур. и анекдотахъ. Собр. Ю. Битовтъ. Съ 43 снимками. Вмѣсто 50 к. за 30 к.

Э. Ренанъ. Жизнь Іисуса. Полн. перев. съ 14-го фр. изд. 1910 г. Вм. 1 р. 50 к. за 50 коп.

Д. Штраусъ. Вольтеръ 6 лекцій по снятіи ареста. Вм. 50 к. за 30 к.

В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочинен. 1810—1848 г. Сост. Е. Соловьевъ. Вмѣсто 90 к. за 50 к.

Проф. А. Форель. Половой вопросъ. Перев. съ послѣдняго нѣмецк. изд. съ предисл. проф. В. Н. Сперанскаго. 2 т. Вмѣсто 2 р. 50 к. за 1 р. 50 к.

Л. Е. Оболенскій. Истор. мысли. Опытъ критической исторіи философіи. Вмѣсто 1 р. за 50 к.

• **Станиславъ А. Вольскій.** Философія борьбы. Опытъ построенія этики марксизма. Вмѣсто 2 р. за 1 р.

К. Вагнеръ. Молодежь, ея настоящее и будущее (премировано франц. акад.). Перев. съ 16-го изд. Вм. 1 р. за 50 к.

Виньоло. Архитектурные ордера справочн. книжка для архитекторовъ и строителей. Вмѣсто 1 р. 50 к. за 50 к.

Гражданская архитектура. Полное руководство по строительн. искусству въ 3-хъ отдѣлахъ: Каменныя работы, плотничныя и кровли. Перев. съ нѣмецк. инженер. Леви и Келдыша подъ ред. проф. Шишко. 2 т. Вм. 5 р. за 2 р. 50 к.

Н. Б. Делоне. Детали машинъ. Руководство для техниковъ и инженеровъ съ 176 рис. Вм. 2 р. 75 к. за 1 р. 50 к.

Фотографія. Самоучитель и справочн. книжка фотографа. Сост. Н. Адріановъ. 3-е изд. вновь переработ. съ 216 рис. Вмѣсто 2 р. за 1 р.

Общедоступная энциклопедія общеполезныхъ свѣдѣній. Справоч. словарь для дома, семьи и школы. Сост. по Кайгородову, Альмедингену, Гано, Далю и друг. П. П. Андреевъ. Вмѣсто 1 руб. 50 к. за 50 к.

Карманныя словотолкователь и энциклопедія. Сост. по новѣйш. источникамъ. Д. Сеславинъ 1910 г. Болѣе 6000 словъ. Вмѣсто 60 к. за 40 к.

Домашняя гимнастика для здоровыхъ и больныхъ. Съ 52 рис. Цѣна 20 к.

I. П. Мюллеръ. Моя система: 15 мин. ежедневн. работы для здоровья. Съ рис. и таблиц. Вмѣсто 75 к. за 30 к.

I. Рунге. Легкая атлетика, техника бѣга и прыганья. Со мног. рисунками. Вмѣсто 75 к. за 50 к.

Силачъ. Самоучитель къ развит. силы и мускуловъ. Упражн. съ гирями и приборами. Составилъ А. Штольцъ. Вмѣсто 75 к. за 50 к.

Атлетъ. Какъ сдѣлаться сильнымъ. Съ 40 рис. Вм. 75 к. за 40 к.

Яковъ Кохъ. Чемпіонъ міра. Самоучитель французской борьбы и атлетики. Съ 64 рис. Вмѣсто 75 к. за 50 к.

Голубая книга. Разсказы для дѣтей извѣстн. русск. писателей: Аксакова, Амфитеатрова, Андреева, Баранцевича, Н. Гарина, Гаршина, Гоголя, Горькаго, Григоровича, Короленко и друг. съ рисунками. Вмѣсто 1 руб. за 50 коп. въ изящной обложкѣ.

Рампа. Художеств. сборникъ избран. произведеній для дивертисемента. Роскошн. изд. съ портрет., рисунк. и нотами. 909 г. Вм. 2 р. за 1 р. 25 к.

Литературные вечера. Избр. произвед. извѣстн. писателей для литературныхъ вечеровъ. Красивое изд. съ портретами. 910. Вмѣсто 1 р. 25 к. за 75 к.

Веселыя пьесы. Составилъ Н. В. Корецкій. 10 пьесъ. Вмѣсто 1 р. за 50 к.

Ванда Захеръ-Мазохъ. Исповѣдь моей жизни и заключ. къ ней. Съ портрет. 910 г. Вмѣсто 1 р. 25 к. за 75 к.

Альбомъ для 6 кабинетн. карточекъ, въ видѣ ширмы папка съ золотымъ тиснен. за 40 к.

Пересылка указанныхъ книгъ по дѣйствительной стоимости за счетъ г. г. покупателей. Мелкія суммы можно высылать марками. Каталогъ безплатно.

08
2090

МАЙ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1910.

Продолжается пріемъ подписки на 1910 годъ

(XVIII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Ѳ. Д. Крюкова, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, Н. С. Русанова (Н. Е. Кудрина), А. Е. Рѣдько, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р.; на 6 мѣс.—**4 р. 50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—**1** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскій бульваръ, д. 79.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ Одесскія Новости—*Дерибасовская*, **20** *).—въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по **40** коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 к., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку, или не вполнѣ оплаченная—8 р. 60 к.—отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору журнала.

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору журнала и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору журнала не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщившіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору журнала или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

---

*) Здѣсь же продажа изданій **„Русскаго Богатства“**.

057
К43
1910
№5

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*)

ДИНАСТІЯ.

— Смотри мнѣ, варьятка! — шипѣла въ ухо Оксанѣ Жюстина.—Только пискни... я тебя заразъ въ полицію. Тамъ тебѣ покажутъ, какъ скандальничать.

— Да чего вы? Я—ничего. Меня придавили,—хотѣла оправдаться Оксана.

— Но, но. Дури тѣхъ, кто глупѣе тебя. Знаю я, что тебя придавило.

Этотъ вечеръ отравилъ душу Оксаны. Съ того дня она уже не знала покоя. Если Павелъ Алексѣевичъ уходилъ изъ дому,—а уходилъ онъ постоянно,—Оксана упрямо поджидала его, жестоко терзаясь. Не ложилась спать, какъ бы поздно онъ ни вернулся. Часами простаивала передъ окнами клуба, когда Павелъ Алексѣевичъ игралъ тамъ на бильярдѣ, бродила вокругъ тѣхъ домовъ, гдѣ онъ бывалъ изрѣдка на званыхъ вечерахъ. Но передъ нимъ стойко молчала, ничѣмъ не выдавая своихъ мученій. Объ ея поведеніи заговорила прислуга въ городской усадьбѣ Неповоевыхъ. Черезъ Артамона слухъ дошелъ до Валеріана Мстиславовича, а тотъ оповѣстилъ всѣхъ, кто хотѣлъ и не хотѣлъ слушать. Павлу житья не стало отъ дядиныхъ насмѣшекъ. Мало любознательный и равнодушный, Павелъ теперь только началъ понимать, почему до его возвращенія никогда не ложится спать Оксана. Открытіе и разсердило, и удивило его, онъ былъ огорченъ. И жаль было Оксану, и оставалась еще надежда, что все это—неправда, преувеличеніе. Онъ, наконецъ, прямо спросилъ у Оксаны:

— Послушай... Правда ли, что ты дежуришь возлѣ клуба, пока я тамъ играю? И куда бы я ни пошелъ, ты бѣжишь къ тому дому подъ окна? Неужели это правда, Оксана?

Оксана растерялась, прорвалась, заплакала...

Павелъ Алексѣевичъ повторялъ ей обезкураженно:

— Оксана... слушай, Оксана. Да, право же, этого не

нужно. И я вовсе не думаю жениться. Увѣряю тебя. Если бы я желалъ... что бы мнѣ помѣшало? А не женюсь же? Вотъ видишь. И никогда не женюсь... Увѣряю тебя. Перестань же, не нужно этого вовсе.

А она,—плачущая и вздрагивающая отъ рыданій,—вышла изъ терпѣнья и, захлебываясь, закричала злобно:

— Я знаю, что вамъ не нужно! Ну, и убейте меня! Убейте, убейте... Лучше убить, чѣмъ такъ.. мучить!

Съ тѣхъ поръ Павелъ сталъ держать себя съ нею нѣсколько настороже. Началъ щадить ее, считаться съ ея привязанностью. Отчасти это тяготило его, порой же такое чувство ея вызывало въ немъ растроганность. Чаще всего, особенно при дядѣ или при постороннихъ, онъ обращался съ Оксаной, какъ баринъ съ горничной. Говорилъ холодно, повелительно, даже подчеркивалъ сухость тона. Еще чаще не примѣчалъ ея совсѣмъ. Но пересталъ засиживаться внѣ дома до разсвѣта. А иногда старался быть помягче, повнимательнѣй, чтобы вытравить подозрѣніе, не причинять лишней боли.

За то Жюстина, угадавъ больное мѣсто Оксаны, изводила ее, разжигая ревнивый бредъ.

Только и разговоровъ было у Жюстины—что-то будетъ, когда панъ Павелъ женится? При Жюстинѣ Оксана упорно сдерживалась, отшучиваясь замѣчаніями, въ родѣ:

— Куда ему, такому толстому, жениться?

Она разсказывала, будто къ слову, но съ цѣлью возбудить зависть, позлить Жюстину:

— Вонъ — прошлый годъ пиджакъ сдѣлалъ, уже не годится. Руки не влазятъ. На животѣ вотъ какъ не сходится. Мнѣ отдалъ — на кофточку. А пиджакъ, какъ есть, новый. Посмотрите—какой... чесучевый, по два съ полтиной.

Но уходила Жюстина, и послѣ того долго и горько плакала Оксана надъ чесучевымъ пиджакомъ.

Сама она была вѣрна Павлу Алексѣевичу до приторности. Сердилась даже, когда попристальнѣй смотрѣли на нее мужчины. А соблазновъ было у нея не мало при ея внѣшности и положеніи. За это время одинъ разъ даже выйти замужъ представлялся случай. И не плохо могла бы выйти. Когда въ деревнѣ мужики „бунтовались“, у Арсенія Алексѣевича больше года жили на постоѣ казаки, караулили экономію отъ пожара. Старшій изъ нихъ — въ родѣ какъ офицеръ, — проходу не давалъ лѣтомъ Оксанѣ. Все околачивался около желтаго флигеля. Какъ Павелъ Алексѣевичъ обѣдать, гулять или купаться,—онъ, казакъ, уже тутъ какъ тутъ. Сперва— такъ подбирался. Послѣ говоритъ, погоди малость, выйдетъ срокъ, женюсь на тебѣ... Оксана только разсмѣялась въ отвѣтъ. Мужикъ—мужикомъ, какъ его ни поверни. Хоть и

старшій. Никакого благородства обхожденія въ немъ нѣту. И забраковала. Казакъ послѣ запилъ съ горя.

Оксана задумалась до того глубоко, что не слыхала приближающихся шаговъ Павла Алексѣевича. Ждала столько часовъ, а тутъ не услышала. Очнулась лишь, когда щелкнулъ его ключъ въ замкѣ у входа, и Павелъ Алексѣевичъ впотьмахъ вошелъ въ прихожую.

Оксана обрадовалась, но разсердилась на себя: и какъ она прозѣвала? Вѣдь не спала же? Нашла спички, чиркнула о коробочку одну, другую, третью, чтобы зажечь свѣчу. Спички ломались, не хотѣли зажигаться. Наконецъ, зажгла таки и вышла въ прихожую.

— Ты еще не спишь, Оксана? Отчего ты не ложишься?

— Такъ. Вотъ свѣчка. Можетъ, квасу?

— Нѣтъ, благодарю.

Павелъ разсѣянно взялъ у нея свѣчу. Онъ шелъ къ себѣ въ спальную, но пріостановился на половинѣ прихожей. Оксана стояла у открытой двери своей комнаты, чуть освѣщенная синей лампадкой. Съ минуту Павелъ вглядывался въ лицо, будто изучая его или сравнивая съ кѣмъ-то. Потомъ вернулся обратно, приблизился къ ней и спросилъ мягко:

— Такъ тебѣ не спится?

— Не спится.

— Мнѣ тоже. Скучно тебѣ было одной? Посидѣть съ тобою? Я не усну тоже.

Оксана посторонилась, пропуская его въ комнату, тускло-залитую голубоватымъ свѣтомъ. Павелъ Алексѣевичъ на ходу погасилъ свѣчу, бросилъ на сундукъ подсвѣчникъ и сѣлъ въ углу, на твердомъ диванчикѣ.

— Присядь, Оксана.

Она сѣла на диванѣ рядомъ съ Павломъ, тамъ, гдѣ онъ указалъ, приглашая.

— Какъ у тебя хорошо тутъ,—снова очень мягко сказалъ онъ.—Этотъ свѣтъ голубой. Тихо, чисто... Будто въ кельѣ.

Оксана вздохнула.

Павелъ Алесѣевичъ помолчалъ. Послѣ осторожно, словно боясь обидѣть, придвинулся къ Оксанѣ и робко, едва прикасаясь, погладилъ поверхъ кисейныхъ рукавовъ ея плечи. Оксана посмотрѣла на него удивленно, потомъ сердито сверкнула глазами. Павелъ Алексѣевичъ не видѣлъ выраженія ея глазъ. Въ странномъ полузабытьи онъ ласкалъ плечи Оксаны молча, нѣжно и бережно, какъ что то очень, очень хрупкое. И съ мягкой робостью, чуть слышно, проговорилъ задыхаясь:

— Ксенія... Ахъ, Ксенія... дорогая!

Но вдругъ вспылившая Оксана съ неудержимой жестокостью разрушила его иллюзію.

— Опять!? Вы—опять?!—громко, хрипло и злобно выкрикнула она.—Опять: Ксенія!? Я вамъ не Ксенія, а Оксана! Вы—сколько разъ обѣщались. Нужно вамъ Ксенію, и ступайте къ ней. Она барышня, а я—Оксана, мужичка! Съ ними вы—вонъ какъ. А со мной: „Оксана! Квасу! Оксана! побриться!“ Ну и идите къ нимъ. А я не хочу. Не надо совсѣмъ, убирайтесь.

Какъ только-что проснувшійся, Павелъ глядѣлъ на Оксану. На ея покраснѣвшее отъ гнѣва лицо съ полувыпуклыми, коровьими, какъ мгновенно опредѣлилъ онъ сейчасъ, глазами на высокую грудь, на наливныя подъ прозрачными рукавами плечи. Глядѣлъ равнодушно, немного недоброжелательно. Подъ его взглядомъ Оксана стихла, съежилась. А онъ поднялся съ диванчика и медленно пошелъ къ двери. Тогда Оксанѣ стало страшно разстаться съ нимъ послѣ того, какъ онъ разсердился, можетъ быть, обидѣлся.

— Куда же вы?—испуганно остановила она.

Павелъ шелъ, не отвѣчая.

Оксана прыжкомъ бросилась къ двери и очутилась на дорогѣ, заграждая путь.

— Куда вы? Павелъ Алексѣевичъ... Баринъ? Вы сердитесь? Я не буду больше.

У нея былъ видъ провинившейся, но не избитой за свою вину преданной собаки. Она была готова на все, лишь бы удержать его. Пускай даже думаетъ, что это не она, а другая. Та —другая... какая-то, вѣрно, барышня, которая знать его не хочетъ... можетъ, смѣется надъ нимъ. Не Оксана, а та, Ксенія. Пусть все, что угодно. Но лишь бы не уходилъ, остался. Чтобы опять сталъ ласковымъ, непохожимъ на себя такимъ особеннымъ, какъ былъ только-что. Чтобы гладилъ ея руки и повторялъ: „Ксенія... ахъ, Ксенія“...

— Баринъ, Павелъ Алексѣевичъ. Не уходите.

— Оставь, Оксана. Пусти меня.

Оксана заплакала.

Слезъ не переносилъ Павелъ Алексѣевичъ, и теперь слезы были кстати. Онъ смягчился тотчасъ же.

— Оксана, да что съ тобой?—сказалъ онъ, уже вполнѣ владѣя собою.—Что это, право? Хуже ребенка. Истеричкой становишься. То прогоняешь, то плачешь: не уходите. Ну, я не уйду, не уйду... не ухожу, видишь? Перестань только. Вѣдь я не хотѣлъ уходить, сама же прогнала?

Онъ вернулся къ диванчику.

— А вы зачѣмъ меня опять: „Ксенія“ зовете? Я-жъ просила васъ? Я—Оксана.

— А затѣмъ, что не люблю коверкать твое имя.

— Да—а. Всегда говорите: Оксана. А тутъ: Ксе-ні-яа. Не нравится Оксана, зовите всегда Ксенія.

— И звалъ бы всегда. Съ удовольствіемъ. Но...—Павелъ, запнулся и договорилъ, рѣшившись на самое рискованное, наиболѣе опасное средство:

— Но вѣдь Ксенія Викторовна—тоже Ксенія? И ты же должна сама понимать... Въ большихъ домахъ нельзя звать однимъ именемъ и хозяйку и... тебя, напримѣръ. Ну, поняла? Поняла, почему не зову всегда?

Онъ говорилъ успокоительно, съ полнымъ самообладаніемъ. Оксана съ пылающими щеками кивнула головой. Но глаза ея были опущены внизъ, она прятала ихъ, чтобъ не выдать свое подозрительное недовѣріе.

— Поняла, Павелъ Алексѣевичъ. Не сердитесь. Я не буду больше. Вы не сердитесь? Ну, скажите.

— Да не сержусь я. Не сержусь нисколько. Довольно Оксана. Какая ты, право, нервная. Вонъ уже разсвѣтъ за ставнями. А ты все не спишь.

Не спала въ эту ночь и Ксенія Викторовна. За обѣдомъ ее разстроилъ мужъ, передъ вечеромъ—цыганка. Впечатлѣнія дня отслоились въ душѣ и угнетали. Слова цыганки, непонятныя для другихъ, много сказали самой Ксеніи Викторовнѣ, коснулись съ безпощадностью ясновидца самыхъ сокровенныхъ сторонъ ея интимной жизни, испугали пророческой угрозой.

Горничная Малаша закрыла окна, притворила извнутри ставни на окнахъ въ нарядной спальнѣ Ксеніи Викторовны Спустила сторы, помогла Ксеніи Викторовнѣ снять платье и корсетъ, накинула на нее зеленый батистовый халатикъ съ рисункомъ въ персидскомъ вкусѣ, расшнуровала сквозные переплеты ботинокъ, надвинула на ноги мягкія туфли изъ зеленаго сафьяна.

— Причесать на ночь?—спросила она.

— Нѣтъ, я сама. Больше ничего. Идите.

Ксенія Викторовна заперла за Малашей дверь. Походила въ задумчивости по спальной, неслышно ступая по блеклосѣрому ковру въ розоватыхъ и палевыхъ розахъ. Она не переставала думать о цыганкѣ.

— Но не могла же она знать? Да и откуда? Здѣсь никто не знаетъ. Значитъ, что же? Ясновидѣнье? Предсказаніе?

Дѣлалось жутко, холодѣли руки, хотѣлось отвлечься отъ этихъ мыслей; Ксенія Викторовна приблизилась къ трюмо, зажгла у зеркала электрическія лампочки, поглядѣла на себя

въ зеркало прямо и въ профиль, вынула изъ волосъ осыпанныя гранатами гребенки и шпильки, аккуратно сложила ихъ у трюмо на колоннкѣ. Послѣ тряхнула нѣсколько разъ головой, расправила пальцами разсыпавшіеся по спинѣ и по плечамъ волосы, еще разъ провела по волосамъ, распутывая ихъ, руками потянулась къ полочкѣ сбоку, чтобы достать гребень, да такъ и замерла, перегнувшись. Въ трюмясно отражался Арсеній Алексѣевичъ. Онъ стоялъ тамъ, сзади, въ глубинѣ комнаты, въ щели между шкафикомъ ампиръ и угломъ камина. Стоялъ недвижимо, въ притаившейся, словно что-то подстерегающей позѣ. Истомленное, поблѣднѣвшее лицо, сжатыя губы и челюсти и неподвижность... неподвижность каменная.

— Призракъ, — не подумала, а скорѣе ощутила Ксенія Викторовна.

Потомъ ихъ глаза встрѣтились въ зеркалѣ, взгляды скрестились и отразили на лицѣ Ксеніи дикій ужасъ, у Арсенія Алексѣевича—смущенность и тревогу.

Призракъ поспѣшно отдѣлился отъ стѣны, подбѣжалъ къ зеркалу.

— Не пугайся, Ксенаша. Это — я. Живой я, не призрачный.

— Арсеній?

— Ну, я. А то--кто же? Живой, не бойся.

— Но... ты же... въ городѣ?—не понимая, что говоритъ, произнесла Ксенія.

— Значитъ, нѣтъ... если стою возлѣ тебя. Вернулся съ полпути. Раздумалъ. Приди въ себя, Ксеничка, успокойся.

— Онъ обнялъ Ксенію Викторовну, отвелъ отъ зеркала и посадилъ на софу. Пошелъ за альковъ къ кровати, принесъ оттуда стаканъ съ водою.

— Ксенаша. Да напейся ты. Какъ ты дрожишь. Опомнись. Ну, что это?

Ксенія напилась и опомнилась.

— Какъ ты напугалъ меня, Арсеній.

— Виноватъ. Прости. Я не хотѣлъ. Не ждалъ, что увидишь.

— Не ждалъ?

Ксенія Викторовна, что-то медлительно соображая, привстала съ софы.

— Такъ чего же ты хотѣлъ? Чего ждалъ тамъ, въ углу?— гнѣвно крикнула она, выпрямляясь. — А, понимаю. Опять караулилъ? Вернулся съ полпути, пробрался сюда... Хотѣлъ прослѣдить, не впущу ли любовника? Кого же? Кого? Артура? Жюля? Или кого-нибудь изъ лакеевъ?

— Ксенаша...

— Нечего, нечего! Довольно я прощала. Теперь изъ-за Артура, я видѣла... поняла за обѣдомъ. Боже мой, да когда же конецъ этому!

— Ну, я виноватъ. Прости меня. И на этотъ разъ прости...

— Надоѣло мнѣ прощать! Довольно. Твои сцены... Твои упреки... Безъ конца, безъ конца. Каждый день, каждый часъ новыя варіаціи.

— Но если это моя болѣзнь... мое проклятье? Имѣй же и ко мнѣ хоть жалость, если не снисхожденіе. Развѣ я самъ не страдаю? Не извожусь? Не мучусь? Если бы ты знала... Я вижу предъ собой до того реально... Ты и онъ... Такія отвратительныя, чудовищно-гнусныя картины... И мнѣ такъ больно... Надо же пожалѣть и меня, Ксенаша.

— А меня кто-нибудь жалѣетъ?

— Я. Всегда. Постоянно. Даже когда терзаю... когда наиболѣе оскорбляю тебя.

— Спасибо за ласку.

Ксенія иронически разсмѣялась. Хотѣла встать и отойти, но Арсеній Алексѣевичъ удержалъ ее за руки. Съ усиліемъ посадилъ на софу обратно, сѣлъ на полу у ея ногъ, продолжая держать за руки.

— Ну, будетъ. Ксенаша, ласточка, зоренька моя, ненаглядная. Я опять обидѣлъ тебя. Но это же болѣзнь, ты знаешь. Какъ винить человѣка за то, что онъ боленъ?

— Однако, человѣкъ не бьется головой о стѣну отъ того, что онъ боленъ.

— Не бьется? Почемъ ты знаешь? А можетъ, бьется и не разъ? Можетъ, и сегодня бился? Это — такое страданье... Если бы ты могла понять! Нечеловѣческое! Ты добрая, сжалилась бы... Разъ навсегда простила бы.

— Не могу. Слишкомъ обидно. Тебѣ не слѣдовало жениться.

— Если бы зналъ раньше, что во мнѣ сидитъ это проклятье... ни за что бы, никогда, ни на комъ не женился.

— А я на твоемъ мѣстѣ... если бы я считала, что у моей жены такія наклонности потаскушки, какъ ты про меня думаешь... ни за что не стала бы жить съ нею.

— Кающагося не бьютъ, Ксеничка. Я призналъ себя виноватымъ.

— А мнѣ, думаешь, легче отъ этого? Завтра опять провинишься. И опять будешь каяться.

— Не буду. И сегодня ничего не было бы. Дядя днемъ разжегъ во мнѣ это. Какъ началъ, какъ началъ...

— Дядя!? Ты способенъ придать значеніе даже его словамъ? Онъ нарочно говоритъ. Отъ скуки издѣвается надъ всѣми. А ты...

— Я цѣну дядѣ не хуже тебя знаю. Но знаю и другое.

— Интересно узнать и мнѣ, наконецъ, что?

— А то, что ты кокетка. Потайная... Почему, чуть ли не каждый мужчина съ вожделѣніемъ пялитъ на тебя глаза?

— Въ твоемъ воображеніи.

— Нѣтъ, нѣтъ... Мое воображеніе не при чемъ тутъ. Это фактъ. И ты знаешь, что правда. Почему съ другими женщинами,—тоже красивыми,—не бываетъ этого? По крайней мѣрѣ, въ такой степени? Потому что каждый угадываетъ твою чувственность. Это и привлекаетъ къ тебѣ всякаго.

— Въ твоемъ воображеніи.

— Не дразни меня. Плохо будетъ.

— Опять? Господи... Арсеній! Да прослѣди всю мою жизнь съ тобою. Съ перваго дня. Былъ ли хоть крошечный поводъ къ подозрѣнью?

— Поводовъ, можетъ, и не было. Не знаю. Они, можетъ, и воображались мною. Но почва для нихъ была, есть и будетъ. Воздѣланная, глубокая...

— Какая? Какая, спрашиваю я у тебя!

— Не будешь ли ты увѣрять, что вышла за меня по пламенной любви?

— Ахъ, вотъ что. Но и ты же не по любви женился? Всего два-три раза видѣлъ меня до того. Не было времени воспламениться. Женился оттого, что нашелъ подходящей для себя партіей. А я же не подозрѣваю тебя ни въ какихъ мерзостяхъ? Я не говорю, что выходила по любви. Мама тяготилась мною, оставляла въ тѣни, хотѣла спихнуть съ рукъ скорѣе. Ей самой еще жить хотѣлось... а тутъ я, живая улика ея возраста. Я ей мѣшала. Меня держали въ черномъ тѣлѣ, тяжело было. Ты заговорилъ по человѣчески, я и тому была рада. Но послѣ... развѣ послѣ я не любила тебя?

— О, какъ ты всегда хорошо скрывала это!

— Ты несправедливъ. Въ чемъ я не уступала тебѣ? Въ чемъ отказала за эти десять лѣтъ? Даже прихоти твои, даже...

— Не хочешь ли ты напомнить, что вотъ и домъ этотъ,— въ которомъ я, извергъ, терзаю тебя, невинную жертву,— даже и онъ возведенъ на средства жертвы?

— Стыдись, Арсеній. Домъ возведенъ для дѣтей нашихъ. Они не только твои, а и мои дѣти. Я не о домѣ. Я хотѣла сказать... что и всячески старалась украсить нашу жизнь. Сдѣлать ее теплѣе, сердечнѣе. Скрыть отъ всѣхъ все, что портитъ ее. Я иду на всѣ уступки. На всѣ рѣшительно. Отъ пустяковъ до крупнаго. Ты не хотѣлъ, чтобы я играла и пѣла...

— О-о? Еще что? Еще какая жертва возложена тобою на алтарь семьи?

— Не о жертвахъ рѣчь, объ уступчивости. Тебѣ непріятно было, что я пою и играю...

— Еще бы. Какому мужу пріятно, если жена его завываетъ съ любымъ встрѣчнымъ лоботрясомъ: „Такъ и рвутся уста навстрѣчу дрожащимъ устамъ"?

— Ничего подобнаго я не завывала.

— А твоя игра въ четыре руки съ Химичевымъ?

— Онъ серьезный музыкантъ. И никогда не относился ко мнѣ, какъ къ женщинѣ.

— Не вѣрю я въ вашу серьезную музыку.

— Пусть такъ. Ты не хотѣлъ, чтобы я играла? Я подчинилась. Сколько лѣтъ не прикасаюсь къ клавишамъ. А я любила играть, Арсеній.

— Умиленъ столь тяжкой жертвой.

— Дальше...

— Есть и дальше?

— Есть. Много есть. Тебѣ непріятно было, что я танцую.

— Еще бы. Обниматься на моихъ глазахъ со всякимъ болваномъ!

— Но это принято во всемъ мірѣ? Ну, дѣло не въ томъ. Я съ удовольствіемъ плясала... Но оставила и танцы. Навсегда. Нигдѣ не танцую. Не выѣзжаю никуда, гдѣ надо быть декольтированной. Въ самую большую жару не надѣну ничего прозрачнаго. Мы живемъ, какъ въ монастырѣ. Никто чужой не бываетъ у насъ, и все таки ты недоволенъ?

— Я же говорю: тиранъ, деспотъ, извергъ, злодѣй, Отелло... Есть и еще продолженіе?

— О, есть. Я съ мелочей начала. Ты отстранилъ меня отъ дѣтей. Какъ ни больно было, я подчинилась. Замѣть: подчинилась, хотя не раздѣляю твоихъ взглядовъ на воспитаніе. По моему, ласку, нѣжность ничто не замѣнитъ для ребенка, я сама выросла безъ этого. Знаю, какъ больно. Но ты захотѣлъ, и дѣти не у меня, а у Артура. Какъ я не люблю этого человѣка. Онъ словно отнялъ у меня самое дорогое. Точно обсчиталъ меня въ чемъ-то. Съ наслажденіемъ вышвырнула бы его изъ нашего дома. Чтобы не выламывалъ души моимъ дѣтямъ. А ты...

— Ксенаша... довольно!

— Нѣтъ, мало. Еще не все, еще мало. Ты поступаешь со мной, какъ съ послѣдней тварью. И это—единственный близкій мнѣ человѣкъ? Отецъ моихъ дѣтей... Мой мужъ, такъ сказать, защитникъ.

— Остановись. Будетъ. Мнѣ больно. Я не могу больше.

— А мнѣ не больно? И я не могу больше. Не могу тер-

пѣть молча. За что я должна переносить такія униженія? Гдѣ бы мы ни были, кто бы у насъ ни былъ, я вѣчно, какъ на иголкахъ. Неувѣрена въ себѣ. То ли я говорю, то ли дѣлаю? Не показалось бы тебѣ что подозрительнымъ. Я не знаю, куда смотрѣть, потому что ты слѣдишь за моимъ взглядомъ. Не знаю, отвѣчать ли, когда со мной заговариваютъ. Вѣдь потомъ за каждое слово, за каждый случайный вздохъ, за взглядъ—придется держать отвѣтъ, выносить сцены. Я одичала, стала бояться людей. Мнѣ уже въ тягость общество. Наконецъ...

— Но, Ксенаша, голубка... Ну, умоляю тебя, пощади. Не надо остальныхъ „дальше". Ихъ можно насчитать много, я признаю. Но надо же снисходить къ...

— А развѣ я не снисхожу? Не стараюсь все понять, все сгладить?

— Что жъ мнѣ дѣлать, если это сильнѣе меня? Не осуждай строго. Я такъ люблю тебя. Такъ хочу понимать тебя всю, безъ остатка. Знать каждую мысль твою, каждую мечту, причину каждаго вздоха, чтобы все принадлежало мнѣ, одному мнѣ... Ты иногда задумаешься и молчишь, а на губахъ улыбка. Будто мечтаешь о чемъ-то. А я не знаю, о чемъ. И не узнаю никогда, вотъ что убійственно: этотъ иной, замкнутый въ себѣ, цѣлый міръ отдѣльный. Въ человѣкѣ, съ которымъ я слился во едино, къ которому приросъ неразрывно. Кажется, размозжилъ бы себѣ или тебѣ голову, лишь бы узнать: да что же тамъ? О чемъ она думаетъ? Гдѣ витаетъ? Что въ ея душѣ таится? Ну, скажи, о чемъ ты мечтаешь? Вотъ такъ, наединѣ съ собою?

— О покоѣ, Арсеній.

— Не можетъ быть. Ты неискрення и теперь. И теперь не говоришь правды. Ты черезчуръ молода, чтобы думать о покоѣ.

— Это оттого, что я никогда не знала его. Мечтаемъ всегда о недостижимомъ.

— Ксенаша, дѣточка моя, ты несчастлива со мною? Я измучилъ тебя. И продолжаю мучить. Да, да, сознаю и не смогу сдѣлать тебя счастливой. Одно то, что ты шла за меня, не любя... Что ты какъ бы заставляешь себя переносить меня, ласки мои и недостатки... Нѣтъ, тебѣ не понять этого. Вѣдь что такое ревность? Боязнь утраты. Боязнь потерять близкаго человѣка. Его любовь, его присутствіе, его покорность.

— Я понимаю. Но чего ты хочешь? Есть ли хоть одна сторонка въ моей жизни, устроенная по моему, а не по твоему вкусу? Нѣтъ, нѣту. И, однако, ты недоволенъ. Все, что у меня есть,—все твое. Даже жизнь моя, здоровье. И ихъ я ставлю на карту, лишь бы ты былъ доволенъ. Ты не хочешь

больше дѣтей, не хочешь дробить имѣніе? Я подчиняюсь и тутъ. Сколько операцій за эти послѣдніе годы? Въ такое короткое время. А мнѣ такъ хотѣлось имѣть дѣвочку. Ужъ ее бы не отняли у меня для Артура. Но ты сказалъ: какая гарантія, что будетъ дѣвочка, а не мальчикъ? И я согласилась. Да, гарантіи быть не можетъ. Все, все по твоему. Я подвергаю себя смертельной опасности, лишь бы...

— Но, Ксенаша? Вѣдь профессоръ...

— Что-жъ профессоръ? И профессоръ говоритъ то же. У меня желѣзное здоровье, но и для него есть предѣлы. Ткани дряблѣютъ, надрывается организмъ. Нельзя насиловать его до безконечности. Вотъ, перебои сердца появились... Откуда? У меня было богатырское сердце. Никогда не чувствовала, есть оно или нѣтъ. А теперь перебои. Ты говоришь: нервное? Хорошо, допустимъ, но откуда они? Я не хочу больше этого риска. А ты подозрѣваешь гадость. Будто я жажду научиться секретнымъ средствамъ. Чтобы измѣнять тебѣ съ безопасностью. Вѣдь я знаю: ты не позволилъ профессору...

— Опять упрекъ? Я же просилъ: довольно корить, не будь жестокой. Когда ты хвораешь въ Х.,—развѣ я мало терзаюсь? Сколько страха. Какая жалость къ тебѣ. Какія угрызенья. Не для меня же это? Все для нихъ, для дѣтей. Для ихъ будущаго. Я сѣдѣть началъ изъ-за тѣхъ операцій.

— Лучше бы ты не сѣдѣлъ, Арсеній. А вотъ странно, я забыла разсказать тебѣ. Передъ вечеромъ была здѣсь цыганка. Въ паркѣ. Взялась гадать мнѣ и сказала: „если загубишь, сама загинешь“. Ты понимаешь? Поразительно вѣдь? Правда? Мнѣ стало очень жутко.

— Вотъ ерунда. Какъ она проникла сюда? Чего Ефремъ смотрѣлъ? Собаками бы ее.

— Эхъ ты... помѣщикъ. Собаками... Однако, день на дворѣ? Уже четыре. Я такъ устала. Вся, вся разбита. По всѣмъ швамъ, по всѣмъ суставамъ. И голова кружится...

— Помочь тебѣ раздѣться?

— Не надо. Я сама. Уходи, Арсеній. У тебя сѣнокосъ сегодня. Иди, тебѣ пора. А я вся, вся разбита.

Сѣнокосъ былъ въ разгарѣ.

Звенѣли, сверкая, на лугахъ косы, косили траву въ старомъ паркѣ.

Рано утромъ шелъ купаться Павелъ Алексѣевичъ, пока не исчезла ночная свѣжесть въ водѣ и въ воздухѣ. Онъ любилъ купаться на открытомъ мѣстѣ и по утрамъ ходилъ не въ купальни,—что стояли у подножія молодого парка,—а подальше, на песчаную косу за поворотомъ рѣки. Дыша-

лось пока свѣжо. Въ тѣни надъ прудами висѣлъ туманъ, какъ сплошное облако. И надъ струистой рѣкою подъ солнцемъ еще не разсѣялся паръ, похожій на золотой дымокъ, хотя уже отдѣлился отъ поверхности воды. Тѣнисто было въ аллеяхъ, поблескивала роса на травѣ, на нескошенныхъ пока полянахъ еще не свернулся отъ солнца нѣжно-голубой цикорій. Напоминая звуки флейты, посвистывали вблизи Вадимовой пасѣки иволги. Горлинка по утреннему безъ умолку и передышки, укоризненно и сокрушенно повторяла свое настойчивое: кру-кру-кру...

Въ мѣшковатомъ полотняномъ пиджакѣ, въ смятой ночной рубахѣ, безъ жилета и на распошку, благодушествовалъ на свободѣ Павелъ,—уже подбодренный утреннимъ впрыскиваньемъ. Онъ отперъ калитку у воротъ, вышелъ на дорогу и остановился, глядя въ даль. По дорогѣ кто-то катилъ въ отдаленьи, коляска сдѣлала поворотъ съ большой дороги къ парку. Павелъ Алексѣевичъ приложилъ къ глазамъ козырькомъ руку.

— Не Вадимъ ли раздумалъ за-границу.

Но солнце на новомъ изгибѣ дороги освѣтило за спиной кучера, три дамскихъ шляпки, цвѣтныхъ и пестрыхъ, какъ громадныя бабочки. Одна изъ шляпъ,—бѣлая, съ серебрянобѣлыми блестками, похожая на опрокинутый ушатъ,—взвилась съ головы въ воздухъ и привѣтственно заколыхалась.

— Марго!—крикнулъ Павелъ громко и радостно. Онъ тоже замахалъ въ воздухѣ мохнатой, толстой простыней и своей панамой. Изъ свернутой простыни летѣли на землю полотенце, мыло, гребешокъ, мочала. Павелъ, не видя этого, смѣшно топтался на мѣстѣ, размахивая простыней и шляпой.

— Марго, Марго! Маргоша...

Коляска приближалась. Уже были видны лица Марго, Жюстины и Агриппины Аркадьевны. Доносился знакомый голосъ Марго.

— Павликъ! Павля! Поль, Павлуша, Павленька.. Павла, братъ мой возлюбленный...

Еще мигъ—и Марго выпрыгнула изъ экипажа.

— Павликъ! Павля, Поленька, здравствуй. Все такой же неповоротливый? Мой моржикъ, кубикъ, тюлень, крокодилъ... Рыба-китъ, слоникъ...

Марго безъ шляпы, запыхавшись отъ крика,—небольшая стройная, ловкая,—висѣла у Павла Алексѣевича на шеѣ, теребила его во всѣ стороны, цѣлуя куда попало. Вся она была въ бѣломъ съ русскими прошивками; бѣлое манто, юбка и блузочка, припыленныя въ пути. Мать оставалась въ коляскѣ, по обыкновенію непостижимо-молодая. Недаромъ звали ее въ Натальинскомъ уѣздѣ Иммортелькой: она не увядала.

Даже, какъ будто, стала съ прошлаго года еще моложе, розовѣе. Или это падала на ея лицо тѣнь отъ блекло-розовой газовой шляпки съ розовыми лентами, завязанными подъ подбородкомъ? Въ тускло-розовомъ легкомъ платьицѣ не то ампиръ, не то директуаръ съ поясочкомъ подъ грудью, безъ единой морщинки на лицѣ, высокая и худощавая, съ такой тонкой таліей, что, по сравненію съ нею, фигурка Марго кажется болѣе возмужалой,—мать все та же, какой помнятъ ее дѣти лѣтъ двадцать назадъ. Тѣ же волосы, выкрашенные въ прошлогодній угольно-черный и угольно-ровный, красивый цвѣтъ. Тѣ же, какъ изъ мелкихъ жемчуговъ, зубы, тотъ же голосокъ и смѣхъ. Все тѣ же искусственно-юношескія, вошедшія въ привычку живыя движенія, прежнее щебетанье, заученныя улыбки, нарочитыя съуживанья миндалевидныхъ глазъ...

Павелъ съ трудомъ освободился отъ Марго и подошелъ къ коляскѣ, поздороваться съ матерью. Приложился къ ея душистой рукѣ, обтянутой ажурной, блекло-розовой митенкой. Поцѣловалъ руку почтительно, но холодновато.

— Здравствуй, Павелъ. Какъ живешь? Богъ мой, на кого онъ похожъ? Опять потолстѣлъ. Еще больше. Небритый, нечесанный, распоясанный... Совсѣмъ хулиганъ какой-то.

— Не ожидалъ встрѣтить васъ, мама. Отчего не телеграфировали? Выслали бы экипажи.

— Да мы такъ внезапно собрались. Москиты одолѣли въ Алупкѣ. Въ одинъ день собрались.

— Мама хотѣла телеграфировать, я удержала. Съ тѣхъ поръ, какъ у Арсенія конскій заводъ, у него лучше не спрашивать лошадей. Я ужъ замѣтила: у кого заводъ, тому всегда лошадей жалко.

— Садись, Маргоша,—попросила Агриппина Аркадьевна съ нетерпѣніемъ.—Спать адски хочется. Еле ворочаю языкомъ. Могу не доѣсть, не допить, но не доспать—выше силъ моихъ. На разсвѣтѣ вышли изъ вагона. Что за варварское расписанье! Садись, Марго. Ѣдемъ.

— Я, мамочка, пѣшкомъ приду? Я потомъ... съ Павликомъ.

— Трогай, извозчикъ.

Экипажъ двинулся.

— Ты куда, Павля?

— На косу купаться.

— Ухъ, и я бы выкупалась. Жаль, не взяла полотенца. Въ баулѣ у меня сверху. Извозчикъ, подожди! Останови его, Павликъ.

— Не стоитъ. Возьми мою простыню. Чистая.

— А ты какъ?

— Со мной еще полотенце. Собрать вотъ надо. Какъ тебя увидѣлъ, все растерялъ на радостяхъ.

— Павликъ... милый.

— Тебя назадъ свести? Къ купальнямъ?

— Не на косу же.

Повернули назадъ къ парку.

— Павля, голубчикъ... какъ я рада тебѣ!

— Безсовѣстная Маргошка. Не пріѣзжала два года. Зиму цѣлую ни слуху, ни духу. Какъ въ воду канула. Хотя бы мнѣ написала.

— Ага? Тебѣ напиши—и всѣ узнали бы, гдѣ я. А я не хотѣла.

— Это я бы предалъ тебя? Да я за тебя...

— Знаю. А все-жъ боялась. Могло всплыть помимо тебя. Какъ-нибудь случайно. Въ прошломъ году не могла пріѣхать, постройкой была занята. Виллу свою строила въ Одессѣ. Ухъ, и влетѣла я съ нею, Павликъ. Ну да послѣ... потомъ разскажу. Слушай, что это у насъ на кладбищѣ? Церковь построили?

— Какую церковь. Всего часовню. Родовую усыпальницу воздвигъ Арсеній.

— На королевскій манеръ?

— Въ миніатюрѣ. Можемъ всѣ помирать, безпрепятственно. Всѣмъ хватитъ мѣста. Склепъ внизу на подобіе манежа.

— Давно готова?

— Еще осенью освятили. Внутри художникъ расписывалъ. Васнецовскія копіи. И старыя могилы отца, дѣда, бабушекъ,—всѣ приведены въ порядокъ. Видишь, какіе памятники, цвѣтники? Все лѣто прошлое кипѣла работа.

— Рѣшетка кругомъ изящная.

— Четыре тысячи одна она стоитъ.

Марго, вздохнувъ, юмористически тряхнула каштановыми завитками своей прически.

— Блажь,—сказала она.—Въ родѣ моей одесской виллы. Или замка Арсенія. Ну, къ чему замокъ съ башнями надъ Горлею?

Павелъ улыбнулся. Они обогнули прилегающее къ парку кладбище и вошли въ ворота.

— Ахъ, Павликъ... но какъ же я рада тебѣ!

— А я?

— Хочется все поскорѣй разсказать. А съ чего начать и сама не знаю. Ну, ты слышалъ, конечно. Я своего Постромцева въ трубу. Тю-тю. По боку. Къ чорту!

Марго быстро, будто что-то вычеркивая, провела рукой передъ своимъ лицомъ и глазами Павла.

— А чертыхаться все не разучилась?

— Ууу! Еще лучше умѣю. Но сдерживаюсь теперь. Теперь я въ обществѣ такая приличная. Прямо не узнать. Слѣжу за собою. Знаешь, какъ я невоздержна на языкъ? Бывало, такое ляпну... дядя отставной гусаръ,—и тотъ чуть не краснѣетъ. А посмотрѣлъ бы ты теперь меня на людяхъ. Все молчу, молчу... будто нѣмая. Неудобно, знаешь. Соломенная вдова, щекотливое положеніе... И что бы я ни выкидывала, со мной ничего нельзя себѣ позволить. А тутъ всякая дрянь на тебя, какъ на легкую добычу, смотритъ.

— Правильно, Маргоша. Не дальше, какъ въ воскресенье. дядя мнѣ репримандъ читалъ. По поводу Оксаны моей. Дѣвка, говоритъ,—неэстетично, вульгарно. Для этого есть, говоритъ, жены разныя, не живущія съ мужьями. Ея дѣти — дѣти ея мужа, сама же она изящнѣе простой бабы.

— А, старый эротоманъ! Живъ еще?

— Что ему?.. Насъ переживетъ. Такъ Постромцева въ тиражъ? Рѣшительно?

— Къ чорту, къ чорту! Безповоротно. Денегъ отъ меня такъ и не получилъ до конца. Ни сантима. На зло ему все на свою виллу простроила. А вилла, Павликъ, несуразная. По образцу одного изъ шале королевы Викторіи. Но пшикъ вышелъ. Надули меня съ участкомъ. Дрянь участокъ, въ этомъ мѣстѣ кругомъ земля ползетъ въ море. Года черезъ два можетъ ничего не остаться. Все будетъ въ морѣ. Уже и сейчасъ дачники не снимаютъ, боятся обваловъ. Но — пусть. Въ море выброшу, а Постромцеву ни сантима. Ничего. Вотъ: кукишъ. Выкуси.

— Марго!

— Чего ты? Мар-го-о... А онъ хорошъ? Пусть выкуситъ. Ага? А что? Женился на богатой? Обошелъ влюбленную Маргошку? Получай, мой ангелъ. У, дрянь какая. Я не изъ жадности, Павликъ. Ты же знаешь. Я и жадность? Огонь и вода. У меня хуже, чѣмъ у мамы, все сквозь пальцы плыветъ. Но обидно мнѣ. Какъ? Я его,—дурня,—люблю, а онъ мнѣ: денегъ?! Ахъ ты... чортъ бы тебя побралъ. Мразь подлую... Да убирайся ко всѣмъ чертямъ, чтобы и духу твоего подлѣ меня не было! Къ счастью, дѣтей нѣтъ. Вдругъ удались бы въ папашеньку? Брръ... Одна мысль въ дрожь вгоняетъ. Кабаки, карты, лошади, скачки, женщины... Очень милый фруктецъ. А я одна, какъ старый пень, дома сижу. Дни и ночи одна. Подумай самъ, Павля, на что онъ мнѣ, ананасъ такой? Къ чорту, понятно. А какія онъ мнѣ сцены устраивалъ. Горящими лампами въ меня швырялъ.

— Негодяй.

— Ну, и я, положимъ, не оставалась въ долгу. Тоже и

я съ коготкомъ. Если захочу кому насолить... ну, сумѣю. Онъ у меня въ синякахъ, какъ свинья въ репеяхъ, ходилъ. У меня свой методъ: скокъ — прямо въ глаза съ ногтями.

— Маргоша... ты ли это?

— Я, я, Павля. Не ужасайся.

— Разводъ тебѣ взять слѣдуетъ.

— Вотъ этого то мнѣ бы и не хотѣлось.

— Значитъ, думаешь опять?...

— Ничего не значитъ. Къ нему опять? Ни за какія ковриги. Съ голоду помру, не вернусь. Да онъ уже и безразличенъ для меня. Давно. Какъ вонъ дерево это. Вытравила я въ себѣ къ нему всѣ чувства. Сошелся, говорятъ, съ кѣмъ-то. Мнѣ на досаду. Тоже со средствами дура. А я услышала, даже сердце не екнуло. Не завидую ей, ни въ какомъ отношеніи. Лгунишка, фатъ, пустельга, мелкота, ничтожество. Убила дура бобра. Я—одна; она—другая. А развода не дамъ. Не дамъ на пакость. Потанцуй у меня. Поищи невѣстъ богатыхъ. Не дамъ, не дамъ. Все равно, онъ никого не осчастливитъ? На комъ бы ни женился.

— Тебѣ-то до него что? Тебѣ бы самой освободиться?

— Да я не хочу освобождаться вовсе. Боюсь опять надѣлать глупостей. А такъ я бронирована. Въ любовницы не пойду изъ самолюбія. Замужъ — нельзя. Отлично. Для меня же лучше, чтобы были преграды. Я — ненадежная... Хоть бы постарѣть скорѣе. Мнѣ бы только до сорока лѣтъ добраться. Тамъ ужъ не страшно. Не будетъ искушенія. Я сама не надѣюсь на себя. Боюсь споткнуться. Хорошо разсуждать да философствовать, пока никто не нравится. До перваго увлеченія. А начнетъ ухаживать, да еще настойчиво, кто-нибудь, кто понравится... тогда трудно. Тогда какъ бы моя философія кувыркомъ не полетѣла. Сердце у меня привязчивое, легко разбухаетъ отъ нѣжности. Я и то ужъ оберегаю его. Какъ поймаю себя разъ два на мысли увидѣть бы такого-то,—такъ и начинаю избѣгать. Умышленно, систематично. За себя боюсь, Павликъ. Не влетѣть бы опять. Вѣдь себѣ дороже стоитъ.

— А финансы твои какъ?

— У, скверно. Очень, знаешь, трудно. Свободной наличности—никакой. Имущества—одна вилла на Маломъ Фонтанѣ, и та—бездоходная.

— Бери у меня, сколько надо.

— О, Павликъ. Ты все тотъ же... славный? Нѣтъ, спасибо. Будетъ обирать тебя.

— А куда мнѣ? Своей части все равно не проживаю.

— Нѣтъ. Не хочу. Обойдусь. Можетъ, еще и дача не провалится. Потомъ работать буду.

— Ты? Работать?

— Ухъ, какъ презрительно. Да вѣдь я и эту зиму вовсе не за границей была. Я на сценѣ служила.

— Что ты говоришь?

— Только это секретъ, Павликъ. Отъ всѣхъ, отъ всѣхъ. Тайна. Даже мама не знаетъ. Не приведи Богъ, Арсеній услышитъ. Убьетъ. Укокошитъ своею рукою. Какъ! Рожденная Неповоева? И вдругъ?.. Смотри, не проговорись, родненькій.

— Гдѣ-жъ ты служила?

— Какой у тебя оторопѣлый видъ, Павля. Ха... Смѣшно, ей Богу. Чего же ты испугался? Ну, служила. А гдѣ? Чортъ знаетъ гдѣ, собственно говоря. Въ С. Городъ губернскій, будто большой, а глушь. Дыра изрядная. И не понравилось мнѣ на сценѣ. Тошно вспомнить, не вернусь, вѣрно. Помнишь, какой успѣхъ я имѣла въ любительскихъ?

— Какъ же. Видѣлъ тебя въ Сорванцѣ. Очень недурно играла.

— Ай, ай, Павликъ. Лучше ударь меня... но не говори... не смѣй говорить этого слова!

— Что? Какого?

— Слова недурно. Никогда не произноси. Я ненавижу его. Пусть меня изругаютъ, повѣсятъ, высѣкутъ... но не говорятъ недурно. Не могу. Меня преслѣдуетъ это слово. Убиваетъ, жжетъ. У меня вездѣ, все, всегда—недурно. И никогда хорошо. Все по диллетантски. Я и картинку нарисую недурно, и Шопена сыграю тоже. Въ Одессѣ моего Шопена самъ Падеревскій хвалилъ. Спеціалистъ отъ Шопена, и тотъ сказалъ: недурно. Только техники, говоритъ, мало. Я и спою, и въ „Сорванцѣ“ выступлю. Но все лишь недурно, не больше того. Ты знаешь, Павелъ: я и писать могу. И тоже недурно. Какъ-то на своего Пострoмцева разозлилась, думаю: постой, я тебѣ покажу, что я такое! Взяла и написала повѣсть. Сгоряча, въ двѣ недѣли. Послала N.,—писатель вѣдь? Настоящій?

— Ого. И какой. Ну? Ну? Что же онъ?

— Да что? Все то же. Сказалъ и онъ: недурно. Написалъ мнѣ. Осторожно такъ... чтобы не завоображала лишняго. Недурно, говоритъ, у васъ вышло. И представь, передалъ напечатать! Въ журналъ, въ хорошій... И деньги заплатили. По семьдесятъ пять рублей съ печатнаго листа. Ей Богу.

— Молодчина, Марго. Честное слово, ты у насъ самая умная,

— Умная, умная... А кромѣ глупостей всю жизнь ничего больше не дѣлаю.

— Отчего жъ ты еще не пишешь? Это лучше сцены. Приличнѣе.

— Да такъ. Поостыла я. Тогда, послѣ повѣсти, и сама думала, что умная. Вотъ была счастлива. То есть, подвернись онъ мнѣ тогда, N. этотъ... зацѣловала бы его, кажется. А потомъ призадумалась. Начала соображать: чему я такъ радуюсь? Вѣдь это все то же, мое прежнее, старое недурно? Напишу еще десять, двадцать, сорокъ вещей, опять тоже? Немножко хуже, немножко лучше, а все лишь „недурно". Я и бросила. И безъ меня такихъ писакъ достаточно. Зачѣмъ у нихъ хлѣбъ отбивать? У меня хоть вилла въ Одессѣ. И въ Неповоевкѣ, и у мамы я всегда могу пріютиться, есть гдѣ голову преклонить. А у другой—такой, какъ я,—можетъ, теплаго пальто или калошъ купить не на что? Охъ, Павликъ, за это недурно я ненавижу себя. Чортъ бы его во мнѣ побралъ и меня съ нимъ вмѣстѣ!

Подошли къ купальнямъ.

Марго хотѣла спуститься внизъ по ступенямъ лѣстницы.

— Погоди,—остановилъ ее Павелъ.—Тебѣ съ того мостика сойти удобнѣе. Здѣсь мужская теперь. Глубоко.

Марго еще прошла по береговой дорожкѣ, Павелъ несъ за нею простыню.

— И на сценѣ, говоришь, не понравилось? — спросилъ онъ тихо.

Марго остановилась у вторыхъ сходней.

— На сценѣ еще туда-сюда... куда ни шло. За кулисами вредно. Сбродъ разный, амикошонство у нихъ, хамство. Не то, что вареную рыбу, селедку ѣдятъ съ ножа. Нравы я тебѣ скажу... дегенератскіе. Не говорятъ: я люблю, но: я васъ желаю. А? Вообрази, честь какая? Онъ—желаетъ? „Моя сезонная жена", „мы живемъ театральнымъ бракомъ",—это въ обиходѣ. Трудно и разобрать сразу, гдѣ чьи мужья и жены. Всѣ фамильярничаютъ со мною. Я вѣдь тамъ что? Актриса безъ имени, безъ покровителя. Всякій съ тобой за панибрата. Съ кондачка, свысока даже. „Дорогая моя". „Какіе у васъ глазки". „Заходите ко мнѣ въ гости"... Это со мной-то? А? Ахъ, дрянь какая. Вотъ дома всегда: Марго — чертыхается, у Марго жаргонъ гаменовъ, Марго — богема, Марго — отчаянная. А тамъ, представь себѣ... тамъ я на каждомъ шагу, во всякій моментъ чувствовала въ себѣ барыню! Здѣсь я васъ всѣхъ привожу въ ужасъ. Тамъ меня все шокируетъ, коробитъ. Зѣвнетъ кто-нибудь изъ братьевъ-актерщиковъ, потянется... мнѣ уже непріятно. То онъ спиной ко мнѣ сядетъ, то ковыряетъ при мнѣ въ зубахъ. А то еще,

въ моемъ присутствіи, разговаривая со мною, брюки на себѣ оправляетъ! А? Брюки?

— Маргоша, бѣдная. Вотъ попала.

— Тебѣ смѣшно, Павелъ! А мнѣ каково было? Я не привыкла. Мнѣ—вредно. Такъ бы и свиснула по уху!

— Или: „скокъ въ глаза съ ногтями"?

— У, съ наслажденіемъ. Ахъ ты, рвань подзаборная, шантрапа полосатая... Да какъ ты смѣешь у меня передъ носомъ брюки подтягивать? Ну, подумай, Павликъ! Я—дама; полузнакомая съ нимъ дама, а онъ—брюки?

— Ужасно.

— Нѣтъ, ты не смѣйся. Вникни. Вѣдь это свинство? Неуваженіе? Подтяжекъ нѣтъ у него, или, я не знаю...

— Скажи спасибо, что хоть не ухаживали за тобою.

— Этого я не боюсь. У меня своя тактика, въ мигъ отстанетъ. Система непониманія. Я не понимаю. Онъ и то, другое, и третье,—никакого дѣйствія. Не разумѣю, и все тутъ. Разозлится, рѣшитъ: „дура, отъ своего счастья бѣжитъ", плюнетъ и отойдетъ. Такъ, знаешь, лучше. Меньше враговъ наживаешь. Мужчины — тщеславные. Иной до смерти не проститъ любовнаго афронта. А такъ... что съ меня взять, если я глупая? Это отъ Бога.

— Но все-таки выдержала до конца сезона?

— Стыдно сбѣжать было. Самолюбіе не пускало. Взялась, думаю, такъ ужъ выдержу, дотерплю до конца. Денегъ у меня нѣтъ. Свои, какія взяла въ запасъ, растрынькала. Пораздавала, поистратила. А сборы плохіе. Мое жалованье маленькое, и то платятъ неаккуратно. Вѣришь-ли? Были дни, на чаѣ и на колбасѣ сидѣла. Или—картофель еще. Съ кильками.

— Маргоша!

— Ну, пожалуйста.. Безъ знаковъ восклицанія. Начнешь причитать, совсѣмъ не буду разсказывать ничего. И чай, и селедка, это—шелуха, мелочи. Изъ области физическихъ лишеній. Я такихъ лишеній не боюсь. Могу сводить на нѣтъ свои потребности. Было бы изъ-за чего. Плохо другое: не захватила сцена. За шелухой ядра не оказалось. А то бы я все претерпѣла. Не изъ-за чего страдать было. Весной къ мамѣ въ Кіевъ пріѣхала, она такъ и ахнула. Глаза провалились. Круги синіе—въ два пальца. Щеки — вотъ здѣсь— треугольникомъ. Знаешь, какъ у стариковъ? Отрепалась, обносилась вся. Мама стонетъ, монологи читаетъ. Романъ подозрѣваетъ за мной многотомный. Ты бы, говоритъ, къ доктору по женскимъ болѣзнямъ? А на кой онъ мнѣ чортъ, докторъ женскій? Меня покормить надо посытнѣе. Я зимовала съ драматической труппой, а мнѣ — доктора? Пока-то

откормили. Въ Алупкѣ ужъ отъ морскихъ ваннъ поправилась.

Послѣ купанья Павелъ Алексѣевичъ былъ готовъ раньше Марго. Порядочно времени пришлось прождать ее наверху въ аллеѣ.

Въ своей семьѣ больше всѣхъ любилъ онъ Марго. Былъ привязанъ къ ней тепло, снисходительно, скучалъ, когда не видѣлъ долго. Ея аристократически - тонкія черты, мальчишески - безшабашныя выходки, беззаботное легкомысліе, бросающее точно вызовъ реальной жизни, все нравилось въ ней Павлу. Особенно полусознательный, часто шаржированный юморъ ея рѣчи. Когда Марго разсказывала что-нибудь, Павелъ не переставалъ улыбаться, хотя бы шелъ разговоръ о печальныхъ предметахъ. Смѣшно было не то, что говорила она, а то, какъ произносились ея фразы. Смѣшили ея шутовскія интонаціи, плутоватыя улыбки и подмигиванья, выраженье лица, комическія ужимки, гримасы, жесты, ея особый жаргонъ, свои выдуманныя словечки, ея привычка своеобразно поджимать губы, бравировка развязностью, удальское „чортъ возьми" и „у, дрянь какая".

Марго вышла изъ купальни съ мокрыми волосами, въ незастегнутой сзади кофточкѣ, въ криво надѣтой юбкѣ. Мохнатая простыня, бѣлое манто и зеленовато-бѣлый шарфъ безпорядочно были смяты у нея въ рукахъ въ одинъ общій комокъ.

— Павликъ! Гдѣ ты? Иди сюда. Помоги мнѣ скорѣе.

Павликъ поспѣшно спустился внизъ. Марго свалила свой грузъ ему на руки.

— На вотъ это. Неси. Осторожнѣй, не перепачкайся. Манто мокрое. Я уронила въ воду. Да застегни мнѣ блузочку. Не умѣю безъ горничной, не достать самой сзади. Что-жъ ты стоишь? Вотъ, не сообразитъ. Брось пока. Положи на полъ. Ну, застегивай.

Павелъ застегнулъ скоро и ловко.

— Павликъ? Ахъ ты, тихоня. Мы о немъ: тюлень да моржикъ... неповоротливый да неуклюжій. А онъ, вонъ какъ ловко. Какія крошечныя пуговки, и въ одинъ секундъ. Былъ въ хорошихъ рукахъ, сейчасъ видно. Обученъ.

— Погоди, у тебя юбка на бокъ. Повернись. Еще влѣво... вотъ такъ.

— Но у тебя навыкъ, какъ у портного? Ба-альшущая, братецъ, у васъ снаровка одѣвать женщинъ.

— Вотъ еще. Сталъ бы я одѣвать ихъ. Это потому, что для тебя. И ты—не женщина.

— Не женщина? А кто же я?

— Маргоша.

— Ха-ха... Ну, Павликъ, мнѣ ѣсть смертельно хочется. Голодна, какъ сорокъ тысячъ сестеръ. Ты покормишь меня? Жюстина и мама завалились спать, блескъ глазъ своихъ оберегаютъ. У Арсенія еще не встали. Я къ тебѣ на чай, Паоло. Зовешь?

— Съ восторгомъ. Но... удобно ли?

— Безъ „но". Во-первыхъ, мнѣ законъ не писанъ. Вовторыхъ... съ твоей Оксаной я вѣдь знакома?

— Но, Марго?.. У меня и изъ мужчинъ нашихъ никто не бываетъ, кромѣ дяди. Ни здѣсь, ни въ городѣ. Арсеній, если мимо проходитъ, то такъ на мой домишко глядитъ, будто тамъ нѣтъ ничего, одна воздушная прозрачность.

— А мнѣ наплевать. У Арсенія свои глаза, у меня свои. Идемъ. Я ѣсть хочу. И я къ тебѣ, Павликъ.

Оксана тревожилась.

Третій разъ выносила подогрѣтый самоваръ на крылечко, а Павла Алексѣевича не было съ купанья.

— Шляется, прости Господи. И чего на ту косу за полторы версты тащиться? Мало ему воды въ купальнѣ?

Уже солнце подобрало ночную росу, уже выдвинулось изъ-за тополей на углу парка, а Павелъ Алексѣевичъ все не возвращался. Оксана подумывала, не запереть ли домъ, не бѣжать ли на косу?—Можетъ, дурно сдѣлалось? Или зацѣпился за корягу? Въ Горлѣ коряга на корягѣ, яма на ямѣ... Но стыдно было бѣжать разыскивать. А вдругъ онъ вернется другой дорогой? А вдругъ—такъ себѣ, шляется, пока не жарко, въ полѣ или надъ рѣчкою?

Женскій смѣхъ раздался за площадкой, гдѣ росли густо высокія, наполовину одичавшія бѣлыя сирени. Смѣялся и Павелъ Алексѣевичъ громко, раскатисто, шаловливо.

Оксана застыла въ недоумѣніи.

Женскій голосъ донесся опять:

— Паркъ, голубчикъ мой, паркъ! Я молодѣю, когда вижу тебя. А Горля? „О, Горля, милая моя, любилъ ли кто тебя какъ я?"

Раньше, чѣмъ Оксана сообразила, кто это, Павелъ Алексѣевичъ и Марго вышли изъ-за сиреневой площадки.

— Оксана, — позвала Марго. — Здравствуйте, Оксана? Узнаете? Не ждали?

— Маргарита Алексѣевна?..

Оксана обрадовалась непритворно. Стремглавъ кинулась по дорожкѣ навстрѣчу.

— Маргарита Алексѣевна... Барыня... Откуда вы взялися? Ахъ, Господи. Это вы?

Марго вырвала свою руку, которую хотѣла поцѣловать Оксана. Потомъ поцѣловалась съ Оксаной.

— Здравствуйте, Оксана. И, пожалуйста, не называйте меня барыней. Терпѣть не могу. А откуда взялась? Сейчасъ съ мамой пріѣхала со станціи. Павликъ водилъ купать меня. А теперь я страшно ѣсть хочу, и пришла...

— Чаю, Оксана. Живо!—повелительно сказалъ Павелъ, перебивая сестру.—Тащи все, что есть. Да просуши вотъ это. Барыня въ воду уронила.

— Слушаю.

Черезъ минуту Марго сидѣла за чайнымъ столомъ на крылечкѣ.

— Кушай, Маргоша. Пей чай, кофе. Можетъ, шоколадъ сварить? Будь, какъ дома. Я сію минуту. Приведу лишь себя въ цензурный видъ. А то родная мать, и та говоритъ: небритый, нечесаный, на хулигана похожъ.

— Иди, иди, Павликъ. Не стѣсняйся.

Маргарита Алексѣевна съ аппетитомъ закусывала, пила чай изъ стакана Павла въ серебряной подставкѣ. Оксана суэтилась возлѣ стола, вынося изъ дома новыя и новыя закуски. Она раскраснѣлась отъ волненья. Разставляла на столѣ, что надо и чего не нужно было доставать. Сливки, ромъ, масло, сыръ швейцарскій и простой, балыкъ, холодную телятину, еще разныя закуски на хрустальныхъ и фарфоровыхъ тарелочкахъ подъ стеклянными колпаками. А также горчицу, соль, водку, винныя бутылки... Прислуживала усердно, немного робко, сконфуженно.

— Сливочекъ, Маргарита Алексѣевна? Кипяченыя... а вотъ—сырыя. Можетъ, простокваши подать?

— Ммм...—мычитъ съ полнымъ ртомъ Марго и, проглотивъ ветчину, добавляетъ:

— Не надо. Я не охотница до нея. А я вамъ кое-что въ подарочекъ привезла, Оксана. Платье. Хорошенькое, сицильеновое. Самое модное. И комнатныя туфли изъ Ялты.

— Спасибо, ба... Маргарита Алексѣевна. Всегда вы меня вспомните. Какія добрыя,—какъ Павелъ Алексѣевичъ.

— Ужасно добрыя. Оба въ равной степени. Ну, что, Оксана? Какъ дѣла?

— Да ничего,—грустно опускаетъ глаза Оксана.

— Павелъ Алексѣевичъ опять потолстѣлъ. Не хорошо это.

— Отъ квасу вѣрно, Маргарита Алексѣевна. Пьютъ, пьютъ, нельзя удержать. Грушевый все... Ведрами беремъ изъ экономіи.

— А по ночамъ спитъ?

— Мало спятъ. Какъ раньше.

— А-а?

Марго дѣлаетъ надъ своей лѣвой рукой колющій жестъ, отлично изображающій впрыскиванье изъ шприца.

Оксана печально и утвердительно киваетъ головой.

— Не хорошо, — повторяетъ Маргарита Алексѣевна. Она задумчиво глядитъ на пушистыя верхушки бѣлыхъ акацій, обступившихъ домъ и крылечко.

Оксана вздыхаетъ.

Задумчивость уже сбѣжала съ лица Марго. Она коварно улыбается и ставитъ внезапный вопросъ:

— А какъ у васъ насчетъ маленькаго? А? Все нѣту?

Мучительно, до слезъ багровѣетъ Оксана. Еле въ силахъ она отрицательно качнуть головой.

— И не ожидаете?—прежнимъ, эпически-спокойнымъ тономъ допытывается Марго, пережевывая пирожекъ съ вкусной начинкой.—Тоже не хорошо. Для васъ, Оксана. Тогда бы все иначе было.

— Не даетъ Богъ, Маргарита Алексѣевна.

— Гмъ... Ну, Богъ тутъ не при чемъ, кажется.

— Дядя ихъ все женить хотятъ, — произноситъ Оксана, будто жалуясь.—Какъ пріѣдутъ съ кресломъ, такъ сейчасъ женить да женить тебя надо. Другихъ и рѣчей не слышно.

Марго мгновенно вспоминаетъ разсказъ матери со словъ Жюстины,—какъ Оксана говоритъ, маскируя тревогу: куда ему жениться, такому толстому? Марго хочется утѣшить Оксану, сказать пріятное, доставить радость. Она, оставляя смыслъ, мѣняетъ форму Оксаниной надежды. И замѣчаетъ съ непринужденностью, дѣлающей большую честь ея сценическимъ способностямъ:

— Куда ужъ... Гдѣ ужъ его женить, толстяка этакого!

Оксана пунцовѣетъ, расцвѣтаетъ, хочетъ что-то отвѣтить, но пріодѣвшійся Павелъ Алексѣевичъ кричитъ изъ сѣней:

— Оксана. Простокваши!

— Сейчасъ, баринъ.

Когда она убѣгаетъ въ ледникъ, Павелъ говоритъ:

— Жуликъ ты, Маргарита. Тебѣ бы королевой быть. Обожали бы тебя подданные.

— Что такъ?

— Какъ ты ко всякому сердцу подобраться умѣешь. И память у тебя—королевская. Когда это было, что она про меня Жюстинѣ сказала? А ты помнишь. Умѣешь обласкать. А вотъ я не умѣю. Не выходитъ у меня. Но ты—жуликъ.

— Ни мало не жуликъ. У меня симпатія къ Оксанѣ. Жалко ее, дурочку. На что она жизнь свою кладетъ? Не стоишь ты, толстый, этого.

Появилась простокваша.

— Ну, разсказывай, Павля, что у васъ? — заговорила Марго.—Что лордъ Арсеній?

— По старому.

— Тотъ же режимъ? То же затворничество? И самъ лордъ по прежнему не говоритъ, а речетъ?

— Все безъ перемѣнъ.

— Маніакъ онъ, Арсеній. Рабъ своихъ маній. А она... Ксенаша ваша, превознесенная, хваленая?

— И она все такая же...

— Индюшка?

— Что?

— Понятно, индюшка. Индюшка, индюшка, и не возражай мнѣ, не говори. Ни слова. Какъ же не индюшка? Такъ обезличиться? До такой степени подчиниться? Мягкотѣлость жирной индѣйки. Ничего больше.

Загремѣлъ громъ.

— Дождь?—изумился Павелъ немного натянуто.—Вотъ те-на. И некстати: у Арсенія сѣно въ покосахъ. Какая роса была съ утра. Говорятъ, большая роса—не будетъ дождика. А дождь настоящій.

Марго выглянула съ крылечка въ ту сторону, откуда подходила нежданная туча. Дождь сыпался густой, сѣрый, безшумный. Мягко ударялись капли дождя о мягкіе листья акацій.

— Нѣтъ, этотъ дождикъ пройдетъ сейчасъ,—увѣренно сказала Марго.—Онъ недолгій. Набѣжной. И туча—тоже. Тутъ есть она, тутъ не стало. Помнишь, какъ меня покойная бабушка называла: набѣжная Маргошка? Смотри, Павелъ, какъ красиво. Тамъ, на грядкѣ. Какъ алмазы,—на листьяхъ настурцій. Вода накопится и бухъ отъ тяжести. А листъ остался сухой, жирный. А вонъ мелкія капельки... какъ прыгающій бисеръ. Будто шарики ртути выскочили изъ термометра.

— Малышемъ я любилъ слизывать такія капли на капустныхъ листахъ. Тамъ онѣ крупнѣе.

— Хорошее время было, Павликъ. Тебѣ жаль дѣтства? Мнѣ—ужасно. Арсенія дѣти не пожалѣютъ, какъ мы. Мудрятъ, мудрятъ надъ ними. Право, лучше не воспитывать вовсе. Какъ насъ выращивали. Неряшливо, безтолочь... А для дѣтей лучше. Росли себѣ на волѣ, какъ горохъ при дорогѣ, и отлично было. Мама или за границей, или дома, но всегда собой одной занята. У отца—свои дѣла. За то у насъ—сколько воспоминаній осталось веселыхъ. Помнишь, какъ мы съ тобой раззоряли сорочьи гнѣзда? И ты послѣ дразнилъ меня, что теперь я навѣкъ останусь рябая? Намъ было мило наше положеніе. Намъ говорили: ты изъ Неповоевыхъ, тебѣ все можно. У Арсенія же не такъ. У него ты изъ рода славныхъ Азровъ... значитъ, какъ градъ на

верху горы, долженъ то и это... Его дѣти возненавидятъ свое дворянство и самое имя: Неповоевъ. И все-равно, не превратятся въ англійскихъ перовъ. Какъ съ ними ни бейся. Главное, фальшь въ основѣ. Неповоевы—вовсе не аристократія. Обыкновеннѣйшіе дворяне. Уѣздные предводители? Эка важность. Такихъ семействъ, какъ собакъ, много.

— Жаргонъ у тебя, Маргоша.

— Кому не нравится, пусть не цѣлуетъ. Или не слушаетъ. А, гляди, уже просинь на небѣ? Я права, набѣжной былъ дождикъ. О, я знатокъ природы... Боже мой, я дома? Какое это пріятное сознаніе. Дома—на цѣлое лѣто.

— А потомъ?

— Потомъ что-нибудь выяснится. Мама зоветъ жить съ нею въ Кіевѣ. Но это не подходитъ. Не уживемся мы, слишкомъ разныя. У нея свои фантазіи, у меня свои. Я ее стѣснять буду. Она теперь увлекалась негромъ. Всю зиму.

— Какъ негромъ? Какимъ?

— Какимъ... чернымъ. Не знаешь, какіе негры бываютъ? Настоящій, какъ деготь. Изъ цирка. Со слонами тамъ, что ли... дрессировщикъ слоновъ, кажется. Я въ постъ пріѣхала, онъ по цѣлымъ днямъ у мамы. Жюстина говоритъ, всю зиму такъ. Нахалъ отъявленный. Тупъ, развязенъ, держитъ себя, какъ дома. И вообрази, мнѣ вдругъ вздумалъ дѣлать умильные глазки? А? Ахъ, дрянь какая, эфіопская рожа. Я его такъ проучила... не скоро забудетъ. А мама съ нимъ носится, какъ съ болячкою. И вообрази...

— Ну, Христосъ съ нимъ,—морщась, какъ отъ дурного запаха, остановилъ Марго Павелъ.—Съ мамой, пожалуй, дѣйствительно тебѣ неудобно.

— Мнѣ не нравится. Одна Жюстина сколько крови испортитъ. Тоже нахалка у мамы. Бестія большой руки, вертитъ всѣмъ домомъ. Спекулируетъ на то, что обожаетъ маму. Льстивая—до дерзости. Въ Алупкѣ, напримѣръ... увѣряетъ, будто маму за гимназистку приняли. И мама вѣритъ. Вѣритъ всему, что бы ни сказала Жюстина. Та ее гипнотизируетъ лестью.

Павелъ опять поморщился.

— Ты лучше скажи мнѣ: ну, лѣто пройдетъ, а потомъ? Что потомъ думаешь дѣлать?

— Почемъ я знаю, что будетъ потомъ? Можетъ, виллу свою продамъ.

— И проживешь деньги?

— Проживу, разумѣется.

— А потомъ?

— Опять потомъ? Какой несносный. А потомъ умру, можетъ быть. Не два же вѣка мнѣ жить?

— Ты хуже ребенка, Марго.

— Подумаешь, какой менторъ. Тогда видно будетъ. Что-нибудь да придумаю.

Дней черезъ десять послѣ пріѣзда Марго неповоевская семья вся оказалась въ сборѣ. Прикатилъ съ Беатенберга и Вадимъ Алексѣевичъ съ женою.

Онъ занялъ свою половину въ отцовскомъ домѣ. Но такъ тихо было возлѣ этого дома, что домъ и теперь казался необитаемымъ. Ни дѣтей, ни собакъ, ни голосовъ—ничего не слышно. Изрѣдка, подражая Падеревскому, играетъ Марго Шопена; остерегаясь шумѣть, толпятся у бокового крылечка по утрамъ больные Вадима Алексѣевича, ждущіе облегченья отъ его гомеопатическихъ лѣкарствъ. Въ остальное время домъ стоитъ, точно покинутый. Бѣлый, съ сѣрыми верандами и сѣрыми жалюзи, одноэтажный, выстроенный покоемъ, съ площадкой и боковыми проѣздами передъ крыльцомъ,—онъ больше походитъ на грандіозный памятникъ, чѣмъ на что-то жилое. Цвѣтутъ заготовленныя съ весны клумбы передъ верандами, открыты двери и окна, зеленѣютъ въ вазахъ по бокамъ каменныхъ ступеней крыльца столѣтніе,—если не старше, исполинскіе кактусы, мясисто-сочные, словно обсыпанные бѣло-зеленой пылью. А все кажется, что въ домѣ никого нѣтъ, и онъ лишь прикидывается, будто въ немъ живутъ люди.

Въ честь съѣхавшихся гостей устроенъ былъ пикникъ на скошенномъ лугу среди лѣса надъ Горлею.

Отправились съ утра, на цѣлый день. Мягко зеленѣлъ заливной лугъ послѣ сѣнокоса, какъ ровно обрѣзанный, бархатистый коверъ зеленой окраски. Дядю доставили въ колясҝѣ. Остальные пріѣхали на лодкахъ по Горлѣ. Едва причалили къ берегу, мужчины съ дѣтьми пошли купаться. Лугъ наполнился раскатами громового голоса Вадима Алексѣевича, плескомъ воды, взвизгиваньями Гори и Славы, съ которыми дурачился въ рѣкѣ Вадимъ Алексѣевичъ, его громкимъ, сочнымъ, довольнымъ смѣхомъ:

— Хо-хо-хо...

Дамы размѣщались поудобнѣй у длиннаго стола, на пригоркѣ, въ тѣни деревьевъ. Дядя—весь въ бѣломъ съ красной бутоньеркой на груди—занялъ мѣсто въ центрѣ стола. Рядомъ съ нимъ—Агриппина Аркадьевна. Она была въ ударѣ сегодня. Ни въ лодкѣ, ни на лугу не стихали мелодическіе переливы ея искусственно-звонкаго голоска. Шутила, какъ рѣзвая дѣвочка. И платье было на ней юное, дѣвическое. Полукороткое, бѣловато-голубое изъ японскаго прозрачнаго шелка съ вышитыми букетиками выпукло-синихъ васильковъ,

Они съ дядей и любезничали, и пикировались другъ съ другомъ. За то солидничала Марго—въ солидномъ платьѣ изъ суровой парусины. Ей не хотѣлось выдѣляться своимъ мальчишествомъ среди молчаливо-скромныхъ невѣстокъ. Ксенія Викторовна старалась поговорить съ каждымъ равно столько, сколько требовало приличіе. Видимо, была поглощена своими какими-то думами. А Лариса молчала безъ церемоній, не обращая ни на кого вниманія, уставившись въ пространство задумчивымъ невидящимъ взоромъ. Недаромъ была захолустной поповной, она не думала о приличіяхъ. Высокая, худощавая, плоская и блѣдная, гладко-причесанная, небрежно одѣтая, она имѣла не то нигилистическую, не то разгильдяйскую внѣшность. Казалось, для нея рѣшительно безразлично, какъ на нее посмотрятъ, что будутъ думать о ней въ томъ родственно-чуждомъ обществѣ куда она случайно попала. Это равнодушіе ей особенно ставили въ вину почти всѣ Неповоевы. Изъ-за него, главнымъ образомъ, къ ней не хотѣли привыкнуть.

Дядя говорилъ Агриппинѣ Аркадьевнѣ:

— Въ томъ то и состоитъ секретъ моложавости англійской королевы Александры...

Въ это время за его спиной раздался громоподобный голосъ Вадима:

— Моложавость не есть молодость, дядюшка! Моложавость—это уже х'в'альсификація... Хо-хо-хо...

Мужчины подходили къ столу позади Вадима. Голіафъ по сложенію, мускулистый силачъ, ширококостный, плотный блондинъ съ красивымъ, типично-русскимъ лицомъ и чудесными зубами,—Вадимъ не смѣялся, а гремѣлъ, не ходилъ, а тяжко попиралъ землю.

— Хв'альсификація, дядюшка и мамаша. Хо-хо-хо...

Агриппина Аркадьевна зажала уши.

— Вадимъ, ради Бога... Не труби. Я оглохну.

— Виноватъ, маменька. Не буду. Никакъ не могу обуздать свои голосовыя средства.

— Лучше бы упражнялъ ихъ въ Думѣ,—шутливо сказалъ Павелъ, подходя разомъ съ Арсеніемъ.

— Въ Думѣ? Въ Думѣ говорить, братья мои, не хот'ца мнѣ что-то. Не могу изнасиловать себя. Да не всѣмъ же говорить. Надо кому-нибудь и слушать, братья мои? Я двѣнадцать тысячъ и семь разъ имѣлъ возможность заговорить. И все...

— Не рѣшался?—подсказалъ Павелъ.

— Нѣтъ, братья мои. Не не рѣшался, а не хотѣлъ.

— Не находилъ нужнымъ. А будь воля моя, двѣнадцать тысячъ и семь разъ имѣлъ возможность.

Повторять „двѣнадцать тысячъ и семь разъ" было привычкой Вадима Алексѣевича. Такъ и звали его многіе изъ знакомыхъ: двѣнадцать тысячъ и семь разъ.

Разсѣлись вокругъ стола съ яствами.

Дѣти съ гувернерами и русскимъ учителемъ въ концѣ стола, немного поодаль. Братья—трое въ рядъ, визави съ дамами. Поваръ и поварята уже суетились за кустами вокругъ передвижной плиты, раскаленно-шипящей. Лакеи подавали чай, шоколадъ, кофе и одновременно холодный завтракъ.

Арсеній Алексѣевичъ сказалъ Павлу, продолжая недоговоренное раньше.

— Такъ и не добился ничего. Сколько ни ходилъ возлѣ него. Никакого личнаго впечатлѣнія и изъ этой сессіи.

— Чудаки вы, братья мои, — спокойно возразилъ Вадимъ. — Да что я буду разсказывать? Вѣдь все въ газетахъ было?.. Дума — какъ Дума. А о моемъ личномъ впечатлѣніи... оно то же, что и въ прошедшемъ году. Нудно, братья мои. Толченіе воды въ ступкѣ. Что она, Дума, сдѣлать можетъ? При существующихъ безпорядкахъ? Оглянитесь на нашъ городъ. Беззаконіе на беззаконіи, взятка на взяткѣ. Изъ главенствующихъ лицъ, кажется, одинъ ты ничего не берешь, Арсеній. Законы—сами по себѣ, жизнь—сама по себѣ. Къ чему тутъ Дума? Да еще такая, какъ она есть? У насъ полицмейстеръ пріѣдетъ къ N. „Я *тысячу* разъ говорилъ тебѣ, жидовская морда, такой-сякой, то-то и то-то"... Слѣдовательно, надо дать *тысячу*. И всѣ знаютъ, что надо. И знаютъ, что когда К. онъ запустилъ: „Я *пятьсотъ* разъ говорилъ тебѣ, собачьему сыну," — К. сказалъ: „ижвините, господинъ паличмейстеръ, ви говорили тольки *двѣсти* разъ". И далъ двѣсти. Такъ вотъ, когда жизнь пестритъ такими сценками... Когда имъ уже и не дивится никто,—ты о Думѣ? Силенъ ли подъемъ національнаго чувства? Солидарно ли дворянство? Каковы мои впечатлѣнія? Зачѣмъ? Кому они занимательны, впечатлѣнія мои? А хочешь знать, я же сказалъ: мнѣ въ Думѣ нудно. Будто сижу въ присяжныхъ засѣдателяхъ на сѣ-ѣ-ѣренькой сессіи. Дѣла-то все больше о мелкихъ кражахъ со взломомъ. Или на сумму свыше трехсотъ, но меньше тысячи рублей. И уйти нельзя, и сидѣть тошно. Вотъ какъ мнѣ тамъ, братья мои, коли знать хотите.

— Ты, вѣрно, сидишь, въ Думѣ, а самъ все о своей пасѣкѣ мечтаешь? — спросила Марго черезъ столъ, улыбаясь.

— Ну, не непрерывно. А скучаю. До безчувствія скучаю. Не объ одной пасѣкѣ. Вообще. Я тамъ, какъ въ ссылкѣ. Здѣсь у меня все мое осталось. Тутъ и съ гомеопатіей,

мнѣ раздолье, лѣчи, сколько хочешь. Не успѣлъ пріѣхать, такъ и повалилъ народъ. И пасѣка у меня, и купанье. Рыбная ловля, гимнастическія упражненія. По вечерамъ—ракеты. Все мое, самое любимое. А тамъ—чуждо какъ-то, непріютно. Какъ подошла весна,—до чего я пасѣчнику своему, дѣду Лукашу, завидовалъ! Ей, право... Что смѣетесь, братья мои? Помилуйте, девятаго мая тамъ снѣгъ еще шелъ, Зелени—ни намека. Иду я въ драповомъ пальто по своей Фурштатдской и думаю: счастливый, счастливый дѣдъ Лукашъ! Сидитъ онъ хозяиномъ на моей пасѣкѣ, и горюшка ему мало. Солнце ему свѣтитъ, мокрой землей, весною пахнетъ. Поди, уже и черемухи, и груши у насъ отцвѣли. Пчела, небось, съ яблонь несетъ хватку. Можетъ, и то отошло уже... До акаціи дѣло доходитъ... А я въ драповомъ пальто по каменнымъ улицамъ фланирую. Такъ-то, братья мои.

— Скучать-то ты скучалъ... А послѣ Думы не на пасѣку свою, а на Беатенбергъ помчался?—упрекнулъ Арсеній Алексѣевичъ. Вадимъ отвѣтилъ:

— Ларочкѣ захотѣлось. Я, было, и согласился. Послѣ гляжу: невыдержка, тоска одолѣваетъ, тошно. Чего мнѣ тутъ, на курортникахъ, думаю. И взмолился ракъ щучьимъ голосомъ: „ой, до дому!“ Уступила сейчасъ. Женка у меня, спасибо ей, добрая. Сговорчивая. Чего ни попроси, все уважитъ. А въ Думѣ мнѣ хотя бы о гомеопатіи поговорить? Можетъ, удалось бы убѣдить, хоть немногихъ. Такъ и того нельзя. Запечатано. Давши слово, держись, обошелъ ты меня, Арсюша... Вырвалъ тогда слово это. У меня уже, какъ разъ, возникъ теперь проектъ...

—Ради создателя, Вадимъ. О гомеопатіи? Да что ты!

— Да я молчу. Я не скажу, не тревожься. Но если бы вернулъ ты мнѣ слово мое... Проектецъ знатный, хорошій, братья мои. Обучить всѣхъ сельскихъ учителей лѣченью гомеопатіей. И затѣмъ — преподавать въ школахъ. Чтобы народъ имѣлъ возможность самъ лѣчиться.

— Не срамись, Вадимъ. Сдѣлай одолженье.

— Ну—ну... Чего добраго, заплачешь еще? Я же сказалъ, и сдержу слово, если не освободить меня отъ него. Сдержу. Но это предразсудокъ у тебя, Арсюша. Предубѣжденіе. Непродуманное. У насъ въ Россіи современная медицина не въ состояніи помогать простому народу. Сами земскіе врачи признаются. А земства тратятъ 30—40 процентовъ своего бюджета на санитарное дѣло. Что же получается? Игра въ пустую. Между тѣмъ, какъ гомеопатія...

— То же знахарство,—подсказалъ Павелъ, грызя въ зубахъ стебелекъ зеленой зубровки, случайно уцѣлѣвшей отъ косы.

— Зна-хар-ство?

— Само собою.

— Ошибаетесь, Павелъ Алексѣевичъ. Далеко не знахарство. Основатель гомеопатіи, докторъ Самуилъ Ганеманъ...

— Замѣть: еврей былъ, должно быть?

— Это все равно. Образованнѣйшій человѣкъ своего времени. Его признавали огромнымъ авторитетомъ. Профессоръ Ведекиндъ писалъ о немъ: геніальный.

— Когда это было? Сто лѣтъ назадъ.

— Тѣмъ лучше. Идея, которая выжила сто лѣтъ, это уже не миражъ, не заблужденіе. Тутъ ужъ есть надъ чѣмъ подумать. Книга Ганемана „Органонъ“ до сихъ поръ показываетъ всѣмъ, что мы имѣемъ дѣло съ титаномъ. Такъ мощно потрясти столбы старой медицины...

Павелъ Алексѣевичъ разсмѣялся.

— Смѣяться надо всѣмъ не трудно,—побагровѣлъ Вадимъ.—А излѣченіе по закону подобія признаютъ и сейчасъ даже многіе аллопаты. Какъ неоспоримый фактъ. Какъ результатъ опытовъ. Да что. Геніальный Пироговъ не разставался съ гомеопатической аптечкой, путешествуя по Кавказу. И онъ же давалъ совѣтъ одному тяжело-больному врачу прибѣгнуть къ гомеопатіи.

— Можетъ быть, тому уже больше нечего было посовѣтовать?

— Ничуть твоя иронія не ядовита. Разумѣется, нечего. Ибо только гомеопатія и могла помочь. А съ тѣхъ поръ— какіе шаги впередъ. Теперь гомеопатія пользуется всѣми медицинскими науками, которыя стоятъ на высотѣ. Отвергаетъ лишь фармакологію да терапію. Но это же науки туманныя? Бредущія на ощупь, еще неразработаныя?. Ихъ негодность признаетъ и сама аллопатія.

— Развѣ?

— А почитайте Вересаева? Вѣдь это же полное отчаяніе? Полная безпомощность врача передъ болѣзнью. Врачъ, лѣча болѣзнь, разрушаетъ мнѣ организмъ. Въ одномъ мѣстѣ пытается помочь, въ другомъ портитъ. Благодарю покорно. Я пришелъ къ тебѣ въ домъ оказать помощь. Дать денегъ взаймы, что ли... И, проходя,—произвелъ у тебя маленькій,— а то и большой, — пожаръ? Хороша помощь. Не ожидалъ. Благодарю покорно. Лѣченіе, которое не выдерживаетъ самаго основного своего принципа—не вредить больному... оно по вашему—научное?

— Браво, Вадимъ! — подзадаривающе крикнулъ черезъ столъ дядя.—Да ты ораторъ? Вотъ бы такъ въ Думѣ. Жаль, жаль, что ты связанъ!

— Но гомеопатія еще менѣе можетъ претендовать на научность?—скучливо и раздраженно проговорилъ Арсеній.

— Кто тебѣ сказалъ? Неправда. Невѣрно, заблужденье. Косность человѣческаго ума и натуры. Гомеопатія выжидательный способъ лѣченія. Онъ зиждется на благотворной, цѣлительной силѣ природы. Similia similibus curantur. Лѣчи подобное подобнымъ. Клинъ клиномъ вышибай, иначе. Выбирай наиболѣе подобное болѣзни средство. Потому что самородная болѣзнь устраняется подобною же болѣзнью, вызванной искусственно. Вотъ и все... Аллопаты сами не вполнѣ знакомы съ дѣйствіемъ своихъ лѣкарствъ. Еще меньше съ истиннымъ значеніемъ лѣчимыхъ симптомовъ. Гомеопатія же... она знаетъ, что дѣлаетъ. Если я даю больному арнику, ноготокъ-календуму, ромашку-хамомиллу, то...

— Ты знаешь, что даешь безвреднѣйшія средства,—опять невозмутимо просуфлировалъ Павелъ.

— Восхитительныя средства! Ихъ крадетъ у насъ уже и старая медицина. Смѣяться легко. А предубѣжденность говоритъ о незнакомствѣ съ предметомъ. Почти всегда... Смѣхъ невѣжды самый неукротимый.

— Какъ пылъ правовѣрнаго гомеопата.

— У насъ смѣются, острословятъ... А вотъ въ Вашингтонѣ... гдѣ культура—и вы согласитесь, надѣюсь?—почище нашей... Такъ тамъ на открытіи памятника Ганеману присутствовалъ самъ президентъ, Макъ-Кинлей. Въ тысяча девятисотомъ году. И даже выступилъ съ рѣчью. Да. Тамъ не боятся показаться отсталыми. И Ганеману воздвигнуто еще три памятника. Кромѣ Вашингтона. Въ Лейпцигѣ, въ Парижѣ и...

— Въ Кетенѣ, — невиннымъ голоскомъ, съ дурачливой подобострастностью докончила Марго.

Вадимъ Алексѣевичъ посмотрѣлъ на нее изумленно одобрительно, полунедовѣрчиво.

— Ты откуда знаешь?

— Да ты же самъ, Вадя, двѣнадцать тысячъ и семь разъ говорилъ...

Всѣ засмѣялись. Вадимъ Алексѣевичъ тоже.

— Вотъ такъ всегда, — сказалъ онъ потомъ съ укоризной. — Въ самомъ серьезномъ дѣлѣ всѣ только и ждутъ у насъ смѣшного колѣнца. Почему нашъ народъ не можетъ самъ лѣчиться гомеопатіей? Только бы немножко подготовить его, и дѣло въ шляпѣ. Развѣ тѣ фельдшера, что его лѣчатъ, подготовлены серьезно? Я воочію зналъ одного, который отсыпалъ лѣкарства „на глазъ разстоянія", какъ онъ выражался. Восемнадцать гранъ хины отвалилъ на одинъ пріемъ беременной бабѣ! Все на глазъ разстоянія. И онъ

же говорилъ: хирургія—моя стихія. Страшно охочъ былъ до операцій. Такъ это, по вашему, разумная медицинская помощь населенію? И не лучше развѣ вооружить такого гомеопатіей?

— Такого-то, пожалуй, лучше, — согласился Павелъ.— По крайности, вреда не причинитъ. Если не поможетъ.

Вадимъ отходчиво смирился. Онъ махнулъ рукой, будто говоря: э, да что съ вами! — И мощно выкрикнулъ Славѣ и Горѣ:

— А ну, хлопцы! Не пойти ли намъ съ удочками? Паритъ, братцы! Какъ бы дожж'а не собрался. Самая ловля передъ дождикомъ.

Вадимъ Алексѣевичъ, стоя возлѣ мальчиковъ, развязывалъ удочки.

— Ну, рябята... Вотъ вамъ. По удочкѣ и маршъ. Айда. Въ ногу. За мною... Лѣвой! Правой! Лѣвой!—та-экъ-съ. Я одобря-я-яю! А теперь, ну-ка, ребята, тріо: Ммы-ы-ы..

Мм-мы-ы на-ло-овимъ для-я ушицы
Зо-ло-ти истыхъ о-оку-не-ей!

Весело смѣясь сверкающими разноцвѣтными глазками, Горя подхватилъ беззаботно и звонко:

Мы наловимъ для ушицы
Золотистыхъ окуней...

Слава съ удочкой на плечѣ шагалъ молча, полувопросительно посматривая краешкомъ глаза въ непроницаемое на этотъ разъ лицо мистера Артура.

О. Н. Ольнемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Прагматизмъ въ философіи.

I.

«Думаю, что можно было бы избѣжать многихъ безполезныхъ споровъ, если бы наши критики согласились ждать до тѣхъ поръ, пока мы не раскроемъ окончательно сути возвѣщаемаго нами ученія». Это заявленіе принадлежитъ Вилльяму Джемсу, главному представителю прагматизма въ философіи, и помѣщено имъ въ предисловіи къ его книгѣ «Прагматизмъ», недавно переведенной на русскій языкъ г. Юшкевичемъ.

Итакъ, по заявленію самого «отца прагматизма» (какъ иногда называютъ В. Джемса), это новое философское теченіе еще не на столько выяснилось, чтобы было своевременно приступать къ полной его оцѣнкѣ, безъ опасенія, что прагматизмъ раскроетъ еще новыя стороны своего ученія, что онъ, въ концѣ концовъ, окажется не тѣмъ, чѣмъ онъ въ настоящее время представляется постороннимъ наблюдателемъ, а быть можетъ, и самимъ его проповѣдникамъ. Эта невыработанность ученія проявляется даже и тѣмъ, что его творцы не могутъ сговориться между собой относительно названія, которое слѣдовало бы дать ихъ ученію. Чаще всего употребляется для этого терминъ «Прагматизмъ»; самъ В. Джемсъ всюду пользуется этимъ терминомъ, и, однако, въ предисловіи къ своей книгѣ «Прагматизмъ» онъ говоритъ: «я не люблю этого названія, но, очевидно, слишкомъ поздно мѣнять его». Но Шиллеръ, другой видный представитель этого философскаго теченія, всюду называетъ свое ученіе «Гуманизмомъ», подчеркивалъ этимъ, что «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей»: принципъ Протагора, вполнѣ усвоенный Шиллеромъ. Сверхъ названій: «прагматизмъ» и «гуманизмъ» нѣкоторыми для обозначенія этого новаго ученія употребляется названіе: «практилизмъ», чѣмъ подчеркивается то основное положеніе ученія, что всякая истина оцѣнивается по ея практическимъ послѣдствіямъ.

Въ довершеніе всего случилось еще слѣдующее. Первымъ провозвѣстникомъ прагматическаго ученія былъ Пирсъ (Pierce), который помѣстилъ въ извѣстномъ американскомъ журналѣ «Popular

Science Monthly» за январь 1878 г. статью: «How tomake our ideas clear» (какъ сдѣлать наши идеи ясными). Эта статья появилась затѣмъ во французскомъ переводѣ въ Revue Philos., 1879 январь. Правда, въ этой своей статьѣ Пирсъ не пользуется терминомъ «прагматизмъ», но въ личныхъ бесѣдахъ, вызванныхъ его статьей, Пирсъ назвалъ свое ученіе «прагматизмомъ». Однако, мысли Пирса мало обратили на себя вниманія; самъ Пирсъ не развивалъ ихъ далѣе и не пропагандировалъ ихъ, такъ что онѣ, собственно, оставались внѣ широкаго философскаго теченія до тѣхъ поръ, пока за разработку ихъ не взялся В. Джемсъ, который обосновалъ свое ученіе двумя работами: появившимся въ 1896 г. этюдомъ «Will to Believe» (имѣется русскій переводъ подъ заглавіемъ «Зависимость вѣры отъ воли») и особенно своимъ знаменитымъ *«Калифорнійскимъ адресомъ»* 26 Августа 1898 г., дата, которую нѣкоторые считаютъ днемъ рожденія прагматизма. Авторитетъ В. Джемса и его блестящая литературная манера сразу сдѣлали прагматизмъ выдающимся философскимъ теченіемъ. Но это теченіе приняло такое направленіе, что Пирсъ счелъ нужнымъ отмежеваться отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, Пирсъ, который по его собственному заявленію (см. Baldwin «Dictionary of Philosophy and Psychology, Vol II, p. 322), пришелъ къ своему ученію, размышляя надъ «Критикой Чистаго Разума», Канта, — не могъ, конечно, сочувствовать всѣмъ выводамъ, сдѣланнымъ другимъ изъ его «принципа». И поэтому, хотя онъ въ частномъ сообщеніи Шиллеру (см. Schiller «Studies in Humanism, p. 5, примѣчаніе) и заявилъ, что онъ «предвидѣлъ всѣ выводы изъ своего принципа», тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ перемѣнить названіе для своего ученія, которое и сталъ называть уже не «прагматизмомъ», а «прагматицизмомъ», при чемъ съ чисто англосаксонскимъ юморомъ онъ заявилъ (Monist, 1905, p. 166), что даетъ такое названіе своему ученію, надѣясь, что имя «прагматицизмъ» достаточно безобразно, чтобы не бояться людей, ворующихъ дѣтей.

Если ко всему этому прибавить, что Дьюи иногда вмѣсто названія «прагматизмъ» пользуется выраженіемъ «непосредственный эмпиризмъ» (immediate empiricism), то сдѣлается яснымъ, что многогранность новаго ученія, при его сравнительной невыработанности ведетъ къ нѣкоторому разногласію между сторонниками этого ученія во взглядѣ на задачи и цѣли прагматизма, что и выражается колебаніями въ выборѣ девиза, который долженъ быть начертанъ на ихъ общемъ знамени.

Однако, несмотря на несомнѣнную невыработанность прагматической философіи, она обладаетъ уже значительной литературой. Прагматическая философія есть ученіе англо-американское и даже, главнымъ образомъ, американское. И первый провозвѣстникъ прагматизма, Пирсъ, и признанный глава школы, В. Джемсъ, — оба американцы. Американецъ также и Дьюи, главный логикъ школы.

И только Шиллеръ — англійскій философъ (несмотря на свою нѣмецкую фамилію), преподаватель философіи въ Оксфордѣ. Но сверхъ этихъ четырехъ лицъ, окончательно связавшихъ свою философскую судьбу съ прагматизмомъ, имѣется еще значительный контингентъ англо-американскихъ философовъ, болѣе или менѣе примыкающихъ къ прагматизму. Страницы философскихъ журналовъ, издающихся на англійскомъ языкѣ, переполнены статьями о прагматизмѣ, и злѣйшій врагъ прагматизма, ветеранъ англійской философіи, гегеліянецъ Бредли принужденъ былъ съ грустью заявить, что новое ученіе «очаровало молодые умы». Не упоминая о весьма многочисленныхъ журнальныхъ статьяхъ, касающихся прагматизма, мы сообщимъ нашимъ читателямъ лишь названія нѣкоторыхъ книгъ на англійскомъ языкѣ, излагающихъ новое ученіе. Такими книгами являются: *William James*—«Pragmatism», 1908 г.; *John Dewey*—«Studies in Logical Theory», 1903 г.; *Schiller*—«Humanism», 1903 г. и *Schiller*—«Studies in Humanism», 1907 г. Весьма недурная критика прагматизма дана Праттомъ въ его книгѣ «What is Pragmatism?» (Что такое прагматизмъ?) 1909 г.

Внѣ англосаксонской расы прагматизмъ нашелъ особенно горячихъ сторонниковъ въ Италіи; здѣсь, во Флоренціи, Джіованни Папини издаетъ журналъ «Leonardo», посвященный защитѣ прагматизма; этотъ журналъ собралъ вокругъ себя небольшую, но весьма горячую и дѣятельную группу молодыхъ философовъ.

На французскомъ языкѣ (опять таки не говоря о журнальныхъ статьяхъ) слѣдуетъ отмѣтить двѣ книги: 1) Albert Schinz—«Anti-pragmatisme», 1909 г. (Шинцъ, хотя и пишетъ по французски, но живетъ въ Америкѣ, гдѣ онъ профессорствуетъ въ университетѣ «Bryn Mawr» въ Пенсильваніи) и 2) Marcel Hebert—«Le pragmatisme. Etude de ses diverses formes Anglo-americaines, Françaises, Italiennes et de sa valeur religieuse. Deuxième edition, 1909 г.

Нѣмцы остались наиболѣе чужды прагматическому теченію въ философіи, хотя въ нѣмецкихъ философскихъ журналахъ и говорится иногда о прагматизмѣ.

Въ Даніи королевская академія наукъ объявила недавно вопросъ объ отношеніи прагматизма къ критицизму темой для соисканія международной преміи по философіи.

Въ Россіи первое упоминаніе о прагматизмѣ было сдѣлано на страницахъ «Русск. Бог.», въ замѣткѣ о Сѣченовѣ, принадлежащей пишущему эти строки и помѣщенной въ № 10 за 1905 г. Читатель, незнакомый съ иностранными языками можетъ познакомиться съ прагматизмомъ по двумъ книгамъ: 1) В. Джемсъ. «Прагматизмъ, какъ новое названіе для нѣкоторыхъ старыхъ методовъ мышленія», пер. П. Юшкевича и 2) Марсель Эберъ «Прагматизмъ, его различныя формы, англо-американскія, французскія, итальянскія и его значеніе для религіи». Пер. съ франц. З. А. В. подъ ред. М. А.

Лихарева (О предстоящемъ появленіи этого перевода уже объявлено въ газетахъ).

Мы говоримъ только о работахъ, изслѣдующихъ прагматизмъ съ чисто философской точки зрѣнія, не касаясь тѣхъ религіозныхъ теченій, которыя болѣе или менѣе примыкаютъ къ прагматизму. Мы не упоминаемъ также о тѣхъ весьма многочисленныхъ мыслителяхъ, которые или сами обнаруживаютъ нѣкоторую симпатію къ прагматизму, или считаются единомышленными съ прагматизмомъ по утвержденію сторонниковъ прагматизма. Принимая во вниманіе многогранность прагматизма, число тѣхъ лицъ, у которыхъ можно найти точки соприкосновенія съ прагматизмомъ, весьма значительно. Напр., Джемсъ въ своей книгѣ «Прагматизмъ» дѣлаетъ такое «посвященіе»: «Памяти Джона Стюарта Милля, у котораго я впервые научился прагматической открытости духа, и котораго мое воображеніе охотно рисуетъ себѣ нашимъ вождемъ, будь онъ въ настоящее время живымъ». Шиллеръ отмѣчаетъ близость къ прагматизму и Бергсона, и математика Пуанкаре, и Оствальда, и Маха; какъ видите, все имена, весьма далекія другъ отъ друга и, однако, близкія прагматизму по заявленію самихъ творцевъ прагматическаго ученія. Къ этому можно прибавить, что въ міросозерцаніи Н. К. Михайловскаго имѣются черты, которыя сближаютъ его съ представителями прагматизма. Въ своей статьѣ: «Н. К. Михайловскій и западная наука» (помѣщенной въ № 3 «Русс. Бог.» за 1904), мы цитатами изъ книги Джемса «Will to Believe» доказывали сходство между нѣкоторыми воззрѣніями у Михайловскаго и у Джемса; ниже мы будемъ имѣть возможность еще отмѣтить случаи совпаденія между утвержденіями прагматистовъ и взглядами Михайловскаго.

Для правильнаго пониманія прагматизма нужно всегда помнить, что это ученіе вполнѣ англо-американское. Кстати сказать, въ этомъ и лежитъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему на прагматизмъ меньше всего обращаютъ вниманіе нѣмецкіе философы; а такъ какъ Россія въ философскомъ отношеніи всегда находилась въ вассальной зависимости отъ нѣмцевъ, то, вѣроятно, и у насъ прагматизмъ будетъ встрѣченъ холодно большинствомъ философовъ. Нѣмцы и англичане всегда конкурировали за первенство въ философіи. Въ то время, какъ Франція дала только двухъ дѣйствительно первоклассныхъ философовъ: Декарта и Огюста Конта, Англія дала Бекона, Локка, Беркли, Юма и Спенсера; а Германія дала Лейбница, Канта, Фихте, Гегеля и Шопенгауэра (нѣкоторые читатели, вѣроятно, удивятся пропуску имени Шеллинга, но, не упомянувъ среди французовъ о Мальбраншѣ и Менъ-де-Биранѣ, а среди англичанъ о Гоббсѣ, Ридѣ и Дж. Ст. Миллѣ, мы думаемъ, что имѣемъ право отнестись такъ же и къ Шеллингу).

Въ общемъ духъ англійской философіи такъ отличается отъ

духа философіи нѣмецкой, что, къ сожалѣнію, представители обѣихъ націй весьма часто просто игнорируютъ другъ друга. Такъ, напр., (говоря лишь о представителяхъ философіи въ XIX вѣкѣ) и Дж. Ст. Милль, и Спенсеръ совершенно не знали нѣмецкаго языка. Спенсеръ имѣлъ довольно смутное понятіе о Кантѣ, что, несомнѣнно, вредно отразилось на его системѣ. Съ другой стороны, напр., нѣмецъ Куно-Фишеръ въ своей восьмитомной «Исторіи новой философіи» не нашелъ мѣста для изложенія англійской философіи, несмотря на то, что, какъ извѣстно, самъ Кантъ заявилъ, что Юмъ пробудилъ его отъ «догматическаго сна».

Этотъ философскій антагонизмъ двухъ націй слѣдуетъ имѣть въ виду и при обсужденіи прагматизма. Напр., однимъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ прагматической философіи является ея эмпиризмъ, при чемъ нужно замѣтить, что этотъ традиціонный англійскій эмпиризмъ теперь дѣйствуетъ при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ: онъ является какъ бы національной реакціей противъ временнаго господства нѣмецкой философіи въ лицѣ гегеліянства. Дѣло въ томъ, что гегеліянство, утративши свое господствующее положеніе въ Германіи, довольно неожиданно расцвѣло въ Англіи, этой классической странѣ эмпиризма. Гегеліянцы захватили въ свои руки университетское преподаваніе, а лѣтъ около 20 тому назадъ они заняли господствующее положеніе и въ единственномъ англійскомъ философскомъ журналѣ «Mind». Этотъ журналъ, долго поддерживаемый деньгами Бена и служившій тогда органомъ традиціонной англійской философіи, потомъ перешелъ въ руки гегеліянцевъ, чѣмъ такъ сокрушался подъ конецъ своей жизни Спенсеръ.

Не зная этого обстоятельства, не зная того, что въ Англіи эмпиризмъ временно былъ отодвинутъ на задній планъ гегеліянствомъ, и что въ лицѣ прагматизма мы имѣемъ, между прочимъ, возрожденіе традиціоннаго англійскаго эмпиризма, не зная всего этого, легко неправильно понять весьма многое въ прагматизмѣ; ибо, читая труды представителей прагматизма, человѣкъ, достаточно освѣдомленный, постоянно видитъ между строками удары, направленные противъ гегеліянства, и спеціально противъ Бредли, этого bête noir прагматизма.

Такимъ образомъ первой характерной чертой прагматизма является реакція эмпиризма противъ умозрительной философіи. Второй чертой прагматизма, чертой на этотъ разъ общей съ новѣйшей германской философіей, является реакція волюнтаризма противъ интеллектуализма. Наконецъ, третьей основной чертой прагматизма, чертой, весьма неожиданной для насъ, русскихъ, но вполнѣ характерной для англо-саксонцевъ, является попытка связать эмпиризмъ съ религіей.

II.

Центральнымъ вопросомъ философскаго прагматизма безспорно является вопросъ объ истинѣ. Что такое истина? Что хотимъ мы сказать, называя то или иное утвержденіе истиной? И мы сразу познакомимъ читателей съ самой сущностью прагматизма, когда скажемъ, что въ отвѣтъ на вопросъ: что такое истина? прагматисты, отвергая всякіе отвлеченные критеріи, говорятъ, что вопросъ объ истинѣ всякаго утвержденія рѣшается на основаніи *практическихъ слѣдствій*, вытекающихъ изъ принятія этого утвержденія.

Пирсъ исходитъ изъ того положенія, что всякая неувѣренность, всякое сомнѣніе непріятно для человѣка, и человѣкъ стремится избавиться отъ этой непріятности, что онъ стремится къ успокоенію, которое дается ему лишь увѣренностью (belief, croyance). Такимъ образомъ, истинная роль мышленія состоитъ въ томъ, что при помощи мышленія мы достигаемъ увѣренности: все, что не имѣетъ отношенія къ выработкѣ увѣренности, не принадлежитъ собственно и къ мышленію. Но характерной чертой увѣренности является выработка привычки. Если двѣ мысли разрѣшаютъ одинаковымъ способомъ одно и то-же сомнѣніе, то мы тѣмъ самымъ не имѣемъ права разсматривать ихъ, какъ двѣ различныя мысли или какъ двѣ различныя увѣренности, ибо, чтобы опредѣлить значеніе какой либо мысли, мы просто должны разсмотрѣть, какую привычку она порождаетъ, такъ какъ весь смыслъ какой либо вещи заключается въ той привычкѣ, которая вытекаетъ изъ нея (what a thing means is simply what habit it involves). Но всякая привычка опредѣляется тѣмъ способомъ дѣйствія, къ которому мы при всякихъ обстоятельствахъ прибѣгаемъ подъ вліяніемъ этой привычки, а такъ какъ всякое дѣйствіе приводитъ къ осязательнымъ результатамъ, то мы и получаемъ въ осязательномъ и практическомъ видѣ (Пирсъ употребляетъ здѣсь слово «практическое» въ его этимологическомъ значеніи, какъ синонимъ слова πρᾶγμα, дѣйствіе) основу для различенія всякой мысли, какъ бы тонка она ни была, ибо нѣтъ такого тонкаго различія между мыслями, которое не давало бы о себѣ знать въ различіи на практикѣ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые математики говорятъ, что мы не можемъ знать, что такое сила, но можемъ знать лишь дѣйствіе производимое этой силой. Такое утвержденіе, говоритъ Пирсъ, есть, очевидно, плодъ недоразумѣнія, ибо что мы можемъ знать о силѣ, кромѣ ея дѣйствія? И, слѣдовательно, если мы знаемъ всѣ проявленія какой либо силы, то мы знаемъ все, что заключается въ нашемъ утвержденіи о существованіи этой силы. Если бы два человѣка стали утверждать, что каждый изъ нихъ различно понимаетъ силу, но что при этомъ

оба они вполнѣ согласны относительно всѣхъ возможныхъ проявленій этой силы, то, очевидно, что ихъ заявленіе, будто они различно понимаютъ силу, было бы совершенно лишено всякаго смысла.

Вилльямъ Джемсъ начинаетъ свое изложеніе прагматизма заявленіемъ, что «Исторія философіи является въ значительной мѣрѣ исторіей своеобразнаго столкновенія человѣческихъ темпераментовъ» («Прагматизмъ», стр. 11). «Эта истина—говоритъ онъ далѣе,—можетъ показаться многимъ изъ моихъ коллегъ умаляющей достоинство философіи. Тѣмъ не менѣе я буду исходить изъ нея, изъ этого столкновенія темпераментовъ, которымъ попытаюсь объяснить многія философскія разногласія... Молчаливой традиціей признано, что темпераментъ не есть аргументъ, поэтому философъ для своихъ выводовъ ищетъ лишь безличныхъ доводовъ. Въ дѣйствительности же темпераментъ вліяетъ на ходъ мыслей философа несравненно сильнѣе, чѣмъ любая изъ его безукоризненно-объективныхъ предпосылокъ. Отъ темперамента зависитъ значеніе и убѣдительность, приписываемая философомъ тѣмъ или инымъ аргументамъ... Философъ *довѣряетъ* своему темпераменту. Философъ ищетъ міра, который подходилъ бы къ его темпераменту, и поэтому вѣритъ въ любую картину міра, которая къ нему подходитъ... Но, конечно, публично онъ не можетъ апеллировать къ темпераменту и во имя его требовать признанія за собой бо́льшаго пониманія дѣла и авторитета. Благодаря этому въ нашихъ философскихъ спорахъ всегда таится нѣкоторая неискренность: о самой могучей изъ всѣхъ нашихъ предпосылокъ никогда не упоминаютъ. Я убѣжденъ, что дѣло только выиграетъ въ ясности, если мы... нарушимъ установившійся обычай и будемъ говорить о темпераментѣ. Такъ я поступлю».

Исходя изъ этого взгляда на темпераментъ, какъ на самый могучій факторъ въ философіи, Джемсъ, конечно, сейчасъ же занимается классификаціей темпераментовъ, при чемъ оказывается, что для философіи важно существованіе двухъ противоположныхъ темпераментовъ: темперамента «эмпиристическаго» и темперамента «раціоналистическаго», называемыхъ имъ также: «жесткимъ» и «мягкимъ» типами. Различіе между этими двумя типами онъ представляетъ въ слѣдующей таблицѣ:

мягкій типъ (tender-minded):	жесткій типъ (tough-minded):
раціоналистъ (оперируетъ «принципами»)	эмпиристъ (оперируетъ «фактами»)
интеллектуалистъ	сенсуалистъ
идеалистъ	матеріалистъ
оптимистъ	пессимистъ
вѣрующій	невѣрующій
сторонникъ свободы воли	детерминистъ

монистъ	плюралистъ
догматикъ	скептикъ.

Мы не будемъ касаться вопроса о томъ, на сколько удачна эта классификація типовъ, не будемъ касаться этого вопроса, во-первыхъ, потому, что эта классификація, въ сущности, не имѣетъ особаго значенія для пониманія прагматизма, и, во-вторыхъ, потому, что по заявленію самого Джемса такое рѣзкое распредѣленіе характеровъ является чѣмъ-то исключительнымъ и что на практикѣ всегда встрѣчается нѣкоторая помѣсь изъ этихъ двухъ типовъ. Намъ здѣсь нужно лишь указать, какое употребленіе сдѣлалъ Джемсъ изъ этого своего ученія о темпераментахъ.

«Вы ищете—говоритъ онъ своимъ читателямъ на стр. 19—такой системы, которая сумѣла бы соединить въ себѣ двѣ вещи: съ одной стороны, честное научное обращеніе съ фактами и готовность считаться съ ними—словомъ, духъ приспособленія, а съ другой—старую вѣру въ человѣческія цѣнности и въ вытекающую изъ нихъ спонтанейность,—безразлично романтическаго или религіознаго типа. Здѣсь и открывается передъ вами тяжелая дилемма, такъ какъ оказывается, что обѣ части вашего идеала безнадежно оторваны другъ отъ друга. Если вы останавливаете свой взоръ на эмпиризмѣ, вы замѣчаете, что онъ сопряженъ съ умаленіемъ человѣка (inhumanism) и невѣріемъ; если же вы обращаетесь къ раціоналистической философіи, которая дѣйствительно можетъ называть себя религіозной, то оказывается, что она лишена контакта съ конкретными фактами, что ей чужды наши радости и наши горести».

Выходъ изъ этого затрудненія и указывается, по словамъ Джемса, прагматизмомъ; ибо «прагматизмъ способенъ оставаться религіознымъ, подобно раціонализму, но въ то же время, подобно эмпирическимъ системамъ, онъ способенъ сохранять интимнѣйшую близость съ фактами» (стр. 26—7).

Прагматизмъ можетъ отважиться на подобное предпріятіе потому, что онъ является сочетаніемъ эмпиризма съ волюнтаризмомъ. Благодаря своему эмпиризму, прагматизмъ находится въ тѣсномъ соприкосновеніи съ конкретной дѣйствительностью, а благодаря рѣзко выраженному волюнтаризму, желанія и чувства человѣческой личности имѣютъ у него рѣшающее значеніе при выработкѣ ученія о мірѣ (Замѣтимъ здѣсь, что именно этотъ элементъ прагматизма имѣли мы въ виду, когда сближали міровоззрѣнія Михайловскаго съ прагматизмомъ, нѣкоторыя положенія котораго напоминаютъ различеніе Михайловскаго между «правдой-истиной и правдой-справедливостью»).

У прагматистовъ желаніе, воля, стремленіе являются основнымъ факторомъ, опредѣляющимъ наше отношеніе къ дѣйствительности. Еще Пирсъ, говоря объ успокоительномъ дѣйствіи увѣ-

ренности, замѣтилъ, что было бы совершенно ошибочно предполагать, будто успокоительно дѣйствуетъ только достиженіе вполнѣ вѣрнаго убѣжденія: для человѣка важно достигнуть твердой увѣренности и эта увѣренность одинаково его успокоитъ, будетъ-ли она истинной или ложной. А В. Джемсъ въ своей книгѣ «Зависимость вѣры отъ воли» говоритъ: «въ зависимости отъ нашей вѣры, самъ Богъ, быть можетъ, становится все живѣе и реальнѣе» (стр. 69).

По заявленію Джемса «прагматическій методъ—это, прежде всего, методъ улаживанія философскихъ споровъ, которые безъ него могли бы длиться безъ конца... Прагматическій методъ въ подобныхъ случаяхъ пытается истолковать каждое мнѣніе, указывая на его практическія слѣдствія. Какая получится для кого-нибудь практическая разница, если принять за истинное именно это мнѣніе, а не другое? Если мы не въ состояніи найти никакой практической разницы, то оба противоположныя мнѣнія означаютъ по существу одно и то же, и всякій дальнѣйшій споръ здѣсь безполезенъ» (стр. 33).

«Въ прагматическомъ методѣ, говоритъ Джемсъ на стр. 36, нѣтъ ничего абсолютно новаго. Сократъ былъ приверженцемъ его. Аристотель методически пользовался имъ. Съ помощью его Локкъ, Беркли и Юмъ сдѣлали многія цѣнныя пріобрѣтенія для истины. Шэдуорзъ Ходжсонъ настойчиво повторялъ, что дѣйствительность есть лишь то, за что она «признается». Но всѣ эти предшественники прагматизма пользуются имъ лишь случайно, урывками: это была какъ бы прелюдія. Только въ наше время методъ прагматизма пріобрѣлъ всеобщій характеръ, сознал лежащую на немъ міровую миссію и заявилъ о своихъ завоевательныхъ планахъ».

Джемсъ любитъ подчеркивать то обстоятельство, что въ прагматизмѣ нѣтъ ничего абсолютно новаго. Своей книгѣ, озаглавленной «Прагматизмъ», онъ далъ такой подзаголовокъ: «новое названіе для нѣкоторыхъ старыхъ методовъ мышленія». И, дѣйствительно, ни волюнтаризмъ, ни эмпиризмъ прагматистовъ сами по себѣ не представляютъ ничего новаго. Даже такое крайнее проявленіе прагматическаго волюнтаризма, какъ утвержденіе Джемса, что самъ Богъ становится реальнѣе въ зависимости отъ нашей вѣры, даже это утвержденіе можетъ, повидимому, опереться не на кого иного, какъ на самого Канта, который, провозгласивъ «приматъ практическаго разума», заявилъ, что, хотя мы и не можемъ доказать существованія Бога, безсмертія души и свободы воли, однако, въ качествѣ разумныхъ существъ, мы можемъ и должны постулировать реальность этихъ предметовъ.

И если въ устахъ прагматистовъ волюнтаризмъ звучитъ нѣсколько своеобразно, то это потому, что онъ соединяется здѣсь съ крайнимъ эмпиризмомъ, при чемъ этотъ эмпиризмъ принимаетъ новую форму, столь распространенную теперь среди ученыхъ,

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

Большинство современныхъ ученыхъ смотритъ на научныя обобщенія, на такъ называемые «законы природы», какъ на «рабочія гипотезы», т. е., этихъ ученыхъ мало интересуетъ вопросъ о томъ, что представляютъ сами по себѣ эти «законы природы»: они смотрятъ на эти «законы», какъ на краткую формулу, объединяющую огромное количество конкретныхъ явленій и дающую возможность разыскать еще неопредѣленное множество другихъ конкретныхъ явленій.

Вотъ почему прагматисты легко могутъ найти среди наиболѣе видныхъ представителей науки достаточное число лицъ, которыхъ имъ можно легко записать въ число своихъ единомышленниковъ. Такъ, напримѣръ, Джемсъ цитируетъ (стр. 35) слѣдующее заявленіе знаменитаго химика Оствальда: «На своихъ лекціяхъ я обыкновенно ставлю вопросъ слѣдующимъ образомъ: что измѣнилось бы въ мірѣ, если бы изъ конкурирующихъ точекъ зрѣнія была вѣрна та или другая? Если я не нахожу ничего, что могло бы измѣниться, то данная альтернатива не имѣетъ никакого смысла».

III.

Прагматическій методъ опирается на усвоенное прагматистами своеобразное пониманіе термина «истина». Въ выясненіи вопроса о томъ, что такое истина, особенно много сдѣлали Шиллеръ и Дьюи (Dewey). Въ весьма замѣчательной статьѣ «Двусмысленность истины» (помѣщенной въ журналѣ «Mind», vol. XV и перепечатанной въ книгѣ «Studies in Humanism») Шиллеръ занимается разслѣдованіемъ того, какой смыслъ имѣетъ терминъ «истина». Онъ доказываетъ: 1) что необходимъ и возможенъ анализъ, вскрывающій смыслъ этого термина; 2) что этотъ анализъ приводитъ къ проблемѣ, которую интеллектуалистическая логика не можетъ ни устранить, ни разрѣшить; 3) что отказъ отъ абстрактной логики дѣлаетъ сразу эту проблему и простой, и разрѣшимой; 4) что для ея рѣшенія нужно принять прагматическій критерій истины; 5) что выработанное такимъ образомъ опредѣленіе истины объединяетъ опытъ и даетъ раціональную основу классификаціи наукъ».

«Логики-интеллектуалисты не замѣчаютъ того, что въ ихъ словоупотребленіи терминъ «истина» имѣетъ два смысла: во-первыхъ, это—разсмотрѣніе какой-либо проблемы sub specie veri et falsi; вовторыхъ, это—провѣрка правъ на званіе истины. Интеллектуалисты не могутъ отвѣтить на слѣдующіе два вопроса: 1) какъ оцѣнивается право на званіе истины (claim to truth), и 2) какъ найти различіе простого заявленія о такомъ правѣ отъ установленной истины (between such a claim and an established truth)? Прагматисты избѣгаютъ этихъ затрудненій, такъ какъ для нихъ истина оцѣнивается по своимъ практическимъ послѣдствіямъ» (Цитируемъ

по нашему изложенію статью Шиллера въ № 91 «Вопросовъ философіи»).

Итакъ, прагматисты въ своемъ разысканіи истины рѣшили отказаться отъ «абстрактной логики» и считаютъ нужнымъ оцѣнивать каждую истину лишь по ея практическимъ послѣдствіямъ. Чтобы дать возможность нашимъ читателямъ заглянуть глубже въ суть подобнаго заявленія, мы познакомимъ ихъ здѣсь съ весьма интересной статьей Альфреда Седжуика «Прикладныя аксіомы». Эта статья была помѣщена въ журналѣ «Mind», vol XIV и, насколько намъ извѣстно, обратила на себя менѣе вниманія, чѣмъ она того заслуживаетъ. Авторъ разсматриваетъ пригодность для философіи закона противорѣчія въ его отвлеченной формѣ. Онъ заявляетъ, что прагматисты отнюдь не думаютъ отрицать этого закона, они только утверждаютъ, что законъ противорѣчія, будучи совершенно неоспоримымъ въ его отвлеченной формѣ, является совершенно безполезнымъ въ каждомъ частномъ случаѣ. Выражаясь техническимъ языкомъ логиковъ, прагматисты, говоритъ Седжуикъ, утверждаютъ, что закономъ противорѣчія нельзя пользоваться въ качествѣ «большой посылки», ибо при всякой попыткѣ приложить этотъ законъ къ какому-либо конкретному случаю, отрицаніе его *не* является безсмыслицей. Седжуикъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что противорѣчіе есть нѣчто такое, что должно быть устранено, но онъ обращаетъ вниманіе на то, что въ каждомъ конкретномъ случаѣ противорѣчіе можетъ быть не признакомъ ошибки, а чисто словеснымъ результатомъ. Эту мысль Седжуика можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ. «Твердое» и «мягкое», конечно, являются признаками противорѣчивыми, другъ друга исключающими. И, однако, если бы кто-либо назвалъ другого человѣка «твердымъ и мягкимъ», то прежде чѣмъ рѣшить, дѣйствительно ли здѣсь было высказано противорѣчивое и, слѣдовательно, безсмысленное утвержденіе,—мы должны сначала узнать, что въ данномъ случаѣ понимаетъ подъ словами: «твердый» и «мягкій» человѣкъ, высказавшій это утвержденіе. И если при этомъ окажется, напримѣръ, что, называя другого человѣка «твердымъ», онъ хотѣлъ отмѣтить стойкость его убѣжденій и его непреклонность въ выполненіи своего долга, а называя его «мягкимъ», онъ хотѣлъ отмѣтить нѣжность его души и его нежеланіе причинять людямъ страданіе; если, повторяемъ, окажется, что эпитеты «твердый» и «мягкій» были употреблены именно въ такомъ смыслѣ, тогда, конечно, мы можемъ посмѣяться надъ неудачной формой, въ которой была выражена мысль, но не найдемъ въ ней никакого противорѣчія. Взятый нами примѣръ слишкомъ ясенъ, чтобы возбудить какое бы то ни было сомнѣніе. Но когда дѣло идетъ не о такихъ простыхъ вещахъ, когда обсуждаются самыя сложныя научныя явленія, тогда сплошь и рядомъ бываетъ, что общіе принципы просто прилагаются не туда, куда слѣдуетъ, и этого никто

не замѣчаетъ вслѣдствіе сложности и трудности вопроса. Вѣдь возражали же противъ ученія Дарвина, исходя изъ того принципа, что «меньшее не можетъ произвести большаго». Конечно, въ своей отвлеченной формулировкѣ принципъ, что «меньшее не можетъ произвести большаго», непреложенъ, ибо, если бы когда-либо «меньшее» произвело «большее», тогда *нѣчто* было бы произведено *изъ ничего*. И, однако, вполнѣ соглашаясь съ этимъ принципомъ, мы все-таки знаемъ, что млекопитающее можетъ быть отдаленнымъ потомкомъ одноклѣточнаго животнаго; а зная это, мы понимаемъ, что попытка опровергнуть на основаніи вышеуказаннаго принципа теорію Дарвина была логической ошибкой, извѣстной подъ названіемъ quaternio terminorum.

Проповѣдники прагматизма, имѣя постоянно въ виду гегеліянцевъ, заняты почти исключительно доказательствомъ полной никчемности общихъ, отвлеченныхъ положеній, и это обстоятельство можетъ заставить забыть существованіе болѣе частнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе хорошо поставленнаго вопроса, а именно, вопроса о примѣнимости общихъ принциповъ въ каждомъ частномъ случаѣ. Думаемъ, что вышеприведеннымъ нашимъ примѣромъ мы достаточно выяснили, въ какомъ смыслѣ эта сторона ученія прагматистовъ пріемлема.

И въ данномъ случаѣ, опять-таки, эмпиризмъ прагматистовъ, комбинируясь съ ихъ волюнтаризмомъ, принимаетъ весьма своеобразный видъ. Уже Пирсъ назвалъ свое ученіе «прагматизмомъ» потому, что, по его мнѣнію, все значеніе вещей (и обусловливаемыхъ ими идей) опредѣляется вызываемою ими дѣятельностью. Вилльямъ Джемсъ въ своемъ «Калифорнійскомъ адресѣ» нѣсколько смягчилъ это утвержденіе Пирса. Джемсъ понялъ, что двѣ вещи могутъ отличаться другъ отъ друга такими своими сторонами, которыя не обусловливаютъ у насъ никакого различія въ дѣйствіи. Такъ, напримѣръ, домъ, окрашенный въ голубой цвѣтъ, несомнѣнно, отличается отъ дома, окрашеннаго въ желтый цвѣтъ; и, однако, если мнѣ нужно зайти въ какой-либо домъ, то, будетъ ли онъ окрашенъ въ желтый или голубой цвѣтъ, въ моихъ дѣйствіяхъ ничего отъ этого не измѣнится, какъ и вообще всѣ мои поступки, связанные съ этимъ домомъ, могутъ оказаться совершенно независимыми отъ окраски дома. Поэтому Джемсъ, принимая принципъ Пирса, что значеніе всякой вещи опредѣляется практическими послѣдствіями, прибавляетъ, что эти послѣдствія могутъ быть *какъ активными, такъ и пассивными*. Этой своей прибавкой Джемсъ защищаетъ слабое мѣсто въ ученіи Пирса. Ибо, очевидно, что, если различіе въ цвѣтѣ дома (возвращаемся къ взятому нами примѣру) не имѣетъ для насъ никакихъ *активныхъ* практическихъ слѣдствій, то *пассивныя* слѣдствія оно имѣетъ: смотря по окраскѣ дома, мы имѣмъ воспріятія то «голубого», то «желтаго». Исправивши такимъ образомъ формулу Пирса, Джемсъ прибавляетъ, что

вообще «центръ тяжести лежитъ скорѣе въ томъ фактѣ, что опытъ долженъ быть единичнымъ» (Journ. of phil., Vol. I). Этой прибавкой хорошо иллюстрируется то разнообразіе въ сочетаніи эмпиризма и волюнтаризма, которое замѣчается среди различныхъ представителей прагматизма.

Но Дьюи (Dewey) болѣе рѣшительно подчеркиваетъ активный элементъ прагматической теоріи истины. Для Дьюи идеи суть только «планы дѣйствія». Для Дьюи «истина есть характерное качество испытаннаго отношенія къ вещамъ, и внѣ этого отношенія она не имѣетъ смысла, подобно тому, какъ прилагательныя: «комфортабельная», сказанное о квартирѣ, «убѣдительная», сказанное о рѣчи адвоката и т. п. не имѣютъ никакой цѣны внѣ тѣхъ *специфическихъ* предметовъ, къ которымъ они приложены» (Dewey «Experimental Theory of Knowledge» Mind, Vol. XV). «Вооoбще, говоритъ Дьюи далѣе, было бы большимъ выигрышемъ для логики и теоріи познанія, если бы мы всегда вмѣсто существительнаго «истина» (truth) употребляли прилагаельное «истинное или вѣрное» (true), а затѣмъ и вмѣсто этого прилагаельнаго употребляли нарѣчіе «вѣрно» (truly) (l. c. p. 305). Дьюи есть признанный *логикъ* школы прагматистовъ, поэтому на его «инструментальную» теорію истины нужно обратить особое вниманіе. По ученію Дьюи всѣ наши идеи означаютъ только наше намѣреніе дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи; ихъ «истинность» есть только специфическая окраска нашего опыта, нашего отношенія къ данной вещи, подобно тому, какъ «комфортабельность» есть выраженіе специфическаго отношенія къ квартирѣ. Поэтому ни о какой нашей «идеѣ» нельзя сказать, что она истинна или ложна, пока она не будетъ провѣрена на практикѣ. Въ своей статьѣ «Reality and the Criterion for Truth of Ideas», помѣщенной въ Vol. XVI Mind'a, Дьюи говоритъ слѣдующееe: «Я слышу шумъ на улицѣ. Я думаю, что этотъ шумъ произведенъ экипажемъ, проѣхавшимъ по улицѣ. Чтобы провѣрить справедливость этой идеи, я подхожу къ окну и при содѣйствіи преднамѣреннаго глядѣнія и слушанія (слушаніе и глядѣніе являются видами моихъ поступковъ) организую въ единую систему элементы существованія и значенія, которыя были прежде соединены лишь *гипотетически*, а на самомъ дѣлѣ были разъединены. Такимъ образомъ эта идея *дѣлается* (нашъ курсивъ) истиной... А если бы я не реагировалъ такимъ приспособленнымъ къ этой идеѣ способомъ, то она осталась бы просто идеей». Мы подчеркнули заявленіе Дьюи, что идея объ экипажѣ, какъ причинѣ уличнаго шума, *сдѣлалась* послѣ провѣрки истиной, ибо вся суть ученія Дьюи и заключается въ томъ, что практическая провѣрка *создаетъ* истину. Онъ энергически возражаетъ противъ мнѣнія, что мы при посредствѣ провѣрки лишь *узнаемъ* о томъ, что наша идея есть истина. Согласно его ученію, если бы онъ не подошелъ къ окошку и не подвергъ своей «идеи»

практическому испытанію, его «идея» не могла бы почитаться истиной даже и въ томъ случаѣ, если бы шумъ на улицѣ дѣйствительно происходилъ отъ проѣхавшаго экипажа. Кто упуститъ изъ виду это различіе, тотъ не пойметъ самой сути утвержденія Дьюи, что истина есть только специфическая характеристика нашего отношенія къ вещамъ. До практической провѣрки категорія истиннаго и ложнаго, согласно Дьюи, не существуетъ. Поэтому Дьюи и утверждаетъ, что *наши мысли не могутъ быть истинными, если мы не знаемъ, что они истинны.*

Дьюи говоритъ (Reality and the Criterion for Truth, стр. 336—8), что первоначально истина отожествлялась съ нѣкоторой высшей реальностью, т. е., съ чѣмъ-то неподвижнымъ, неизмѣннымъ и лежащимъ внѣ потока быстро-мѣняющейся видимости. Затѣмъ эта истина сдѣлалась критеріемъ истинности нашихъ идей. Но во всѣ времена считалось, что истина есть нѣчто принадлежащее самимъ идеямъ, какъ чисто интеллектуальнымъ явленіямъ. Однако, это мнѣніе есть результатъ двойного недоразумѣнія: недоразумѣнія относительно идей и недоразумѣнія относительно реальности. Относительно перваго пункта нужно замѣтить, что послѣ того, какъ идея *сдѣлалась* истиной, мы обыкновенно ретроспективно говоримъ: «она всегда *была* истинной». Это утвержденіе можно считать довольно невиннымъ труизмомъ, если разсматривать его, какъ констатированіе того факта, что данная идея работала успѣшно (the idea has worked successfully); но оно является уже не труизмомъ, а чѣмъ то, дающимъ добавочное знаніе, когда ему придаютъ тотъ смыслъ, будто идея работала успѣшно и выдержала провѣрку потому, что она уже по самой своей природѣ (inherently), и именно какъ идея, была истиной, и будто-бы прагматисты ошибаются, считая, что она истинна лишь потому, что она работаетъ.

Въ виду важности этого мѣста, мы опять останавливаемъ на немъ вниманіе нашихъ читателей, чтобы подчеркнуть то основное противорѣчіе, которое имѣется по данному вопросу между прагматистами и антипрагматистами. Противники прагматизма утверждаютъ, что какая либо идея можетъ успѣшно работать лишь потому, что она истинна; а прагматисты, наоборотъ, утверждаютъ, что эта идея истинна лишь потому, что она успѣшно работаетъ. Это основное положеніе прагматизма нужно всегда помнить, если хотятъ составить себѣ правильное мнѣніе о новомъ философскомъ ученіи.

Но обратимся опять къ изложенію идей Дьюи. Если мы припомнимъ, говоритъ онъ, что экспериментаторы всегда считали, что успѣшная дѣятельность какой-либо идеи и ея правильность есть одно и то же, если мы такимъ образомъ поймемъ, что успѣшная дѣятельность идеи не есть ни причина, ни доказательство ея истинности, но самая *сущность* этой истинности, тогда несостоятельность утвержденій антипрагматистовъ сдѣлается очевидной. Предположимъ,

говоритъ Дьюи, что кому либо грозила опасность утонуть и что онъ избѣжалъ гибели, лишь благодаря совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ. И очевидецъ спасенія сказалъ-бы: «ну, теперь этотъ человѣкъ спасся». «Да, отвѣтилъ-бы на это антипрагматистъ, онъ спасся, но, собственно, онъ былъ всегда спасеннымъ человѣкомъ, и самый процессъ спасенія, хотя и показалъ наглядно, что спасеніе возможно, однако, онъ не составляетъ самаго спасенія». Такое заявленіе было бы, очевидно, чудовищно ошибочнымъ, такъ какъ оно пытается опредѣлить условія спасенія внѣ самого того активнаго процесса, который именно и привелъ къ спасенію. Но совершенно такъ поступаютъ антипрагматисты, когда уже послѣ провѣрки какой-либо идеи заявляютъ, что собственно эта идея была всегда истинной; такимъ образомъ они опускаютъ изъ виду имено то, что и дѣлаетъ идею идеей, т. е., ея гипотетическій характеръ.

Если утвержденіе, продолжаетъ далѣе Дьюи, что идея была всегда истинной, не имѣетъ другого смысла, кромѣ того, что фактически идеѣ удалось своею дѣятельностью достигнуть намѣченной цѣли, то простое повтореніе того утвержденія, что идея была всегда истинной, иначе она не достигла бы своей цѣли,—повтореніе такого утвержденія является простою тавтологіей. И подобной тавтологіей интеллектуалистъ пытается убѣдить себя, что истинность есть свойство идеи, какъ идеи, внѣ всякихъ практическихъ результатовъ. Затѣмъ, въ этомъ аргументѣ заключается ошибочное отожествленіе *реальности* съ истиной. Исходя изъ того положенія, что двѣ вещи, равныя порознь третьей, равны между собой, истина, какъ идея, и истина, какъ реальность, считается одною и тою же вещью. Но реальность имѣетъ отношеніе къ истинѣ только въ процессѣ созиданія. Когда же эту реальность отдѣляютъ отъ процессовъ выполненія, когда ее разсматриваютъ просто, какъ данную, то она тогда не является ни истиной, ни критеріемъ истины. Такъ, напримѣръ, созданіе телефона есть доказательство истинности извѣстныхъ идей, но самый телефонъ, какъ нынѣ существующая машина, не является ни истиной, ни критеріемъ истины, и въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличается отъ лежащаго на улицѣ булыжника.

Итакъ, повторяемъ еще разъ, основная мысль Дьюи заключается въ томъ, что провѣрка какой-либо идеи не *обнаруживаетъ*, что эта идея вѣрна, а *дѣлаетъ* ее вѣрной. По англійски «провѣрка»—Verification, при чемъ въ корнѣ этого слова лежитъ латинское «Verus»—истинный, правильный. Эта маленькая лингвистическая справка понадобилась намъ для того, чтобы сдѣлать понятной слѣдующую тираду Дьюи: повторивши свое утвержденіе, что «истина есть просто провѣренная идея», онъ прибавляетъ: «намъ говорятъ, что экспериментальнымъ путемъ мы лишь *находимъ*, что идея истинна, и что ошибка прагматистовъ заключается въ томъ, что они тотъ процессъ, при помощи котораго истина

находится, считаютъ за процессъ, который дѣлаетъ истину. Претензія «дѣлать истину» («making truth») считается дерзкою хулою на самую идею истины: таково послѣдствіе попытки перевести латинское слово «verification» англійскимъ словомъ «сдѣлать истиннымъ» («making true»). (Reality and the Criterion of Truth p. 334).

Въ то время, какъ Дьюи самымъ категорическимъ образомъ заявляетъ, что фактическая провѣрка есть необходимая составная часть истины, и Джемсъ и Шиллеръ обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи колебаніе: они какъ бы соглашаются, что для превращенія идеи въ истину достаточно лишь одной *возможности* провѣрки. «Истина, говоритъ Джемсъ, въ значительнѣйшей своей части покоится на кредитной системѣ. Наши мысли и убѣжденія «имѣютъ силу», пока никто не противорѣчитъ имъ, подобно тому, какъ имѣютъ силу (курсъ) банковые билеты, пока никто не отказываетъ въ пріемѣ ихъ. Но всѣ наши мнѣнія имѣютъ гдѣ-то за собой прямыя непосредственныя провѣрки, безъ которыхъ все зданіе истинъ грозитъ рухнуть, подобно финансовому предпріятію, не имѣющему подъ собой основы въ видѣ наличнаго капитала... *Такимъ образомъ, косвенные или лишь потенціальные процессы провѣрки могутъ быть столь же истинными, сколько и полные процессы провѣрки*» (Прагматизмъ, стр. 127—8).

Впрочемъ, и Шиллеръ, и Джемсъ стремятся сблизить свою точку зрѣнія съ точкой зрѣнія Дьюи; для этого они истолковываютъ «способность къ провѣркѣ» такимъ образомъ, что приходятъ къ выводу, что между способностью къ провѣркѣ и провѣркой, нѣтъ существенной разницы. И въ самомъ дѣлѣ, позиція Дьюи въ данномъ случаѣ гораздо тверже позиціи Шиллера и Джемса: стоитъ только глубже вникнуть въ вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ мы съ полной достовѣрностью можемъ утверждать, что наша идея способна выдержать практическую провѣрку, стоитъ только ясно представить себѣ эти условія, чтобы понять, что наше убѣжденіе въ провѣряемости нашей идеи предполагаетъ: во-первыхъ, уже какую либо бывшую ранѣе фактическую провѣрку, во-вторыхъ, цѣлый рядъ другихъ фактическихъ провѣрокъ, дозволяющихъ мнѣ связать эту ранѣе бывшую провѣрку съ моей возможной будущей провѣркой. Такъ, напр., я никогда не былъ въ Константинополѣ и, однако, увѣренъ, что моя идея о существованіи Константинополя вѣрна. И эта моя увѣренность опирается на огромное количество случаевъ бывшихъ провѣрокъ другими людьми факта существованія Константинополя и на безчисленные случаи моихъ личныхъ провѣрокъ, дающихъ мнѣ право вѣрить показаніямъ этихъ свидѣтелей. Первый пунктъ самъ собой понятенъ; что касается второго пункта, т. е. моего права вѣрить въ данномъ случаѣ показаніямъ свидѣтелей, то достаточно подумать хотя бы лишь о томъ, что, если бы Константинополя не существовало, тогда, значитъ, всѣ сочиненія по всемірной исторіи были бы сфальсифицированы. А

весь опытъ моей жизни даетъ мнѣ право отвергнуть мысль о томъ, что всѣ сочиненія по всемірной исторіи сфальсифицированы для того, чтобы внушить мысль, будто никогда не существовавшій Константинополь на самомъ дѣлѣ существовалъ. И предположеніе, что Константинополь ранѣе существовавшій, давно или недавно погибъ, и что отъ меня это только скрываютъ, и такое предположеніе возможно лишь при условіи, что вся новѣйшая литература и всѣ современныя газеты фальсифицированы. Но это наводитъ меня на слѣдующую мысль: а увѣренъ ли я, что въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, Константинополь со всей прилегающей къ нему землей не опустился въ море? И этотъ вопросъ наглядно показываетъ, какъ неуловимо отличіе дѣйствительной провѣряемости идей отъ самой провѣрки этой идеи.

Свое ученіе объ истинѣ Джемсъ начинаетъ анализомъ идеи о «соотвѣтствіи». Онъ говоритъ: «Истина, какъ вамъ сообщитъ любой словарь, это особое свойство нѣкоторыхъ нашихъ представленій. Она обозначаетъ ихъ «сооответствіе» съ «дѣйствительностью», подобно тому, какъ ложность обозначаетъ ихъ несоотвѣтствіе съ ней. Прагматисты и интеллектуалисты одинаково принимаютъ это опредѣленіе, какъ нѣчто само собою разумѣющееся. Разногласіе начинается лишь тогда, когда подымается вопросъ, что, собственно, означаютъ въ точности слова «соотвѣтствіе» и «дѣйствительность»,— если подъ дѣйствительностью понимаютъ то, чему должны соотвѣтствовать наши представленія».

«Отвѣчая на этотъ вопросъ, прагматисты не останавливаются передъ довольно утомительнымъ анализомъ, между тѣмъ какъ интеллектуалисты не особенно много задумываются надъ нимъ. Согласно ходячему взгляду, истинное представленіе должно воспроизводить, копировать соотвѣтствующую ему дѣйствительность. Подобно другимъ ходячимъ взглядамъ, и этотъ опирается на аналогію, взятую изъ повседневнаго опыта. Наши истинныя представленія о чувственныхъ вещахъ, дѣйствительно, воспроизводятъ ихъ. Закройте глаза и постарайтесь представить себѣ часы, что на стѣнѣ, и вы получите истинное изображеніе или копію ихъ циферблата. Но ваше представленіе о механизмѣ часовъ (если только вы не часовыхъ дѣлъ мастеръ) уже гораздо менѣе похоже на копію, однако, оно годится, ибо оно не противорѣчить дѣйствительности Если бы даже это представленіе до того обѣднѣло содержаніемъ, что отъ него осталось бы лишь слово «часовой механизмъ», то это слово все еще продолжало бы служить вамъ вѣрную службу. Но когда мы говоримъ о «времяизмѣряющей функціи часовъ», объ «эластичности» ихъ пружинъ, то мнѣ трудно указать въ точности то, что копируютъ эти понятія».

«Вы видите, что здѣсь передъ нами открывается проблема. Что, собственно, означаетъ соотвѣтствіе съ предметомъ, когда наши

представленія не въ состояніи точно копировать этотъ предметъ»! (Прагматизмъ, стр. 122).

Джемсъ упрекаетъ интеллектуалистовъ за то, что, по ихъ мнѣнію, истина представляетъ изъ себя нѣчто неподвижное, статическое. Обладаніе истиной предполагаетъ окончаніе процесса, покой. Истина какъ бы навѣки связана съ данной идеей. Нѣтъ, говоритъ Джемсъ, «истина какой либо идеи, это—не какое-то неизмѣнное, неподвижное свойство, заключающееся въ ней. Истина *случается*, *происходитъ* съ идеей (Truth happens to an idea). Идея *становится* истинной, *дѣлается* благодаря событіямъ истинной. Ея истинность это—на самомъ дѣлѣ событіе, процессъ, а именно, процессъ ея самопровѣренія, ея провѣрки» (Прагматизмъ, стр. 123—4).

Противъ «статическаго» пониманія истины интеллектуалистами прагматизмъ выдвигаетъ дѣйственное пониманіе. «Допустимъ, говоритъ Джемсъ устами прагматизма, что какая-нибудь идея или какое-нибудь убѣжденіе истинны; какую конкретную разницу внесетъ этотъ моментъ истинности въ нашу дѣйствительную жизнь? Какъ осуществится въ жизни истина? Какіе опыты будутъ протекать иначе, отлично отъ того, какъ бы они происходили, если бы разбираемое убѣжденіе было ложно? Какова, говоря короче, наличная стоимость истины, выраженная въ терминахъ опыта?»

«Какъ только прагматизмъ задаетъ этотъ вопросъ, онъ уже намѣчаетъ и отвѣтъ: *Истинныя идеи это—тѣ, которыя мы можемъ усвоить себѣ, подтвердить, подкрѣпить и провѣрить. Ложныя же идеи это—тѣ, съ которыми мы не можемъ этого продѣлать.* Въ этомъ и заключается практическое различіе между истиннымъ и ложнымъ представленіями. Въ этомъ, значитъ, и состоитъ смыслъ истины, ибо это и есть все то, за что мы признаемъ истину. Таковъ тотъ тезисъ, который я намѣриваюсь защищать» (Прагматизмъ, стр. 123).

Для правильнаго пониманія прагматизма нужно твердо помнить, что всѣ прагматисты строго различаютъ фактически данное отъ истиннаго. «Сами *факты*, говоритъ Джемсъ, ...*не истинны*. Они просто *суть*. Истина это—свойство нашихъ сужденій, возникающихъ среди фактовъ и кончающихся среди нихъ-же» (Прагматизмъ. стр. 138). Истина играетъ лишь роль руководителя среди фактовъ. Поэтому «соотвѣтствовать дѣйствительности въ широчайшемъ смыслѣ слова можетъ *означать лишь то, что мы движемся (ведомы—guided) или прямо къ ней, или въ ея окрестность, или же что мы приведены въ такое активное (working) соприкосновеніе съ ней, что въ состояніи воздѣйствовать на нее или на нѣчто связанное съ ней лучше, чѣмъ если бы не было этого соотвѣтствія.* Лучше или въ теоретическомъ, или въ практическомъ отношеніи» (Прагматизмъ, стр. 130).

Такъ выясняетъ Джемсъ смыслъ утвержденія, что истина означаетъ соотвѣтствіе съ дѣйствительностью. Наконецъ, онъ даетъ

слѣдующее «широкое и свободное» толкованіе слова «соотвѣтствіе». «Соотвѣтствіе... сводится къ вопросу о движеніи (вожденіи - leading), о движеніи полезномъ, такъ какъ, благодаря ему, мы попадаемъ въ такія области, гдѣ находятся важныя для насъ вещи. Истинныя идеи ведутъ насъ не только къ полезнымъ чувственнымъ предметамъ, но и къ полезнымъ системамъ словъ и понятій. Онѣ ведутъ насъ къ послѣдовательности, къ устойчивости, къ легкости въ общественныхъ сношеніяхъ. Онѣ ведутъ насъ прочь отъ одиночества и эксцентричности, отъ безплоднаго и безполезнаго мышленія» (Прагматизмъ, стр. 132).

Шиллеръ начинаетъ свою книгу «Studies in Humanism» заявленіемъ, это книга Дьюи «Studies Logical Theory» нанесла смертельный ударъ не только теоріи истины, какъ «соотвѣтствія съ дѣйствительностью», но и связаннымъ съ нею всѣмъ видамъ идеализма и реализма. И такимъ образомъ никакая разновидность абсолютизма не избѣгла этого удара» (p. IX). Нужно замѣтить, что, говоря о смертельномъ ударѣ, нанесенномъ Дьюи теоріи «соотвѣтствія», Шиллеръ, конечно, не имѣлъ въ виду чисто прагматическую теорію Джемса, которую мы только что изложили. Ибо въ этой Джемсовой теоріи соотвѣтствія сохранилось отъ «интеллектуалистической» теоріи одно названіе: вообще, Джемсъ, представляющій собой болѣе умѣренный (сравнительно съ Дьюи) флангъ прагматизма, охотнѣе, чѣмъ Дьюи, пользуемся старой фразеологіей.

IV.

Шиллеръ, какъ извѣстно, называетъ то новое философское теченіе представителемъ котораго онъ является,—«Гуманизмомъ». Гуманизмъ, по воззрѣнію Шиллера, есть защита правъ цѣльнаго человѣка, конкретнаго человѣка со всѣми его желаніями и чувствами, противъ односторонности интеллектуализма, противъ его абстракцій и условностей. Въ интересной статьѣ «Эмпиризмъ и Абсолютное» (см. Mind, vol XIV) онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ современное состояніе философіи. Философія, говоритъ онъ, вступаетъ теперь въ очень интересный моментъ своего развитія. Ибо эволюціонизмъ, это великое духовное движеніе XIX вѣка, приступаетъ къ осадѣ центральной твердыни метафизиковъ, къ разрушенію тѣхъ конечныхъ абстракцій, которыя признавались и уважались человѣческимъ умомъ въ теченіе вѣковъ, хотя этотъ умъ никогда не могъ сдѣлать ихъ ни понятными для себя, ни полезными. Утверждая это, прибавляетъ Шиллеръ, я отлично знаю, что существуетъ общераспространенное мнѣніе, будто эволюціонная философія нашла уже свое полное выраженіе въ «Синтетической философіи» Герберта Спенсера. Но ошибочность этого мнѣнія легко показать. Если считать сущностью эволюціо-

низма ученіе о томъ, что міръ находится въ процессѣ развитія, а главнымъ короллаіемъ этого считать признаніе реальности перемѣны и увѣренность (belief) въ томъ, что дѣйствительныя (а не простого кажущіяся) новинки (novelties) на самомъ дѣлѣ встрѣчаются, то легко показать: 1) что старая метафизика должна рѣшительно отвергнуть это ученіе и 2) что уступка, сдѣланная Спенсеромъ предразсудкамъ этой старой метафизики, повела къ невозможности для него создать истинно-эволюціонную философію.

Что касается перваго пункта, то, какъ извѣстно, старая метафизика всегда признавала, что дѣйствительное должно быть замкнутой системой, фиксированнымъ количествомъ, неподвижной субстанціей, или абсолютнымъ цѣлымъ. Откуда слѣдуетъ, что дѣйствительное должно быть станціонарнымъ, что не можетъ быть ни возрастанія, ни убыли сущаго (being), и что всякая перемѣна, процессъ или новинка суть человѣческія иллюзіи или, выражаясь вѣжливѣе, «видимости» (appearances). Однако, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ эти «видимости» переплетены съ нашей жизнью, то намъ придется признать, что и мы сами—«видимость».

Что касается Спенсера, то онъ, къ несчастью, въ основу своей философіи положилъ физическіе принципы, принадлежащіе къ статической серіи концепцій и предназначенные къ тому, чтобы удовлетворить нашему стремленію къ постоянству. Неуничтожаемость матеріи и сохраненіе энергіи по самому своему существу неспособны дать оправданія увѣренности въ реальности процесса, въ реальности прогресса и въ реальности измѣненій (Мы пользовались здѣсь нашимъ изложеніемъ статьи Шиллера въ 85 книгѣ журнала «Вопросы философіи).

Здѣсь мы коснулись новой характеристики прагматизма: его эволюціонизма. Хотя изъ всего вышеуказаннаго уже несомнѣнно и ясно обнаруживались эволюціонныя тенденціи прагматизма, но ставить точку надъ і, подчеркивать эволюціонный характеръ прагматизма мы не считали нужнымъ до тѣхъ поръ, пока устами одного изъ вождей прагматической школы не было формулировано отличіе прагматизма отъ философіи Герберта Спенсера, философіи, которая, дѣйствительно, неизбѣжно вспоминается каждымъ при словахъ «эволюціонная философія». Итакъ, эмпиризмъ прагматистовъ отличается отъ всѣхъ другихъ видовъ эмпиризма, за исключеніемъ эмпиризма Спенсера, своимъ эволюціоннымъ характеромъ. Онъ настолько эволюціоненъ, что даже философію Спенсера считаетъ доэволюціоннымъ ученіемъ!

Къ эмпиризму, эволюціонизму и волюнтаризму прагматической школы мы должны прибавить еще одну ея характеристику: ея плюрализмъ, энергически подчеркиваемый В. Джемсомъ. Монизмъ, по необходимости, абсолютенъ, и это одно уже должно было отвратить отъ него прагматистовъ. «Плюрализмъ, говоритъ Джемсъ, наоборотъ, не обнаруживаетъ... догматизма и ригоризма. Признайте

только *какое-нибудь* раздѣленіе между вещами, допустите хоть искорку независимости, хоть чуточку простора для частей, хоть ничтожнѣйшую долю реальной новизны и случая — и плюрализмъ уже удовлетворенъ и готовъ вамъ уступить какую угодно мѣру дѣйствительнаго единства. Съ точки зрѣнія плюрализма вопросъ о размѣрахъ единства въ вещахъ можетъ быть рѣшенъ лишь эмпирически... Прагматистъ, не предрѣшая эмпирическаго отвѣта на вопросъ объ окончательномъ итогѣ единства и раздѣленія въ вещахъ, долженъ, разумѣется, стать на плюралистическую точку зрѣнія» (Прагматизмъ, стр. 101).

Теперь наша первоначальная характеристика прагматизма, какъ соединенія эмпиризма съ волюнтаризмомъ, можетъ быть замѣнена болѣе совершенной характеристикой этого ученія, какъ соединенія эволюціоннаго эмпиризма съ волюнтаристическимъ плюрализмомъ.

Благодаря плюрализму у прагматизма, такъ сказать, развязываются руки: получается большая свобода дѣйствія, никакой упрекъ въ ирраціонализмѣ теперь не страшенъ, ибо почему бы вещамъ, намъ совершенно чуждымъ, съ нами не связаннымъ, обнаруживать особую щепетильность по отношенію къ нашимъ «раціональнымъ» требованіямъ?! Благодаря плюрализму волюнтаристическія тенденціи прагматизма могутъ особенно ярко себя обнаружить, ибо теперь, именно, каждый элементъ *дѣлаетъ* свою судьбу и свою истину, истину въ прагматическомъ смыслѣ слова, въ смыслѣ выработки руководства для успѣшной дѣятельности.

Конечно, съ плюралистическимъ волюнтаризмомъ, болѣе чѣмъ съ какой бы то ни было иной философской концепціей, гармонируетъ, напр., такое заявленіе Шиллера: «Причина, почему говорится, что истина зависитъ отъ своихъ послѣдствій, заключается просто въ томъ, что, если только мы не вообразимъ себѣ, будто истины пребываютъ неизмѣнно и a priori въ надзвѣздномъ мірѣ, откуда онѣ магически исходятъ въ пассивно ихъ воспріемлющія души, какъ это со времени Платона постоянно пытаются утверждать раціоналисты, — то онѣ (т. е. истины) должны создаваться, завоевывая наше признаніе. А кто можетъ себѣ представить иной раціональный способъ провѣрки, кромѣ испытанія на дѣлѣ, т. е., на послѣдствіяхъ» (Studies in Humanism, p. 6)?..

Общая концепція «Гуманизма» Шиллера напоминаетъ собой идею Н. К. Михайловскаго о «субъективно-антропоцентрической» точкѣ зрѣнія. Михайловскій, какъ извѣстно, не былъ чистокровнымъ философомъ: области философіи онъ касался только въ качествѣ соціолога. Поэтому, высказавши свою остроумную теорію, онъ ограничился соціальными послѣдствіями признанія законности субъективно-антропоцентрической точки зрѣнія, и не приложилъ этой точки зрѣнія къ теоріи познанія. Шиллеръ, въ качествѣ чистокровнаго философа, конечно, не могъ обойти вопросовъ теоріи познанія. «Утверждая, что «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей», и

называя свой «Гуманизмъ» «Нео-Пpютагоріанствомъ» (еще новое названіе для прагматизма), Шиллеръ энергически борется противъ «обезчеловѣченія» (dehumanizing) истины: истина не можетъ быть достигнута однѣми сухими отвлеченностями, она является отвѣтомъ на дѣятельность всего человѣка; чувство и воля — вотъ настоящіе творцы истины. Раціоналисты уродуютъ человѣка, сводя его лишь къ одному познавательному элементу. Въ своей статьѣ: «О сохраненіи видимостей», направленной противъ Бредли, какъ автора книги «Дѣйствительность и Видимость», Шиллеръ задается цѣлью представить отношеніе между «дѣйствительностью» и «видимостью» совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ это сдѣлалъ гегеліянецъ Бредли. Шиллеръ утверждаетъ здѣсь, что *конечная реальность* должна давать *реальное объясненіе*, ея *никогда* не слѣдуетъ дѣлать трансцендентной, *никогда* не слѣдуетъ разрывать ея связи съ «видимостями», которыя она должна объяснять. «Видимости» должны быть сохранены; ихъ нельзя лишить ихъ реальности лишь подъ тѣмъ предлогомъ, что мы видимъ въ нихъ проблескъ чего-то высшаго. Пока онѣ существуютъ, онѣ тѣмъ самымъ реальны. Нашъ міръ, *дѣйствительно* (really), окрашенъ, шумливъ (noisy), твердъ, пространственъ и т. п., несмотря на всѣ возраженія нашихъ мудрецовъ (wiseacres), и есть даже достаточное основаніе утверждать, что земля плоска и что солнце восходитъ и заходитъ. Даже кошмаръ не становится менѣе реальнымъ и менѣе тягостнымъ оттого, что вы остались живыми и приписали его возникновеніе салату изъ омаровъ. Никогда не слѣдуетъ забывать, что въ концѣ концовъ непосредственный опытъ болѣе реаленъ, т. е., болѣе прямо реаленъ, чѣмъ всѣ тѣ «высшія реальности», которыя его «объясняютъ». Дѣйствительность «высшихъ реальностей» зависитъ лишь отъ ихъ *пригодности* (efficiency), т. е., отъ ихъ способности гармонировать съ низшими реальностями (Пользуемся нашимъ изложеніемъ статьи Шиллера въ № 74 журнала «Вопросы философіи»).

Шиллеръ въ своихъ «Studies in Humanism» формулируетъ «сущность прагматизма» въ слѣдующихъ семи положеніяхъ, относительно которыхъ онъ замѣчаетъ, что, хотя эти положенія, «несомнѣнно, очень несходны между собой въ словесной ихъ формулировкѣ, но, тѣмъ не менѣе, они вполнѣ эквивалентны другъ другу» (p. 12). Эти семь положеній таковы: во-первыхъ, исходя изъ того положенія, что всякое испытаніе «истины» по существу одинаково; что оно всегда предполагаетъ опытъ; что оно всегда предполагаетъ *опасность* неудачи и ожиданіе удачи; и что оно всегда оканчивается *оцѣнкой*,—Шиллеръ приходитъ къ первому опредѣленію прагматизма, какъ ученія, что *«истины суть логическія цѣнности»* (p. 7). Во-вторыхъ, исходя изъ того положенія, что истина, которая не можетъ быть провѣрена, не есть истина; а чтобы быть провѣренной, она должна быть испытана путемъ *приложенія* ея къ какому-либо частному вопросу, гдѣ она и должна показать свою

полезность, Шиллеръ приходитъ ко второй формулировкѣ прагматизма, какъ ученія, провозглашающаго, что *«истина какого-либо утвержденія зависитъ отъ его приложенія»* (p. 8). Въ третьихъ, исходя изъ приблизительно тѣхъ же соображеній, Шиллеръ формулируетъ сущность прагматическаго метода, какъ утвержденіе, что *«значеніе всякаго правила заключается въ его приложеніи»* (p. 9). Въ четвертыхъ, изъ обѣихъ предыдущихъ формулъ Шиллеръ дѣлаетъ тотъ выводъ, что прагматическій характеръ истины выяснится лучше всего подчеркиваніемъ того обстоятельства, что въ концѣ концовъ *«все получаетъ свое значеніе отъ намѣренія»* (p. 9). Въ пятыхъ, Шиллеръ считаетъ, что одной изъ самыхъ существенныхъ сторонъ прагматизма является утвержденіе, что *«вся духовная жизнь цѣлестремительна (purposive)»* (p. 10). Въ шестыхъ, Шиллеръ характеризуетъ прагматизмъ, какъ *«систематическій протестъ противъ всякаго игнорированія цѣлестремительнаго характера дѣйствительнаго знанія»* (p. 11). Наконецъ, въ седьмыхъ, Шиллеръ заявляетъ, что прагматизмъ *«есть сознательное приложеніе къ теоріи познанія (или логикѣ) телеологической психологіи, что предполагаетъ, въ концѣ концовъ, волюнтаристическую метафизику»* (p. 12).

М. Мокіевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

БРАТСТВО.

Романъ *Джона Гельсуорси.*

Переводъ съ англійскаго Э. К. Пименовой.

XXV.

Домашняя жизнь Стефана.

Выходя изъ дому, мистеръ Стонъ и Тиме снова прошли мимо высокаго бѣлокураго молодого человѣка, который стоялъ у дверей и курилъ. Онъ окинулъ ихъ все тѣмъ же презрительнымъ взглядомъ и выпустилъ дымъ изо рта. Въ рукахъ у него была прежняя папироска; ту, которую сдѣлалъ для него Мартинъ, онъ бросилъ, не находя въ ней достаточной ѣдкости и вкуса.

Стонъ не замѣчалъ ничего. Онъ шелъ, устремивъ взоръ въ пространство, и его сѣдая голова болталась, точно засохшій цвѣтокъ на тонкомъ стебелькѣ. Тиме безпокоило его молчаніе и движенія его головы; поэтому она взяла его подъ руку. Прикосновеніе ея теплой, мягкой ручки вернуло ему способность говорить.

— Въ этихъ мѣстахъ... въ этихъ улицахъ!—прошепталъ онъ.—Я не увижу цвѣтка алоэ... Не увижу мира среди живыхъ!.. Точно собаки, стерегущія свою кость, живутъ здѣсь люди!..

Онъ снова погрузился въ молчаніе. Тиме съ тревогой смотрѣла на него. Она тѣснѣе прижалась къ нему, какъ бы желая вернуть его къ повседневной жизни, и съ тоскою думала: „Если бъ онъ заговорилъ, наконецъ, понятнымъ для всѣхъ языкомъ! Если бъ онъ пересталъ смотрѣть такимъ ужасно-неподвижнымъ, пристальнымъ взглядомъ!..“

Точно отвѣчая на мысли своей внучки, Стонъ вдругъ сказалъ:

— Я видѣлъ видѣніе братства... Пустынный, безплодный склонъ холма, опаляемый солнцемъ, и тамъ каменный чело-

вѣкъ разговариваетъ съ вѣтромъ. Я слышалъ крикъ филина днемъ; я слышалъ пѣніе кукушки ночью...

— Дѣдушка! дѣдушка!—съ отчаяніемъ воскликнула Тиме.

На этотъ призывъ Стонъ отвѣчалъ:

— Да! Что такое?

Но Тиме, назвавшая его, не знала, что сказать ему. Крикъ вырвался у нея надъ вліяніемъ волненія и страха.

— Если бы этотъ несчастный ребенокъ остался жить... онъ бы выросъ... Такъ лучше, не правда ли?—пролепетала она.

— Что ни дѣлается, все къ лучшему,—отвѣчалъ Стонъ.— Въ наши дни люди, одержимые мыслями объ индивидуальной жизни, стонутъ, когда является смерть, пренебрегая великой истиной, что міръ это—безконечная пѣснь.

Тиме испуганно смотрѣла на него и думала: „Никогда еще я не видѣла его въ такомъ плохомъ состояніи!“ Она старалась идти скорѣе и тащила его за собой. Съ чувствомъ облегченія она увидѣла отца, идущаго къ нимъ на встрѣчу.

Стефанъ шелъ, какъ всегда, быстрыми шагами и, увидѣвъ ихъ, замахалъ имъ шляпой. Въ черномъ пальто, открытомъ спереди, онъ казался особенно элегантнымъ. Его лицо было гладко выбрито.

— Откуда вы оба выскочили?—спросилъ онъ, отворяя дверь своимъ ключомъ и впуская ихъ въ переднюю.

Стонъ ничего не отвѣтилъ, а прошелъ прямо въ гостиную и усѣлся на первый попавшійся стулъ, нагнувъ впередъ туловище и заложивъ руки между колѣнями.

Стефанъ сердито взглянулъ на него и обратился къ дочери:

— Милое дитя, къ чему ты привела сюда этого стараго младенца? Вѣдь если у насъ къ обѣду будетъ подано жаркое изъ какого-нибудь высшаго млекопитающаго, то твоя мать упадетъ въ обморокъ!

— Не надо насмѣхаться, отецъ!

Стефанъ, очень любившій дочь, замѣтилъ, что она сама не своя. Онъ съ серьезнымъ вниманіемъ взглянулъ на нее. Тиме отвернулась, и вдругъ онъ услышалъ всхлипываніе.

— Голубушка, что съ тобой?—спросилъ онъ съ тревогой.

Досадуя на свою сантиментальную слабость, Тиме сдѣлала надъ собой усиліе:

— Я видѣла сегодня, какъ умеръ ребенокъ!—крикнула Тиме хриплымъ голосомъ и, сорвавшись съ мѣста, убѣжала изъ комнаты.

Стефанъ питалъ болѣзненный страхъ ко всякимъ душевнымъ волненіямъ. Онъ всегда избѣгалъ ихъ. Трудно сказать, когда онъ въ послѣдній разъ обнаружилъ душевное волненіе. Пожалуй, это было въ тотъ моментъ, когда родилась

Тиме. Но и тогда онъ постарался сдѣлать такъ, чтобы никто не видѣлъ этого. Онъ заперся въ своемъ кабинетѣ и ходилъ взадъ и впередъ, не выпуская своей любимой трубки изо рта. Впрочемъ, ему рѣдко приходилось видѣть проявленія этой слабости и у другихъ. Ни его взгляды, ни его рѣчи не поощряли къ этому никого изъ домашнихъ, и если у его жены была къ этому какая-нибудь склонность, то она должна была бы давно отучиться отъ нея. Впрочемъ, Сесилія никогда не была склонна отдаваться своимъ чувствамъ, такъ какъ не довѣряла имъ. А Тиме,—это здоровое молодое растеніе, любящее свѣтъ и воздухъ, такое крѣпкое и эластичное—она никогда не причиняла ему ни малѣйшей непріятности въ этомъ отношеніи.

Въ сердце Стефана закралась тревога. Онъ переносилъ удары судьбы и могъ переносить ихъ, пока ничто, ни въ его обращеніи, ни въ обращеніи другихъ, не указывало на то, что это были, дѣйствительно, удары, замѣтные для постороннихъ. Больше всего онъ боялся обратить на себя вниманіе и вызвать по этому поводу разговоры.

Положивъ шляпу, которую онъ все еще держалъ въ рукахъ, онъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, въ комнату жены. Онъ никогда не входилъ къ ней, не постучавъ предварительно, и сохранялъ эту привычку девятнадцати-лѣтней супружеской жизни. Но на этотъ разъ послѣ онъ пренебрегъ этой формальностью и прямо раскрылъ дверь. Сесилія застегивала платье передъ зеркаломъ и была очень мила въ своемъ вечернемъ туалетѣ. Она взглянула на мужа съ удивленіемъ.

— Что это я слышалъ про мертвого ребенка, Сисси?—спросилъ онъ.—Тиме взволнована, а отецъ сидитъ тамъ въ гостиной!

Инстинктивно Сесилія поняла, въ чемъ дѣло. Она бы не могла сказать почему, но она тотчасъ же подумала о маленькой натурщицѣ и о мистриссъ Хюггсъ.

— Умеръ?—воскликнула она.—Бѣдная женщина!

— Какая женщина?

— Должно быть, мистриссъ Хюггсъ!

„Опять эти люди!"—мелькнуло въ головѣ Стефана. Онъ не хотѣлъ выказать грубость и безтактичность и потому промолчалъ.

— Ты, кажется, сказала, что отецъ сидитъ въ гостиной? А у насъ сегодня на обѣдъ жаренное филе!—воскликнула Сесилія съ испугомъ.

— Пойди сначала къ Тиме,—сказалъ Стефанъ.

Сесилія остановилась у дверей комнаты дочери и прислушалась. Не слышно было никакого звука, и она тихо по-

стучала. Тиме лежала на кровати, спрятавъ лицо въ подушку. Сесилія была поражена: все тѣло ея дочери содрогалось отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— Моя голубушка, что съ тобой?—спросила мать.

Отвѣтъ Тиме нельзя было разобрать. Сесилія сѣла возлѣ нея на кровать и начала гладить ее по распущеннымъ волосамъ, испытывая мучительное чувство тревоги, какое обыкновенно испытываетъ человѣкъ, которому приходится видѣть горе любимаго и близкаго существа, не зная истинной причины. „Это ужасно — думала Сесилія. — Что мнѣ дѣлать?"

Видѣть плачущей свою дочь было достаточно тяжело, но еще тяжелѣе была мысль, что эта плачущая дѣвушка до сихъ поръ смотрѣла на слезы, какъ на унизительную слабость, которую не допускала у себя и осуждала у другихъ.

Наконецъ, Тиме нѣсколько успокоилась, приподняла голову и облокотилась на руку. Но лицо она отвернула въ сторону.

— Не знаю, что со мной,—сказала она.—Это... это... чисто-физическое у меня!

— Да, милая,—прошептала Сесилія.—Я вѣдь знаю.

— О, мамочка! Онъ былъ такой крошечный, такой безпомощный!—вдругъ вскричала она.

— Да, да, моя дѣвочка!

Тиме повернулась къ матери. Ея потемнѣвшіе глаза и все ея личико, покраснѣвшее и омоченное слезами, выражали страшное возмущеніе:

— Зачѣмъ, зачѣмъ это надо было?.. Такъ ужасно грубо, такъ жестоко!—вскричала она.

Сесилія обняла ее.

— Я очень огорчена, что ты это видѣла,—сказала она.

— А дѣдушка былъ такой...—Она не докончила и опять зарыдала.

— Да, да, милая, я знаю это,—успокаивала ее мать.

Тиме схватила ея руки, сжала ихъ и сквозь рыданія проговорила:

— Онъ... назвалъ его: „маленькій братъ!.."

Слеза скатилась по щекѣ Сесиліи и упала на руку Тиме. Почувствовавъ это, Тиме вскочила:

— Это нелѣпая, смѣшная слабость!—вскрикнула она.— Я не хочу этого! Уходи, мама, умоляю тебя! Я вредно дѣйствую на тебя. Лучше пойди къ дѣдушкѣ...

Сесилія увидѣла, что Тиме уже овладѣла собой и больше не будетъ плакать. Въ сущности Сесилію растрогалъ только видъ слезъ дочери и поэтому, когда Тиме перестала пла-

кать, то и она почувствовала облегченіе. Нѣсколько минутъ она сидѣла въ нерѣшительности, гладя руку дочери, потомъ встала и вышла изъ комнаты. Спускаясь по лѣстницѣ, она думала: „Какъ это все непріятно и въ то же время какъ трогательно!.. И зачѣмъ это отецъ пришелъ съ нею?“

Стонъ сидѣлъ неподвижно все на томъ же мѣстѣ, и Сесилію вдругъ поразилъ его видъ. Онъ показался ей особенно слабымъ и блѣднымъ. Въ своей сѣрой одеждѣ, въ полутемной гостиной, онъ сидѣлъ точно пришелецъ изъ другого міра, безплотный духъ, весь серебряный съ головы до пятокъ. При взглядѣ на него Сесилію кольнула совѣсть. Ей стало жаль его, и у нея заныло сердце. Она упрекала себя за то, что часто думала: „если-бъ онъ не былъ такой“, за то, что не звала его къ себѣ именно по этой причинѣ, за тѣ улыбки, которыми она обмѣнивалась съ мужемъ послѣ его рѣчей, за свое молчаніе... И теперь ей страстно захотѣлось подойти къ нему, обнять его и какъ-нибудь дать ему понять, что она скорбитъ о немъ. Но она не посмѣла это сдѣлать. Онъ, казалось, такъ далеко унесся мыслями, что ничего не замѣчалъ вокругъ себя. Было бы смѣшно, если-бы она подошла къ нему теперь.

Она прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ и, чтобы обратить его вниманіе на себя, нарочно задѣла ногой за каминную доску. Наконецъ, она рѣшилась позвать его.

Стонъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее. Онъ какъ будто не сразу сообразилъ, что передъ нимъ его старшая дочь.

— Что, моя дорогая?—спросилъ онъ.

— Ты не чувствуешь себя больнымъ, отецъ? Тиме увѣряла, что видъ этого бѣднаго ребенка очень взволновалъ тебя.

Стонъ пощупалъ рукой свое тѣло и проговорилъ:

— Я не чувствую нигдѣ никакой боли.

— Такъ оставайся у насъ обѣдать, да?

Онъ наморщилъ брови, точно стараясь припомнить что-то.

— Я не пилъ чаю...—сказалъ онъ. Потомъ вдругъ, взглянувъ съ тревогой на свою дочь, прибавилъ:

— Эта маленькая дѣвушка не пришла ко мнѣ!.. Мнѣ ее не хватаетъ!.. Гдѣ она находится?

У Сесиліи еще сильнѣе заныло сердце.

— Уже два дня она не приходитъ,—продолжалъ Стонъ.— Она ушла и изъ того дома, и изъ улицы, гдѣ жила прежде...

Сесилія, не зная, что сказать, спросила его:

— Въ самомъ дѣлѣ, тебѣ ее не хватаетъ, отецъ?

— Да,—отвѣчалъ Стонъ.—Она похожа... Онъ обвелъ глазами комнату, какъ бы стараясь найти подходящій пред-

метъ для сравненія. Вдругъ его взоръ остановился на противоположной стѣнѣ, гдѣ лучъ солнца, проложившій себѣ дорогу черезъ какую-то щелку, образовалъ маленькое разноцвѣтное, дрожащее пятнышко.

— Она похожа на это,—сказалъ онъ, указывая пальцемъ на него.

Но вдругъ пятно исчезло.

— Его нѣтъ больше,—прибавилъ онъ со вздохомъ, опуская палецъ.

— „Какъ это ужасно!—подумала Сесилія.—Я не ожидала, что онъ такъ сильно почувствуетъ ея отсутствіе. А теперь, что же я могу сдѣлать?"

— Быть можетъ, Тиме могла бы писать подъ твою диктовку, отецъ? Я увѣрена, что она будетъ дѣлать это съ удовольствіемъ,—торопливо сказала Сесилія.

— Она моя внучка, — просто отвѣтилъ Стонъ. — Это не одно и то же.

Сесилія не нашлась ничего возразить и только спросила:

— Можетъ быть, ты хочешь вымыть руки.

— Да,—отвѣчалъ Стонъ.

— Тогда поднимись въ туалетную комнату Стефана, тамъ есть горячая вода. Или, можетъ быть, ты хочешь вымыть ихъ въ умывальной?

— Въ умывальной. Тамъ мнѣ будетъ свободнѣе.

Когда онъ вышелъ, Сесилія съ отчаяніемъ всплеснула руками:

— Боже мой! какъ я вынесу этотъ вечеръ? Бѣдняга, онъ такъ поглощенъ своей идеей. Она совершенно завладѣла его умомъ.

При звукахъ обѣденнаго гонга всѣ собрались въ столовой. Тиме пришла изъ своей комнаты съ пылавшими щеками и опухшими глазами. Стефанъ вопросительно поглядывалъ на нее. Всѣ усѣлись за столъ молча, чуть-чуть скрытые другъ отъ друга букетами сирени, поставленными у приборовъ. Первый нарушилъ молчаніе Стефанъ. Отхлебнувъ немного хереса, онъ обратился къ Стону съ вопросомъ:

— Какъ подвигается ваша книга, сэръ?

Сесилія почувствовала неловкость при этомъ вопросѣ мужа. Онъ показался ей слишкомъ грубымъ. Какъ ни было само по себѣ нелѣпо такое поглощеніе одной идеей, но она понимала, что для Стона его книга дороже всего на свѣтѣ, дороже самой жизни. Къ ея облегченію, Стонъ не разслышалъ вопроса или не обратилъ на него вниманія, такъ какъ былъ занятъ ѣдой.

— Вы, должно быть, уже оканчиваете свою работу?—приставалъ къ нему Стефанъ.

— Неправда ли, папа, какіе прелестные цвѣты!—вмѣшалась Сесилія, чтобы замять разговоръ.

Стонъ посмотрѣлъ на букетъ.

— Этотъ цвѣтокъ называется неправильно,—сказалъ онъ.

— Ахъ!—обрадовалась Сесилія.—Если бъ только удалось направить разговоръ на естественныя науки. Онъ тогда можетъ говорить очень интересно.

— Всѣ цвѣты одинаковы,—продолжалъ Стонъ.—Въ сущности они представляютъ одно и то же...

Голосъ Стона измѣнился, когда онъ началъ говорить.

— Ага!—подумала Сесилія.—Онъ теперь заведенъ!..

— Цвѣты имѣютъ единую душу, но люди постоянно старались раздѣлять и подраздѣлять ихъ, забывая о томъ единомъ принципѣ, который лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ, повидимому, отдѣльныхъ формъ...

Сесилія быстро перевела глаза на лакея, прислуживавшаго за столомъ, опасаясь съ его стороны какой-нибудь оплошности. Но она умѣла замѣтить все таки, что у Стефана приподнялась одна бровь. Значитъ, онъ былъ чѣмъ то недоволенъ.

Стефанъ терпѣть не могъ, когда одну вещь смѣшивали съ другой. Онъ находилъ, что всякой вещи въ природѣ должно быть отведено надлежащее мѣсто.

— Не станете-же вы увѣрять насъ, сэръ,—обратился онъ къ Стону,—что одуванчики и розы—одно и то же?

Стонъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Развѣ я говорилъ что нибудь подобное?—сказалъ онъ.—Я вовсе не хочу быть догматичнымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо проговорилъ Стефанъ.

Тиме нагнулась къ матери и шепнула ей:

— Мамочка, дорогая, постарайся, чтобы дѣдушка не говорилъ странныхъ вещей. Я просто не могу выносить этого сегодня.

Сесилія, не зная, съ чего начать, вдругъ обратилась съ вопросомъ къ отцу:

— Скажи намъ, папа, какъ ты думаешь, что за личность эта молоденькая дѣвушка, которая приходила къ тебѣ?

Стонъ только что поднесъ стаканъ воды ко рту и остановился. Очевидно, слова дочери отвлекли его мысли въ другую сторону. Однако онъ ничего не сказалъ. Вдругъ Сесилія увидала къ своему ужасу, что слуга, съ какимъ то предумышленнымъ коварствомъ, готовился поднести ему блюдо съ жаренымъ мясомъ. Со страхомъ она сдѣлала движеніе рукой и быстро прошептала:

— Не туда, не туда, Чарльзъ!

Слуга какъ то поджалъ губы и обнесъ блюдо мимо Стона. Его, повидимому, забавлялъ испугъ его госпожи. Но Стонъ снова заговорилъ:

— Я не задумывался надъ этимъ,—сказалъ онъ.—У нея скорѣе кельтическій, нежели англосаксонскій типъ. Скулы у нея выдаются, но челюсть не особенно массивна. Голова широка. Если я не забуду, то измѣрю ее. Глаза особеннаго голубого цвѣта, напоминающаго цвѣты цикорія. Ротъ...— Онъ остановился.

— Какъ счастливо я придумала!—сказала себѣ Сесилія.— Теперь, быть можетъ, онъ не будетъ говорить странныхъ вещей.

— Я не знаю,—резюмировалъ свои наблюденія Стонъ,— могла ли бы она оставаться добродѣтельной?..

Его голосъ звучалъ точно издалека, когда онъ говорилъ это.

Сесилія замѣтила, что Стефанъ, недовольный оборотомъ разговора, наливалъ хересъ. Тиме тоже поднесла ко рту рюмку вина, точно въ замѣшательствѣ. Сесилія покраснѣла, но какъ находчивая хозяйка, не растерялась, а тотчасъ же обратилась къ отцу:

— Кажется, ты не бралъ молодого картофеля, папа? Чарльзъ, подайте мистеру Стону молодой картофель.

На лицѣ Стефана появилось сердитое выраженіе. Сесилія видѣла, что вслѣдствіе ея ошибки онъ снова намѣренъ завладѣть положеніемъ, не допуская больше ея вмѣшательства.

— Говоря о братствѣ, сэръ,—сухо замѣтилъ онъ,—зайдете ли вы такъ далеко, что даже станете доказывать братство молодого картофеля съ бобомъ?

Стонъ посмотрѣлъ на свою тарелку, на которой лежали эти оба продукта растительнаго царства. Видъ у него былъ довольно сконфуженный.

— Я не вижу никакой разницы между ними,—проговорилъ онъ, запинаясь.

— Это справедливо,—согласился Стефанъ.—Изъ обоихъ продуктовъ можно извлекать спиртъ...

Стонъ бросилъ на него странный взглядъ.

— Вы смѣетесь надо мной, — сказалъ онъ. — Я не могу препятствовать этому, но вы не должны смѣяться надъ жизнью. Это святотатство.

Его пристальный, острый взглядъ заставилъ Стефана потупить глаза. Сесилія видѣла, что мужъ ея прикусилъ нижнюю губу.

— Мы слишкомъ много разговаривали и мѣшали ѣсть твоему отцу,—замѣтилъ онъ.

Конецъ обѣда прошелъ въ молчаніи.

Стонъ ушелъ, тотчасъ же послѣ обѣда, отказавшись отъ чьихъ бы то ни было проводовъ, а Тиме отправилась спать. Стефанъ, оставшись одинъ, прошелъ въ свой рабочій кабинетъ. Эта комната, представлявшая его святая-святыхъ, была непохожа на остальныя комнаты въ домѣ. Тутъ были его исключительныя владѣнія, гдѣ онъ хранилъ свои бумаги, трубки, свои принадлежности для игры въ мячъ. Никто не притрогивался ни къ одному предмету, находящемуся здѣсь, кромѣ самого Стефана, и только два раза въ недѣлю спеціальная горничная приходила убирать комнату. Въ кабинетѣ Стефана не было ни бюста Сократа, ни книгъ въ дорогихъ переплетахъ изъ оленьей кожи. Одна книжная полка была наполнена юридическими трактатами, коллекціей „Синихъ книгъ“ и полнымъ собраніемъ сочиненій Вальтеръ Скотта. Два шкафа изъ чернаго дуба, со множествомъ ящиковъ, стояли у стѣны. Когда ящички были выдвинуты, то отъ нихъ распространялся запахъ полированнаго металла. Внутри каждаго ящичка, раздѣленнаго на множество отдѣльныхъ клѣтокъ, обитыхъ зеленымъ сукномъ, разложены были монеты. На каждой такой клѣткѣ находился ярлычокъ съ надписью. Это была коллекція монетъ, которой очень дорожилъ Стефанъ. Какъ это ни странно, но видъ этихъ аккуратно разложенныхъ металлическихъ кружковъ производилъ на него успокоительное впечатлѣніе, и онъ всегда запирался въ своемъ кабинетѣ и принимался разсматривать свои монеты, когда бывалъ чѣмъ нибудь разстроенъ. Ему доставляло какое то особенное наслажденіе брать ихъ въ руки, прочитывать надписи на нихъ. Онъ испытывалъ настоящее ощущеніе пьяницы, пьющаго глотками водку, когда притрогивался къ этимъ монетамъ. Въ нихъ заключалась для него вся исторія міра, и эта исторія была его созданіемъ, здѣсь находила удовлетвореніе та сторона его природы, которая не довольствовалась изученіемъ законовъ и суммированіемъ ихъ постановленій, игрою въ мячъ и чтеніемъ журналовъ. Въ коллекціи этихъ монетъ сказывалось безсознательное стремленіе человѣка къ познанію. Стефанъ собиралъ рѣдкіе экземпляры монетъ, начиная отъ временъ Рамзеса до Георга IV, и смотрѣлъ на коллекцію, какъ на свое дѣтище, свое созданіе, которое останется и послѣ его смерти.

Стефанъ переодѣлся въ старую бархатную куртку, приготовленную для него на стулѣ, и закурилъ свою любимую трубку, которую никогда не рѣшался курить въ своемъ обѣденномъ костюмѣ. Подойдя къ правому шкафчику, онъ открылъ его, выдвинулъ ящикъ и, стоя, началъ вынимать монеты, одну за другой и съ улыбкой разсматривать ихъ.

Въ этомъ ящикѣ хранились лучшіе и очень рѣдкіе образцы византійскихъ монетъ, и видъ ихъ доставлялъ ему спеціальное удовольствіе.

Стефанъ не замѣтилъ, что въ комнату вошла Сесилія и молча стоитъ и смотритъ на него. Въ ея глазахъ было странное выраженіе, точно она сомнѣвалась, любила ли она дѣйствительно этого человѣка, который стоялъ возлѣ ящика и такъ любовно разглядывалъ монеты? Здѣсь, въ этой комнатѣ, онъ проводилъ столько вечернихъ часовъ съ другой владычицей его думы, отнимавшей его у Сесиліи!

Онъ захлопнулъ зеленую суконную крышку, покрывавшую монеты, и задвинулъ ящикъ.

— Стефанъ! — позвала его Сесилія. — Я чувствую, что должна сказать отцу, гдѣ находится эта молоденькая дѣвушка.

Стефанъ повернулся къ ней.

— Милое дитя,—сказалъ онъ какимъ то искусственнымъ голосомъ,—вѣдь ты же не можешь открыть ему истины?

— Да, но я вижу, что это его совершенно перевернуло. Смотри, какъ онъ осунулся и поблѣднѣлъ.

— Онъ долженъ прекратить купанье въ холодной водѣ. Въ его годы это просто чудовищно. Безъ сомнѣнія, всякая другая дѣвушка такъ же хорошо можетъ сдѣлать для него эту работу.

— Но онъ, повидимому, придавалъ большое значеніе тому, что могъ прочитывать ей свою рукопись!

Стефанъ пожалъ плечами. Онъ одинъ разъ случайно присутствовалъ при томъ, какъ старикъ Стонъ декламировалъ отрывки своей рукописи. Онъ до сихъ поръ не могъ забыть то чувство неловкости, которое испыталъ тогда. „Бредъ помѣшаннаго“, говорилъ онъ потомъ Сесиліи. Но въ его мозгу сохранилось воспоминаніе объ этомъ, вызывавшее у него странное ощущеніе чего-то тяжелаго и сырого, точно холодный, полотнянный компрессъ, приложенный къ тѣлу. Отецъ его жены былъ немного „тронутъ“, онъ былъ маніакъ, и, конечно, Сесилія не была виновата въ этомъ, бѣдняжка! Но всякое напоминаніе о произведеніи его больного ума почему-то причиняло Стефану почти физическое страданіе. Онъ не забылъ и того непріятнаго чувства, которое испыталъ сегодня за обѣдомъ.

— Онъ, повидимому, очень привязался къ этой молоденькой дѣвушкѣ,—прошептала Сесилія.

— Но вѣдь это нелѣпо, въ его годы!

— Можетъ быть, поэтому онъ такъ и чувствуетъ ея отсутствіе! Въ старости всегда сильнѣе чувствуется всякое лишеніе.

Стефанъ захлопнулъ ящикъ и въ этомъ движенiи была ясно замѣтна какая-то суровая рѣшительность.

— Слушай! — сказалъ онъ, — постарайся болѣе здраво смотрѣть на вещи. Въ этомъ несчастномъ дѣлѣ слишкомъ много воли было дано чувству. Можно быть добрымъ, но надо всегда соблюдать границу, надо умѣть провести черту...

— Гдѣ же провести ее?—воскликнула Сесилiя.

— Все это было сплошною ошибкой, съ начала до конца,—продолжалъ Стефанъ.—Все шло хорошо до извѣстнаго предѣла, а дальше все пошло вверхъ дномъ. Не слѣдуетъ никогда приходить въ личное соприкосновенiе съ этими людьми. Для такого рода вещей существуютъ въ общественной жизни соотвѣтствующiе способы.

Сесилiя потупила глаза, какъ будто ей не хотѣлось, чтобы онъ прочелъ ея мысли.

— Все это такъ ужасно!—сказала она.—И вѣдь отецъ не такой, какъ другiе люди.

— О, конечно! — сухо отвѣтилъ Стефанъ. — Мы имѣли прекрасный образчикъ этого сегодня за обѣдомъ. Но Гилэри и твоя сестра такiе, какъ всѣ. Тутъ есть и еще нѣчто, въ особенности непрiятное для меня, это — хожденiе Тиме по трущобамъ. Ты видѣла, въ какомъ состоянiи она вернулась оттуда сегодня? Ужъ одна мысль, что ребенокъ былъ убитъ дурнымъ обращенiемъ мужа съ женой и что это безъ сомнѣнiя произошло оттого, что молодая дѣвушка уѣхала отъ нихъ,—въ высшей степени отвратительна сама по себѣ.

— Я не думала объ этомъ, — сказала Сесилiя со вздохомъ.—Тогда мы несемъ на себѣ отвѣтственность! Вѣдь мы посовѣтовали Гилэри заставить ее перемѣнить квартиру.

Стефанъ съ изумленiемъ посмотрѣлъ на нее. Въ эту минуту онъ искренно пожалѣлъ, что тогда такъ прямо поставилъ вопросъ въ разговорѣ съ братомъ.

— Не понимаю, что сдѣлалось со всѣми вами!—воскликнулъ онъ съ раздраженiемъ.—Мы отвѣтственны за это? Благодарю покорно! Только оттого, что мы дали Гилэри правильный совѣтъ?.. Ну, а что же дальше?

Сесилiя отвернулась отъ него и подошла къ потухшему камину.

— Тиме говорила мнѣ объ этомъ несчастномъ, маленькомъ созданiи. Все это очень тяжело, и я не могу избавиться отъ чувства, что и мы тутъ замѣшаны,—проговорила она.

— Замѣшаны?.. Въ чемъ?

— Я не знаю... Но это такое чувство... Оно преслѣдуетъ меня.

Стефанъ спокойно взялъ ее за руку.

— Моя голубушка! — сказалъ онъ. — Мнѣ и въ голову не приходило, что это могло на тебя такъ подѣйствовать... Постой, завтра — среда и я могу освободиться въ три часа. Мы возьмемъ автомобиль и прокатимся въ Ричмондъ. Это будетъ очень хорошо.

Сесилія вздрогнула; казалось, будто она сейчасъ разрыдается. Но Стефанъ продолжалъ спокойно гладить ея плечи, и, чувствуя, какъ онъ боится ея слезъ, Сесилія мужественно боролась со своимъ волненіемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это будетъ очень пріятно, — проговорила она, наконецъ.

У Стефана вырвался вздохъ облегченія.

— И не безпокойся такъ о своемъ отцѣ,—сказалъ онъ.— Онъ забудетъ обо всемъ черезъ день или два. Онъ слишпоглощенъ своею книгой... А теперь—маршъ въ постель! Я тоже сейчасъ пойду наверхъ.

Уходя, Сесилія бросила на него странный взглядъ, который онъ не видѣлъ или намѣренно не хотѣлъ замѣтить. Въ этомъ взглядѣ была и насмѣшка, и раздраженіе, и въ то же время благодарность за то, что онъ не допустилъ ее поддаться внутреннему волненію и слишкомъ ясно обнаружить ему свои чувства. Онъ зналъ, что она отлично понимаетъ его, несмотря на его мужскую черствость и нежеланіе выказать чувствительность Когда она ушла, Стефанъ подошелъ къ окну и настежъ раскрылъ его.

Онъ жадно вдыхалъ ночной воздухъ. Его брови были нахмурены.

„Если я не приму мѣры, то она непремѣнно впутается въ эту исторію, — думалъ онъ. — Какой я былъ оселъ, что разговаривалъ объ этомъ съ Гилэри! Такая глупость! Я долженъ былъ игнорировать все это дѣло. Да, это хорошій урокъ. Никогда не слѣдуетъ смѣшиваться съ людьми этого сорта... Надѣюсь, завтра она придетъ въ равновѣсіе...“

Въ темной зелени сквера, чуть-чуть освѣщеннаго луной, что-то зашевелилось, и оттуда донеслись звуки кошачьяго концерта. Эти животныя тоже искали счастья, и ихъ дикіе, страстные призывы, раздаваясь въ напоенномъ ароматомъ цвѣтовъ ночномъ воздухѣ, казались теперь Стефану крикомъ темныхъ людскихъ массъ, задыхающихся въ лабиринтѣ тѣсныхъ, грязныхъ улицъ и взывающихъ къ счастью...

Дрожь отвращенія охватила Стефана, и онъ съ раздраженіемъ захлопнулъ окно. Его нервы были натянуты до послѣдней степени.

XXVI.

Гилэри слышитъ пѣснь кукушки.

Не одна Сесилія замѣтила особенную блѣдность Стона за обѣдомъ.

Та самая сила, которая ежегодно посѣщаетъ міръ, прогоняетъ зимній мракъ и заставляетъ исчезать снѣжную кору, покрывающую землю, вызывая къ жизни растительность и заставляя деревья облачаться въ зеленый уборъ,— та великая и дикая сила, которую мы называемъ весной, подчинила своему вліянію и стараго Стона. Точно свѣжее молодое вино было налито въ старую бутылку! Гилэри, поддавшійся тоже вліянію весны, каждое утро съ удивленіемъ наблюдалъ старика, когда онъ выходилъ изъ дому, съ мохнатымъ полотенцемъ въ рукѣ и шелъ купаться въ холодныхъ водахъ рѣки. Весь бѣлый, безъ кровинки въ лицѣ, онъ казался какимъ-то выходцемъ изъ другого міра, и Гилэри часто приходило въ голову, что жизнь можетъ покинуть его бренное тѣло внезапно во время холоднаго купанія: до такой степени хрупкимъ оно казалось теперь.

Четыре дня прошло со времени памятнаго свиданія, когда Гилэри отправилъ домой маленькую натурщицу и сказалъ ей, чтобы она больше не приходила къ Стону. Съ тѣхъ поръ домашняя жизнь Гилэри протекала такъ же гнило, какъ раньше, пока въ нее не вмѣшалась чуждая ей струя примитивной, грубой жизни. Только необычайная блѣдность Стона была единственнымъ видимымъ признакомъ того, что произошло нѣчто, нарушившее спокойное теченіе его жизни. Впрочемъ, каждый таилъ въ душѣ своей разныя чувства, храня самое глубокое молчаніе и не вынося ихъ наружу.

Утромъ, на пятый день, въ очень дурную погоду, Гилэри увидѣлъ, что старикъ споткнулся, когда шелъ по саду. Быстро одѣвшись, Гилэри тотчасъ же вышелъ и пошелъ за нимъ слѣдомъ. Старикъ медленно двигался по тротуару вдоль цвѣтущихъ каштановыхъ деревьевъ. Пошелъ градъ, осыпавшій его плечи и покрывавшій его легкимъ бѣлымъ слоемъ. Гилэри шелъ рядомъ со старикомъ, но не здоровался съ нимъ, такъ какъ для Стона не существовало этихъ формъ. Въ концѣ улицы онъ сказалъ Стону:

— Конечно, вы не станете купаться въ такую погоду, сэръ! Сдѣлайте исключеніе для этого раза! Вы плохо выглядите сегодня.

Стонъ покачалъ головой, потомъ, слѣдуя теченію своихъ мыслей, которое было прервано Гилери, онъ замѣтилъ:

— Чувство, которое люди называютъ честью, весьма сомнительнаго качества. Мнѣ еще не удалось поговорить объ этомъ въ своей книгѣ о всеобщемъ братствѣ.

— Что вы хотите сказать, сэръ?

— Это чувство можно допустить лишь въ отношеніи вѣрности принципу. Но какъ только мы начнемъ разбирать самый принципъ, то сейчасъ же возникаютъ затрудненія.. Вотъ тамъ въ саду есть семья маленькихъ дроздовъ. Если одинъ изъ нихъ найдетъ червяка, то я всегда вижу, что его вѣрность принципу самосохраненія, преобладающему въ низшихъ формахъ жизни, не допускаетъ его подѣлиться своей находкой съ другими маленькими дроздами...

Говоря это, Стонъ устремилъ глаза въ пространство.

— Мнѣ кажется, что это относится къ „чести" вообще,— продолжалъ онъ.—Мужчины смотрятъ на женщинъ, какъ дрозды на червей...

Онъ остановился, очевидно, подыскивая слова.

— Ну, а какъ женщины смотрятъ на мужчинъ, сэръ? — спросилъ Гилэри, слабо улыбнувшись.

Стонъ изумленно взглянулъ на него.

— Я совсѣмъ не замѣтилъ, что это были вы около меня!— сказалъ онъ.—Я долженъ избѣгать мозговой работы передъ купаніемъ.

Они прошли черезъ дорогу, отдѣляющую сады отъ парка. Стонъ увидалъ воду, и Гилэри понялъ, что онъ уже ничего другого не видитъ передъ собой, какъ только эту рѣку, въ которую онъ сейчасъ погрузится. Безсильный удержать его, Гилэри остановился возлѣ маленькой березы, растущей одиноко на берегу. Онъ прислонился къ ея холодному, жемчужно-бѣлому стволу. Вверху онъ видѣлъ ея вѣтви, уже одѣтыя маленькими зелеными листочками, а внизу темнѣли холодныя воды рѣки, и въ ней виднѣлись силуэты нѣсколькихъ купающихся. Холодный, леденящій вѣтеръ насквозь пронизывалъ Гилэри, когда онъ стоялъ у березы, но вдругъ лучъ солнца прорѣзалъ черныя тучи и опалилъ его щеки и руки. И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ услышалъ ясное, доносившееся къ нему издалека, пѣніе кукушки...

Четыре раза пропѣла кукушка. Эти неожиданные весенніе звуки заставили больно сжаться его сердце. Они точно насмѣхались надъ нимъ. Къ чему они раздавались тутъ, такъ обидно, около него, когда для него весна уже потеряла всякое значеніе?

Съ ноющимъ сердцемъ Гилэри спустился внизъ къ водѣ. Онъ замѣтилъ Стона, который плылъ, очень медленно разсѣкая воду. Видны были только его серебряная голова и худыя руки. Вдругъ онъ исчезъ. Онъ находился всего лишь

на разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ отъ берега, и Гилэри, встревоженный тѣмъ, что онъ не показывается надъ поверхностью рѣки, быстро сбѣжалъ внизъ и бросился въ воду. По счастью было не глубоко. Стонъ сидѣлъ на днѣ; онъ пытался приподняться, но не могъ. Гилэри схватилъ его за купальный костюмъ и вытащилъ на поверхность, затѣмъ онъ помогъ ему добраться до берега. Но старикъ едва стоялъ на ногахъ. Съ помощью подоспѣвшаго полисмэна, Гилэри одѣлъ его и посадилъ въ экипажъ. Дорогой Стонъ немного оправился, но какъ будто не сознавалъ, что случилось.

— Я былъ въ водѣ не такъ долго, какъ обыкновенно,— сказалъ онъ въ раздумьи.

— Нѣтъ, вы были столько же, какъ всегда,—отвѣчалъ Гилэри.

Стонъ имѣлъ смущенный видъ.

— Странно,—сказалъ онъ.—Я совсѣмъ не помню, какъ я вышелъ изъ воды.

Онъ больше не сказалъ ни слова до тѣхъ поръ, пока экипажъ не подъѣхалъ къ дому.

Гилэри помогъ ему выйти. Обращаясь къ нему, Стонъ сказалъ:

— Я хочу вознаградить кучера. У меня въ карманѣ есть полкроны.

— Я принесу,—сказалъ Гилэри.

Стонъ сильно дрожалъ. Онъ повернулся къ кучеру и проговорилъ:

— Ничего нѣтъ благороднѣе лошади, заботьтесь о ней хорошенько.

— Постараюсь, сэръ,—отвѣчалъ кучеръ, снимая шляпу.

Гилэри, не спуская глазъ съ старика, пошелъ вслѣдъ за нимъ, въ его комнату. Стонъ шелъ ощупью, точно онъ плохо различалъ предметы, находившіеся вокругъ него.

— На вашемъ мѣстѣ я бы легъ въ постель на нѣсколько минутъ,—сказалъ ему Гилэри.—Вы немного прозябли.

Стонъ, дѣйствительно, дрожалъ такъ, что едва могъ стоять на ногахъ. Онъ позволилъ Гилэри уложить себя въ постель и закутать въ одѣяло.

— Я долженъ сѣсть за работу въ десять часовъ,—сказалъ онъ.

Гилэри тоже сильно продрогъ. Онъ торопливо поднялся по лѣстницѣ въ комнату Біанки, но встрѣтилъ ее въ дверяхъ. Она вскрикнула отъ испуга, увидя его мокрымъ съ головы до ногъ. Когда онъ разсказалъ ей, что случилось, она дотронулась до его плеча и спросила:

— Что же будетъ съ вами?

— Я думаю взять горячую ванну и затѣмъ выпить что-нибудь горячее. Это принесетъ мнѣ пользу. Пойдемте лучше къ нему!

Онъ направился въ ванную, въ дверяхъ которой стояла Миранда, поднявъ бѣленькую лапку и словно дожидаясь своего господина.

Крѣпко стиснувъ зубы, Біанка сбѣжала внизъ. Она была взволнована. Разсказъ мужа поразилъ ее, и, если бъ не призракъ того, что стояло между ними, она бы схватила въ свои теплыя объятія его мокрое тѣло и согрѣла бы его. Но и это мгновеніе прошло, какъ и многія другія, не разрушивъ стѣны, образовавшейся между ними!

Къ величайшему своему неудовольствію, Стонъ не въ состояніи былъ приняться за работу въ десять часовъ. Онъ все еще не могъ стоять на ногахъ и объявилъ, что подождетъ до половины третьяго. Тогда онъ долженъ будетъ приготовиться къ приходу молодой дѣвушки. Онъ отказался наотрѣзъ видѣть доктора и не позволилъ измѣрить себѣ температуру, поэтому нельзя было опредѣл ть, на сколько сильна у него лихорадка. Но его щеки горѣли, а глаза, устремленные въ потолокъ, подозрительно блестѣли. Къ ужасу Біанки, сидѣвшей такъ, чтобы онъ ее не видѣлъ и не думалъ, что она ухаживаетъ за нимъ, онъ продолжалъ высказывать вслухъ свои мысли:

— Слова!.. Слова!.. Они изгнали братство!

Біанка вздрогнула, слушая эти странные для нея звуки. Онъ продолжалъ:

— Въ эти дни господства словъ они называли „смертью" тотъ блѣдный призракъ „mors pallida", который видѣли вдали, но это слово пугало ихъ, точно гигантская гранитная глыба, повисшая надъ ними и медленно спускавшаяся на нихъ; нѣкоторые изъ нихъ отворачивали подъ вліяніемъ страха свое лицо, чтобы не видѣть этого, и болѣзненно дрожали, ожидая своего уничтоженія, другіе, неспособные объять идею небытія, ощущая въ себѣ жизнь, исключительно думали только о своихъ индивидуальныхъ формахъ и старались доказать, что ихъ матеріальная сущность должна преодолѣть это слово и что какимъ то, непонятнымъ для человѣка образомъ, она снова должна возстановиться послѣ своего распаденія. Воодушевленные этою мыслью, они спокойно умирали. Но были и такіе, которые наблюдали этотъ процессъ молекулярнаго разрушенія угрюмыми, злобными глазами, и они съ отчаяніемъ ожидали своей такъ называемой смерти...

Онъ замолчалъ, и Біанка увидѣла, что онъ старается смочить языкомъ свои пересохшія губы. Осторожно, стоя

сзади, она поднесла ему къ губамъ стаканъ съ питьемъ. Онъ съ жадностью выпилъ, потомъ, замѣтивъ, что стаканъ держитъ чья то рука, спросилъ:

— Это вы?.. Вы готовы работать для меня? Ну, такъ продолжайте!..

Онъ опять началъ говорить, точно диктуя: „Въ эти дни не нашлось ни одного человѣка, который бы всталъ и пошелъ навстрѣчу блѣдному призраку смерти. Ни одинъ не понялъ, что смерть была—воплощенное братство! Ни одинъ не нагнулся съ легкимъ сердцемъ, чтобы поцѣловать ея стопы и улыбаясь, раствориться во вселенной"...

Его голосъ постепенно затихалъ. Вдругъ онъ быстро заговорилъ, хриплымъ шопотомъ:

— Я долженъ... я долженъ... я долженъ...

Наступило молчаніе и черезъ нѣсколько минутъ снова раздался его шепотъ:

—Дайте мнѣ мои штаны!

Біанка положила ихъ ему на кровать. Видъ этой принадлежности туалета какъ будто успокоилъ его. Онъ замолчалъ.

Больше часа онъ лежалъ спокойно, до такой степени спокойно, что Біанка поминутно вставала, чтобы посмотрѣть на него. Каждый разъ она видѣла, что его широкораскрытые глаза были устремлены на одну маленькую черную точку на потолкѣ. Но лицо его постепенно принимало рѣшительное выраженіе, какъ будто его мощный духъ снова овладѣвалъ его тѣломъ, снѣдаемымъ лихорадкой.

Вдругъ онъ спросилъ:

— Кто здѣсь?

— Біанка.

— Помоги мнѣ встать.

Блескъ его глазъ исчезъ, блѣдность покрыла щеки. Онъ выглядѣлъ точно привидѣніе. Біанка помогла ему встать, испытывая какой то непонятный ей самой ужасъ. Эта безмолвная сила воли, которою обладалъ ея отецъ, казалась ей просто сверхъестественной.

Когда онъ одѣлся въ свой обычный костюмъ и усѣлся передъ каминомъ, Біанка дала ему выпить чашку крѣпкаго бульона съ виномъ. Онъ съ жадностью проглотилъ его и сказалъ:

— Я бы выпилъ еще!

Но сейчасъ же уснулъ.

Когда онъ спалъ, пришла Сесилія. Обѣ сестры сидѣли рядомъ и наблюдали его сонъ. Въ эти минуты они чувствовали себя ближе другъ къ другу, чѣмъ когда либо, за всѣ прошедшіе годы.

Передъ уходомъ Сесилія шепнула Біанкѣ:

— Би, если ему такъ не хватаетъ этой молодой дѣвушки, о не лучше ли будетъ, чтобы она опять пришла сюда? Какъ ты думаешь?

— Я не знаю, гдѣ она находится,—отвѣчала Біанка.

— Ну, а я знаю!—сказала Сесилія.

— А!..—улыбаясь, проговорила Біанка и отвернулась.

Смущенная ея насмѣшливымъ восклицаніемъ, Сесилія замолчала. Но потомъ, собравъ все свое мужество, протянула сестрѣ записку.

— Вотъ ея адресъ, Би,—сказала она.—Я записала его для тебя.

Она вышла изъ комнаты съ выраженіемъ тревоги и смущенія на лицѣ, боясь оглянуться на Біанку, которая осталась сидѣть въ старинномъ золоченомъ креслѣ, пристально устремивъ глаза на спящаго отца.

Уши Біанки горѣли. Она чувствовала, что видъ старика отца глубоко волнуетъ ея душу. Онъ былъ ей дороже, чѣмъ она думала. Его великая борьба за свою идею приводила въ трепетъ и смягчала ея гордый духъ, и въ ней все сильнѣе разгоралось стремленіе къ самопожертвованію. Не все ли равно, кто изъ нихъ будетъ первымъ, она или Гилэри? Ея духъ долженъ взять верхъ своимъ благородствомъ. Въ эту минуту она готова была заключить въ свои объятія маленькую натурщицу и даже расцѣловать ее. Тогда кончится всякое безпокойство! Златокрылый вѣстникъ мира осѣнилъ ее въ это короткое мгновеніе, и страстное возбужденіе, охватившее ее, заставляло вибрировать всѣ фибры ея существа, словно натянутыя струны скрипки.

Когда Стонъ проснулся послѣ трехъ часовъ, Біанка принесла ему еще чашку бульона. Онъ проглотилъ ее и спросилъ:—Это что такое?

— Бульонъ,—отвѣчала Біанка.

Стонъ поглядѣлъ на пустую чашку.

— Я не долженъ былъ пить это. Корова и овца находятся въ одной плоскости съ человѣкомъ,—сказалъ онъ.

— Какъ ты себя чувствуешь теперь, голубчикъ?—спросила Біанка, игнорируя его замѣчаніе.

— Я чувствую, что могу теперь диктовать то, что написалъ уже... не больше! Она пришла?

— Нѣтъ, но я пойду за ней, если ты хочешь.

Стонъ пристально посмотрѣлъ на свою дочь.

— Это отниметъ у тебя время,—сказалъ онъ.

— Мое время ничего не стоитъ,—возразила Біанка.

Протянувъ свои худыя руки къ огню, Стонъ заговорилъ, точно самъ съ собой:

— Я не хочу никому быть въ тягость. Если это уже наступило, то я долженъ уйти.

Біанка стала возлѣ него на колѣни и прижалась щекой къ его виску.

— Но „это“ не наступило, папочка!—сказала она нѣжно.

— Я надѣюсь,—отвѣчалъ Стонъ.—Я хочу прежде кончить свою книгу.

Зловѣщее значеніе его послѣднихъ словъ поразило Біанку сильнѣе, чѣмъ всѣ его предшествующія лихорадочныя рѣчи. Ей стало страшно.

— Слушай, папа,—сказала она.—Я надѣюсь, что ты будешь сидѣть совершенно спокойно, пока я схожу за ней.

Біанка вышла съ такимъ чувствомъ, какъ будто ея сердце кто-то сжалъ обѣими руками.

Черезъ полчаса послѣ ея ухода пришелъ Гилэри и остановился въ дверяхъ, смотря, какъ Стонъ дѣлалъ нѣсколько разъ попытку подняться на ноги. Онъ опирался на ручки кресла, но всякій разъ снова опускался на сидѣніе. Когда Гилэри подошелъ къ нему, онъ сказалъ:

— Два раза мнѣ удалось.

— Очень радъ,—отвѣчалъ Гилэри.—А теперь не лучше ли вамъ отдохнуть?

— Мои колѣни еще слабы,—замѣтилъ Стонъ.—Она пошла за ней!

Гилэри, пораженный этими словами, сѣлъ на стулъ и ждалъ, что скажетъ Стонъ.

— Я воображалъ, что когда мы исчезаемъ, то становимся вѣтромъ. Какъ вы думаете?—спросилъ Стонъ, задумчиво глядя на Гилэри.

— Мнѣ эта мысль не приходила въ голову,—отвѣчалъ онъ.

— Она не выдерживаетъ критики, но очень успокоительна. Вѣтеръ—вездѣ и нигдѣ и ничто не можетъ отъ него укрыться. Когда у меня не стало этой маленькой дѣвушки, то я попробовалъ въ извѣстномъ смыслѣ стать вѣтромъ. Но это оказалось трудно.

Онъ пересталъ смотрѣть на Гилэри и поэтому не замѣтилъ грустной улыбки, которая появилась на его устахъ. Продолжая далѣе развивать свою мысль, онъ нѣсколько разъ приподнимался на рукахъ. Очевидно, ему хотѣлось пойти къ своей конторкѣ и записать все, что онъ говорилъ. Но силы измѣняли ему. Онъ не могъ устоять на ногахъ и почти съ тоскою поглядывалъ на Гилэри. Казалось, онъ хотѣлъ о чемъ то спросить его, но удерживался.

— Если я буду упражнять свои силы, то въ концѣ концовъ преодолѣю свою слабость,—бормоталъ онъ.

Гилэри всталъ и принесъ ему карандашъ и листъ бумаги.

Когда онъ нагнулся къ нему, то замѣтилъ, что глаза Стона увлажнились слезой. Это такъ подѣйствовало на него, что онъ едва могъ преодолѣть свое волненіе и обрадовался, что можетъ скрыть свое лицо, устраивая Стону родъ пюпитра изъ находившихся подъ рукою книгъ.

Кончивъ писать, Стонъ откинулся на спинку кресла и закрылъ глаза. Торжественное молчаніе сразу воцарилось въ пустой, неуютной комнатѣ, гдѣ находились эти два человѣка, столь непохожіе другъ на друга.

Гилэри первый прервалъ молчаніе.

— Я слышалъ сегодня пѣніе кукушки,—сказалъ Гилэри. Онъ говорилъ почти шепотомъ, на всякій случай, такъ какъ, быть можетъ, старикъ снова уснулъ.

— Кукушка не обладаетъ чувствами братства,—вдругъ отвѣтилъ Стонъ.

— Я прощаю ей это... за ея пѣніе,—прошепталъ Гилэри.

— Ея пѣніе обаятельно,—возразилъ Стонъ.—Оно возбуждаетъ половой инстинктъ...

Потомъ онъ прибавилъ шепотомъ:

— Она еще не пришла!..

Но Гилэри услыхалъ легкій стукъ въ дверь. Онъ всталъ и открылъ ее. Передъ нимъ стояла маленькая натурщица...

XXVII.

Возвращеніе маленькой натурщицы.

Въ этотъ самый день старый Кридъ продавецъ „Вестминстерской газеты“ въ Кенсингтонѣ, стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ въ Гай-Стритъ и, приподнявъ воротникъ, чтобы защитить себя отъ холоднаго вѣтра, посматривалъ на прохожихъ черезъ свои очки въ стальной оправѣ. Онъ очень мало продалъ номеровъ своей газеты, а продавцы другихъ газетъ, низшаго разряда, особенно сильно раздражали его сегодня своею наглостью. Онъ вообще страдалъ отъ душевнаго разлада, вызываемаго тѣмъ, что между его политическими взглядами и направленіемъ газеты, которую онъ продавалъ, существовало глубокое противорѣчіе. Присущая же ему лойяльность по отношенію къ его работодателямъ вынуждала его подавлять эти чувства.

Онъ стоялъ и перебранивался съ молодыми газетчиками, которые насмѣхались надъ нимъ. Когда настало время пить чай, и тѣ ушли, то онъ остался одинъ на углу улицы, надѣясь, что теперь ему удастся перехватить у своихъ болѣе юныхъ товарищей кого нибудь изъ кліентовъ. Вдругъ онъ

почувствовалъ, что кто-то трогаетъ его за локоть. Чей-то робкій голосъ позвалъ его:

— Мистеръ Кридъ!

Старикъ обернулся и увидѣлъ передъ собою маленькую натурщицу.

— О, это вы?—сухо проговорилъ онъ.

Онъ всегда питалъ пристрастіе къ людямъ выше себя, и это заставляло его каждому отводить соотвѣтствующее мѣсто. Въ его глазахъ маленькая натурщица стояла очень низко, гораздо ниже прислуги, такъ какъ она зарабатывала хлѣбъ, позируя художникамъ, ведущимъ безпорядочный образъ жизни. Послѣднія же событія окончательно вооружили его противъ нея. Ея новое платье, котораго онъ раньше не видалъ у нея, еще усилило его нравственныя сомнѣнія на ея счетъ.

— Гдѣ же вы живете теперь?—спросилъ онъ, и въ тонѣ его вопроса отразились чувства, которыя она возбуждала въ немъ.

— Я не должна вамъ говорить.

— Прекрасно. Держите это про себя.

Нижняя губа маленькой натурщицы задрожала и еще больше опустилась. Подъ глазами у нея были темные круги. Ея маленькое худенькое личико осунулось и казалось очень жалкимъ въ эту минуту.

— Не разскажете ли вы мнѣ какія нибудь новости?—спросила она свойственнымъ ей дѣловитымъ тономъ.

— Какія новости?—сердито проворчалъ старикъ...—Ребенокъ умеръ и завтра его будутъ хоронить.

— Умеръ?—повторила она.

— Я пойду на похороны на Бромстонское кладбище. Выйду изъ дому въ половинѣ девятаго. И это начало конца! Мужъ сидитъ въ тюрьмѣ и жена теперь сама должна заботиться о себѣ.

Маленькая натурщица въ волненіи перебирала руками свою юбку.

— Отчего онъ попалъ въ тюрьму?—спросила она.

— Оттого, что побилъ ее. Я былъ свидѣтелемъ его побоевъ.

— За что же онъ побилъ ее?

Кридъ взглянулъ на дѣвушку и, покачавъ головой, отвѣтилъ:

— Это другимъ лучше знать!

Лицо маленькой натурщицы стало пунцовымъ.

— Я ничего тутъ не могла сдѣлать!—воскликнула она.—Развѣ онъ былъ мнѣ нуженъ... такой человѣкъ? Ужъ, конечно, не его бы я хотѣла имѣть!

Искреннее негодованіе, которое слышалось въ ея голосѣ, подѣйствовало на старика.

— Я ничего не говорю,—сказалъ онъ.—Въ сущности, мнѣ это все-равно. Я никогда не мѣшаюсь въ дѣла другихъ людей. Но все это очень непріятно. Я теперь никогда не могу получить свой завтракъ во время. Бѣдная женщина совсѣмъ потеряла голову. Послѣ похоронъ ребенка мнѣ придется поискать другую комнату, прежде чѣмъ онъ выйдетъ изъ тюрьмы.

— Надѣюсь, что они продержатъ его тамъ подольше!—сердито проговорила она.

— Они посадили его на мѣсяцъ.

— Только на мѣсяцъ?

Старикъ посмотрѣлъ на нее, и въ выраженіи его глазъ можно было прочесть удивленіе и неодобреніе.

— Его засадили на мѣсяцъ, потому что онъ былъ на войнѣ, служилъ своей родинѣ,—сказалъ онъ громко.

— Мнѣ жаль бѣднаго малютку,—робко замѣтила маленькая натурщица.

Старикъ покачалъ головой.

— Я никогда не думалъ, что онъ будетъ жить,—возразилъ онъ.

Дѣвушка стояла, кусая палецъ своей бѣлой нитяной перчатки, и смотрѣла на дорогу. Въ мозгу Крида вдругъ промелькнула мысль, что онъ ее совершенно не понимаетъ. Въ своей жизни онъ встрѣчалъ разныхъ людей, и все же онъ не могъ опредѣлить, къ какому классу принадлежитъ эта дѣвушка. Это недоумѣніе причиняло ему безпокойство.

Вдругъ, даже не простившись съ нимъ, маленькая натурщица повернулась и пошла прочь.

— Да, да, ваши манеры не стали лучше оттого, что вы живете въ другомъ мѣстѣ!—подумалъ онъ, глядя ей вслѣдъ.—И ваша наружность не стала лучше отъ вашего новаго платья!..

Онъ долго не могъ забыть ея страннаго пристальнаго взгляда и ея внезапнаго ухода.

Какъ разъ въ этотъ самый моментъ Біанка вышла изъ подъѣзда своего дома. Страстный порывъ, побудившій ее дѣйствовать, уже миновалъ. Ея сердце болѣзненно ныло, и въ головѣ бродили странныя противорѣчивыя мысли. То она сожалѣла о томъ, что маленькая натурщица не настоящая леди, но она радовалась этому. Сердце человѣческое вообще обладаетъ темными закоулками, но тотъ классъ людей, къ которому принадлежала Біанка, особенно отличается этимъ свойствомъ. Въ этомъ классѣ даже такое простое чувство, какъ гордость, основанное на простомъ взглядѣ на жизнь и соб-

ственность, всегда осложняется безчисленнымъ множествомъ сомнѣній и желаній, порождаемыхъ соціальною совѣстью. Поэтому-то въ сердцѣ Біанки, вышедшей съ твердымъ намѣреніемъ снова водворить маленькую натурщицу у своего домашняго очага, боролись самыя противоположныя чувства; чувство свободы, равенства также боролось съ присущимъ ей, какъ женщинѣ, чувствомъ собственности надъ мужчиной, за котораго она вышла замужъ.

Она шла, смущенная, нерѣшительная, дѣйствуя, въ сущности, только подъ вліяніемъ простого чувства состраданія. Шла быстро, точно опасаясь, чтобы это наиболѣе физическое ихъ всѣхъ чувствъ, возникающее вслѣдствіе непосредственнаго воздѣйствія на слухъ и зрѣніе и требующее постоянной пищи, не потеряло своей силы надъ нею.

Хозяйка дома, гдѣ жила маленькая натурщица, адресъ которой ей дала Сесилія, встрѣтила ее въ дверяхъ.

— Живетъ у васъ нѣкая миссъ Бертони?—спросила Біанка.

— Да. Но, кажется, ея нѣтъ дома,—отвѣтила хозяйка.

Она заглянула въ комнату дѣвушки и прибавила:

— Да, она вышла. Но если вы хотите оставить ей записку, то можете написать вотъ здѣсь. Можетъ быть, вамъ нужна натурщица? Мнѣ кажется, она нуждается въ работѣ.

Войти въ комнату дѣвушки значило еще сильнѣе нажать на болѣзненно ноющій нервъ. Но Біанку это не могло остановить.

Она оглянула комнату, и прежде всего ей бросилась въ глаза ея полная умственная пустота. Не было ни одной вещи, кромѣ номера иллюстрированнаго журнала, которая указывала бы, что тутъ обитаетъ мыслящее существо. Но въ общемъ комната производила пріятное впечатлѣніе.

— Да,—говорила хозяйка,—она содержитъ свою комнату въ порядкѣ. Она простая деревенская дѣвушка, мы съ нею земляки. Если бы не это, то врядъ ли я бы согласилась впустить къ себѣ дѣвушку, занимающуюся такой профессіей...

Она сказала это съ суровымъ выраженіемъ лица, но въ ея глазахъ все таки свѣтилось природное добродушіе.

Біанка написала карандашомъ на своей карточкѣ: „Если можете, то приходите сегодня же или завтра къ моему отцу".

— Пожалуйста, отдайте ей это,—сказала Біанка, протягивая карточку хозяйкѣ.

— Непремѣнно отдамъ. Она будетъ рада,—овѣчала хозяйка.—Я часто вижу, какъ она сидитъ здѣсь. Такія дѣвушки, какъ она, если у нихъ нѣтъ работы... Смотрите, она тутъ валялась на кровати отъ скуки!

На красномъ съ желтымъ покрывалѣ кровати ясно замѣ-

тенъ былъ отпечатокъ тѣла. Біанка мелькомъ взглянула на кровать и тотчасъ же встала.

Придавленный нервъ продолжалъ болѣзненно ныть...

У садовой калитки своего дома Біанка вдругъ увидѣла маленькую натурщицу, которая стояла и смотрѣла на домъ. Казалось, она давно уже стоитъ здѣсь и смотритъ. Пересѣкая улицу, Біанка могла хорошо разсмотрѣть ея юную фигуру. Она была очень мило и нарядно одѣта, но какой то лежащій на ней отпечатокъ, несмотря на ея грацію молодости, ясно указывалъ ея происхожденіе. Въ ней чувствовалось что то удивительно примитивное, недисциплинированное и подчиняющееся только матеріальнымъ фактамъ жизни, не признавая никакихъ произвольныхъ постановленій. Инстинктомъ женщины Біанка поняла это, прочитала въ ея вглядѣ, устремленномъ на домъ, куда ей такъ хотѣлось снова попасть. „Осмѣлюсь ли я войти туда?“ казалось, говорилъ этотъ взглядъ, но въ немъ не заключалось вопроса: „должна ли я войти туда?“

Вдругъ она увидала Біанку. Встрѣча обѣихъ женщинъ ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенной встрѣчи госпожи со своею прислугой. Глаза Біанки выражали только легкое любопытство. Казалось, они говорили: „Вы для меня—закрытая книга и всегда были такой; что вы думаете и дѣлаете на самомъ дѣлѣ, я никогда не узнаю“.

Лицо маленькой натурщицы сохраняло полусмущенное, полутупое выраженіе.

Біанка открыла садовую калитку и пропустила дѣвушку. Въ этотъ моментъ Біанку отчасти забавляла мысль о безполезности ея путешествія. Даже такого ничтожнаго великодушнаго поступка, повидимому, ей не суждено было совершить!

— Какъ вы поживаете?—спросила она.

Маленькая натурщица сдѣлала невольное движеніе вслѣдствіе неожиданности такого вопроса. Быстро подавивъ свое смущеніе, она отвѣтила:

— Очень хорошо, благодарю васъ, т. е. не очень...

— Мой отецъ очень утомленъ сегодня. Онъ простудился, пожалуйста, не позволяйте ему читать слишкомъ много.

Маленькая натурщица какъ будто хотѣла что-то сказать, но, не находя словъ, молча прошла въ домъ.

Біанка не послѣдовала за нею, а вернулась въ садъ. Въ отдаленномъ углу виднѣлась клумба левкоевъ, освѣщенная солнцемъ. Біанка низко нагнулась надъ цвѣтами, такъ что ея вуаль коснулась ихъ. По лицу Біанки пробѣжала судорога.

Гилэри, привыкшій размышлять, а не дѣйствовать, былъ

пораженъ, увидѣвъ маленькую натурщицу на порогѣ комнаты Стона. Она же совсѣмъ иначе отнеслась къ этому обстоятельству. Она жила изо дня въ день и не знала другой философіи, кромѣ философіи потребностей. Ее влекло именно сюда, гдѣ она теперь находилась, и за послѣдніе пять дней она чувствовала себя, какъ выгнанная на улицу собаченка, стремящаяся вернуться на свое прежнее мѣсто. Тамъ, въ своей новой комнатѣ, она, не переставая, думала объ этомъ, кусая до крови свои ногти и испытывая такое ощущеніе, какое испытываетъ птица, только что посаженная въ клѣтку. И теперь она вспомнила, какъ она только что лежала на кровати, крутя въ пальцахъ кисти покрывала и устремивъ полузакрытые глаза въ пространство...

Въ ея взглядѣ, брошенномъ на Гилэри, было что-то новое. Прежнее дѣтское подчиненіе и преданность отчасти исчезли, взглядъ сталъ смѣлѣе, какъ будто она уже пробовала расправить свои крылья въ теченіе этихъ нѣсколькихъ дней.

— Мистриссъ Даллисонъ сказала мнѣ, чтобы я пришла,— проговорила она.—Я думала, что теперь могу это сдѣлать. Мистрисъ Кридъ говорилъ мнѣ, что „онъ" въ тюрьмѣ.

Гилэри пропустилъ ее и заперъ за нею дверь.

— Лѣнтяйка вернулась,—сказалъ онъ Стону.

Услышавъ такой несправедливый отзывъ о себѣ, она вспыхнула и хотѣла что то сказать, но, замѣтивъ улыбку на лицѣ Гилэри, запнулась. Она смотрѣла на Гилэри, испытывая самыя разнообразныя чувства.

Вдругъ Стонъ всталъ на ноги и медленно направился къ конторкѣ. Онъ облокотился обѣими руками на бумагу, точно черпая силу изъ своей рукописи.

Черезъ открытое окно въ калитку доносились звуки шарманки, игравшей какой то вальсъ, и въ этихъ звукахъ, какъ они ни были слабы, различалось какое то странное очарованіе. Маленькая натурщица повернулась въ ту сторону, откуда неслись звуки. Гилэри сурово смотрѣлъ на нее. Эти звуки и эта дѣвушка здѣсь, въ этой комнатѣ! Такая же музыка раздавалась въ его ушахъ нѣсколько дней тому назадъ, когда онъ лежалъ въ постели, чувствуя себя, какъ человѣкъ, охваченный лихорадкой...

— Вы готовы?—спросилъ Стонъ.

Маленькая натурщица обмокнула свое перо въ чернильницу, однако глаза ея были прикованы къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Гилэри. Но лицо Гилэри приняло уже прежнее выраженіе. Онъ избѣгалъ смотрѣть на нее и повернулся къ Стону.

— Вамъ бы не слѣдовало читать сегодня, сэръ,—сказалъ онъ.

Стонъ почти сердито взглянулъ на него.

— Отчего?—спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется, вы еще слабы.

Стонъ ничего ему не отвѣтилъ и взялъ рукопись въ руки.

— Мы отстали на цѣлыхъ три дня,—сказалъ онъ, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, и началъ медленно диктовать, растягивая слова: „Варварскій обычай, именуемый войной...“

Его голосъ постепенно замиралъ. Онъ сильно опирался локтями на конторку, и видно было, что только это удерживаетъ его отъ паденія.

Гилэри пододвинулъ къ нему стулъ и, осторожно взявъ его подъ руки, посадилъ. Стонъ, не выказавъ никакого сопротивленія, поднялъ рукопись къ своимъ глазамъ и диктовалъ: „...продолжался, несмотря на братство. Точно стадо рогатаго скота, прогоняемое черезъ зеленыя пастбища въ ворота, гдѣ его ожидаетъ истребленіе, и люди устремлялись съ налитыми кровью глазами черезъ долины, и племя возставало противъ племени, а страна противъ страны. Никто не видѣлъ отливающихъ луннымъ сіяніемъ крыльевъ, не ощущалъ ихъ вѣянія и бальзамическаго воздуха всемірнаго братства!...“

Все медленнѣе и медленнѣе выговаривалъ онъ слова и, наконецъ, совсѣмъ затихъ. Гилэри, ожидавшій этого момента, увидѣлъ, что онъ заснулъ. Осторожно взявъ у него изъ рукъ рукопись, онъ повернулся къ маленькой натурщицѣ и сказалъ:

— Когда мистеръ Стонъ въ такомъ состояніи, то онъ нуждается въ вашемъ присутствіи. Пожалуйста, приходите къ нему теперь, пока Хюггсъ въ тюрьмѣ. Какъ вамъ нравится ваша комната?

— Не очень,—чистосердечно призналась дѣвушка.

— Отчего?

— Очень уединенно тамъ. Впрочемъ, это безразлично теперь, разъ я буду приходить сюда...

— Только на это время, — прибавилъ Гилэри. Онъ не нашелся ничего другого отвѣтить на ея слова.

Маленькая натурщица потупила глаза и вдругъ сказала:

— Завтра хоронятъ ребенка мистриссъ Хюггсъ...

— Гдѣ?

— На Бромптонскомъ кладбищѣ.

— Въ которомъ часу будутъ похороны?

— Мистеръ Кридъ выйдетъ изъ дому въ половинѣ девятаго, — отвѣчала дѣвушка, бросивъ украдкой на Гилэри взглядъ.

— Я бы хотѣлъ тоже пойти туда,—сказалъ Гилэри.

На мгновеніе лицо дѣвушки засвѣтилось удовольствіемъ, но тотчасъ же на немъ появилось прежнее тупое выраженіе. Замѣтивъ, что Гилэри направляется къ двери, она растерянно посмотрѣла на него.

— Теперь прощайте,—сказалъ Гилэри.

Молодая дѣвушка вздрогнула и покраснѣла. Взглядъ ея, какъ будто говорилъ ему: „Вы даже не посмотрѣли на меня и даже не сказали мнѣ ни одного ласковаго слова».

Вдругъ она точно невзначай проговорила:

— Я больше не буду ходить къ мистеру Леонарду.

— Значитъ вы были у него? — невольно воскликнулъ Гилэри.

Въ душѣ ея зашевелились самыя смѣшанныя чуства, и радость, смущеніе и боязнь за свой поступокъ отразились на ея лицѣ. Но она все таки была довольна, что обратила на себя его вниманіе.

— Да, я была у него!—отвѣчала она и, такъ какъ Гилэри ничего не возразилъ на это, она прибавила:

— Мнѣ было все равно, разъ вы мнѣ сказали, что я больше не должна приходить сюда!

Гилэри молчалъ.

— Я ничего не сдѣлала дурного,—проговорила она, и въ голосѣ ея слышались слезы,

— О нѣтъ, нѣтъ!—торопливо отвѣтилъ Гилэри.

Маленькая натурщица, задыхаясь, прибавила:

— Вѣдь это же моя профессія!

— Конечно,—успокоилъ ее Гилэри.—Все это правильно.

— Мнѣ все равно, что онъ обо мнѣ подумаетъ!—воскликнула она.—Пока я могу приходить сюда, я не пойду къ нему.—Гилэри чуть притронулся къ ея плечу.

— Хорошо, хорошо!—сказалъ онъ, отворяя ей дверь.

Маленькая натурщица, точно цвѣтокъ послѣ дождя, внезапно согрѣтый солнцемъ, вышла изъ комнаты съ блестящими глазами...

Гилери вернулся къ столу и сталъ возлѣ спящаго старика. Онъ долго сидѣлъ, облокотившись на руку и устремивъ задумчивый взглядъ въ пространство. Между бровями его залегла глубокая складка, а на лицѣ точно застыла скорбная улыбка.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

На Уралѣ.

За уступомъ уступъ, за вершиной вершина
Громоздятся надъ быстрой рѣкой—
Точно сдвинуты въ груду желѣзной рукой
Раздраженнаго кѣмъ-то бойца-исполина,
Вызывавшаго землю на бой.

* * *

Черной тѣнью одѣтыя, щели проваловъ
Глубоко залегаютъ межъ скалъ—
Обнажилъ свое сердце здѣсь старый Уралъ.
И все круче, угрюмѣй вершины уваловъ,
Все чернѣе глубокій провалъ.

* * *

Вотъ надъ самой дорогой отвѣсной стѣною
Въ высь поднялся могучій хребетъ,
И созданье желѣзнаго творчества лѣтъ—
Обнажились породы одна надъ другою;
Здѣсь вѣка проложили свой слѣдъ.

* * *

За уступомъ уступъ, за громадой громада,
Недвижимы въ раздумьи своемъ
Ветераны земли подъ зеленымъ плащомъ.
И стоятъ такъ, въ строю вѣкового парада,
Предъ невидимымъ властнымъ вождемъ.

* * *

Вотъ расцвѣченной лентой открылась долина
Между двухъ уходящихъ хребтовъ,
Вся въ оттѣнкахъ изъ палевыхъ, ясныхъ цвѣтовъ.

А вдали—тамъ опять за вершиной вершина,
Въ темныхъ складкахъ зеленыхъ ковровъ.

II.

* * *

Онъ былъ злобно насмѣшливъ, домой воротясь.
Онъ, любимый, надъ нею глумился, смѣясь,

И когда алой зорькой зажглись небеса,
Съ грубой бранью ушелъ навсегда.
Тихій вечеръ съ улыбкой смотрѣлъ ей въ глаза,
Городъ жилъ и дышалъ—какъ всегда.

Передъ ней подъ мостомъ гнѣвно билась рѣка,
Потонули въ густѣющей мглѣ облака.

Брала дрожь—надъ рѣкой опустилась роса.
Страшенъ мракъ—ледяная вода...
Тихій вечеръ съ улыбкой смотрѣлъ ей въ глаза,
Городъ жилъ и дышалъ—какъ всегда.

Страшно тамъ, подъ холодною, мутной водой,
Страшно тамъ, въ глубинѣ умирать молодой.

Но вѣдь онъ, ея жизнь, онъ, любовь и краса,
Не придетъ никогда, никогда...
Тихій вечеръ съ улыбкой смотрѣлъ ей въ глаза,
Городъ жилъ и дышалъ—какъ всегда.

Черезъ день на пескѣ ея тѣло нашли.
Мохъ и травы вѣнкомъ ей чело оплели,

Сбилась въ мокрый комокъ золотая коса,
Тусклый взоръ не горѣлъ, какъ звѣзда.
Тихій вечеръ съ улыбкой смотрѣлъ ей въ глаза,
Городъ жилъ и дышалъ—какъ всегда.

Въ темномъ моргѣ, въ холодной, безмолвной семьѣ
Улеглась она тихо на жесткой скамьѣ.

Посинѣвшую грудь облегли волоса,
Оттѣнивъ роковые цвѣта.

Тихій вечеръ съ улыбкой смотрѣлъ ей въ глаза,
Городъ жилъ и дышалъ—какъ всегда.

III.

Береговое.

Мы встанемъ рано. Еще не глянетъ
На землю первый отсвѣтъ зари,
Мы встанемъ рано—мы встанемъ въ три.
На городъ сонный съ рѣки потянетъ
Гнилая сырость. И фонари

Судовъ намъ будутъ мигать ехидно.
Мы, смутны, станемъ въ угрюмый рядъ,
А зорька такъ и не кинетъ взглядъ,
И неба такъ же не будетъ видно,
Когда работу начнетъ нарядъ.

Мы встали рано—намъ нужно хлѣба.
Дружнѣй, товарищъ, не отставай!
Къ закату бунтъ свой мы сложимъ въ край.
Уже сѣрѣетъ съ востока небо—
Спѣши, товарищъ, не отставай!

Плечо къ обѣду чужое станетъ.
Какъ камни, давятъ пятерики,
Гнилая сырость ползетъ съ рѣки.
Минутный отдыхъ въ обѣдъ настанетъ,
И вновь ворочай, носи мѣшки.

Мы встали рано—мы поздно бросимъ:
Очистить надо баржу до дна...
Спѣши, товарищъ, заря видна!
Мы подрядились за четверть—восемь,
Намъ дорогъ каждый мѣшокъ зерна.

Артель подъ вечеръ окончитъ ряду.
Огнями будетъ сіять трактиръ,
И будетъ веселъ нашъ пьяный пиръ...
А завтра снова не кинетъ взгляда
На землю первый отсвѣтъ зари,
Какъ мы ужъ встанемъ—мы встанемъ въ три.

VI.

Закатъ.

Огнистый хитонъ запылавшаго неба
Надъ палевымъ фономъ уснувшей земли.
Отроги Урала подъ складками крепа
Угрюмымъ рельефомъ отходятъ вдали,
Нахмуривъ густыя, лѣсистыя брови,
Провалы одѣвъ гобеленами тьмы.
Сверкающій флёръ голубого и крови—
Въ рѣшетчатыхъ окнахъ вагона-тюрьмы.
Отсвѣты чеканной насѣчки металла
На мраморномъ поясѣ розовыхъ тучъ.
Обвилъ по краямъ точно нитью коралла,
Обрызгалъ ихъ пурпуромъ пламенный лучъ.
Топазъ и бериллы въ расплавленной мѣди,
Въ расплавленномъ золотѣ огненныхъ ризъ.
А ниже, подъ петлями солнечной сѣти—
Точеный изъ алыхъ смарагдовъ карнизъ.
. . . .
Но въ траурныхъ колерахъ меркнутъ зарницы,
Въ свинецъ измѣнился янтарь облаковъ.
Угаснувшій день опускаетъ рѣсницы
Надъ рѣзко-очерченной гранью холмовъ.

П. Ратмировъ.

ЗОЛОТО.

Разсказъ.

I.

— Тукъ-тукъ-тукъ! Сосѣдъ! Сосѣдъ! Ты спишь?.. Не спи, — полночь на дворѣ!..

Осторожный стукъ дерзко врывается въ глухую тишину и вспугиваетъ притаившуюся темную ночь. Такъ же отчетливо стукаетъ гдѣ то сзади, въ вербахъ, нѣмо крякаетъ за рѣкой... Ворчитъ собака, недовольно и такъ глухо, какъ будто держитъ во рту комокъ снѣга. И опять тяжелое безмолвіе покрываетъ землю, и чутко настораживается ночь.

Старый коробочникъ Кошкинъ опускаетъ дубинку и безпомощно оглядывается.

Утромъ выпалъ глубокій, мягкій снѣгъ и пушистымъ слоемъ приподнялъ землю. Глазъ еще не успѣлъ привыкнуть къ бѣлизнѣ, и теперь ночь кажется необычайно свѣтлой, словно гдѣ-то горятъ невидимые фонари. Небо сѣрое, безъ звѣздъ, съ темнымъ свинцовымъ кольцомъ у горизонта, и свѣтъ идетъ снизу, отъ снѣга. Рѣдкіе, черные предметы печатаются четко и пугаютъ своей обманчивой величиной. Можно издали пересчитать всѣ извилистыя трещины плетня и темные колья въ бѣлыхъ снѣжныхъ колпачкахъ.

Не шуршитъ снѣгомъ вѣтеръ, не лаютъ собаки, и стоитъ такая мертвая тишина, что звенитъ въ ушахъ и становится жутко. Кажется, не спитъ, а только хитро притаилось все подъ снѣгомъ и чутко ждетъ чего-то.

„Спятъ люди!“ — вздыхаетъ Кошкинъ, поправляя свою остроконечную, похожую на скуфью шапку.

— Жуть!.. Пресвятая Богоро-одице, спаси-и на-асъ! — запѣваетъ онъ потихоньку, поднимая глаза къ небу и кривя мокрый, шершавый ротъ... — Спаси-и на-асъ!.. Сосѣдъ! А, сосѣдъ! Смычковъ! Проснись ради Христа! Полночь наступаетъ!..

Промерзлая дубинка звенитъ, какъ пустая, а въ хатѣ звуки отдаются глухо, будто подъ землей. Отвѣта нѣтъ, и сѣрое заиндивѣвшее окно глядитъ мрачно и мертво, какъ холодный застывшій глазъ. И мертво молчитъ ночь, захлопнувши всѣ звуки, притаилась, молчитъ и ждетъ.

Старикъ съеживается и вытираетъ слезы.

— Пресвятая Богородице, спаси-и на-асъ!..

Чернымъ комкомъ безшумно вдругъ вкатывается откуда то собака; тычетъ носомъ въ валенокъ и такъ же быстро и тихо, какъ привидѣніе, исчезаетъ подъ крыльцомъ.

— Святъ, святъ, святъ! — бормочетъ скороговоркой старикъ, блѣднѣя и замахиваясь дубинкой.—Что за бѣсъ! Откуда взялась собака? Десять лѣтъ живу на дворѣ—никакой собаки не видалъ... Что за бѣсъ?.. Сосѣдъ! Андрей! Проснись, ради Бога!..

Съ тѣхъ поръ, какъ на Бобковомъ хуторѣ неизвѣстные злоумышленники ограбили и задушили майора, Кошкинъ не знаетъ покойныхъ ночей. Съ вечера онъ запирается толстыми засовами, оттачиваетъ острые концы желѣзныхъ вилъ и ждетъ, борясь со сномъ. А если сладкая дремота сводитъ усталые глаза, то сейчасъ же являются они, черные, свирѣпые, безшумно проникаютъ сквозь стѣны, спускаются съ потолка и душатъ старика, блестя страшными кинжалами и требуя денегъ.

Очнувшись въ холодномъ поту, старикъ кидается на печку, разрываетъ трясущимися руками изъ золы толстую варежку съ деньгами, пересчитываетъ ихъ и прячетъ въ другое мѣсто. Но куда бы онъ ни пряталъ варежку, въ послѣднее время ему начинаетъ казаться, что золото свѣтится, какъ гнилушка въ полѣ, и вездѣ его видно. Часто ночью, въ темнотѣ, онъ вдругъ ясно видитъ золото сквозь печную трубу, золу и шерсть варежки. Лежатъ кучкой, блестятъ старые червонцы.

„Что же это я такъ плохо прячу!“ — съ испугомъ думаетъ старикъ. Закладываетъ деньги подъ печку, заваливаетъ старыми кирпичами. Но, отойдя, опять видитъ золото, ясно и отчетливо до мелочей. А варежка, кирпичи и все окружающее становится какимъ-то прозрачнымъ, прозрачнымъ, какъ стекло: и есть, и нѣтъ.

— Пропали деньги! — мечется старикъ изъ угла въ уголъ съ побѣлѣвшимъ лицомъ.—Пропали! Видно!..

И негдѣ спрятаться, некуда уйти отъ этого смертнаго, гнетущаго страха. Онъ давно уже не торгуетъ, не ходитъ по хуторамъ, и коробка пустой валяется въ сѣняхъ. Много разъ писалъ сыну въ Черниговъ, настойчиво звалъ къ

себѣ, обѣщалъ денегъ. Самому же уйти никакъ нельзя: кругомъ должники. Уйдешь—пропали долги. Да и куда?..

А изъ-за лѣса, который широкимъ, густымъ кольцомъ отрѣзываетъ станицу отъ міра, каждый день приходятъ новыя извѣстія, страшные слухи о грабежахъ, разбояхъ, казняхъ, о пролитой крови человѣческой. Газетъ никто не читаетъ, и слухи доходятъ невѣроятные, чудовищные, словно лѣсъ, какъ огромный резонаторъ, удваиваетъ и утраиваетъ всѣ идущіе черезъ него звуки людской рѣчи.

Огненнымъ во тьмѣ знакомъ, цѣною крови стали деньги, и надъ ними витаетъ смерть и жадно ждетъ, когда прорвется кольцо голодной злобы и зависти. У кассъ банковъ, конторъ, вездѣ, откуда слышится звонъ золота, блестятъ острыя сабли и торчатъ винтовки, готовыя каждую минуту послать смерть изъ темнаго дула. Кажется, рушились всѣ старые вѣковые устои, и жизнью начинаютъ двигать какіе то новые, страшные законы. Умеръ старый Богъ и его правда, и зло вмѣстѣ съ кровью разливается по землѣ...

И смятенная мысль, сбитая слухами съ привычнаго мирнаго пути, теряетъ логику, создаетъ ужасы и сама мечется передъ ними въ страхѣ. Сказки, въ которыя всегда хочетъ вѣрить сердце человѣка, становятся дѣйствительностью.

Съ утра до вечера на улицахъ станицы можно видѣть старика Кошкина, худого, блѣднаго, съ грязной козлиной бородой и красными, воспаленными отъ безсонницы глазами. Съ видомъ пророка, потрясая рукой въ направленіи лѣса и путая слухи со своими темными снами, онъ грозитъ и предостерегаетъ.

— Дойдетъ и до насъ! Скоро дойдетъ!.. Нашли, кто майора задушилъ? Узнали, сколько ихъ? То-то. Тутъ они всѣ въ лѣсу бродятъ! Всю станицу разнесутъ!.. Идетъ смерть! Идетъ!.. Будьте готовы!..

При свѣтѣ, на людяхъ, онъ чувствуетъ себя бодрѣе, говоритъ строго и увѣренно. И остается очень доволенъ, если удается напугать и передать свое настроеніе. Тогда исчезаетъ страхъ одиночества, и кажется, что не все еще погибло, и можно найти защиту среди людей.

II.

Осторожно, воровски лязгаетъ щеколда, и дверь медленно и безшумно отворяется. И оттого, что въ черной клѣткѣ долго никто не показывается, старику становится жутко.

— Кто такой? Кто такой? — придушенной скороговоркой шипитъ онъ, отступая къ воротамъ.

Отдѣляется что-то сѣрое, безформенное, какъ клубъ дыма, и останавливается на крыльцѣ. Стоитъ и молчитъ.

— Это ты, Смычковъ?..

— Пугливъ ты сталъ, дѣдъ, свыше мѣры!.. Испортили тебя проклятыя бабы...

Голосъ знакомый, немного насморочный и лѣнивый, словно человѣкъ говоритъ черезъ силу.

Старикъ успокаивается и радостно поглаживаетъ бороду.

— Нельзя, сосѣдъ! Нельзя!—строго и авторитетно говоритъ онъ.—Самъ знаешь, ночь нынче тревожная...

Казакъ Смычковъ, въ сѣромъ короткомъ тулупѣ съ чернымъ высокимъ воротникомъ, нерѣшительно сходитъ внизъ и, подойдя къ старику, пристально и испытующе вглядывается ему въ лицо.

— Ты что? Али не узналъ?..

Но Смычковъ уже отвернулся и шуршитъ тулупомъ, усаживаясь на бѣло-желтую кучку соломы у крыльца.

— Ну, давай ждать! Только брехня это...—хрипитъ онъ, не переставая ерзать по соломѣ.

Кошкинъ опирается грудью на дубинку и задорно откидываетъ голову.

— Нѣтъ, другъ, не брехня!.. То-то и есть, что не брехня! Бабка Кукушка вчера на хуторѣ младенца принимала. Оттуда ѣхала, въ лѣсу „ихъ" видала. Идутъ сюда. Двадцать человѣкъ въ красныхъ кафтанахъ, съ кинжалами за поясами. Да!..

Онъ дѣлаетъ страшные, большіе глаза и неожиданно для самаго себя прибавляетъ:

— Въ рукахъ имѣютъ разрывныя бомбы. Которыя есть бомбы съ картошку, а которыя и съ ребячью голову. Вотъ тебѣ и брехня!.. Этакой штучкой онъ какъ ахнетъ, такъ — Господи помилуй! И кишковъ не соберешь!..

Разстроенный собственными словами, онъ морщится и, закрывъ глаза, печально качаетъ головой.

— Съ киндьжалами, говоритъ!.. А киндьжалы во̀-острые!.. Спаси и сохрани Царица Небесная! Третьяго дня Кубышкинъ Антонъ изъ города пріѣхалъ. Тоже говоритъ: идутъ! И въ городѣ наказывали: смотрите, дескать, пошли въ вашу сторону!.. Многіе нынче ждутъ. Всю станицу обѣгалъ, все оповѣщалъ... Ничего не подѣлаешь,—надо!..

Казакъ зѣваетъ, пощелкивая зубами, молчитъ и весь ушелъ въ воротникъ. Похоже, что онъ не вѣритъ и думаетъ о чемъ то своемъ. Но тогда зачѣмъ же онъ вышелъ, плотно усѣлся и мерзнетъ здѣсь на снѣгу? По правдѣ сказать, въ глубинѣ души и самъ Кошкинъ не вполнѣ увѣренъ, что нападеніе должно случиться именно въ эту ночь, но ради

пріятнаго сознанія, что не одинъ онъ боится и не спитъ, онъ готовъ на все.

— Пресвятая Богородице, спаси-и на-асъ!...

Опершись грудью на бѣлый скрипучій плетень и вложивъ голову между кольевъ, старикъ долго смотритъ на мертвую бѣлую улицу.

Налѣво темными разбросанными пятнами спитъ станица, а по другую сторону, до лѣса, сливающуюся съ сѣрымъ кольцомъ неба, лежитъ ровное, снѣжное поле. И только черная ниточка яра напоминаетъ о погребенной здѣсь веселой, говорливой рѣчкѣ. Въ загадочномъ мертвомъ молчаніи застыло поле и холодной пустотой давитъ глазъ. Застылъ и тополь у калитки, кособокій, печальный, какъ сбитая на бокъ сѣдая борода.

— Ты что же, Андрей, заснулъ, что ли? Все молчишь Али замерзъ совсѣмъ?..

Тулупъ шевелится, изъ воротника выныриваетъ голова въ маленькой дѣтской шапкѣ, похожей на ермолку, и сверкаютъ глаза острымъ, замѣтнымъ въ темнотѣ, блескомъ.

— Ты вотъ что, дѣдъ!.. Знаешь что?.. Далъ бы мнѣ взаймы сотню! А?..

Старикъ отступаетъ назадъ, сурово хмурится и безпокойно коситъ глазами.

— А гдѣ бы я тебѣ взялъ ее, сотню-то?.. Тоже нашелъ капиталиста! Какія были деньжонки, всѣ по домамъ ходятъ...

— Врешь вѣдь, Кошкинъ! Здорово врешь!.. Дай! Я отдамъ.

Старикъ чувствуетъ на себѣ насмѣшливый, испытующій взглядъ, боится встрѣтиться съ нимъ и медленно водитъ по снѣгу концомъ дубинки.

Смычковъ и раньше не разъ заговаривалъ о деньгахъ, но то все были шутки и не заслуживали вниманія. Теперь-же, помимо злого насмѣшливаго тона, въ самой неумѣстности напоминанія о деньгахъ въ такую тревожную ночь, слышится что-то нехорошее и заставляетъ старика насторожиться.

— Какія деньги!.. Денегъ ни копѣйки нѣту!..

III.

Замѣтно темнѣетъ небо. Сдвигается свинцовое кольцо горизонта. Что-то тяжелое чувствуется наверху, готовое упасть и раздавить землю. Должно быть, опять собирается снѣгъ. Отдѣльныя холодныя снѣжинки, невидимыя въ тем-

нотѣ, уже покалываютъ лицо. Быть можетъ, оттого и теплѣе стало, и паръ пересталъ клеемъ садиться на усы.

Глухо лаетъ гдѣ-то далеко собака и потому, что голосъ ея то отдаляется, то приближается, можно догадаться, что поднимается вѣтеръ. Если освободить изъ-подъ шапки ухо и наставить къ полю, то можно уже разслышать, какъ начинаетъ гудѣть лѣсъ, ровно и жалобно. Плачутъ и дрожатъ нѣжныя озябшія вершинки, жалуясь на холодъ, пустоту и одиночество. И угрюмо скрипятъ обезпокоенные шумомъ и дрожью корявые, старые стволы, недоумѣваютъ, прислушиваются и никакъ не могутъ понять нѣжной жалобы голыхъ дѣтей.

— Спаси и сохрани, Царица Небесная!—вздыхаетъ Кошкинъ, зябко подтягивая шарфомъ старое ватное пальто, и опускается на солому.—Полночь наступаетъ... Вотъ тоже и передъ пожаромъ гудѣлъ лѣсъ. Какъ полночь, такъ и загудётъ и загудётъ. А чего гудетъ—никто не понималъ. Выгорѣла станица, тогда узнали... Вотъ оно какое дѣло-то!..

Онъ видитъ на задахъ бѣлаго пустыннаго двора одинокое темное пятно своей хаты, вспоминаетъ всѣ жуткія, страшныя ночи и шумно вздыхаетъ.

Ему хочется говорить, жаловаться на сумятицу и непорядки въ жизни, на разладъ и порчу людей и на свое одиночество съ постоянной тревогой. И хочется, чтобы поняли его и пожалѣли.

— Не видать въ людяхъ хорошаго!—съ горечью начинаетъ онъ, хлопая длинными красными вѣками.—Не видать!.. Я тякъ думаю, не къ добру это. Погибла русская земля!.. Бога забыли и правду уничтожили. Свобода, свобода—кричали, а какъ, что, по какой причинѣ?—и сами не понимали. Анъ вотъ теперь и пошли грабежи да убійства. Какъ, скажемъ, примѣтили, у кого деньги,—сейчасъ чикъ киндьжаломъ! А про то не разсуждаютъ, что отвѣтъ за это предъ Богомъ дадутъ. Стра-ашный отвѣтъ! Вотъ она къ чему подошла свобода-то! Тоже спеціалистами называются, а дѣловъ своихъ не понимаютъ! Больше насчетъ грабежа...

— Внутренній врагъ! Знаю...—лѣниво, но авторитетно замѣчаетъ Смычковъ, охлопываетъ себя по бокамъ и шуршитъ тулупомъ, доставая табакъ.

Долго, какъ сухая трава, шелеститъ въ тишинѣ бумага въ жесткихъ, корявыхъ пальцахъ. Неожиданно и ярко вспыхиваетъ спичка. Бѣлое пятно свѣта, вырвавшись изъ скрюченныхъ, совершенно черныхъ ладоней, пляшетъ по снѣгу, потомъ стрѣлой скользитъ вверхъ и ловитъ на лету снѣжинку, которая вспыхиваетъ, какъ искорка, и тотчасъ-же гаснетъ исчезая во мракѣ.

— Да!..—раздраженно ворчитъ старикъ.—Зашелъ я намедни въ лавку послушать, а Сашка Пѣгій, приказчикъ, и говоритъ: „Ладно, дождемся и мы! Скоро ни богатыхъ, ни бѣдныхъ не будетъ. Всѣ поравняются!“ Чуешь?.. Вонъ какое понятіе!..

Старикъ вскакиваетъ, подпрыгиваетъ и скрипитъ по снѣгу дубинкой.

— Богатыхъ не будетъ! А? Ишь куда подбираются, бѣсы поганые!.. А какъ поравняются? Грабежомъ, извѣстное дѣло...

— Ну, насчетъ равненія ты, дѣдъ, не скажи!..—спокойно хрипитъ Смычковъ, отворачивая заиндивѣвшій уголъ воротника, и опять прячется, а воротникъ, какъ труба, долго курится ѣдкимъ, вонючимъ дымомъ.

— Равненіе должно быть!—снова говоритъ онъ и, двигая шеей, освобождаетъ уже всю голову.—У Матвѣя Кабанова дѣдъ-офицеръ съ моимъ дѣдомъ въ одномъ полку служили. Мой дѣдъ кровь проливалъ, грудью въ атаку шелъ, а его—въ ямкѣ стоялъ, шашкой воздухъ рубилъ. А спустя время триста десятинъ вѣчной земли на Хопрѣ получилъ. За храбрость... Нашей земли-то, казачьей!.. Теперь Матвѣй руки на пупкѣ сложилъ и сидитъ, а рента день и ночь ему идетъ... А меня въ полкъ провожали—послѣдній паекъ заложили...

Онъ далеко отбрасываетъ окурокъ, плюетъ старику на валенки и ругается.

— Отслужилъ вѣрой и правдой, пришелъ—ни земли, ни хаты, и жена въ кухаркахъ... И по сію пору изъ нищаго званія не выберусь. Будь она проклята!.. Работаешь, работаешь, а жизни все нѣтъ! И выходитъ, будто только для работы и живешь... А на кой чортъ она сдалась, работа-то?

Старикъ чертитъ концомъ дубинки крестъ, думаетъ, прибавляетъ еще косой поперечникъ и, поднявъ голову, сурово говоритъ:

— Въ писаніи сказано: въ потѣ лица своего ѣшь хлѣбъ свой. Нечего тутъ и ругаться!..

— Въ писаніи? Въ писаніи тоже сказано: раздай деньги маломощнымъ. А ты раздалъ? Ну, стало быть, и молчи про писаніе! Не для насъ съ тобой писано. Писалъ писака, а читала собака,—тоже сказано гдѣ-то... Отъ богатыхъ нашему брату скоро уже и дыханія не будетъ. Все заберутъ: и землю, и воду, и воздухъ. Черти жадные!.. Есть то же которые спрячутъ деньги подъ полъ и держатъ безо всякаго вниманія... Какъ кобель на сѣнѣ: и самъ не ѣстъ, и коню не даетъ...

Десять лѣтъ зналъ старикъ этого флегматичнаго, смирнаго казака, который не любилъ говорить о своей нуждѣ и только загадочно улыбался угломъ рта. Каждый годъ худая жена родила ему головастыхъ черномазыхъ дѣтей, а онъ

все улыбался и продавалъ,—сначала огородъ, гумно, потомъ пайки. Наконецъ, продалъ и лошадь, купилъ себѣ гармонику—трехрядку и цѣлыми днями, сидя у воротъ, нагонялъ тоску унылыми скорбными мотивами. Кошкинъ зналъ всѣ его несложныя мысли, считалъ недалекимъ и смотрѣлъ на него немного свысока, какъ на мальчишку. И теперь вдругъ—колкіе намеки, рѣзкія слова, въ которыхъ звучитъ какая-то новая дерзкая сила, бросающая вызовъ старой правдѣ, и они такъ неожиданны и ошеломляющи, что старикъ отступаетъ назадъ и роняетъ дубинку.

— Нехорошія ты слова, Андрей, выражаешь!.. Скверно-пакостныя слова! Не отъ большого ума... Ты думаешь, который деньги имѣетъ, а разберись, анъ ему, можетъ, и самому кусать нечего!..

— Разсказывай!.. А у меня теперь такое млѣніе: бери за грудки—и никакихъ. У меня нѣтъ, а у тебя лишки, ну и подай сюда! Короткое дѣло!.. Что нахрапомъ возьмешь, то и твое... Выдумали тоже „грѣхъ"! Какой тутъ грѣхъ, ежели человѣкъ, напримѣръ, съ голоду подыхаетъ?..

Внезапный холодъ острой колючкой проходитъ по спинѣ старика, и зубы начинаютъ выстукивать дробь.

„Новое!" — мелькаетъ жгучая мысль и сразу дѣлаетъ голову пустой и тяжелой.—Тотъ же вызывающій тонъ, та-же смѣлая увѣренность и дерзость! То страшное новое, которое кровью заливаетъ землю, мутитъ людей и его, старика, лишило сна и покоя. Откуда оно здѣсь? Какимъ путемъ проникло въ крѣпкую голову? По воздуху идетъ зараза, какъ туманъ, разливается по лѣсамъ и полямъ и губительнымъ ядомъ отравляетъ людей. Не разберешь теперь, гдѣ врагъ и другъ. Вотъ уже и не сосѣдъ, не мирный и жалкій казакъ Андрей Смычковъ сидитъ на соломѣ, а кто-то чужой и страшный, тотъ же разбойникъ.

— Бѣда!.. Господи помилуй!—думаетъ старикъ въ страхѣ, не зная, что сказать.

Шуршитъ снѣгъ по тулупу и брызжетъ въ лицо. Сильнымъ порывомъ налетаетъ вѣтеръ, хлещетъ и щелкаетъ тополемъ, злобно гудитъ по левадѣ, путаясь въ голыхъ вѣтвяхъ. Бѣлыя тѣни косицами мечутся по двору и, изогнувшись всѣ въ одну сторону, въ ужасѣ мчатся въ догонку за вѣтромъ.

А въ лохматой щели воротника чувствуется, прокалываетъ насквозь злой, пытливый глазъ, острый, какъ кинжалъ.

— Все приглядывается!.. Чего онъ, бѣсъ, присматривается? Ненадежный человѣкъ!..—съ тоской думаетъ старикъ, отвертываясь, и вдругъ блѣднѣетъ и широко раскрываетъ глаза.

Чрезъ бѣлую, колеблющуюся пустыню двора, сквозь стѣны хаты, сквозь чугунъ подъ кроватью—далеко-далеко блеститъ кучка золотыхъ. Лежитъ и свѣтится. Тутъ и столбикъ закопченныхъ кирпичей, подставленный подъ кровать вмѣсто ножки, тутъ и варежка и старая доска отъ корыта. Все—уменьшенное, какъ на картинѣ, но ясное и четкое...

— Видитъ! Пропали деньги!..

Старикъ шарахается въ сторону и загораживаетъ собой хату отъ казака. И стоитъ такъ съ опущенной головой, разставивъ широко ноги, не смѣя пошевельнуться и оглянуться назадъ.

Бѣгутъ горячимъ пескомъ мурашки по тѣлу, а высокая шапка вдругъ становится тяжелой и лѣзетъ назадъ по поднимающимся волосамъ.

А въ темной щели воротника какая-то перемѣна. Должно быть, казакъ тихонько посмѣивается и покачиваетъ головой...

IV.

— Дай, дѣдъ, сотню! На что тебѣ, старому, деньги? Умрешь, съ собой не возьмешь!..

Голосъ уставшій, и глухо звучитъ въ немъ уже безнадежность, какъ будто не проситъ онъ, а жалуется.

— Милый человѣкъ! Сосѣдушка!—стонетъ старикъ, умоляюще прижимая къ груди дубинку.—Зачѣмъ такія слова! Какія у меня деньги?... Нѣту у меня денегъ! Нѣту!..

Опять злобно шипитъ вѣтеръ по соломенному обрѣзу крыши, мечется въ испугѣ и печально гудитъ левада.

Хочется мирно думать о теплой постели. И старику до слезъ становится жалко себя, измученнаго людьми и страхомъ, у котораго нѣтъ ни покойнаго угла, ни близкихъ, которые поняли бы его и пожалѣли. Весь міръ пропитанъ ненавистью, злобой, и со всѣхъ сторонъ тянутся жадныя руки, готовыя разорвать въ клочья.

— Человѣкомъ бы ты меня сдѣлалъ!..—задумчиво и мечтательно говоритъ Смычковъ.—Первое дѣло, коня бы я себѣ купилъ. Какой я хозяинъ, коли и кошки въ хатѣ нѣтъ!.. Люди лѣсъ Слѣпокуру возятъ, хлѣбъ зарабатываютъ. А я котяхи гоняю... Второе—пай бы выкупилъ...

Очевидно, со словомъ „пай“ у него связано такъ много горечи и обиды, что онъ громко хлопаетъ по тулупу длиннымъ рукавомъ и рѣзкимъ поворотомъ головы раскидываетъ воротникъ.

— Кипитъ во мнѣ сердце! Развѣ это жизнь, будь она проклята!.. Захворала баба и говоритъ: „ты бы свозилъ по-

лѣчить меня. Какъ бы не помереть"... А развѣ хуже будетъ — говорю. Все равно! Умирайте! Мука доходитъ, чѣмъ васъ кормить стану?.. Э-э!..

Онъ умолкаетъ внезапно, словно испугавшись. И невысказаннымъ остается что-то отчаянное, послѣднее, къ чему можетъ привести голодъ. И долго чудится, что казакъ все еще говоритъ, тихо и невнятно, и слова его странно сливаются съ печальнымъ, холоднымъ шорохомъ снѣга.

А ночь затаилась, слушаетъ и вникаетъ...

Старику почему-то все кажется сномъ, и въ головѣ нехорошо, кошмарно. Съежившись въ смутномъ предчувствіи, онъ не можетъ оторваться отъ темной щели воротника, какъ будто тамъ тайная разгадка. И еще что-то постороннее и неопредѣленное безпокоитъ его... Наконецъ, мало-по-малу ухо уже ясно начинаетъ вылавливать изъ смутнаго шороха ночи какіе-то новые пугающіе звуки: обрывки сдавленныхъ голосовъ, шепотъ. Звуки то замираютъ, то вдругъ становятся совсѣмъ близкими.

Настораживается и Смычковъ и выжидающе вытягиваетъ голову. И такъ долго прислушиваются они и неподвижно смотрятъ другъ на друга широкими спрашивающими глазами. Одинъ со страхомъ, а другой — съ жаднымъ охотничьимъ любопытствомъ.

Морозно визжитъ за пустыремъ калитка, и тотчасъ-же брызжетъ, какъ снопъ яркаго свѣта, женскій звонкій смѣхъ. И такъ внезапно и радостно врывается онъ въ жуткую настороженность, что кажется, будто улыбнулась и освѣтилась, и кончилась вся эта тревожная ночь.

— Это у Паньки жалмерки!..—спокойно и какъ будто разочарованно, говоритъ казакъ.—Жируетъ баба...

— У ней, у ней!—радостно лепечетъ старикъ, стуча зубами.—Это у ней!.. Испугалась давеча бабенка, какъ я объявилъ, что надо ждать нападенія!..

Онъ смѣется отъ радости, что слышитъ, наконецъ, постороннихъ, живыхъ и веселыхъ людей, и торопливо хватается за новую тему разговора.

— Извѣстное дѣло, боязно! Баба молодая, неопытная, а мать старуха, слѣпая. Какое ни на есть имѣньишко, а все жалко... Ваську Черноуса съ ружьемъ приглашала ночевать...

— Ишь, гадюка! — мрачно хрипитъ Смычковъ. — Подъ праздникъ! Меня бы позвала. Тоже не хуже Васьки справился бы!..

Старикъ удивленно поднимаетъ мохнатую сѣрую бровь и укоризненно качаетъ головой.

— Дѣтей полонъ домъ, кормиться, говоришь, нечѣмъ, а

помыслы имѣешь въ себѣ все неосновательные, нехозяйственные. Чудной ты человѣкъ, Андрей! Не пойму я тебя... Не сталъ бы я въ другое время и разговаривать съ тобой, за грѣхъ бы счелъ... Ну тебя ко псу!..

Казакъ сидитъ неподвижно, молчитъ и глядитъ въ щель. А потомъ вдругъ неожиданнымъ порывистымъ движеніемъ распахиваетъ тулупъ, какъ будто сбрасывая съ себя тяжесть.

— Давай денегъ, дѣдъ! Лучше будетъ!.. Ей Богу, лучше!.. Не доводи до точки!..

Голосъ звучитъ глухо, точно выходитъ изъ глубины тулупа, и обрывается сразу высокой угрожающей нотой. Что-то знакомое, страшное и далекое напоминаетъ старику этотъ чужой голосъ. Какъ будто онъ уже слышалъ его гдѣ-то при какой-то необычной и жуткой обстановкѣ, не то во снѣ, не то наяву.

— Лучше будетъ, попомни мое слово! Не дашь—спокаешься...

— „Спаси и сохрани, Царица Небесная!.. Не въ себѣ человѣкъ! Какъ есть, не въ себѣ!..“ — думаетъ старикъ, и опять ему становится жутко, холодно и шапка лѣзетъ назадъ.

Стараясь удержать дрожащія губы и сдѣлать голосъ спокойнымъ, онъ притворно зѣваетъ и говоритъ:

— Не знаю, чего ты, парень ко мнѣ привязываешься? Не пойму, чего тебѣ нужно! Уйди отъ грѣха...

Забылись давно разбойники, хочется одного—уйти, но почему-то загадочной и пугающей становится бѣлая пустыня двора, и боязно оторваться отъ косматаго чернаго воротника, гдѣ сверкаютъ острые, враждебные глаза. Кажется, стоитъ только на моментъ упустить ихъ изъ вида и повернуться спиной, какъ неизбѣжно должно что-то произойти.

Старикъ нѣсколько минутъ борется съ собой, шепчетъ и поправляетъ шапку, переминаясь съ ноги на ногу.

— Пойду домой. Прозябъ...

А казакъ уже подскочилъ вплотную и молча смотритъ, замѣтно волнуясь, какъ будто боится остаться одинъ или не можетъ продавить сквозь зубы слово. И опять напоминаетъ что-то жуткое это чужое черное лицо, заросшее шершавой щетиной, какъ у обезьяны.

— Ты что? Ты что?—выдыхаетъ старикъ.

— Постой, не ходи... Слышишь—лѣзутъ!..

— Что, что? Гдѣ?

На этотъ разъ звукъ идетъ изъ глубины двора, отъ левады. Онъ зловѣще-остороженъ и чуть слышенъ. Не то кто-то тяжело дышетъ, не то шепчетъ. Тихо поскрипываетъ

снѣгъ. Временами вѣтеръ уноситъ звуки въ сторону, и въ наступившей тишинѣ слышится только сиплый шорохъ снѣга. Но вдругъ коротко и рѣзко трещитъ плетень, такъ грозно и громко, какъ будто раздирается и крякаетъ весь воздухъ отъ бѣлой земли до темнаго неба.

Старикъ присѣдаетъ и пугливо смотритъ на леваду.

— Что-же это такое?.. Сосѣдушка! А? Въ хату вѣдь лѣзутъ!.. Какъ я пойду съ голыми руками? А?.. Ни киндьжала у меня нѣту, ни пистолета!.. Много мнѣ, старому человѣку, надо!..

— Ну, пойдемъ, доведу!..

V.

Лѣзутъ молча, крадучись. Старикъ напряженно вглядывается въ каждый темный предметъ и то и дѣло пугливо шарахается въ сторону и останавливается. Его громадные тяжелые валенки уходятъ глубоко въ снѣгъ, оставляя большія, темныя норы. Длинное пальто собираетъ подоломъ сухіе репьи, цѣпляется ими за валенки и путается въ ногахъ, какъ юбка.

— Шагай, дѣдъ, смѣлѣй! Шагай!..

— Валенокъ у меня того... слабковатъ...—чуть слышно бормочетъ старикъ, копаясь въ снѣгу и что-то съ трудомъ вытаскивая.—Скинулся анаѳема!.. О, Господи, твоя воля! Полонъ дворъ снѣгу навалило!.. Развѣ тутъ уйдешь въ случаѣ чего?..

Сѣрыми косматыми чудовищами выступаютъ вербы на левадѣ. Мерзлыя длинныя лапы ихъ тянутся чрезъ низкій плетень и трещатъ, какъ кастаньеты. Пахнетъ свѣжей разрытой соломой. Раскачиваясь, слабо попискиваетъ высокій журавецъ, и съ него летятъ во всѣ стороны клочья мягкаго снѣга.

Подходятъ ближе. Между двухъ высокихъ кольевъ ясно намѣчается какой-то странный предметъ: голова—не голова, птица—не птица. Онъ движется и мѣняетъ свою форму, показываясь то длиннѣе, то короче, какъ флюгеръ. Отсюда и выходятъ глубокіе, рѣдкіе вздохи. И по тому спокойствію и равнодушію, съ которымъ онъ остается на мѣстѣ, созерцая приближеніе враговъ, ясно становится, что это не злоумышленникъ.

— Это кто такой?—храбро кричитъ Кошкинъ, выступая впередъ.—Говори, а то сейчасъ изъ ливольверта пальну!..

Казакъ молчитъ и стоитъ неподвижно, распахнувъ тулупъ...

— Тю!.. Анаѳема дьявольская! Чтобъ тебя черви съѣли, бѣса дохлаго!..—ругается старикъ, разсмотрѣвъ за плетнемъ большое, сѣрое туловище, и шлепаетъ по снѣгу дубинкой.

— Обмишулились! Митрева кобыла...—конфузливо вздыхаетъ онъ, подходя къ Смычкову.

И снова ему жутко вдругъ оттого, что казакъ даже не улыбается, а молча и серьезно смотритъ въ лицо, какъ будто онъ уже и раньше зналъ это и ждетъ еще чего-то.

— „Чего онъ приглядывается?!"

Старикъ крутитъ головой и рѣшительно направляется къ своей двери. И тотчасъ же слышитъ, что сзади шуршатъ о снѣгъ полы тулупа. Значитъ, Смычковъ лѣзетъ за нимъ.

Задумчивая кривая хата съ раздерганной соломенной крышей тонетъ въ сугробахъ. Отъ пушистыхъ бѣлыхъ бровей, которыя нависли надъ окномъ и дверью, она имѣетъ сердитый старческій видъ. Тянутся отъ крыльца большіе зіяющіе слѣды дѣдовыхъ валенокъ, какъ будто прошелъ здѣсь невиданный огромный звѣрь.

— Я, дѣдъ, къ тебѣ въ гости... Отпирай хату!..—вдругъ неожиданно говоритъ казакъ чужимъ и такимъ далекимъ голосомъ, словно стоитъ на другомъ концѣ двора.

Старикъ останавливается, протираетъ глаза и, дрожа мелкой дрожью, глядитъ на казака съ недоумѣньемъ и ужасомъ.

— „Вотъ песъ привязался! Сохрани Царица Небесная!.. Вотъ бѣсъ!.. Что тутъ дѣлать?.."

Внутри у него холодѣетъ, и отнимаются ноги.

— Ну, отпирай!.. Отпирай, тебѣ говорятъ!—вдругъ уже грозно шипитъ казакъ и хватаетъ старика за плечо.

— Ты что? Ты что?.. Сосѣдъ! Андрюша!..

— Отпирай хату, жадный чортъ!

— Кара-улъ!—давящимся высокимъ фальцетомъ, похожимъ на вой, кричитъ старикъ.

Твердая, какъ желѣзо, и сильная рука толкаетъ въ грудь и зажимаетъ горло, больно стягивая бороду.

У старика открывается ротъ, и все тѣло, какъ червякъ, изгибается въ корчахъ. Онъ бьетъ кулакомъ казака въ переносье, вырывается и, сдѣлавъ хитрый прыжокъ въ сторону, взмахиваетъ дубинкой. Но свистящій ударъ проходитъ мимо, взбивая лишь снѣжную пыль.

Въ слѣдующій моментъ старикъ, сбитый, уже лежитъ глубоко въ снѣгу. Чернѣются наверху одни лишь большіе валенки и барахтаются, какъ играющія собаки.

— О-о!.. Андрюша!.. Сосѣдушка!.. О-о!..

— Не дашь?.. Не дашь?..—хрипитъ, задыхаясь, Смычковъ.

Бѣлый, похожій на снѣговую куклу, старикъ медленно поднимается, надѣваетъ шапку и, безпокойно озираясь, какъ человѣкъ, ожидающій удара съ разныхъ сторонъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и бормоча, лѣзетъ къ крыльцу. Въ бѣлый сплошной комъ сливается все въ глазахъ и кружится, точно у пьянаго. Небо опрокидывается на землю и тоже становится бѣлымъ. И никакъ нельзя понять, гдѣ дверь, далеко или близко. Онъ нащупываетъ ногами и, какъ слѣпой, несетъ впереди вытянутыя руки.

— Отпирай, отпирай!..

Голосъ твердый и властный, но по прежнему кажется далекимъ и, будто, входитъ въ мозгъ какимъ-то другимъ, болѣе близкимъ ходомъ, вспыхивая въ головѣ, какъ порохъ. Такъ бываетъ во снѣ. И ото всей чужой и черной, на бѣломъ сплошномъ фонѣ, фигуры вѣетъ кошмарнымъ ужасомъ, сковывающимъ и языкъ, и волю... Ясно, что это не Андрей, а тотъ старый знакомый, который уже много разъ приходилъ и душилъ во снѣ. Надо скорѣй проснуться!..

Ключъ долго дробно щелкаетъ о замокъ, щелкаютъ и зубы. Останавливается время, и секунды текутъ, какъ вѣчность... Гдѣ-то совсѣмъ близко фыркаетъ лошадь, быть можетъ, даже скрипитъ снѣгъ подъ полозьями. Но старикъ уже ничего не слышитъ и, согнувшись, все тычетъ ключемъ и колотится дрожащими колѣнками въ дверь, силясь проснуться. И бормочетъ что-то, бормочетъ торопливо, обиженно.

Наконецъ, замокъ выпадаетъ. Старикъ выпрямляется, и хитрая, спасительная мысль вдругъ расширяетъ и останавливаетъ его глаза. Онъ вспоминаетъ, что дверь легко и свободно отворяется наружу.

— Цѣпка-то, цѣпка-то... примерзла...—говоритъ онъ, дѣлая притворныя усилія.

А когда казакъ нагибается къ двери, онъ отступаетъ, выбрасываетъ руку во всю длину, какъ пружину, и сильно рветъ на себя дверь.

Разсчетъ вѣренъ: казакъ, ошеломленный ударомъ двери въ темя, громыхаетъ сапогами по обледенѣлому крыльцу и катится въ снѣгъ.

Старикъ вскакиваетъ въ темный чуланъ. Теперь стоитъ только задвинуть тяжелый засовъ...

Еще одна дверь, холодная и корявая отъ инея. И томительно долго шаркаетъ по ней торопливо трясущаяся рука, не находя скобки.

А у крыльца уже скрипитъ подъ сапогами снѣгъ...

IV.

Покачивается лампадка, и острымъ язычкомъ мечется вверхъ робкій огонекъ. Бѣгутъ въ смятеніи жидкія, круглыя тѣни по полу и глинянымъ стѣнамъ.

Старикъ останавливается у порога и стоитъ неподвижно, затянувъ глаза длинными, красными вѣками и шумно со свистомъ дыша. Оттого, что быстро мокнетъ и облипаетъ грязно- сѣрая борода, лицо у него вытягивается и дѣлается похожимъ на мертвое. По шапкѣ и пальто прыгаютъ свѣтлые шарики растаявшаго снѣга.

Въ хатѣ тихо и глухо, какъ въ погребѣ. Только вѣтеръ бросаетъ въ окно сухимъ снѣгомъ, кидается въ трубу, пытаясь оттолкнуть тонкую заслонку, и поетъ злобно, по комариному, долго вытягивая однообразную тоскливую ноту.

— У-у-у!..—стонетъ, наконецъ, старикъ, опомнившись и полуоткрывая одинъ глазъ. И опять начинаетъ стучать зубами.

Конецъ! Жить больше нельзя! Сплошнымъ ужасомъ пропиталась жизнь... Сосѣдъ, близкій, смирный человѣкъ, на котораго вполнѣ можно было положиться,—хватаетъ за горло и грабитъ! Чего-же ждать отъ другихъ? Не удалось сегодня, не спасешься завтра. Не придетъ Смычковъ, придутъ другіе сосѣди и задушатъ.. Нѣтъ ни Бога, ни старой правды. Сила и ненависть стали закономъ жизни. Кругомъ жадные, злые враги, и со всѣхъ сторонъ къ свѣтящемуся золоту тянутся цѣпкія руки... Гдѣ же искать спасенія? Куда бѣжать отъ гнетущаго страха предъ завтрашнимъ днемъ?..

Гулко стукнувъ худыми колѣнками, старикъ опускается на полъ и лѣзетъ подъ кровать. Долго, выставивъ заплатанный задъ, гремитъ доской, передвигаетъ что-то тяжелое и звонкое, не то сковороду, не то чугунъ. И, наконецъ, вытаскиваетъ длинную, толстую, какъ поросенокъ, и тяжелую варежку изъ старой потемнѣвшей шерсти. Когда-то она носилась и, вѣроятно, часто сушилась на горячемъ, потому что одинъ бокъ у нея свѣтлокоричневый, подожженный.

— „Въ чуланъ надо! Въ чуланъ!"...

Но выйти за порогъ слишкомъ страшно.

Старикъ нерѣшительно переминается съ ноги на ногу и робко трогаетъ твердый, смѣшно топорщащійся палецъ варежки и чувствуетъ подъ шерстью рубчатый холодъ золота.

Палецъ качается, грозитъ, словно предостерегаетъ, какъ живой. А потомъ вдругъ сразу опускается и безсильно виснетъ.

Веселой сверкающей и звонкой гурьбой кидаются деньги внизъ, прыгаютъ по полу и торопливо и дѣловито бѣгутъ, часто спотыкаясь, словно пугливое стадо овецъ, въ разныя стороны. Тутъ и неуклюжіе старинные червонцы, столѣтія пролежавшіе въ кованыхъ казацкихъ сундукахъ, и щеголеватые имперіалы новой чеканки, грузные, полустертые рубли-крестовики, обладающіе магической силой стягивать къ себѣ деньги. Есть еще какія-то юркія, золотыя монеты, не больше серебрянаго пятачка, которыя весело прыгаютъ, звенятъ и смѣются, какъ маленькія дѣти, радуясь свободѣ.

— „Что такое? Что такое?.. Святъ! Святъ! Святъ!"

Старикъ присѣдаетъ на корточки и, выпучивъ глаза, растопыриваетъ пальцы, какъ будто стараясь прикрыть золото. Его глушитъ звонъ, не тихій и нѣжный, а рѣзкій, молотомъ ударяющій по головѣ, звонъ, который, несомнѣнно, слышенъ за стѣнами. Словно на разные голоса захохотали бѣсы и забили въ мѣдные тазы...

Уже свернулись, покорно и безмолвно лежатъ монеты, и непонятна уже кажется самая мысль о страшной силѣ, скрытой въ ихъ скромномъ матовомъ блескѣ.

А старикъ все сидитъ, раскрылившись, какъ насѣдка, и слышитъ звонъ. И первый разъ въ душѣ его шевелится какое-то смутное враждебное чувство къ этимъ ничтожнымъ и жалкимъ въ своей мертвой неподвижности желтымъ кружочкамъ. Взяли всю жизнь, обѣщали что-то большое, манили яркими надеждами и возможностями и—обманули, завели въ смертный, безвыходный тупикъ, стянувъ вокругъ кольцо человѣческой ненависти и зависти... Выбросить-бы ихъ вонъ и хоть разъ почувствовать себя свободнымъ и равнымъ со всѣми! Выбросить чрезъ окно, прямо въ снѣгъ, какъ выбрасываютъ кость голодной, паршивой сабакѣ! Пусть грызутся и душатъ другъ друга озвѣрѣвшіе люди!..

Старикъ безсильно и горестно трясетъ головой, и крупныя мутныя слезы текутъ у него по лицу.

— Сёмушка! Сыночекъ миленькій! Гдѣ-же ты? Зачѣмъ я прогналъ тебя?.. Жутко мнѣ, жу-утко!..

А рука машинально нащупываетъ золото и беретъ одну монету, другую... И вотъ старикъ, прытко ворочая задомъ, уже проворно лазитъ на четверенькахъ и съ звѣриной жадностью торопливо хватаетъ золото сухими крючковатыми, какъ старые сучки, пальцами.

Мокнетъ и липнетъ отъ колѣнокъ глиняный полъ и, разрисованный полосами, становится похожъ на географическую карту.

Крѣпко зажавъ въ кулакѣ варежку, опять толстую и тя-

желую, старикъ подходитъ, шатаясь, къ кровати и ложится, забывъ снять мокрое пальто и валенки.

Непріятной, щекотной судорогой дергается одна нога, и смѣшно подмаргиваетъ, не закрываясь, лѣвый глазъ. Словно въ упругую резину обратилось красное опухшее вѣко: старикъ силится натянуть его книзу, морщитъ носъ, а оно, непослушное, упрямо отпрыгиваетъ назадъ...

И глазъ видитъ въ испугѣ мечущійся огонь лампадки, на который кто-то со свистомъ дуетъ изъ чернаго угла. Видитъ, какъ къ темному оттаявшему стеклу прилипаетъ снаружи бѣлый кружокъ сплющеннаго носа, жадно сверкаютъ горящіе хищные глаза... Вотъ уже слышно—тяжело, со скрипомъ обминается снѣгъ за окномъ, и пальцы царапаются о стѣны...

— Да воскреснетъ Богъ!.. Да воскреснетъ Богъ!..

А глазъ безудержно прыгаетъ все быстрѣе и быстрѣе, и въ бѣшеномъ танцѣ прыгаетъ съ нимъ вмѣстѣ все въ хатѣ—стулъ, кадушка, сундукъ, старые сапоги. Скачетъ въ смятеніи, не зная куда дѣваться отъ темнаго ужаса...

— Вижу, вижу-у!..—вдругъ сквозь сжатыя губы, злобно поетъ кто-то на печкѣ.

Барабанитъ заслонка и съ страшнымъ, раздирающимъ уши звономъ падаетъ на полъ...

— Святъ! Святъ! Святъ!..

Икая и трясясь всѣмъ тѣломъ, старикъ быстро вскакиваетъ, закрываетъ руками глаза и, сидя съ ногами на кровати, вопитъ въ отчаяньи:

— О-ой, батюшки!.. О-ой родимые!.. О-ой!..

И долго изъ темнаго беззубаго рта тянется эта тихая, унылая жалоба, похожая на вой бездомнаго голоднаго щенка...

А на востокѣ уже сѣрѣетъ. По скрипучей дорогѣ мимо оконъ ѣдутъ хуторскіе къ обѣднѣ и громко разговариваютъ. Наступаетъ день.

Ив. Сазановъ.

Сумерки людей.

(Публичная лекція, прочитанная въ Москвѣ 27 января 1910 года).

Самая трудная задача нашей науки состоитъ въ томъ, чтобы понять языкъ, на которомъ выражались люди предшествовавшихъ поколѣній, чтобы распознать ихъ чувства и мысли. На первый взглядъ все такъ чуждо намъ. Когда мы смотримъ на фигуры въ тогахъ и сандаліяхъ, когда правители зовутся консулями и архонтами, когда Богъ носитъ имя Зевса или Яхве, когда мы читаемъ старинныя привѣтствія и обращенія, намъ все это кажется театральнымъ и далекимъ, какими-то разставленными декораціями. Надо умѣть проникнуть глубже и найти за ними живыхъ людей, такихъ-же, какъ и мы, открыть тѣ же, что у насъ, увлеченія и слабости, тѣ же колебанія чувствъ и настроеній, тѣ же порывы къ лучшему строю жизни, тѣ же подъемы энергіи въ упорной работѣ и борьбѣ, тѣ же приступы этой разрушающей апатіи,

И, вотъ, если намъ удается перевести выраженія окаменѣвшихъ обрывковъ старины на нашъ ежедневный языкъ, тогда историческая картина пріобрѣтаетъ необыкновенный интересъ. Она сливается, отождествляется съ нашей собственной жизнью. Мы видимъ въ старинныхъ людяхъ самихъ себя, мы сознаемъ ясно, что переживаемыя нами волненія и желанія роднятъ насъ съ человѣчествомъ всѣхъ временъ, потому что въ нихъ вложено то самое, чему многія поколѣнія отдали свои горячія силы и свою пытливую мысль.

Нерѣдко можно встрѣтить недовольство и протестъ противъ такого приближенія къ намъ старины. Говорятъ: нельзя модернизировать античный міръ; онъ жилъ своей особенной, навсегда исчезнувшей жизнью, мы портимъ его заснувшую гармонію своимъ комментаріемъ, взятымъ изъ оборота новѣйшихъ отношеній. Я не знаю, что именно сказывается въ этомъ осужденіи модернизаціи, въ этихъ запретахъ говорить понятнымъ языкомъ: неспособность-ли строгихъ цензоровъ видѣть общечеловѣческія черты въ жизни всѣхъ вѣковъ, неумѣнье-ли чуять въ чужестранцѣ человѣка, если онъ принадлежитъ къ другой расѣ и не такъ одѣтъ, какъ мы? или это—намѣренное выгораживаніе какого-то условнаго міра, масками котораго

пользуется лицемѣріе нашихъ современниковъ, когда имъ нужно скрыть свое собственное безсиліе? Вѣдь очень удобно успокоиться отъ всякихъ порывовъ на мысли, что прошлое—лишь интересный романъ, сказка, неспособная повториться; подражать ея героямъ могутъ только дѣти.

Какъ бы то ни было, позвольте мнѣ не вести васъ этой дорогой и не слушаться этихъ предостереженій. Напротивъ, мнѣ хотѣлось бы показать, въ какой мѣрѣ близки намъ переживанія далекаго прошлаго, какъ непосредственно мы можемъ ощущать біеніе сердецъ у людей общества, давно сошедшаго съ лица земли. Я ищу момента широкой и свободной общественной и политической жизни въ античномъ мірѣ; я представляю себѣ Римъ, столицу большой державы, съ крупными заморскими владѣніями, зимой 64 г. до Р. Х.

I.

Тѣсныя неправильно ползущія улички, окружающія большую торговую площадь, римскій форумъ, переполнены народомъ. Мѣстами толпа еще гуще, гдѣ узкая дорога почти перегорожена высокими лѣсами вокругъ новой постройки. Здѣсь недавно былъ большой пожаръ а, можетъ быть, упалъ, развалился цѣлый домъ, и новый владѣлецъ мѣста, спекулянтъ хлѣбной торговли, Постумій Пиргензисъ, у котораго уже около 50 домовъ въ Римѣ, спѣшитъ вывести опять казарму мелкихъ квартиръ, такой же карточный домикъ изъ тонкихъ стѣнокъ кирпича съ высокими чердаками. Каменьщики и плотники, черноватые низкорослые рабочіе, живо взбѣгаютъ по доскамъ, и сверху, точно изъ-подъ небесъ, слышны ихъ звонкіе голоса. Вотъ кому всегда есть работа въ этомъ колоссальномъ городѣ, который все растетъ, и горитъ, и застраивается опять.

Въ экипажахъ здѣсь не ѣздятъ. Верховой не продерется сквозь толпу. Вотъ остановились носилки, которые держатъ дюжіе бронзовые мавры; изъ нихъ выглядываетъ бритый курчавый старикъ со строгимъ лицомъ. Это старѣйшій сенаторъ, Квинтъ Лутацій Катулъ спѣшитъ въ засѣданіе высокой коллегіи. Его свита, нѣсколько рыжеватыхъ галловъ, въ одинаковыхъ синихъ ливрейныхъ костюмахъ, стараются растолкать толпу.

Сегодня на улицѣ можно узнать сенсаціонныя новости съ дальняго Востока. На форумѣ, у денежной конторы банкира Рабирія взобрался на столъ человѣкъ, выкрикивающій вѣсти громкимъ голосомъ. Вотъ эти устныя депеши. Знаменитый фельдмаршалъ республики, Кней Помпей, два года тому назадъ посланный для защиты богатѣйшихъ азіатскихъ владѣній народа римскаго, идетъ отъ успѣха къ успѣху. Говорятъ, онъ почти достигъ высокой каменной стѣны, за которой кончается Азія. Уже въ третій разъ

онъ касается въ своихъ походахъ Океана, облегающаго сушу на земномъ шарѣ. Генералъ республики свергнулъ блистательныхъ царей съ прозваніями Непобѣдимыхъ Спасителей, Явленныхъ Боговъ, и вступилъ въ ихъ резиденцію, огромную Антіохію. Онъ приближается къ Іерусалиму, священной столицѣ самаго многочисленнаго народа на свѣтѣ.

Эти вѣсти доставлены не государственной почтой; ихъ привезли моремъ на быстроходныхъ судахъ вѣстовые, которыхъ держитъ на свой счетъ римская финансовая биржа. Вѣдь безъ ея королей, безъ этихъ римскихъ Рокфеллеровъ и Вандербильтовъ немыслимы громадныя колоніальныя завоеванія. Рабирій, Помпоній Аттикъ, Пинній, Планцій и др. послѣдовательно уклоняются отъ крупныхъ военныхъ и политическихъ должностей. Они предпочитаютъ вѣсъ, вліяніе въ обществѣ и промышленныя выгоды такъ же, какъ современные американскіе милліардеры не берутъ поста президента, министровъ и губернаторовъ. Они подготовили завоеваніе Востока: своими ссудами они втянули царьковъ въ неоплатные долги; цѣлыя области заложены и перезаложены имъ. Владѣтельный князь передъ смертью не имѣетъ выбора наслѣдника; ему остается завѣщать въ пользу великой республики все свое достояніе, всю свою націю: иначе явятся распродовать ее съ молотка римскіе кредиторы. Походъ Помпея на востокъ—дѣло ихъ рукъ: они рекомендовали его настойчиво народу и послали ликвидировать дѣла своихъ несостоятельныхъ должниковъ.

Въ числѣ тѣхъ, кто слушаетъ передачу вѣстей съ театра войны, есть восточные купцы, торгующіе въ Римѣ тонкими матеріями, художественной мебелью, пряностями, парфюмеріей, ювелирными вещами. Они выдѣляются изъ массы рѣзкими чертами лица, темными бородами, широкими складками длиннаго платья. Ихъ народъ въ старинной дружбѣ съ римлянами, и всѣ помнятъ, что республика помогла въ свое время храбрымъ Маккавеямъ освободить Іерусалимъ отъ греческаго деспота. Теперь они встревожены: римскій завоеватель не хочетъ щадить прежнихъ друзей. И слышно, что воинственные патріоты Іудеи укрѣпляются на Сіонской горѣ, въ огромномъ храмѣ. Самоувѣренный римлянинъ, у котораго въ ногахъ валялись коронованныя особы, будетъ осаждать священный домъ Яхве. Неужели онъ войдетъ въ таинственную внутренность Святая Святыхъ, которой не видѣлъ еще ни одинъ иновѣрецъ, и куда самъ первосвященникъ іудейскій вступаетъ лишь разъ въ годъ?

Часть форума, которая ближе всего къ Капитолію, къ цитадели Рима и храму высшаго Бога, загорожена. Стража пропускаетъ внутрь ограды только римскихъ гражданъ, полноправныхъ членовъ великой республики. У римскаго народа нѣтъ парламента, представительнаго событія, важные вопросы по старому рѣшаются на всенародныхъ сходкахъ. Приглашенія прибыть на такую сходку

посылаются римскимъ гражданамъ во всѣ концы Италіи и даже въ заморскія области.

По всему видно, что Римъ переживаетъ дни сильнѣйшаго политическаго возбужденія. Участники народнаго собранія тѣсно стоятъ на всемъ пространствѣ, окружающемъ ораторскую трибуну; многіе взобрались на уступы прилегающихъ зданій, вскорабкались на столбы и карнизы. Съ захватывающимъ вниманіемъ слушаютъ они рѣчи талантливыхъ ораторовъ, которыхъ выставила партія популяровъ, т. е. народниковъ, защищающихъ интересы бѣдноты, безработныхъ, малоземельныхъ или вовсе лишенныхъ земли крестьянъ.

У популяровъ свои взгляды на успѣхи римскаго оружія, на притокъ великихъ богатствъ въ Римъ и на ихъ примѣненіе. Недавно массы провожали въ могилу одного изъ народниковъ, адвоката Лицинія Макра, горячаго, нервнаго, раздражительнаго пессимиста, кончившаго самоубійствомъ. Лициній неустанно совѣтовалъ народу римскому не отдавать больше жертвъ всепожирающему богу войны; граждане должны отказываться систематически отъ военной службы и этимъ способомъ заставить, наконецъ, господъ правителей въ сенатѣ заняться внутренними дѣлами, приняться за помощь бѣднымъ и безработнымъ, за надѣленіе землей раззоренныхъ крестьянъ.

Безвременно погибшаго Лицинія стараются замѣнить люди болѣе молодого поколѣнія. Вотъ толпа встрѣчаетъ аплодисментами высокую фигуру Кая Юлія Цезаря. Это—патрицій старинной фамиліи, нѣсколько запоздавшій въ своей политической карьерѣ изъ за родства съ крамольными демократами, которые сопротивлялись счастливой звѣздѣ всесильнаго перваго монарха Рима, Суллы. Цезарь вращается въ высшемъ обществѣ, гдѣ умѣютъ въ одинъ вечеръ съ изяществомъ проживать цѣлыя состоянія, но онъ въ то же время проникнутъ самой живой симпатіей къ простому народу. Въ Римѣ Цезарь одинъ изъ самыхъ сильныхъ проповѣдниковъ новаго евангелія бѣдныхъ. Литературно-образованные люди увѣряютъ, что его соціализмъ—чисто ученый, и вычитанъ у греческихъ революціонеровъ; но рѣчи Цезаря такъ просты, что, кажется, какъ будто онъ подслушалъ ихъ съ голоса самого народа.

«Кто истинный обладатель неизмѣримыхъ богатствъ, притекающихъ въ Римъ со всего свѣта»?—спрашиваетъ Цезарь. «Кто—настоящій завоеватель міра? Что могли бы сдѣлать блестящіе императоры и разодѣтые столичные офицеры, если бы не безконечно трудная работа солдата? А вѣдь солдатъ выходитъ изъ среды земледѣльцевъ, армія это—крестьянство Италіи. Если же истинный владѣтель огромнаго достоянія—трудовой народъ, онъ долженъ получить все пріобрѣтенное, всю прибыль полностью на положенныя имъ траты и жертвы. Но бѣдному нужны не жемчуги и не золотые слитки, запрятанные въ ризницы храмовъ, ему нужна земля и домъ. Мыслимо-ли, чтобы кормильцы великаго государства, чтобы создатели его силы, которые провели полжизни въ переходахъ и

сто разъ глядѣли въ глаза смерти, были лишены обезпеченія своей старости?—Крестьянинъ, который самъ пашетъ, знаетъ хорошо, сколько земли ему нужно. Всѣмъ слѣдуетъ дать земли поровну».

«Въ старину люди умѣли сообща работать и поровну дѣлиться, да и теперь у дикарей нѣтъ страшной пропасти между богатыми и бѣдными, и всѣмъ хватаетъ земли. Но если такъ заботятся о равенствѣ достатка люди, близкіе къ животнымъ, не сознавшіе еще справедливости, то неужели великій народъ, дающій законъ всему свѣту, народъ римскій, такъ высоко поднявшій свободу и достоинство человѣка, не сможетъ сбросить злыя послѣдствія неправды, насилія и обмана, создавшихъ неравенство?».

Съ горящими глазами, не проронивъ ни одного слова, слушалъ Цезаря Децій, крестьянинъ, пѣшкомъ прошедшій по Апеннинскимъ тропинкамъ съ далекаго сѣвера. Онъ давно уже въ Римѣ; въ свое время онъ явился жаловаться на малоземелье, заявить о великой нуждѣ своей общины и ходатайствовать о новыхъ надѣлахъ. Но пока, потерявшись въ громадномъ городѣ, Децій долженъ былъ пристроиться носильщикомъ въ гавани, у большихъ складовъ, гдѣ разгружаются корабли, входящіе въ Тибръ съ моря. Званіе римскаго гражданина спасаетъ его отъ голода: предъявивши билетъ, онъ получитъ въ толпѣ другихъ просителей, осаждающихъ амбары имени Гракха, мѣшокъ муки, который придется поберечь и распредѣлить на цѣлый мѣсяцъ.

Вотъ рядомъ съ Цезаремъ другой соціалистъ, выступающій съ обширнымъ проектомъ національзаціи земли, молодой трибунъ Сервилій Руллъ. Это нѣсколько угловатый человѣкъ кабинетнаго, теоретическаго образованія, еще недавно бывшій студентомъ одной изъ греческихъ высшихъ школъ на Востокѣ. Онъ сильно волнуется, поднимаясь на каѳедру; онъ чувствуетъ всю громадность взятой на себя задачи—обратить въ практическія предложенія великій идеалъ соціальной справедливости. Онъ долго готовился къ главной своей рѣчи; въ поздніе ночные часы онъ перечитывалъ драгоцѣннѣйшую книгу демократической партіи, рѣчи и обращенія къ народу двухъ великихъ трибуновъ, братьевъ Гракховъ. Сервилій Руллъ развертываетъ широкую картину.

«Народъ римскій долженъ проснуться изъ своего оцѣпенѣнія. Пусть онъ призоветъ когда-нибудь къ отвѣту своихъ императоровъ. На театръ войны слѣдуетъ отправить народныхъ коммиссаровъ, и Помпей долженъ имъ дать отчетъ въ громадной добычѣ, взятой въ столицахъ восточныхъ державъ. Рудники, лѣса, парки финиковыхъ пальмъ, виноградники, бальзамные сады, всѣ бывшія имѣнія князей и царьковъ должны пойти на продажу. Составится національный фондъ. Народъ не долженъ выпускать изъ своихъ рукъ управленіе этой новой казной. Не надо принимать услугъ важныхъ сенаторовъ, богатыхъ обладателей виллъ, которые сами стали какими-то владѣтельными особами, держатъ по нѣскольку тысячъ рабовъ и не

знаютъ счета своихъ десятинъ. Надо выбрать изъ популяровъ коммиссію народнаго землеустройства: имѣя въ распоряженіи огромный непреодолимый капиталъ, коммиссія устранитъ съ рынка всѣхъ конкурентовъ и закупитъ массу земли, которую и нарѣжетъ бѣднымъ и малоземельнымъ».

Къ концу рѣчи Сервилій Руллъ освободился отъ волненія и невольно перешелъ въ горячій проповѣднической тонъ. «Пусть кончатся всѣ эти походы, сдѣлавшіе ненавистнымъ на свѣтѣ римское имя; вернемъ самостоятельность покореннымъ націямъ и соединимся съ ними въ великомъ мирномъ союзѣ».

Сервилія Рулла заставляютъ на другой и на третій день повторить весь планъ реформы въ подробностяхъ. Онъ долженъ отвѣчать на самые разнообразные вопросы. Слушатели прерываютъ постоянно, все время сыплются ядовитыя замѣчанія. Римская толпа очень воспріимчива, отлично вникаетъ, быстро схватываетъ, она находчива и остроумна. Да это и не толпа, не случайное сборище. Замѣтно выдѣляются костюмомъ, повадкой, союзы ремесленниковъ и рабочихъ. Вотъ группа кузнецовъ и оружейниковъ; у нихъ свои значки, своя касса; эти составляютъ клубъ и часто собираются вмѣстѣ, чтобы столковаться, какъ вести себя при такихъ-то выборахъ и голосованіяхъ. Они твердо знаютъ хартію вольностей римскаго народа. Хорошо помнятъ они параграфъ о личной неприкосновенности, который гласитъ такъ: «римскій гражданинъ свободенъ отъ тѣлеснаго наказанія; всякій, кто подвергнетъ римскаго гражданина ударамъ, пыткѣ или смерти, будь это высшій сановникъ, подлежитъ самъ смерти».

Денежная аристократія Рима сильно встревожена предложеніями народниковъ. Чѣмъ хорошимъ для царей биржи окончится эта агитація въ пользу великаго раздѣла земли, этотъ призывъ къ освобожденію покоренныхъ окраинъ?

Опасность очень велика, и высокофинансовый міръ Рима спѣшитъ выставить противъ Рулла лучшаго оратора столицы, Марка Туллія Цицерона. Этому уроженцу глухого городка, адвокату по профессіи, необыкновенно повезло. Онъ уже достигъ высшей должности консула, т. е. сталъ главою исполнительной власти и предсѣдателемъ сената, и обязанъ этимъ исключительно своему таланту. Римскіе суды, гдѣ онъ создалъ себѣ извѣстность, представляютъ очень трудную арену: они открыты для широкой гласности; государственныхъ прокуроровъ нѣтъ, обвиненіе и защита одинаково составляютъ дѣло частныхъ лицъ; только люди очень находчивые, неутомимые въ дебатахъ, выдерживаютъ эту карьеру и пробиваются впередъ.

Цицеронъ безконечно изобрѣтателенъ на яркіе ослѣпительные обороты рѣчи. Его слова надолго врѣзываются въ память. Всѣ знаютъ фразу изъ одного знаменитаго процесса: «мы забыли смертные приговоры; они закрыты для насъ не только туманомъ сѣдой

старины, но и свѣтомъ свободы». Правда, соперники Цицерона смѣются надъ азіатской пышностью его изложенія, когда безъ счета переливаются изобильныя сравненія и эпитеты. Но это и не самое цѣнное его качество. Онъ—великій мастеръ чисто римскаго искусства отвѣчать на всѣ перерывы, откликаться на личныя нападки; онъ легко импровизируетъ ѣдкій отвѣтъ противнику, умѣетъ высмѣять врага на смерть, уничтожить въ одномъ засѣданіи репутацію человѣка.

Отвѣчая народнической партіи, Цицеронъ юмористически изображаетъ, какъ Сервилій Руллъ, безвѣстный молодой человѣкъ, поѣдетъ коммиссаромъ въ Азію и вызоветъ властнымъ приказомъ самого непобѣдимаго фельдмаршала, Помпея, безотлагательно пріѣхать въ точный день и часъ въ свою канцелярію. Конечно, генералъ почтительно явится и отдастъ все до копѣйки, что онъ забралъ въ походахъ, осадахъ и конфискаціяхъ. Зоркимъ глазомъ привычнаго оратора Цицеронъ замѣчаетъ, что среди собравшихся преобладаютъ горожане, у которыхъ нѣтъ представленія о земельныхъ угодьяхъ Италіи и провинцій. «Смотрите, граждане, кажется, молодой трибунъ хочетъ васъ наградить изъ всякихъ болотъ, полныхъ отравъ и міазмовъ, или высохшихъ пустырей раскаленной земли, не дающихъ расти ни одной былинкѣ!» Въ заключеніе рѣчи Цицеронъ говоритъ увлекательно о величіи римской колоніальной державы, о блескѣ столицы, созданной завоеваніями. «Неужели, граждане, вы откажетесь отъ этого солнечнаго свѣта республики и броситесь переселяться въ какія то неизвѣстныя дали?»

Предстоятъ еще рѣчи, еще дебаты, еще голосованія въ клубахъ прежде, чѣмъ верховный народъ въ торжественномъ собраніи выскажется о судьбѣ имперіи и о великомъ раздѣлѣ земли. Мы видѣли Римъ въ минуту сильнаго напряженія, когда ни одинъ человѣкъ не оставался чуждымъ общественнымъ дѣламъ.

II.

Посмотримъ тотъ же Римъ столѣтіе спустя. На первый взглядъ культуры больше, техника всюду торжествуетъ. Нѣтъ больше темныхъ, извилистыхъ, грязноватыхъ переулковъ вокругъ форума. Городъ перерѣзанъ широкими аллеями и проспектами. Мрачный ржавый кирпичъ спрятался въ предмѣстья; всюду блещутъ на солнцѣ ослѣпительно бѣлые, мраморные фасады общественныхъ зданій и дворцовъ, и видъ на нихъ не загороженъ безобразнымъ сосѣдствомъ казармъ съ мелкими квартирами.

Больше всего настроили Цезари. Еще первый Цезарь, въ молодости радикалъ и соціалистъ, впослѣдствіи геніальный стратегъ и крупнѣйшій колоніальный завоеватель, наконецъ, послѣ истребительной гражданской войны, обоготворенный неограниченный повели-

тель Рима,—еще первый Цезарь хотѣлъ усладить римлянамъ потерю политической вольности праздниками, увеселеніями, раздачами. О томъ же самомъ усердно хлопотали его преемники, обратившіе его имя въ сіяющій титулъ своей власти. У народа есть теперь правильный публичный органъ, сообщающій вѣсти со всего свѣта, нѣчто въ родѣ оффиціальной газеты, подъ громкимъ названіемъ «Ежедневныя дѣянья народа римскаго». Есть великолѣпное крытое помѣщеніе для народныхъ собраній, народный дворецъ имени божественнаго Юлія.

Бѣда только въ томъ, что теперь нечего голосовать и некого выбирать. Консуловъ и трибуновъ назначаютъ по предварительному уговору государя и сената. Народъ собираютъ только для того, чтобы объявить ихъ имена; толпа можетъ доставить себѣ удовольствіе поапплодировать или пошикать, но она не знаетъ напередъ, какого кандидата преподнесутъ изъ таинственной канцеляріи, гдѣ раздаются награды и отличія. О дебатахъ совсѣмъ забыли: законы объ устройствѣ земли, объ управленіи огромными имѣніями народа римскаго давно не отдаются на разсмотрѣніе самого народа: министры императорскаго двора входятъ въ соглашеніе съ сенатомъ, обсуждаютъ въ закрытыхъ засѣданіяхъ и пишутъ рѣшеніе. Когда законъ готовъ и уже вступилъ въ силу, на самомъ видномъ мѣстѣ площади появляется его текстъ, гравированный на какомъ-нибудь вѣчномъ матеріалѣ, на мѣди или камнѣ, во всеобщее свѣдѣніе.

Есть еще совсѣмъ новый видъ законовъ, которые показались бы стариннымъ римлянамъ оскорбительной выдумкой раболѣпной Азіи: это—приказы Цезаря или распоряженія его намѣстниковъ и чиновниковъ. Въ Римѣ всего виднѣе приказы по городу городского префекта. Его постоянно можно встрѣтить разъѣзжающимъ въ сопровожденіи патруля какихъ-то звѣрскихъ инородческихъ лицъ. Онъ не терпитъ никакихъ скопищъ. Вчера городской префектъ разбиралъ дѣло о незаконныхъ собраніяхъ на Авентинскомъ холмѣ; присудилъ 50 человѣкъ къ высылкѣ изъ города и 40 къ отдачѣ въ каторжныя работы; послѣднихъ повезутъ въ цѣпяхъ и отдадутъ въ эргастулъ помѣщику, который уже давно входилъ съ прошеніемъ дать ему даровыхъ рабочихъ для сбора винограда. Сегодня префектъ будетъ судить только что арестованнаго молодого поэта-провинціала, который въ пламенныхъ стихахъ изобразилъ гибель послѣдняго республиканца, Брута, и пытался прочитать свою поэму передъ публикой, выходившей изъ храма Кастора и Поллукса на форумѣ.

Политическіе клубы и кружки строжайше запрещены. Власти легализуютъ только похоронныя и пенсіонныя кассы, позволяютъ собираться только на кружковые пикники и обѣды. Одинъ видъ союзовъ особенно рекомендуется римлянамъ. Въ каждомъ участкѣ города обыватели, надѣвши свои парадныя платья, соединившись вокругъ своего почетнаго старосты, могутъ собираться для чествованія цезаревыхъ дней: занятіе ихъ въ томъ, чтобы развѣшать

украшенія, ленты, гирлянды и флаги на домахъ и особенно у статуи императора, пропѣть гимны и закончить торжественный день общимъ обѣдомъ съ поздравительными тостами. Староста, такъ наз. магистръ — лицо оффиціальное; онъ надѣваетъ особый мундиръ и отвѣчаетъ за спокойствіе собравшихся на праздникъ.

По временамъ Цезарь справляетъ великій день своего царствованія. Тогда приглашаютъ всѣ легализованные союзы, всѣхъ обывателей съ ихъ старостами. Предстоитъ большое всенародное молебствіе, народное представленіе въ театрѣ и циркѣ, большой обѣдъ, раздача денегъ, хлѣба, плащей. Цезарь любитъ, чтобы оффиціальные истолкователи его воли объясняли смыслъ торжественнаго дня. Вотъ, что говоритъ праздничный гимнъ, сочиненный придворнымъ стихотворцемъ. Небесныя силы послали на землю много несчастій и тяжелыхъ испытаній за грѣхи рода человѣческаго; но страданія людей искупили имъ миръ и прощеніе, и небо шлетъ теперь великаго примирителя. Въ Цезарѣ воплощенъ и вѣстникъ небесъ, и онъ самъ—богъ-спаситель міра. Его приказы—божьи письма и посланія; онъ несетъ евангелія, благія вѣсти свыше. Во всѣхъ городахъ имперіи выставляются памятныя доски, на которыхъ написано: «день рожденія нашего бога (т. е. Цезаря) есть для всего міра начало евангелія, его ради людямъ открывшагося». Новый богъ не только общій родоначальникъ новаго вѣка благоденствія; мало того, каждое его новое пришествіе, по-гречески парусія, напр., его въѣздъ въ городъ, приноситъ новое счастье людямъ.

По всѣмъ городамъ имперіи новому богу курятся ѳиміамы, и возносятъ молитвы іереи и архіереи. Въ Римѣ императоръ еще стѣсняется, соблюдаетъ нѣкоторую показную простоту. Всюду красуется старый республиканскій гербъ S. P. Q. R., т. е. сенатъ и народъ римскій. Императоръ долженъ являться въ среду народа на большіе бѣга въ циркѣ, долженъ выбирать себѣ партію наравнѣ съ простыми обывателями, надѣвать значекъ синихъ или зеленыхъ. Но это—пустые комплименты; они только образуютъ мишуру блистательнаго рабства.

Еще одна черта у этихъ политически стертыхъ людей. Римляне пристрастились къ спиритизму. Есть кружки, занимающіеся общеніемъ съ потустороннимъ міромъ. Есть подробныя описанія привидѣній, цѣлыя руководства съ указаніемъ пріемовъ, какъ отгонять духовъ или какъ пользоваться ихъ услугами. Только и слышны разговоры о магическихъ средствахъ противъ всѣхъ болѣзней, противъ лихорадки, меланхоліи, противъ дурного глаза, противъ страха смерти; жадно добираются узнать таинственное имя могучаго волшебника, именемъ котораго можно избавляться отъ бѣсовъ, мучающихъ человѣка. Большой успѣхъ имѣютъ магнетизеры, чудотворы и утѣшители, отыскивающіе психически возбужденныхъ и нервно разстроенныхъ людей. Вотъ рѣчистый ловкій сиріецъ устроился въ качествѣ духовника при важномъ магнатѣ.

Сенаторъ проводитъ съ нимъ цѣлые вечера, заставляетъ вызывать тѣни всѣхъ извѣстныхъ волшебниковъ и святыхъ: онъ пострадалъ отъ немилости Цезаря и готовъ идти на союзъ съ бѣсами, чтобы вернуть расположеніе властителя. По улицамъ среди простого народа ходятъ проповѣдники въ темныхъ рясахъ, подпоясанныхъ веревкой, босые, съ мѣшкомъ за спиной, они шепчутъ молитвы, причитаютъ и плачутъ и взываютъ къ покаянію.

Гдѣ же теперь старые римляне, гдѣ эта стальная непреклонная гордая раса, куда дѣвался тотъ благородный видъ рода человѣческаго, который не можетъ жить внѣ атмосферы свободы и независимаго достоинства?

Римляне все тѣ же несравненные техники, стратеги, инженеры, архитекторы, изслѣдователи. Несокрушимыми каменными полосами до сихъ поръ лежатъ ихъ дороги. Чуть не до сердца центральной Африки можно найти слѣды экспедицій неутомимыхъ искателей, настоящихъ предшественниковъ Стэнли и Ливингстона. Но во что обратился народъ, двѣсти лѣтъ высылавшій непобѣдимые легіоны на западъ и на востокъ?—Италія бѣднѣла людьми, а въ колоніяхъ, на окраинахъ появлялась новая раса чиновниковъ, чуждыхъ мѣстной жизни, высокомѣрныхъ и недоступныхъ, по старой привычкѣ отличныхъ счетчиковъ и бухгалтеровъ, но въ то же время жадныхъ, безжалостныхъ вымогателей. Римлянинъ становится синонимомъ бюрократа. Громкозвучная роль замирителей всего свѣта раздробилась на мелочныя притязанія податныхъ инспекторовъ, офицеровъ охранной стражи, таможенныхъ смотрителей.

Нація, какъ живая сила, кончилась, замолкла вмѣстѣ со своими шумными собраніями. Остался ея внѣшній обликъ, какъ высохшее дерево со всѣми вѣтвями; но обмѣна крови, круговорота жизненныхъ силъ нѣтъ. И этотъ тяжелый окаменѣвшій колоссъ давитъ, какъ мертвецъ, то живое, что ему досталось подъ власть. Онъ задавилъ и то всякое освободительное движеніе, которое поднималось на Востокѣ.

III.

Послѣ Помпея римляне не разъ вступали на священную почву Іерусалима. Нѣсколько разъ водружали на вратахъ великаго храма золотыхъ орловъ, знакъ римскаго господства. Трудно нарисовать себѣ то впечатлѣніе, которое производило это символическое дѣйствіе на энергичный народъ, охваченный въ это время настоящимъ пламенемъ политическаго воскресенія.

Громадный храмъ съ его множествомъ портиковъ, колоннадъ, съ обширными дворами, которые были загорожены тройными высокими крѣпостными стѣнами, былъ не только средоточіемъ богомольцевъ, прибывавшихъ постоянно со всѣхъ концовъ свѣта, какъ Римъ въ средніе вѣка, какъ нынѣшняя Мекка. Нѣтъ, это была

также неприступная крѣпость-твердыня, градъ Божій на землѣ; около него вращались всѣ мысли патріотовъ, мечтавшихъ о возрожденіи страны и къ нему въ дѣйствительности устремлялись борцы освободительнаго движенія, чтобы занять крѣпкую опору и начать отсюда соединеніе разсѣяннаго народа.

Здѣсь, въ этихъ залахъ, дворахъ и переходахъ храма передавались съ лихорадочныхъ интересомъ вѣсти о новомъ возстаніи неутомимаго героя Іуды Галилеянина съ его дружиной. Уже разъ осужденные, отовсюду изгнанные, они опять появились въ неприступныхъ горныхъ гнѣздахъ и ущельяхъ Галилеи и Заіорданья. Эти палестинскіе гарибальдійцы передавали изъ рода въ родъ заклятье непримиримой борьбы противъ Рима. Ни одинъ изъ сыновей и внуковъ Іуды Галилеянина не умеръ своей смертью: одни погибли на крестѣ, другіе въ битвѣ, третьи покончили самоубійствомъ, чтобы не достаться живьемъ врагу. Они провозглашали Божье царство, т. е. независимость республиканской Іудеи. Когда приходила вѣсть о новомъ движеніи, собравшіеся у храма спрашивали: не находится-ли среди возставшихъ Мессія, давно желанный избавитель народа?

На томъ же храмовомъ дворѣ съ замираніемъ сердца, съ болью передавали и другія вѣсти; вчера римляне казнили святого человѣка и въ насмѣшку прибили къ кресту вывѣску: «царь іудейскій».

Завоеватели очень хорошо видѣли, что храмъ открываетъ просторъ для большихъ митинговъ, для распространенія воззваній къ народу, для выступленія пророковъ, т. е. политическихъ поэтовъ и ораторовъ, для большихъ религіозно-національныхъ демонстрацій; и римляне сдѣлали все, что могло довести характерную мысль и вѣру народа до величайшей степени остраго напряженія.

Римскій гарнизонъ былъ помѣщенъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ храмомъ. На сѣверъ отъ храмовой горы высилась другая, гдѣ другъ римлянъ, Иродъ Великій, построилъ себѣ дворецъ, назвавши его, въ честь римскаго покровителя своего, Антоніей. Эта Антонія была обращена въ римскія казармы. Широкіе сходы, двѣ большія лѣстницы спускались къ храмовому двору съ нависшей надъ нимъ Антоніи. Солдаты могли во всякую минуту сбѣжать внизъ, сплоченными рядами врѣзаться въ толпу и разсѣять всякое сборище.

Въ большіе праздники эта зависимость отъ завоевателей, этотъ наглядный плѣнъ іудейскаго народа чувствовался особенно тяжело. Сойдясь на свое великое національное торжество, настроенныя на политическій тонъ по преимуществу, массы видѣли въ двухъ шагахъ римскія пики, чувствовали себя подъ угрожающимъ взоромъ поработителя. Трудно представить себѣ болѣе рѣзкое прикосновеніе къ тому органу народной жизни, гдѣ всего сильнѣе билось ея сознанье.

Недаромъ такъ настойчиво повторяется одинъ мотивъ во всѣхъ

фантазіяхъ и планахъ народныхъ возстаній: вдохновенный вождь зоветъ борцовъ въ пустыню; тамъ, на границѣ должны собраться освободительныя дружины, идти на Іерусалимъ, штурмовать стѣны, если онѣ сами не упадутъ чудомъ, и истребить римскій гарнизонъ стоящій въ святомъ мѣстѣ.

И въ дѣйствительности въ теченіе двухсотъ лѣтъ отъ вступленія Помпея въ Святое Святыхъ до императора Адріана, который стеръ съ лица земли всѣ камни и самое имя Іерусалима, самыя страшныя битвы кипѣли около Сіонской горы.

Завоеватель хорошо понималъ смыслъ захвата и уничтоженія этихъ символовъ. Знакомъ великаго разгрома самобытнаго іудейства въ 70 году послѣ Р. Х. до сихъ поръ стоитъ въ Римѣ тріумфальная арка Тита, одинъ изъ самыхъ красивыхъ памятниковъ римскаго форума: на немъ побѣдитель отчетливо изобразилъ драгоцѣнную добычу, унесенную навсегда изъ разрушеннаго храма. Это—золотой семирукій свѣтильникъ, который римляне отдали въ новую церковь, построенную божеству Замиренія. Вы видите, что римляне знали страшную двусмысленность этого выраженія, проклятую игру словомъ, которое можетъ означать и отдыхъ освобожденнаго, и покой кладбища, и молчаніе замурованнаго.

Но неудержимое влеченіе возстановить старый градъ Божій повторилось еще разъ. Среди полной, повидимому, безнадежности собрались патріоты въ Палестинѣ, 60 лѣтъ спустя послѣ гибели Іерусалима. Во главѣ ихъ сталъ какой-то замѣчательный организаторъ, настоящее имя котораго даже не дошло до насъ; онъ остается въ исторіи со своимъ популярнымъ названіемъ Бар-Кохебы, сына звѣздъ, прозваніемъ, отразившимъ въ себѣ сверкнувшія снова надежды народа. Когда поднялось это послѣднее возстаніе, при императорѣ Адріанѣ, эмигранты опять искали опоры на священной горѣ у обломковъ сгорѣвшаго града Божія. Здѣсь въ новой импровизированной крѣпости Бар Кохеба, можетъ быть, потомокъ Іуды Галилеянина, чеканилъ монеты возрожденной республики съ надписью: «Свобода Іудеи».

Но и этого Мессію сломилъ военно-бюрократическій колоссъ Рима. За большой истребительной катастрофой слѣдовало злое размельченное мщеніе; всюду разыскивали потомковъ Давида, потому что изъ этого рода долженъ, по вѣрованію народа, возстать избавитель и основатель справедливой освобожденной общины. Осудить на смерть Давидова потомка, т. е. просто іудейскаго патріота, всякаго прикосновеннаго къ вѣрѣ въ освобожденіе—таковъ былъ самый характерный розыскъ со стороны властей, напуганныхъ грознымъ движеніемъ.

IV.

Но теперь, по крайней мѣрѣ, можно было открыть храмъ богини Замиренія. Теперь безъ остатка была истреблена та безконечная раса людей, которая, кромѣ сытости и покоя, ищетъ еще какихъ-то цѣлей жизни. Теперь опять всѣ безпрекословно будутъ платить подати Кесарю, кланяться его статуѣ и почтительно дрожать передъ всякимъ его отраженіемъ въ лицѣ любого римскаго бюрократа. Наступили какіе то тяжелые, глубокіе сумерки, и тѣни сгущаются все больше. Но все-таки свѣтъ не погасъ совсѣмъ, и нѣтъ полнаго торжества побѣдителя.

Правда, не осталось никакихъ слѣдовъ объединяющаго символа на святой горѣ, нѣтъ въ живыхъ потомства отважныхъ предшественниковъ и предвѣстниковъ Мессіи. А между тѣмъ гдѣ-то живутъ и распространяются рѣчи о новомъ градѣ Божіемъ, о государствѣ и обществѣ будущаго. И слово Мессія не исчезло: оно переведено по гречески: «Христосъ» и распространяется среди людей другой рѣчи, захватило еще одну большую націю. И даже въ самомъ Римѣ есть кружки, враждебные существующему государству, которые ожидаютъ какого-то великаго дня и часа общаго избавленія.

Кружки эти при всемъ стараніи римскихъ властей обнаружить ихъ существованіе, узнать ихъ уставы, списки ихъ членовъ, остаются неуловимы. Вѣдь нельзя же преслѣдовать всѣмъ разрѣшенныя вечернія общія трапезы? Вѣдь не стоитъ вести войну съ похоронными кассами, да и какая опасность отъ почитанія умершихъ и украшенія ихъ могилъ?

Къ счастью для римскихъ инквизиторовъ, есть несдержанные люди, есть откровенные поступки, сразу обнаруживающіе опасную секту и ея убѣжденья. Цѣлый рядъ лицъ отказывается идти въ военную службу; есть случаи отказа принести присягу вѣрноподданства при вступленіи въ должность, и это вдругъ сдѣлаетъ не какой-нибудь Каллистъ или Поликарпъ, одно имя которыхъ показываетъ, что они инородцы, нѣтъ—настоящій римлянинъ старинной фамиліи, Ацилій Глабріонъ. Въ Цезаревъ день, въ день воскресенія Спасителя міра, блистательнаго Сотера и Сальватора, на нѣкоторыхъ домахъ нѣтъ цвѣтовъ, гирляндъ и флаговъ. Наконецъ, по временамъ арестуютъ молодыхъ людей, дерзнувшихъ на враждебную манифестацію передъ самымъ престоломъ живого бога, передъ статуей императора.

И вотъ что говорятъ эти преступники на судѣ, напр., Сператъ изъ Сцилли въ Нумидіи, должно быть, мавръ, научившійся говорить по латыни: «не признаю я нынѣ существующей державы, я знаю лишь моего «владыку, государя государей, императора всѣхъ

народовъ».—За этимъ отвѣтомъ, сохраненнымъ въ житіи мученика, мы можемъ представить себѣ продолженіе. «Имя твоего государя?»—спрашиваютъ судьи. Но обвиняемый не говоритъ имени. Имя неизвѣстно, какъ у Бар-Кохебы, котораго умѣли, однако, назвать его вѣрные друзья. Никто не скажетъ также, когда будетъ парусія, пришествіе истиннаго народнаго вождя, но инквизиторъ слышитъ знакомое прозваніе, и оно звучитъ кличемъ заглушенной, но не уничтоженной оппозиціи. «Мы его зовемъ Мессіей, Христомъ, истиннымъ Сотеромъ и Сальваторомъ», говоритъ обвиняемый. «Онъ привлечетъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ въ новую общину, соберетъ за своей трапезой всѣхъ бѣдныхъ и забитыхъ. Его господство будетъ осуществленіемъ правды, которой нѣтъ въ державѣ этого вѣка. Оттого въ общинѣ истинной все обернется въ противоположность порядкамъ вашего несправедливаго государства: первые, т. е. нынѣ владыки, будутъ послѣдними, а послѣдніе, т. е. порабощенные, будутъ первыми».

Судьба такого откровеннаго признанія Сперата очевидна: ему предстоитъ вѣнецъ мученика—смерть. Но не всѣ члены преслѣдуемыхъ кружковъ были такъ безумно-отважны. Другіе, напротивъ, безъ устали ходатайствовали передъ властями о разрѣшеніи мирныхъ общинъ и союзовъ, ссылались на свое миролюбіе, на свой отказъ отъ политики и въ доказательство приводили выраженія изъ книгъ авторитетныхъ учителей своихъ, что всякая власть отъ Бога, что надо терпѣть всякаго, даже и дурного правителя, какъ божье наказаніе.

Однако, въ кружкахъ читали съ увлеченіемъ и другую книгу, которую нельзя было показать властямъ. Въ ней подъ прозрачными иносказаніями, въ пламенныхъ краскахъ, на какія способна восточная фантазія, предрекалась близкая гибель развращеннаго Вавилона, царствующаго надъ всѣмъ міромъ, и возстановленіе чистаго справедливаго града Божія. Читатель очень хорошо понималъ, о какомъ Вавилонѣ шла рѣчь. Конечно, не о полузабытомъ, разрушенномъ городѣ на Ефратѣ. Вавилонъ былъ привычнымъ словомъ, подъ которымъ разумѣли страшнаго, ненавистнаго деспота, Римъ. Ясно было также, кого разумѣютъ подъ нечестивымъ звѣремъ, поставившимъ себѣ статую и убивавшимъ тѣхъ, кто ей не кланялся.

«Придетъ великая гроза съ Востока, загрохочутъ военныя колесницы, какъ саранча и скорпіоны, падутъ на страну длинноволосые наѣздники въ сверкающихъ панцырахъ и огненныхъ шлемахъ. Ангелъ Божій высушитъ воду въ Ефратѣ и уравняетъ имъ пути; они не оставятъ камня на камнѣ въ городахъ». Такъ ждетъ прихода страшныхъ враговъ Рима оппозиція, задавленная, но не умершая. Но пусть не боятся справедливые! «Трава и поля страны, зелень деревьевъ, останутся нетронутой; и тебя, божій народъ, не коснется губительная коса смерти. Страшный гнѣвъ Бо-

жій изольется на тѣхъ, кто опьянѣлъ отъ пролитой крови святыхъ и пророковъ. Рухнетъ великій городъ, погибнетъ его денежная сила, исчезнутъ его купцы-князья міра!»

Какъ бы хотѣлось римскимъ властямъ уничтожить эту книгу! Но не слѣдовало ли понимать всѣ эти метаморфозы духовно, не разумѣлся ли подъ грядущимъ царствомъ Божіимъ загробный міръ, община спасенныхъ отъ мукъ ада и введенныхъ въ райское блаженство? Римскіе инквизиторы, можетъ быть, напрасно безпокоились. Они привыкли соединять слова: «евангеліе, пришествіе, спасенье, властелинъ и благодѣтель міра и людей» съ именемъ Цезаря. Можетъ быть, тайные кружки лишь въ невинномъ подражаніи примѣняли тѣ же слова къ безвѣстному вождю притѣсненныхъ?

Отчего не разрѣшить людямъ такіе эпитеты для области, не имѣющей, повидимому, никакого отношенія къ общественной жизни? Отчего не дать каждому простора спасать свою душу тѣмъ способомъ, какой кто находитъ лучшимъ? И это тѣмъ легче, что римляне никогда не преслѣдовали за вѣру. Да большей разницы въ вѣрованіяхъ тогда и не было между людьми разныхъ религій. Кто же сомнѣвался въ существованіи единаго Бога вселенной, въ святости и чистотѣ исполнителей его воли, святыхъ и ангеловъ? Кто не признавалъ грѣховности людей и необходимости для нихъ божественной помощи, чудеснаго спасенія? Нѣтъ, очевидно, розыскъ былъ не религіозный, а политическій, и римскіе инквизиторы хорошо понимали, что «небесное царство, близкое пришествіе великаго избавителя, новый градъ Божій, община справедливыхъ»,—всѣ эти слова надо разумѣть въ самомъ реальномъ и непосредственномъ смыслѣ: въ нихъ надо видѣть отрицаніе существующаго порядка, приготовленіе новаго лучшаго строя жизни.

Можно ли и вообще допустить, чтобы огромная растущая секта занята была только мыслью о загробной жизни, или думала о ней больше, чѣмъ о земной? У кого возможно вообще такое настроеніе? Старые, больные люди, экстатики, тѣ, кто потерялъ половину чувствъ и мыслей, могутъ лѣчить себя мечтой о новой жизни, которую они способны будто бы еще разъ начать. За этой мечтой забывать реальную жизнь никогда не могутъ молодые, сильные и здоровые, никогда не могутъ этимъ жить цѣлыя поколѣнія, и никогда не было такой безумной и несчастной эпохи, чтобы этой мысли отдавались лучшіе люди своего времени.

Христіане первыхъ вѣковъ остались въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній людьми идеальной силы. Это—не ошибка, которую мы повторяемъ безсознательно за прежними почитателями. Но мы не окажемъ услуги великой памяти этихъ отважныхъ, независимыхъ, стойкихъ и гордыхъ людей, этихъ мужественныхъ борцовъ за соціальную справедливость и человѣческое достоинство, если будемъ представлять ихъ блѣдными тѣнями, получеловѣками, для которыхъ

окружающее было только краткій сонъ, только спѣшное приготовленіе къ путешествію въ райскія высоты.

Люди эти жили въ страшное сумеречное время, время злой общественной апатіи. Они могли переговариваться между собой лишь условнымъ языкомъ. Однако, они не отчаялись, и къ намъ донеслись изъ дали временъ ихъ призывы и упованія. Пусть все закрылось потомъ чуждыми лицемѣрными, тусклыми толкованіями. Мы можемъ проникнуть сквозь туманъ и понять настроеніе тяжелаго сумеречнаго вѣка и вѣру лучшихъ его людей въ наступленіе новаго дня. Ихъ голосъ служитъ намъ порукой, что благородный видъ рода человѣческаго никогда не погибнетъ.

Р. Випперъ.

Исторія юной Ренаты Фуксъ.

Романъ. Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго А. Полоцкой.

III.

Изумленіе Стиве было такъ велико, что его лицо потеряло человѣческое выраженіе и стало напоминать испуганнаго попугая. Въ его отношеніи къ Ренатѣ чувствовалось молчаливое поклоненіе; въ его глазахъ она все еще была окружена сіяніемъ того большого свѣта, который казался ему недоступнымъ, и который онъ, казалось ему, презиралъ, пока ему не приходилось съ нимъ сталкиваться. Если бы онъ былъ богатъ, его своеобразное, безшумное достоинство, его спокойный тактъ обезпечили бы за нимъ славу джентльмэна. Но при его бѣдности эти качества были ни къ чему. Положенія Ренаты онъ не понималъ. Онъ смотрѣлъ на ея поведеніе, какъ на невинную прогулку въ страну плебеевъ. Поэтому въ его совѣтахъ было что-то добродушно-ироническое, какъ будто онъ по своему содѣйствовалъ успѣху затѣянной игры.

Рената чувствовала это; чувствовала, что изъ всего этого было самое худшее. Къ этому присоединилось сдѣланное ею наблюденіе, что Анна Ксиландеръ очень несчастна, что часто въ ней кипитъ неукротимый гнѣвъ противъ Стиве, больше все тогда, когда она принимала свою нѣжно-покровительственную манеру по отношенію къ нему. Ея жесты и взгляды краснорѣчиво говорили: онъ разбилъ мою жизнь и съ удобствомъ покоится на обломкахъ моихъ надеждъ. Ее грызла мучительная зависть по отношенію ко всѣмъ, у кого былъ полный кошелекъ, и въ то же время она съ восторгомъ, затаивъ дыханіе, слушала воспоминанія Ренаты о родительскомъ домѣ.

На третій день пришелъ Вандереръ, котораго Стиве не

хотѣлъ оставить въ неизвѣстности. Опасенія, распаленныя тоской и раскаяніемъ, довели его до состоянія, близкаго къ безумію. Взволнованный и дрожащій вбѣжалъ онъ въ комнату, прежде чѣмъ Анна, открывшая ему дверь, могла помѣшать этому, упалъ передъ Ренатой на колѣни и съ нѣмой мольбой поднялъ руки. Съ нимъ былъ и Ангелюсъ. И кто могъ бы радоваться больше, чѣмъ радовался Ангелюсъ! Онъ бросался изъ одного угла въ другой, опрокидывалъ стулья, разбилъ чашку и цвѣточный горшокъ и, казалось, отъ удовольствія готовъ былъ лѣзть на стѣны.

Анна, которая могла быть иногда очень деликатной, одѣлась и исчезла.

— Встань,—ласково сказала Рената Ансельму.

Онъ всталъ съ жестомъ, показывавшимъ, что онъ хочетъ только одного—повиноваться ей.

— Я не спалъ, не ѣлъ, не жилъ,—глухо сказалъ онъ.

Рената вздохнула и отвернулась: онъ унижалъ не только себя, но и ее.—Я не могу вернуться,—отвѣтила она съ застывшимъ взглядомъ и повторила: — не могу. — Онъ сталъ униженно просить прощенья, пытался тронуть ее мольбами; его лицо становилось все блѣднѣе, черты утратили всякую жизнь. И когда онъ сказалъ ей, что стоитъ на картѣ (о, Рената, ты отнимаешь у меня возможность жить), она встала и сказала:—Ты обрекъ себя на презрѣніе людей. — Да, она сказала „обрекъ“ и нарочно выбрала такое книжное слово. Въ ней вспыхнулъ странный гнѣвъ на него за то, что въ тотъ вечеръ онъ далъ ей уйти вмѣсто того, чтобы привязать ее веревками къ косяку двери. Правда, что бы онъ ни сдѣлалъ, пламени любви уже не нельзя было разжечь.

Когда Рената сказала эту фразу о презрѣніи людей, Ансельмъ уже не зналъ больше, что сказать. Онъ закрылъ глаза и слегка откинулъ назадъ голову, какъ будто теперь съ его плечъ упала тяжелая ноша. Странно, теперь, когда она это знала, мучительное, пожирающее пламя его любви какъ будто смягчилось. Теперь ему не надо было больше разжигать своего чувства, чтобы обмануть самого себя мыслями о томъ, что она невиновна въ его паденіи, чтобы не дать Ренатѣ замѣтить свое гнетущее отчаяніе. Такъ какъ она это знала, ему не надо было больше лицемѣрить и разыгрывать самоуваженіе, исчезавшее съ каждымъ днемъ, и онъ могъ мужественнѣе нести то, что выпало ему на долю. Онъ никогда не могъ бы сознаться ей въ томъ, но его желаніе, чтобы она узнала это, достигало часто лихорадочной силы. Можетъ быть, онъ думалъ, что ея чувство справедливости заставитъ ее взять на себя частицу вины и переброситъ новый мостъ черезъ пропасть, возникшую между ними,

Изъ состраданія и тонкаго такта Рената заговорила о постороннихъ вещахъ, попросила его прислать сюда, на квартиру Анны, ея вещи и шутя спросила, какъ поживаютъ супруги Корвинусъ, и Ансельмъ съ самообладаніемъ поддерживалъ разговоръ. Наконецъ, онъ всталъ, какъ будто собираясь произнести послѣднее рѣшительное слово, и сказалъ:

— Собаку, Рената, я прошу тебя оставить у себя. Она такъ привязана къ тебѣ, и если она останется у тебя, мнѣ будетъ казаться, что съ тобой будетъ всегда частица меня,

— Это будетъ и безъ того, — отвѣтила Рената съ горечью, но все же тронутая. — А теперь я хочу тебѣ что-то сказать, Ансельмъ. Живи теперь опять одинъ. И когда ты достигнешь того, чего хочешь, благодаря своей собственной силѣ, ты сумѣешь найти меня. Теперь же мы должны все предоставить времени.

Какъ ярко чувствовала Рената, что она неискренна, что она не встрѣтится и не хочетъ встрѣтиться съ нимъ больше, что этотъ часъ—послѣдній, въ который они обмѣнялись интимнымъ „ты". Но Ансельмъ утвердительно кивнулъ головой. Онъ былъ серьезнѣе, спокойнѣе, тверже обыкновеннаго и почти полонъ вѣры въ будущее.

Такую силу имѣютъ слова.

Прежде чѣмъ уйти, онъ близко, словно ища чего-то подошелъ къ Ренатѣ. Она взяла его голову за виски и слегка поцѣловала его въ губы. Послѣдній взглядъ, и онъ исчезъ. Рената долго еще смотрѣла на закрывшуюся дверь. У нея было ощущеніе, что надъ значительной частью ея жизни опустился занавѣсъ, и что эта любовь со всѣми ея разочарованіями уже покоится въ лонѣ прошлаго, которое лежитъ дальше, чѣмъ могло казаться въ тотъ моментъ. Казалось, она предчувствуетъ причудливыя сплетенія, которымъ отнынѣ суждено было наполнить ея жизнь.

Ангелюсъ тихо лежалъ у ея ногъ, не сводя съ ея лица внимательнаго человѣческаго взгляда. За окномъ сверкало золотое солнце, возвѣщавшее пробужденіе поры цвѣтовъ. Но Рената не могла такъ сидѣть и терять время на безплодныя размышленія до самаго прихода Анны. Она взяла въ руки вышиванье съ рѣшимостью уже теперь начать новую эпоху „работы", о которой она мечтала. Но это доставило ей мало радости. Во-первыхъ, руки пачкались отъ шерсти, что было ужасно. Затѣмъ надпись: „Хорошаго аппетита", которую она должна была вышить, была ужъ слишкомъ нелѣпа. Она посидѣла немножко у окна, глядя на людей, которые точно маріонетки, спѣшили или плелись вверхъ или внизъ по улицѣ, а остальное время провела за

піанино. Но одиночество въ этой немного жалкой и бѣдной комнатѣ привело ее въ грустное настроеніе.

IV.

Скромная жизнь, которую вела Анна Ксиландеръ, мало пугала Ренату, потому что съ физическими лишеніями она мирилась легко. Но ея душу омрачали причудливыя, неровныя настроенія, царившія здѣсь. Когда Анна приходила отъ Стиве, она была большей частью въ состояніи полной безнадежности и горькаго разочарованія. Тогда Рената должна была разсказывать о жизни въ тѣхъ сферахъ, гдѣ шуршитъ атласъ и шелкъ, а по полу въ изобиліи разсыпаются золотыя монеты. Въ приливахъ и отливахъ, непрерывно смѣнявшихся въ настроеніи Анны, часто бывало что-то пугающее; переходъ отъ мягкой грусти къ грубому смѣху и циничнымъ шуткамъ былъ у нея совершенно непосредственнымъ. Стиве приходилъ рѣже. Его подавляло то, что простое благородство и непринужденное изящество Ренаты дѣйствовали на Анну такъ угнетающе и въ то же время приводили ее въ мятежное состояніе. Все ея обращеніе съ нимъ было одной сплошной жалобой: такой могла бы быть и я, если бы не пришелъ ты и не растопталъ цвѣтовъ моего сада. Но, какъ это ни странно, представленіе, что Стиве вообще былъ въ состояніи что-нибудь уничтожить, хотя бы это была ея собственная жизнь, дѣйствовало на Анну импонирующимъ образомъ и почти примиряло ее съ его апатичной мягкостью.

Долго обсуждался вопросъ, не нанять ли Ренатѣ комнату. Предложила это она сама, такъ какъ боялась, что будетъ въ тягость и явится помѣхой для Анны и Стиве, какъ въ ихъ борьбѣ, такъ и въ ихъ спокойные часы. Но Анна горячо протестовала. Быть можетъ, ей не хотѣлось разставаться съ деньгами, которыя принесла съ собой Рената, и изъ которыхъ она покрывала издержки на ея содержаніе, но, можетъ быть, ее побуждала къ этому чистая дружба и та странная, пылкая любовь, которую она чувствовала къ молодой дѣвушкѣ. Представить себѣ Ренату одной, предоставленной случайностямъ улицы, было слишкомъ трудно. Рената сама мечтала объ одиночествѣ и боялась его. Да, далеко, высоко въ горы, вотъ куда ей хотѣлось бы, и то, что она видѣла здѣсь и о чемъ думала, окрыляло такія желанія.

Не мало мучали ее и мысли о работѣ. Лихорадочная суетливость большого города порождала въ ней тревогу. Со всѣхъ четырехъ сторонъ горизонта къ небу поднимался,

точно туманъ изъ моря, потъ трудящихся, обремененныхъ работой. Каждый мозгъ разрывали тысячи мучительныхъ думъ, имѣвшихъ всѣ одну цѣль. на каждомъ челѣ была написана одна желѣзная мысль, и безчисленныя усталыя руки тянулись въ погонѣ за хлѣбомъ. Только она одна была праздной! Но что она умѣла дѣлать? Ее не научили сосредоточивать свою волю на какой-нибудь дѣятельности, своей мысли на опредѣленной работѣ, не пріучили ея рукъ къ упорству и выдержкѣ, не воспламенили ея честолюбія для скромнаго труда. Что-же ей было дѣлать? Добровольно спуститься еще ниже съ той ступени, на которую она соскользнула,—это въ эти дни погубило бы ее совершенно. Неужели-же женщина должна безъ колебаній продать самое благородное въ себѣ, если хочетъ утвердить свое мѣсто въ ужасной борьбѣ за существованіе? Неужели-же для того, чтобы укрыться въ болѣе или менѣе опрятномъ непрочномъ челнокѣ, она должна была протянуть усталую руку какому нибудь бородатому глупцу—только потому, что онъ мужчина.

Перебирая въ мысляхъ все, что она умѣла, она вспомнила о своемъ рисованіи и дала объявленіе въ газетѣ. Она получила предложеніе отъ большой вѣнской вѣерной фабрики. Ей предлагали рисовать на вѣерахъ цвѣточные орнаменты въ новѣйшемъ стилѣ, при чемъ ея воображенію предоставлялась полная свобода, такъ какъ, говорилось въ письмѣ, промышленности грозитъ гибель отъ ремесленнаго шаблона. Рената выписала ткани и, къ изумленію Стиве и Анны Ксиландеръ, храбро принялась рисовать. У нея были идеи; она скоро привыкла къ матеріалу и находила удовольствіе въ тихой и поэтичной работѣ. Теперь она тоже была среди тѣхъ, которые трудились съ омраченнымъ челомъ. Но сердце ея оставалось пустымъ, и съ каждымъ днемъ она ощущала это болѣзненнѣе. Фабрика платила плохо, но Ренатѣ казалось, что она получаетъ царское вознагражденіе. Тотъ, кто работаетъ всей душой, находитъ, если только онъ честенъ, всякое вознагражденіе за свой трудъ незаслуженнымъ.

— Однако это эксцентрично,—сказала въ одинъ пасмурный день Анна Ренатѣ, рисовавшей арабески изъ лилій на черномъ crêpe de Chine. Цвѣты были похожи на призрачныя, длинныя, изогнутыя тѣла.

— Ахъ, теперь эксцентричное въ такой модѣ,—покорно отвѣтила Рената.—Такія вещи находятъ красивыми. Впрочемъ, я тоже нахожу это. Посмотрите, Анна, лиліи—настоящія женщины, а ткань, черная ткань... ну, скажемъ, ткань—это жизнь. Сверху я нарисую еще что-нибудь золотое, пожалуй, полумѣсяцъ. И лиліямъ никогда не достать до него,

потому что я этого не хочу.—Я Богъ лилій.—Рената улыбнулась.

Анна покачала головой и цинично разсмѣялась.—Нѣтъ! Мысли у васъ точно у больной блохи,—выпалила она. Рената поблѣднѣла и положила кисть.—Да, Анна,—отвѣтила она, опустивъ голову.—Возможно, что у меня больныя мысли. Въ этомъ вы правы. Но я всегда спрашиваю себя, не правы ли и я, и куда все это поведетъ.

Анна искренно пожалѣла о своихъ словахъ и погладила Ренату по головѣ. Но рисованіе сегодня уже не клеилось. Кромѣ того, должны были придти гости: Гиза Шуманъ и Катарина Герцъ. Гиза была все еще у фрау Седерборгъ; черезъ недѣлю она должна была отпраздновать свою свадьбу съ Ксиландеромъ. Она написала Аннѣ: я должна придти иначе не знаю, что случится.

— Это въ самомъ дѣлѣ правда, что говорятъ о Вандерерѣ?—спросила Рената, стоя у окна и глядя на пасмурное небо.

— Да, это, навѣрно, правда.

— Мнѣ очень жаль,—прошептала Рената задумчиво, но безъ глубокаго участія. Она смотрѣла на это теперь, какъ на нѣчто естественное и не стоющее того, чтобы изъ-за него грустить. Вандереръ былъ въ связи съ какой то подозрительной особой, жилъ чуть-ли не въ погребѣ, слоняясь безъ дѣла, какъ бродяга, велъ себя нелѣпо—всегда пьяный, безудержный, не сознающій, что дѣлаетъ. Его паденіе казалось неизбѣжнымъ.

— Представьте себѣ Анна,—сказала Рената сейчасъ же вслѣдъ за этимъ,—мнѣ снился смѣшной сонъ о Гизѣ.

— Да? Вѣдь это ужасно, бѣдняжка вы этакая. Даже во снѣ они не оставляютъ ея въ покоѣ,—добродушно подтрунивала Анна. Она любила говорить о присутствующихъ въ третьемъ лицѣ.

— Кто собственно такая фрау Седерборгъ?—спросила Рената.—Я такъ часто слышу это имя, и у всѣхъ при этомъ становятся такія странныя лица.

— Она лучшая подруга маленькой Уйбелейзенъ,—уклончиво отвѣтила Анна.

— И больше ничего?

Анна Ксиландеръ разсмѣялась.—Знаете, это комичная исторія. Седерборгъ свалилась къ намъ изъ Россіи, какъ снѣгъ на голову, и никто не знаетъ, почему она поселилась здѣсь. У нея есть ребенокъ, дѣвочка лѣтъ трехъ, а о мужѣ никогда нѣтъ и рѣчи. Вы знаете, что она живетъ за городомъ, у кузинъ Зюсенгута,—тѣ теперь въ Швейцаріи. Вѣдь вы были тамъ когда то.

— Ну и что-же дальше?

— Дальше? Да... дѣло въ томъ, что эта особа ведетъ невѣроятную жизнь. Домъ всецѣло предоставленъ ей, стоитъ на краю свѣта, гдѣ живутъ, кажется, только кошки. Говорятъ, что она дѣлаетъ тамъ ужасныя вещи.

— Да? Что-же это можетъ быть? — наивно спросила Рената. Но въ этотъ моментъ зазвенѣлъ колокольчикъ, и Ангелюсъ громко залаялъ.

V.

Странныя вещи были темой разговора, который Ренат понимала очень смутно и слушала съ гнетущимъ предчувствіемъ. Кромѣ Катарины Герцъ и Гизы, пришла и Гедвига Уйбелейзенъ. Госпожа Герцъ была художницей и завѣдывала рисовальной школой для дамъ, и Гиза была тамъ прежде постоянной моделью. Госпожа Герцъ приняла въ молодой дѣвушкѣ участіе со страстностью человѣка, тоже одинокаго и заброшеннаго. Ея мужъ, литераторъ, жилъ своей особой жизнью, но такъ какъ кошелекъ его всегда былъ пустъ, то ей еще приходилось отдавать ему послѣдніе гроши. Она рисовала, и ея картинки имѣли извѣстную рыночную цѣнность. Это было всегда одно и то-же: молодая женщина у открытаго окна, за которымъ царятъ сумерки. У ногъ ея играютъ ребенокъ и кошка. Иногда тамъ были оловянные солдатики, иногда какая-нибудь кукла или деревянный трубочистъ. Иногда мать стояла на колѣняхъ на полу и разставляла солдатиковъ, но при этомъ не улыбалась, а неподвижно и боязливо глядѣла въ сумракъ. Госпожа Герцъ была дама жеманная; каждое ея слово какъ будто ходило на цыпочкахъ. Она была большей частью вѣжливѣе, чѣмъ казалось необходимымъ, и про себя удивлялась всему, что происходило. Ей было лѣтъ сорокъ, но у нея было лицо дѣвочки.

Въ то время, какъ Гедвига разсказывала, госпожа Герцъ молчала, и въ ея молчаніи чувствовалась вся полнота ея негодованія. Гиза тоже не произносила ни слова. Ея глаза блуждали; она дышала такъ прерывисто, что нѣсколько разъ хваталась рукой за горло. Часто она содрогалась; опускала голову, чтобы скрыть вздрагивающія губы. Видно было, что она уже не с знаетъ ясно своихъ страданій, хотя въ ней было что то, похожее на ужасъ человѣка, котораго гнететъ кошмаръ.

Гиза хотѣла бѣжать, бросилась въ поле, добѣжала до обсерваторіи. На утро ее нашли въ обморокѣ у забора. Молочница побѣжала къ госпожѣ Седербергъ, которая еще

спала—она большей частью спала весь день. Гизу перенесли къ ней, и до вечера она не приходила въ себя. Пришелъ аптекарь, затѣмъ докторъ. Произошло слѣдующее.

У Седерборгъ собралось общество, состоявшее исключительно изъ мужчинъ: одного техника, одного актера, одного артиста и графа Рейфенштуля. Гиза сидѣла, ничего не подозрѣвая, и робко наблюдала, какъ вино все больше разжигало странную компанію. Седерборгъ исчезла, вернулась въ костюмѣ нимфы и бросилась къ Гизѣ, чтобы заключить ее въ объятія. Испуганная дѣвушка убѣжала къ себѣ въ комнату, заперлась и нѣсколько часовъ просидѣла, дрожа, на краю постели. Такъ она провела ночь.

Цѣпь страданій и униженій, которою госпожа Седерборгъ опутала Гизу, была тѣмъ прочнѣе, что эта женщина съ дьявольской изобрѣтательностью умѣла заставить забыть каждое униженіе и оскорбленіе, какимъ-нибудь доказательствомъ якобы самоотверженной дружбы. Она ненавидѣла Гизу и уйти отъ нея, отъ этой ненависти, Гизѣ мѣшало овладѣвшее ею чувство: она любила графа Рейфенштуля всѣмъ пыломъ отверженной и обойденной. Она сама едва сознавала это. Въ первый разъ все ея существо было потрясено до самаго основанія. Въ ея страсти была стремительная, внезапная и разрушающая сила явленій природы. Седерборгъ знала это. Но Гиза, сначала только удобная для нея, стала необходима, такъ какъ за нѣсколько недѣль своего пребыванія у Седерборгъ сдѣлалась настоящей матерью для ея маленькой дочери Габріэли. Благодаря этому, она могла наслаждаться неограниченной свободой и въ то же время давать чувствовать свое превосходство дѣвушкѣ, которая, какъ она знала, презирала ее.

Гиза буквально сжалилась надъ ребенкомъ; она осуществила для него тѣ неясныя грезы о нѣжности, которыя уже омрачали его юную жизнь. Плодъ мимолетнаго приключенія, прелестная, своеобразно умная дѣвочка, на лицѣ которой выражалось горькое сознаніе своей заброшенности, съеживалась отъ каждаго рѣзкаго слова и цѣплялась за каждое ласковое, вѣчно прячась, какъ придорожный цвѣтокъ, въ страхѣ быть растоптанной. Она была точно покорная и жаждующая почва, на которой бьющія черезъ край чувства Гизы дали пышные ростки.

Графъ внезапно принялъ въ Гизѣ особаго рода участіе. Онъ приходилъ ежедневно и приносилъ подарки для Гизы. Госпожу Седербергъ мучила дикая ревность. Она старалась возбудить подозрѣніе въ Ксиландерѣ, но добродушный и слабый человѣкъ вполнѣ довѣрялъ Гизѣ, давшей ему слово. Седерборгъ, въ матеріальномъ отношеніи находив-

шаяся на краю пропасти, не могла обойтись безъ графа, и въ тотъ понедѣльникъ, когда Гиза бѣжала, она воспользовалась одновременнымъ присутствіемъ Гизы и Рейфенштуля для дьявольской низкой клеветы. Гиза сначала не поняла что она сказала графу, но затѣмъ она выбѣжала изъ комнаты, изъ дому и, обезумѣвъ отъ стыда, бросилась въ поле..

Никто не узналъ бы объ этомъ, если бы одна изъ служанокъ, знавшихъ объ отношеніяхъ между Гизой и госпожей Герцъ не побѣжала въ ателье этой послѣдней. Безпомощная и боязливая художница поспѣшила къ Уйбелейзенамъ. Рихардъ Уйбелейзенъ былъ другомъ Седерборгъ, и поэтому до сихъ поръ Гедвига была принуждена называть подругой женщину, къ которой питала ожесточенную ненависть. Обѣ женщины поѣхали въ экипажѣ къ Седерборгъ, не застали ея дома и взяли Гизу, которая все еще, казалось, не совсѣмъ пришла въ себя, съ собой. Двѣ ночи Гиза провела у Уйбелейзеновъ. Но квартира была слишкомъ мала, ни въ одномъ уголкѣ двухъ комнатъ не было мѣста и, какъ это ни кажется страннымъ, Гедвига стала ревновать. Третью ночь Гиза провела у госпожи Герцъ, но поздно ночью литераторъ пришелъ домой и хотѣлъ извлечь пользу изъ своего опьяненія. У Гизы не было денегъ, она не знала, куда ей дѣваться, позволяла себя вести, куда угодно, говорила, что никогда не ступитъ больше на порогъ того проклятаго дома на краю города, и чувствовала, что ее влечетъ туда магическая сила. Въ концѣ концовъ пришли къ Аннѣ Ксиландеръ: не можетъ ли Гиза провести у нея недѣлю, остающуюся до свадьбы.

Разсказанныя Гедвигой плаксивымъ, наполовину негодующимъ, наполовину робкимъ тономъ эти и безъ того романическія событія пріобрѣли что-то сказочное и фантастическое, тѣмъ болѣе, что разсказчица совершенно не умѣла справится со своимъ матеріаломъ. Ни одинъ мотивъ какого-либо поступка не былъ у нея ясенъ и понятенъ; личность Седерборгъ разрослась во что-то невѣроятное, искаженное, а Гиза сама была похожа на безумную, поведеніе которой совершенно не поддается контролю. Ко всему этому Гедвига начала всхлипывать, Катарина Герцъ послѣдовала ея примѣру, неизвѣстно, изъ сочувствія или изъ растерянности—Анна Ксиландеръ, сентиментальная и легко поддающаяся впечатлѣнію тоже начала плакать, встала и обняла тихо рыдавшую Гизу; въ то же время Ангелюсъ, которому отъ этихъ странныхъ звуковъ стало не по себѣ, принялся тихо лаять. Рената чувствовала себя чужой въ этомъ странномъ обществѣ; она смотрѣла то на одну, то на другую, кусала себѣ губы, и у нея было такое чувство, какъ

будто она присутствуетъ при сценѣ драмы, начало и конецъ которой ей неизвѣстны.

Наконецъ, Анна Ксиландеръ сказала:—Вы правы, ее нельзя предоставить самой себѣ. У Седерборгъ ее тоже нельзя оставить, эта женщина хуже дьявола. Да... а у меня это тоже устроить не легко, я сплю вмѣстѣ съ Ренатой. Но нѣсколько дней я могу поспать и на диванѣ, если Рената согласится спать съ Гизой.

Всѣ посмотрѣли на Ренату, которая покраснѣла и нервно кусала губы. Какъ ни симпатична ей въ извѣстномъ отношеніи была Гиза, но чувстовать каждую ночь на своемъ лицѣ дыханіе этой дѣвушки, которая, хоть и не по своей винѣ приносила съ собой такъ много самой отвратительной грязи жизни,—одна мысль объ этомъ вызвала въ ней такое отвращеніе, что она рѣзко встала и сказала:—Нѣтъ, я не хочу,—тономъ, ясно выражавшимъ ея чувства.

Нѣсколько времени царило молчаніе. Отказъ произвелъ на всѣхъ четырехъ одинаковое впечатлѣніе. Ангелюсъ, какъ будто чувствуя, что его госпожѣ грозитъ опасность, поднялся, вытянулся и вызывающе сталъ возлѣ Ренаты. Она сейчасъ же пожалѣла о томъ, что сдѣлала—не о самомъ отказѣ, а о словахъ, въ которыхъ она его выразила. Она не хотѣла показаться высокомѣрной, она поступила такъ изъ истиннаго самосохраненія, защищаясь отъ непонятнаго, гнетущаго фантома, который медленно надвигался на нее своими крыльями, вздувшимися отъ вздоховъ тысячъ погибшихъ женщинъ. Она не обратила вниманія на умильное и въ то же время карающее замѣчаніе, которое сочла своимъ долгомъ сдѣлать Катарина Герцъ, и миролюбиво сказала:

— Вы меня не поняли. Я буду спать на диванѣ, я надѣюсь, что Анна позволитъ мнѣ это, вѣдь она больше устаетъ, чѣмъ я, и постель ей больше нужна.

Но Анна Ксиландеръ угрюмо улыбнулась: она вдругъ вся преисполнилась ненавистью къ баловню счастья, какимъ Рената все еще была въ ея глазахъ. Она почувствовала себя заодно съ Гизой Шуманъ,—такой же загнанной, задыхающейся дичью, какъ и она.

Гиза встала со своего мѣста, наклонила, какъ имѣла обыкновеніе дѣлать, голову къ плечу и посмотрѣла блуждающимъ взглядомъ съ видомъ Мадонны.

— Благодарю,—сказала она.—Очень благодарна. Я вернусь къ... къ Габріэли. Нѣсколько дней ужъ какъ-нибудь пройдутъ. Пусть будетъ, что будетъ.—Это было сказано искренно. Въ этомъ элегическомъ фатализмѣ она была вполнѣ еврейкой. Но ея воображеніе въ то же время рисовало привлекательнѣе, неотразимѣе, чѣмъ когда-либо, образъ моло-

дого гусарскаго офицера, и она была согласна страдать, смотрѣла на себя, какъ на осужденную на страданія, быть можетъ, смутно предчувствовала, что случится теперь, когда она на столько потеряла власть надъ своими чувствами, что даже не испытывала ненависти къ Ренатѣ, которая такъ оскорбила ее.

— Это только говорится такъ: пусть будетъ, что будетъ,— отвѣтила Гедвига ядовито и въ то же время съ материнской озабоченностью.—Но я не виновата, если случится какое-нибудь несчастье. Виноваты другія, которыя чувствуютъ себя чистыми и не знаютъ, что съ ними будетъ завтра. Довольно объ этомъ.

— Я буду каждый день приходить навѣщать васъ,—сказала Анна Ксиландеръ, гладя Гизу по рукѣ.

У Ренаты потемнѣло въ глазахъ. Ей казалось, что она окружена врагами и не можетъ шевельнутся. Она со страхомъ обратилась къ Гизѣ:

— Останьтесь!—Но Гиза разсѣянно покачала головой.

Послѣ шумнаго прощанія дамы ушли. Проводивъ ихъ, Анна Ксиландеръ вернулась изъ сѣней и бросила, какъ будто между прочимъ:—Что за болтливыя существа женщины! Гедвига Уйбелейзенъ разсказываетъ, что Вандерера всюду очень жалѣютъ. Баронесса Терке будто бы недавно въ одномъ обществѣ клялась всѣми святыми, что въ его паденіи виноваты, собственно, вы.

— Да?—холодно спросила Рената, но у нея опять стало темно передъ глазами.

— Ахъ, ужъ эти женщины,—сокрушалась Анна Ксиландеръ, всплескивая руками. Во время всего этого разговора она не смотрѣла на Ренату и даже избѣгала глядѣть въ ту сторону, гдѣ стояла Рената.

— Анна,—прошептала Рената,—вѣдь вы же знаете, какъ все это произошло.

— Ну да, конечно, не стоитъ волноваться изъ-за этого.

Рената медленно одѣлась, и такъ какъ ей было вообще свойственно въ горькія минуты принимать стремительныя рѣшенія, то у нея явилось странное намѣреніе немедленно пойти къ баронессѣ Терке и потребовать у нея объясненій. Не думая ни о чемъ, кромѣ несправедливости, причиненной ей, она быстро шла по улицамъ, не обращая вниманія на сіяющее солнце, вдругъ прогнавшее всю тусклость облачнаго дня, не чувствуя ароматнаго воздуха весны, которая уже пробивалась въ каждомъ уголкѣ.

На лѣстницѣ она столкнулась съ фантастически напудренной и накрашенной баронессой, которая собиралась снести свою собаку на траву, въ садъ. Рената была рада этому:

теперь уже баронесса не могла сказаться больной или подъ какимъ-нибудь другимъ предлогомъ не принять ея. Баронесса остановилась въ такомъ смущеніи, что не могла пошевельнуть своими черезчуръ красными губами. Своими маленькими глазками она умоляюще смотрѣла на Ренату, которая стояла передъ ней вся разгорѣвшаяся, въ требующей отчета позѣ. Озабоченно наморщивъ лобъ, она, наконецъ, робко, вздыхающимъ, внушающимъ жалость голоскомъ попросила Ренату войти.

VI.

— Какъ мило съ вашей стороны, что вы пришли,—смущенно и ласково говорила маленькая баронесса, задыхаясь и гримасничая.— Иди сюда, Тигръ, иди, садись,—только не на холодный полъ,—вотъ такъ, чего только не выдѣлываетъ эта собака! Какъ-же вы поживаете, фрейленъ Фуксъ? Моей золовки, къ сожалѣнію, нѣтъ дома. Адель стала невѣстой, это вы, вѣрно знаете. Иди сюда, Тигръ, иди сюда.

Но Тигръ съ визгомъ улегся у печи и впалъ въ столбнякъ, помогавшій ему переносить его тяжелую жизнь. Рената храбро, хотя и съ трудомъ находя слова, изложила причину своего прихода. Баронесса, безпокойно двигаясь на своемъ стулѣ, смочила слюной пересохшія губы и выпалила съ негодованіемъ:

— Я никогда не говорила ничего подобнаго. Я только сказала, что мнѣ жаль васъ, а въ этомъ вѣдь нѣтъ ничего плохого. И это я повторю и теперь, фрейленъ Рената, хотя вы и можете сказать мнѣ, что у меня нѣтъ никакихъ основаній къ этому. Ну, тогда я постараюсь не смотрѣть на васъ и скажу, что вы правы. Я думаю, теперь вы знаете, каковъ свѣтъ; и васъ еще безпокоятъ такія вещи? Вѣдь мы живемъ въ воздухѣ, насыщенномъ клеветой, наши стѣны прозрачны, и когда я сношу свою собаку во дворъ, въ Англійскомъ саду уже смѣются надъ этимъ. Къ этому надо привыкнуть. Въ нашемъ мірѣ ничто не остается чистымъ, въ особенности чистыя намѣренія. Я со своей стороны хотѣла бы, чтобы вы пришли изъ за чего-нибудь другого. Что вы сдѣлали это, показываетъ, что у васъ плохіе совѣтчики или-же что вамъ совсѣмъ не съ кѣмъ посовѣтоваться. Я о васъ хорошаго мнѣнія,—хотя графиня въ такихъ случаяхъ спускаетъ забрало морали—патентованное, ея собственнаго изобрѣтенія.— Ахъ, я могла бы много разсказать вамъ, могла бы разсказывать до поздней ночи. Иди ко мнѣ, Тигръ, иди ко мнѣ.

— Я не буду больше мѣшать вамъ,—сказала Рената съ

блуждавшимъ взглядомъ. — Меня ввели въ заблужденіе, я прошу васъ извинить меня. Но вы ошибаетесь, если думаете, что я несчастна.

— Ну, я очень рада этому. Но, какъ я уже сказала, я при этомъ не смотрю на васъ. Жаль, что мы не можемъ больше такъ бесѣдовать другъ съ другомъ, какъ раньше. Это были хорошія времена. Вы совсѣмъ не нравитесь мнѣ, совсѣмъ, Рената. Такихъ дѣвушекъ, какъ вы, мало. Презрѣніе къ соціальнымъ верхамъ, да, я понимаю это, хотя это собственно еврейская черта. И что не хочется выходить замужъ за каждаго увѣшаннаго орденами дурака, я тоже понимаю. Но вѣдь тамъ, внизу—ужасно. Еще хуже, когда прекращается клевета, и начинается забвеніе. Я понимаю, чего вы хотѣли. Одинъ знаменитый человѣкъ сказалъ мнѣ однажды: „въ нынѣшнее время молодыя дѣвушки осуждены своей жизнью доказывать нелѣпость всѣхъ соціальныхъ предразсудковъ". Ну, все зависитъ отъ взгляда. Вотъ видите, Адель моя племянница, та какъ разъ для увѣшаннаго орденами дурака. За такого и замужъ выходитъ. Ну, я не вмѣшиваюсь въ то, что меня не касается. Но, конечно, васъ-то это касается. Вы нашли ключъ и думали, что онъ золотой и открываетъ золотыя двери. Ничего подобнаго. У кого есть домъ, Рената, тотъ запираетъ его на ночь, а тотъ, кто за воротами, считается бродягой. Тутъ золотые ключи не помогутъ. Во всякомъ случаѣ голову выше и не забывайте своей старой пріятельницы! Мнѣ все кажется, что я должна вамъ что-то сказать, и не могу вспомнить, что именно. Помните тотъ осенній день, когда вы были у насъ и вошелъ извѣстный молодой человѣкъ? Злополучный день! Съ тѣхъ поръ мнѣ тоже хуже. Головныя боли, боли въ груди, боли въ животѣ, ахъ, да... Моя жизнь, какъ часы, которые идутъ только тогда, когда ихъ встряхиваютъ. Вчера—это я должна вамъ разсказать—я встрѣтила настоящую свинью въ шароварахъ—хи-хи—Эльзу фонъ-Капперицъ,—вѣдь вы ее знаете? Ей лѣтъ сто восемьдесятъ, — астрономъ, географъ, велосипедистка, а ночью въ постели путешествуетъ по Африкѣ—да, такъ вотъ она бредитъ вами. Она васъ называетъ... какъ это... да, женщина-Христосъ. Ну да, когда женщина не испытаетъ мужской любви, ея душа становится порочной.

Такъ болтала маленькая баронесса, перескакивая съ одного на другое и прерывая себя вздохами и астматическими стонами. Рената торопливо простилась, охваченная такой тоской, что еле могла двигаться. Она пошла требовать отчета, бороться, но у нея было такое ощущеніе, какъ будто она очутилась передъ трупомъ. Она отказалась отъ своихъ обвиненій: что пользы было оправдываться, если никто не

хотѣлъ слушать? Она разучилась говорить на языкѣ, на которомъ разговаривали тамъ, на улицѣ Принца Регента.

Убаюканная мягкимъ вечернимъ воздухомъ, шла Рената по сумеречнымъ улицамъ. Загнувъ за уголъ, она увидѣла майора Шталека въ штатскомъ, а объ руку съ нимъ Эльвину Симонъ въ густой вуали, нарядную, блѣдную, изящную. Рената остановилась, точно окаменѣвъ, но они перешли на другую сторону улицы и, съ улыбкой бесѣдуя другъ съ другомъ, не замѣтили ея.

Рената продолжала свой путь, охваченная странной мечтательной горечью. На ея душу тяжелымъ гнетомъ легли мысли о роковыхъ сплетеніяхъ человѣческихъ жизней.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

I.

Анна и Рената отдалились другъ отъ друга. Анна начала чувствовать къ Ренатѣ недовѣріе. Она старалась не дать ей этого замѣтить, не сознавалась въ этомъ себѣ самой. Но когда она бранила богачей и привычки большого свѣта, про себя она относила это и къ Ренатѣ. Рената со своей стороны сдѣлалась болѣе замкнутой и сдержанной, начала больше жить сама собой, но она все еще продолжала вѣрить и надѣяться, пережитое не убило въ ней мужества. Все еще тянуло ее въ жизнь, все еще манило что-то невѣдомое вдали, все еще она втайнѣ вѣрила своимъ мечтамъ, все еще весна была для нея не дочерью зимы, а матерью осени. И спасенія ждала она—къ этому привели ее доводы разума,—отъ работы.

— Вы въ послѣднее время такъ подавлены,—сказала Рената Аннѣ.

— Да? Возможно.

— Я вамъ надоѣла? Скажите мнѣ прямо, право, я не обижусь.

— Что вы, что вы! Вѣдь вы одна понимаете немножко нашего брата.

— Нашего брата? Вѣдь я ничѣмъ не лучше васъ. Развѣ я разыгрывала изъ себя что-нибудь. Вѣдь я пришла къ вамъ просить крова.

— Ахъ, знаете, это уже лежитъ въ крови. Таковъ божественный порядокъ вещей, что одна носитъ шелковыя юбки, а другая шерстяныя.

Рената разочарованно улыбнулась. Въ этотъ моментъ по-

звонилъ почтальонъ. Это было письмо Ренатѣ отъ баронессы Терке:

„Милая фрейлейнъ, такъ какъ я узнала отъ знакомыхъ вашъ адресъ, то я не считаю себя въ правѣ скрыть отъ васъ извѣстіе, которое васъ глубоко поразитъ. 6 го апрѣля Ваша мать скончалась въ Фрейбургѣ. О ея послѣднихъ дняхъ мнѣ неизвѣстно ничего. Вашъ отецъ сообщилъ мнѣ только въ нѣсколькихъ словахъ о горѣ, постигшемъ его, такъ-же, какъ и о томъ, что погребеніе состоялось въ Фрейбургѣ-же. По почерку ясно видно, какое впечатлѣніе произвело на него это горестное событіе, а, можетъ быть, и не одно оно. Въ его письмѣ упоминается и Ваше имя, но въ выраженіяхъ, которыхъ я не могу повторить. Но вашъ отецъ лучшій человѣкъ въ мірѣ,—одно слово, одно письмо, и многое можетъ быть исправлено.—Всегда расположенная къ вамъ Вильма фонъ Терке".

Эти слова были написаны синими чернилами, необыкновенно плохимъ почеркомъ, такъ какъ баронесса писала обыкновенно стоя, чтобы не заснуть.

Когда Рената прочла письмо, оно выпало изъ ея рукъ.

— Что случилось?—спросила Анна Ксиландеръ, съ очевиднымъ намѣреніемъ проявить равнодушіе. Рената слегка подняла судорожно стиснутыя руки; отъ горя она не могла произнести ни слова. Она указала на письмо. Анна подняла его и прочла. Рената не слушала фразъ, которыми Анна пыталась утѣшить ее. Она сѣла въ уголъ у окна, и нѣсколько часовъ просидѣла неподвижно. Домъ, въ которомъ она находилась, казался ей тюрьмой, комната — тюремной камерой. Здѣсь она была заперта съ Анной Ксиландеръ, которая была рада, когда проходилъ день. Сначала она хотѣла пойти къ баронессѣ Терке въ смутномъ желаніи узнать подробности о смерти матери. Но какую цѣль это могло имѣть? Кѣмъ была еще Рената Фуксъ, заблудшая дочь? Потомъ ей пришло въ голову поѣхать туда, гдѣ довольная, терпѣливая женщина умерла, навѣрно, съ послѣднимъ „ну" или „да" на устахъ". Но Рената теперь уже не была такъ склонна къ фантастическимъ рѣшеніямъ; она не хотѣла смиренно выслушать проклятіе, которое она, поступивъ такимъ образомъ, признала сбывшимся. Лучше оставаться вдали и ждать и страдать. Таковы были ея мысли; она удивлялась, что не плачетъ и, думая объ этомъ, неподвижно смотрѣла на свѣтъ лампы. Лампа коптила, и стекло стало чернымъ. Ренатѣ не хотѣлось вставать. Не все-ли равно, если даже стекло лопнетъ вмѣстѣ съ резервуаромъ, и пожаръ уничтожитъ весь домъ.

Въ довершеніе, вечеромъ еще пришелъ Стиве. Онъ узналъ

новость, смущенно покачалъ головой, уперся руками въ бока и принялся гигантскими шагами ходить взадъ и впередъ по комнатѣ — вѣрный признакъ, что что-нибудь заставило его задуматься. Но возможно, что онъ думалъ совсѣмъ не о смерти матери Ренаты, а о гибели, которая грозила ему самому, въ предчувствіи которой цѣпенѣла его рука. Онъ былъ на столько тонокъ, что не придавалъ значенія утѣшеніямъ. Рената скоро пожелала спокойной ночи, больше для того, чтобы быть одной, чѣмъ для того, чтобы отдохнуть: она знала, что не будетъ спать. Раздѣваясь, она замѣтила, что ея платье уже потерто. Это привело ея мысли въ лихорадочное возбужденіе, и она инстинктивно поспѣшила погасить свѣчу, чтобы не видѣть. Затѣмъ она съежилась въ холодной постели. Она не могла согрѣться. Ей казалось, что она слышитъ, какъ шумитъ ночь, какъ шумитъ тишина, и она съ тоской думала о томъ, какъ хорошо было-бы быть одной, только одну эту ночь. Она боялась момента, когда придетъ Анна и ляжетъ рядомъ съ ней съ какой-нибудь шуткой или колкостью. Но это было неотвратимо, какъ прошлое, какъ будущее. Оставалось только притвориться спящей во всѣхъ смыслахъ.

Слѣдующій день прошелъ какъ будто во снѣ. Время точно ощупью тащилось отъ одного часа до другого. На слѣдующій день братъ Анны долженъ былъ отпраздновать свою свадьбу съ Гизой. До сихъ поръ считалось очевиднымъ, что Рената приметъ участіе въ празднествѣ. Теперь это казалось невозможнымъ. Тѣмъ больше было изумленіе Анны, когда Рената спокойно заявила, что тоже пойдетъ. Она сказала, что не ищетъ веселья, но хочетъ побыть среди людей. Рената пошла купить подарокъ—бронзовую статуэтку Венеры Милосской. Она забыла, что это не графская свадьба Былъ уже вечеръ, неотразимо сладостный, полный красокъ вечеръ, на небѣ были золотисто-красныя, сверкающія облачка, а серебряный полумѣсяцъ въ туманной дымкѣ казался вышитымъ по шелку.

Но то, чѣмъ кончился день свадьбы, и что случилось съ маленькой милосской дамой, должно было бросить глубокія тѣни на путь Ренаты.

II.

Рано утромъ (шелъ проливной дождь) пришелъ Рихардъ Уйбелейзенъ. Онъ былъ мертвенно блѣденъ; его борода была растрепана, платье промокло насквозь, онъ упалъ на стулъ и закрылъ лицо руками. Анна и Рената были уже одѣты, чтобы идти въ ателье Герцъ, гдѣ должно было состояться

свадебное торжество. Онѣ удивленно переглянулись. Наконецъ, Убелейзенъ поднялъ глаза и мрачно сказалъ:

— Седерборгъ исчезла.

— Исчезла? Какъ это?

— Вѣроятно, бѣжала съ графомъ.

— Рейфенштулемъ?..

— Ребенка она бросила. Ребенокъ остался у Гизы. Удивительное безстыдство! Гиза, по моему, не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Я видѣлъ ее сегодня утромъ передъ вѣнчаніемъ, и я долженъ сказать, что привыкъ видѣть на свадьбахъ болѣе веселыя лица. Лицо у нея, точно восковая маска. Между ней и Рейфентулемъ что-то произошло.

— Изъ чего вы это заключаете?—тихо спросила Анна Ксиландеръ.

— Потому что вчера я еще видѣлъ ее тамъ. Она дышала счастьемъ, и я подумалъ, что элексиръ это—свадьба. Не надо было тогда дать ей уйти. Теперь уже слишкомъ поздно.

Онъ всталъ и ушелъ. Рената смотрѣла вслѣдъ ему широко-открытыми глазами. Вся жизнь казалась ей зіяющей ямой, бездонной пропастью, и нити судебъ тянулись съ одного края на другой, сплетаясь въ спутанный клубокъ.

— Тоже графъ,—пробормотала Анна.—Странные экземпляры шатаются по свѣту!—Но она стала молчаливой, блѣдной и подавленной. Она думала о волненіи Уйбелейзена и о томъ, какого рода чувство питалъ онъ къ Седерборгъ. Она относилась къ нему съ болѣе, чѣмъ дружескимъ расположеніемъ, и теперь видѣла особенныя причины для грусти.

Изъ угла, гдѣ стояло піанино, донесся громкій, жужжащій звукъ, который долго не умолкалъ. — Лопнула струна,—равнодушно сказала Анна, какъ будто про себя: на Ренату она совсѣмъ не обращала вниманія. Какъ это свойственно живущимъ настроеніемъ женщинамъ, она вдругъ стала видѣть въ ней причину всѣхъ возможныхъ несчастій.

На улицѣ былъ сильный вѣтеръ; дождь хлесталъ имъ въ лицо.

Ателье Катарины Герцъ было пестро убрано цвѣтами, лентами, матеріями, остатками обоевъ, японскими ширмами. Верхнее окно было обвито, какъ гирляндой, ярко-голубой драпировкой. Черезъ стекло не было видно неба: въ него непрерывно ударялъ дождь, такъ что оно казалось покрытымъ бѣлой промокательной бумагой. Изъ окна, выходившаго на сѣверъ, открывался широкій видъ. Въ углахъ большой комнаты стояли на высокихъ деревянныхъ подставкахъ свѣчи, на стѣнахъ висѣли картины, изображавшія животныхъ,—этюды углемъ и масляными красками, почти исключительно работы учениц. Господинъ Герцъ въ коротень-

комъ фракѣ расхаживалъ по комнатѣ съ бутылкой коньяку и искалъ рюмокъ. У него былъ напряженный видъ, какъ будто тщательно заученная торжественная рѣчь, которую онъ долженъ былъ произнести, означала поворотный пунктъ въ его жизни. Такъ какъ среди присутствующихъ былъ и грозный Гудштиккеръ, то искръ ума не приходилось жалѣть. Гудштиккеръ стоялъ, лѣниво прислонившись къ стѣнѣ, съ глубокой морщиной между бровями, съ сострадательно-усталой улыбкой на кокетливыхъ губахъ. Взадъ и впередъ торопливо бѣгали нѣсколько молодыхъ людей, похожихъ на макъ въ цвѣту. Гедвига была здѣсь уже съ ранняго утра, она помогала украшать ателье, а теперь ждала своего мужа, отсутствіе котораго безпокоило ее. Она была похожа на маленькую, жалкую, заработавшуюся швею; она кисло улыбалась и безпрестанно возилась со свѣчами, такъ какъ находила освѣщеніе слишкомъ скуднымъ. Салатчъ, голодный эксъ-доцентъ, углубился съ какимъ-то прилизаннымъ, плутоватымъ на видъ блондиномъ въ разговоръ о смерти Екатерины Сфорца, которую Салатчъ съ пафосомъ провозгласилъ истинной женщиной Ренессанса. Онъ любилъ слово Ренессансъ, и оно было у него всегда наготовѣ, точно носовой платокъ. Блондинъ противорѣчилъ, какъ это дѣлаютъ люди, старающіеся противорѣчіемъ скрыть свое полное невѣжество. Въ сосѣдней комнатѣ было устроено нѣчто вродѣ буфета, составленнаго изъ сдвинутыхъ вмѣстѣ и накрытыхъ досками и скатертями кроватей. Тамъ бесѣдовали блѣдный Давиль, у котораго былъ видъ многоопытнаго свѣтскаго человѣка, и маленькій сморщенный господинъ, бывшій одновременно поэтомъ, художникомъ, предсѣдателемъ общества нравственности и получающимъ пенсію майоромъ. Онъ немногимъ отличался отъ трупа, но все-таки былъ въ состояніи говорить и даже тоненькимъ голоскомъ, какъ всѣ предсѣдатели обществъ огражденія нравственности. Стиве стоялъ у буфета, гдѣ уже съ полчаса ублажалъ себя. Онъ дѣлалъ страдальческое лицо, какъ будто пилъ и ѣлъ только по разсѣянности. Но на самомъ дѣлѣ ему было хорошо. Были тамъ еще два актера и двѣ актрисы, которые вели громкіе и намѣренно фривольные разговоры, бранили директора и „клику“. Одинъ изъ нихъ въ промежуткахъ училъ подходящее къ случаю стихотвореніе.

Вошли Гиза и Ксиландеръ, уже мужъ и жена. Церковнаго вѣнчанія не было. Лицо Гизы было бѣло, какъ ея платье; единственнымъ признакомъ краски на ней были зеленые листья въ вѣнкѣ. Когда съ ней заговаривали, она улыбалась, и улыбка нѣсколько минутъ не сходила съ ея сухихъ губъ, какъ будто она забывала перестать улыбаться. Ея

взглядъ былъ устремленъ вверхъ и не отрывался отъ какого-то мѣста въ воздухѣ, къ которому случайно приковался. Гости находили, что она мало похожа на невѣсту, но утѣшались общимъ оживленнымъ настроеніемъ и видомъ Ксиландера, который, сіяя, пожималъ всѣмъ руки, нѣкоторымъ даже по два раза, отъ блаженства буквально таялъ и не переставалъ смѣяться своимъ клохчущимъ смѣхомъ. Онъ ходилъ по комнатамъ, собирая поздравленія, точно подлежащіе уплатѣ векселя, обнималъ женщинъ, не говорилъ, а лепеталъ и отъ счастья доходилъ въ своихъ намекахъ до пошлости. Онъ подвелъ актеровъ къ статуэткѣ, которую прислала ему Рената, заклинающимъ жестомъ положилъ два пальца на грудь фигуры и что-то залепеталъ о великой перемѣнѣ въ своей жизни. Онъ любилъ спеціальныя выраженія и былъ имъ обязанъ священными моментами самовосхищенія. Затѣмъ онъ постучалъ по бронзовому животу Венеры, обнялъ своего коллегу и воскликнулъ съ влажными глазами: — О, пусть растаетъ это твердое тѣло для тебя, мой презирающій зависть другъ! Мужайся, Гораціо, мужайся!

Анна и Рената вошли незамѣченными. Ренатѣ казалось, что она попала на сборище звѣрей. Затѣмъ она среди толпы увидѣла Гизу. Она казалась гораздо выше обыкновеннаго, какъ будто находилась среди карликовъ. Передъ ней стоялъ старый предсѣдатель-поэтъ, и полы его фрака развѣвались. Богъ знаетъ, что онъ шепталъ ей. Подошелъ Давиль и восторженно посмотрѣлъ на нее; она стояла, какъ статуя невинности, безучастная къ окружавшему ее ликованію. Нѣсколько минутъ она разсматривала свои руки, какъ будто на нихъ было что-то написано. Катарина Герцъ громко говорила со старшей актрисой о мученичествѣ брака, а какой-то безбородый юнецъ, издали немного напоминавшій свинью, провозгласилъ тостъ за женщинъ: да здравствуютъ женщины. Стиве, подошедшій къ Аннѣ, граціозно приглаживалъ ладонью свои рѣдкіе волосы: оба актера стояли въ позѣ интригановъ подъ голубой драпировкой. Одному изъ нихъ изъ расщелины въ потолкѣ прямо на ухо упала капля воды, и онъ сейчасъ же потерялъ свою осанку. Мартинъ Ксиландеръ въ своемъ восторгѣ готовъ былъ обнять самого себя, потому что сегодня онъ находилъ великолѣпнымъ быть Мартиномъ Ксиландеромъ. Рената поправляла передъ зеркаломъ обѣими руками волосы, и вдругъ она замѣтила, что на рукавѣ рвется шовъ. Она испугалась.—Куда ты ведешь меня, судьба?—прошепталъ въ ней никогда неумолкавшій голосъ. Ее бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Кто-то поклонился ей издали и при этомъ толкнулъ свѣчу, которая тотчасъ же

погасла. Ей показалось, что это Вандереръ; съ такой важностью кланялся Вандереръ.—Давно прошедшія времена,—подумала Рената.

Вдругъ она очутилась передъ Гизой, видъ которой ее глубоко испугалъ. Гиза такъ закатила глаза, что зрачки почти исчезли и виденъ былъ только бѣлокъ.

— Вамъ нечего презирать меня!—взвизгнула она и такъ же визгливо повторила эти слова еще два раза.

Въ ателье стало такъ тихо, что дождь, ударявшій о крышу, казался градомъ изъ камней. Въ лицѣ Гизы вдругъ произошла страшная перемѣна. Спокойствіе и оцѣпенѣніе исчезли. Призрачно улыбавшіяся губы раскрылись, какъ будто отъ ужаса. Руки и ноги тряслись, и точно она только теперь вспомнила все, точно все время послѣ вѣнчанія провела въ оцѣпенѣніи, ея черты приняли выраженіе страха, въ которомъ было что-то животное. Она бросилась на землю, била руками о полъ съ такой силой, что разбила пальцы въ кровь и смочила кровью бѣлое платье, стонала, какъ умирающая, и ея тѣло такъ извивалось, какъ будто въ немъ не было костей. Страшные признаки безумія!

— Унесите ее, она больна! Перенесите ее въ мою квартиру, тамъ тихо, я пойду за врачемъ!—крикнулъ только-что вошедшій Рихардъ Уйбелейзенъ затихшимъ въ ужасѣ гостямъ. Гедвига сейчасъ же, какъ испуганная голубка, бросилась къ нему, но онъ грубо оттолкнулъ ее.

Мартинъ Ксиландеръ открылъ ротъ, но не могъ кричать. Его шея побагровѣла и такъ вздулась, что окружающіе должны были сорвать съ него бѣлый галстухъ и разстегнуть рубашку. Нѣсколько мужчинъ подняли Гизу. Она не сопротивлялась. Среди гостей вдругъ возникло движеніе, похожее на поднявшуюся на морѣ бурю. Герцъ хлопалъ въ ладоши, самъ не зная, для чего онъ это дѣлаетъ. Предсѣдатель-майоръ пыхтѣлъ, какъ машина, всѣ бросились къ дверямъ, въ коридоръ, гдѣ стояли служанки, по праздничному настроенныя, такъ какъ надѣялись, что и имъ что-нибудь перепадетъ. Ксиландеръ размахивалъ руками, какъ помѣшанный, не слушалъ никого и протискивался вслѣдъ за гостями. Онъ толкнулъ деревянную подставку, на которой стояла маленькая Венера; она упала и сломала себѣ шею и ноги. Анна, обезсиленная, упала на стулъ. Салатчъ спрашивалъ у всѣхъ, что случилось, актрисы, блѣдныя подъ своими румянами, искали свои шляпы. Ярко-голубыя драпри уже не казались черезчуръ яркими, такъ какъ многія свѣчи погасли или выгорѣли. Гедвигъ Уйбелейзенъ вдругъ стала похожа на старуху, а Катарина Герцъ стояла среди комнаты, точно статуя и тупо смотрѣла на полъ, за-

литый виномъ и выпачканный занесенной съ улицъ грязью. У Ренаты въ головѣ все спуталось. Она хотѣла думать, но испытывала только странное, точно хмельное изумленіе. Она пошла въ сосѣднюю комнату, гдѣ разгромленный буфетъ имѣлъ такой видъ, какъ будто здѣсь побывала орда солдатъ; она знала, что за этой комнатой находится спальня. Она искала тишины и уединенія, чтобы собраться съ мыслями.

У дверей она остановилась и съ легкимъ крикомъ всплеснула руками—безшумно, изъ страха привлечь чье-нибудь вниманіе. Она на цыпочкахъ прокралась къ старому прадѣдовскому креслу, стоявшему въ углу между спускавшейся косякомъ крышей и поломъ.. Тамъ спала Габріэль, ребенокъ госпожи Седерборгъ, спокойнымъ, крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ безъ сновидѣній. Рената влажными глазами смотрѣла на прелестное личико съ открытымъ ртомъ, цвѣтущими щеками и блѣдными вѣками, окаймленными ясной, черной линіей бровей. Такъ лежало дитя въ большомъ креслѣ, и солнце и мѣсяцъ играли на его ланитахъ.

III.

Въ спальню супруговъ Герцъ свѣтъ проникалъ только сквозь два маленькихъ слуховыхъ окна. Но даже и при этомъ освѣщеніи видно было, какъ неуютна, неряшлива и мрачна эта комната. Постели были еще не убраны, и Рената испугалась смѣлости, съ которой проникла сюда. Страстное желаніе быть одной заставило ее забыть обо всемъ. Передъ ней лежалъ ребенокъ,—картина полной заброшенности. „Но онъ не такъ одинокъ, какъ я",—подумала Рената. Она не хотѣла отдаваться чувству жалости къ себѣ, но она не могла повѣрить, что теперь жизненный путь будетъ похожъ на песчаную дорогу среди пустыни, тогда какъ начала она его съ сердцемъ, до краевъ наполненнымъ непочатой любовью. Если ей было предназначено безгрѣшно пройти свой путь, тогда ко всему ужасному, что только произошло, она не имѣла никакого отношенія.

Она вздрогнула. Она услышала шаги и повернула голову. За ней стоялъ Гудштиккеръ; онъ съ привѣтливой важностью кивнулъ ей головой.

— Если я мѣшаю вамъ, скажите прямо,—сказалъ онъ со своей отеческой манерой, и легко, точно охраняя ее, положилъ свою руку на ея.

— О, нѣтъ!—Рената энергично покачала головой. Изъ-за ребенка она говорила шепотомъ.

— Я видѣлъ, какъ вы вошли сюда, и что-то заставило меня послѣдовать за вами,—заявилъ Гудштиккеръ, и морщина между бровями у него стала еще глубже.

— Я васъ не замѣтила въ ателье,—робко отвѣтила Рената.

— Теперь вы знаете, что это настоящій шабашъ вѣдьмъ. Что-жъ, это хорошо. Такъ созрѣваешь для великаго одиночества. Да,—и вдругъ этотъ ребенокъ! Таковы чудеса нашихъ жалкихъ будней.

— Это ребенокъ Седерборгъ?

— Я думаю. Типичная авантюристка, не правда-ли?

— Говорите тише! Не призрачно-ли все, что здѣсь происходитъ? Мнѣ все кажется, что я вижу все во снѣ, и я боюсь пробужденія почти больше еще, чѣмъ страшнаго сна. Вы знаете, что я отказалась спать съ Гизой, когда она пришла ко мнѣ и Аннѣ Ксиландеръ? Оттого и случилось все это. Я не протянула ей руки, и теперь она утонула.

— Тамъ какъ разъ говорятъ объ этомъ.

Рената поблѣднѣла и вся похолодѣла.

— Какъ? Объ этомъ говорятъ? Кто-же?

— Анна Ксиландеръ. Эта женщина ненавидитъ васъ.

— За что она ненавидитъ меня? — беззвучно и горестно спросила Рената, охваченная отчаяніемъ. — Этого я не знала.

— Почему-же вы мнѣ не написали?—допытывался Гудштиккеръ.—Я думаю, что могъ-бы быть вамъ другомъ. Вы наивная душа. Вы думаете, что жизнь протекаетъ въ такомъ порядкѣ, какъ, напримѣръ, засѣданіе суда. Неужели вы не видите, что люди кругомъ васъ только потускнѣвшія оконныя стекла? И вы для всѣхъ нихъ—зеркало. Зеркало непріятно для горбатыхъ, притворяющихся стройными. Вы бродите среди труповъ, и меня удивило-бы, Рената, если-бы и въ васъ не умерло кое-что.

Рената въ упоеніи смотрѣла на Стефана Гудштиккера. Она вздохнула въ мучительномъ желаніи высказаться. Но его слова она поняла только смутно.—Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я виновата?—спросила она, опустивъ голову,— виновата если не внѣшне, то внутренно?

— Вина, это—слово, котораго нѣтъ въ моемъ лексиконѣ. Такъ же, какъ и слова добродѣтель. Если бы форма вашего носа отличалась отъ теперешней только на одну линію, то, можетъ быть, вы стояли-бы не здѣсь, а въ герцогскомъ замкѣ. Поймите меня хорошенько. Образы и представленія, которые мы составляемъ себѣ о случившемся,—только сны, которые мы случайно запомнили. Но для дополненія и пониманія ихъ недостаетъ сновъ, которые мы забыли. Если-бы у Гизы не было желанія и склонности къ этому, незамѣтной для дру-

гихъ, а для васъ ясной, кто знаетъ, отказались-ли бы вы спать въ одной постели съ ней? Такъ сложно все, что мы дѣлаемъ.

Рената слушала молча, робко и довѣрчиво. Отъ восхищенія и проблесковъ пониманія ей стало легче. Но въ этотъ моментъ проснулась Габріэль. Она осмотрѣлась затуманенными глазами, со смѣсью страха и неяснаго воспоминанія въ тонкихъ чертахъ. Рената стала на колѣни, охваченная бурнымъ материнскимъ чувствомъ, и обняла дѣвочку, которая покорно подчинилась ея ласкамъ. — Что теперь будетъ съ этимъ милымъ созданьицемъ? — шептала Рената, ища взгляда Гудштиккера.—Неужели оно выростетъ здѣсь, среди этой грязи? или попадетъ къ другимъ чужимъ людямъ? Не ужасно-ли, что какая-то невѣдомая рука можетъ влачить васъ отъ несчастья къ несчастью? Можетъ быть, я могу помѣшать всѣму этому, взявъ дѣвочку къ себѣ?

— Не дѣлайте этого. Если вы сдѣлаете это, вы совершите преступленіе передъ собой. Каждый ребенокъ тиранъ. Вы хотите отдать даромъ вашу молодость? Только для того, чтобы имѣть возлѣ себя призракъ ея? Вы знаете миѳъ объ Амурѣ и Психеѣ,—какъ онъ уводитъ Психею, кажется, на одинокую скалу, и какъ она допытывается, каковъ ея возлюбленный, и въ наказаніе онъ бросаетъ ее? Желаніе знать и видѣть дѣлаетъ насъ несчастными, и разыгрывать Господа Бога и давать щелчки судьбѣ—опасно. Это все равно, какъ если бы рядомъ съ оркестромъ стоялъ кто-нибудь и отбивалъ тактъ такъ громко, что заглушалъ бы всю музыку, если предположить, что это вообще возможно, потому что вѣдь мы все-таки остаемся членами оркестра. Но я заговорился.

Слова Гудштиккера лились безъ всякаго усилія, какъ льется вода въ водосточной трубѣ. Нѣсколько усталый голосъ придавалъ сказанному оттѣнокъ простоты, какъ будто на все это собственно не стоило бы тратить словъ.

— Мы должны уйти отсюда. Иначе наше отсутствіе можетъ броситься въ глаза,—сказала Рената, и по ея тону чувствовалось, какъ она боится выйти въ ателье. Она растерянно смотрѣла на Габріэль, на отвратительный безпорядокъ въ комнатѣ, какъ будто не понимала хорошенько, гдѣ находится. Она все еще стояла на колѣняхъ, держа въ своихъ рукахъ руки дѣвочки. Вдругъ она повернулась къ Гудштиккеру и съ наивней грустью спросила:

— Какъ вы думаете, многія переживаютъ то-же, что и я?

— Многія, — отвѣтилъ Гудштиккеръ, задумчиво кивая головой.

— И вы думаете, что всѣ онѣ похожи на меня.

— Не обращайтесь-же со мной, какъ съ соціологомъ. Что

вамъ мое „да“ или „нѣтъ“? Почему вы вдругъ перестали мнѣ писать?

— Ахъ, это такъ просто. Мнѣ казалось, что все стало слишкомъ мрачно, чтобы писать вамъ.

— Странный отвѣтъ. Поздравляю васъ: вы поэтъ.

— Гиза! Гиза!—крикнула дѣвочка встрепенувшись. Рената встала; въ этотъ моментъ распахнулась дверь. Вошелъ, шатаясь, точно пьяный, Мартинъ Ксиландеръ, и началъ плакать. Его рыданія были похожи на вой собакъ въ темныя ночи на лугахъ. Рената вышла; Гудштиккеръ, которому это непрерывное возбужденіе нервовъ было непріятно, быстро послѣдовалъ за ней, а Габріэль дрожа, пошла, сзади.

Войдя въ ателье, Рената увидѣла Стиве, Анну Ксиландеръ, супруговъ Герцъ и Уйбелейзенъ; они стояли тѣсной группой и бесѣдовали. Всѣ остальные уже ушли. Замѣтивъ Ренату, всѣ шестеро замолчали, стали съ равнодушнымъ видомъ смотрѣть по сторонамъ и отодвинулись другъ отъ друга. У всѣхъ былъ таинственный видъ, за исключеніемъ Стиве, который съ досадой пожималъ плечами. Рената остановилась и—странно—подумала объ Ангелюсѣ, который былъ запертъ дома: онъ былъ единственнымъ защитникомъ, оставшимся у нея. Странно было и то, что она улыбнулась, между тѣмъ какъ сердце ея сжалось въ безысходной тоскѣ.

— Не дадите-ли вы мнѣ ключа, Анна? Я устала и хочу пойти домой,—тихо сказала Рената.

Анна Ксиландеръ засмѣялась почти нагло. Стиве проворчалъ:—Дай же ключъ.—Анна заерзала на стулѣ. Ея глаза заблестѣли отъ желанія высказать все, и она сказала:

— Не жеманьтесь, Рената. Вѣдь мы не собираемся здѣсь ночевать. Съ какихъ это поръ вы стали такой жеманной.

— Она и тебя выгонитъ изъ постели,—мрачно сказалъ Рихардъ Уйбелейзенъ.—На это слѣдовало-бы сочинитъ куплетъ.—Его лицо было все еще такъ-же неестественно блѣдно, какъ утромъ.

Всѣ молчали. Ренатѣ казалось, что у нея вырвали языкъ иво рта. Если-бы ее даже ударили, она не была-бы способна произнести ни звука. Въ первый разъ въ ея жизни ее такъ (точно сговорившись) оскорбляли, унижали, издѣвались надъ ней. Она видѣла передъ собой въ неясномъ сумеречномъ свѣтѣ шесть лицъ, не смотрѣла ни на одно и все таки видѣла всѣ ше ть. Ей казалось, что должно случиться что-то, чтобы отвратить отъ нея шесть паръ глазъ, отвести эти взгляды, и когда къ ней подошелъ Гудштиккеръ и тихо, но отчетливо засвистѣлъ, она облегченно вздохнула и опустила глаза, полная стыда и неопредѣленнаго раскаянія. Какъ будто откуда-то издали до ея слуха доно-

ѳились вопли Мартина Ксиландера; на землѣ, точно убитая, лежала бронзовая Венера, а передъ ней, сложивъ ручки, стояла Габріэль, и смотрѣла на нее съ изумленіемъ и сожалѣніемъ.

Рената слышала, какъ Гудштиккеръ сказалъ что-то Уйбелейзену, затѣмъ остальнымъ; она не поняла, что именно, но ей смутно представилось, что это что-то очень мужественное и выразительное. Габріэль, безпомощно наклонивъ голову, боязливо смотрѣла на взрослыхъ. Рената улыбнулась ей ничего неговорившей улыбкой.

Вскорѣ послѣ этого она спускалась по лѣстницѣ рядомъ съ Гудштиккеромъ, не зная, какъ это случилось.

IV.

Гудштиккеръ подробно, не замѣчая ея участія, доказывалъ, что страсть Гизы къ Рейфенштулю была предопредѣлена рядомъ неподдающихся изученію условій. Въ качествѣ еврейки она была осуждена „да, именно осуждена", любить, потому что христіанинъ не имѣетъ понятія о томъ, какой вулканъ чувствъ въ состояніи разгорѣться въ глубинѣ такой еврейской души.—У насъ героическое вышло изъ моды. Наши души не достаточно подогрѣваются. Мы слишкомъ заняты хлѣбнымъ вопросомъ. Но вы совсѣмъ не слушаете.

— О, я слушаю,—мягко отвѣтила Рената.

Тонъ ея голоса заставилъ Гудштиккера замолчать. Рената вздохнула; она шла такъ, какъ будто ее влекла воля ея спутника, не подбирала даже платья на грязной мостовой, не замѣчала ни прохожихъ, ни неба, которое краснѣло сегодня, какъ вчера, какъ будетъ краснѣть завтра.—Кто будетъ теперь разрисовывать мои вѣера?—подумала она при видѣ яркихъ пятенъ, дрожавшихъ въ лужахъ, отраженій вечерняго неба.

Гудштиккеръ строилъ планы. Онъ всегда строилъ планы, когда молчалъ. Онъ думалъ о томъ, какъ помочь бездомной дѣвушкѣ, которая, полузакрывъ глаза, отдавалась теченію.

— Послушайте, фрейлейнъ Рената,—началъ онъ немного менѣе побѣдоносно, чѣмъ обыкновенно; желаніе помочь дѣлало его деликатнымъ:—у меня есть великолѣпная идея.—Онъ зажегъ со свойственной ему обстоятельностью папиросу, и продолжалъ:—На Швиндштрассе живетъ одна молодая дѣвушка, моя хорошая знакомая. Она живетъ въ ателье, хотя не рисуетъ и вообще не имѣетъ никакого отношенія къ искусству. Умная дѣвушка, вы увидите. Она учительница, перебивается кое-какъ. Родомъ она съ крайняго сѣвера, изъ

литовской баронской семьи. Когда ей было восемнадцать лѣтъ, она убѣжала съ однимъ бѣднымъ капельмейстеромъ, и они обвѣнчались въ Берлинѣ. Потомъ она его бросила. Такъ вотъ что я думаю: Эта дѣвушка черезъ десять дней уѣзжаетъ. Она приглашена на два пробныхъ мѣсяца въ заведеніе для дѣтей—идіотовъ. Вы можете на это время взять ателье, оно маленькое и очень дешевое. Тамъ вы отдохнете, вамъ не придется считаться съ людьми, у которыхъ самихъ нѣтъ ничего за душой, въ первые дни у васъ будетъ общество тонкаго и способнаго васъ понять человѣка. Одиночество кажется мнѣ въ настоящей моментъ мало желательнымъ для васъ. Что вы думаете объ этомъ, Рената? Я не предложилъ-бы вамъ ничего, чего не считалъ-бы хорошимъ и для своей сестры, если-бы она была у меня. Ну, что-жъ вы скажете?

— Я согласна,—отвѣтила Рената, у которой было только одно желаніе—скрыться куда-нибудь. Она прибавила:—Это ужасно. Я могла-бы теперь совсѣмъ исчезнуть, и прошли-бы недѣли, прежде чѣмъ кто-нибудь замѣтилъ бы, что меня нѣтъ. Но мнѣ нехорошо.

Гудштиккеръ озабоченно посмотрѣлъ на нее, подозвалъ дрожки и велѣлъ ѣхать на Швиндштрассе. Когда они сѣли въ экипажъ, онъ взялъ безвольную руку Ренаты и пощупалъ пульсъ. Затѣмъ нагнувшись къ ней, старался завлечь ее разсказами объ Иренѣ Пунтшу, бывшей баронессѣ, разсказалъ о томъ, что ее все еще называютъ фрейлейнъ, хотя она носитъ фамилію мужа, о томъ, какъ онъ познакомился съ ней въ ночь на карнавалъ; ее окружила толпа студентовъ, и онъ освободилъ ее.—Это кажется избитымъ, не правда-ли?—спросилъ онъ.—Такихъ вещей нельзя больше сочинять, не рискуя быть банальнымъ. Знаменіе времени".

— Куда мы ѣдемъ? — испуганно выпрямляясь, спросила Рената, точно забывъ обо всемъ. Но сейчасъ же покраснѣла и улыбнулась, какъ будто прося прощенія.—Но не буду ли я въ тягость?

— Въ тягость? Ирена будетъ счастлива. Она зарылась въ своемъ ателье, потому что терпѣть не можетъ меблированныхъ комнатъ. Она сама исполняетъ обязанности служанки и кухарки. Одинокое существо, но одинокое не по собственному желанію, а потому, что окружающіе слишкомъ плохи. Она понравится вамъ. Я ей часто разсказывалъ о васъ. Что съ вами, Рената?

Оказалось, что Рената совсѣмъ больна. Она съ трудомъ дотащилась до квартиры Ирены Пунтшу. Гудштиккеру не понадобилось много объяснять Иренѣ. Четверть часа спустя Рената лежала въ постели, и въ тотъ же вечеръ пришелъ

врачъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, жившій по сосѣдству и едва зарабатывавшій на своей пролетарской кліентурѣ на чернила для рецептовъ. Результатомъ этого было то, что онъ сталъ меланхоликомъ и мечталъ о большихъ рекламныхъ вывѣскахъ у желѣзнодорожнаго пути, на которыхъ было бы написано, что докторъ медицины Грюнгольцъ не имѣетъ себѣ равныхъ въ чудесныхъ исцѣленіяхъ.

Рената наслаждалась покоемъ. Онъ обвѣвалъ, обволакивалъ ее, точно тѣнь, точно благодѣтельное затменіе, уносилъ ее далеко отъ собственныхъ мыслей, и комната, въ которой она лежала, казалась ей роскошно убранной вещами, какія обыкновенно видишь только во снѣ. Молодой врачъ былъ похожъ на принца, и слова его звучали такъ, точно заглушались толстыми коврами. Свѣтъ лампы былъ не на столько яркоъ, чтобы нельзя было видѣть голубовато-зеленаго сіянія мѣсяца и неба, похожаго на стеклянный колоколъ, сквозь который не можетъ проникнуть дикій шумъ внѣшняго міра. По комнатѣ едва слышно двигалось призрачное существо, которое называли Иреной. Тутъ же былъ Гудштиккеръ, съ унылой важность юприводившій основанія, которыя заставили его уменьшить свѣтъ лампы. Затѣмъ опять наступилъ день, необъяснимо быстро, какъ будто время сдѣлало скачокъ и гдѣ то кто-то крикнулъ: Анна! Анна! Это, вѣрно, звали Анну Ксиландеръ, которая еще спала, такъ какъ всю ночь бранила міръ за его безпорядочность. Въ дверь два раза постучали, и вошла фрау Седерборгъ и одновременно съ ней черезъ другую дверь Гиза Ирена попросила ихъ сѣсть, и Рената разсмѣялась, потому что Гиза изъ страха передъ фрау Седерборгъ не рѣшалась говорить.

— Она всегда такая,—сказала фрау Седерборгъ сердито и довольно грубо.—Она никогда не говоритъ... У нея неприличная натура. Ея вообраæеніе распалено. Конечно, она молодая дѣвушка, но изъ опаснаго сорта жеманницъ.

Гудштиккеръ сидѣлъ и поражался. Но вдрудъ Стиве,— Богъ знаетъ откуда онъ взялся,—сказалъ:

— Она должна была бы позаботиться о лучшемъ пищевареніи.—Затѣмъ онъ самодовольно откинулся на спинку стула.

— Это у васъ отъ Зюсенгута,—иронически и неодобрительно отвѣтилъ Гудштиккеръ.— Къ чорту пищевареніе. Вы хотите съ помощью ревеня бороться съ соціальнымъ зломъ? Наши философы отказываются отъ чести быть логичными.

Гиза начала говорить тихимъ, пѣвучимъ, мелодичнымъ голосомъ; въ волосахъ у нея блестѣли дождевыя капли.

— Когда я была молоденькой дѣвушкой, мнѣ не позво-

ляли говорить даже объ аистѣ. Я должна была просто вѣрить, что все это правда. Да, но затѣмъ я много страдала и часто не могла спать. Было ужасно думать обо всемъ этомъ, но такъ какъ это считалось неприличнымъ, то для меня это было гибельно. Это сжигало меня, но я должна была молчать.

— Но,—сказала фрау Седерборгъ,—поднимите же ваши чулки.

— Великолѣпно, — сказалъ Стиве, дѣлая такія странныя движенія, какъ будто подбрасывалъ кверху вишневыя косточки.

Но это были не вишневыя косточки, а камни. Сначала они нѣсколько времени висѣли въ воздухѣ, затѣмъ опустились на грудь Ренаты и тяжело легли на нее. А вдали чей то голосъ пѣлъ:

Розы, двѣ розы грустятъ на кустѣ,
Лиліи, двѣ лиліи у стана легли...

Докторъ Грюнгольцъ вытеръ свои очки и сказалъ съ такой гримасой, какъ будто во рту у него была лимонная кислота:

— Тридцать девять и семь десятыхъ. Очень хорошо.

V.

Фигура у Ирены Пунтшу была нѣсколько полная. Но походка ея была легка и почти безшумна. Волосы у нея были рыжеватые, безъ блеска, лицо блѣдное. У нея была сильная склонность къ скептицизму; въ своей беззащитности она располагала только однимъ орудіемъ: насмѣшкой. Ея отвѣты на нѣкоторые вопросы были часто такъ остроумны, что надо было быть осторожнымъ, чтобы не попасть въ смѣшное положеніе. На несчастныхъ, которые становились ея жертвами, она смотрѣла съ лукаво-сострадательной усмѣшкой. Она была очень умна — уже однимъ тѣмъ, что ее забавляло казаться глупой, она презирала тѣхъ, кто жаловался на свою судьбу, и была проницательна до болѣзненности.

Она немедленно послала къ Аннѣ Ксиландеръ за вещами Ренаты, и когда Рената стала выздоравливать, это обстоятельство придало ей немного увѣренности, свойственной упорядоченной жизни.

— Я говорила много глупостей? — спросила она Ирену, робко глядя на нее.—Ахъ, какой сегодня чудный день!—Уже лѣто.

— Лѣто? Нѣтъ. Но вамъ повезло. Вы пропустили не мало дождей и бурь.

Ирена смотрѣла на Ренату съ наивнымъ восхищеніемъ. Рената казалась ей прекрасной. Она почти завидовала ей.

Въ это время въ углу что то зашевелилось: это былъ Ангелюсъ. Онъ подошелъ къ Ренатѣ. Видно было, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишился ласкъ своей госпожи, его угнетала глубокая печаль. Уши у него уныло висѣли; онъ тихонько подкрался къ постели, робко поглядывая наверхъ, и положилъ переднія лапы на край кровати, такъ что Рената могла пощекотать ему голову. Онъ сейчасъ же какъ будто съума сошелъ, залаялъ такъ, что Ирена заткнула себѣ уши, принялся скакать по комнатѣ, перепрыгнулъ черезъ скамеечку и вообще велъ себя удивительнымъ и крайне неприличнымъ образомъ. Нѣсколько разъ онъ бросался отъ кровати къ двери, какъ будто приглашая Ренату пойти погулять.

Рената нашла, что не могла бы желать лучшаго привѣтствія, и Ирена разсказала своимъ звенящимъ голосомъ, что до этого момента собака была ворчливымъ меланхоликомъ. Никакія приманки повареннаго искусства не могли привести ее въ лучшее настроеніе. Рената отъ радости оживилась, обняла за шею собаку, которая начала мурлыкать, какъ кошка, спросила о Гудштиккерѣ и узнала, что онъ двѣ ночи не отходилъ отъ ея постели.

— Вообще то я не долюбливаю его,—сказала Ирена,—но это мнѣ понравилось. На этомъ узнаютъ дружбу. Мужчина жертвуетъ своимъ сномъ не такъ то легко.

Рената задумчиво смотрѣла вдаль.

— Почему же вы не долюбливаете его?—спросила она.

— Ахъ! Во-первыхъ, онъ писатель, а на этихъ людей полагаться нельзя. Во-вторыхъ, онъ всегда принимаетъ позу человѣка, который не позируетъ. Въ-третьихъ, онъ воображаетъ, что очень хорошо знаетъ женщинъ. И вообще!

— Но онъ написалъ такія чудесныя вещи!

— Вы придаете этому значеніе? Это ничего не доказываетъ относительно человѣка. Особенно въ наше время, когда у каждаго есть какой-нибудь талантъ, каждый имѣетъ отношеніе къ искусству. Это валяется на улицѣ. А писаніе портитъ характеръ. Но теперь лежите спокойно и молчите.

Чтобы достигнуть этого, Ирена начала разсказывать о дѣтскомъ пріютѣ, въ который она поступитъ черезъ нѣсколько дней, о тяжелой работѣ, добровольно взятой ею на себя и требующей терпѣнія, которое должно парализовать всякую способность мыслить и чувствовать; о своей родинѣ, о дѣтствѣ, о предчувствіяхъ любви, которыя вливала въ

душу юнаго существа сама природа, о томъ, какъ она выросла въ тенетахъ того позорнаго дамскаго воспитанія, которое знакомитъ молодыхъ дѣвушекъ только съ поверхностью жизни, которое дѣлаетъ ихъ глухими къ неумолимому голосу ихъ собственнаго тѣла. Ирена откровенно разсказала, какъ въ одну лѣтнюю ночь она неожиданно для самой себя отдалась человѣку, о которомъ мечтала не больше, чѣмъ о новомъ платьѣ.

— Вотъ и узнаешь сразу все, что такъ разукрашиваешь въ мысляхъ, и стоишь, какъ дура. Но все-таки я и другія, которыя сдѣлали то же самое, поступили правильно. Мое убѣжденіе—и оно для меня религія,—что въ мірѣ есть, долженъ быть кто то, кто рожденъ для меня, какъ я для него. Я знаю, что онъ существуетъ, и не нахожу его, не знаю, гдѣ его искать. Такъ и живешь до конца, не находишь никогда или слишкомъ поздно. Многія думаютъ такъ, и именно среди насъ, буржуазно воспитанныхъ. Однѣ знаютъ это, другія нѣтъ, однѣ ищутъ на всѣ лады, другія совсѣмъ отказываются отъ поисковъ. Я, напримѣръ, да, вы имѣете дѣло съ эксцентричной особой. Вѣдь вы это думаете теперь.

— О, нѣтъ!—съ усталой улыбкой отвѣтила Рената.—Я думаю только, что все это очень тяжело.

— Спите теперь, милая фрейлейнъ. Прежде вы такъ хорошо спали.

— Не называйте-же меня фрейлейнъ.

— Не буду. Вы мнѣ очень симпатичны. Но я должна разсказать вамъ еще кое-что. Вѣдь я умная особа, правда? По крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе. Я прочла одну книгу о... ну... объ эмансипаціи женщинъ. Очень умна, но представьте себѣ, къ этому я совершенно равнодушна. У меня такое чувство, что женщина значитъ что-нибудь только тогда, когда она одна или съ мужчиной, котораго любитъ. Если хотя-бы только двѣ женщины дѣлаютъ что-нибудь сообща, это должно быть уже неженственно.

— Вы любите свою работу?

— Люблю-ли? Дѣтей—да. Подумайте только, какую власть имѣешь. Сколько будущихъ жизней зависитъ отъ тебя. И потомъ для дѣтей каждое новое слово то же, что для насъ новая книга. Это я нахожу такимъ прекраснымъ — это внутреннее пробужденіе. Особенно у дѣвочекъ. У меня въ школѣ есть нѣсколько, и онѣ влюблены въ меня. Это нѣчто совершенно особенное. Если бы вы знали, сколько огня въ такомъ юномъ существѣ, и все это такъ просто и тѣмъ не менѣе ни одна не сознаетъ этого. И какъ иногда онѣ уже вполнѣ женщины — гордыя и отчаявшіяся. Объ этомъ я могу вамъ разсказать многое. Здѣсь видишь, что

чувство—это все. Умъ играетъ тутъ такую роль, какъ соль въ хлѣбѣ. Глупыхъ женщинъ вообще нѣтъ, это выдумали мужчины. Самое большее, что есть женщины съ плохо развитымъ чувствомъ.

По мѣрѣ того, какъ Рената выздоравливала, Ирена Пунтшу становилась все сдержаннѣе. Однажды она объяснила Ренатѣ, почему она рѣшила поступить въ этотъ пріютъ. Недѣли четыре тому назадъ она пошла на прогулку въ Шлейсгеймъ, ее застигъ дождь, и она вбѣжала въ пріютъ.

Какой-то старый господинъ предложилъ ей осмотрѣть домъ, и она увидѣла и дѣтей. — Этого нельзя забыть, отъ этого нельзя отдѣлаться. Вѣдь не можетъ же быть сумасшедшихъ дѣтей. Бѣдныя малютки сидятъ съ желтыми лицами и большими, ничего неговорящими глазами. Ручки они кладутъ передъ собой на скамейку, какъ будто это что-то чужое, и не двигаютъ ими. Большей частью это душевно-больныя дѣти. Можете вы себѣ представить это? Меня это страшно потрясло. Попасть туда легко. Больше трехъ недѣль тамъ не выдерживаетъ никто. Вотъ я и хочу попробовать. И потомъ домъ стоитъ на опушкѣ лѣса, и у меня будетъ то, чего я хочу, одиночество и работа.

Съ этихъ поръ Ирена стала по отношенію къ Ренатѣ сдержанной и немного уклончивой. Собака возбуждала въ ней прямо-таки ненависть. Ну, видана-ли когда-нибудь собака, которая слушаетъ все, что говорится, какъ любопытный человѣкъ? Лаетъ на каждаго, кто кажется ей несимпатичнымъ, самымъ неприличнымъ образомъ. Напримѣръ, на Гудштиккера? Которая не прикасается къ хлѣбу, салу, пирожнымъ и вообще къ самымъ вкуснымъ вещамъ изъ сознательной злобы къ тому, кто даетъ ихъ ей? Которая при видѣ бѣдной Зюлейки впадаетъ въ ярость, и которая если хочетъ чего-нибудь отъ своей госпожи, умѣетъ принимать такой лицемѣрно-грустный видъ?—Это не собака, это какой то выродокъ,—говорила Ирена, которая послѣ долгой борьбы должна была отдать Зюлейку привратницѣ.

Ренатѣ было немного не по себѣ отъ такихъ скрыто-враждебныхъ выходокъ. Но скоро Ирена должна была уѣхать. Она обѣщала каждое воскресенье пріѣзжать въ городъ и навѣщать Ренату. Рената хотѣла опять взяться за свою работу, чтобы зарабатывать деньги, какъ она утверждала. Но Гудштиккеръ сказалъ усталымъ голосомъ:

— Милая Рената, вы не изъ тѣхъ женщинъ, которыя работаютъ и борются. Для этого вы слишкомъ чужды жизни. Ваши взгляды часто витаютъ такъ далеко, что только какое нибудь несчастье заставляетъ ихъ вернуться назадъ.

— Опять такъ называемое „тонкое замѣчаніе",—сказала

Ирена, поднимая кверху брови.—Право, милый Гудштиккеръ, вы хвастаете умомъ. Это еще хуже, чѣмъ хвастать деньгами.

Рената, глубоко задумавшись, смотрѣла передъ собой. Она была благодарна Гудштиккеру, что онъ заботился о ней. Она не могла забыть двухъ ночей, которыя онъ провелъ у ея постели. Ночь длинна, никто не зналъ этого лучше Ренаты.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чернышевскій въ Сибири.

(По неизданнымъ письмамъ и семейному архиву).

(ЧАСТЬ ВТОРАЯ).

I.

Мы приступаемъ ко второй части нашей задачи. Она состоитъ въ томъ, чтобы представить читателю ходъ мысли Чернышевскаго въ Сибири, указать на вопросы, надъ которыми работалъ его умъ, наконецъ, подвести общіе итоги логической дѣятельности изгнанника. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ предмета задачи происходитъ и измѣненіе характера самого изложенія. Раньше мы старались приводить существенныя мѣста изъ писемъ Чернышевскаго по большей части въ хронологическомъ порядкѣ, чтобы дать читателю понятіе о томъ, каковы были внѣшнія условія жизни мыслителя, и какъ они измѣнялись. Теперь намъ приходится употреблять другой пріемъ. То, что относится къ теоретической части переписки Чернышевскаго, состоитъ изъ ряда вопросовъ различной важности. Къ этимъ вопросамъ Николай Гавриловичъ возвращается неоднократно, выдвигая на первый планъ то ту, то другую сторону задачи. Иногда за одинъ вопросъ у него естественно цѣпляется другой, за другой—третій. И если бы мы хотѣли слѣдовать хронологическому порядку, то, вмѣсто болѣе или менѣе яснаго представленія объ умственной жизни Чернышевскаго въ Сибири, у насъ получился бы рядъ мозаическихъ отрывковъ по разнымъ вопросамъ, притомъ отрывковъ неодинаковаго значенія. Все это въ сильной степени портило бы впечатлѣніе отъ того процесса мысли, которому отдавался великій русскій писатель, не взирая на крайне неблагопріятныя внѣшнія условія и даже забывая ихъ въ этой работѣ своего могучаго ума.

Поэтому теперь мы будемъ обращаться съ нашимъ матеріаломъ иначе: не обращая вниманія на хронологическій порядокъ писемъ и на то, что нѣсколько разныхъ предметовъ могло трак-

товаться въ одномъ и томъ же письмѣ, мы будемъ группировать взгляды Чернышевскаго по болѣе или менѣе однороднымъ вопросамъ. И каждая группа будетъ заключать у насъ мысли приблизительно изъ одной и той же области, хотя бы Чернышевскій возвращался къ нимъ порою на разстояніи десятка лѣтъ. Къ такимъ естественнымъ категоріямъ принадлежатъ, напр., вопросы общаго философскаго міровоззрѣнія; далѣе, его приложеніе къ ходу общественной жизни въ ея цѣломъ; затѣмъ, взгляды Чернышевскаго на крупные, но все же частные вопросы изъ той или другой области знанія и т. п.

Намъ хотѣлось бы, однако, дать читателю предварительно понятіе о характерѣ теоретическихъ разсужденій Николая Гавриловича въ письмахъ. Эти письма, мы уже говорили раньше, принимаютъ собою порою форму настоящихъ диссертацій, гдѣ мысль развивается вполнѣ логически. Но они, несомнѣнно, не предназначались для печати. И потому въ нихъ часто господствуетъ тотъ непринужденный, фамильярный, сплошь и рядомъ отличающійся рѣзкостью оцѣнокъ тонъ, который предназначается для близкихъ людей, съ какими не испытываешь ни малѣйшаго стѣсненія. Очень можетъ быть и то, что продолжительное пребываніе Чернышевскаго въ Сибири, сознаніе фатальности своего положенія, опредѣлявшагося крайнею отсталостью политическаго развитія Россіи, должно было вызвать въ немъ извѣстное ожесточеніе и презрительное отношеніе къ тѣмъ взглядамъ и мнѣніямъ, которые, по его убѣжденію, въ Западной Европѣ, а въ особенности въ Россіи опредѣляли столь косное состояніе общества. Находясь въ этомъ настроеніи, Чернышевскій порою, видимо, терялъ всякую охоту различать оттѣнки большей или меньшей вредности воззрѣній и людей, въ какихъ онъ видѣлъ враждебные своему міросозерцанію элементы, и подвергалъ ихъ сплошной очень рѣзкой критикѣ на основаніи принципа «кто не за меня, тотъ противъ меня». Историческая оцѣнка отходила при этомъ само собою на задній планъ. Иной разъ Чернышевскій говорилъ въ этихъ письмахъ вещи, даже сильно противорѣчащія тому, что онъ раньше писалъ въ «Современникѣ».

Приведемъ два-три примѣра. Въ своей «Іюльской монархіи» («Современникъ», 1860 г.) Чернышевскій въ числѣ учениковъ Сэнъ-Симона упоминаетъ Огюста Конта и такъ характеризуетъ его: «Основатель положительной философіи, единственной философской системы у французовъ вѣрной научному духу, одинъ изъ геніальнѣйшихъ людей нашего времени» («Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго»; С.-Петербургъ, 1906 г., томъ VI, стр. 135). Но въ письмѣ отъ 27 апрѣля 1876 г. мы читаемъ уже цѣлыхъ двѣ страницы крайне рѣзкихъ отзывовъ о главѣ позитивизма, изъ которыхъ мы пока приведемъ лишь слѣдующія строки: «Бѣдняга Огюстъ Контъ, не имѣя понятія ни о Гегелѣ, ни даже

о Кантѣ, ни даже, кажется, о Локкѣ, но научившись многому у Сенъ-Симона (геніальнаго, но очень невѣжественнаго мыслителя), и выучивши наизусть всяческія предисловія къ руководствамъ по физикѣ, вздумалъ сдѣлаться геніемъ и создать философскую систему».

Точно также до ссылки въ Сибирь Чернышевскій видѣлъ въ Мальтусѣ, еще въ своей статьѣ о Лессингѣ («Современникъ», 1856—57 г.; «Собр. соч.», т. III, стр. 707, прим.) «нѣмца по неуклонной логичности выводовъ», а нѣсколько позже, въ своемъ знаменитомъ этюдѣ о «Капиталѣ и трудѣ» («Современникъ», 1860 г.), одного изъ «великихъ людей политической экономіи». Для него онъ былъ вмѣстѣ съ Рикардо однимъ изъ геніальныхъ учениковъ Адама Смита, дѣлавшихъ «открытія», которыя «послужили основными камнями для экономической теоріи»; былъ человѣкомъ, по отношенію къ которому онъ выставляетъ слѣдующее положеніе: «Кто не знаетъ трудовъ Мальтуса и Рикардо, не можетъ говорить ни о чемъ правильнымъ образомъ» («Собр. соч.», т. VI, стр. 17). Мы знаемъ, наконецъ, сколько страницъ, доставившихъ Чернышевскому наибольшую славу въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ, авторъ «Примѣчаній» къ «Основаніямъ политической экономіи» Милля посвятилъ Мальтусу, обращая крайне серьезное вниманіе на опроверженіе его закона народонаселенія. И что же? Въ письмѣ отъ 21 апрѣля 1877 г. Чернышевскій оцѣниваетъ Мальтуса и свою полемику съ нимъ уже слѣдующимъ образомъ: «Я... толковалъ о Мальтусѣ, будто о чемъ-то серьезномъ. А Мальтусъ— шарлатанъ, на котораго стоитъ лишь плюнуть. Да, мои милые друзья (это письмо обращено Чернышевскимъ сразу къ обоимъ сыновьямъ. Н. Р.), было время, и я былъ молодъ. И не имѣлъ силы понимать, что могутъ бывать совершенно пусты цѣлыя долгія направленія науки, имѣвшія сильныхъ представителей, напримѣръ, мальтусіанство, которое положительнымъ образомъ подчинило себѣ почти всѣхъ англійскихъ экономистовъ, а въ борьбу противъ себя, т. е. опять таки въ зависимость отъ себя, вовлекло всѣхъ нѣмецкихъ и французскихъ—я не понималъ, что, напримѣръ, оно—совершенно пустая софистика, и что это не одинъ такой случай, что много бывало долгихъ сильныхъ направленій въ наукѣ, совершенно не заслуживающихъ вниманія. Русскіе ученые (т. е., очень мелкіе ученые) моего времени находили, что я мало уважаю знаменитыхъ ученыхъ. Я слишкомъ уважалъ многихъ знаменитыхъ ученыхъ, которыхъ не стоило нисколько уважать».

Сопоставимъ, наконецъ, прежніе взгляды Чернышевскаго о Прудонѣ съ тѣмъ, что онъ писалъ объ этомъ мыслителѣ изъ Сибири. Въ уже упомянутой статьѣ «Капиталъ и трудъ» Прудонъ рисуется могучимъ врагомъ французскихъ буржуазныхъ экономистовъ, которыхъ онъ «нѣсколько разъ разбилъ въ пухъ и прахъ, осмѣялъ,

выставилъ передъ публикой за идіотовъ и невѣждъ» (т. VI, стр. 80). А на первыхъ страницахъ своего знаменитаго «Антропологическаго принципа философіи» («Современникъ», 1860;—«Собр. соч. т. VI, стр. 179—181) Чернышевскій рисуетъ даже въ извѣстномъ смыслѣ символическую біографію Прудона, какъ представителя трудящихся классовъ Западной Европы, который, несмотря на всѣ недостатки, объясняющіеся общимъ тяжелымъ положеніемъ простонародья, тѣмъ не менѣе великъ своимъ громаднымъ природнымъ умомъ, смѣлостью своей мысли, энергіею и цѣльностью своихъ стремленій. Называя его самоучкой, Чернышевскій, однако, выгодно противопоставляетъ Прудона очень уважаемому имъ въ общемъ Миллю и рѣзко подчеркиваетъ его «чрезвычайную силу ума», словомъ, его геніальность.

Какъ вамъ покажется теперь слѣдующій отзывъ Чернышевскаго о Прудонѣ въ письмѣ отъ 24 ноября 1873 г.: «Одинъ изъ прогрессивныхъ глупцовъ, имѣвшихъ очень сильное вліяніе на всѣхъ глупцовъ безъ различія, былъ Прудонъ. Быть можетъ, и даровитый отъ природы; быть можетъ, и безкорыстный... но каковъ бы ни былъ онъ отъ природы, онъ былъ невѣжда и нахалъ, кричавшій безъ разбора всякую чепуху, которая забредетъ ему въ голову изъ какой газеты ли, идіотской ли книжонки, умной ли книги,—этого различать онъ не могъ, по недостатку образованія. И теперь онъ одинъ изъ оракуловъ людей всяческихъ мнѣній. И удобно ему быть имъ: какая кому нравится глупость, всякая есть у этого оракула.—Кому нибудь кажется, что $2 \times 2 = 5$?—Ищи у Прудона, найдется подтвержденіе, съ прибавкою „мерзавцы всѣ тѣ, кто въ этомъ сомнѣвается»,—другому кажется, что $2 \times 2 = 7$, а не 5; ищи у Прудона; найдется и это, съ той же прибавкой».

И такихъ крайне рѣзкихъ отзывовъ, отзывовъ, нерѣдко противорѣчащихъ болѣе уравновѣшеннымъ и выдвигающимъ оттѣнки сужденіямъ Чернышевскаго въ прежней легальной печати, можно найти чрезвычайно много.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ мы, однако, не считали возможнымъ ни умалчивать о взглядахъ Чернышевскаго, ни ослаблять ихъ, а лишь объяснять, указывая на тѣ обстоятельства, которыми вызывалось у Николая Гавриловича такое рѣзкое отношеніе къ людямъ, представлявшихся ему въ общемъ, несомнѣнно, крупными, но непослѣдовательными.

Но, съ другой стороны мы не брали на себя задачу и оправдывать такихъ, хотя, порою, можетъ быть, и жестоко несправедливыхъ отзывовъ. Чернышевскій, человѣкъ чрезвычайно сильнаго и оригинальнаго ума, имѣетъ, сказали бы мы, право быть рѣзкимъ и несправедливымъ въ своихъ оцѣнкахъ. Можно даже утверждать, что эта рѣзкость и несправедливость оцѣнки, къ сожалѣнію, часто отличаетъ истинно оригинальныхъ мыслителей отъ второстепенныхъ, хотя и вдумчивыхъ работниковъ мысли. Дѣло въ томъ, что

великіе, или, говоря общѣе, оригинальные мыслители сплошь и рядомъ относятся одинъ къ другому приблизительно такъ же, какъ монады въ философіи Лейбница. Каждая изъ нихъ въ сущности непроницаема для всѣхъ другихъ и сама не можетъ проникнуть въ нихъ. Гармонія въ дѣятельности («представленіи») всѣхъ монадъ достигается въ теоріи Лейбница лишь тѣмъ, что она предустановлена благодѣтельнымъ провидѣніемъ. Но устраните это провидѣніе, отбросьте эту предустановленность,—и у васъ получится рядъ независимыхъ одна отъ другой силъ, представляющихъ себѣ одна другую и весь міръ исключительно въ предѣлахъ своей натуры. Именно такими взаимно непроницаемыми монадами, но безъ предустановленной гармоніи, и являются нерѣдко оригинальные мыслители. Ихъ міровоззрѣніе до такой степени обособлено, такъ рѣзко очерчено, что всякое другое, столь же оригинальное, міросозерцаніе представляется имъ началомъ глубоко враждебнымъ, а потому подлежащимъ отраженію и рѣзкой уничижительной оцѣнкѣ. Чернышевскій принадлежалъ къ такимъ оригинальнымъ умамъ, характеризующимся глубокою цѣльностью міровоззрѣнія. Потому, особенно находясь въ тяжелыхъ условіяхъ жизни, отрѣзанный отъ внѣшняго міра, сношеній съ единомышленниками и вообще человѣческаго взаимодѣйствія, Николай Гавриловичъ съ сугубою рѣзкостью могъ отбрасывать тѣ ученія, какія казались ему или враждебными его общимъ взглядамъ, или страдающими внутреннею непослѣдовательностью.

II.

Мы начинаемъ съ изложенія общаго міровоззрѣнія Чернышевскаго, какъ оно выражается въ его письмахъ изъ Сибири. Это міровоззрѣніе, какъ мы знаемъ, было издавна матеріалистическимъ. Самъ онъ считалъ себя въ этомъ отношеніи ученикомъ Фейербаха, истолковывая, однако, его взгляды, какъ намъ кажется, въ болѣе матеріалистическомъ смыслѣ, чѣмъ то можно вывести изъ разсмотрѣнія всей фейербаховской системы, усложненной любопытными оговорками и комментаріями самого творца *). Въ Сибири это раз-

*) Позволю себѣ процитировать лишь слѣдующіе два „афоризма" изъ оставленнаго Фейербахомъ литературнаго наслѣдія: «Матеріализмъ является для меня фундаментомъ зданія человѣческой сущности и знанія; но не самимъ зданіемъ, какимъ онъ является для физіолога, для естествоиспытателя въ узкомъ смыслѣ, напр., для Молешотта,—являетея, впрочемъ, съ ихъ точки зрѣнія и въ ихъ спеціальности необходимо». — «Въ томъ, что позади насъ, я совершенно согласенъ съ матеріалистами, но въ томъ, что впереди, нѣтъ». См. Karl Grün, „Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass, sowie in seiner philosophischen Charakterentwicklung"; Лейпцигъ и Гейдельбергъ, 1874, т. II, стр. 368. Вообще, Фейербахъ представляетъ собою болѣе сложнаго мыслителя, чѣмъ можетъ показаться при первомъ, хотя бы и добросовѣстномъ, чтеніи его произведеній.

витіе матеріалистическаго міровоззрѣнія Чернышевскаго продолжалось далѣе. Его матеріализмъ даже пріобрѣталъ болѣе острые углы, становился рѣзче и съ большей энергіею противоставлялъ себя всѣмъ другимъ направленіямъ.

Чернышевскій неоднократно обрисовываетъ свое міросозерцаніе и развиваетъ то тѣ, то другія стороны его. Изъ ряда этихъ не разъ повторяющихся изложеній мы остановимся на самыхъ яркихъ и рельефныхъ. Вотъ, напр., какими чертами характеризуетъ Чернышевскій свою общую точку зрѣнія и отношеніе свое къ другимъ системамъ, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ интересныя автобіографическія подробности относительно времени сформированія своего міровоззрѣнія:

«...Я съ первой молодости былъ твердымъ приверженцемъ того строго-научнаго направленія, первыми представителями котораго были Левкиппъ, Демокритъ и т. д., до Лукреція Кара, и который теперь начинаетъ быть моднымъ между учеными. Я, по образу мыслей, ветеранъ между нынѣшними учеными, а они передо мною новобранцы, неопытные рекруты, у которыхъ слишкомъ много неопытнаго усердія и мальчишескаго восторга отъ новыхъ для нихъ идей, которыя почти ни у кого изъ нихъ еще и не переварились въ головахъ, какъ должно. Потому очень многое въ нынѣшнихъ модныхъ ученыхъ книгахъ мнѣ смѣшно, многое—гадко».

Суть своего міросозерцанія и свое отношеніе къ противникамъ его Чернышевскій резюмируетъ слѣдующими словами:

«То, что существуетъ, называется матеріею. Взаимодѣйствіе частей матеріи называется проявленіемъ качествъ этихъ разныхъ частей матеріи. А самый фактъ существованія этихъ качествъ мы выражаемъ словами «матерія имѣетъ силу дѣйствовать» — или, точнѣе, «оказывать вліяніе». Когда мы опредѣляемъ способъ дѣйствія качествъ, мы говоримъ, что мы находимъ «законы природы».— О каждомъ терминѣ тутъ ведутся споры. Но реальное значеніе этихъ споровъ,—нѣчто совершенно иное, чѣмъ серьезное сомнѣніе относительно фактовъ, обозначаемыхъ сочетаніями словъ, въ которыя входятъ эти термины. Это или пустая схоластика, щегольство грамматическими и лексикографическими знаніями и талантами и силлогистическими фокусами; а если не такъ, то въ оспоривающихъ эти термины и эти сочетанія терминовъ (эти, или равнозначительные имъ) управляетъ словами какое-нибудь не научное, а житейское

на которыхъ отзывается его страстная, импульсивная манера трактовать предметъ. Причемъ, по его собственному признанію, сдѣланному въ эпоху нѣмецкой революціи 1848 г., этотъ «аффектъ одушевленія» заставляетъ его «брать изъ извѣстнаго предмета всегда лишь то, о чемъ нѣтъ ничего, по крайней мѣрѣ ничего исчерпывающаго, удовлетворяющаго лично» его Фейербаха, «въ другихъ книгахъ», и «оставлять все прочее въ сторонѣ». А это не можетъ не затруднять систематическаго сведенія воедино если не главныхъ идей, то оттѣнковъ ихъ у Фейербаха.

желаніе, обыкновенно своекорыстное; а у защищающихъ эти термины и ихъ сочетанія — охота вести споръ объ этихъ терминахъ не больше, какъ наивность, не догадывающаяся, что споръ—или пустословіе, или долженъ быть перенесенъ отъ этихъ терминовъ и ихъ сочетаній на анализъ реальныхъ мотивовъ, по которымъ нападаютъ на эти термины и эти ихъ комбинаціи противники ихъ.

«Примѣръ, какъ долженъ быть веденъ споръ:

«А.—Вы утверждаете, что матеріею называется то, что существуетъ. Я называю то, что существуетъ—(слѣдуетъ какое-нибудь другое слово; положимъ «субстанція»).

«В.—Это будетъ споръ о словахъ. Называйте, что вамъ угодно, какъ вамъ угодно. Только будемъ условливаться, что̀ вы понимаете подъ употребляемымъ вами словомъ.

«И если натяжка, нравящаяся этому А, будетъ имѣть реальный смыслъ,—напримѣръ, если подъ словомъ «субстанція» онъ хочетъ понимать лишь, положимъ, газы, отрицая реальность капельно-жидкаго и твердаго состояній,—то надобно будетъ сказать ему: хорошо, только вы спорите не противъ того, что было говорено мною о смыслѣ слова «матерія», а противъ реальности капельно-жидкаго и твердаго состояній. Спора объ этомъ вести не стоитъ. Онъ пустословіе. Если вы того не понимаете, обратитесь къ чтенію книгъ о физикѣ.—А если (какъ у Спинозы) субстанція—все существующее, то надобно сказать: «Извольте, г-нъ А., будемъ употреблять слово субстанція, если вамъ оно нравится, но помните, что вы приняли для него опредѣленіе, по которому оно обозначаетъ все существующее».

«Это о спорѣ, котораго не стоитъ продолжать, потому что онъ относится лишь къ словамъ.

«А вотъ другой видъ спора—споръ не о словахъ, а о чемъ-нибудь реально важномъ.

«А.—Вы говорите, что матеріею называется то, что существуетъ. Я не знаю, существуетъ ли что-нибудь.

«В.—Э, да вы скептикъ. Продолжайте. И мы увидимъ, изъ какихъ мотивовъ происходитъ вашъ скептицизмъ. Скептицизма вашего я разбирать не буду, но мотивы его анализирую.

«А.—Я не знаю и того, скептикъ ли я.

«В.—Продолжайте. Того, что вы не знаете, скептикъ ли вы, я разбирать не буду. Но мы увидимъ, и я анализирую мотивы, по которымъ вы сказали, что вы не знаете, скептикъ ли вы.

«Кстати о скептицизмѣ. Это слово нынѣ въ модѣ у натуралистовъ. Но они сами не понимаютъ, о чемъ они говорятъ, толкуя о своемъ скептицизмѣ. Никто изъ нихъ не скептикъ. Послѣдній серьезный скептикъ былъ Паскаль. Это было у него, бѣдняжки, больного, и къ тому же запуганнаго и одураченнаго его родными и друзьями-янсенистами, патологическое состояніе души.—Янсенисты были, конечно, менѣе шарлатаны, чѣмъ іезуиты, но и они

были хороши. Прочтите у простяка Паскаля исторію его сестры, кажется, или кузины, что ли,—ребенка, посредствомъ котораго янсенисты дурачили публику.

«Но о скептицизмѣ, когда прійдется, послѣ. Продолжаю примѣръ, какъ долженъ быть веденъ тотъ споръ.

«А.—Я не знаю, существуетъ ли что-нибудь. Я не знаю даже и того, говорю ли я или нѣтъ, что я не знаю, существуетъ ли что-нибудь; это потому, что я не знаю, существую ли я.

«Б.—Продолжайте.—И все одно и то же «продолжайте»,—пока изъ-подъ маски скептика выкажется лицо—обыкновенно, обскуранта.—Тогда и пойдетъ разговоръ о системѣ, защищаемой мнимымъ скептикомъ. Не о томъ, напр., существуетъ ли нѣчто, или должно ли это нѣчто считаться матеріальнымъ или нематеріальнымъ, или должно ли оно называться субстанціею или какъ-нибудь еще иначе, а просто на просто о томъ, шарлатаны ли или нѣтъ были янсенисты. Это, если споръ былъ бы съ Паскалемъ, и если бы Паскаль въ тѣ часы, когда идетъ разговоръ, не нуждался больше въ какой-нибудь лавро-вишневой водѣ для успокоенія нервовъ, чѣмъ въ разоблаченіяхъ шарлатанства родныхъ и друзей, разстроившихъ его нервы своими экстатическими фокусами.—Но Паскалей нынѣ, кажется, нѣтъ ни одного между натуралистами ни по силѣ генія, ни—это хорошо, что въ этомъ отношеніи нѣтъ—по патологическому состоянію души (развѣ Уоллэсъ, Wallace. Но, во-первыхъ, Уоллэсъ и компаньоны по спиритизму остаются здоровы, а Паскаль весь измучился; во-вторыхъ, Уоллэсъ не первоклассный геній, Круксъ и вовсе не особенно геніаленъ, а Вагнеръ и Бутлеровъ—научная мелюзга. Въ третьихъ, спиритизмъ далеко не такъ нелѣпъ, какъ янсенизмъ. Въ немъ лишь одинъ изъ догматовъ, которыхъ много въ янсенизмѣ. И спиритизмъ—желаніе видѣть занимательные фокусы, дурачиться. Янсенизмъ—это не кукольная комедія, а страшно серьезная трагедія, въ которой шарлатаны дѣйствуютъ не по самобытному влеченію къ обиранію денегъ мелочными суммами,—въ родѣ прежнихъ дѣлателей золота—какъ дѣйствуютъ медіумы; нѣтъ, въ янсенизмѣ шарлатаны были только прислугою людей, имѣвшихъ тенденціи Торквемады.—Прочтите переписку Лейбница съ тогдашнимъ главою янсенистовъ (Арно, что ли)—этотъ янсенистъ готовъ задушить Лейбница, который всѣми силами ума старается извинить себя, что не переходитъ въ католичество, и всячески хвалитъ католичество. Янсенистъ твердитъ свое: ты еретикъ, тебя ждетъ адъ). Нынѣшніе натуралисты, когда ихъ слово «скептицизмъ»—не пустое слово, хотятъ, лишь не умѣютъ правильно сказать, бѣдные, что сбиты съ толку теоріею свѣтовыхъ колебаній, производящихъ впечатлѣніе краснаго, оранжеваго и тому подобнаго цвѣтовъ». (Письмо отъ 21 іюля 1876 г.).

Нѣсколько далѣе, кстати сказать, Чернышевскій развиваетъ по

поводу поднятаго имъ вопроса о цвѣтовыхъ впечатлѣніяхъ такую рѣзко матеріалистическую точку зрѣнія, съ которой исчезаетъ разница между объективнымъ и субъективнымъ мірами. Онъ именно продолжаетъ: «Натуралисты напрасно и воображаютъ, будто свѣтовыя колебанія эфира превращаются въ цвѣтовыя впечатлѣнія. Цвѣтовыя впечатлѣнія — это тѣ же колебанія, продолжающія идти по зрительному нерву, доходящія до головного мозга и продолжающія совершаться въ немъ. Превращенія тутъ никакого нѣтъ. Потому нѣтъ и неразрѣшимости въ вопросѣ: какъ происходитъ это превращеніе?—Отвѣтъ простъ: оно не происходитъ никакъ, потому что его нѣтъ; оно—фантастическая гипотеза, противорѣчащая факту и потому фальшивая, долженствующая быть брошенной» (тамъ же). Ясное дѣло, для Чернышевскаго въ этой цитатѣ ощущеніе, по скольку оно въ данномъ случаѣ выражается въ органическомъ различеніи цвѣтовъ, совершенно тожественно съ матеріальнымъ процессомъ и лишь представляетъ какъ бы внутреннюю поверхность того самаго шара, внѣшняя поверхность котораго представляетъ собою движеніе вещества *).

Возвращаясь полтора года спустя (въ письмѣ отъ 9 февраля 1878 г.) снова къ тому же вопросу основного воззрѣнія на міръ, которому Чернышевскій придавалъ, очевидно, громадное значеніе въ смыслѣ дальнѣйшихъ выводовъ, онъ ставитъ точки надъ *i* въ своей матеріалистической теоріи и утверждаетъ, что лишь на ея основѣ можно построить и науку о человѣческомъ обществѣ. Онъ не безъ удовольствія, но и не безъ ироніи, вызываемой у него медленностью развитія здравыхъ идей среди людей науки, цитируетъ тотъ фактъ, что съ недавняго времени большинство ученыхъ стало считать «предисловіемъ къ исторіи человѣчества»: «Астрономическую исторію возникновенія нашей планеты; геологическую исторію земного шара; и исторію развитія того генеалогическаго ряда живыхъ существъ, въ концѣ котораго мы находимъ людей». Самымъ основнымъ обобщеніемъ системы мірозданія является для Чернышевскаго законъ всеобщаго тяготѣнія, формулированный Ньютономъ. А три отдѣла «предисловія», о которыхъ мы только что слышали, связываются для Чернышевскаго съ именами Лапласа въ астрономіи, Лайелля—такъ пишетъ это имя Чернышевскій—въ біологіи, Ламарка въ ученіи о происхожденіи человѣка.

Чернышевскій даетъ тутъ намъ, между прочимъ, любопытное

---

*) Отчасти и тутъ дѣло, пожалуй, лишь въ слишкомъ упрощенной формулировкѣ. Матеріальность ощущенія можно найти и у Фейербаха въ уже цитированныхъ нами афоризмахъ. Напр.: «споръ, или противорѣчіе, между матеріализмомъ и идеализмомъ не есть споръ между матеріей и духомъ, тѣломъ и душой, но между ощущеніемъ и мышленіемъ; ибо ощущеніе совершенно матеріально, какъ утверждали уже древніе. Дѣло идетъ такимъ образомъ лишь о рѣшеніи отношенія между мышленіемъ и ощущеніемъ». См. Karl Grün, l. c., стр. 308.

свидѣтельство о томъ, какъ сравнительно рано у него выработались основные взгляды. Насколько онъ помнитъ, проникновеніе его научнымъ ньютоновскимъ міровоззрѣніемъ произошло у него приблизительно около 30 лѣтъ назадъ (сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда онъ писалъ это письмо). Такимъ образомъ, въ концѣ 40-хъ годовъ, въ возрастѣ 20, или 20 лѣтъ съ небольшимъ, Чернышевскій уже сталъ на ту единственно допустимую, какъ онъ полагаетъ, для разумнаго человѣка точку зрѣнія, которая обладаетъ свойствомъ истинной научности. Вскорѣ послѣ этого ему пришлось познакомиться съ Лапласомъ, Лайеллемъ и Ламаркомъ. И любопытный фактъ: Чернышевскій, этотъ глубоко правдивый человѣкъ, которому нельзя не вѣрить, замѣчаетъ, что, принявшись за изученіе только что упомянутыхъ крупныхъ мыслителей, начиная съ Лапласа, онъ не находилъ въ частныхъ сферахъ изучаемыхъ ими явленій ничего, что собственно казалось бы ему новымъ съ точки зрѣнія усвоеннаго имъ научнаго ньютоновскаго міросозерцанія. Онъ говоритъ: «Я читалъ выводъ за выводомъ, вполнѣ соглашаясь съ каждымъ, строка за строкою, какъ бываетъ при чтеніи мыслей, давно извѣстныхъ читающему и давно признанныхъ имъ за правильныя. А между тѣмъ все тутъ было ново для меня. И, однако жъ, ничего похожаго на обыкновенное впечатлѣніе отъ новыхъ, очень важныхъ знаній не производило это на меня. Я только дивился геніальности Лапласа, сумѣвшаго такъ просто разъяснить такой трудный вопросъ».

Что касается Ляйелля и Ламарка, то,—продолжаетъ Чернышевскій,—«сходство съ тѣмъ, что я говорилъ о моемъ первомъ знакомствѣ съ выводами Лапласа, было въ томъ, что ровно никакой перемѣны въ моихъ понятіяхъ и вещахъ ни Лайелль, ни Ламаркъ не произвели: и отъ нихъ я пріобрѣлъ то же лишь новыя знанія по спеціальнымъ вопросамъ. Разница та, что геологія и Лайелль, это не математика и Лапласъ; я постоянно видѣлъ: «Вотъ эта частность сомнительна; а эта, вѣроятно, ошибочна». И общее впечатлѣніе было: «Такъ; но полнаго разъясненія еще подожду».— То же и о Ламаркѣ.—Я говорю, конечно, лишь о спеціальномъ содержаніи рѣшеній Лайелля и Ламарка. Міровоззрѣніе Ламарка не вполнѣ научное. О Лайеллѣ и толковать нечего: онъ отвергалъ и Лапласа, и Ламарка въ тѣхъ первыхъ изданіяхъ своего великаго труда. Міровоззрѣніе Лапласа, насколько оно извѣстно мнѣ, вполнѣ научное. И я полагаю, что онъ,—большой чудакъ въ своихъ житейскихъ разсужденіяхъ,—никогда не высказывалъ, какъ ученый, никакой ненаучной мысли». Но считаясь съ нѣкоторыми ошибочными воззрѣніями этихъ истинныхъ людей науки, Чернышевскій пропитывался глубоко духомъ ихъ положеній и рано сталъ на ту точку зрѣнія, съ которой не сходилъ, по его признанію, въ теченіе всей жизни и не сойдетъ, опять таки по его признанію, пока у него останется сила мыслить. «Съ 22-хъ лѣтъ,—заключаетъ Чернышев-

скій,—я ужъ не читалъ почти ничего по естествознанію». Дѣло шло для него теперь о распространеніи на нравственныя науки того строго научнаго міросозерцанія, которое пустило глубокіе корни въ его умѣ въ первые же годы сознательной работы его рано созрѣвшей мысли.

Понятно теперь, почему Чернышевскій съ такою рѣзкостью, и почти какъ личныхъ враговъ, разсматриваетъ тѣхъ ученыхъ и тѣ направленія, которые проникнуты сомнѣніемъ въ основныхъ положеніяхъ научной, т. е., въ глазахъ Чернышевскаго, матеріалистической теоріи, и съ какой насмѣшкой онъ относится къ самымъ выдающимся мыслителямъ, которые подвергаютъ критикѣ это міровоззрѣніе.

Для него, напр., общая система мірозданія, какъ она выражается въ ньютоновской формулѣ небесной механики, есть самая подлинная объективная истина. И тѣ мыслители, которые видятъ въ ней лишь гипотезу, претятъ его уму, желающему твердо опираться на это, по его мнѣнію, незыблемое основаніе. Для Чернышевскаго, какъ для Ньютона, пространство является реальною сущностью. И его раздражаютъ попытки философовъ внести субъективность въ этотъ элементъ, входящій въ наши представленія о матеріи. Всякая поправка въ этомъ смыслѣ, всякое субъективное истолкованіе условій пространства представляется ему какъ бы грѣхомъ противъ духа свята, т. е. противъ неоспоримаго суверенитета человѣческаго ума. И онъ необыкновенно рѣзко характеризуетъ взгляды тѣхъ спеціалистовъ по частнымъ научнымъ вопросамъ, которые, молъ, не пройдя школы діалектики, пройденной имъ самимъ, черезъ чуръ ослѣпляются философскими мудрствованіями людей въ родѣ Беркли, Гьюма (Hume,—такъ пишетъ здѣсь Чернышевскій имя Юма) и въ особенности Канта,—«людей очень сильнаго ума по обширности знаній, далеко превосходящихъ наиболѣе образованнаго и энциклопедичнаго ученаго между натуралистами и, главное, людей, глубоко изучившихъ діалектику»... «Мы побесѣдуемъ,—иронически обѣщаетъ Чернышевскій своимъ сыновьямъ, въ письмѣ отъ 1 марта 1878 г.,—«о судьбѣ Ньютоновой гипотезы въ головахъ этихъ жалкихъ простяковъ, втоптанныхъ въ грязь, оплеванныхъ Беркли, Гьюмомъ, и въ особенности Кантомъ, одураченныхъ, наряженныхъ въ арлекинскій костюмъ и гордо щеголяющихъ въ немъ, съ восторгомъ отъ своего ума, своей учености, своего знакомства съ научнымъ міровоззрѣніемъ». И все это по поводу тѣхъ мыслителей, въ родѣ, напр., знаменитаго математика Гауса, которые, будучи крупными спеціалистами въ своихъ областяхъ, воспитывались, однако, подъ вліяніемъ критическаго идеализма, видѣвшаго основаніе аксіомъ лишь въ условіяхъ умственной организаціи человѣка.

Чернышевскій не изъ тѣхъ, кто полагаетъ, что вещи сами по себѣ остаются неизвѣстны человѣку и не могутъ быть никогда познаны имъ. Его вѣра во всемогущество человѣческаго разума без-

гранична. И не то, чтобы онъ высоко ставилъ современное состояніе науки. Но онъ полагаетъ, что нѣтъ предѣловъ познавательному стремленію и способности человѣка; и что поэтому вещь сама по себѣ должна все болѣе и болѣе таять передъ систематическимъ напоромъ научныхъ пріемовъ. Этимъ объясняется и крайне рѣзкое отношеніе Чернышевскаго къ позитивизму, не желающему доходить до конечныхъ причинъ въ своемъ познаніи міра, подъ тѣмъ предлогомъ, что это метафизика. Наоборотъ, по Чернышевскому, метафизикою и будетъ та робкая работа мысли, которая останавливается на полдорогѣ познанія, увѣряя себя, что дальше человѣку идти нельзя. Именно это чувство недовольства положительной философіей подсказываетъ Николаю Гавриловичу страшно рѣзкія строки, въ которыхъ онъ оцѣниваетъ значеніе позитивной школы.

Упомянувъ о дарвинистахъ, которые, по его мнѣнію, бросили въ обращеніе много «гадкихъ» идей о человѣческомъ обществѣ, Чернышевскій продолжаетъ въ уже цитированномъ нами письмѣ отъ 27 апрѣля 1876 года: «Есть другая школа, въ которой гадкаго нѣтъ почти ничего (если не считать глупостей ея основателя, отвергнутыхъ его учениками), но которая очень смѣшна для меня. Это—Огюстъ-Контизмъ (слѣдуетъ уже нѣсколько цитированныхъ нами ранѣе строкъ Н. Р.)... Трудолюбивый Огюстъ Контъ, вообразившій себя геніемъ, размазалъ на шесть томовъ двѣ-три странички, которыя съ давняго времени переписываемы были каждымъ составителемъ руководства къ изученію физики,—переписываемы изъ Локка, въ видѣ предисловія къ трактату. Къ этому прибавилъ Огюстъ Контъ кое-какія мелочи изъ Сенъ-Симона и, отъ собственныхъ силъ, формулу о трехъ состояніяхъ мысли (теологическомъ, метафизическомъ, положительномъ)—формулу совершенно вздорную (правда тутъ лишь въ томъ, что прежде чѣмъ удастся построить гипотезу, сообразную съ истиной, очень часто люди придумываютъ гипотезы неудачныя. Ошибка очень часто предшествуетъ истинѣ—только и всего. А теологическаго періода науки никогда не бывало; метафизика въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее Огюстъ Контъ, тоже вещь никогда не существовавшая). Итакъ, вышло шесть томовъ, очень толстыхъ и скучныхъ. Слѣдовательно—великое научное твореніе—ура! И пошло: «ура»! А въ сущности это какой-то запоздалый выродокъ «Критики чистаго разума», Канта.

«Твореніе Канта объясняется тогдашними обстоятельствами положенія науки въ Германіи. Это была неизбѣжная сдѣлка научной мысли съ ненаучными условіями жизни. Какъ быть! Канту нельзя ставить въ вину, что онъ придумалъ нелѣпость (т. е. даже и не придумалъ, а вычиталъ изъ Юма, котораго,—вотъ смѣхъ-то!—воображаетъ онъ опровергать, перефразируя): надобно же было хоть какъ-нибудь преподавать, хоть что-нибудь не совершенно гадкое.

И онъ рѣшилъ: «Что ложь, и что истина, этого мы не знаемъ и не можемъ знать. Мы знаемъ только наши отношенія къ чему-то неизвѣстному. О неизвѣстномъ не буду говорить: оно неизвѣстно». Но во Франціи, въ половинѣ нынѣшняго вѣка, это—нелѣпая уступка—нелѣпость совершенно излишняя. А Огюстъ Контъ преусердно твердитъ: «Неизвѣстно»,—«неизвѣстно».—Но для мыслителей, которымъ не хочется искать или высказывать истину, это рѣшеніе очень удобное. Въ этомъ и разгадка успѣха системы Огюста Конта».

III.

Таковы философскія основы міровоззрѣнія Чернышевскаго, который, исходя изъ этихъ общихъ положеній, кажущихся ему неоспоримыми, переходитъ отъ общей философской и космологической точки зрѣнія къ нравственнымъ или, если хотите, общественнымъ наукамъ и здѣсь хочетъ примѣнять во всей силѣ выводы изъ своихъ общихъ идей. Тутъ интересно прежде всего его отношеніе къ дарвинизму и дарвиновской борьбѣ за существованіе, въ особенности рѣзко подчеркнутой учениками великаго англійскаго натуралиста.

Чернышевскій, конечно, не думаетъ отрицать принципа измѣняемости видовъ, который составляетъ одинъ изъ двухъ основныхъ элементовъ въ ученіи Дарвина: недаромъ онъ, по его словамъ, уже издавна былъ въ области біологіи ученикомъ Ламарка. Но за то, тѣмъ съ большей энергіей Чернышевскій возстаетъ противъ другого элемента этого ученія, а именно, борьбы за существованіе, какъ главнаго фактора при выработкѣ новыхъ формъ. Противъ этого-то пункта обращаетъ преимущественно свою критику нашъ мыслитель. Онъ начинаетъ съ ироніей (письмо отъ 1 ноября 1873 г.): «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вѣтеръ общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ, а вслѣдъ за тѣмъ и у насъ, повернулся отъ ребяческаго восхищенія техническими новостями,—желѣзными дорогами, электрическими телеграфами,—къ такому же ребяческому восхищенію теоретическими новостями, по преимуществу, происхожденіемъ человѣка отъ «человѣкоподобнаго предка изъ семейства безхвостыхъ обезьянъ», по Дарвину. Новость, дѣйствительно, неслыханная и, въ самомъ дѣлѣ, восхитительная. Волненіе радости и въ цивилизованномъ мірѣ такъ сильно, что брызги залетѣли даже въ Вилюйскъ. Да, меня, какъ человѣка ученаго, спрашивали здѣшніе казаки и даже старухи: «Правда ли, что люди вышли изъ обезьянъ»?—Все это, можетъ быть, такъ и слѣдуетъ по ученому, по выраженію городничаго въ «Ревизорѣ»; я тоже не могу судить объ этомъ, какъ онъ не судилъ о походахъ Александра Македонскаго. Но я былъ молодъ раньше этой моды. И

мысли мои установились раньше ея. Потому, на мой взглядъ, она смѣшна и очень много въ ней нелѣпаго.

«Дарвинъ, конечно, человѣкъ геніальный; а нѣкоторые изъ его послѣдователей, напр., Геккель, тоже. И изъ другихъ нынѣшнихъ знаменитостей, помимо дарвинизма, есть люди геніальные, напримѣръ, хоть Гельмгольцъ; все такъ; и въ сущности дѣла они не ошибаются. Но все, что они дѣлаютъ и находятъ, имѣетъ лишь техническое достоинство: это лишь переработка новыхъ пріобрѣтеній техническаго изслѣдованія по идеямъ, которыя очень стары и лишь были оставляемы въ пренебреженіи въ коротенькій періодъ господства предшествовавшей моды узкаго спеціализма. И, во время нынѣшней моды, еще не явился геній такого размѣра силъ, чтобы сдѣлать на основаніи новыхъ пріобрѣтеній науки то, что было когда то сдѣлано Ньютономъ; нѣтъ даже и такого человѣка, какъ Лапласъ; потому всѣ нынѣшніе двигатели науки часто говорятъ вздоръ, какого постыдились бы не только Лапласъ и Ламаркъ и ихъ современники, но какого не найдешь ни у Спинозы, ни даже у Декарта.

«Напр., бѣдняжка Дарвинъ читаетъ Мальтуса ли, какую ли книжонку во вкусѣ Мальтуса—и, озаренный геніальною мыслью о «благотворныхъ результатахъ» голода и болѣзней, открываетъ Америку: «Организмы совершенствуются борьбой за жизнь». Америка, открытая Мальтусомъ, была открыта, какъ извѣстно, гораздо раньше Мальтуса; въ самой же Америкѣ, напр., Франклиномъ; а въ Европѣ еще Реомюромъ, кажется, сосчитавшимъ, сколько зеренъ икры въ какой то рыбѣ, и разинувшимъ ротъ отъ изумленія, что этихъ зеренъ очень много (а раньше, какъ надобно думать, люди не знали этого; но, по крайней мѣрѣ, раньше того мальчишки забрасывали котятъ и щенятъ въ рѣчку; а то собакъ расплодится столько, что не прокормить намъ ихъ). Всѣ они совершенно правы: и Ванькинъ съ Петькой отецъ и мать, и Реомюръ, и Франклинъ, и Мальтусъ, и Дарвинъ; только не догадался Дарвинъ, что лежитъ въ другихъ «клѣточкахъ большихъ полушарій» его же собственной головы: тамъ, въ клѣточкахъ, гдѣ помѣщаются воспоминанія о медикахъ и медицинскихъ книгахъ, навѣрное лежала и въ его головѣ, какъ во всякой головѣ сколько-нибудь образованнаго человѣка, несомнѣнная научная истина: «Болѣзнь и голодъ оказываютъ вредное вліяніе на организмъ; задерживаютъ его развитіе, если онъ еще въ періодѣ развитія, а во всякомъ періодѣ его жизни дѣлаютъ его худосочнымъ; и пользы отъ нихъ нѣтъ организму никакой, ни въ какомъ отношеніи». Этого не сообразилъ Дарвинъ—и Америка, въ хорошемъ видѣ открытая Мальтусомъ, значительно усовершенствовалась въ передѣлкѣ этого новаго Америго Веспуччи».

И далѣе Чернышевскій дѣлаетъ слѣдующую крайнюю по его мнѣнію, гипотезу, чтобы показать, въ какихъ очень исклю-

чительныхъ случаяхъ только и возможно было бы говорить о благодѣтельности борьбы за существованіе: «Предположимъ два стада «человѣкоподобныхъ предковъ», или лошадей, или хоть «личинокъ асцидій»; одно стадо голодаетъ; другое не голодаетъ; голодающіе погибаютъ; пастбище этого табуна степныхъ лошадей (будемъ говорить о лошадяхъ) осталось пусто; не-голодавшее стадо можетъ свободно занять его; имѣетъ двойной запасъ пищи; поэтому нѣсколько времени живетъ не только въ довольствѣ, какъ прежде, но въ изобиліи, благоденствуетъ. Это время благопріятно улучшенію породы. Таковы единственные случаи пользы отъ голода, болѣзней и всяческой «борьбы за жизнь», — только въ этихъ случаяхъ организмы, которымъ «борьба» оказалась полезна, вовсе и не испытывали никакой «борьбы». Она не касалась ихъ. Итакъ, приписывать ей пользу — нелѣпое выраженіе: она полезна тамъ, гдѣ ея нѣтъ...

«Каковъ бы ни былъ правильный разсчетъ о тѣхъ случаяхъ, они чрезвычайно рѣдки. Обыкновенно голодъ или болѣзнь не щадитъ одного изъ двухъ стадъ, свирѣпствуя въ другомъ. — Степь, одна; въ разныхъ областяхъ ея вліянія одни и тѣ же, разнящіяся только перемѣнчивостью степеней силы. Оба стада голодаютъ, одно побольше, другое поменьше. Насколько страдаетъ переживающее стадо, настолько испортились въ немъ лошади. — У нихъ будетъ изобиліе послѣ? Да. Но считай опять, Саша: организмы испортились на логарифмъ x; впослѣдствіи, они воспользуются отъ изобилія улучшеніемъ на логарифмъ y. Спрашиваю: опредѣлена ли величина x? Нѣтъ. Медицина еще не имѣетъ цифръ (статистика—это куча хлама, негоднаго для математики, ты знаешь это, я полагаю).—Опредѣлена ли величина y? Нѣтъ. Физіологія нормальнаго хода здоровья еще не имѣетъ цифръ. Но какъ быть? Пока нѣтъ точныхъ измѣреній, надобно руководствоваться глазомѣромъ; по глазомѣру, всѣ медики и всѣ физіологи согласны съ убѣжденіемъ всѣхъ неглупыхъ людей: «болѣзнь входитъ пудами, выходитъ золотниками», или: «ложка дегтя портитъ бочку меда». По всей вѣроятности, логаритмъ x несравненно больше логаритма y, т. е.: для уравновѣшенія дурныхъ послѣдствій даже маленькаго недостатка пищи нужно колоссальное количество послѣдующаго избытка пищи. Т. е.: буря сломала лѣсъ; просторъ маленькимъ росткамъ? Да, но жди, когда то еще лѣсъ выростетъ такой же, какъ былъ до бури. А польза отъ бурь лѣсамъ? Никакой, никогда...

«Въ чемъ же сущность ошибки Дарвина и его послѣдователей? Вотъ въ чемъ: спеціальная наука, политическая экономія, получила такое высокое развитіе (черезъ Рикардо и другихъ, но не черезъ Мальтуса), что оказывается способной давать математическія истины въ пособіе естествознанію. Дарвинъ замѣтилъ это. И воспользовался тѣмъ, что понялъ. А догадался ли, что если хочешь пользоваться спеціальной наукой для своей работы, то надобно из-

учить ее?—Нѣтъ, это не пришло ему въ догадку. И вышло то же самое, какъ если бы Адамъ Смитъ принялся писать курсъ зоологіи. Или Адамъ Смитъ зналъ о животныхъ меньше, чѣмъ знаетъ въ политической экономіи человѣкъ, не слыхивавшій о взаимодѣйствіи всѣхъ частей всякаго общества?—Навѣрное, Адамъ Смитъ зналъ больше по зоологіи, чѣмъ такой человѣкъ по политической экономіи. Она говоритъ вотъ что: въ случаѣ голода, непосредственно страдаетъ только нѣкоторая часть націи.—Но купцы выигрываютъ?—Какъ же! Кое какія торговыя сдѣлки (хлѣбомъ) растутъ; но и вся вообще и даже хлѣбная торговля въ частности падаетъ. Всѣ классы страдаютъ, и организмъ каждаго человѣка,—будь онъ богачъ ли, хлѣбный ли спекулянтъ, все равно,—подвергается нѣкоторому худосочію. Пусть самъ онъ не голодалъ; но число больныхъ возрасло; воздухъ испорченъ; и вноситъ вредные результаты голода въ организмъ богача, хоть богачъ и не голодаетъ. И изъ страны голода распространяется это разстройство на всѣ страны, имѣющія хоть какія нибудь отношенія къ ней. — Доли губительнаго вліянія могутъ быть довольно мелкими дробями; но ихъ существованіе математически достовѣрно. — Кромѣ вреда, никакой вредъ не приноситъ ничего никому на земномъ шарѣ.—Дочитайся до этого Дарвинъ, вышло бы не то; вышло бы гораздо ближе къ полной истинѣ, и вмѣсто «борьбы за жизнь» двигающею силой развитія организмовъ вышло бы: «сумма вліяній, благопріятныхъ для жизни этого организма, за вычетомъ суммы вліяній неблагопріятныхъ, въ числѣ которыхъ одно, довольно сильное, есть борьба за жизнь».

Желая углубить эту критику борьбы за существованіе, Чернышевскій возвращается снова къ тому же вопросу въ слѣдующемъ письмѣ отъ 24 ноября 1873 г. Онъ хочетъ анализировать, въ чемъ же собственно заключается понятіе борьбы, и какъ она должна дѣйствовать на развитіе человѣка и всего общества: «...Какимъ же способомъ и когда же возможно, чтобы изъ борьбы съ препятствіемъ результатъ выходилъ лучше, нежели если бы препятствій не было и не было бы ровно никакой борьбы? Никогда ничего такого нелѣпаго не бывало въ дѣйствительности и не могло быть... «Но трудъ полезенъ»—трудъ хорошее дѣло; и очень полезное; но трудъ; а не борьба.—Молоко, хорошая пища; но молоко, а не вода, въ которой разболтана пыль отъ истертаго мѣла; нужды нѣтъ, что глупый человѣкъ не умѣетъ иной разъ отличить эту бѣлую воду отъ молока, все таки она не молоко.

«Трудъ полезенъ. Да. Ну, вотъ, напр., мужикъ пашетъ землю; лошадь порядочная; соха тоже; почва—тоже. Много труда мужику пахать; и пользы будетъ много. Но онъ пашетъ, а не борется.—Вотъ, иное дѣло, если лошадь начнетъ биться, да еще сломаетъ соху и убѣжитъ; тутъ, шла борьба у мужика съ лошадью; выигралъ отъ этого трудъ? Или мужику польза, что лошадь ляг-

нула его? Или сохѣ, что она сломалась? Или лошади, что мужикъ билъ ее, чѣмъ попало, и когда поймаетъ, снова побьетъ?—Увы, никто не выигралъ отъ борьбы: ни лошадь, ни соха, ни мужикъ. А трудъ?—былъ прекращенъ борьбой, и—скоро ли возобновится? — соха сломана; и лошадь — поди, ищи ее, лови. Это называется трата времени, пустая и вредная трата силъ и средствъ къ труду.

«Не съ лошадью полезно бороться мужику, а съ неодушевленной природой»—это какъ же онъ будетъ дѣлать? Будь природа — мальчишка, то можно бы; хоть и неприлично солидному человѣку дурачиться, но въ иную минуту почему и не подурачиться.—«Какъ же, нельзу ему бороться съ природой? Пахать землю это и значитъ бороться съ природой». Т. е., ѣхать по желѣзной дорогѣ въ ваггонѣ значитъ: бороться съ желѣзной дорогой, съ ваггономъ, съ локомотивомъ. Пить молоко, значитъ бороться съ молокомъ?—По здравому разсудку, объ этомъ думаютъ иначе: человѣкъ пользуется желѣзной дорогой и т. д., до молока и до всего, что хорошо во всей природѣ, включительно до воздуха, напр. Или дышать, это борьба съ воздухомъ?

«Но мужикъ пашетъ землю; какъ же не борется?»—Да съ чѣмъ же?—«Съ почвой».—Какъ это? Вотъ, если бы онъ рылъ землю пальцами рукъ, это еще было бы похоже на борьбу: безполезная трата силъ; но землю рѣжетъ соха.—«Ну, соха борется съ природой»—И такъ далѣе; дѣло въ томъ, что эти мудрецы имѣютъ головы, набитыя антропоморфизмомъ: Ахиллесъ борется съ Ахелоемъ, потому что Ахелой, хоть и рѣка, но имѣетъ рога; а рога имѣетъ быкъ; слѣдовательно, рѣка—быкъ, а чищенье конюшенъ Авгія—борьба;—такъ, но съ быкомъ же все таки, а не съ природой. Если рѣка—быкъ, то бороться съ нею можно; но чтобы можно было бороться съ природой, этому не вѣрилъ и слѣпой полудикарь Гомеръ: онъ зналъ, что не только люди, но и Паллада (разумъ) и Зевсъ (человѣческая сила, въ смыслѣ Зевса, отца Паллады) преклоняются безо всякой борьбы передъ Мойрой или Эймарменой: все, что дѣлаютъ и Паллада, мудрость, и Деметра (земледѣліе)—онѣ дѣлаютъ лишь по позволенію «Судьбы» (сумма силъ природы)—въ наше время можно было бы понимать вещи хоть не хуже Гомера».

Обосновавъ взглядъ, что борьба собственно не нужна для нормальнаго развитія общества, Чернышевскій старается устранить нѣкоторыя недоразумѣнія. Онъ припоминаетъ иныя изъ возраженій, какія дѣлались ему еще издавна сторонниками воззрѣній, приписывающихъ прогрессъ благодѣтельному воздѣйствію борьбы. «Къ чему же ведетъ ваша система?»—съ молодости моей говорили мнѣ всѣ такъ называемые прогрессисты всѣхъ сортовъ:—«Къ апатіи? Квіэтизму?».—Къ чему ведетъ истина, все равно: она остается истиной... О, эти прогрессисты—умные люди. Одна бѣда имъ и отъ нихъ: глупцы напишутъ глупости; они—не потрудятся вникнуть въ

дѣло, а перепишутъ все сплошь, замѣняя, напр., аскетическіе термины механическими, или консервативные эпитеты—прогрессивными, или наоборотъ: прогрессивные термины,—если писавшій воображалъ себя прогрессистомъ,—то консервативными въ переписываніи глупою рукою воображаемаго консерватора»...

Здѣсь, впрочемъ, мы переходимъ уже въ область практической философіи, выводовъ изъ теоріи, о чемъ рѣчь пойдетъ у насъ ниже.Пока мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ между ламаркіанствомъ и дарвинизмомъ, опять-таки не для того, чтобы оправдывать Чернышевскаго въ его отрицательномъ отношеніи къ геніальному англійскому натуралисту, а для того, чтобы показать читателямъ, что споръ между учениками Ламарка и учениками Дарвина еще далеко не конченъ, и что въ самомъ предпочтеніи ламаркіанства дарвинизму нѣтъ въ сущности еще ничего чудовищнаго и наивнаго. Намъ, дѣйствительно, приходилось нерѣдко слышать, что ламаркіанство Чернышевскаго, какъ оно, напр., выразилось позже, въ его статьѣ о «Происхожденіи теоріи благотворности борьбы за жизнь» (помѣщенной въ «Русской Мысли» за 1888 годъ; см. второй отдѣлъ части II, т. X. «Собр. соч.», стр. 16 и слѣд.) не дѣлаетъ чести Николаю Гавриловичу и показываетъ его крайне поверхностныя знанія въ области естественныхъ наукъ. Но читайте эту статью, и вы увидите, что если авторъ «Происхожденія видовъ», несомнѣнно, не пользовался симпатіями Чернышевскаго, который даже страннымъ образомъ уменьшаетъ значеніе великаго обобщающаго генія Дарвина, то съ другой стороны, критика Чернышевскаго била въ значительной степени прямо въ точку, когда сближала одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ дарвинизма, а именно ученіе о борьбѣ за существованіе, съ реакціоннымъ соціологическимъ міровоззрѣніемъ Мальтуса, которое Николай Гавриловичъ выводилъ изъ общественныхъ условій Англіи и вообще Западной Европы въ моментъ составленія «Трактата о принципѣ размноженія населенія». А мы знаемъ изъ самого Дарвина, что послѣдній связалъ отдѣльныя части намѣчавшагося у него взгляда на видоизмѣненіе организмовъ цементомъ пессимистическихъ идей, вдохновлявшихъ Мальтуса.

Что дарвинизмъ in statu nascenti,—въ своемъ первоначальномъ формированіи,—не отклонялся очень далеко отъ ламаркіанства, видно опять таки изъ признаніи самого Дарвина. Въ самомъ дѣлѣ, поставимъ себѣ вопросъ: чѣмъ же, главнымъ образомъ, отличаются обѣ доктрины? И та и другая исходятъ изъ факта видоизмѣненія организмовъ подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Но Ламаркъ во вкусѣ широко прогрессивнаго міровоззрѣнія 18-го вѣка, отразившагося, напр., во взглядахъ геніальнаго Дидро, придавалъ громадное значеніе упражненію извѣстныхъ способностей, «функціи», для выработки того или иного «органа» и вообще ставилъ эволюцію организмовъ въ тѣсную связь съ вліяніемъ непо-

средственныхъ внѣшнихъ условій, измѣненіе которыхъ могло воздѣйствовать, въ теченіе индивидуальной жизни организма, на его особенности и передаваться по наслѣдству. Дарвинъ же перенесъ центръ тяжести на борьбу за существованіе между организмами, на борьбу, въ результатѣ которой «случайно»' прокидывающіяся особенности, полезныя въ томъ или иномъ отношеніи живому организму, обусловливали выживаніе наиболѣе приспособленныхъ и, путемъ мелкихъ измѣненій, переходили къ ихъ потомкамъ, и т. д.

Крайне знаменательно, что еще въ 1837 г., т. е. ровно за годъ до того, какъ чтеніе Мальтуса сыграло для Дарвина роль откровенія, роль падающаго яблока въ извѣстномъ анекдотѣ о Ньютонѣ, будущій создатель новой теоріи колебался относительно того, чему нужно приписать подмѣченную имъ измѣняемость организмовъ и искалъ ея причинъ главнымъ образомъ во внѣшнихъ условіяхъ жизни, совершенно во вкусѣ Ламарка, — котораго онъ, однако, въ то время еще не читалъ. И лишь впослѣдствіи, на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ, въ особенности подъ вліяніемъ создавшейся уже вокругъ него школы дарвинистовъ, онъ считалъ нужнымъ все рѣзче и рѣзче подчеркивать разницу своихъ взглядовъ со взглядами ставшаго ему въ то время извѣстнымъ Ламарка. Въ его письмахъ къ Ляйеллю, бывшему его близкимъ другомъ, слышится въ этомъ отгораживаніи даже нѣкоторое нетерпѣніе. И онъ не пропускаетъ почти ни одного случая, чтобы не напомнить Ляйеллю, что современной біологіи нечего дѣлать съ мистическимъ, какъ ему казалось, взглядомъ Ламарка на силу приспособленія къ средѣ, свойственную организмамъ.

И что же? Въ третій и послѣдній періодъ своей жизни Дарвинъ со свойственной ему правдивостью вѣчно ищущей мысли уже снова не колеблется придавать все большее и большее значеніе внѣшнему воздѣйствію условій среды на организмы, воздѣйствію, которое, въ кульминаціонный періодъ развитія его ученія, черезчуръ оттѣснялось у Дарвина на задній планъ принципомъ борьбы за существованіе, получавшимъ у него значеніе наиглавнѣйшаго фактора въ эволюціи жизненныхъ формъ. Когда Морицъ Вагнеръ въ своей интересной работѣ о «Дарвиновской теоріи и законѣ переселенія организмовъ (Moritz Wagner, «Die Darwin'sche Theorie und das Migrationsgesetz der Organismen»; Лейпцигъ, 1868), указалъ на слѣдствія жизни организмовъ въ географически изолированныхъ мѣстностяхъ, то великій натуралистъ съ большимъ интересомъ сталъ вдумываться въ вопросы, поднятые нѣмецкимъ ученымъ, и, нѣсколько лѣтъ спустя, въ возникшей у него перепискѣ съ авторомъ упомянутой работы, сдѣлалъ даже замѣчательное признаніе, которое въ сущности клонилось къ реабилитаціи нѣкоторыхъ взглядовъ ламаркіанства. Въ письмѣ, посланномъ Вагнеру въ октябрѣ 1876 г., онъ выражается такъ: «По моему мнѣнію, величайшая ошибка, которую я совершилъ, заключалась въ томъ, что я не при-

далъ достаточнаго вѣса прямому дѣйствію среды, т. е. пищи, климата и пр., независимо отъ естественнаго отбора. Возникшимъ этимъ путемъ видоизмѣненіямъ, которыя ни выгодны, ни невыгодны измѣнившемуся организму, можетъ особенно благопріятствовать, какъ я теперь вижу, преимущественно изъ вашихъ наблюденій, изолированіе видовъ на небольшомъ пространствѣ, гдѣ немногіе индивидуумы жили при приблизительно одинаковыхъ условіяхъ. Когда я писалъ «Происхожденіе видовъ», и еще нѣсколько лѣтъ спустя, я могъ найти мало хорошихъ примѣровъ прямого дѣйствія среды; а теперь этихъ примѣровъ значительное количество, и вашъ случай съ сатурніей (Saturnia, родъ бабочекъ-шелкопрядовъ, извѣстныхъ въ зоологіи способностью къ образованію многочисленныхъ искусственныхъ помѣсей. Н. Р.) одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, о какомъ я слышалъ» (Цитирую по недавней очень интересной статьѣ князя Кропоткина «Теорія эволюціи и взаимопомощь»,—«The Theory of Evolution and Mutual Aid», помѣщенной въ январскомъ нумерѣ 1910 г. англійскаго «The Nineteenth Century», стр. 103).

Съ другой стороны, еще въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, Спенсеръ (не говоря уже о Ляйеллѣ) развивалъ мысли, отражавшія вліяніе идей Ламарка, а съ 1864 г., эпохи появленія своихъ «Основаній біологіи», неоднократно велъ полемику противъ взгляда на единоспасающее значеніе естественнаго отбора на почвѣ борьбы за существованіе, какъ единственнаго фактора эволюціи видовъ. И если мы обратимъ вниманіе на тѣ оргіи, которыя справляло, въ продолжительномъ спорѣ между Спенсеромъ и Вейсманомъ, подъ перомъ послѣдняго ученіе о механизмѣ передачи извѣстныхъ видовыхъ признаковъ лишь на этой почвѣ естественнаго отбора и борьбы за существованіе (въ его теоріи «зародышевой плазмы»), то легко понять то отрицательное отношеніе, какое въ свою очередь ламаркіанцы обнаружили къ узкому дарвинизму. Въ Америкѣ, со второй половины 60-хъ годовъ, выросла цѣлая школа біологовъ, которая, не гипнотизируясь ошибками и наивностями «Зоологической философіи» Ламарка, стала энергично возвращаться къ нѣкоторымъ основнымъ воззрѣніямъ геніальнаго француза. Въ особенности Копъ (Cope, работа котораго о «Происхожденіи родовъ»,—Origin of Genera»,—появилась въ 1866 г.) подчеркнулъ въ области біологическихъ видоизмѣненій значеніе прямого воздѣйствія среды на ряду какъ съ упражненіемъ, такъ и съ біологической, если можно такъ выразиться, ржавчиной органовъ.

Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробности ученаго диспута, который до сихъ поръ еще не законченъ между школой Дарвина и школой Ламарка, мы ограничимся тѣмъ, что представимъ современное взаимное положеніе обѣихъ научныхъ партій, какъ оно рисуется въ изображеніи популярной, но серьезной работы о «Теоріяхъ эволюціи», недавно появившейся во Франціи и при-

надлежащей перу извѣстнаго біолога, Ива Делажа, и нашей соотечественницы, г-жи Маріи Гольдсмитъ: «Какой же изъ двухъ лагерей біологовъ, неодарвинистскій или неоламаркіанскій, преобладаетъ, повидимому, въ настоящее время? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Можетъ быть, мы не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что біологи, которые называютъ себя неоламаркіанцами, менѣе многочисленны, чѣмъ тѣ, которые исключительно опираются на дарвинистскія идеи. Но тѣмъ не менѣе ламаркіанская тенденція прогрессируетъ и проникаетъ даже въ среду тѣхъ, кто называетъ себя ея противниками. Если бы произвести, такъ сказать, оффиціальную перепись дарвинистовъ и ламаркіанцевъ, то послѣдніе покажутся пока въ меньшемъ числѣ по сравненію съ первыми, но, по нашему мнѣнію, добрая доля тѣхъ, кто идетъ подъ знаменемъ дарвинизма, представляетъ въ сущности стыдливыхъ ламаркіанцевъ (Yves Delage et M. Goldsmith, «Les théories de l'évolution»; Парижъ, 1909, стр. 251—252).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что отнестись презрительно къ Чернышевскому на томъ только основаніи, что онъ предпочиталъ ламаркіанскія идеи дарвинистскимъ, было бы не совсѣмъ научнымъ пріемомъ. И придется сказать, что рѣзкая критика Чернышевскимъ принципа борьбы за существованіе, какъ опредѣляющаго почти исключительно эволюцію индивидуумовъ и прогрессъ человѣческихъ обществъ, именно въ послѣднія десятилѣтія встрѣчаетъ опору въ критикѣ біологовъ и соціологовъ, которыхъ отнюдь нельзя причислить къ разряду ничтожествъ. Но, повторяемъ, наше дѣло не въ томъ, чтобы оправдывать, или извинять Чернышевскаго. Мы хотѣли лишь этимъ краткимъ отступленіемъ въ область теорій эволюціи показать читателю, что русскій мыслитель зналъ, о чемъ говорилъ, когда изъ глубины Сибири вооружался противъ примѣненія ученія Дарвина въ его односторонней заостренности къ прогрессу организмовъ и человѣческихъ обществъ.

IV.

Изъ того, что Чернышевскій рѣзко отвергаетъ теорію благодѣтельности борьбы за существованіе, въ особенности въ приложеніи къ человѣческому общежитію, не слѣдуетъ, чтобы онъ объяснялъ человѣческую исторію господствомъ принципа самоотверженія. Николай Гавриловичъ и въ Сибири оставался убѣжденнымъ утилитаристомъ и полагалъ, что его главный учитель, Фейербахъ, далъ вѣрное понятіе относительно мотивовъ мыслей и дѣйствій человѣка. Истолковывая, въ качествѣ типичнаго интеллектуалиста, своего любимаго автора нѣсколько черезчуръ на разсудочный ладъ, и уменьшая значеніе альтруистическихъ чувствъ сравнительно съ той ролью, какую она играетъ у Фейербаха въ формѣ туизма,

Чернышевскій повсюду, гдѣ могъ, выдвигалъ теорію разумнаго эгоизма.

Этотъ взглядъ на побудительные мотивы дѣйствій людей и на Фейербаха, какъ творца такого ученія, очень рельефно выражается въ письмахъ Чернышевскаго, относящихся къ 1877 г. Въ письмѣ отъ 11 апрѣля, Чернышевскій, по поводу исторической роли іезуитовъ, считаетъ нужнымъ для сыновей «изложить общія понятія о качествахъ человѣческой натуры, о степени ея способности къ безкорыстной любви. Есть много людей, способныхъ безкорыстно любить или другого человѣка, или какую нибудь «идею»,—напримѣръ науку, или искусство, или что нибудь такое. Но хоть этихъ людей и много, все таки они—отдѣльныя, исключительныя явленія, и никогда, никакъ не могли составить изъ себя никакой корпораціи. Какъ начинается подбираніе членовъ корпораціи,—какова бы ни была разборчивость подбирающихъ, масса членовъ корпораціи оказывается состоящею изъ дюжинныхъ людей, для которыхъ высшіе интересы—своекорыстные интересы. Это происходитъ отъ двухъ главныхъ причинъ. Выбирающее лицо—человѣкъ; т. е., существо легко ошибающееся. А предметъ выбора—масса людей. Дистиллируй, какъ хочешь, но чистаго спирта изъ водки не получишь. А дистиллировать людей, какъ водку, нельзя. Берите какое хотите ученое общество; масса его — люди, для которыхъ наука—пустяки. Берите какое хотите благотворительное общество. Масса его—люди очень равнодушные къ пользѣ людей.

«Это слишкомъ коротко и, кромѣ того, высказано въ слишкомъ плохихъ выраженіяхъ, по моей неспособности писать хорошо. Но если вы хотите имѣть понятіе о томъ, что такое, по моему мнѣнію, человѣческая природа, узнавайте это изъ единственнаго мыслителя нашего столѣтія, у котораго были совершенно вѣрныя, по моему, понятія о вещахъ. Это—Людвигъ Фейербахъ. Вотъ уже 15 лѣтъ, я не перечитывалъ его. И раньше того, много лѣтъ уже не имѣлъ досуга много читать его. И теперь, конечно, забылъ почти все, что зналъ изъ него. Но, въ молодости, я зналъ цѣлыя страницы изъ него наизустъ. И, сколько могу судить, по моимъ потускнѣвшимъ воспоминаніямъ о немъ, остаюсь вѣрнымъ послѣдователемъ его.

«Онъ устарѣлъ?—Онъ устарѣетъ, когда явится другой мыслитель такой силы. Когда онъ явился, то устарѣлъ Спиноза. Но прошло болѣе полутораста лѣтъ, прежде чѣмъ явился достойный преемникъ Спинозѣ.

«Не говоря о нынѣшней знаменитой мелюзгѣ, въ родѣ Дарвина, Милля, Герберта Спенсера и т. д.,—тѣмъ менѣе говоря о глупцахъ, подобныхъ Огюсту Конту, — ни Локкъ, ни Гьюмъ, ни Кантъ, ни Гольбахъ, ни Фихте, ни Гегель не имѣли такой силы мысли, какъ Спиноза. И, до появленія Фейербаха, надобно

было учиться понимать вещи у Спинозы,—устарѣлаго ли, или нѣтъ, напр., въ началѣ нынѣшняго вѣка, но все равно: единственнаго надежнаго учителя.—Таково теперь положеніе Фейербаха: хорошъ ли онъ, или плохъ, это какъ угодно; но онъ безо всякаго сравненія лучше всѣхъ.

«Спеціальнымъ образомъ, онъ успѣлъ разработать лишь одну часть своего міросозерцанія; ту часть философіи, которая относится къ религіи. Обо всемъ остальномъ у него попадаются лишь дѣлаемыя мимоходомъ, краткія замѣтки. Къ тому частному вопросу, о которомъ говорю я, — къ вопросу о мотивахъ человѣческой дѣятельности,—относится у Фейербаха одно изъ примѣчаній къ его «Лекціямъ о религіи», «Vorlesungen über das Wesen der Religion». Эти замѣтки собраны въ одну группу послѣ текста лекцій.

«Моя ошибка въ моей маленькой трактаціи о іезуитахъ состояла въ томъ, что я забылъ упомянуть: никакая корпорація, никогда, не служила безкорыстно никакому дѣлу; всякая корпорація, всегда, ставила выше всякихъ своихъ практическихъ стремленій на чужую пользу и выше всякихъ своихъ теоретическихъ убѣжденій собственные интересы.

«Объ Аѳинскомъ Ареопагѣ наши свѣдѣнія слишкомъ отрывочны. Послѣ него, самою благородною, самою умною, самою преданною общему благу, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ корпорацій былъ Римскій Сенатъ,—отъ начала достовѣрной исторіи Рима, — предположимъ, отъ временъ войны съ Пирромъ Эпирскимъ до начала гнусностей, погубившихъ Римъ,—положимъ, до временъ разрушенія Картагена и Коринта. Переберите же исторію Рима за эти наилучшіе его годы, положимъ, за періодъ только въ 150 лѣтъ изо всѣхъ вѣковъ жизни Рима. Вы увидите, что и въ самый благородный періодъ, самая благородная изъ всѣхъ хорошо извѣстныхъ намъ корпорацій усердно служила отечеству лишь въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ интересы отечества были (или, въ подобныхъ вещахъ все равно: казались ей) совпадающими съ ея собственными интересами».

Такъ какъ Чернышевскій указываетъ здѣсь на Фейербаха, а именно на «одно изъ примѣчаній» къ «Лекціямъ о религіи», то мы считаемъ нужнымъ процитировать наиболѣе выдающіяся мѣста изъ того примѣчанія, которое онъ долженъ былъ имѣть въ виду. Такимъ можетъ быть только примѣчаніе второе, представляющее собою длинную монографію о значеніи эгоизма и объ опредѣленіи этого чувства: «Тѣ естественныя ноги, на которыхъ опираются и ходятъ мораль и право, есть любовь къ жизни, интересъ, эгоизмъ... Различіе между правомъ и несправедливостью, между добромъ и зломъ... существуетъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуетъ различіе между я и ты. Ибо только это различіе есть источникъ морали и права. Если мой эгоизмъ позволяетъ мнѣ воровство, то эгоизмъ

другого человѣка строго на строго воспретитъ его; если я самъ по себѣ не знаю и ничего не хочу знать о безкорыстіи, то все же своекорыстіе другихъ будетъ постоянно проповѣдывать мнѣ добродѣтель безкорыстія... короче сказать: если мнѣ безразлично, добръ ли я или золъ, то это не будетъ никогда безразлично эгоизму другихъ. Ибо кто до сихъ поръ управлялъ государствами? Богъ? Ахъ, боги управляютъ лишь въ небѣ фантазіи, но не на грѣшной почвѣ дѣйствительности. Кто же, стало быть? Лишь эгоизмъ, но, конечно, не простой эгоизмъ, а эгоизмъ дуалистическій, эгоизмъ, который изобрѣлъ для себя небо, а для другихъ адъ, для себя матеріализмъ, а для другихъ идеализмъ, для себя свободу, для другихъ рабство, для себя наслажденіе, для другихъ отреченіе... Не только тотъ ограниченный эгоизмъ, къ которому обыкновенно и примѣняютъ это имя, но который представляетъ собою лишь единственный, хотя и вульгарнѣйшій родъ эгоизма, а тотъ эгоизмъ, который заключаетъ въ себѣ столько же родовъ и видовъ, сколько, есть вообще родовъ и видовъ человѣческаго существа, ибо существуетъ не одинъ только единичный или индивидуальный эгоизмъ, но и эгоизмъ соціальный, эгоизмъ семейный, эгоизмъ корпоративный, эгоизмъ общинный, эгоизмъ патріотическій. Конечно, эгоизмъ есть причина всякаго зла, но онъ же есть причина всякаго добра. Ибо кто другой, какъ не эгоизмъ, создалъ земледѣліе, создалъ торговлю, создалъ науки и искусства? Да, конечно, онъ причина всѣхъ пороковъ. Но онъ же и причина всѣхъ добродѣтелей. Ибо кто создалъ добродѣтель честности? Эгоизмъ, путемъ запрещенія воровства. Кто создалъ добродѣтель цѣломудрія? Эгоизмъ, который не хочетъ дѣлиться предметомъ любви своей съ другими, путемъ запрещенія прелюбодѣянія. Кто создалъ добродѣтель правдивости? Эгоизмъ, который не хочетъ, чтобы ему лгали и его обманывали, путемъ воспрещенія лжи. Такимъ образомъ, эгоизмъ является первымъ законодателемъ и виновникомъ добродѣтели, хотя бы только лишь изъ-за вражды къ пороку, изъ-за эгоизма, лишь изъ-за того, что для него является зломъ то, чтó для меня представляетъ порокъ, какъ и наоборотъ, чтó для меня является отрицаніемъ, то для другого является утвержденіемъ его эгоизма, и чтó для меня является добродѣтелью, то для него благодѣяніемъ» («Vorlesungen über das Wesen der Religion»; Лейпцигъ, 1851, т. VIII «Ludwig Feuerbach sämmtliche Werke», стр. 392—393).

Для полноты впечатлѣнія мы должны процитировать здѣсь еще другое примѣчаніе Фейербаха къ тѣмъ же лекціямъ, а именно дополненіе къ примѣчанію 27-му, въ которомъ ярко характеризуется личность человѣка, какъ нѣчто цѣльное, состоящее не только изъ однихъ грубо матеріальныхъ, но и болѣе возвышенныхъ духовныхъ интересовъ, и могущее подавлять одни свои стремленія другими не менѣе реальными, хотя и болѣе высокими стремленіями, причемъ авторъ не сходитъ ни на минуту съ точки зрѣнія этого

философскаго эгоизма человѣческой личности,—ибо это опять таки есть точка зрѣнія нашего Чернышевскаго. Итакъ: «когда я борюсь съ какою-нибудь склонностью, то развѣ та сила, при помощи которой я борюсь съ нею, не является въ такой же степени одною изъ силъ моей индивидуальности, какъ моя склонность—другою силою другого рода? Голова, сѣдалище разума, есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ брюхо, сѣдалище матеріальныхъ стремленій и потребностей. Но развѣ мое существо простирается снизу лишь до пупка, а не доходитъ до головы? Развѣ только содержаніе моего брюха составляетъ содержаніе моей индивидуальности? Развѣ въ головѣ я не являюсь больше своимъ я? Развѣ наоборотъ именно здѣсь я не представляю свое настоящее я? Развѣ мышленіе не есть индивидуальная дѣятельность, «индивидуальное состояніе»? Почему же въ такомъ случаѣ оно напрягаетъ всѣ силы моего существа? Развѣ голова мыслителя, т. е. человѣка, который дѣлаетъ индивидуальную дѣятельность мышленія своей главной и характеристической задачей, не отличается отъ немыслящей головы? Думаете ли вы, г. профессоръ (проф. Шаллеръ, съ которымъ здѣсь полемизируетъ Фейербахъ. Н. Р.), что Фихте философствовалъ, а Гёте писалъ стихи, а Рафаэль рисовалъ наперекоръ своей индивидуальной склонности?» (Ibid., стр. 451).

Возвратимся теперь снова къ Чернышевскому. Какъ же, при отрицаніи борьбы за существованіе, но при сохраненіи принципа человѣческаго эгоизма перейти къ требованію общественнаго строя, удовлетворяющаго нормальной потребности людей? Этотъ посредствующій переходъ, этотъ мостъ Чернышевскій видитъ въ постепенномъ распространеніи знаній о дѣйствительности, о томъ, что существуетъ реально. Благодаря этому знанію, человѣкъ, по его мнѣнію, хоть мало-по-малу, но приходитъ къ убѣжденію въ томъ, что польза другихъ людей означаетъ и его собственную пользу. А отсюда получается у нашего мыслителя бодрый и оптимистичный взглядъ какъ на увеличеніе счастья каждаго человѣка, такъ и на ростъ благосостоянія всего общества. Мы видѣли раньше, что Чернышевскій отмѣчалъ въ самыхъ лучшихъ и высоко организованныхъ корпораціяхъ склонность удовлетворять общественнымъ интересамъ лишь въ томъ случаѣ, когда эти интересы совпадаютъ съ собственными интересами данныхъ корпорацій. Но сейчасъ же онъ продолжаетъ: «Что изъ того слѣдуетъ? Мрачный ли взглядъ на вещи, какъ у большинства послѣдователей Дарвина, или еще хуже, у этого новомоднаго осла Гартмана, пережевывающаго жвачку... Шеллинга, побывавшую послѣ того у... Шопенгауера, отъ котораго Гартманъ и воспринялъ ее? Хандра, это не наука. Глупость, это не наука. Изъ того, что у массы людей слабы всѣ интересы, кромѣ узкихъ своекорыстныхъ, слѣдуетъ только то, что человѣкъ существо довольно слабое. Новости въ этомъ мало. И унывать отъ этого намъ ужъ намъ поздно. Слѣдовало бы, по Гартману и по

ученикамъ Дарвина, прійти въ отчаяніе всѣмъ нашимъ предкамъ, которые признали себя, первые, людьми, а не обезьянами. Имъ слѣдовало бы отчаяться, побѣжать къ морю, и утопиться. Но и они не были ужъ такъ глупы, чтобъ сдѣлать такую пошлость. Они,—хоть на половину еще орангутанги,—все-таки ужъ разсудили: «Мы плоховаты, правда; но все-таки, не все же въ насъ дурно. Поживемъ, будемъ соображать, будемъ понемножку становиться лучшими и получше умѣть жить». Такъ оно, вообще говоря, и сбылось: много паденій испытало развитіе добрыхъ и разумныхъ элементовъ человѣческой природы. Но все-таки, мы получше тѣхъ обезьянъ. Будемъ жить, трудиться, мыслить,—и будемъ, понемножку, дѣлаться сами лучше, и лучше устраивать нашу жизнь».

Съ точки зрѣнія этого общаго оптимизма, не закрывающаго однако глаза на реальныя проявленія зла, Чернышевскій и даетъ свое объясненіе соціальной динамики, изслѣдуя, въ чемъ же состоитъ развитіе человѣчества, что ему препятствуетъ и что ему помогаетъ. Говоря, что онъ заимствовалъ у Фейербаха «спокойный и свѣтлый взглядъ» на общее теченіе вещей, Чернышевскій такъ развиваетъ свою мысль (все въ томъ же письмѣ отъ 11 апрѣля): «Никакія пошлости, въ родѣ гадкой дѣятельности іезуитскаго ордена, не смущаютъ моихъ мыслей. Все это лишь очень мелкіе дурные результаты великой силы зла, передъ которой ничтожны они; а эта сила зла—невѣжество людей, и сумма происходящихъ отъ неумѣнія жить обыкновенныхъ человѣческихъ слабостей и дурныхъ склонностей. Іезуиты и всѣ другіе гадкіе люди—ничтожество. Но это сила зла, живущая, больше или меньше, въ каждомъ изъ людей,—она велика. И всѣ отдѣльныя, эффектныя ея проявленія маловажны сравнительно съ постояннымъ тихимъ всеобщимъ дѣйствованіемъ ея. А изъ отдѣльныхъ, эффектныхъ ея проявленій, сравнительно важны не такіе кукольные спектакли, какъ фокусничаніе іезуитовъ, а такіе факты, какъ подавленіе культуры всей Западной Азіи и Россіи, а на востокѣ—культуры Китая полчищами Джингизъ-Хана.—Или, вернемся въ Римъ. Злодѣй и мерзавецъ Марій надѣваетъ маску друга плебеевъ, и одурачивши невѣждъ, разгоряченныхъ завистью къ богатымъ, подавляетъ Римъ. Сулла надѣваетъ маску защитника людей, страдающихъ отъ злодѣя Марія, и налагаетъ на родину другое ярмо. И, съ ихъ легкой руки, начинается исторія злодѣйствъ, ведущихъ къ тому, о чемъ писалъ Тацитъ. Вотъ это было великое дѣйствіе для всего рода человѣческаго, подавленіе всего честнаго и добраго, что начинало прививаться отъ Греціи къ Риму».

Чернышевскій, описывая трудный, но отнюдь не безнадежный путь развитія общества въ нормальномъ направленіи, подчеркиваетъ въ особенности то будничное, повседневное дѣйствіе зла, которое выражается въ невѣжествѣ и часто даетъ возможность этой хронической болѣзни человѣчества переходить въ острые недуги

войнъ и не во время поднимаемыхъ возстаній, этого нераціональнаго примѣненія силы (о чемъ подробно мы будемъ еще говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ).

«Отдѣльныя эффектныя проявленія силы зла, вродѣ опустошеній, произведенныхъ Джингизъ-Ханомъ, лишь маленькая доля той массы бѣдствій, которую производитъ тихое,—повидимому, не особенно дурное,—дѣйствованіе обыкновенныхъ слабостей и пороковъ обыкновенныхъ недурныхъ людей... Сами по себѣ менѣе важныя, эффектныя проявленія зла были бы невозможны, если бы дорога для нихъ не была устилаема удобными для ихъ шествія коврами изъ этихъ повидимому не особенно ужасныхъ пороковъ недурныхъ людей. Напримѣръ, были бы невозможны Марій и Сулла, если бы Римскій Сенатъ не поддался «благородному честолюбію» и «похвальному патріотизму» Катона Старшаго, требовавшаго разрушенія Картагена, и если бы Тиберій и Кай Гракхъ не научили,—отчасти своими собственными излишними горячностями, отчасти своимъ паденіемъ,—не научили римскихъ сенаторовъ дѣйствовать на форумѣ дубинами и оружіемъ. На Тиберіѣ и Каіѣ Гракхахъ, Марій и Сулла выучились понимать: лишь бы какъ нибудь довести вооруженную организованную силу до форума,—а подавить форумъ ужъ нетрудная вещь. Кто же первые виновники погибели Рима?—Катонъ Старшій,—человѣкъ правда, дурной (хорошимъ воображаютъ его по ошибкѣ), человѣкъ дурной, но не хуже, а всетаки лучше большинства; и Гракхи, люди дѣйствительно благородные, желавшіе блага Риму. И толпа римлянъ, трусовъ и завистниковъ богачамъ, но вообще людей далеко не трусливаго, какъ вы знаете, характера; люди храбрые были они; такой храброй націи нѣтъ, я полагаю, ни одной въ наше время. Но всетаки они были люди; и потому былъ въ нихъ элементъ трусости. И они покинули Гракховъ. И тѣмъ погубили себя. А Гракхи?—На какую поддержку они разсчитывали? Развѣ Тиберій Гракхъ не былъ подъ Нуманціею? Развѣ не могъ онъ тамъ понять, способны ли защитить его эти милые ему плебеи, которые, цѣлыми громадными арміями, бѣгали отъ горсти нумантійцевъ? Куда же онъ лѣзъ со своими замашками силою одолѣть оптиматовъ? Гдѣ была его сила? Гдѣ могла она быть? Это было ослѣпленіе, едва ли извинительное даже глупцу. А онъ былъ геніальный человѣкъ. Но человѣкъ. И элементъ умственной слабости былъ въ немъ. И погубилъ его. И его паденіемъ расчищена была дорога для Маріевъ и Суллъ.

«Беремъ тотъ другой примѣръ, погибель Китая, Западной Азіи, Россіи отъ полчищъ Джингизъ-Хана. Китайцы ссорились между собою. Обыкновенная человѣческая слабость. Но, безъ нея, развѣ проникъ бы Джингизъ-Ханъ въ Китай?—Китайцы задавили бы его на границѣ, какъ много разъ прогоняли его предмѣстниковъ.—Еще яснѣе ходъ дѣла на Западѣ.—Жители Маверранегра (Трансоксіаны. Н. Р.) увлеклись обыкновенною человѣческою слабостью по-

корить сосѣдовъ. И покорили. Но обезсилили тѣмъ и покоренныхъ сосѣдовъ и самихъ себя. Пышности стало много въ Маверранегрѣ, а прежней серьезной силы стало гораздо поменьше прежняго. И легко стало Джингизъ-Хану прихлопнуть всѣхъ ихъ вмѣстѣ и побѣдителей и побѣжденныхъ.

«Итакъ: въ сущности, всѣ гадкія эффектныя дѣла сводятся въ разрядъ мелочей, разыгрывающихся съ эффектомъ только вслѣдствіе обыкновенной дѣятельности обыкновенныхъ слабостей массы недурныхъ людей. Эта основная сила зла, дѣйствительно, громадна. Но что же изъ того для нашего міровоззрѣнія?—Выбивался же, понемножку, разумъ людей изъ-подъ ига ихъ слабостей и пороковъ, и, силою разума, улучшались же, понемножку, люди; даже въ тѣ времена, когда были еще наполовину обезьянами. Тѣмъ меньше мы имѣемъ права мрачно смотрѣть на людей теперь, когда они все-таки ужъ гораздо разумнѣе и добрѣе, чѣмъ горилла и орангъ-утангъ. Понемножку, мы учимся. И научаемся, понемножку, быть добрыми и жить разсудительно. Тихо идетъ это дѣло?—Да, но мы существа очень слабыя. Честь нашимъ предкамъ и за то, что они дошли и довели насъ хоть до тѣхъ результатовъ труда, которыми пользуемся мы. Наши потомки отдадутъ намъ ту же справедливость; скажутъ о насъ: «Они были существа слабыя, но все-таки не вовсе безъ успѣха трудились на свою и нашу пользу».

Для того, чтобы покончить съ этимъ очень важнымъ рядомъ общихъ мыслей Чернышевскаго относительно характера и пружинъ человѣческаго развитія, мы сопоставимъ съ уже приведенными цитатами еще два типичныхъ мѣста, которыя, несмотря на ихъ нѣсколько частный характеръ, удобнѣе разсмотрѣть и уяснить здѣсь. Въ прошлой статьѣ мы говорили о коротенькомъ письмѣ Чернышевскаго къ сыну, котораго онъ извѣщалъ относительно полученія имъ книги князя Васильчикова «Землевладѣніе и земледѣліе». Если припомнитъ читатель, Чернышевскій, воздавая должное и содержанію сочиненія, и благородству самого автора, говорилъ однако, что предметъ книги потерялъ интересъ для него. Вотъ какъ, болѣе подробно, онъ объясняетъ такое свое отношеніе: «За третью изъ нихъ (книгъ, посланныхъ сыномъ Чернышевскому въ 1877 г., Н. Р.) въ особенности много благодаренъ тебѣ, что присылка ея—дѣло заботливости твоей выбрать книгу именно по моему вкусу. Такъ. Но прости за невѣжливую прибавку: это очень давній мой вкусъ, и давно онъ прошелъ у меня. Эти предметы перестали занимать меня. Я увидѣлъ, что они мелочны. Важность не въ этихъ спеціальностяхъ, а въ общемъ характерѣ обычаевъ. У дикарей, какъ ни устраивай какую нибудь сторону быта, бытъ будетъ все таки плохой. У народовъ, желающихъ жить, какъ живутъ люди, а не дикія животныя, всякій частный недостатокъ бытового устройства исправляется безъ большихъ хлопотъ собственно о его испра-

вленіи. Итакъ, все сводится къ вопросамъ не матеріальнаго, а нравственнаго порядка». (Письмо отъ 15 іюня 1877 г.).

Другая цитата, на которую мы просимъ читателей обратить вниманіе, слѣдующая: «Изо всѣхъ книгъ, какія читывалъ я, только у Людвига Фейербаха не находилъ я глупостей. Фейербахъ не былъ то, что называютъ прогрессистомъ, и къ тому, что дѣлается на свѣтѣ, оставался безучастенъ; въ этомъ отношеніи, любопытенъ его отвѣтъ на упреки Revue des Deux Mondes за его холодность къ прогрессу; этотъ отвѣтъ найдешь ты, если еще не читалъ, въ предисловіи къ его Лекціямъ о религіи—«Vorlesungen über das Wesen der Religion»—отдѣльный томъ, а не маленькая статья похожаго заглавія: «На свѣтѣ дѣлаются чудеса», говоритъ онъ:—«я, не вѣрю въ чудеса; потому, сижу дома; не могу участвовать въ совершеніи чудесъ, т. е., чудесъ нелѣпости, которая провозглашаетъ себя прогрессивнымъ образомъ мыслей и всяческими благородными именами.—Я всегда былъ человѣкомъ, смѣявшимся надъ прогрессистами всякихъ сортовъ». (Изъ цитированнаго уже нами письма отъ 24 ноября 1873 г.).

Мы считаемъ необходимымъ для уясненія взглядовъ Чернышевскаго привести здѣсь то мѣсто предисловія къ «Лекціямъ» Фейербаха, на которое намекаетъ Чернышевскій. Дѣло въ томъ, что не безызвѣстный въ свое время умѣренно-либеральный писатель, Сэнъ-Рене Тайлландье (Taillandier) въ своихъ этюдахъ, посвященныхъ исторіи мартовской революціи 1848 г. въ Германіи (печатавшихся сначала въ «Revue des Deux Mondes», затѣмъ вышедшихъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Etudes sur la révolution en Allemagne»; Парижъ, 1853, въ трехъ томахъ) упоминалъ, между прочимъ, и о Фейербахѣ, котораго онъ упрекалъ въ индифферентизмѣ, обнаруженномъ этимъ безстрашнымъ мыслителемъ въ политической области. Фейербахъ воспользовался этимъ поводомъ, чтобы сдѣлать общее замѣчаніе о своемъ отношеніи къ только что подавленному освободительному движенію родной страны. Онъ пишетъ, говоря о своихъ лекціяхъ по религіи: «Эти лекціи были единственнымъ выраженіемъ моей общественной дѣятельности въ такъ называемую революціонную пору. Во всѣхъ, какъ политическихъ, такъ и неполитическихъ движеніяхъ и преніяхъ того времени, при которыхъ я присутствовалъ, я участвовалъ лишь какъ критическій зритель и слушатель, и на томъ простомъ основаніи, что я не могу принимать никакого дѣятельнаго участія въ безрезультатныхъ и, слѣдовательно, безсмысленныхъ предпріятіяхъ; а я уже въ началѣ всѣхъ этихъ движеній и преній заранѣе предвидѣлъ или, во всякомъ случаѣ, предчувствовалъ ихъ исходъ. Одинъ извѣстный французъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: почему же я не участвовалъ въ революціонномъ движеніи 48 года? Я отвѣчалъ: г. Тайлландье! Если снова вспыхнетъ революція, и я приму въ ней дѣятельное участіе, то тогда вы можете, къ ужасу вашей вѣрующей

въ Бога души, быть увѣреннымъ, что эта революція будетъ побѣдоносной, что то наступилъ страшный судъ монархіи и іерархіи. Къ сожалѣнію, этой революціи я не увижу въ живыхъ. Однако, я принимаю дѣятельное участіе въ великой и побѣдоносной революціи, истинныя слѣдствія и результаты которой развертываются лишь въ теченіе столѣтій; ибо знайте, г. Тайлландье, согласно моему ученію, которое не признаетъ никакихъ боговъ и, слѣдовательно, никакихъ чудесъ въ области политики, согласно моему ученію, о которомъ вы ровно ничего не знаете и непонимаете, хотя и принимаетесь судить меня вмѣсто того, чтобы изучать, пространство и время суть основныя условія всякаго бытія и существа, всякаго мышленія и дѣйствія, всякаго успѣха и удачи. Не потому, что у парламента не было вѣры въ божество, какъ утверждалось смѣшнымъ образомъ, въ Баварскомъ рейхсратѣ—большинство, по крайней мѣрѣ, вѣровало въ Бога, а провидѣніе руководится мнѣніемъ большинства,—но потому, что у парламента не было ни малѣйшаго пониманія мѣста и времени, потому онъ и воспріялъ столь позорный, столь безрезультатный конецъ.

«Мартовская революція была въ общемъ все же дѣтищемъ, хотя и незаконнымъ, христіанской вѣры... Конституціоналисты вѣрили, что стоитъ только божеству сказать: да будетъ свобода! да будетъ право! и бысть право, и бысть свобода. А республиканцы вѣрили, что достаточно только желать республики, чтобы уже вызвать ее къ жизни; т. е вѣрили въ твореніе scilicet республики изъ ничего. Тѣ переносили на область политики чудотворныя слова, а эти чудотворныя дѣла. Но знайте же, г. Тайлландье, по крайней мѣрѣ, хоть то обо мнѣ, что я абсолютно невѣрующій. Какъ же вы можете ставить въ связь мой духъ съ духомъ парламента, мою сущность съ сущностью мартовской революціи»? («Vorlesungen», стр. 6—8 «Предисловія», passim).

Сопоставляя различныя приведенныя нами здѣсь цитаты изъ Чернышевскаго и его любимаго писателя, мы считаемъ нужнымъ объяснить ихъ общій смыслъ. Чернышевскій въ области соціологіи и въ Сибири остался тѣмъ интеллектуалистомъ, тѣмъ человѣкомъ удивительно яснаго разума, приписывающимъ разуму же и главное мѣсто въ развитіи человѣчества, какимъ онъ былъ въ Россіи. Но за то другая сторона его личности, выражавшаяся въ его благородномъ чувствѣ и въ его энергичномъ характерѣ, подсказывавшемъ ему мысль дѣятельно вмѣшиваться въ ходъ исторіи даже тогда, когда его анализирующій разсудокъ указывалъ ему на сравнительно малую результатность такой дѣятельности, — эта сторона все больше и больше отступала по необходимости на задній планъ у Чернышевскаго, затеряннаго въ тундрахъ, вдали отъ общества и единомышленниковъ. Въ міросозерцаніи знаменитаго соціалиста, по моему мнѣнію, есть много сократическаго: Чернышевскій нѣкоторыми

сторонами довольно сильно напоминаетъ мнѣ Сократа, разумѣется, насколько возможно то при измѣнившихся обстоятельствахъ эпохи и обстановки. У Чернышевскаго съ Сократомъ является общимъ почти полное отожествленіе разума съ добродѣтелью, истины съ добромъ. У него съ Сократомъ является общей и увѣренность въ томъ, что стоитъ только человѣку понять надлежащимъ образомъ истину, и онъ станетъ на путь добродѣтели, на путь того, что должно дѣлать, чтобы приносить благо людямъ; ибо люди злы, лишь по незнанію, и потому, пріобрѣтая знаніе, развивая умъ, не могутъ не дѣлаться добродѣтельными. У Чернышевскаго съ Сократомъ общею была и та мысль, что ходъ дѣлъ въ мірѣ портится господствомъ неосмысленныхъ разумомъ порывовъ, желаній и потребностей; и что всеустрояющій разумъ имѣетъ своею задачею побѣждать или, лучше сказать, уяснять эти безсознательные порывы и инстинкты и замѣнять ихъ сознательной, разумной и, стало быть, доброй дѣятельностью.

Но, какъ у Сократа, этотъ общій взглядъ на вещи, придававшій черезчуръ исключительную роль интеллектуальному процессу человѣка, смягчался и исправлялся личнымъ величіемъ души и характера. Чернышевскій видѣлъ въ свое время въ Россіи, что условія общественной жизни крайне препятствовали нормальному развитію общества и народа. И, тѣмъ не менѣе, зная всю трудность такого положенія, Чернышевскій считалъ нужнымъ дѣятельно участвовать въ измѣненіи этого строя, хотя и предвидѣлъ свою гибель. Именно эта личная сторона возвышенности духа и энергіи воли вносила и въ теорію Чернышевскаго нѣкоторыя существенныя поправки, которыя отнимали черезчуръ интеллектуальный характеръ у его пониманія исторіи. Я не буду подробно повторять то, что я уже развивалъ нѣсколько разъ раньше. Позволю себѣ цитировать лишь одно-два мѣста изъ своихъ прежнихъ работъ. «Николай Гавриловичъ,—говорилъ я, напр., характеризуя его личность,—былъ слишкомъ проницательнымъ умомъ, чтобы не видѣть въ Россіи 60-хъ годовъ слабость и неподготовленность демократическихъ элементовъ для того рѣшительнаго столкновенія съ старымъ строемъ, въ результатѣ котораго великая страна могла бы стать на путь могучаго соціальнаго прогресса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ настолько человѣкомъ идеи, что, перебравъ возможности такого столкновенія, и признавъ, что другого исхода изъ исторической коллизіи не было, а нѣкоторые шансы на торжество существовали, онъ безповоротно остановилъ свой выборъ на активномъ вмѣшательствѣ въ ходъ событій... Отнынѣ разсудокъ уступалъ мѣсто энергіи воли и лишь сохранялъ за собою право ясно замѣчать тѣ препятствія, какія лежали на пути къ достиженію цѣли. И здѣсь величіе, здѣсь трагизмъ личности Чернышевскаго, который со второй половины 1861 г. не могъ не видѣть торжества крѣпчающей реакціи, равно

какъ сильной вѣроятности пораженія демократической партіи и своей собственной гибели, но твердо шелъ въ разъ принятомъ направленіи» («Соціалисты Запада и Россіи»; Спб., изд. 2-е, 1909 г., стр. 294—295).

Тамъ же я показалъ, что, въ послѣдніе мѣсяцы жизни на волѣ, у Чернышевскаго, какъ можно было видѣть, между прочимъ, изъ его непропущенной тогда цензурою статьи «Письма безъ адреса», этотъ скептицизмъ даже замѣтно уменьшался, и возрастала вѣра въ возможность успѣха при условіи дружнаго и рѣшительнаго нападенія всѣхъ элементовъ соціальнаго прогресса на правительство и дворянскій классъ. Повидимому, въ эти минуты, и самъ увлеченный ростомъ непримиримой оппозиціи, онъ съ большею вѣрою разсчитывалъ на результатность дѣятельности иниціативныхъ людей изъ интеллигенціи и революціонное настроеніе массъ, недовольныхъ реформой 19 февраля, исковерканной въ угоду помѣщичьимъ интересамъ.

Такимъ образомъ, свѣтлый умъ Чернышевскаго, черезчуръ объективируя свои особенности въ человѣческой исторіи, преувеличивалъ значеніе разсудочныхъ формъ созиданія лучшаго будущаго. Но его же благородная натура, полная энергичной любви къ ближнему, позволяла ему понимать и роль чувства, роль аффективныхъ порывовъ въ человѣчествѣ, которое въ сущности никогда не совершало великихъ дѣлъ безъ того, чтобы не отдаться могучему коллективному чувству. Я опять таки уже неоднократно говорилъ объ этомъ. Позволю привести себѣ еще одну цитату изъ замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ иностраннаго обозрѣнія Чернышевскаго, появившагося въ «Современникѣ» за октябрь 1859 г.: «Если большинство бываетъ виновно въ томъ, что историческія дѣла бросаются обыкновенно, не будучи додѣланы, какъ слѣдуетъ, то предводители большинства еще чаще бываютъ виновны въ томъ, что дѣло подавляется въ самомъ своемъ зародышѣ гораздо прежде, чѣмъ большинство успѣло бы охладѣть къ нему. Великіе люди едва ли не потому только и бываютъ великими людьми, что спѣшатъ ковать желѣзо, пока оно горячо; умѣютъ не терять дней, пока обстоятельства благопріятствуютъ дѣлу. Но извѣстно, что не можетъ ковать желѣзо тотъ, кто боится потревожить сонныхъ людей стукомъ. Только энергія можетъ вести къ успѣху, хотя бы къ половинному, если полнаго успѣха почти никогда не даетъ исторія; а энергія состоитъ въ томъ, чтобы не колеблясь принимать такія мѣры, какія нужны для успѣха.

«И Суворовъ, и Наполеонъ, да и всѣ великіе полководцы, начиная съ Александра Македонскаго, о которомъ такъ пылко говорилъ уѣздный учитель у Гоголя, извѣстны тѣмъ, что не жалѣли жертвъ для одержанія побѣды: ихъ сраженія были вообще страшно кровопролитны... Рѣшайтесь, прежде чѣмъ начнете войну, не жалѣть людей; а если хотите жалѣть ихъ, то не слѣдуетъ вамъ и

начинать войну. Что о войнѣ, то же самое надобно сказать и о всѣхъ историческихъ дѣлахъ: если вы боитесь или отвращаетесь отъ тѣхъ мѣръ, которыхъ потребуетъ дѣло, то и не принимайтесь за него и не берите на себя отвѣтственности руководить имъ, потому что вы только испортите дѣло... Кто не хочетъ средствъ, тотъ долженъ отвергать и дѣло, которое не можетъ обойтись безъ этихъ средствъ. Кто не хочетъ волновать народъ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанныя съ возбужденіемъ народныхъ страстей, тотъ не долженъ и брать на себя веденія дѣла, поддержкою котораго можетъ служить только одушевленіе массы» («Собр. Соч.», т. V, стр. 407, 408).

Въ лучшую пору своей дѣятельности, когда Чернышевскій чувствовалъ себя связаннымъ прочными нитями съ лучшими людьми прогресса, онъ неоднократно, — хотя и интеллектуалистъ, — указывалъ на значеніе энтузіазма и коллективнаго порыва въ дѣлѣ прогресса. Наиболѣе крупныя соціальныя реформы могли, по его мнѣнію, осуществляться только тогда, когда онѣ поддерживались великимъ общественнымъ возбужденіемъ. Эта точка зрѣнія въ ту пору ослабляла всемогущество умственнаго принципа, прилагавшагося Чернышевскимъ къ общему ходу исторіи. Ослабляла, но никогда совершенно не парализовала, такъ какъ его любимая мысль о значеніи распространенія здравыхъ понятій и о цѣлесообразномъ накопленіи силъ прогресса была лейтмотивомъ его теоретическихъ соображеній и практическихъ выводовъ. Въ своихъ «Соціалистахъ» я цитировалъ два характерныхъ въ этомъ отношеніи мѣста изъ «Пролога» Чернышевскаго. Одно мѣсто говорило, по поводу республиканскихъ возстаній при Людовикѣ-Филиппѣ, о неразумности такихъ пріемовъ: по мнѣнію Чернышевскаго, врагамъ режима надо было бы лишь продолжать копить силы, ибо, почуявъ растущую силу, правительство само собою пошло бы на капитуляцію. И Чернышевскій жестоко бичевалъ это «нетерпѣніе», эти «иллюзіи», эту «экзальтацію» («Собр. Соч.», т. X, ч. I, 45 стр.). Другое мѣсто относилось уже къ самой Россіи конца 50-хъ годовъ: тутъ Чернышевскій рѣзко отзывался о стремленіяхъ благодушной русской оппозиціи освободить крестьянъ, не имѣя на то силъ (Ibid., стр. 91).

А когда Чернышевскій былъ волею историческаго фатума, неподготовленностью русскаго народа и дряблостью общества заброшенъ въ далекую тайгу, лишенъ оживляющей опоры лучшихъ людей, и не имѣлъ возможности прилагать свою великую силу ума къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ, то эта интеллектуальная точка зрѣнія на вещи взяла рѣшительный верхъ. Мы видѣли, какъ общій оптимизмъ Чернышевскаго въ сущности опирался на своеобразное пессимистически-снисходительное отношеніе къ громадному большинству человѣчества. Отнюдь не считая себя сторонникомъ борьбы за существованіе, Чернышевскій, однако, указывалъ на сильное препятствіе нормальному общественному развитію, пре-

пятствіе, полагаемое будничнымъ, но необыкновенно могущественнымъ вліяніемъ человѣческихъ слабостей и пороковъ, по его мнѣнію, обусловливавшихся коренной причиной зла, а именно невѣжествомъ. Подъ этимъ угломъ зрѣнія нравственный порывъ, энтузіазмъ коллективнаго творчества совершенно терялъ свое значеніе. И въ представленіи Чернышевскаго съ новой силой возставала задача распространять, безъ конца распространять здравыя идеи между людьми о нормальныхъ человѣческихъ потребностяхъ и насквозь пропитывать невѣжественныхъ, но способныхъ къ воспріятію разумныхъ понятій людей раціональными воззрѣніями на общество. Можно даже сказать, что здѣсь чисто личная исторія самого Чернышевскаго въ значительной степени вліяла и на заостренность его теоретическаго интеллектуализма въ Сибири.

Н. С. Русановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СКАЗКА ВЕСЕННЯГО ДНЯ.

I.

Въ первый разъ мысль о смерти пришла такъ: утромъ деньщикъ подалъ холодный кофе и ничего не сказалъ, когда Овсянниковъ далъ ему за это въ морду. Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, онъ говорилъ что-нибудь несуразное, глупое, но на этотъ разъ промолчалъ. Въ маленькихъ, сощуренныхъ глазкахъ мелькнуло что-то новое, враждебное, и человѣкъ вышелъ изъ комнаты, держась за покраснѣвшую щеку.

Овсянниковъ остался одинъ. Въ стаканъ отъ кофе упала муха и безпомощно барахтались на днѣ. А потомъ съ трудомъ подплыла къ стѣнкѣ и поползла по мокрому стеклу. Овсянниковъ слѣдилъ за ея порывистыми, судорожными движеніями и загадалъ: вылѣзетъ, или нѣтъ. И почему-то подумалъ, что если выползетъ, то Вѣрочка Шубнова согласится быть его женой, и тогда начнется новая странная жизнь съ красивой женщиной, жизнь, полная неясныхъ, туманныхъ стремленій и еще чего-то, о чемъ Овсянниковъ когда то читалъ.

Но, когда муха была уже почти на самомъ верху, она сорвалась и опять упала на дно. И снова приходилось начать тяжелую, невѣрную работу борьбы со смертью, полную всякихъ непредвидѣнныхъ случайностей и неразсчитанныхъ силъ. И тогда Овсянникову страстно вдругъ захотѣлось, чтобы муха выползла, и, стараясь самъ не замѣчать, онъ принялся помогать ей: подставилъ палецъ. Муха съ минуту поколебалась, но потомъ поползла по пальцу, и Овсянникову было непріятно чувствовать холодное, осклизлое прикосновеніе. А потомъ онъ сбросилъ муху на столъ и сталъ разсматривать ее. Ничего особеннаго. Такъ, простая муха, одна изъ тѣхъ, которыя уже начинали жужжать въ комнатѣ и раздражали Овсянникова. Глупо было придавать ей какой то особенный смыслъ.

И нелѣпо было предположить, что Вѣрочка Шубнова станетъ его женой.

И, совершенно неожиданно для самого себя, онъ придушилъ муху пальцемъ. Опять противно, грязно. И, отбросивъ въ сторону лежавшій передъ нимъ комочекъ грязи, Овсянниковъ всталъ, прошелся по комнатѣ и подошелъ къ окну.

Настроеніе было скверное.

Стоя у окна, Овсянниковъ барабанилъ по стеклу пальцами и старался вспомнить мотивъ, который игралъ недавно на бульварѣ итальянскій оркестръ. Но это ему не удавалось. Легкая, прозрачная музыка тонкой паутиной стлалась въ мозгу Овсянникова, но не шла въ плѣнъ. Не поймаешь. И досадно было, хотѣлось вспомнить затерявшійся мотивъ, который такъ понравился Овсянникову и наполнилъ его въ тотъ вечеръ такой тихой и нѣжной грустью. Хотѣлось положить тогда голову на плечо любимой женщины, хотѣлось плакать неясными, тихими слезами о затаенной печали, о какой-то далекой и старой обидѣ, которую нельзя ничѣмъ смыть.

Но ничего не выходило.

Барабанили толстые пальцы съ обкусанными ногтями, и все было не то. Чужими казались неуклюжіе пальцы, и Овсянниковъ сталъ ихъ разсматривать, словно видѣлъ въ первый разъ.

Эти пальцы его. Часть тѣла. Часть того, что называется Овсянниковымъ, служитъ поручикомъ въ армейскомъ полку и каждый день играетъ въ карты. И служитъ давно, и играетъ давно.

А на пальцахъ были красные, грязноватые ногти, которые онъ тщательно обкусывалъ, и это тоже уже было давно.

Родился человѣкъ и съ нимъ ногти. Жилъ человѣкъ и откусывалъ ногти и сплевывалъ ихъ. И нѣтъ слѣда этихъ потерянныхъ ногтей, и нѣтъ до нихъ дѣла никому, даже самому Овсянникову. Но они были частью его тѣла, частью того, что жило и думало, и никто больше не знаетъ про нихъ, словно ихъ и не было. Это уже была смерть.

И, подумавши о смерти, онъ удивился, такъ какъ прежде никогда не думалъ о ней, и теперь эта мысль пришла въ первый разъ. Значитъ, придетъ время, когда не будетъ его, Овсянникова, и выплюнетъ его жизнь, какъ онъ выплевывалъ ногти, и потеря для міра будетъ не больше, чѣмъ отъ этихъ ногтей. За что же это?

Было странно и нелѣпо предположить, что онъ, Овсянниковъ, можетъ умереть, просто умереть, какъ всѣ люди. Когда умиралъ кто-нибудь знакомый, Овсянниковъ молча считался съ совершившимся фактомъ, но самая мысль смерти не волновала его. Вѣдь каждый день въ газетѣ бываютъ похоронныя объявленія на ряду съ замѣтками о сдачѣ квар-

тиръ, о распродажахъ суконныхъ товаровъ, о самомъ дѣйствительнѣйшемъ средствѣ противъ перхоти и выпаденія волосъ. Равнодушно встрѣчалъ блуждающій взглядъ Овсянникова объявленіе, перебѣгалъ съ одного на другое, но черныя буквы, похожія одна на другую, не говорили ничего. Въ глазахъ рябило отъ множества буквъ, и одинаково безшумно уползали изъ мозга случайныя слова, мало осмысленныя. Самому же встрѣчаться со смертью не приходилось.

Былъ случай, когда могла подойти смерть, но и онъ прошелъ какъ-то незамѣтно, спокойно, и ничего не случилось. Ѣхали товарищи добровольцами на войну и звали съ собой, но Овсянниковъ не поѣхалъ изъ лѣни: не хотѣлось мѣнять заведенныхъ привычекъ и подвергать себя случайностямъ и неудобствамъ. И, когда появилось извѣщеніе о смерти товарищей и служились по нимъ панихиды въ полку, Овсянниковъ ходилъ въ церковь, становился, какъ и всѣ, на колѣни, но дѣлалъ это машинально и заученно, точно исполнялъ еще одинъ ружейный пріемъ, и въ душѣ его не шевелилось ничего.

Но теперь мысль пришла просто, неожиданно и, главное, нелѣпо; безсмысленно-обидной показалась жизнь. Значитъ и онъ, Овсянниковъ. И будутъ служить панихиды, и дьячекъ будетъ читать заупокойнымъ, тягучимъ голосомъ заученныя слова.

Поднималась тоска. Неясная, безпричинная, она шла откуда-то и туманила мозгъ. Поднималась струйками, какъ муть въ стаканѣ, которую размѣшали ложечкой. И хотѣлось придти къ кому-нибудь любящему и ласковому, подѣлиться нежданнымъ и страшнымъ открытіемъ, что не будетъ Овсянникова, хотѣлось жалости, сочувствія, чужихъ утѣшающихъ слезъ...

Вѣрочка Шубнова...

Если бы придти къ ней, стать на колѣни и говорить, долго говорить безнадежными словами. Вѣчно говорить. Пойметъ ли она? И какъ рѣшиться говорить съ ней?

...А потомъ похоронятъ. Просто понесутъ и закопаютъ, какъ въ прошломъ году Мишеева, поручика ихъ полка. Кто теперь говоритъ о Мишеевѣ? Гдѣ-то на землѣ есть мѣсто, гдѣ похороненъ онъ, и Овсянниковъ помнилъ это мѣсто: если пойти по средней аллеѣ кладбища до самой часовни, то надо потомъ свернуть налѣво. У самой стѣны.

За дверью кто-то возился. Вѣроятно, деньщикъ. Сегодня утромъ что-то вышло съ нимъ. Ахъ, да, побилъ его. Ну, это не бѣда. Пусть привыкаетъ.

— Степанъ!

Вошелъ и сталъ у притолоки. Смотритъ въ землю. Щека уже не красная. Значитъ, не сильно.

Тоска подступаетъ къ горлу. Хочется плакать и просить прощенія.

— Степанъ!

Что за глупости! Сантиментальная дѣвчонка.. Но все таки сказалъ:

— Ты, Степанъ, не очень того. Я, такъ сказать, не думалъ...

И самому противнымъ показался свой голосъ. Ну, дальше, дальше что? Побилъ, ну такъ побилъ, не въ первый, не въ послѣдній. На то и деньщикъ. И при чемъ тутъ: такъ сказать? Противно, глупо...

— Пошелъ вонъ!..

II.

На улицѣ Овсянниковъ взглянулъ на небо, и настроеніе сдѣлалось лучше.

Ползли бѣлые, туго согнанные, барашки, задѣвали другъ друга курчавыми изгибами, а между ними сквозилъ голубой атласъ. И казалось Овсянникову, что это большая географическая карта, и бѣлымъ была отмѣчена земля на безконечно голубомъ. Дулъ тихій вѣтеръ, плелъ причудливые узоры, и непрестанно мѣнялись очертанія, и было похоже на то, что проходила въ минуту исторія вѣковъ. Мѣнялись формы, мѣнялась жизнь.

Равнодушно и непреклонно врѣзалось голубое въ бѣлую массу, и тамъ, гдѣ была земля, становился безпредѣльный голубой просторъ. И погибала жизнь. И снова сливались гдѣ-то дальше два разорванныхъ облака и давали начало новому міру, и было неизвѣстно: зародится ли на немъ жизнь или же неодухотвореннымъ будетъ безцѣльно продолжать свой путь въ безграничности времени.

А сквозь облака иногда выглядывало солнце, и тогда Овсянникову казалось, что они свѣтятся извнутри. Такъ свѣтятся иногда маленькіе дѣтскіе фонарики, длинной лентой развѣшенные вдоль аллеи тѣнистаго сада, гдѣ пахнетъ липами и душистыми, пьяными цвѣтами, гдѣ готовится праздникъ и ждутъ гостей. Тамъ думаютъ о счастьи, о радостныхъ встрѣчахъ, поются пѣсни и ждутъ гостей.

Исчезало облако, таяло въ поцѣлуѣ солнца. И гасли фонарики, завядали цвѣты, и безслѣдно уже ушла минута опьянительной встрѣчи. Нѣтъ больше шума и веселаго пѣнія. И нѣтъ гостей...

Овсянниковъ взглянулъ на небо, зажмурилъ глаза отъ солнца, но не перешелъ въ тѣнь. Оттуда улица казалась иной, обыденной, простой и скучной, какъ всегда. А здѣсь

въ освѣщенной лентѣ двигались люди, и золотило солнце волосы женщинъ и бросало на нихъ огненную пыль. И та, которая казалась раньше некрасивой и незамѣтной, покрывалась налетомъ румянца, и говорилъ этотъ огонь весенняго дня о радостяхъ жизни, и была надѣта лживая маска счастья на будничное лицо.

Овсянникову казалось, что всѣ люди надѣли маски, обманчивыя маски весеннихъ настроенiй, чтобы казались добрыми и веселыми ихъ лица, на которыхъ застыла послѣдняя судорога вѣчной тоски. Хотѣлось вѣрить этимъ маскамъ, хотѣлось вѣрить въ безпредѣльную радость встрѣчныхъ людей, вѣрить въ ихъ счастье, думать о своемъ счастьи возможномъ и непремѣнномъ, о томъ, что жизнь у тебя удачная, особенная, что есть у него любимая женщина, которая будетъ покрывать тебя поцѣлуями и приносить цвѣты.

Вдыхая теплый весеннiй воздухъ, Овсянниковъ прiободрился. Впечатлѣнiе утра таяло постепенно и уступало мѣсто солнечному дню. Намекъ о смерти, который такъ глупо и неожиданно вползъ въ его мысли, исчезъ куда то, словно его и не было, и, глядя на свои руки, Овсянниковъ больше не думалъ о смерти. Руки не казались болѣе чужими и странными, и вполнѣ естественно было видѣть на нихъ обкусанные ногти: когда то давно были у него маленькiя заржавленныя ножницы, но деньщикъ потерялъ ихъ. Теперь онъ вынулъ изъ кармана пару поношенныхъ бѣлыхъ перчатокъ и надѣлъ ихъ... Остановился передъ витриной магазина, сдѣлалъ видъ, что разсматриваетъ вещи, и когда толстое оконное стекло отразило его, остался доволенъ собой. Въ стеклѣ появилась фигура въ сѣрой шинели съ блестящими пуговицами и золотыми погонами на плечахъ. И стоялъ онъ, словно пронзенный лучами солнца. Горѣло ослѣпительно золото на платьѣ и наполняло его существо гордостью и особенной тихой печалью. Становилось жаль людей. Простыми и незамѣтными казались ему встрѣчные мужчины, и отъ сознанiя своего превосходства у Овсянникова даже появилось къ нимъ чувство какой то брезгливый жалости: у нихъ не было блестящихъ отъ солнца эполетъ и пуговицъ, и не сидѣла на нихъ такъ ухарски фуражка, сдвинутая на бекрень.

Всѣ женщины, сколько ихъ есть, должны непремѣнно смотрѣть на него. Ему казалось, что онъ чувствуетъ себя центромъ ихъ напряженнаго вниманiя и только дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ ихъ.

И, снисходительно чувствуя себя выше этихъ людей, шелъ Овсянниковъ по ослѣпительно свѣтлой улицѣ, и казалось ему, что часть этого свѣта исходитъ отъ него. Сощурилъ

глаза, когда попадалъ въ нихъ яркій снопъ свѣта, и подумалъ, что если сдвинуть брови надъ переносицей, то это придастъ ему особенный, сосредоточенно-умный видъ.

И если онъ теперь встрѣтитъ Вѣрочку Шубнову...

Каждый день, проходя по главной улицѣ, Овсянниковъ ждалъ этой встрѣчи. Каждый день бродилъ онъ по шумной улицѣ и впитывалъ въ себя острое возбужденіе толпы. Въ ушахъ мѣшались звуки голосовъ, обрывки недослышанныхъ разговоровъ, и гдѣ-то въ глубинѣ кричала мысль: „сегодня!" И если ему удавалось-таки встрѣтить Вѣрочку, онъ понималъ, что это о ней кричала мысль. Для нея онъ ходилъ все свободное время по улицѣ и сторожилъ среди тысячи незнакомыхъ лицъ. Но когда встрѣчалъ ее, и почему-то всегда самымъ неожиданнымъ образомъ,—онъ избѣгалъ смотрѣть въ ея золотистые глаза и неловко, даже не раскланявшись, проходилъ мимо. Нельзя. Вѣдь удивилась бы Вѣрочка, если бы ей поклонился этотъ незнакомый смѣшной офицеръ, всегда небритый и неряшливо одѣтый.

И проходилъ мимо.

А день получалъ новый особенный смыслъ. Среди масокъ онъ встрѣтилъ женщину. Сорвана тайна, обнажено лицо. Возможна жизнь. Они незнакомы, но развѣ это что-нибудь значитъ? Вѣдь бываютъ такіе странные, необъяснимые случаи, когда...

Нужно только рѣшиться. Нужно только умѣть пожелать. Сорвать маску съ лѣнивой мысли и обнажить плѣснѣющій мозгъ. Ясной, чистой струей смѣлости освѣжить коснѣющую волю и пожелать. Нужно только свободно и твердо пожелать. Тогда будетъ... Все будетъ...

Но онъ не умѣлъ желать и не подходилъ къ Вѣрочкѣ. И не старался даже познакомиться съ нею.

И когда сегодня опять встрѣтился съ ней, такъ просто встрѣтился, словно это было условлено между ними, то не сказалъ ничего. Быстро и неловко прошелъ мимо и не посмотрѣлъ въ лицо. И только кончикъ уха, такой нѣжный и прозрачно-розовый,—сказалъ Овсянникову, что Вѣрочка молода и хороша собой, что это для нея одной свѣтитъ теперь солнце и говоритъ кто-то тихимъ голосомъ о чарахъ весенняго дня.

А когда Вѣрочка прошла и скрылась за поворотомъ улицы, на солнце набѣжало облако, и потухло все. Лица стали простыми и скучными, и Овсянниковъ не чувствовалъ себя больше особеннымъ и страннымъ, а такимъ, какъ всегда: въ тѣни шелъ, слегка сгорбившись, сѣрый поручикъ въ потертомъ пальто, и тоскливо болталась внизу шинели оторванная пуговица.

III.

У входа въ ресторанъ, гдѣ онъ обѣдалъ уже шестой годъ, Овсянниковъ встрѣтилъ группу товарищей. Стояли въ дверяхъ и говорили возбужденными, рѣзкими голосами. Было видно, что случилось что-то новое, чему они несказанно рады, что является хорошимъ дополненіемъ къ весеннему дню и заставляетъ смѣяться.

Когда Овсянниковъ подошелъ къ нимъ, толстый Романенко похлопалъ его по плечу и пробасилъ:

— Слышалъ?

Но Овсянниковъ ничего не слышалъ, и Романенко принялся объяснять ему:

— Забастовочка-съ... Нѣтъ, каково!.. Второй день бастуютъ. Инженера на тачкѣ вывезли и въ канаву свалили... А хозяину по шеямъ дали.

И снова похлопалъ Овсянникова по плечу.

— Такъ-то, молодость. Теперь и намъ развлеченіе будетъ. А то сидишь въ этомъ проклятомъ городишкѣ, ни театра тебѣ, ни цирка—тоска заѣдаетъ.

Но Овсянниковъ не понималъ. Какая забастовка, и при чемъ они тутъ?

Романенко не далъ ему кончить.

— Эхъ ты, молодо-зелено. Да ты пойми: мы—защитники основъ и обязаны, такъ сказать, быть на стражѣ.... Это—съ одной стороны. А съ другой... Ты скажи: Майнъ-Рида читалъ?

— Читалъ,—сказалъ Овсянниковъ и почему-то ему вспомнился душный классъ кадетскаго корпуса, урокъ математики и самъ онъ, Овсянниковъ, въ углу у окна. Подъ партой Майнъ-Ридъ. Ясное небо смотритъ голубыми глазами ребенка въ окно, и хочется уйти изъ пыльнаго класса куда-то далеко, за море, гдѣ нѣтъ ни картъ, ни таблицы умноженія, гдѣ не знаютъ дикари пиѳагоровой теоремы. И жить въ лѣсу. Охотиться за странными животными и птицами, объявить себя вождемъ индѣйскаго племени и совершать набѣги на враждебную страну. И снять скальпъ учителю математики, который будитъ его отъ упоительной грезы и зоветъ къ доскѣ и мучаетъ, безнадежно мучаетъ ненужными формулами, въ которыя никакъ не хочетъ уложиться его мятежная жизнь..

А Романенко продолжалъ густымъ, тяжелымъ басомъ и, пыхтя, бросалъ отдѣльныя слова, словно выплевывалъ ихъ:

— Ну, такъ вотъ... Майнъ-Ридъ... Охота на дикихъ. Вѣдь все это интересно... Особенно если съ высшей, такъ сказать, съ просвѣтительной цѣлью... Къ тому же, если долгъ велитъ...

Но когда увидѣлъ, что Овсянниковъ не понимаетъ его, то опять похлопалъ его по плечу и потащилъ въ открытую дверь ресторана.

Овсянниковъ пошелъ за нимъ и сѣлъ на свое обычное мѣсто, гдѣ сидѣлъ уже шестой годъ. Прямо передъ нимъ висѣла картина, старое приложеніе „Нивы“, гдѣ была изображена дѣвушка, стоящая въ раздумьи у рѣки. На дѣвушкѣ было бѣлое платье съ голубыми цвѣтами, а мѣстами оно покрылось черными точками: засидѣли мухи. Овсянниковъ зналъ каждую мелочь этой картины. Въ началѣ платье было совсѣмъ бѣлымъ, а цвѣты—ярко голубые, но прошло уже пять лѣтъ и начинался шестой, и все еще стояла надъ рѣкой тихая дѣвушка. Поблекло платье, завяли цвѣты... И почему-то Овсянникову показалось, что сегодня эта дѣвушка похожа на Вѣрочку Шубнову, и что такъ же когда-нибудь завянутъ цвѣты, которыя она принесетъ ему.

И стало жаль Вѣрочку, жаль самого себя.

А Романенко уже налилъ ему рюмку водки, налилъ себѣ и чокнулся съ нимъ. Выпилъ, крякнулъ и закусилъ огурцомъ.

— Ну, такъ вотъ, милый человѣкъ, теперь мы съ тобой пообѣдаемъ, а потомъ на дикихъ пойдемъ. Но сперва выпьемъ.

И снова протянулъ руку за водкой.

Но Овсянниковъ не слушалъ его. Восторгъ дня и милаго солнца еще не стихъ въ немъ. Еще ясна была встрѣча съ Вѣрочкой и мысль о томъ, что сегодня, быть можетъ, онъ встрѣтитъ ее вторично, волновала его. Зачѣмъ то, о чемъ говоритъ Романенко? И кого будутъ усмирять въ этотъ солнечный день?

— Бунтуютъ,—продолжалъ Романенко...—Бунтуютъ, чортъ побери. Студенты имъ Карла Маркса читаютъ, брошюры раздаютъ, облегченія труда требуютъ... Ну, что-жъ, отлично... Рабочіе—бунтовать, мы усмирять... Вотъ тебѣ и раздѣленіе труда!

И, захохотавъ, чокнулся съ полной рюмкой Овсянникова.

— За Маркса, значитъ...

И опять пилъ и хохоталъ и подталкивалъ въ бокъ Овсянникова. И хотя Овсянниковъ не зналъ точно, кто такой Марксъ и чего онъ требуетъ, но выпилъ, такъ какъ всегда пилъ за обѣдомъ три рюмки, а это была лишь вторая.

А потомъ подошли товарищи, и разговоры были хриплые, злобные и чувствовалась въ нихъ затаенная, глухая вражда. Кричали на перебой, ругались, грозили кому-то и вдругъ, словно по уговору, пошли гурьбой въ казармы, гдѣ должны были ждать распоряженія, кому вести солдатъ на фабрику.

III.

Когда Овсянниковъ вышелъ со своей ротой за городъ, уже было за полдень. Исчезли вдругъ улицы, словно смелъ кто-то. Потянулось поле, свѣже вспаханное, съ атласно-черной грудью земли. Поднимался ароматъ свѣжести и будущей жизни, и нѣжными руками гладила мягкая теплота весны лица людей. Шевелились волосы—перебиралъ ихъ душистый вѣтеръ, и хотѣлось стать среди этого чернаго поля и долго, долго втягивать въ себя первую ласку весны.

Но, молчаливые и замкнутые, сѣрой лентой шли люди мимо чернаго поля, и казалось, что торопятъ ихъ. Равнодушно и звонко отбивались шаги, и каждый шагъ былъ безнадежнымъ шагомъ времени, не знающимъ любви и тоски.

Овсянниковъ шелъ рядомъ съ ротой, немного поодаль, прямо по вспаханной землѣ. Ноги вязли въ рыхлыхъ комьяхъ, онъ ежеминутно спотыкался, но все-же шелъ не по дорогѣ, а такъ, чтобы быть въ сторонѣ. Когда-то въ дѣтствѣ видѣлъ онъ картину, гдѣ изображалось шествіе древнихъ временъ, и начальникъ шелъ въ сторонѣ отъ своихъ воиновъ, чтобы всѣ могли видѣть его и черпать въ немъ силу и отвагу. И каждый разъ, когда взглядъ его скользилъ по безмолвной сѣрой вереницѣ людей, Овсянникову было пріятно чувствовать себя начальствомъ, чувствовать, что онъ вся сила, вся мощь и безраздѣльная власть. Пріятно и жутко было сознавать, что каждый изъ этихъ людей представляетъ собой силу, а онъ—та сила изъ силъ, которая двигаетъ ими всѣми. А когда они придутъ на фабрику и станутъ передъ нимъ въ молчаливомъ ожиданіи боязливые люди, еще больше усилится его власть, и тогда уже всѣ подчинятся ей. Жаль только, что это не будетъ на главной улицѣ, и никто не разскажетъ Вѣрочкѣ о красотѣ его подвига.

И, повинуясь какому-то неудержимому чувству любованія властью, Овсянниковъ вдругъ громко, неожиданно для самого себя, крикнулъ: „стой!"

Рота остановилась, словно дернутая кѣмъ-то,—и безмолвно переминались люди съ ноги на ногу, не зная, зачѣмъ ихъ остановили вдругъ среди пустыннаго поля, и какъ дальше быть.

Овсянниковъ посмотрѣлъ на нихъ. Стали. Зачѣмъ стали? Ахъ, да, онъ крикнулъ: „стой!" Хотѣлъ однимъ движеніемъ своимъ, однимъ взглядомъ остановить эту массу, однимъ нажимомъ задержать и снова пустить въ ходъ...

Солдаты переглядывались и смотрѣли на Овсянникова, и онъ смотрѣлъ на нихъ. Зачѣмъ онъ крикнулъ „стой!"? Ребячество... Глупо...

Махнулъ рукой и далъ приказаніе идти дальше.

Великое было сдѣлано. Онъ любовался собой. И казалось ему, что давно, давно уже идутъ они, а ноги еще не устали, не пересохло горло и не застыла кровь. И, взволнованный мыслью своей, онъ перенесся въ далекое прошлое и представилъ себѣ такъ: изъ глубины далекаго вѣка идутъ триста людей съ непоколебимой волей суровые воины съ спокойнымъ лицомъ. И онъ, Леонидъ Овсянниковъ, ведетъ ихъ къ неизбѣжному, и знаетъ каждый, что ихъ ждетъ смерть. Но съ кроткой вѣрой обращены глаза на лицо вождя Леонида, и знаютъ всѣ, что смерть ихъ сдѣлаетъ великими. И не боятся спартанцы ея...

И такъ пришла мысль о смерти, пришла во второй разъ въ этотъ солнечный весеній день и опять такъ не ожиданно и странно, но теперь Овсянниковъ не испугался ея. Хотѣлось подвига, красивой и яркой смерти на виду у всѣхъ, чтобы это видѣла Вѣрочка Шубнова, чтобы запечатлѣлся въ ея душѣ образъ героя Овсянникова и въ безмолвной молитвѣ понесла она цвѣты на могилу его...

IV.

Уже кончалось поле, и опять попадались отдѣльныя мелкія строенія. Низкіе одноэтажные домики, жилища рабочихъ. Когда Овсянниковъ проходилъ мимо, отдергивалась ситцевая занавѣска и выглядывало встревоженное женское лицо.

Нѣсколько мальчишекъ при видѣ солдатъ шарахнулись въ сторону и быстро побѣжали куда-то.

Издалека неслись глухіе, повторяющіеся звуки. Словно дулъ кто-то въ большую трубу, сбивался и снова дулъ. Гудѣлъ многоголосый переливающійся улей, и въ тысячѣ голосовъ былъ одинъ голосъ и одинъ былъ тысячей. Катились волны возбужденнаго говора, и поднимались на нихъ всплесками бѣлые гребни отдѣльныхъ вскриковъ.

Овсянниковъ закрылъ глаза и представилъ себѣ, что тамъ за поворотомъ шумитъ море. Набѣгаетъ на тихій песочный берегъ, цѣлуетъ коричневыя скалы, одѣваетъ ихъ бѣлой чалмой. Разбивается съ размаху, уползаетъ, притихшее, замирающее...

Гдѣ-то качается лодка, маленькая лодка съ острымъ, бѣлымъ парусомъ. Онъ сядетъ въ нее и поплыветъ. Сквозь закрытыя рѣсницы било солнце матово-розовое, появлялись красивые радужные круги. И хотѣлось плыть въ этомъ призрачномъ свѣтѣ, долго и далеко плыть, качаясь въ бѣлой лодкѣ, и заснуть подъ тихую пѣснь воды.

Но на поворотѣ Овсянниковъ споткнулся и открылъ глаза.

Пришли.

Неуклюже распласталось продолговатое зданіе и пригнулось къ землѣ: слушаетъ. Подняло вверхъ остроконечныя трубы—пальцы свои, слушаетъ и призываетъ къ молчанію. И передъ самой толпой прошелъ маленькій студентъ въ очкахъ и синей рубахѣ, тоже поднялъ палецъ и тоже призвалъ къ молчанію. Дрогнула толпа, всколыхнулась, изогнулась послѣднимъ трепетомъ, и развернулась полотномъ тишина.

Еще издали Овсянниковъ посмотрѣлъ на толпу и велѣлъ солдатамъ остановиться. Выстроилъ боевой шеренгой и задумался.

Подобало сказать рѣчь. О врагахъ внутреннихъ, смущающихъ устои государства, о томъ, что призваны они для порядка, и что присяга должна быть выше всего. Но когда уже приготовился и сталъ собирать слова, которыя должны были быть самыми убѣдительными, то посмотрѣлъ на солдатъ и ничего не сказалъ. Лица были красны отъ пота и тяжелой дороги или еще отъ чего-то другого, что заглушало усталость и не дѣлало ихъ похожими на тѣхъ древнихъ героевъ, о которыхъ читалъ когда-то Овсянниковъ. Какъ ни старался онъ всегда внушать этимъ людямъ о суровой необходимости ровной линіи, они поминутно двигались на мѣстѣ и переминались съ ноги на ногу, и опять было неизвѣстно, зачѣмъ Овсянниковъ остановилъ ихъ и что будетъ дальше.

Овсянниковъ махнулъ рукой, и заволновались ряды. Дрогнули штыки, блестѣвшіе багрянцемъ, и снова раздался мѣрный, заученный шагъ. Подошли ближе.

И первое, что бросилось Овсянникову въ глаза, когда онъ вступилъ на фабричный дворъ, была Вѣрочка Шубнова. Стоя рядомъ съ высокимъ, худощавымъ рабочимъ, она оживленно говорила ему что-то, а тотъ нервно крутилъ черноватую бородку и, очевидно, не соглашался съ ней.

Около Вѣрочки стояли еще двѣ барышни и какой-то студентъ, которыхъ Овсянниковъ часто встрѣчалъ съ Вѣрочкой на улицѣ. Теперь здѣсь, на фабричной сходкѣ, онъ опять увидѣлъ задорныя, молодыя лица, возбужденныя, взволнованныя и среди нихъ ярко выдѣлялось мучительно знакомое Вѣрочкино лицо.

— Вѣрочка... Зачѣмъ она тутъ?—подумалъ Овсянниковъ и вспомнилъ, что онъ хотѣлъ, чтобы она была свидѣтельницей его подвига. Войдетъ во главѣ отряда молодой начальникъ, и всѣ взоры будутъ устремлены на него. Стрѣлять не будутъ. Однимъ словомъ своимъ, однимъ красивымъ

движеніемъ руки разсѣетъ онъ скопившуюся массу, сразу поймутъ всѣ безполезность сопротивленія, и будетъ онъ побѣдителемъ, достойнымъ вѣнка. И Вѣрочка увидитъ это.

Овсянниковъ остановилъ свою роту у входа во дворъ и самъ отошелъ въ сторону. Такъ виднѣе.

Наступило молчаніе. Сотни человѣческихъ грудей затаили дыханіе, сотни глазъ впились другъ въ друга, и застыли въ безмолвномъ ожиданіи двѣ группы людей.

И всѣмъ этимъ людямъ разсказывалъ сказку тихій весенній день. Говорилъ шепотомъ травъ, шелестомъ листьевъ о вѣчной гармоніи красоты, о томъ, что есть гдѣ-то безпредѣльная радость и нѣжная ласка любви. Свѣтитъ уже радостно солнце, и воздухъ полонъ заманчивыхъ весеннихъ надеждъ...

Здѣсь Вѣрочка. Въ ней—сказка, въ ней жизнь. Подойти къ ней и взять ея руку. Не думать больше ни о чемъ, забыть все, забыть и эту фабрику, и эту сходку, которую нужно разогнать. Если-бы она поняла его...

Изъ толпы рабочихъ выдѣлились трое. Подошли къ Овсянникову и начали что-то говорить. Самый старшій изъ нихъ посмотрѣлъ прямо въ глаза и спросилъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

Но Овсянниковъ не слушалъ.

Зачѣмъ то̀, о чемъ говоритъ старикъ? Вѣдь въ этотъ день весенняго восторга, когда свѣтятъ Вѣрочка и солнце, такъ хорошо молчать? Развѣ нужны слова, когда въ душѣ говоритъ тихая надежда, когда забываешь, что есть на свѣтѣ казармы, картина изъ „Нивы“ и офицеръ, Леонидъ Овсянниковъ? Есть человѣкъ, который хочетъ жить, которому страстно хочется счастья, а вы говорите ему о незаконномъ вторженіи въ человѣческія права, о грубомъ насиліи и произволѣ,—зачѣмъ все это?

Говорили трое. Говорили и доказывали спокойно, не спѣша, увѣренные въ своей правдѣ. И казалось Овсянникову, что знаетъ онъ уже давно все то, что они скажутъ ему, и самихъ ихъ онъ тоже знаетъ: милые, симпатичные люди и желаютъ всѣмъ добра.

И, обращая свое лицо къ солнцу, Овсянниковъ улыбался своимъ мечтамъ. Сегодня праздникъ. Большой праздникъ для него. И всѣмъ должно быть хорошо.

Но когда онъ повернулся, случилось то, чего потомъ не понялъ Овсянниковъ.

Среди напряженнаго молчанія, среди котораго мѣрно звучали спокойныя рѣчи троихъ, раздался чей-то голосъ произительно-здоровый, по дѣтски звонкій:

— А офицеръ, гляньте-ка, рыжій. И вся морда въ прышахъ...

Овсянниковъ безпомощно оглянулся кругомъ. Смѣялись всѣ. Смѣялись солдаты, рабочіе, мальчишки, смѣялась Вѣрочка...

Пронзительно взвизгнулъ кто-то чужимъ пискливымъ голосомъ... Отдалъ приказаніе:

— Бить... Разогнать прикладами...

V.

А вечеромъ играла музыка. Бархатныя струны звенѣли, плакали. Молились скрипки кому-то хорошему и тихому, кто знаетъ тайну тоски, кто чувствуетъ и плачетъ слезами прощенія. Молились скрипки весеннему богу, и мягко стонала віолончель въ безвѣстной мольбѣ; гдѣ-то въ глубинѣ рождаемые, падали звуки, черные звуки: это проходила ночь. Проходила тяжелая, душная, съ кровавымъ багрянцемъ пьяныхъ сумерекъ, когда все возможно и нѣтъ предѣла звѣриному. Ночь разрушенія. Насиліе. Бредъ. Гибель. Тоска.

Падали звуки, проходила ночь. Плакали скрипки въ безвѣстной мольбѣ къ новому богу, къ тихому богу весны и уже послалъ онъ голубой поцѣлуй свой обманутымъ людямъ и сквозь черное кружево листьевъ сквозилъ голубой поцѣлуй. Серебрились лица музыкантовъ на желтой эстрадѣ, и не могли заглушить лампы поцѣлуя весны. Тканные изъ луннаго свѣта были теперь звуки и плакали скрипки и переплетались серебряными нитями. Казалось, что не по струнамъ скользили смычки музыкантовъ, задумчиво перебиралъ кто-то серебряные нити лучей, и въ прихотливомъ сочетаніи сплетались онѣ въ голубой музыкѣ...

Овсянниковъ сидѣлъ на скамейкѣ и слушалъ. Опять тотъ мотивъ. Тотъ самый, который онъ хотѣлъ вспомнить утромъ. Зачѣмъ же именно теперь?

Душитъ кошмаръ. Было ли это? Или только шепнулъ кто-то на ухо страшное слово, и нѣтъ уже человѣку покоя, и объ ужасѣ кричитъ встревоженная мысль. Было ли это?

Бѣжали люди. Мужчины, женщины... Спотыкались, падали...Тотъ старикъ, что спросилъ его, упалъ первымъ. Овсянниковъ помнилъ потертую синюю рабочую куртку на судорожно вздрагивающихъ плечахъ. И почему-то была кровь на многихъ лицахъ, и такъ гулко звучали удары прикладовъ, и лица людей были такъ неестественно блѣдны, со сведенными зубами... Тряслись челюсти... Солдаты ненавидѣли... Кого?..

Овсянниковъ попробовалъ было оправдаться передъ со-

бой и слабо улыбнулся. Развѣ онъ виноватъ? Его послали... Онъ пошелъ... Какъ пошелъ бы Романенко или другіе... Романенко говоритъ: „охота на дикихъ"... Развѣ это его вина, что его заставляютъ? Онъ предпочелъ-бы сидѣть лучше дома или въ собраніи играть въ банкъ. Или въ макао. Ничуть онъ не хуже другихъ...

Падали черные звуки. Проходила ночь. Плакали скрипки о комъ-то далекомъ, потерянномъ, кто могъ бы любить, но не любитъ...

Кто-то крикнулъ ему такъ ясно, надъ самымъ ухомъ, слово, отъ котораго онъ вздрогнулъ. Молодой голосъ, женскій. Быть можетъ, Вѣрочка... Но развѣ онъ виноватъ? Вѣдь онъ понимаетъ отлично, что̀ хорошо и что̀ скверно, знаетъ что, въ сущности, рабочихъ жаль, и что они правы, но онъ—офицеръ, солдатъ и долженъ исполнять присягу. А о справедливости должны заботиться тѣ, которые управляютъ.

— Я пѣшка,—подумалъ Овсянниковъ, и ему стало пріятно отъ сознанія, что онъ такой маленькій, жалкій и ничтожный. Маленькая пѣшка, которую двигаютъ всѣ. Какъ въ шахматахъ. А за нее отвѣтственны другія фигуры...

Но всетаки обмануть себя не удавалось. Гдѣ-то въ глубинѣ трепетала мысль, маленькая мысль, посаженная въ клѣтку. Крутилась, какъ бѣлка, возвращалась къ тому-же. Дразнила и мучила ароматная весенняя ночь.

Хотѣлось опять, чтобы былъ кто-нибудь рядомъ, кому бы могъ онъ разсказать все, кто бы понялъ его, пожалѣлъ-бы за тяжелыя мысли, былъ бы ласковымъ и любящимъ и сдѣлалъ бы маленькой пѣшкѣ хорошую, счастливую жизнь...

Въ послѣдній разъ всколыхнулъ кто-то серебряныя струны и бросилъ звенящій аккордъ въ дрожащую ночь. И расплывался онъ медленно въ напоенномъ весной воздухѣ, словно хотѣлъ сказать что-то послѣднее, прежде чѣмъ растаять совсѣмъ. Въ голубую пелену ночи бросилъ кто-то прощальныя розы съ дрожащими каплями росы. И падаютъ розы, и свѣтятся каплями, и вянутъ одинъ за другимъ ихъ чайные лепестки...

VI.

Кто-то толкнулъ Овсянникова въ бокъ. Стояли трое. Падала отъ деревьевъ черная тѣнь, и не было видно лицъ.

— Этотъ?—спросилъ крайній, и Овсянниковъ вздрогнулъ. Что имъ нужно отъ него? Что это значитъ?

Но не успѣлъ спросить: сильный ударъ по лицу свалилъ его со скамейки, и онъ вдругъ почувствовалъ, что изъ носу капаетъ кровь. И одинъ за другимъ сыпались удары такіе-же глухіе и жестокіе, и Овсянниковъ тщетно пытался подняться съ земли и выхватить шашку.

— Врешь!— сказалъ кто-то, надъ самымъ ухомъ, какъ показалось Овсянникову.—Эту игрушку не выхватишь.

— Убить не убьемъ, а помять маленько нужно. Чтобы закаялся,—добавилъ новый.

И снова били долго кулаками по лицу, и швыряли отъ одного къ другому. А потомъ бросили такъ же внезапно, какъ и напали, и быстро скрылись за молчаливыми деревьями. И нельзя было звать и кричать на помощь, потому что все это произошло быстро и неожиданно, какъ внезапная мысль.

Овсянниковъ приподнялся на локтѣ и сѣлъ на землю. Значитъ, конецъ. Значитъ, не можетъ быть больше жизни, и должна придти смерть. Они не убили его... Тѣмъ хуже. Насмѣшка... Подлость... Вѣдь знаютъ отлично, что онъ офицеръ, и покончитъ съ собой послѣ этого. Утонченный видъ убійства... Подлецы...

Полная луна свѣтила прямо на Овсянникова, и онъ вдругъ замѣтилъ, что у него руки въ крови. Кровь все еще текла изъ носу, и при паденіи онъ тоже расшибся.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по аллеѣ и осмотрѣлся кругомъ. На бульварѣ было пусто. Черныя тѣни деревьевъ ложились странными пятнами на каменистой землѣ и казались притихшими, безмолвными, смотрѣли на Овсянникова.

Гдѣ-то журчала вода. Овсянниковъ вспомнилъ, что въ кустахъ лежалъ шлангъ для поливки растеній, и что въ одномъ мѣстѣ вода била фонтаномъ. Можно умыться.

Неловко путаясь въ разорванной шинели, Овсянниковъ прокрался къ водѣ и освѣжилъ лицо. Стало лучше.

— Какъ же быть теперь?

И въ третій разъ въ этотъ день пришла ему мысль о смерти, но теперь онъ не отгонялъ ея. Она была сильная, нетерпящая возраженій, и Овсянниковъ понималъ, что это неизбѣжно. Онъ, Овсянниковъ, умретъ. Завтра умретъ, даже не завтра, а сегодня, сейчасъ.

Но револьверъ былъ дома, и нужно было ждать. Нужно было раньше придти домой и написать письма. Красиво написать о своемъ рѣшеніи и кинуть вызовъ своей смертью оскорбившимъ его. Пусть знаютъ, что онъ презираетъ ихъ. Онъ не боится смерти. Никто не скажетъ потомъ, что побилъ Овсянникова, и тотъ остался житьсъ избитымъ лицомъ, ушелъ въ самого себя съ поруганной честью и скрылъ отъ людей свой позоръ. Нѣтъ, онъ гордо кинетъ имъ свое презрѣніе, и смерть его покажетъ всѣмъ, кто такой былъ Леонидъ Овсянниковъ и какъ рано ушелъ отъ нихъ этотъ чудный человѣкъ.

И командиру полка, и товарищамъ онъ тоже напишетъ. Онъ завѣщаетъ имъ такъ же честно носить свой мундиръ,

какъ и онъ, и въ заключеніе скажетъ: „я сдѣлалъ все, что я могъ".

Фразу эту Овсянниковъ вычиталъ когда-то изъ біографіи одного знаменитаго человѣка, и она очень понравилась ему. Она казалась ему у мѣста въ концѣ важнаго письма, и онъ еще разъ повторилъ про себя: „я сдѣлалъ все, что я могъ".

Опухалъ правый глазъ. Досадна и назойлива была ноющая боль, мѣшавшая думать. И зачѣмъ еще эта лишняя боль, когда скоро будетъ смерть и покроетъ своимъ ужасомъ все, что онъ чувствовалъ до сихъ поръ. Мучительная, нелѣпая смерть. Какъ червякъ, какъ муха, которую раздавили.

Вспомнилъ муху, которую убилъ утромъ. Загадалъ тогда: выползетъ, или нѣтъ? Будетъ ли счастье? И вѣдь выползла же муха... Самъ раздавилъ. Собственными руками.

Овсянниковъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Проклятыя мухи!—подумалъ онъ.—Надо будетъ завтра сказать Степану, чтобы купилъ что-нибудь отъ мухъ, а то скоро отъ нихъ покоя не будетъ!

Завтра... Да вѣдь завтра смерть, и не будутъ надоѣдать больше мухи? Правда, онъ не подумалъ объ этомъ.

Завтра, вѣроятно, всѣ узнаютъ. Товарищи дадутъ въ газету объявленіе, маленькое объявленіе, строкъ въ пять-шесть. А въ воскресенье уже похоронятъ. Тамъ же, гдѣ Мишеева.

И Овсянникова передернуло отъ мысли, что есть уже на землѣ мѣсто, гдѣ его похоронятъ. Онъ зналъ его: если пойти по главной аллеѣ кладбища и дойти до самой часовни, то надо потомъ свернуть налѣво. У самой стѣны.

Будутъ панихиды... Сколько? Одна на восьмой день, другая въ сороковой... А потомъ въ годовщину. Вѣроятно, и все.

И не будетъ Овсянникова, и не узнаетъ Вѣрочка Шубнова, что носилъ въ душѣ этотъ чудный человѣкъ. „Рыжій офицеръ" — крикнули тогда тамъ. И чѣмъ онъ рыжій? Скорѣе, блондинъ. Это показалось отъ солнца.

Бульваръ кончился. Овсянниковъ вышелъ на улицу и старался идти вдоль стѣнъ, чтобы его никто не замѣтилъ. Неловко, еще подумаютъ—съ пьяна расшибся. Завтра уже все узнаютъ.

Завтра... Такъ скоро... Завтра, то-есть сегодня,—подумалъ Овсянниковъ.

Блѣднѣла луна, и розовѣли далекія тучи. Уже кончалась ночь. Начинался день, такой же теплый и душистый, полный ласки и трепетныхъ обѣщаній. Хотѣлось въ это предразсвѣтное время ходить вдвоемъ по улицѣ и говорить о ра-

достяхъ жизни и встрѣтить улыбкой нарождающійся день. И не думать о смерти. А потомъ упасть въ кровать отъ усталости, чтобы никто не будилъ, спать, пока не проснется мозгъ, усталый отъ весеннихъ впечатлѣній, и тогда начать новый ликующій день...

Хочется спать... Но надо писать письма. Послѣднія прощальныя письма... Хотя...

— Вѣдь письма можно писать и днемъ,—подумалъ Овсянниковъ,—а прежде надо отдохнуть, чтобы былъ свободнымъ мозгъ и не путались мысли. Надо все хорошо обдумать, а то потомъ и раскаяться нельзя,—попробовалъ онъ съострить, но не вышло. При улыбкѣ мучительно заболѣлъ глазъ.

У воротъ дома Овсянниковъ осмотрѣлся. Никто не видѣлъ его. На бульварѣ тоже. Значитъ, въ сущности, онъ могъ бы сегодня лечь спокойно спать. Никто не придетъ къ нему и не потребуетъ объясненій за поруганную честь. Да и честь-то, въ сущности, вѣдь его... Кому какое до нея дѣло? А завтра днемъ можно на свободѣ все обдумать. Торопиться нельзя. Или послѣ завтра, когда совсѣмъ перестанетъ голова болѣть и прояснятся мысли. Нужно будетъ только эти дни не выходить изъ комнаты, а тамъ будетъ виднѣй...

А если спросятъ, можно всегда сказать, что поскользнулся ночью на лѣстницѣ и скатился внизъ. Этотъ дуракъ Степанъ никогда свѣчи не оставляетъ. Сколько разъ говорилъ. Вотъ шинель развѣ...

Овсянниковъ осмотрѣлъ шинель. Мѣстами сукно было порвано, и болтались пуговицы. Но это пустяки. Лишь бы Степанъ не увидѣлъ сегодня. А тамъ за эти дни все выяснится.

— Въ крайнемъ случаѣ сдѣлаю новую,—подумалъ Овсянниковъ,—ужъ эта давно на покой просится.

Овсянниковъ зашелъ въ свою комнату. Въ окно пробивался первый разсвѣтъ, и комната казалась сѣроватой, какъ погребъ. Въ углу стояла кровать съ толстымъ байковымъ одѣяломъ, которая манила Овсянникова, но онъ не торопился лечь.

И, какъ воръ, спасая свою жизнь отъ посторонняго взгляда, пробрался босикомъ въ каморку Степана, досталъ изъ ящика иголку и, вернувшись къ себѣ, сталъ зашивать разорванную шинель.

О. Фелинъ.

Испанскія впечатлѣнія.

Каталонія.

I.

Когда спускаешься къ морю съ испанскаго центральнаго плато, ничто не поражаетъ такъ сильно, какъ контрастъ между Арагоніей и сосѣдней ей Каталоніей.

На плоскогоріи все голо и сѣро. Надъ головой стоитъ безпощадное солнце; воздухъ струится и дрожитъ надъ раскаленными скалами; рѣзко выдѣляются на синемъ небѣ бѣлыя, мѣловыя горы, а между ними уходятъ въ голубую даль безконечныя, каменныя степи. Почва сухая, потрескавшаяся, какъ кожа крокодила, вся изрѣзана балками, гдѣ на днѣ навалены острые обломки скалъ. Вѣтеръ пышетъ жаромъ, какъ изъ печи, и вздымаетъ тучи известковой, ѣдкой пыли. Нигдѣ ни травинки, ни зеленаго куста. Только кое-гдѣ попадаются оазисы изъ колючихъ алоэ и сухихъ карликовыхъ пальмъ, да сосны, спрятавшіяся отъ вѣтра въ разсѣлинахъ скалъ—рахитическія, съ искривленнымъ стволомъ, чахлой кроной и толстыми корнями, которые ползутъ по землѣ, сплетаясь, какъ удавы. Нѣтъ ни птицъ, ни звѣрей въ этой каменной, насквозь прожженной пустынѣ; только ящерицы, скорпіоны и тарантулы могутъ жить здѣсь между горячими голыми камнями.

А когда-то—какъ видно изъ старыхъ хроникъ—здѣсь всюду журчала вода, били изъ-подъ земли холодные родники, на склонахъ горъ росли дубовые и буковые лѣса. Арагонскіе короли, между двумя набѣгами на мавровъ, травили гончими оленей и кабановъ, вступали въ единоборство на глазахъ у свиты съ пиренейскимъ медвѣдемъ. Но лѣса вырубили и сожгли, и страна понемногу начала высыхать... Подъ горячимъ южнымъ солнцемъ такое высыханіе происходитъ чрезвычайно быстро. Если въ годъ выпадаетъ 300 mm. воды, а испаряется 1,800mm., то нетрудно понять, что влажность можетъ сохраняться только въ тѣни лѣсовъ.

Огромное зло въ этомъ отношеніи принесъ странѣ институтъ «мэсты». La mesta—такъ назывался союзъ крупныхъ скотоводовъ. Въ мэсту входило высшее дворянство, монастыри, епископы и даже

принцы королевской крови. Она обладала такою огромной властью, что короли не рѣшались бороться съ нею. Мэста распоряжалась цѣлою арміей вооруженныхъ пастуховъ; она разбойнически захватывала общинныя пастбища и частныя земли и царила полнымъ хозяиномъ на всѣхъ плоскогоріяхъ Арагоніи, Кастиліи и Леона. До революціи тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда мэста была, наконецъ, уничтожена, стада ея кочевали черезъ все центральное плато отъ Пиренеевъ до Сіерры-Невады, проходя каждый годъ по 1000 верстъ. И такъ какъ для такого перехода необходима была непрерывная цѣпь луговъ, то мэста запрещала крестьянамъ и помѣщикамъ обрабатывать ихъ земли, а лѣса выжигала и обращала въ пастбища. Вотъ это недальновидное хозяйничанье мэсты и разорило страну, а въ концѣ концовъ и самихъ скотоводовъ, потому что наступившія засухи чрезвычайно понизили продуктивность пастбищъ.

Страну можно было бы спасти искусственнымъ орошеніемъ. Говорятъ, что для этого потребовалось бы только провести нѣсколько ирригаціонныхъ каналовъ изъ полноводнаго Эбро, который пересѣкаетъ всю Арагонію. Этотъ вопросъ поставленъ на очередь давно, чуть ли не со времени изгнанія мавровъ, но до сихъ поръ испанцамъ «все какъ-то недосугъ» приступить къ оросительнымъ работамъ. Императоръ Карлъ I началъ было даже рыть огромный каналъ, который долженъ былъ затмить всѣ работы мавровъ, довелъ его до половины и потомъ какъ-то забылъ о немъ. Такъ каналъ этотъ и до сихъ поръ не оконченъ. А между тѣмъ въ то время испанская казна была переполнена золотомъ. «Я могъ бы купить весь міръ,—хвалился Карлъ—но не дѣлаю этого, потому что могу завоевать его». Однѣ американскія колоніи въ первые двѣсти лѣтъ послѣ открытія Америки переслали въ Испанію на 20 милліардовъ рублей золота, что при тогдашней цѣнѣ денегъ составило сумму въ 50 милліардовъ. Но это колоссальное богатство ушло куда-то, незамѣтно, между пальцами. Короли и дворъ жили роскошно, носили оружіе и платье, усыпанное изумрудами, жемчугомъ и рубинами, устраивали великолѣпныя процессіи, вели нескончаемыя войны «во славу святой матери-церкви», затѣивали такія фантастическія предпріятія, какъ алжирская экспедиція Карла I и Непобѣдимая Армада Филиппа II. Но о культурныхъ улучшеніяхъ страны никто не думалъ, ни правительство, ни сами землевладѣльцы. Эти шальныя деньги, лившіяся рѣкой изъ колоній, только раззорили Испанію, потому что народъ отвыкъ работать, помѣщики забросили свои поля и виноградники, и промышленность страны сильно упала.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ войны съ Соединенными Штатами, когда Испанія потеряла послѣднія колоніи—Кубу и Филиппины—вопросъ объ ирригаціи опять выдвинулся впередъ. Либералы говорили въ Кортесахъ, что Испанія теперь должна разсчи-

тывать только на себя и развивать свои внутренніе рессурсы. Экономисты указывали, что 50% всей испанской территоріи покрыты пустырями и что земля пустуетъ только изъ-за отсутствія правильной ирригаціи. Объ ирригаціи много спорили въ печати и обществѣ, ирригація даже была положена въ основаніе избирательной платформы либераловъ, цѣлую сессію о ней шумѣли въ парламентѣ, но, пошумѣвъ, успокоились, и тѣмъ дѣло кончилось...

А «las despobladas» (пустыни) между тѣмъ расползаются, какъ лишай, по всѣмъ центральнымъ провинціямъ, начиная отъ пригородовъ Мадрида; населеніе вынуждено эмигрировать въ Аргентину, города и деревни пустѣютъ и разваливаются. Нерѣдко можно натолкнуться на цѣлыя деревни: ходите по улицамъ, стучите во всѣ дома—никто вамъ не отвѣтитъ, вы нигдѣ не увидите человѣческаго лица, потому что населеніе все цѣликомъ уже выселилось въ Америку.

Какъ-то мнѣ пришлось заѣхать въ одинъ городокъ восточной Арагоніи. Оффиціально онъ считается населеннымъ; здѣсь даже есть казенная лавка для продажи лоттерейныхъ билетовъ (лоттерея—«монополія» испанскаго правительства, потому что у всѣхъ есть свое вино) и кюре мѣстной церкви получаетъ казенный «casual» (содержаніе). Городокъ построенъ изъ того же матеріала, какъ и окружающія горы, такъ что издали кажется кучей скалъ, упавшихъ въ долину. Надъ нимъ стоятъ развалины визи-готскаго замка—край зубчатой стѣны и уголъ квадратной башни съ бойницами. Главная улица города вся завалена камнями, осыпавшимися съ домовъ. Большая часть домовъ—остовы безъ крыши, съ черной одиноко торчащей трубою, съ окнами безъ стеколъ и рѣшетокъ, Изрѣдка только попадаются дома съ признаками жизни: здѣсь куры гуляютъ по двору, тамъ тощая коза важно смотритъ на насъ изъ окна какой-нибудь развалины, тамъ на порогѣ дома въ тѣни сидитъ старуха и чешетъ волосы загорѣлой, черной, какъ головешка, дѣвочкѣ. Вотъ площадь—разумѣется, Plaza de Constitucion, какъ во всѣхъ испанскихъ городкахъ—она пуста, какъ Сахара. Только въ тѣни церкви у полуистлѣвшей двери портала сидитъ старенькій кюре съ бритымъ пергаментнымъ лицомъ; онъ играетъ въ шахматы съ такимъ же старымъ аль########## (мэромъ)—оба неподвижные, желтые, съ выцвѣтшими отъ старости глазами, точно двѣ восковыя фигуры. Тутъ же на площади и единственная «venta» города, отдѣленная отъ улицы веревочною занавѣской. Мы входимъ внутрь, въ прохладную тѣнь лавки. Хозяинъ спитъ съ открытымъ ртомъ за стойкой, прислонясь къ стѣнѣ. На стойкѣ кувшинъ съ водою, бутылка анисовой водки и связка головокъ чеснока—это весь товаръ. Мы будимъ хозяина и заказываемъ по стакану «dulzada»—воды съ нѣсколькими каплями анисовки—единственная роскошь арагонца.

— У васъ всегда такъ тихо?—спрашиваетъ мой спутникъ.

— О, нѣтъ! Въ сезонъ у насъ оживленіе... Въ сезонъ у меня выходило до трехъ бутылокъ анисовки въ день...

Оказывается, что и здѣсь бываетъ «сезонъ», какъ въ Ялтѣ или Лондонѣ.

«Сезонъ» это—начало марта. Послѣ зимнихъ дождей поля и горы вокругъ покроются зеленью, воздухъ наполнится пьянымъ запахомъ горныхъ травъ. Прилетятъ изъ Андалузіи недолгіе гости—перелетныя птицы, коростели, перепела, куропатки. Зацвѣтетъ лаванда, лиловый верескъ, желтые и фіолетовые ирисы, въ густой травѣ распустятся шафраны, цикламены, «уголекъ-въ-огнѣ». Придутъ стада мохнатыхъ мериносовъ; отощавшія за зиму щетинистыя свиньи, рыжія и черныя голубо-глазыя козы. А со стадами придутъ пастухи въ широкополыхъ «сомбреро» и въ курткахъ съ серебряными поясами; у нихъ черныя, разбойничья лица, палки съ желѣзными наконечниками, «навахи» за широкимъ поясомъ и полосатыя одѣяла черезъ плечо. Начнутся драки между козьими и овечьими пастухами; за одну недѣлю произойдетъ столько событій, сколько городокъ не видѣлъ и за весь годъ. По вечерамъ уже дѣвушекъ не удержать дома никакими затворами: всѣ онѣ будутъ бѣгать въ поле къ кострамъ смотрѣть, какъ пастухи пляшутъ арогонскую «хоту», слушать страстныя «malagueñas» и заунывно-тягучіе, какъ призывъ муэдзина, «peteneras».

А черезъ двѣ недѣли овцы выщиплютъ всю траву, стада перекочуютъ дальше, и городокъ заснетъ мертвымъ сномъ до слѣдующей весны.

II.

Но когда подъѣжаешь къ краю плоскогорія и переваливаешь черезъ послѣдній горный кряжъ, передъ глазами открывается совершенно другая картина. Вдали разстилается необъятное синее море, а подъ ногами лежатъ чудныя, ярко-зеленыя долины Каталоніи. До горизонта идутъ луга, покрытые сочной, высокой травою, огороды, кукурузныя поля, виноградники и фруктовые сады. Всюду бѣжитъ вода, веселая, говорливая, блещущая на солнцѣ. Она течетъ по каналамъ, подземнымъ трубамъ, по длиннымъ акведукамъ съ высокими аркадами, проходитъ черезъ ворота и шлюзы, гдѣ дѣлится на множество рукавовъ и, наконецъ, разбѣгается по цѣлой сѣти ручейковъ, которые бурлятъ во всѣхъ садахъ и огородахъ. И такъ разумно и экономно распредѣляется эта вода, что лѣтомъ ни одна капля ея не доходитъ до моря, а вся испаряется листьями растеній.

Нигдѣ, даже въ Голландіи и въ южныхъ графствахъ Англіи, вы не найдете такой высокой, такой интенсивной культуры, какъ здѣсь, въ Каталоніи. Многопольная система примѣняется не только въ помѣщичьихъ, но и въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Я часто ви-

дѣлъ небольшія поля, раздѣленныя на участки величиной съ комнату; изъ нихъ одинъ или два засѣяны темно-зеленою люцерною или же *альфальфою*—испанскимъ клеверомъ, выше колѣна ростомъ, съ пучкомъ ярко-пунцовыхъ цвѣтовъ. Травосѣяніе здѣсь даетъ больше дохода даже, чѣмъ разведеніе винограда для дорогихъ сортовъ вина, потому что траву косятъ 4—5 и больше разъ въ годъ. Почва на небольшихъ участкахъ почти вездѣ искусственная. Я много разъ наблюдалъ, какъ крестьяне собирали землю съ поля лопатами, складывали въ кучи, перемѣшивали съ фосфатами и селитрою, а на другой день разсыпали по полю и уплотняли катками.

Ни одинъ клочекъ земли не пропадаетъ даромъ. Подъ фруктовыми деревьми разбиты гряды съ артишоками, бобами, съ цвѣтною капустою. Горы изрыты до самой вершины террасами съ каменными стѣнами для виноградниковъ; слишкомъ крутые наклоны покрыты серебролистыми маслинами и пробковымъ дубомъ, съ краснымъ, ободраннымъ стволомъ. Болота и берега канавъ засажены особымъ тростникомъ, изъ котораго плетутъ корзины и шляпы, и даже скалы зарощены колючимъ кактусомъ (апунція), дающимъ сочные, вкусные плоды.

Каталонія обложена тяжелыми налогами и несетъ на себѣ половину инспанскаго бюджета, но, несмотря на это, здѣсь всюду, и въ городахъ и въ деревняхъ, чувствуется прочное благосостояніе. Нищихъ, которыми кишатъ центральныя провинціи, въ Каталоніи совершенно не видишь. Рабочіе и крестьяне одѣваются хорошо и держатся съ достоинствомъ. Входя въ вагонъ, рабочіе пожимаютъ руку всякому, будь это офицеръ или священникъ; въ кафе и театрахъ нерѣдко видишь синюю блузу крестьнина рядомъ съ шикарнымъ костюмомъ горожанина; для адвоката или доктора ничуть не считается *mesalliance*'омъ жениться на крестьянкѣ.

Живутъ крестьяне сыто и даже, пожалуй, богато. Когда я принималъ участіе въ экскурсіяхъ профессора Одона де Буенъ, мнѣ случалось останавливаться на ночлегъ у крестьянъ въ очень глухихъ деревняхъ. Вечеромъ къ ужину семья и работники собирались за большимъ столомъ, освѣщеннымъ ацетиленовой лампой. На столѣ стояло мѣстное вино, козій сыръ, орѣхи и фрукты. Ужинъ состоялъ изъ свинины съ бобами и мѣстнаго блюда—pullastro—курицы, варенной въ соусѣ изъ сладкаго перцу и помидоровъ. Спать меня клали въ отдѣльной комнатѣ, на постели съ такимъ количествомъ тюфяковъ и перинъ, что взбираться на нее приходилось по лѣсенкѣ. Кромѣ кровати, въ спальнѣ стоялъ большой шкафъ для платья и дубовые рѣзные стулья и кресла. Какая разница съ жизнью арагонскаго или кастильскаго крестьянина, который спитъ на полу, въ одной комнатѣ со свиньями и козами, и питается только чеснокомъ и бобами!

Каталонія—страна не только земледѣльческая, но и промыш-

ленная. Почти во всякой деревнѣ есть какая-нибудь фабрика мельница или дистиллировочный заводъ, а города окружены кольцомъ фабричныхъ трубъ. Такимъ образомъ Каталонія—примѣръ самодовлѣющей страны: все, что она потребляетъ, она производитъ сама, и если бы вымеръ весь остальной міръ, она могла бы и не замѣтить этого. Въ Барцелонѣ меня поразило, что рѣшительно все—мебель, матеріи, электрическія лампы, лифты, паровые котлы и динамо-машины—все было мѣстнаго производства. И потому здѣсь все носитъ отпечатокъ какого-то своеобразнаго стиля. Этотъ каталонскій стиль напоминаетъ «modern style», но только болѣе вычурный и, пожалуй, даже немного варварскій; его особенность—обиліе украшеній даже тамъ, гдѣ они совершенно излишни.

Каталонія снабжаетъ всю Испанію (за исключеніемъ Валенсіи, гдѣ тоже развита промышленность) мануфактурными издѣліями: бумажными матеріями, сукнами, мебелью и газетною бумагою. Въ послѣдніе годы она начала довольно успѣшно конкурировать съ Франціей на американскихъ рынкахъ, главнымъ образомъ, въ Чили и Аргентинѣ. Нѣкоторыя издѣлія она посылаетъ даже въ Германію и Англію, напримѣръ, кружева, шелковыя матеріи, изразцы; а пробка составляетъ монополію Каталоніи на міровомъ рынкѣ: она вывозитъ на 40 милліоновъ франковъ въ годъ пробковой коры и готовой пробки.

Изъ $2^1/_2$ милліоновъ каталонскаго населенія до $^1/_2$ мил. рабочихъ. Положеніе рабочихъ здѣсь во многихъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ въ сосѣднихъ департаментахъ Франціи. Среднее жалованіе мужчинъ отъ 4 до 6 фр. (1 руб. 50 до 2 р. 25 к.) въ день, при чемъ жизнь здѣсь дешевле, чѣмъ во Франціи и центральной Испаніи. Но сравнительно съ положеніемъ кастильскаго или андалузскаго рабочаго, который рѣдко получаетъ больше 2 фр. (75 коп.) въ день, положеніе каталонца прямо блестящее.

III.

Каталонецъ и житель центральнаго плато сильно различаются между собою, и трудно повѣрить, что оба они принадлежатъ къ одному народу. Наиболѣе типичный изъ народовъ центральныхъ провинцій—кастилецъ производитъ впечатлѣніе южанина съ нервнымъ и впечатлительнымъ темпераментомъ; онъ легко увлекается, принимается за дѣло съ жаромъ, но скоро оно надоѣдаетъ ему, и онъ бросаетъ его. Каталонецъ похожъ на сѣверянина, на фламандца или англичанина, выдержкой и ровностью характера и силою воли; онъ работаетъ методически и не спѣша, и ужъ что затѣялъ, то доведетъ до конца. Бласко Ибаньесъ любитъ рисовать такіе типы каталонскихъ и валенціанскихъ мужиковъ—упрямыхъ, мрачныхъ, одаренныхъ бульдожьей настойчивостью. Вотъ Батисто

изъ повѣсти «La Barraca»: онъ арендуетъ землю, бойкотированную окрестнымъ населеніемъ, работаетъ отъ зари до ночи, борется съ этой землею и съ ненавистью цѣлаго околодка, не теряетъ энергіи, несмотря на угрозы и преслѣдованія сосѣдей. Вотъ Тони изъ повѣсти «Canas y Barro»: этотъ рѣшилъ имѣть свою собственную землю. Отецъ его, рыбакъ, не хочетъ, чтобы Тони сдѣлался пахаремъ, бранитъ его и насмѣхается надъ его затѣей; но Тони покупаетъ болото, проводитъ годъ, засыпая болото землею и пескомъ, и, наконецъ, цѣною громаднаго труда создаетъ свое собственное рисовое поле.

Кастилецъ живетъ подъ вліяніемъ своего воображенія, онъ не видитъ дѣйствительности, какъ она есть, онъ фанатикъ во всемъ, въ религіи, любви и политикѣ, и поэтому не можетъ быть справедливымъ. Каталонецъ трезвъ, видитъ вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, очень справедливъ, но у него нѣтъ высокаго, недостижимаго идеала, и потому свою волю и энергію онъ направляетъ на близкія, непосредственныя цѣли. Кастилецъ не очень заботится о положительныхъ знаніяхъ, пожалуй, даже немного презираетъ ихъ, но онъ талантливъ и обладаетъ художественнымъ чутьемъ—недаромъ его страна дала столько живописцовъ, поэтовъ и блестящихъ ораторовъ. Каталонецъ тусклъ и мало артистиченъ; у каталонцевъ нѣтъ собственной музыки, ихъ народныя пѣсни не красивы, а танцы неуклюжи и однообразны; каталонскіе депутаты не умѣютъ говорить ни на митингахъ, ни въ Кортесахъ, а въ судахъ Каталоніи успѣхомъ пользуются только кастильскіе депутаты. Каталонія не дала ни одного хорошаго художника, и ея литература такъ незначительна, что нѣтъ почти ни одного произведенія, удостоившагося перевода на кастильскій или французскій языкъ. Но за то въ Каталоніи издаются газеты почти въ каждомъ городѣ, и публика съ интересомъ слѣдитъ за всѣмъ, что появляется въ кастильской, французской, англійской и даже русской литературѣ. Въ Барцелонѣ я видѣлъ въ переводѣ на испанскій и каталонскій діалекты—сочиненія Толстого, Кропоткина, Бакунина, Горькаго, Чехова и Мережковскаго. За то въ Каталоніи много дѣловыхъ людей, знающихъ инженеровъ и докторовъ, добросовѣстныхъ и справедливыхъ мировыхъ судей, которые такъ рѣдко встрѣчаются въ Кастиліи. Всѣми этими особенностями каталонцы напоминаютъ англо-саксовъ.

Одними географическими условіями нельзя объяснить всѣхъ этихъ различій. Вѣроятно, значительную роль тутъ играютъ расовыя особенности и происхожденіе обоихъ народовъ. Съ глубокой древности Пиренейскій полуостровъ былъ тигелемъ, гдѣ сплавлялись между собою самыя различныя расы. Къ первобытнымъ жителямъ полуострова—иберамъ и тертесамъ (таинственный народъ, близкій по языку нѣкоторымъ племенамъ Кавказа, если вѣрить

послѣднимъ филологическимъ изслѣдованіямъ *) примѣшивались последовательными волнами кельты, римляне, визи-готы и, наконецъ, арабы и берберы. При этомъ въ различныхъ провинціяхъ преобладали различныя примѣси, на югѣ—арабы, давшіе андалузцевъ, на сѣверо-западѣ—кельты, галиційскій и португальскій народъ, въ Арагоніи и Кастиліи—римляне. Есть основаніе думать, что въ Каталоніи преобладала визи-готская примѣсь; извѣстно, что готы вошли въ Испанію съ восточной стороны Пиренеевъ и, кажется, самое названіе Каталоніи произошло отъ готовъ («Готалонія» или «Готаландъ»).

Есть металлы, мало пригодные въ чистомъ видѣ, но очень хорошіе въ сплавахъ; напримѣръ, мѣдь, слишкомъ мягкая и тугоплавкая, даетъ съ оловомъ крѣпкую, звонкую бронзу, съ цинкомъ—тягучую латунь, съ аллюминіемъ—твердыя, какъ сталь, соединенія. Роль такого металла во всемірной исторіи сыграла тевтонская раса, давшая такіе сплавы, какъ французы, англо-саксы, сѣверные итальянцы и каталонцы. Въ каталонцахъ, вѣроятно примѣсь тевтонскаго элемента большая, чѣмъ даже во французахъ, чѣмъ можно объяснить ихъ сходство съ англичанами или фламандцами. Это сходство особенно замѣтно въ городахъ, не какъ Барцелона, гдѣ слишкомъ космополитической примѣси, а въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ, вродѣ, напримѣръ, Фигераса.

Помню, какъ я былъ удивленъ, попавъ въ Фигерасъ изъ Франціи. Это былъ первый испанскій городъ, который я осматривалъ, а тогда я еще не зналъ, что Каталонія—не Испанія. Я думалъ, что увижу грязный городокъ съ узкими улицами, съ южною, кричащею и жестикулирующею толпою; женщинъ въ черныхъ мантильяхъ, мужчинъ въ «капахъ» и широкихъ «сомбреро», услышу пѣсни подъ аккомпанементъ гитары, посмотрю на танцы со щелканіемъ кастаньетъ и пр., и пр. Вмѣсто этого, я попалъ въ немного сонный фламандскій городъ, вродѣ Гента или Антверпена. Фигерасъ—«уѣздный» городъ съ 11 тысячами жителей. Въ немъ есть нѣсколько фабрикъ, хорошій крытый рынокъ, много прекрасныхъ магазиновъ, двѣ гостиницы, гдѣ за 6 песетъ въ день (2 р. 25 к.) вамъ даютъ большую уютную комнату и кормятъ, какъ на убой. Въ городѣ есть хорошій кинематографъ и театрикъ, гдѣ играютъ «сарсуэлы»; театръ принадлежитъ городу, и цѣны въ немъ регламентированы: 8 коп. партеръ и 16 коп. «preferencia» (балконъ). Дома чистые, выбѣленные известью; внутри домовъ стѣны и дворъ облицованы изразцами, которые моютъ мыломъ и горячею водою разъ въ недѣлю—совсѣмъ какъ въ Голландіи. Улицы широкія, мостовой бы позавидовала Москва; всѣ улицы освѣщены электрическими фонарями; всюду водопроводъ и канализація. По широкой,

*) См. Philipon. Les Ibères. Paris. 1909.

тѣнистой «рамблѣ» (родъ бульвара) гуляетъ чинная, спокойная толпа; на тротуарахъ за столиками кафе сидятъ мужчины въ велосипедныхъ шапочкахъ; по большей части они пьютъ пиво, курятъ трубки и читаютъ газеты. Нигдѣ ни криковъ, ни споровъ, ни пѣнія, ни музыки...

Всюду чувствуется дѣятельная, но спокойная работа. Въ городѣ есть два банка—земледѣльческій даетъ ссуды фермерамъ изъ 4%, и промышленный — финансируетъ мѣстныя предпріятія: автомобильное сообщеніе съ окрестностями, городскую электрическую станцію и т. д. Въ городѣ издается и печатается мѣстная газета «El Heraldo», посвященная протестантской пропагандѣ. Между прочимъ, Каталонія—единственная провинція Испаніи, гдѣ есть значительное число протестантовъ—евангелистовъ, пресвитеріанцевъ и лютеранъ—и этимъ она такъ же походитъ на сѣверныя протестантскія страны.

Но что особенно напоминаетъ сѣверную Европу—это потребность группироваться въ союзы, въ «ферейны», въ общества—вещь рѣдкая у южанъ. Въ Фигерасѣ всякій горожанинъ непремѣнно принадлежитъ къ какому-нибудь обществу—гимнастическому, хоровому, музыкальному—или состоитъ членомъ клуба. На 11-тысячное населеніе здѣсь приходится 6 клубовъ. Есть клубы земледѣльческіе, коммерческіе, профессіональные, клубъ ремесленниковъ и т. д. Я осматривалъ «el circolo de los menestrales», то-есть, клубъ «трудовиковъ». Въ клубѣ больше 1000 членовъ. Недавно клубъ построилъ себѣ великолѣпный домъ; фасадъ покрытъ каменными барельефами, въ каждомъ этажѣ помѣщается кафé съ огромнымъ бронзовымъ каминомъ, бильярдная и бальный залъ, который можетъ вмѣстить до 950 танцующихъ паръ. Комнатъ для карточной игры—нѣтъ. Вмѣсто нихъ—роскошная библіотека во второмъ этажѣ, освѣщенная хрустальными люстрами; посрединѣ столъ съ газетами, вдоль стѣнъ шкафы изъ рѣзнаго дуба. Въ библіотеку имѣютъ право приходить и не члены клуба, всякій, кто хочетъ. На отдѣльномъ столикѣ лежитъ книга для посѣтителей, въ бархатномъ переплетѣ съ золотымъ иниціаломъ клуба; перелистывая ее, я нашелъ имена извѣстныхъ писателей и политическихъ дѣятелей: Переса Гальдоса, Лерри, Одонъ-де-Буена, Ибаньеса и Феррера. Старшины клуба-рабочіе показали мнѣ также съ комической гордостью роскошный залъ для засѣданій съ нѣсколькими рядами золоченыхъ бархатныхъ креселъ для членовъ и цѣлымъ трономъ для предсѣдателя. Все это великолѣпіе—домъ и обстановка—пріобрѣтено постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ исключительно на экономіи, образовавшіяся изъ членскихъ взносовъ.

Другіе клубы Фигераса не менѣе роскошны, какъ вообще всѣ общественныя зданія въ Каталоніи. Въ этой любви къ роскоши зданій и обстановки у каталонцевъ есть что-то, напоминающее фламандскіе и сѣверо-итальянскіе города въ эпоху ихъ процвѣтанія. Въ

Барцелонѣ дома часто отдѣланы снаружи мозаиковыми картинами, разноцвѣтными изразцами, гипсовыми группами; уличные фонари стоятъ на золоченныхъ цоколяхъ и украшены необыкновенно сложными завитками и арабесками; залы кафé и ресторановъ кажутся прямо капищами: расписанные потолки съ выпуклыми золотыми украшеніями, тяжелыя бархатныя, шитыя золотомъ портьеры, камины въ формѣ чудовищъ и драконовъ. Кажется, что вся эта тяжелая роскошь выражаетъ духъ этого молодого, сильнаго, дѣятельнаго, но еще не успѣвшаго стать утонченнымъ народа.

Во всей Испаніи любовь къ роскоши каталонцевъ и аляповатость ихъ стиля служитъ предметомъ нескончаемыхъ шутокъ. Въ послѣднее время Каталонія очень быстро богатѣетъ (благодаря охранительнымъ таможеннымъ пошлинамъ, главнымъ образомъ) и поэтому считается въ семьѣ испанскихъ провинцій чѣмъ-то въ родѣ разбогатѣвшаго «parvenu». Каталонцевъ упрекаютъ въ жадности и грубости, и испанская поговорка говоритъ, что въ Каталоніи царитъ «gran caballero don Dinero» («важный баринъ—Деньги»). Но мнѣ кажется, что каталонца никакъ нельзя назвать «мѣщаниномъ», какъ теперь принято выражаться. Во всякомъ случаѣ, если онъ и мѣщанинъ, то мѣщанинъ героическій, въ родѣ средне-вѣковаго венеціанца или флорентійца эпохи возрожденія, которые создавали новыя формы жизни, открывали новыя отрасли промышленности, колонизовали новыя земли. У каталонца такіе здоровые аппетиты, такой варварскій избытокъ силъ, смѣлости, вѣры въ себя, такое желаніе наслаждаться и жить во всю, какихъ ужъ не встрѣтишь среди нашихъ разочарованныхъ, разувѣрившихся во всемъ современниковъ.

IV.

Характерной особенностью Каталоніи, отличающей ее отъ современныхъ европейскихъ странъ и отъ центра Испаніи, является развитіе муниципальной жизни.

Вся Испанія усѣяна городами, построенными въ глубокой древности, часто до основанія Рима. Народная легенда даже приписываетъ нѣкоторымъ городамъ такихъ древнихъ основателей, какъ Адамъ и его сынъ Сифъ. Испанскіе города жили независимою жизнью, вели войны съ кѣмъ хотѣли и заключали самостоятельные договоры съ сосѣдними народами. Въ эпоху римскаго завоеванія каждый городъ сдавался побѣдителю на различныхъ условіяхъ и поэтому входилъ въ составъ имперіи съ различными правами—одни съ правами латинскихъ городовъ, другіе—съ правомъ римскаго гражданства и т. д. Эти права съ прибавкою древнихъ мѣстныхъ обычаевъ и послужили основаніемъ «fueros'овъ», то-есть привилегій и вольностей испанскихъ городовъ.

Впослѣдствіи, когда короли начали «собирать» испанскую

землю, имъ понадобилась помощь городовъ для безконечныхъ войнъ съ маврами. Города обыкновенно обѣщали свою помощь только подъ условіемъ, что ихъ древнія привилегіи будутъ сохранены; многіе города требовали отъ королей присяги въ вѣрности «fueros'амъ». Такимъ образомъ, Испанія получила свою «великую хартію вольностей» лѣтъ за 250—350 раньше Англіи. Характерно, что эти вольности въ общемъ схожи съ англійскими: неприкосновенность жилища и личности, принципъ выборныхъ должностей, представительство въ Кортесахъ, запрещеніе королю въѣзжать въ городъ безъ разрѣшенія городского совѣта и др. Но когда Испанія была объединена и мавры изгнаны, королевская власть начинаетъ тяготиться вольностями городовъ и понемногу нарушаетъ fueros'ы. Два столѣтія испанской исторіи занято этой борьбой между короной и городами. Карлъ V подавляетъ возстаніе «комунеросовъ» при помощи своихъ итальянскихъ и нѣмецкихъ рыцарей; Филиппъ II на столько чувствуетъ свою силу, что казнитъ Ланусу, третейскаго судью, который на основаніи фуэросовъ Сарагосы, рѣшалъ всѣ споры между городомъ и короной, а Филиппъ V уничтожаетъ самые фуэросы. Въ борьбѣ между городами и короной церковь стояла на сторонѣ короля, и есть основаніе думать, что инквизиція была направлена не только противъ мавровъ, евреевъ и еретиковъ, но и на борьбу со свободолюбивымъ духомъ городовъ.

Въ концѣ концовъ центральная власть побѣдила, и города Кастиліи, Арагоніи и Леона стали простыми административными центрами, какъ русскіе и французскіе города. Но въ Каталоніи муниципальныя традиціи оказались болѣе живучими и сохранились до нашего времени. Правда, правительство здѣсь не такъ упорно боролось съ городами, какъ въ центрѣ Испаніи. Въ фискальномъ отношеніи ему было даже выгодно поддерживать власть муниципалитетовъ, потому что всѣ налоги съ населенія собираются въ Каталоніи черезъ муниципалитетъ. Кромѣ того, традиціонная политика Испаніи состояла въ томъ, чтобы ссорить между собою различные города Каталоніи и всячески поддерживать между ними раздоры и соперничество. «Генералъ-капитаны», то-есть, намѣстники провинціи, находясь постоянно подъ страхомъ возстанія, старались, чтобы жители чувствовали себя барцелонцами, фигерасцами, таррагонцами, а не каталонцами вообще, и для этого возстановляли древнія права и одѣляли города льготами одинъ въ ущербъ другому.

Какъ примѣръ подобной политики, приведу неудачную попытку бывшаго премьера Испаніи, сеньора Мауры, поссорить провинцію Ампурданъ съ городомъ Барцелоной.

Ампурданъ—одно изъ самыхъ чудныхъ побережій Средиземнаго моря. Лѣтъ черезъ десять, когда Испанія станетъ лучше извѣстна среднему туристу, Ампурданъ сдѣлается каталонскою Ривьерою. Онъ лежитъ у подножія восточныхъ Пиренеевъ, на берегу голубого залива Розасъ, спокойнаго, какъ озеро. Здѣсь круглый годъ дер-

жится ярко-зеленая трава и распускаются все новые и новые цвѣты. Всю зиму среди темной зелени апельсинныхъ деревьевъ висятъ оранжевые плоды, а уже въ февралѣ сады покрываются какъ снѣгомъ, большими цвѣтами миндалей и абрикосовъ, розовыми цвѣтами персиковъ и лиловыми—іудина дерева. Отъ «мистраля», который такъ свирѣпствуетъ зимою въ южной Франціи, Ампурданъ защищенъ Пиренеями; отъ африканскихъ вѣтровъ, изсушающихъ Испанію лѣтомъ, его защищаютъ южные отроги горъ.

Долину Ампурдана пересѣкаютъ двѣ рѣки: Муга и Льобрегатъ. Въ пескахъ, нанесенныхъ этими рѣками въ теченіе вѣковъ, погребена древняя греко-финикійская колонія Эмпоріонъ. По пространству, которое занималъ этотъ городъ на берегу залива Розасъ, можно высчитать, что въ Эмпоріонѣ было около милліона жителей. Въ то время, какъ Барцелона была крошечнымъ рыбачьимъ поселкомъ, Эмпоріонъ уже велъ огромную торговлю со всѣми побережьями Средиземнаго моря. Раскопки показали, что городъ былъ очень богатъ; на небольшомъ пространствѣ уже удалось найти нѣсколько общественныхъ зданій, пристань съ гранитнымъ моломъ пяти саженъ шириною, храмъ Діаны съ чудной статуей, которую Ротшильдъ купилъ за 500 тысячъ франковъ, множество частныхъ домовъ съ мраморными колоннами и мозаиковыми полами, и пр., и пр.

И вотъ сеньоръ Маура, съ интересомъ слѣдившій за этими раскопками, задался мыслью ни больше, ни меньше, какъ возстановить Эмпоріонъ, и изъ рыбацкаго города Розаса, лежащаго на мѣстѣ одного изъ кварталовъ древней колоніи, создать соперницу Барцелонѣ. Богатая, гордая Барцелона всегда была ненавистна истинно-испанскимъ людямъ. Нищая Кастилія завидуетъ ея богатству; католики видятъ въ ней очагъ невѣрія и вольнодумства, реакціонеры опасаются ея, какъ революціоннаго центра. И поэтому сеньоръ Маура, какъ государственный человѣкъ, не сомнѣвающійся во всемогуществѣ административнаго воздѣйствія, рѣшилъ однимъ ударомъ поразить «мятежную» Барцелону и создать въ Каталоніи центръ, связанный своимъ благосостояніемъ съ консервативной партіей. Въ какихъ то старыхъ хроникахъ нашли, что въ средніе вѣка Розасъ былъ значительнымъ портомъ съ привилегіей безпошлиннаго ввоза товаровъ. Поэтому правительство Мауры объявило, что всѣ товары, которые будутъ доставлены въ Испанію черезъ Розасъ, подвергаются особому пониженному тарифу. Затѣмъ оно начало переговоры съ капиталистами о постройкѣ вѣтки для соединенія Розаса съ Сѣверной желѣзной дорогой. И наконецъ—какъ мѣра для привлеченія туристовъ—Маура велѣлъ вырубить вѣковые платаны, украшавшие единственную улицу городка и засадить ее пальмами, какъ «Promenade des Anglais» въ Ниццѣ. Сдѣлавъ все это, Маура началъ ждать результатовъ. Но почему то пароходы упорно не хотѣли заходить въ Розасъ, и паровая лебедка, поставленная за счетъ казны на набережной для разгрузки товаровъ,

стояла безъ дѣла. Тогда вспомнили, что за послѣднія нѣсколько столѣтій заливъ сильно обмелѣлъ. Муга и Льобрегатъ наносятъ столько песку, что каждый годъ дно залива поднимается на нѣсколько сантиметровъ, а суша вдвигается въ море на 2—3 метра. Гранитный молъ Эмпоріона, напримѣръ, былъ раскопанъ въ двухверстномъ разстояніи отъ нынѣшняго берега. Но и это не обезкуражило сеньора Маури; онъ уже собирался приступить къ какимъ то грандіознымъ работамъ по углубленію дна, какъ началась война въ Марроко, а потомъ ему пришлось выйти въ отставку изъ-за казни Феррера. Такимъ образомъ единственнымъ результатомъ этой административной попытки возродить Эмпоріонъ было только то, что жители Розаса лишились своихъ чудныхъ, тѣнистыхъ платановъ.

Благодаря живучести муниципальныхъ традицій, Каталонія—страна того мелкаго патріотизма, который французы называютъ «le patriotisme du clocher».

Горожане и жители окрестныхъ деревень привязаны къ своему городу, гордятся имъ, готовы защищать его деньгами и кровью. Разбогатѣвшій каталонецъ, куда бы ни занесла его судьба, въ концѣ концовъ вернется въ родной городъ, построитъ въ немъ домъ и, умирая, оставитъ что-нибудь на городскія учрежденія. Гдѣ бы онъ ни жилъ, но важныя событія жизни—свадьбу или крещеніе старшаго сына—онъ постарается отпраздновать въ родномъ городѣ. Если ему повезло, онъ «вытащитъ за уши» своихъ одногорожанъ и устроитъ ихъ возлѣ себя. Какъ-то въ Барцелонѣ я обѣдалъ въ домѣ одного банкира. Вся его прислуга была изъ одного города съ нимъ, и старые лакеи говорили ему «ты». За обѣдомъ прислуга сидѣла за однимъ столомъ съ хозяиномъ, и ѣла тѣ же блюда; только конецъ стола, гдѣ сидѣлъ гость, былъ покрытъ скатертью, а тамъ, гдѣ прислуга—клеенкой.

Города соперничаютъ между собою въ общественныхъ постройкахъ; прежде это были церкви и каѳедральные соборы, теперь городскія ратуши и больницы. Но особенно они соперничаютъ въ роскоши при устройствѣ различныхъ «ferias»—особыхъ праздниковъ, которые можно назвать «именинами города». Въ эти дни празднуется какое нибудь счастливое событіе изъ исторіи города: снятіе осады, избавленіе отъ чумы, отраженіе мавровъ или пиратовъ. На такіе праздники городской совѣтъ не скупится на средства, и часто урѣжетъ расходы на что нибудь другое, лишь бы пустить пыль въ глаза роскошью процессіи и иллюминаціи. Въ обѣднѣвшихъ городахъ со славнымъ прошлымъ устройство «ferias» уже не подъ силу муниципалитету, и тогда частные люди сами организуютъ праздникъ: дамы шьютъ костюмы по образцамъ костюмовъ эпохи, когда произошло событіе, цехи ремесленниковъ куютъ старинное оружіе и доспѣхи, вышиваютъ ковры, дѣлаютъ колесницы и символическія фигуры для процессій и представленій. Нѣкоторыя

«ferias» продолжаются по два или три дня и обходятся муниципалитетамъ десятки и даже сотни тысячъ франковъ. Напримѣръ, въ Фигерасѣ въ концѣ мая городъ устраиваетъ процессію въ память избавленія отъ чумы въ 1600 году. Праздникъ носитъ названіе «profaso de la Tramontana», «моленіе о вѣтрѣ», потому что во время эпидеміи все населеніе города отправилось пѣшкомъ въ горы молить Рекезенскую Божью Матерь о вѣтрѣ, который «развѣялъ» бы чуму. Съ тѣхъ поръ каждый годъ образуется огромная процессія, впереди ея идутъ рыцари, монахи, ремесленники, дворяне и крѣпостные въ характерныхъ старинныхъ костюмахъ, за ними почти все населеніе города и окрестныхъ деревень, и приглашенные изъ другихъ городовъ, и, наконецъ, позади всѣхъ безконечная вереница повозокъ и тачекъ торговцевъ, съ лимонадомъ, виномъ, съѣстными припасами. Процессія идетъ медленно, дѣлаетъ частые привалы и добирается до Рекезенской пустыни только къ вечеру, проводитъ въ ней цѣлый день и возвращается въ Фигерасъ только на третій день вечеромъ.

Я присутствовалъ на «ferias» города Сольера, на островѣ Майоркѣ. Островъ когда то входилъ въ составъ Каталонскаго королевства, и до сихъ поръ у жителей Майорки остались каталонскіе обычаи и языкъ. Сольеръ празднуетъ въ маѣ свою побѣду надъ турецкими пиратами, которые пытались въ XVI вѣкѣ ограбить городъ. Они пріѣхали на баркахъ изъ Алжира въ количествѣ 1700 человѣкъ, высадились въ порту и начали уже поджигать дома и связывать плѣнныхъ дѣвушекъ и юношей, чтобы вести ихъ къ баркамъ, какъ жители города вернулись подъ начальствомъ капитана Анжелеца и перебили почти всѣхъ пиратовъ.

Праздникъ Сольера особенно интересенъ тѣмъ, что у сольерцовъ сохранились еще тѣ костюмы и оружіе, которые были на пиратахъ и на жителяхъ города, когда произошло нападеніе. На глазахъ у нѣсколькихъ тысячъ приглашенныхъ изъ другихъ городовъ, мѣстные жители устраиваютъ представленіе на открытомъ воздухѣ, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ произошло событіе. Мѣстные молодые люди, одѣтые турками, подъ предводительствомъ толстаго сѣдого вождя Суфранса, высаживаются на берегъ изъ рыбачьихъ лодокъ, украшенныхъ полу-мѣсяцами, бѣгутъ въ городъ со страшными криками, забираются въ дома и выбрасываютъ изъ оконъ чучела, одѣтыя въ женское платье. При этомъ они увлекаются сами, и играютъ такъ естественно, что зрительницы кричатъ отъ страха. Потомъ въ порту происходитъ сраженіе между турками и христіанами, и поединокъ между Суфрансомъ и капитаномъ Аржелецомъ; капитанъ срубаетъ у своего противника голову изъ папье маше, подымаетъ ее за волосы, блѣдную, съ длинной бѣлой бородой, окрашенной кровью и несетъ въ сопровожденіи всѣхъ зрителей въ мѣстную церковь. Этой процессіей заканчивается представленіе: изъ церкви несется колокольный радостный звонъ, и на порогъ ея выходитъ священникъ, ко-

торый принимаетъ изъ рукъ капитана Аржелеца голову Суфранса и уноситъ ее въ ризницу. Говорятъ, что въ Сольверской церкви, дѣйствительно, хранится подлинная, засушенная голова предводителя пиратовъ.

V.

Мы видѣли, что въ Каталоніи преобладаетъ муниципальный патріотизмъ. Но нельзя сказать, чтобы каталонцы были лишены національнаго самосознанія. Они въ такой же мѣрѣ чувствуютъ себя націей, въ какой, напримѣръ, жители греческихъ городовъ чувствовали себя «эллинами» передъ лицомъ персовъ. Имъ тоже нація представляется, какъ свободный союзъ городовъ, въ которыхъ говорятъ по каталонски. Поэтому ихъ національное самосознаніе перешагнуло черезъ Пиренеи, и они такъ же интересуются всѣмъ, что происходитъ въ Тулузѣ и Перпиньянѣ, какъ и тѣмъ, что въ Барцелонѣ и Тарагонѣ; до сихъ поръ они считаютъ, что Барцелона и Перпиньянъ—двѣ столицы Каталоніи, какъ Варшава и Краковъ двѣ столицы Польши, хотя и находятся въ различныхъ государствахъ.

Каталонцы давно ужъ не мечтаютъ о какой-либо самостоятельной «Каталонской республикѣ», и идеи сепаратизма не находятъ отголоска въ широкихъ слояхъ общества. Ихъ страна существовала, какъ самостоятельное государство, всего $3^1/_2$ столѣтія, отъ IX до середины XII вѣка; въ составъ его входила Южная Франція до Авиньона, Балеарскіе острова и Сардинія. Это эфемерное государство скоро распалось и къ 1714 г. потеряло всякую самостоятельность.

Съ 1714 г. Каталонія борется не за отдѣленіе отъ Испаніи, а только за автономію. Сепаратизмъ Каталоніи это—миѳъ, сочиненный въ Мадридѣ, чтобы оправдать въ глазахъ Европы всѣ жестокости испанскаго правительства, кровавыя расправы съ Барцелоной и наводненіе страны кастильскими чиновниками, кастильскими солдатами и кастильскими монахами, которые живутъ на счетъ каталонскаго населенія. Такъ же, какъ бомбы, взрывающіяся всегда такъ необыкновенно кстати на улицахъ Барцелоны, призракъ сепаратизма нуженъ правительству: онъ даетъ ему право отмѣнять конституціонныя гарантіи передъ выборами. «Генеральные капитаны» должны прибѣгать къ такой крутой мѣрѣ потому, что въ Каталоніи непримѣнима обычная предвыборная политика правительства, дающая полный успѣхъ во всѣхъ другихъ провинціяхъ Испаніи, а именно, поддѣлка избирательныхъ списковъ, внесеніе въ нихъ «мертвецовъ», а то и никогда не существовавшихъ людей и т. д. Но каталонцы такъ зорко слѣдили за правильностью выборовъ, а ихъ «алькальды» такъ ревниво оберегали избирательные списки и возбуждали послѣ выборовъ сотни скандальныхъ

процессовъ, что съ 1892 г. Каталонія имѣетъ въ Кортесахъ 40 независимыхъ отъ правительства депутатовъ. Они составляютъ такъ называемый «каталонскій блокъ» («la solidaridad catalana») изъ людей различныхъ партій, начиная отъ ультра-реакціонныхъ карлистовъ и кончая республиканцами и соціалистами, согласившихся только на одномъ—на необходимости автономіи для Каталоніи.

Итакъ, въ Каталоніи теперь никто не добивается отдѣленія отъ Испаніи. Ведущій идейно и матеріально классъ—буржуазія боится этого отдѣленія, потому что оно повело бы Каталонію къ промышленному раззоренію. Испанія, изолированная отъ Европы высокимъ протекціоннымъ тарифомъ, представляетъ для Каталоніи такой же прекрасный рынокъ, какъ Россія для Польши. Это понимаютъ всѣ въ Испаніи, и послѣ всякаго возстанія въ Барцелонѣ (какъ это было и прошлымъ лѣтомъ) часть реакціонеровъ требуетъ, что бы Каталонію наказали пониженіемъ испанскихъ таможенныхъ тарифовъ. Но на такую мѣру не могутъ согласиться ни либералы, ни консерваторы, потому что пониженіе пошлинъ раззорило бы черное духовенство: извѣстно, что испанскіе монастыри занимаются фабрикаціей всякаго рода издѣлій.

Программа каталонской автономіи была выработана въ 1892 г. на конгрессѣ въ городѣ Манресѣ, куда съѣхались представители всѣхъ городовъ. Эта программа-минимумъ заключаетъ три главныхъ пункта: 1) признаніе каталонскаго языка равноправнымъ съ кастильскимъ; 2) всѣ чиновники въ Каталоніи должны быть каталонцами; 3) финансовая автономія; то есть всѣ суммы, собираемыя съ каталонскаго населенія, должны идти на нужды самой Каталоніи; для этого какъ расходы, такъ и обложеніе налогами должны находиться въ вѣдѣніи особаго мѣстнаго парламента.

Скажу нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ пунктовъ.

Каталонскій языкъ—не нарѣчье испанскаго, какъ думаютъ многіе, а самостоятельный романскій языкъ. Онъ очень похожъ на старо-провансальскій, съ тою только разницей, что въ каталонскій входитъ много германскихъ корней—вѣроятно, наслѣдіе отъ визиготовъ. Валенціанскій говоръ, въ которомъ меньше германскихъ корней, такъ похожъ на провансальскій, что до нашего времени крестьяне изъ окрестностей Валенціи и Сагунто понимаютъ и поютъ пѣсни старыхъ трубадуровъ. Каталонцы любятъ и гордятся своимъ языкомъ; для того, чтобы сохранить его въ чистотѣ, они устраиваютъ каждый годъ поэтическія состязанія между городами, на которыя собираются десятки тысячъ слушателей. На каталонскомъ языкѣ издается до 200 газетъ и журналовъ, на немъ есть обширная, оригинальная и переводная литература, богатый фольклоръ и множество народныхъ пѣсенъ. Понятно, что каталонцевъ чрезвычайно оскорбляетъ пренебреженіе правительства къ ихъ языку и недопущеніе его въ среднюю школу, университетъ и судъ.

Во всемъ этомъ они видятъ желаніе «окастилить» Каталонію и уничтожить каталонскую національность.

Съ кастильскимъ языкомъ каталонцы еще могли бы примириться; болѣе серьезное зло представляютъ чиновники, жандармы и офицеры, которыхъ присылаютъ изъ Мадрида. Испанскій чиновникъ—частица Африки, забытая арабами. Въ чиновники идутъ неудачники, лѣнтяи, недоросли, неспособные ни къ какому другому дѣлу. «Бюджетъ, — говоритъ испанскій писатель Валера,—это—пріютъ для нищихъ въ сюртукахъ, это—госпиталь для грамотныхъ попрошаекъ». При испанскомъ мало энергичномъ темпераментѣ только административная карьера доступна старой, раззорившейся аристократіи; образовалась цѣлая каста людей, которая облѣпила бюджетъ, какъ мухи сахаръ, наполняетъ всѣ департаменты, ничего не дѣлаетъ и получаетъ грошевое содержаніе. «Los reyes holgazanes»—«короли-бездѣльники»—такъ называетъ ихъ прогрессивная печать. И такъ какъ жалованіе очень мало (1000 песетъ въ годъ, т. е. 35 руб. въ мѣсяцъ считается уже завиднымъ положеніемъ), то чиновникамъ надо устраиваться такъ, чтобы «кормиться» непосредственно отъ населенія. Въ Каталоніи чиновники чувствуютъ себя особенно развязно и знаютъ, что центральное правительство всегда будетъ на ихъ сторонѣ изъ боязни подорвать «престижъ власти» у населенія. Поэтому взяточничество, лихоимство и вымогательство возведено здѣсь въ стройную систему. Административная машина тяжела на подъемъ и медленна; обратитесь къ «начальству» съ какой-нибудь просьбой—по первому, инстинктивному движенію оно сначала откажетъ вамъ, еще не вникнувъ въ суть дѣла; если оно по вашему требованію начнетъ изучать ваше дѣло, то только для того, чтобы найти какія-нибудь придирки. Такимъ образомъ, вся система принуждаетъ обывателя давать взятки, иначе житья нѣтъ. Взятки берутся здѣсь открыто, на глазахъ у всѣхъ, съ яснымъ челомъ и чистою совѣстью. Придите на рынокъ—вы увидите, какъ guardia civil (стражникъ министерства внутреннихъ дѣлъ) прохаживается по рядамъ и беретъ съ лотковъ все, что ему нравится. Въ желѣзно-дорожныхъ буфетахъ вы часто можете видѣть, какъ какой-нибудь штатскій обѣдаетъ, потомъ подзываетъ хозяина, показываетъ ему свою визитную карточку и уходитъ, не платя. Въ прошломъ году въ заливъ Розасъ пріѣхали французскіе зоологи для изученія морской фауны. Портовый смотритель явился на ихъ судно «Роланъ» и подъ предлогомъ, что у судна нѣтъ рыболовнаго патента, сталъ нахально требовать взятку. Только угроза телеграфировать французскому посланнику въ Мадридъ охладила административное рвеніе смотрителя.

Но ужаснѣе всего каталонскіе суды, гдѣ судятъ кастильскіе судьи. Изъ Мадрида сюда присылаютъ самыхъ безталанныхъ, озлобленныхъ неудачами прокуроровъ, слѣдователей и судей. Почти всѣ они люди безъ настоящаго юридическаго образованія, ли-

шенные всякаго чувства справедливости; всѣ они считаютъ, что ихъ миссія въ Каталоніи не творить правосудіе, а уловлять крамолу и карать за политическое и религіозное вольнодумство. Они находятся подъ вліяніемъ духовенства и клерикаловъ, которые внушаютъ имъ юридическія теоріи и пріемы, примѣнявшіеся только въ инквизиціонныхъ трибуналахъ. Вспомните процессъ несчастнаго Феррера. Единственнымъ матеріаломъ для обвиненія служили показанія политическихъ противниковъ Феррера или вырванныя угрозами у крестьянъ. Показанія эти носятъ такой характеръ: «я слыхалъ, что Ферреръ организовалъ барцелонское возстаніе», «мнѣ говорили, что Ферреръ подкупилъ людей, которые жгли монастыри», два неизвѣстныхъ говорили при мнѣ въ кафе, что Ферреръ прислалъ въ Монгатъ ящикъ съ патронами». Кто говорилъ и отъ кого слыхали свидѣтели— этотъ вопросъ почему то не заинтересовалъ судебнаго слѣдователя. И такъ какъ судъ боялся, что адвокатъ сумѣетъ очень легко сбить подобныхъ свидѣтелей, то принималъ ихъ показанія въ особомъ засѣданіи, въ отсутствіи подсудимаго и защитника. Затѣмъ судъ отказался вызвать какихъ бы то ни было свидѣтелей въ пользу подсудимаго, считая, что это только уловка защитника для продленія процесса. Дѣйствительно, парламентъ долженъ былъ собраться черезъ нѣсколько дней, а Феррера надо было казнить до открытія кортесовъ, иначе кортесы непремѣнно потребовали пересмотра всего процесса. А на другой день послѣ процесса защитникъ Феррера, капитанъ Франсиско Гальсеранъ, протестовавшій противъ всѣхъ этихъ беззаконій, былъ арестованъ.

Правда, Феррера судилъ военный судъ, а на военномъ судѣ все возможно. Но вотъ другое дѣло въ обыкновенномъ уголовномъ судѣ—дѣло протестантскаго пастора Лопесъ Родригесъ *). Лопесъ по просьбѣ одного протестанта похоронилъ его ребенка по протестантскому обряду. Мѣстный католическій священникъ подалъ на пастора жалобу: по его словамъ, ребенокъ былъ католикъ, такъ какъ онъ самъ окрестилъ его по католическому обряду. Крещеніе это было тайное, въ запертой церкви, и даже не зарегистрировано въ церковныя книги, такъ что ни отецъ ребенка, ни пасторъ не могли знать объ этомъ. Прокуроръ, получившій жалобу священника, вѣроятно, не далъ бы хода изъ-за отсутствія состава преступленія. Но предсѣдатель Херонскаго судебнаго округа получилъ отъ самого сеньора Мауры сообщеніе, что «король требуетъ строгаго разслѣдованія» дѣла Лопеса. Пастора, его брата, «алькальде» города, гдѣ произошли похороны, и отца ребенка привлекли не къ суду присяжныхъ, которому такого рода дѣла под-

*) См. мою корреспонденцію «День въ испанской тюрьмѣ» «Русское Слово» 5 IX 09.

суды, а къ трибуналу коронныхъ судей—и, разумѣется, этотъ судъ нашелъ виновными всѣхъ 4 подсудимыхъ. Когда же верховный мадридскій трибуналъ, желая пересмотрѣть это дѣло, потребовалъ всѣ документы относительно него, то Херонскій судъ прислалъ фальсифицированные протоколы своихъ засѣданій, въ которыхъ отсутствовали всѣ показанія въ пользу подсудимыхъ. Можно представить себѣ, сколько раздраженія противъ испанскаго правительства вызываетъ такое правосудіе у каталонцевъ, народа культурнаго, образованнаго и щепетильно справедливаго.

Бюджетъ тоже представляетъ источникъ раздраженія. Испанія, привыкшая жить на счетъ колоній, разсматриваетъ и Каталонію, какъ одну изъ своихъ колоній. Эта провинція по населенію составляетъ одну шестую всей Испаніи, а несетъ на себѣ немного меньше половины всего бюджета. Взамѣнъ же они не получаетъ ни одной пезеты на свои культурныя нужды; когда правительство заявляетъ въ Кортесахъ: «Каталонія стоитъ намъ очень дорого»—оно хочетъ сказать этимъ, что кастильцы, служащіе въ Каталоніи чиновниками, жандармами, офицерами и монахами (которые тоже числятся на государственной службѣ) получаютъ казенное содержаніе помимо того, что они непосредственно собираютъ съ населенія.

Какимъ образомъ Каталонія можетъ добиться автономіи? Всѣ, съ кѣмъ мнѣ случалось бесѣдовать на эту тему, очень пессимистично настроены и разсчитываютъ только на революцію — общеиспанскую или мѣстную, каталонскую. Первое время послѣ образованія «Solidaridad catalana» многіе еще вѣрили въ возможность парламентской борьбы; теперь уже достаточно выяснилось, что группа въ 40 человѣкъ безсильна противъ парламентскаго большинства, всегда послушнаго правительству. Въ кортесахъ есть двѣ конституціонныя партіи—либералы и консерваторы; онѣ приблизительно соотвѣтствуютъ нашимъ лѣвымъ и правымъ октябристамъ; обѣ партіи повинуются директивамъ всесильнаго духовенства и потому обѣ, въ сущности, реакціонны. Между либералами и консерваторами происходитъ «игра въ качели»—то есть власть переходитъ отъ одной партіи къ другой по взаимному соглашенію. Когда, напримѣръ, консервативное правительство надѣлаетъ глупостей, позволитъ своимъ агентамъ слишкомъ нагло провороваться или затѣетъ какое нибудь явно-нелѣпое предпріятіе въ родѣ марокксной войны,—оно уступаетъ мѣсто либераламъ. Въ такой политикѣ есть глубокая психологія и пониманіе южнаго темперамента. Общество возмущено, печать кричитъ благимъ матомъ, на митингахъ ораторы протестуютъ, кажется, что не сегодня-завтра народъ начнетъ строить баррикады. Но вотъ въ Кортесахъ происходитъ бурное засѣданіе, правительство подаетъ въ отставку, и образуется новый кабинетъ. И сразу все успокаивается—раздраженіе сорвано, всѣ вѣрятъ, при

другомъ правительствѣ начнутся другіе порядки; забываютъ только, что новый кабинетъ состоитъ изъ людей, которые лѣтъ пять тому вызвали противъ себя такое же раздраженіе. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить недавняя отставка консервативнаго правительства. Мауру теперь смѣнилъ либералъ Моретъ, — но ничто, разумѣется, не измѣнилось. По отношенію къ Каталоніи положеніе скорѣе ухудшилось, потому что либералы, находясь у власти боятся не прогрессивной печати, а реакціонной, и стараются всегда доказать, что и они умѣютъ крѣпко натягивать возжи. Первое, что сдѣлалъ кабинетъ Морета — онъ назначилъ «генеральнымъ капитаномъ» Каталоніи «либерала» Вейлера, испанскаго Аракчеева, прославившагося своею жестокостью во время войны съ Кубой. Сначала правительство хотѣло послать его въ Марокко, но потомъ сообразило, что дома генералъ Вейлеръ можетъ быть полезнѣе. Затѣмъ Моретъ выступилъ въ Кортесахъ съ проектомъ увеличеніе арміи. Теперь у Испаніи есть 80-тысячная армія; собственно и такая армія ей не по силамъ и совершенно лишняя, такъ какъ у Испаніи нѣтъ внѣшнихъ враговъ и пока даже не предвидятся. Но, очевидно, 160-тысячная армія нужна противъ внутренняго врага, то-есть противъ Каталоніи.

Драма каталонскаго народа состоитъ въ томъ, что онъ находится въ подчиненіи у некультурнаго народа, располагающаго сравнительно огромной физической силой. Мадридское правительство владѣетъ крѣпкою военной организаціей, пушками, пулеметами, крѣпостями и блиндированными автомобилями, а у каталонцевъ нѣтъ ничего, кромѣ ихъ высокой культуры. Кромѣ того, они уже не представляютъ той компактной массы, которою были нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Еще недавно каталонцы не были такъ глубоко разслоены на классы, какъ теперь. Тогда производство было еще мелкое, почти кустарное, пролетаріатъ еще не оторвался отъ земли, крупная буржуазія еще не образовалась. Тогда не чувствовалась противоположность интересовъ капиталистовъ и рабочихъ; каждый новый фабрикантъ привѣтствовался обществомъ и печатью, чуть ли не какъ филантропъ, нашедшій новое примѣненіе народному труду. О стачкахъ не слыхали, соціализмъ еще не успѣлъ распространиться, какъ теперь, и были только анархисты, особаго испанскаго типа — экзальтированные защитники политической свободы.

Поэтому въ прежнихъ возстаніяхъ противъ Испаніи принималъ участіе весь каталонскій народъ. Теперь же появилась розвь классовыхъ интересовъ, и буржуазія не станетъ больше принимать участія въ возстаніяхъ, имѣющихъ такъ мало шансовъ на удачу. Въ слѣдующей главѣ я постараюсь показать, что неудача послѣдняго барцелонскаго бунта произошла главнымъ образомъ потому, что буржуазія не приняла въ немъ участія.

VI.

Я пріѣхалъ въ Барцелону черезъ три дня послѣ окончательнаго подавленія іюльскаго возстанія 1909 года. Баррикады еще не были разобраны. Возлѣ моей гостиницы улицу перегораживала безобразная полу-разрушенная стѣна изъ булыжниковъ, мѣшковъ съ пескомъ и досокъ, связанныхъ телеграфной проволокой. Вокругъ, въ нѣсколькихъ домахъ зіяли черныя, страшныя выбоины, сдѣланныя пушками. Еще курились развалины сожженныхъ церквей и монастырей. Съ вершины горы «Tibidabo» я видѣлъ картину, которую не скоро забуду. Отсюда видна почти вся каталонская низменность, отъ Пиренеевъ, лежащихъ на сѣверѣ сизымъ облачкомъ со снѣжными краями, до устьевъ Эбро, затерянныхъ въ желтыхъ пескахъ. На зеленой картѣ у моихъ ногъ сѣть дорогъ казалась паутиной, а города—розово-сѣрыми пятнами. И надъ каждымъ такимъ пятномъ стоялъ огромный столбъ дыма, взлохмаченный вѣтромъ: тамъ возстаніе еще не было подавленно, тамъ дрались еще среди догорающихъ развалинъ...

Но въ Барцелонѣ было уже спокойно. По улицамъ ѣздили патрули «guardia civil»; на перекресткахъ стояли пѣхотинцы—маленькіе черные, какъ жуки, въ смѣшныхъ пикейныхъ костюмахъ и въ сандаліяхъ на босу ногу. Великолѣпные офицеры ходили попарно, съ хлыстиками за спиною, смотря на публику гордо и вызывающе. Уличная толпа дѣлала видъ, что не замѣчаетъ ихъ, гуляла по «Рамблѣ», покупала цвѣты у смуглыхъ дѣвушекъ съ мѣдными кольцами въ ушахъ, ѣла мороженное на тротуарахъ за столиками кафе и съ жадностью читала газеты, вышедшія въ первой разъ послѣ возстанія.

Судя по тому, что разсказывали мнѣ люди самыхъ различныхъ партій, вотъ какъ можно схематизировать событія въ Барцелонѣ во время «красной недѣли».

Маррокинская экспедиція вызвала, какъ извѣстно, негодованіе во всей Испаніи. Правительство затѣяло ее, уступая давленію придворной камарильи, основавшей «Сѣверо - Африканскую К°» для разработки копей въ Марокко. Компанія эта, собственно, не имѣла никакихъ правъ на свои копи, потому что концессія на нихъ ею получена не отъ законнаго султана, а отъ Роги, мятежнаго претендента на престолъ. Въ Испаніи ни для кого не было секретомъ, что цѣлью экспедиціи было добится подтвержденія султаномъ этой концессіи. За экспедицію стояли также, кромѣ придворной камарильи, духовенство и армія; духовенство потому, что орденъ іезуитовъ вложилъ крупные капиталы въ акціи компаніи, а армія, или, вѣрнѣе, ея высшіе офицеры—потому что всякая война даетъ имъ въ руки огромныя безконтрольныя суммы.

Такимъ образомъ, протестъ противъ маррокинской войны являлся протестомъ противъ вмѣшательства духовенства и арміи въ гражданскія дѣла Испаніи. Буржуазіи и рабочему классу давно уже невыносимо давленіе, которое армія постоянно оказываетъ на политическую жизнь націи. Какой-то публицистъ остроумно замѣтилъ, что современная исторія Испаніи сводится къ біографіи нѣсколькихъ генераловъ. Многіе изъ историческихъ фактовъ объясняются не экономическими причинами, а честолюбіемъ того или другаго генерала. Съ 1820 по 1868 г. политическая хроника страны наполнена «pronunciamiento», которыя устраиваютъ въ свою пользу высшіе офицеры. Сентябрская революція 1868 года была вызвана заговоромъ генераловъ Прима, Топете и Серрано и закончилась регенствомъ послѣдняго. Въ 1874 году генералъ Примъ возводитъ на престолъ короля Амедея Савойскаго. Послѣ отреченія Амедея республика держится всего одинъ годъ, потомъ военный заговоръ генерала Пая уничтожаетъ ее, генералъ Мартинесъ Кампосъ возстановляетъ на престолѣ Бурбонскую династію и даетъ Испаніи ея нынѣшнюю конституцію. И, наконецъ, со времени войны съ Соединенными Штатами до настоящаго момента нація постоянно живетъ подъ страхомъ диктатуры генерала Вейлера.

Негодованіе страны особенно возросло, когда оказалось, что въ Марроко будетъ послано не 6,000 солдатъ, какъ предполагалось вначалѣ, а 50,000. Когда же правительство призвало запасныхъ, по большей часть людей женатыхъ и семейныхъ,—во всей Испаніи начались враждебныя манифестаціи. Короля Альфонса освистали въ казармѣ полка, отправляемаго въ Марроко; на вокзалѣ въ Мадридѣ толпа сломала 4 вагона, въ которыхъ везли запасныхъ въ Африку; всѣ провинціальные города устроили уличныя демонстраціи—митинги протеста противъ войны.

Каталонія особенно остро чувствуетъ на себѣ гнетъ арміи, которая держитъ себя здѣсь какъ въ завоеванной странѣ; кромѣ того, военныя власти вызвали изъ Каталоніи наибольшее число резервистовъ. Поэтому каталонское населеніе протестовало особенно страстно, и правительство нашло необходимымъ объявить провинцію на военномъ положеніи. Въ отвѣтъ на эти мѣры, «la Solidaridad Obrera» («Рабочій Союзъ) созвала въ городѣ Тараса огромный митингъ протеста противъ внутренной и внѣшней политики кабинета Маура. Въ резолюціи митинга, между прочимъ, былъ и такой пунктъ: «Собраніе протестуетъ противъ того, что на войну посылаютъ производительныхъ гражданъ, а также вообще всѣхъ равнодушныхъ къ «побѣдѣ креста надъ полу-мѣсяцемъ». Для такой цѣли правительству слѣдовало бы образовать полки изъ монаховъ и кюре, непосредственно заинтересованныхъ въ побѣдѣ католицизма, людей, къ тому же, холостыхъ и бедѣтныхъ и неприносящихъ никакой пользы обществу».

Эта резолюція вызвала большое раздраженіе въ правящихъ

кругахъ, и префектъ Каталоніи запретилъ всякія дальнѣйшія демонстраціи и митинги. Это запрещеніе въ свою очередь вызвало новыя волненія среди рабочихъ. «La Solidaridad Obrera» пригласила на секретное совѣщаніе представителей всѣхъ оппозиціонныхъ партій. Делегаты буржуазныхъ партій предложили устроить рядъ демонстрацій, въ которыхъ приняло бы участіе все городское населеніе Каталоніи; а соціалисты и анархисты высказались за всеобщую забастовку, и мнѣніе ихъ одержало верхъ.

Каталонскій фабричный пролетаріатъ такъ хорошо организованъ, что рабочему союзу ничего не стоило провести всеобщую забастовку. На другой день рабочіе, присланные стачечнымъ комитетомъ, прошли по предмѣстіямъ Барцелоны и кричали въ окна всѣхъ фабрикъ о рѣшеніи союза. Сейчасъ-же всѣ станки останавливались, машинисты запирали паръ въ машинахъ, кочегары переставали подбрасывать уголь въ топки. Къ 9 часамъ утра все остановилось въ Барцелонѣ, а къ 12 часамъ дня, когда телеграммы о забастовкѣ въ столицѣ дошли до провинціальныхъ городовъ— ни одинъ станокъ, ни одно колесо не двигалось уже во всей Каталоніи. Въ это же время пришло извѣстіе изъ Марроко, которое подлило масло въ огонь: военныя власти разстрѣляли десять каталонскихъ резервистовъ, которые крикнули, высаживаясь съ парохода: «долой войну!». Тогда во всѣхъ городахъ Каталоніи забастовщики высыпали на улицу, окружили зданіе муниципалитетовъ и начали вступать въ драку съ полиціей; во многихъ городахъ рабочіе сняли рельсы, испортили насыпи и желѣзнодорожные мосты, чтобы помѣшать передвиженію войска и жандармовъ.

Правительство смѣстило телеграммою гражданскаго префекта и всю власть передало начальнику барцелонскаго гарнизона генералу Сантъяго. Первымъ административнымъ шагомъ генерала былъ манифестъ къ населенію; въ немъ онъ объявлялъ, что войскамъ отданъ приказъ стрѣлять безъ предупрежденія при всякой попыткѣ толпы остановить уличное движеніе. Но этотъ манифестъ никого не испугалъ, и въ отвѣтъ на него толпа начала строить баррикады.

Въ этотъ моментъ революціонеры чувствовали свою силу. Въ городѣ съ шестисотъ-тысячнымъ населеніемъ было только 1200 конныхъ жандармовъ (guardia civil) и гарнизонъ изъ 800 солдатъ. Солдаты, высланные для усмиренія, не слушались своихъ офицеровъ, отказывались стрѣлять въ толпу или стрѣляли въ воздухъ. Мѣстами происходили стычки между ними и полиціей, и нерѣдко солдаты отнимали у полицейскихъ револьверы и раздавали ихъ революціонерамъ. Патрули останавливались на бульварахъ, шутили съ публикой, принимали отъ нея угощенія виномъ и мороженымъ; женщины цѣловали солдатъ и прикалывали къ ихъ мундирамъ красныя розы и гвоздики. Большинство солдатъ уже обжилось въ Барцелонѣ, почти у всѣхъ были знакомые и любовницы въ городѣ; были среди нихъ и сознательно-сочувствующіе движенію.

Революціонная волна скоро переросла всѣ ожиданія организаторовъ движенія. Все дѣлалось само собою, и «вожди» стояли въ сторонѣ или давали безсильные «директивы», на которыя никто не обращалъ вниманія. Изъ провинціи пришли извѣстія, что въ Сабаделѣ, Палафрухелѣ, Маторо и Гранольерсѣ революціонные комитеты захватили городскія думы и провозгласили республику. Горячія головы въ Барцелонѣ требовали образованія временнаго правительства и захвата власти. На второй день возстанія собралось «ayuntamiento»—засѣданіе Городского Совѣта. Представители рабочихъ требовали, чтобы «ayuntamiento» немедленно провозгласило республику и автономію Католоніи; радикалы и умѣренные республиканты и либералы боялись этого шага и указывали на то, что провозглашеніе автономіи при такихъ обстоятельствахъ будетъ понято, какъ отдѣленіе Каталоніи отъ Испаніи, и неизбѣжно поведетъ за собой войну съ остальными провинціями. Голоса раздѣлились поровну, и «ayutamiento» разошлось, ничего не рѣшивъ.

Между тѣмъ населеніе Берцелоны требовало образованія какой-нибудь революціонной власти. Весь городъ былъ уже въ рукахъ революціонеровъ, но никто не зналъ, что дѣлать дальше. Правительственныя силы были совершенно дезорганизованы. Никто не исполнялъ приказанія генерала Сантъяго; солдаты перестали отдавать честь офицерамъ и приходили только къ обѣду и на ночлегъ въ казармы; офицеры, вооруженные съ ногъ до головы, по большей части сидѣли дома и ожидали съ минуты на минуту, что ихъ арестуютъ. Комитету забастовокъ дали знать изъ арсенала и склада военной амуниціи, что гарнизонъ не окажетъ никакого сопротивленія революціонерамъ. Изъ провинціи пришло извѣстіе, что при первомъ требованіи комитета въ Барцелону придутъ 30 тысячъ вооруженныхъ рабочихъ.

По привычкѣ всѣ еще продолжали считать, что комитетъ забастовки является руководителемъ всего движенія. Поэтому со всѣхъ сторонъ его убѣждали образовать временное правительство и стать во главѣ революціонной арміи. Но въ комитетѣ не было ни одной крупной личности—все народъ случайный и неизвѣстный. Члены комитета это сознавали сами; они ясно понимали, что во временное правительство должно входить какое-нибудь яркое, авторитетное, извѣстное всей Каталоніи имя. Такія имена были только среди радикаловъ, и только ихъ участіе въ революціонномъ правительствѣ представляло бы для буржуазіи гарантію въ томъ, что движеніе не пойдетъ по стопамъ парижской Коммуны. И поэтому члены комитета на время пытались привлечь къ себѣ различныхъ политическихъ дѣятелей Каталоніи.

Моментъ былъ такой, что найдись человѣкъ смѣлый, рѣшительный, достаточно жестокій, чтобы не остановиться передъ неизбѣжной рѣзней, онъ создалъ бы огромное движеніе, которое, вѣро-

ятно, закончилось бы автономіей Каталоніи, а можетъ быть, и обще-испанской революціей. Въ центральной Испаніи или во Франціи такой человѣкъ непремѣнно нашелся бы. Но не забудьте, что мы въ Каталоніи — то есть, среди народа, которому примѣсь германской крови принесла извѣстную дозу гамлетизма. Каталонскіе либералы не рѣшались, мямлили, говорили о своемъ отвращеніи ко всякому насилію, обѣщали, а потомъ передумывали и не являлись на свиданія. Говорятъ, напримѣръ, что лидеръ радикаловъ, Эмиліано Иглезіасъ, далъ обѣщаніе войти въ составъ временнаго правительства, но потомъ напугался отвѣтственности и устроилъ такъ, что его арестовали и заперли въ крѣпость Монжуикъ.

Пока шли эти переговоры, пока партіи и фракціи спорили и обвиняли другъ друга, въ Барцелонѣ и окрестностяхъ началось что-то безобразное, безсмысленное, непонятное. Движеніе спустилось въ самые низы, къ безсознательнымъ элементамъ населенія. Вся накипь большого портоваго города—босяки, проститутки, воры, уличные мальчишки—начали поджигать церкви и монастыри. Населеніе Каталоніи имѣетъ тысячи причинъ ненавидѣть духовенство: оно стоитъ поперекъ дороги всякому прогрессу, раззоряетъ деревню своими поборами, эксплуатируетъ дѣтскій трудъ въ монастыряхъ подъ предлогомъ обученія дѣтей ремесламъ, занимается политическимъ сыскомъ и доносами. Толпа поэтому присутствовала на этихъ поджогахъ въ качествѣ равнодушнаго зрителя, потомъ начала отгонять пожарныхъ и мѣшать тушенію пожаровъ и, наконецъ, увлеченная примѣромъ, стала жечь и разрушать сама. Такимъ образомъ, въ одной Барцелонѣ погибло 49 монастырей и церквей. Сгорѣла великолѣпная коллегія отцовъ Эскулаповъ—родъ католическаго медицинскаго факультета—со всѣми лабораторіями, амфитеатрами, и лучшей въ Каталоніи библіотекой, убытковъ было на нѣсколько миліоновъ франковъ. Погибли одна изъ самыхъ древнихъ церквей Испаніи—Санъ Педро де ласъ Пуэльясъ,—полная старинной церковной утвари, древнихъ книгъ и драгоцѣнной мозаики. Нація потерпѣла незамѣнимыя потери въ формѣ картинъ, старыхъ рукописей и археологическихъ драгоцѣнностей, сгорѣвшихъ въ монастыряхъ. Этотъ вандализмъ окончательно дискредитировалъ возстаніе въ глазахъ буржуазіи. Рабочіе тоже были очень смущены и одно время считали даже, что сожженіе монастырей и церквей было провокаціей правительства; теперь эта теорія оставлена.

Напрасно буржуазія и многіе сознательные рабочіе обращались къ забастовочному комитету съ просьбой поставить стражу вокругъ всѣхъ церквей и монастырей. Комитетъ оказался безсильнымъ сдѣлать даже это, потому что въ его средѣ было нѣсколько анархистовъ, защитниковъ поджигателей. Началось всеобщее замѣшательство. Комитетъ разошелся, потому что убѣдился въ своемъ

безсилія и полной безполезности. Буржуазія окончательно порвала съ пролетаріатомъ, считая его виновникомъ всего происшедшаго. Часть рабочихъ обвиняла своихъ вождей за то, что они допустили забастовку принять характеръ возстанія.

Но въ это время генералъ Сантьяго не бездѣйствовалъ, какъ думали всѣ въ городѣ. Онъ ввелъ въ гавань военныя суда и такимъ образомъ обезпечилъ за собой портъ. Затѣмъ правительство прислало ему морскимъ путемъ свѣжія войска изъ Майорки и Валенціи. Это были полки, набранные въ самыхъ некультурныхъ провинціяхъ—въ Леонѣ, Эстремадурѣ, Новой Кастиліи—среди полудикаго населенія. Но даже и эти солдаты въ первое время отказывались брать баррикады и стрѣлять въ народъ. Какъ теперь доказано съ несомнѣнностью, генералу и сочувствующимъ ему реакціоннерамъ пришлось прибѣгнуть къ провокаціи, цѣлью которой было озлобить войска противъ населенія Барцелоны. При обходѣ города патрулями какой-нибудь «шутникъ» начиналъ за баррикадою пускать средь бѣла дня римскія свѣчи; солдаты принимали трескъ фейерверка за ружейные выстрѣлы, направленные въ нихъ. Всюду появился таинственный «hombre del terrado»—человѣкъ крышъ. Это были монахи, патеры и свѣтскіе молодые люди, переодѣтые рабочими. Они являлись въ дома, грозили привратнику браунингомъ и требовали, чтобы ихъ пустили на крышу; отсюда они начинали стрѣлять въ патрули. Эти выстрѣлы раздражали солдатъ, они отстрѣливались или призывали артиллерію, которая открывала огонь по дому, считая, что въ немъ засѣли революціонеры.

Революціонныя силы, совершенно дезорганизованныя, почти не оказывали сопротивленія. За баррикадами стояли любители—жители квартала, которые разбѣгались при первомъ выстрѣлѣ; понемногу революціонеры отступали въ предмѣстья и провинціальные города, а организаторы движенія убѣжали за границу.

Такъ потеряла Каталонія рѣдкій шансъ добиться автономіи революціоннымъ путемъ.

Алексѣй Вернеръ.

Французскій радикализмъ.

Радикализмъ, какъ общественное направленіе и какъ парламентская партія, стоитъ въ настоящее время въ центрѣ французской политической жизни, объединяя подъ своимъ знаменемъ основную массу республиканскихъ элементовъ страны и пользуясь огромнымъ большинствомъ въ Палатѣ и Сенатѣ. Господство радикализма во Франціи носитъ вмѣстѣ съ этимъ характеръ устойчивости. Французскіе радикалы завоевали власть не въ борьбѣ вокругъ какого-нибудь опредѣленнаго злободневно-политическаго вопроса, какъ это часто наблюдается на Западѣ, а въ результатѣ сравнительно постепеннаго присоединенія широкихъ слоевъ демократіи ко всей ихъ программѣ и къ тѣмъ концепціямъ, которыя ее обусловили.

Кромѣ этого, есть еще и другія причины, которыя, каковы бы ни были ошибки радикализма, не позволяютъ предполагать оттѣсненія его въ близкомъ будущемъ отъ отвѣтственнаго управленія страной. Дѣло въ томъ, что республиканскіе и демократическіе идеалы слишкомъ глубоко проникли въ сознаніе большинства французскаго народа, чтобы можно было ожидать перехода этого большинства къ партіямъ, стоящимъ правѣе радикаловъ. Съ другой же стороны, какъ ни значительны успѣхи соціализма въ странѣ, какъ ни быстро растетъ число его сторонниковъ, никто изъ вдумчивыхъ французскихъ соціалистовъ не надѣется на завоеваніе власти въ короткій промежутокъ времени.

Такое мнѣніе неоднократно формулировалось и въ печати, и въ парламентѣ Жоресомъ и многими изъ видныхъ его единомышленниковъ, которые именно поэтому и протестовали противъ отступленія радикаловъ съ пути рѣшительнаго соціальнаго реформаторства.

Вопросъ о судьбѣ французскаго радикализма и объ эволюціи, идейной и практической, имъ совершаемой, получаетъ, такимъ образомъ огромное значеніе для всего общественнаго развитія Франціи. Внутренній кризисъ радикализма, отмѣтившій только что истекшій законодательный періодъ и попытка радикальныхъ дѣятелей выйти изъ него путемъ измѣненія своей политики послѣднихъ лѣтъ, придали указанному вопросу особенно жгучій характеръ и выдвинули его на первый планъ.

Въ предлагаемой статьѣ мы имѣемъ въ виду выяснить процессъ зарожденія и развитія радикальнаго направленія во Франціи, охарактеризовать его своеобразную соціально-политическую доктрину, партійную программу и тактическія традиціи, а также изложить сущность и причины поразившаго его кризиса.

I.

Радикализмъ не возникъ во Франціи, какъ политическое направленіе, самостоятельно: онъ выдѣлился медленно и постепенно изъ республиканской партіи, начавшей складываться еще при Реставраціи, но оформившейся болѣе или менѣе опредѣленно лишь въ періодъ «трехцвѣтной» монархіи Луи-Филиппа.

Для того, чтобы имѣть возможность отличить первые зародыши радикальной мысли среди скрещивавшихся и переплетавшихся идейныхъ теченій въ рядахъ республиканцевъ первой половины XIX-го столѣтія, необходимо принять за основной признакъ радикализма признаніе за государствомъ права вмѣшательства въ соціальныя и экономическія отношенія общественныхъ классовъ. Правда, одинъ такой признакъ не исчерпываетъ еще сущности радикализма, какъ мы увидимъ это ниже. Даже при самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ этимъ политическимъ направленіемъ въ глаза бросается другая его важная отличительная черта: провозглашеніе необходимости самой широкой свободы для полнаго и сознательнаго проявленія державной воли народа и установленіе программы реформъ, обезпечивающихъ такую свободу.

Но въ эпоху возникновенія республиканской партіи, когда сторонникамъ республики приходилось бороться за самыя элементарныя права демократіи, разногласія въ этой области не могли выступить рельефно среди партизановъ еще не опредѣлившихся точно теченій, которыя объединяла эта партія. Всѣ они одинаково требовали республики, не конкретизируя подробно своего требованія.

Принявъ указанный выше признакъ, какъ критерій радикализма, мы не находимъ слѣдовъ его въ республиканскихъ обществахъ и организаціяхъ, получившихъ значительное развитіе въ первые годы царствованія Луи-Филиппа.

Въ манифестахъ и брошюрахъ этихъ обществъ и организацій, рѣзко оппозиціонныхъ и даже революціонныхъ, не встрѣчается ни одного намека на рѣшеніе соціальной проблемы организованной силой государства.

Даже наиболѣе крайняя республиканская группа того времени, «Другъ Народа», объединявшая много революціонной молодежи, среди которой были такія личности, какъ Бланки, Барбесъ, Распайль и др., при всемъ своемъ враждебно отрицательномъ отношеніи къ буржуазіи не выдвигала въ своихъ требованіяхъ ясно и опредѣленно принципа вмѣшательства.

Лишь къ концу сороковыхъ годовъ, когда «трехцвѣтная» монархія доживала уже свои послѣдніе дни, среди республиканцевъ ясно оформилось направленіе, отличавшееся отъ другихъ республи-

канскихъ направленій отчасти въ области тактики, но основная линія размежеванія котораго, главнымъ образомъ, была проведена его взглядами относительно роли государства въ рѣшеніи соціальныхъ вопросовъ.

Направленіе это было представлено группой, занимавшей крайній лѣвый флангъ несоціалистической демократіи и шедшей за Ледрю-Ролленомъ. Группа эта и явилась прообразомъ современнаго радикализма.

Ледрю-Ролленъ въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣчей доказывалъ, что для него и его единомышленниковъ политическое возрожденіе, т. е. всеобщее избирательное право есть лишь средство, орудіе для справедливыхъ соціальныхъ улучшеній.

Эта идея, утверждалъ Ледрю-Ролленъ, диктуется ему чувствомъ и разумомъ. Чувствомъ, которое при видѣ ужасающей нужды, въ которой утопаютъ бѣдные классы, говоритъ ему, что Богъ не могъ желать ихъ осужденія на вѣчныя муки и илотизмъ безъ конца. Разумомъ,—не допускающимъ мысли, чтобы общество могло возложить на гражданъ обязанности, не удѣливъ имъ частицы власти. Необходимо, поэтому, стремиться къ созданію экономическаго равенства между гражданами. Въ этомъ, главнымъ образомъ, должна заключаться задача законодателя.

Но этотъ идеалъ, — доказывалъ Ледрю-Ролленъ — можетъ быть достигнутъ не путемъ уничтоженія частной собственности, а путемъ ея демократизаціи; при помощи мѣръ, которыя позволили бы рабочимъ превратиться въ ассоціированныхъ собственниковъ.

Въ этихъ бѣгло намѣченныхъ идеяхъ выражены, хотя и въ рудиментарной формѣ, основныя положенія соціальной доктрины и современнаго радикализма, какъ читатель убѣдится въ этомъ изъ дальнѣйшихъ главъ.

Но положенія эти не могли получить подробнаго обоснованія въ періодъ выступленія группы Ледрю-Роллена. Всѣ теоретическія усилія передовыхъ республиканцевъ того времени сосредоточивались исключительно въ области чисто политическихъ вопросовъ.

Въ отвѣтъ на теорію суверенитета разума, противополагаемаго суверенитету народа, которую развивали доктринеры съ Гизо во главѣ, республиканцы должны были подробно и научно обосновать противоположную точку зрѣнія, укрѣпить идейно свои политико-демократическія позиціи.

Отсюда господство политическаго элемента въ общественномъ ученіи республиканцевъ-демократовъ.

Правда, Ледрю Ролленъ, какъ мы видѣли, считалъ всеобщее избирательное право средствомъ для осуществленія соціальныхъ и экономическихъ идеаловъ, но все таки тотъ же Ледрю-Ролленъ и его сторонники не подчиняли политику экономикѣ, а какъ разъ требованія экономическаго равенства выводили изъ теоріи полити-

ческой равноцѣнности всѣхъ гражданъ. Въ извѣстной мѣрѣ здѣсь сказалось, конечно, и слѣпое слѣдованіе республиканскихъ демократовъ того времени традиціямъ Великой революціи.

Тѣмъ не менѣе требованія серьезныхъ соціальныхъ реформъ, осуществляемыхъ государствомъ, явились основной характерной чертой радикализма съ самаго его возникновенія. Въ «Dictionnaire politique» 1848 г. мы находимъ уже слѣдующее опредѣленіе этого направленія: «Радикализмъ основывается на сознаніи и разумѣ, не считаясь ни въ малѣйшей степени съ правомъ владѣнія, которое привилегированные заимствовали изъ прошлаго». Но политическая парламентская партія, не считающаяся «ни въ малѣйшей степени съ правомъ владѣнія», можетъ проводить въ жизнь свои принципы лишь путемъ вмѣшательства государства.

То обстоятельство, что въ несоціалистическомъ лагерѣ одни только радикалы рѣшительно выдвигали требованіе соціальныхъ реформъ, создавало имъ многочисленныхъ сторонниковъ въ рабочихъ массахъ и обусловливало ихъ совмѣстныя выступленія съ послѣдователями различныхъ соціалистическихъ ученій.

Въ бурные дни февральской революціи радикалы дрались бокъ-о-бокъ съ соціалистами на парижскихъ баррикадахъ; они встрѣтились также и во временномъ правительствѣ, гдѣ рядомъ съ Ледрю-Ролленомъ засѣдалъ и Луи-Бланъ.

Если представители радикализма въ первый періодъ Второй республики не присоединились къ планамъ общественнаго преобразованія, которые формулировались тогда соціалистическими школами, то они тѣмъ не менѣе выдвинули такія требованія, какъ немедленная соціализація нѣкоторыхъ категорій капиталистическихъ предпріятій, главнымъ образомъ, рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ и страхового дѣла *).

Радикалы или просто демократы, какъ ихъ называли при Второй республикѣ, отдѣляются временно отъ соціалистовъ въ іюнѣ, когда разыгрывается кровавая трагедія рабочаго разгрома подъ руководствомъ «республиканца» Кавеньяка. Но затѣмъ надвинувшаяся реакція снова заставляетъ тѣхъ и другихъ объединиться въ парламентѣ въ расплывчатую партію, подъ названіемъ «демократовъ-соціалистовъ». Партія эта, по свидѣтельству Карла Маркса, группировала смѣшанные элементы пролетаріата и мелкой буржуазіи **).

Послѣ государственнаго переворота 2-го декабря, демократическія теченія надолго исчезаютъ изъ французской жизни. Во Франціи настаютъ мрачные «годы молчанія».

---

*) См. G. Renard „La deuxième République", стр. 222, Paris. 1906.

**) K. Marx „Der Achtzenden Brumaire des Louis-Bonaparte", стр. 240 фр. изд.

II.

Радикализмъ снова появляется во Франціи, но далеко не въ прежнемъ видѣ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ—въ періодъ «либеральной имперіи». Въ 1868 г. выходитъ въ свѣтъ книга Жюля Симона, подъ заглавіемъ «Politique radicale», въ которой авторъ, призывая свободолюбивые элементы къ слѣдованію старымъ радикальнымъ традиціямъ, пытается вмѣстѣ съ тѣмъ дать характеристику радикализма, какъ общественнаго направленія.

Эта характеристика, изобилующая философскими разглагольствованіями, отличается, однако, крайней безцвѣтностью.

Авторъ все время говоритъ лишь о политическихъ реформахъ и почти обходитъ молчаніемъ соціальный вопросъ.

Въ слѣдующемъ году радикализъ, опять таки довольно неопредѣленный, появляется уже на аренѣ непосредственной борьбы. Гамбетта, выставившій свою кандидатуру въ Парижѣ, въ Бельвильскомъ округѣ, населенномъ исключительно рабочими, афишируетъ программу реформъ, присланную ему «группой избирателей-радикаловъ», заявляя о своемъ полномъ присоединеніи къ ней и подписываясь: «candidat radical».

Въ программѣ этой мы находимъ цѣлый рядъ рѣшительныхъ требованій политическаго характера. Таковы: полная политическая свобода, свѣтская школа, отдѣленіе церкви отъ государства, уничтоженіе постоянней арміи и т. д. Что касается реформъ соціальныхъ и экономическихъ, то афиша гласила, что такія реформы «затрагиваютъ соціальную проблему, рѣшеніе которой, хотя и подчиненное политическимъ преобразованіямъ, должно быть постоянно изучаемо съ точки зрѣнія принциповъ справедливости и равенства» *). Какъ видите, ясности здѣсь мало, и радикальная идея хотя и выражена, но не съ достаточной рельефностью и опредѣленностью.

Нерѣшительная и невыработавшаяся еще мысль снова зарождающагося радикализма не выкристаллизовывается болѣе или менѣе ясно и въ слѣдующее десятилѣтіе.

Политическое положеніе, создавшееся послѣ позорнаго паденія Наполеоновской имперіи, властно диктовало необходимость сплоченія всѣхъ республиканскихъ силъ. А это не могло содѣйствовать рѣзкому отмежеванію, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, продолжателей радикальныхъ традицій, все увеличивавшихся численно, отъ другихъ сторонниковъ республики.

*) F. Buisson „La Politique radicale“, Paris, 1908.

Лишь послѣ отставки Макъ-Магона и перехода президентства къ Жюлю Греви, когда положеніе новаго режима окончательно укрѣпилось, начинается дѣйствительное идейно-политическое разслоеніе республиканцевъ, а вмѣстѣ съ этимъ и быстрое формированіе радикальнаго направленія.

Сначала крайняя лѣвая, объединявшая сторонниковъ основной радикальной идеи, завѣщанной сороковыми годами, отдѣляется отъ другихъ республиканскихъ группъ, въ виду разногласій въ вопросахъ чисто-политическаго характера.

Такъ, вѣрная традиціямъ стараго радикализма,—она начинаетъ настаивать на необходимости пересмотра конституціи, принятой реакціоннымъ собраніемъ, съ цѣлью переработки ея на началахъ дѣйствительно республиканскихъ и народныхъ и вмѣстѣ съ этимъ выдвигаетъ не съ меньшей настойчивостью вопросъ объ амнистіи осужденныхъ коммунаровъ.

А такъ какъ республиканцы-оппортюнисты, стоящіе у власти, и остальныя республиканскія группы не находятъ своевременнымъ ни пересмотръ, ни амнистію, то радикалы откалываются отъ лѣваго республиканскаго лагеря, съ которымъ они до тѣхъ поръ совмѣстно выступали.

Отколовшаяся группа радикаловъ, съ Клемансо во главѣ, стремится провести ясно выраженную демократическую политику и тѣмъ самымъ все болѣе обостряетъ свои разногласія съ оппортюнистами.

«Они (т. е. крайніе лѣвые), пишетъ Ганото въ своемъ послѣднемъ трудѣ, посвященномъ парламентской республикѣ,—рѣзко порываютъ со своими недавними соратниками. Полемика по поводу амнистіи возстановляетъ ихъ прежнія связи съ людьми Коммуны. Они относятся съ благосклонной осторожностью къ зарождающемуся соціализму» *).

Но пока между крайними лѣвыми и оппортюнистами еще не возникаетъ серьезныхъ разнорѣчій въ области соціальнаго вопроса, хотя первые постоянно подчеркиваютъ его значеніе.

Прежде, чѣмъ приступить къ соціальному реформаторству, республиканцы должны были осуществить тѣ «необходимыя свободы» и совершить тѣ «необходимыя разрушенія», о которыхъ они говорили, когда были еще въ оппозиціи. И они, дѣйствительно, не сидятъ, сложа руки.

Между 1880 и 1884 годами вотируются такіе важные законы, какъ законъ о свободѣ печати, законъ о свободѣ собраній, законъ о всеобщемъ обязательномъ обученіи, законъ объ исключительно свѣтскомъ преподаваніи въ школахъ, наконецъ, законъ о свободѣ синдикальной организаціи.

---

*) G. Hanotaux. „Histoire de la France Contemporaine, La Republique parlementaire", стр. 289. Paris 1908.

Но послѣ проведенія въ жизнь этихъ законовъ законодательная энергія республиканцевъ какъ бы исчерпывается.

Оппортюнисты, вмѣстѣ съ этимъ, совершаютъ значительную эволюцію.

Гамбета, какъ извѣстно, не былъ противникомъ соціальнаго законодательства и вмѣшательства государства; онъ находилъ лишь необходимымъ осуществлять реформы не сразу, а постепенно, въ порядкѣ ихъ наибольшей важности и неотложности. «Il faut sérier les questions» — таковъ былъ его основной тактическій принципъ. Но когда послѣ Гамбетты руководство оппортюнистической политикой перешло фактически въ руки Ферри, оппортюнизмъ не только сталъ относиться отрицательно къ немедленному осуществленію соціальныхъ реформъ, но и вообще пересталъ находить ихъ необходимыми, откладывая вмѣстѣ съ этимъ на неопредѣленное время и чисто политическія реформы радикальнаго характера.

Самъ Ферри считалъ необходимымъ условіемъ существованія республиканскаго режима присоединеніе къ республикѣ крупной буржуазіи, «той крупной буржуазіи,—какъ говорилъ онъ—безъ поддержки которой ничто не можетъ прочно укрѣпиться во Франціи». Общественную эволюцію Ферри разсматривалъ именно съ точки зрѣнія идей этого соціальнаго класса.

Онъ считалъ, что господствующія группы вполнѣ исполнятъ свой долгъ по отношенію къ народу, давъ ему необходимыя свободы для выраженія мнѣній, для профессіональной защиты и организовавъ всеобщее обученіе; этимъ и должна была ограничиться роль государства, по мнѣнію Ферри. Въ крайнемъ случаѣ онъ допускалъ поощреніе государствомъ различныхъ формъ взаимопомощи, путемъ субсидій и моральной поддержки. Но это и все. Далѣе государство не можетъ идти. Свободная игра экономическихъ силъ безъ всякаго внѣшняго вмѣшательства сама установитъ гармонію въ области производства и распредѣленія.

Колоніальныя экспедиціи Ферри, въ которыхъ крайняя лѣвая увидѣла диверсію со стороны оппортюнистовъ для отвлеченія вниманія страны отъ вопросовъ соціальныхъ и экономическихъ, вызвали ожесточенную борьбу между этими двумя республиканскими группами, приведшую ихъ къ полному разрыву.

Съ этихъ поръ Клемансо со своей группой начинаетъ страстную кампанію противъ Ферри и его единомышленниковъ, какъ въ парламентѣ, такъ и въ странѣ; въ процессѣ этой борьбы окончательно формируются соціально-экономическіе взгляды радикализма и создаются теоретическія и практическія основы современнаго радикальнаго направленія.

Уже въ 1884 году, во время дебатовъ въ парламентѣ, лидеръ возрождавшагося радикализма, Клемансо, въ отвѣтъ на рѣчь Ферри, защищавшаго принципъ невмѣшательства, формулировалъ слѣдующимъ образомъ противоположную точку зрѣнія:

«По мѣрѣ того,—сказалъ онъ,—какъ будетъ совершаться умственная эмансипація массъ, по мѣрѣ того, какъ массы получатъ большее вліяніе на парламентъ и правительство, онѣ все настойчивѣе потребуютъ отъ васъ вмѣшательства въ ихъ пользу... О, тогда, будьте увѣрены, вы не будете имѣть возможности расхваливать блага свободы, какъ вы дѣлали это до сихъ поръ. Вы, можетъ быть, сдѣлали это сегодня въ послѣдній разъ» *).

А еще раньше, въ самомъ началѣ своего разрыва съ оппортюнизмомъ, Клемансо на народныхъ собраніяхъ провозглашалъ, что «политическая реформа должна послужить орудіемъ для соціальныхъ преобразованій» и что «политическія реформы не имѣютъ ни смысла, ни цѣли, если онѣ не осуществляются въ видахъ соціальнаго реформаторства» **).

Каковъ же былъ, однако, общественный идеалъ Клемансо, игравшаго роль не только парламентскаго вожака крайней лѣвой, но и ея главнаго теоретика?

Выяснить это для зарождавшагося радикализма было тѣмъ болѣе необходимо, что этого требовали отъ него появившіяся на поверхности политической жизни соціалистическія группы, начинавшія понемногу завоевывать позиціи въ парижскихъ рабочихъ кварталахъ,—избирательномъ оплотѣ радикаловъ.

Клемансо отвѣтилъ на это въ цѣломъ рядѣ публичныхъ и печатныхъ выступленій. Онъ, подобно Ледрю-Роллену, остался непоколебимымъ сторонникомъ идей Великой революціи, видя основное условіе политическаго и общественнаго прогресса въ логическомъ развитіи этихъ идей въ законахъ и учрежденіяхъ. Истинные демократы должны, поэтому, стремиться къ тому, чтобы ускорять такое развитіе, чтобы устранять все, что можетъ его задержать. А для этого, главнымъ образомъ, необходимо, разжигать въ глубинахъ народныхъ массъ тотъ священный огонь демократическаго энтузіазма, который пылалъ въ груди революціонеровъ прошлаго, когда подъ мощнымъ напоромъ народныхъ баталіоновъ рушились и Бастилія, и тронъ... Выдвигать же заранѣе опредѣленную цѣль, къ которой должно стремиться развитіе общества, Клемансо считалъ невозможнымъ и лишнимъ.

Жоресъ въ своемъ этюдѣ, посвященномъ характеристикѣ радикализма и соціализма въ 1885 году, говоритъ слѣдующее о теоретической позиціи Клемансо, являвшейся характерной для всего радикализма того времени: «Для Клемансо революція является удивительной силой, вызвавшей энергію и породившей надежды безъ конца и долженствующей развивать свое напряженіе до тѣхъ поръ, пока человѣчество не завоюетъ своего права. Въ то время, какъ Ферри стремится охладить революціонный пылъ, Клемансо, наобо-

*) G. Weill „Histoire du mouvement sociale en France". p. 249. Paris 1904.
**) См. „La Justice", № отъ 11-го апрѣля 1881 года.

ротъ, желаетъ, чтобы сила революціи сохранила свой жаръ и свой пламень. Какія же послѣдовательныя формы приметъ человѣческое общество, подвергнутое, такимъ образомъ, безпрерывному огню революціи? Этого никто не можетъ точно предсказать... Но пусть будутъ сняты путы, связывающія демократію... Пусть мыслящая энергія и политическая сила народа будутъ освобождены и приведены въ дѣйствіе, пусть народъ будетъ защищенъ законами отъ злоупотребленій и эксплуатаціи, по мѣрѣ того, какъ такая защита будетъ становиться необходимой для освобожденія плѣненныхъ индивидуальностей; пусть всѣмъ будетъ дано основательное образованіе, дѣйствительное право союзовъ, право дѣйствительной защиты заработной платы; пусть будетъ организованъ общедоступный кредитъ—и тогда народъ, сдѣлавшійся своимъ собственнымъ господиномъ, сумѣетъ самъ выбрать вѣрную дорогу и выковать свое счастье» *).

Вѣра въ потенціальную прогрессивно-творческую способность народнаго суверенитета занимала центральное мѣсто въ міросозерцаніи Клемансо. Такое же мѣсто она занимаетъ и въ теоріи современнаго радикализма. Это всегда необходимо имѣть въ виду, чтобы проникнуть въ теоретическую сущность радикальнаго направленія.

Клемансо, исходя изъ указаннаго основнаго положенія, рѣзкимъ образомъ осуждалъ соціалистическія теоріи, пытающіяся заранѣе фиксировать идеалъ наиболѣе прогрессивныхъ общественныхъ отношеній; этотъ идеалъ и по существу своему не мирился съ тѣмъ индивидуализмомъ, глубокую печать котораго носилъ радикализмъ съ самаго своего возникновенія.

Программа непосредственныхъ реформъ, которую выдвинулъ Клемансо, явилась воспроизведеніемъ программы Гамбетты 1869 г., но съ прибавленіемъ ряда соціальныхъ реформъ; главнѣйшія изъ нихъ: сокращенія рабочаго дня, улучшеніе юридическаго положенія рабочихъ синдикатовъ, государственная пенсія для рабочихъ, вознагражденіе рабочихъ за увѣчья.

Въ своихъ избирательныхъ афишахъ Клемансо заявлялъ, что перечисленныя въ его программѣ реформы являются лишь бѣглымъ перечнемъ тѣхъ мѣръ, при помощи которыхъ республиканская партія всегда стремилась уничтожить монархическіе пережитки, очень крѣпкіе еще въ республиканскихъ учрежденіяхъ, чтобы подготовить великое соціальное преобразованіе—увѣнчаніе французской революціи **). Въ чемъ именно заключается это преобразованіе, Клемансо не указывалъ. Онъ только клеймилъ капиталистическую эксплуатацію и осуждалъ категорически режимъ наемнаго труда.

---

*) Jean Jaures. Radicalisme et Socialisme en 1885, préface aux „Discours parlementaires", p. 41, Paris 1904.

**) F. Buisson „La Politique radicale", p. 49.

III.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ радикализмъ въ 80-хъ годахъ, когда вырабатывалась его теорія и тактика. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ требованій, вызванныхъ ростомъ сознательности массъ и развитіемъ экономическихъ антагонизмовъ, соціальная программа радикализма значительно расширяется, въ особенности у крайней фракціи его, принявшей названіе радикалъ-соціализма, которой руководилъ тотъ же Клемансо. Радикалъ-соціалисты отличались отъ просто радикаловъ, во-первыхъ, большимъ подчеркиваніемъ значенія соціальнаго вопроса, во вторыхъ, неуступчивостью въ области тактики. Радикалы, наоборотъ, въ виду имѣвшаго нерѣдко мѣсто участія ихъ лидеровъ въ часто смѣнявшихся министерствахъ, сдѣлались болѣе примирительными и въ частности перестали настаивать, какъ прежде, на немедленномъ уничтоженіи Сената. Во главѣ этой группы стояли Алленъ Тарже, Шарль Флоке, Локруа, Бриссонъ и др. Что же касается радикалъ-соціалистовъ, то они двигаются все лѣвѣе и лѣвѣе, все болѣе настаивая на первенствующемъ значеніи соціальнаго вопроса и необходимости государственнаго вмѣшательства для его рѣшенія; въ свою программу они вносятъ, кромѣ перечисленныхъ выше, такія требованія, какъ прогрессивный подоходный налогъ, налогъ на наслѣдства, избираемость судей, муниципальную децентрализацію и обязательную для всѣхъ военную службу.

По отношенію къ соціализму обѣ фракціи радикализма придерживаются традицій своихъ предшественниковъ 1848 года. Расходясь съ соціалистами въ теоріи, осуждая ихъ стремленіе конкретизировать теперь же конечный идеалъ, они видятъ, однако, въ нихъ своихъ союзниковъ въ практической борьбѣ, ибо въ настоящемъ они также стремятся завоевать условія для осуществленія возможности полнаго и дѣйствительнаго выраженія народной воли. И такъ же или, вѣрнѣе, еще съ большей энергіей борются противъ ближайшаго врага радикаловъ,—оппортюнистической партіи.

Въ началѣ 90-хъ годовъ радикалы публикуютъ манифестъ, призывающій соціалистовъ къ совмѣстнымъ выступленіямъ.

Манифестъ этотъ, подписанный Гобле, Локруа, Саррьеномъ и Мильераномъ (бывшимъ въ ту эпоху радикаломъ), гласилъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Трудящійся народъ стремится использовать имѣющееся въ его рукахъ оружіе для завоеванія бо̀льшаго благополучія и улучшенія своего положенія. Необходимо быть или съ нимъ, или противъ него. Мы давно уже сдѣлали нашъ выборъ. Мы сторонники политики эволюціи и боремся съ политикой консерватизма. Но, чтобы провести въ жизнь реформы, назрѣвшія по всеобщему мнѣнію, мы не только принимаемъ, мы требуемъ содѣйствія всѣхъ республикан-

цевъ безъ различія направленій, какъ бы ни казались смѣлыми ихъ теоріи и отдаленнымъ осуществленіе ихъ конечныхъ идеаловъ,— если только они имѣютъ въ виду осуществить эти идеалы при помощи мирныхъ и легальныхъ средствъ... Ибо мы желаемъ идти впередъ къ прогрессу и соціальной справедливости» *).

Это стремленіе привлечь соціалистовъ въ союзники является характеристичнымъ для французскаго радикализма и въ дальнѣйшій періодъ его развитія, вплоть до зарожденія въ его нѣдрахъ новаго направленія, котораго намъ придется коснуться въ дальнѣйшемъ.

Возвращаясь къ исторіи развитія радикальныхъ идей и радикальной политики, мы замѣчаемъ здѣсь какъ бы нѣкоторую остановку, которая является характерной для довольно длиннаго ряда лѣтъ.

Дѣло въ томъ, что послѣ буланжистскаго кризиса оппортюнизмъ на нѣкоторое время снова укрѣпился въ странѣ, а успѣхи радикаловъ остановились. Если оппортюнисты не пользовались въ Палатѣ достаточнымъ большинствомъ, чтобы управлять самостоятельно, не прибѣгая къ союзу съ другими парламентскими группами, то и радикалы не обладали такими силами, чтобы завоевать власть.

Начиная со второй половины 80-хъ годовъ вплоть до дѣла Дрейфуса, въ парламентской исторіи Франціи наблюдается слѣдующее явленіе: или оппортюнисты правятъ въ союзѣ съ правыми, и тогда, само собой разумѣется, ни о какомъ прогрессивномъ законодательствѣ не можетъ быть и рѣчи, или оппортюнисты вступаютъ въ союзъ съ правой фракціей радикализма, и тогда опять таки о реформахъ ничего не слышно, ибо участіе радикаловъ въ правительствѣ достигается цѣною временнаго отказа ихъ отъ осуществленія своей программы.

Въ теченіе этого тусклаго періода радикалъ-соціалисты, правда, продолжаютъ свою неустанную борьбу съ оппортюнистами, но такъ какъ ни одно изъ выдвинутыхъ ими соціальныхъ требованій не получаетъ осуществленія, и политическое положеніе остается безъ измѣненія, то радикальная мысль въ области теоріи и тактики не даетъ ничего новаго, и носители ея топчутся на одномъ мѣстѣ. И это тѣмъ болѣе, что апатія народныхъ массъ, характерная для періода господства оппортюнистовъ послѣ буланжистскаго кризиса, не даетъ никакого импульса творческой работѣ радикаловъ въ названной области.

Радикализмъ начинаетъ получать практическое осуществленіе и пріобрѣтать направляющее вліяніе на политическую жизнь Франціи лишь послѣ могучей встряски дрейфусіады, съ появленіемъ у власти Вальдека-Руссо, примѣняющаго новую тактику: концентрація налѣво, включая радикалъ-соціалистовъ и соціалистовъ. Одна за другой

---

*) F. Buisson „La Politique radicale“, p. 71.

осуществляются тогда нѣсколько важныхъ реформъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ фигурировавшихъ въ радикальной программѣ.

Такъ, въ 1900 году вотируются два закона: о десятичасовомъ рабочемъ днѣ и о нормировкѣ женскаго труда въ торговыхъ предпріятіяхъ, а въ 1901 году проводится въ жизнь знаменитый законъ объ ассоціаціяхъ, послужившій орудіемъ для борьбы съ духовными конгрегаціями и положившій начало той рѣзкой антиклерикальной политикѣ, которую преемникъ Вальдека-Руссо, Комбъ, сумѣлъ довести до логическаго конца.

Выборы 1902 года окончательно укрѣпили позиціи радикализма. Избранными оказались 129 радикаловъ и 90 радикалъ-соціалистовъ. Кромѣ этого, въ Палату вошли 48 соціалистовъ жоресистскаго направленія, поддерживавшихъ радикальную политику министерства и 111 «лѣвыхъ республиканцевъ», очень мало отличающихся отъ радикаловъ.

Опираясь на соціалистовъ и на лѣвыхъ республиканцевъ, радикалы и радикалъ-соціалисты получили возможность образовать солидное парламентское большинство для осуществленія своей программы. Радикализмъ, казалось, вступилъ, наконецъ, въ періодъ исполненія своихъ обѣщаній. Въ то же время и организація его получила болѣе правильный характеръ. Многочисленные, разсѣянные по всей странѣ радикальные комитеты и группы, дѣйствовавшіе безъ общаго направленія, за свой страхъ и рискъ, устроили въ 1901 году объединительный конгрессъ, на которомъ была оффиціально основана «радикальная и радикалъ-соціалистическая партія», въ которую вошли обѣ фракціи радикализма. Органами партіи, согласно выработанному уставу, должны были быть ежегодные конгрессы и исполнительный комитетъ, избираемый ежегодно конгрессистами.

Въ области теоріи радикализмъ также сдѣлалъ большой шагъ впередъ, получивъ новое обоснованіе въ нашумѣвшей работѣ Леона Буржуа «Solidarité», въ которой даны основы радикальнаго воззрѣнія на роль государства.

Прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ политики радикализма за послѣднее десятилѣтіе, мы постараемся, пользуясь названной работой Буржуа, а также книжкой другого радикальнаго теоретика Бюисона и послѣдней партійной программой радикаловъ, заключить начатое нами выше выясненіе теоретической и практической сущности этого общественнаго направленія.

IV.

Въ своей книгѣ «Solidarité» Буржуа, въ сущности, не вноситъ ничего новаго въ соціологію. Онъ излагаетъ лишь извѣстную теорію солидарности и дѣлаетъ изъ нея практическіе выводы, могущіе, по его мнѣнію, обосновать соціально-политическую доктрину радикализма.

Теорія солидарности исходитъ, какъ извѣстно, изъ того основного положенія, что въ явленіяхъ природы научное изслѣдованіе находитъ, кромѣ закона борьбы за существованіе, безжалостнаго strugle for life, еще и законъ единенія, выражающійся въ отношеніяхъ взаимной зависимости и солидарности и распространяющійся и на животное, и на человѣческое общество. Въ силу этого, утверждаютъ солидаристы, люди, хотятъ ли они этого или нѣтъ, связаны между собою узами солидарности, которая замѣчается уже на самыхъ первыхъ ступеняхъ человѣческой общественности и даже при самыхъ ужасныхъ режимахъ насилія и гнета. Такъ, напримѣръ, существовала солидарность между господиномъ и рабомъ, жившими подъ одной крышей.

Уже самый фактъ существованія общества, говоритъ Буржуа, предполагаетъ извѣстный минимумъ солидарности между его членами, какія бы глубокія противорѣчія интересовъ ихъ ни раздѣляли; человѣкъ не можетъ жить безъ другихъ людей. Онъ не можетъ удовлетворить ни одной своей потребности, не черпая въ огромномъ резервуарѣ благъ, накопленныхъ человѣчествомъ. И вотъ, въ этомъ-то фактѣ радикализмъ находитъ оправданіе своей теоріи вмѣшательства государства.

Когда идеи справедливости и равенства широко распространяются въ обществѣ, говоритъ Буржуа, рождается дѣйствительная солидарность,—солидарность, стремящаяся получить выраженіе въ правѣ, имѣющая цѣлью положить конецъ дикой борьбѣ инстинктовъ путемъ установленія общаго правила, ограждающаго всѣхъ и выгоднаго для всѣхъ. Въ чемъ же должно заключаться такое правило? Исходя изъ указанныхъ выше идей, отвѣчаетъ Буржуа, задача его — осуществить такія отношенія, при которыхъ каждый членъ общества отдавалъ бы ему излишекъ того, что досталось ему не по праву изъ общей суммы накопленныхъ и создаваемыхъ благъ и вмѣстѣ съ этимъ былъ бы гарантированъ получить полностью то, что ему общество должно. Это же можетъ быть достигнуто лишь при помощи законовъ. Здѣсь не будетъ никакой тираніи государства. Во-первыхъ, государство не есть нѣчто самодовлѣющее, вещь въ себѣ. «Государство есть созданіе людей. Высшаго права государства надъ людьми не существуетъ. Правъ нѣтъ тамъ, гдѣ отсутствуетъ существо (être), въ полномъ и естественномъ смыслѣ этого слова, могущее превратиться въ субъекта такихъ правъ».

Проблема сводится поэтому не къ правовому урегулированію отношеній между государствомъ и гражданами, а лишь къ урегулированію такихъ отношеній между самими гражданами, объединеніемъ которыхъ или административнымъ совѣтомъ является, по мнѣнію Буржуа, государство. Государство при этомъ должно исходить изъ понятія соціальнаго договора. Но соціальнаго договора не согласно ученію Жанъ-Жака-Руссо, т. е. не существующаго исторически, ибо никогда такихъ договоровъ никто не вотировалъ, а договора, какимъ онъ могъ бы быть, если бы люди, прежде чѣмъ вступить въ общественныя отношенія, были опрошены, на началахъ полнаго равенства и при условіяхъ безусловной свободы.

Какимъ могъ бы быть такой договоръ? Если бы судьѣ, встрѣтившему людей, объединенныхъ въ общество, предложили такой вопросъ, онъ, несомнѣнно, отвѣтилъ бы, что свободные люди, сознающіе свои интересы, могли бы объединиться лишь на началахъ равенства и справедливаго распредѣленія выгодъ и обязанностей.

Вмѣшиваясь въ соціально-экономическія отношенія для осуществленія правильнаго примѣненія такого договора, государство вовсе не посягаетъ этимъ на права индивидуумовъ, какъ утверждаютъ доктринеры традиціоннаго либерализма. Государство требуетъ лишь отъ индивидуума, чтобы онъ уплатилъ долгъ обществу, долгъ, который онъ отрицать не можетъ, ибо, какъ уже указывалось, каждый человѣкъ черпаетъ изъ резервуара общественныхъ благъ. Уплативъ этотъ долгъ, индивидуумъ вполнѣ свободенъ: «онъ получаетъ всю свою свободу».

«Свобода личности,—говоритъ Буржуа,—такъ же важна для развитія общества, какъ и для развитія индивидуума; она не должна знать другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя ставятся необходимостью и для другихъ индивидуумовъ такого же развитія. Но для этого необходимо, чтобы каждый человѣкъ не только бралъ у общества, но и уплачивалъ ему свой долгъ».

Чѣмъ больше государство будетъ осуществлять указанные принципы,—утверждаетъ буржуа—тѣмъ скорѣе борьба всѣхъ противъ всѣхъ въ современномъ обществѣ уступитъ мѣсто миру, гармоніи, солидарности.

Мы не будемъ входить въ разборъ приведенныхъ основныхъ положеній ученія Буржуа. Замѣтимъ только, что развивая ихъ послѣдовательно, не трудно придти къ отвергаемому радикальными теоретиками соціализму.

Роль государства,—гласитъ одно изъ этихъ положеній,—заключается въ томъ, чтобы при помощи законовъ заставить каждаго члена общества отдавать коллективности то лишнее, что онъ у него беретъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировать ему возможность получить все, что ему слѣдуетъ. Ну, а если при сохраненіи частной собственности, осуществленіе такихъ идеальныхъ отношеній окажется невозможно, если право на то, что ему слѣдуетъ, т. е. на

полный продуктъ своего труда, труженикъ сможетъ фактически завоевать лишь путемъ созданія общественнаго строя, основаннаго на соціализаціи производства и обмѣна. Теоретики радикализма при помощи цѣлаго ряда разсужденій пытаются избѣжать соціалистическаго отвѣта на вышеприведенные вопросы.

Въ книжкѣ Бюиссона «La Politique radicale», въ которой авторъ пытается подробно разработать практическіе соціально-политическіе выводы солидаризма, мы находимъ собранными всѣ аргументы противъ соціалистическаго ихъ развитія. Книжка эта вышла въ 1908 году, но идеи, въ ней изложенныя, встрѣчались въ рѣчахъ и статьяхъ радикальныхъ дѣятелей еще въ концѣ 90-хъ и началѣ 900-хъ годовъ. У Бюиссона идеи лишь собраны и систематически изложены.

Въ чемъ же сущность этихъ идей?

Бюиссонъ сначала отмѣчаетъ остроту соціальнаго вопроса во Франціи, остроту, являющуюся слѣдствіемъ французскихъ политическихъ условій. Ибо тамъ, гдѣ идея политической равноцѣнности гражданъ получила полное осуществленіе и глубоко вкоренилась въ сознаніе народа, неравенство экономическое чувствуется эксплуатируемыми классами гораздо сильнѣе. Какъ сказалъ Токвиль, глубоко противорѣчиво, чтобы народъ былъ въ одно и то же время и сувереномъ, и нищимъ. Но какъ же разрѣшить соціальный вопросъ, оставаясь на почвѣ теоретическихъ положеній, развитыхъ Л. Буржуа? Сдѣлать все, что необходимо для того, чтобы общество обезпечило каждому человѣку со дня его рожденія равные шансы и равныя гарантіи развитія, отвѣчаетъ Бюиссонъ.

Если мы намѣрены совершить радикальныя измѣненія въ обществѣ, которыя позволили бы каждому человѣку полно прожить свою жизнь, не рискуя встрѣтить препятствія со стороны ему подобныхъ, препятствія, даже косвенныя, создаваемыя могуществомъ денегъ, примемся за эту работу. «Она приведетъ насъ туда, куда должна насъ привести. Намъ нечего бояться... Ибо радикальная метода есть метода эволюціи, прогрессивнаго движенія, метода безпрерывныхъ осуществленій, а не внезапныхъ переворотовъ, бурныхъ, какъ катаклизмъ» *).

Радикализмъ, говоритъ Бюиссонъ, не высказывается ни за, ни противъ соціализма. Онъ лишь отказывается объявить себя сторонникомъ опредѣленнаго плана соціальнаго преобразованія. «Ибо какъ можемъ мы предвидѣть, во что превратится Франція, Европа, міръ, черезъ сто лѣтъ, пройдя періодъ интегральной демократіи? Да намъ и нѣтъ надобности это предвидѣть.»

Кромѣ того, замѣчаетъ Бюиссонъ, какъ установить точно, гдѣ начинается соціальная собственность и гдѣ кончается частная? Частная собственность не неприкосновенна и не неограничена;

*) Buisson „La Politique radicale“ p. 241.

она подчинена политической власти, она измѣнялась вмѣстѣ съ законами на протяженіи исторіи. Существуютъ, наконецъ, смѣшанные виды частной и коллективной собственности, какъ напримѣръ, индивидуальное владѣніе акціями коллективныхъ предпріятій? Что касается обобществленной собственности, которую проповѣдуютъ соціалисты, то здѣсь мы наталкиваемся на ту же трудность. Говорятъ объ обобществленіи капитала; но кое какія категоріи матеріальныхъ благъ должны вѣдь будутъ остаться въ индивидуальномъ владѣніи. Гдѣ же точная грань, которую здѣсь можно провести, и какъ провести ее?

Но какъ же, однако, уничтожить систему наемнаго труда, саларіатъ, который осуждаютъ радикалы, не уничтоживъ частной собственности? Бюиссонъ отвѣчаетъ, что это вполнѣ возможно. Правда, говоритъ Бюиссонъ, частную собственность нельзя представить себѣ безъ саларіата, но когда то она казалась немыслимой безъ рабства, безъ крѣпостного права. А между тѣмъ рабство и крѣпостное право были уничтожены, а частная собственность осталась. То же можетъ быть и съ саларіатомъ.

Радикализмъ, говоритъ Бюиссонъ, отличается отъ соціализма тѣмъ, что стремится уничтожить наемный трудъ при помощи такихъ средствъ, которыя могли бы причинить меньше ущерба собственникамъ въ частности и обществу вообще *).

Каковы же эти средства, какъ добиться исчезновенія системы наемнаго труда, не разрушая въ то же время права частнаго владѣнія?

Очень просто, отвѣчаетъ Бюиссонъ: сдѣлать всѣхъ членовъ общества собственниками.

То же самое мы читаемъ по этому поводу и въ оффиціальной программѣ радикальной и радикалъ-соціалистической партіи.

«Радикальная и радикалъ-соціалистическая партія объявляетъ о своей рѣшительной приверженности принципу частной собственности, уничтоженія которой она не желаетъ ни начинать, ни подготовлять. Но эта приверженность не является у нея необдуманной и не распространяется вовсе на злоупотребленія, существованіе которыхъ лишило бы частную собственность законности и смысла существованія. Партія готова поэтому предложить легальныя мѣры, могущія обезпечить каждому полный продуктъ его труда и предотвратить опасность, проистекающую отъ образованія капиталистическаго феодализма, эксплуатирующаго работниковъ и потребителей. Партія предлагаетъ образованіе синдикатовъ и кооперативныхъ обществъ и поощряетъ всякія учрежденія, при помощи которыхъ пролетаріатъ можетъ защищать свои права, отстаивать свои интересы, добиться уничтоженія наемнаго труда

*) Тамъ же стр. 224.

и получить доступъ къ индивидуальному владѣнію—основному условію свободы и достоинства» *).

Вотъ какимъ образомъ, радикалы думаютъуничтожить систему наемнаго труда, не затрагивая права частной собственности. Но легко видѣть, что они попадаютъ тутъ «изъ огня да въ полымя». Они возстаютъ противъ соціализма за то, что онъ формулировалъ идеалъ будущихъ общественныхъ отношеній, а сами выдвигаютъ въ свою очередь такой же идеалъ, съ тою лишь разницей, что идеалъ этотъ не обладаетъ ни однимъ шансомъ на осуществленіе.

Во первыхъ, какъ добиться раздробленія крупной собственности и превращенія всѣхъ пролетаріевъ въ собственниковъ?

Ни радикальная программа, ни радикальные теоретики ничего не говорятъ по этому поводу.

Во вторыхъ, какимъ путемъ, при несомнѣнно растущей концентраціи производства, все большаго развитія колоссальныхъ заводовъ и фабрикъ, распредѣлить капиталы, представляемые орудіями труда, между всѣми рабочими? Не разбирать же на отдѣльныя части машины и фабричныя зданія?

Радикалы могутъ отвѣтить, что они имѣютъ въ виду переходъ отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ въ коллективное владѣніе рабочихъ союзовъ, при чемъ каждый изъ членовъ даннаго союза будетъ входить въ него на началахъ собственника. Но при распространеніи такого режима на все общество, какъ можно будетъ единичному рабочему осуществить свое право собственности? А если это окажется возможнымъ, если каждый рабочій собственникъ будетъ имѣть возможность продавать свой пай, то не поведетъ ли это снова къ образованію привилегированныхъ владѣльцевъ, съ одной стороны, и эксплуатируемыхъ пролетаріевъ—съ другой?

Мы не говоримъ уже о томъ, что такой общественный строй вообще не представляетъ гарантій отъ эксплуатаціи. Ибо рабочіе союзы болѣе крупные и болѣе богатые, занимающіе болѣе видное и важное мѣсто въ производствѣ, смогутъ эксплуатировать другія рабочія ассоціаціи, поставленныя въ менѣе выгодныя условія, и все общество въ его цѣломъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что радикализмъ, оставаясь вѣрнымъ своему принципу вмѣшательства государства въ соціально экономическія отношенія и обосновавъ болѣе или менѣе логично этотъ принципъ при помощи ряда теоретическихъ положеній, не можетъ или не желаетъ придти къ тѣмъ выводамъ въ области побужденія соціальныхъ идеаловъ, которые вытекаютъ изъ этихъ положеній.

Тѣмъ не менѣе его программа и за исключеніемъ фантастическаго требованія о превращеніи пролетаріевъ въ собственниковъ содержитъ цѣлый рядъ серьезныхъ и прогрессивныхъ

*) Тамъ же стр. 229.

реформъ, осуществленіе которыхъ могло бы значительно укрѣпить позиціи борющейся трудовой арміи. Эта программа, обезпечившая радикализму его успѣхъ въ рабочихъ массахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ какую огромную эволюцію совершила радикальная партія за послѣднее десятилѣтіе XIX столѣтія, подъ вліяніемъ усложняющейся соціальной борьбы, а также и развивающейся слѣва дѣятельности соціализма.

Оффиціальная программа радикальной и радикалъ-соціалистической партіи была утверждена окончательно лишь въ 1907 году Нансійскимъ съѣздомъ радикаловъ. Однако, уже въ моментъ образованія партіи, въ 1901 году, программа эта въ общихъ своихъ чертахъ съ незначительными лишь отклоненіями выдвигалась всѣми радикальными комитетами и избирателями. Она является поэтому характерной для радикализма девятисотыхъ годовъ.

Мы приведемъ наиболѣе важные пункты этой программы:

1) Пересмотръ конституціи въ самомъ демократическомъ духѣ. 2) Избирательная реформа съ цѣлью болѣе правильнаго распредѣленія избирательныхъ округовъ въ соотвѣтствіи съ численностью населенія. 3) Расширеніе коммунальнаго и департаментскаго самоуправленія. 4) Избираемость судей и безплатное правосудіе. 5) Сохраненіе законовъ, защищающихъ общество отъ вліянія клерикализма, и закрытіе еще существующихъ духовныхъ конгрегацій, занимающихся школьнымъ преподаваніемъ. 6) Уничтоженіе смертной казни. 7) Уничтоженіе дисциплинарныхъ ротъ и военныхъ судовъ въ мирное время. 8) Соглашеніе между народами; расширеніе сферы международнаго арбитража. 9) Чиновничій статутъ. 10) Постепенное расширеніе правъ женщины. 11) Изданіе соціальнаго кодекса труда, включающаго все рабочее законодательство. 12) Государственная пенсія для рабочихъ. 13) Общій подоходный налогъ при уменьшеніи тяжести косвеннаго обложенія. 14) Реформа налога на наслѣдства, основанная на введеніи принципа прогрессіи. 15) Переходъ въ руки государства фактическихъ монополій въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуютъ интересы общества,—въ особенности тѣхъ предпріятій, которыя распространяются на всю страну и которыя оказываютъ рѣшающее вліяніе на производство и богатство націи и на національную оборону. «Переходъ въ руки государства такихъ предпріятій,—читаемъ мы въ радикальной программѣ,—обусловливается, во-первыхъ, необходимостью помѣшать фактическимъ монополистамъ въ промышленности облагать произвольно работника и потребителя, во-вторыхъ, возможностью получить значительныя суммы, которыя позволили бы облегчить тяжесть налоговъ, или послужили бы на проведеніе соціальныхъ реформъ. Партія, въ особенности, требуетъ національзаціи желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и монополіи страхового дѣла». Этотъ пунктъ радикальной программы является особенно характернымъ; онъ показываетъ, что подъ вліяніемъ жизни сами же радикалы вынуждены

выдвигать такія требованія, осуществленіе которыхъ можетъ приблизить общество къ соціалистическому идеалу и, наоборотъ, отдалить его отъ идеала радикализма. Въ 1901 году въ программѣ радикаловъ фигурировали еще требованія: отдѣленія церкви отъ государства, обязательнаго еженедѣльнаго отдыха для рабочихъ и служащихъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ и государственной и муниципальной помощи престарѣлымъ гражданамъ и неспособнымъ къ труду. Эти реформы были осуществлены въ 1905 и 1906 годахъ.

Такова была программа радикализма, когда радикалы и радикалъ-соціалисты стали у власти. Теперь они передъ всей страной должны были сдать политическій экзаменъ и показать, что они не только умѣли отстаивать свою программу, находясь въ оппозиціи, но что у нихъ хватитъ достаточно энергіи, чтобы провести ее въ жизнь съ момента, когда демократія вручила имъ въ руки кормило государственнаго корабля.

Для осуществленія своей реформатской дѣятельности радикальная партія по прежнему считала необходимымъ обратиться за содѣйствіемъ къ соціалистамъ. Для реализаціи реформъ,—говорилъ умѣренный радикалъ Ренэ Гоблэ,—мы, естественно, должны искать поддержки среди тѣхъ, которые принимаютъ эти реформы, а не у партій, ихъ отвергающихъ. Въ партійной деклараціи, выработанной первымъ радикальнымъ конгрессомъ, необходимость союза съ соціалистами была торжественно провозглашена, какъ основное условіе прогрессивнаго развитія демократіи.

Если мы, на основаніи всего вышеизложеннаго, попытаемся теперь выдѣлить характерныя черты радикализма, то мы придемъ къ заключенію, что такими чертами являются: 1) признаніе принципа суверенитета народа, какъ краеугольной основы всей политической и соціальной программы; 2) стремленіе къ созданію условій, могущихъ обезпечить правильное и сознательное выраженіе этого суверенитета; 3) признаніе законности и необходимости вмѣшательства государства въ соціально-экономическія отношенія, вплоть до требованія національзаціи крупныхъ отраслей промышленности; 4) провозглашеніе необходимости уничтоженія наемнаго труда; 5) отрицательное отношеніе къ попыткамъ построенія опредѣленнаго соціальнаго идеала, какъ конечной соціальной борьбы; 6) стремленіе къ совмѣстнымъ выступленіямъ съ соціалистами въ области непосредственной реформистской дѣятельности.

Теперь намъ остается посмотрѣть, какъ проявлялъ себя радикализмъ у власти и какъ отразилось на немъ его положеніе господствующей партіи.

V.

Мы не будемъ долго останавливаться на дѣятельности министерства Комба: дѣятельность эта у всѣхъ еще свѣжа въ памяти.

Это была эпоха расцвѣта радикализма, необычайнаго роста его популярности въ широкихъ массахъ. Главнымъ образомъ, какъ извѣстно, политика Комба выразилась въ борьбѣ съ клерикализмомъ, реакціонное и развращающее вліяніе котораго на всѣ стороны французской жизни проступило съ ужасающей рельефностью во время дѣла Дрейфуса. Въ этой области радикальное большинство при дѣятельномъ содѣйствіи соціалистовъ жоресистскаго крыла провело подъ руководствомъ энергичнаго министра-президента цѣлый рядъ важныхъ мѣръ. Неразрѣшенныя духовныя конгрегаціи были объявлены нелегальными во Франціи, а спеціальный законъ 1904 года воспретилъ вообще какимъ бы то ни было духовнымъ конгрегаціямъ школьное преподованіе въ странѣ. Другой законъ того же года отнялъ у церкви монополію погребальныхъ учрежденій. Наконецъ, историческая реформа отдѣленія церкви отъ государства была совсѣмъ уже подготовлена и ея осуществленіе сдѣлалось неизбѣжнымъ. Кромѣ того и въ области соціальной было проведено нѣсколько важныхъ реформъ. Таковы: законъ объ уничтоженіи частныхъ конторъ найма, которому рабочія организаціи Франціи придавали большое значеніе, законъ о помощи брошеннымъ дѣтямъ, законъ о пособіяхъ престарѣлымъ гражданамъ, неспособнымъ къ труду (на одну только эту реформу государство должно ассигновывать ежегодно отъ 60 до 70 милліоновъ франковъ) и законъ о сокращеніи срока военной службы до двухъ лѣтъ.

Комбъ былъ твердо намѣренъ осуществить въ самомъ близкомъ будущемъ глубокія реформы экономическаго и соціальнаго характера. Имъ былъ внесенъ въ бюро палаты законопроектъ о подоходномъ налогѣ, и въ парламентской рѣчи онъ настаивалъ на необходимости вотировать до законодательныхъ выборовъ 1906 года законъ о государственной пенсіи для рабочихъ. Реформистская дѣятельность Комба, какъ извѣстно, была прервана въ самомъ разгарѣ вслѣдствіе отдѣленія отъ правительственнаго большинства части радикаловъ и радикалъ-соціалистовъ, что объяснялось тогда мотивами чисто личнаго характера.

Министерство Рувье, смѣнившее министерство Комба, несмотря на умѣренность своего главы, не могло рѣзко повернуть направленіе политики радикальнаго парламента, получившей такой сильный импульсъ со стороны сошедшаго со сцены правительства. Отдѣленіе церкви отъ государства въ виду создавшагося положенія нельзя было откладывать; невозможно было также оставить подъ сукномъ и другіе, почти принятые парламентомъ, законопроекты.

При Рувье, и при сравнительно скоро замѣнившемъ его Сарьенѣ проходятъ, такимъ образомъ, законы объ отдѣленіи церкви отъ государства, объ обязательномъ еженедѣльномъ отдыхѣ, объ ограниченіи рабочаго дня въ рудникахъ восмью часами и о регламентаціи условій труда на судахъ коммерческаго флота.

Въ то же время радикалы и радикалъ-соціалисты продолжаютъ тактику концентраціи налѣво, ища поддержки соціалистовъ. Хотя послѣ Амстердамскаго конгресса соціалисты выходятъ изъ парламентскаго «блока», господствующая партія, тѣмъ не менѣе, не считаетъ нужнымъ рѣзко выступать противъ своихъ сосѣдей слѣва. Деклараціи ежегодныхъ радикальныхъ конгрессовъ въ этомъ отношеніи не представляютъ измѣненій.

«Радикальная и радикалъ-соціалистическая партія,—читаемъ мы въ деклараціи Тулузскаго конгресса, состоявшагося въ 1904 году,—не относится и не можетъ относиться съ колебаніемъ или со страхомъ къ стремленію пролетаріата къ лучшему будущему. Она братски протянула руку соціалистамъ безъ различія направленій для совмѣстнаго завоеванія рабочихъ правъ. Она протянетъ имъ руку завтра, чтобы добиться вмѣстѣ соціальныхъ реформъ, которыхъ желаетъ демократія, вѣрная своему старому правилу: радикалъ-соціализмъ не знаетъ и не хочетъ знать враговъ налѣво» *).

Черезъ два года радикальный конгрессъ въ Лилѣ провозглашаетъ то же самое.

«Единеніе всѣхъ партій прогресса, каковы бы онѣ ни были и каковы бы ни были ихъ доктрины, есть основное условіе завоеванія свободъ. Доктрины часто исчезаютъ по прошествіи одного вѣка... онѣ лишаются смысла для новыхъ поколѣній. Но услуги, которыя партіи совмѣстно оказываютъ человѣчеству, остаются» **).

Такимъ образомъ, съ открытіемъ предвыборной кампаніи въ началѣ 1906 года, радикалы и радикалъ-соціалисты могли смѣло явиться на судъ избирателей. За четыре года пребыванія у власти они въ общемъ остались вѣрны своимъ принципамъ. Правда, при Вальдекѣ-Руссо были два случая разстрѣла рабочихъ во время забастовокъ, правда также, при Комбѣ въ политикѣ радикальнаго большинства произошла нѣкоторая заминка, вызвавшая паденіе этого популярнаго министерства. Но все это покрывалось тѣмъ фактомъ, что радикальная партія въ теченіе одного только законодательнаго періода успѣла осуществить рядъ важныхъ требованій своей программы и что въ теченіе этого времени борьба ея велась только по правому фронту противъ исконныхъ противниковъ демократіи: искать враговъ налѣво она по прежнему отказывалась. Политика радикализма на выборахъ 1906 года получила торжественное одобреніе страны. Въ Палату прошли 247 радикаловъ и радикалъ-

*) Цит. по кн. Брисона „La Politique radicale", стр. 316.
**) Тамъ же, стр. 327.

соціалистовъ и 90 «лѣвыхъ республиканцевъ», поддерживавшихъ, какъ я уже говорилъ выше, радикальную политику. Это былъ настоящій тріумфъ. Радикализмъ располагалъ теперь абсолютнымъ большинствомъ въ Палатѣ, не говоря уже о томъ, что туда прошли также 54 соціалиста, на поддержку которыхъ для проведенія прогрессивныхъ реформъ радикалы вполнѣ могли разсчитывать. Теперь страна ждала «радикальнаго» законодательства въ области соціальной и экономической, ибо наиболѣе назрѣвшія политическія реформы уже были проведены въ предыдущемъ періодѣ. Надежды въ этомъ отношеніи еще больше возросли, когда у власти появился старый ветеранъ демократическихъ битвъ и всѣми признанный лидеръ радикализма Жоржъ Клемансо. Надежды эти, какъ извѣстно, не сбылись.

VI.

Появленіе у власти Клемансо знаменуетъ начало кризиса радикализма.

Во-первыхъ, радикальная партія не исполнила своихъ обѣщаній въ области реформистской дѣятельности. Въ итогѣ парламентской работы при Клемансо значится одна только реформа: выкупъ Восточной желѣзной дороги, которая не принадлежитъ вдобавокъ къ числу важнѣйшихъ.

Правда, палата вотировала еще законопроектъ о подоходномъ налогѣ, о реформѣ военныхъ судовъ и о государственныхъ пенсіяхъ для рабочихъ, но эти законопроекты, не говоря уже объ ограниченіи цѣлымъ рядомъ оговорокъ ихъ основного принципа, должны были еще обсуждаться въ сенатѣ, и изъ нихъ только послѣдняя реформа имѣла нѣкоторые шансы пройти окончательно до наступленія законодательныхъ выборовъ 1910 года.

Въ чемъ же причины внезапно и вопреки ожиданіямъ и желаніямъ страны остановившейся реформистской дѣятельности радикаловъ?

Одна изъ основныхъ причинъ—глубоко-соціальный характеръ реформъ, ставшихъ на очередь передъ радикальнымъ парламентомъ. Дѣло въ томъ, что среди радикаловъ имѣется не мало элементовъ, настроенныхъ антиклерикально, но консервативныхъ въ области соціальной. Наплывъ такихъ элементовъ въ радикальную партію особенно усилился по мѣрѣ успѣховъ радикализма, когда многіе изъ тѣхъ, кто вчера еще выступалъ въ лагерѣ умѣренныхъ, иногда даже націоналистовъ, стали наклеивать на себя радикальный ярлыкъ, пользовавшійся наибольшей популярностью среди массъ, чтобы подъ знаменемъ этой ставшей всесильной партіи пробиться къ теплому мѣстечку, почестямъ, политическому вліянію и т. п. И неудивительно, что когда передъ радикализмомъ встала непосредственная задача серьезнаго соціальнаго

законодательства, всѣ эти элементы, весьма значительные численно, внесли глубокое замѣшательство въ его ряды и парализовали его дѣйствія. Такое объясненіе радикальному кризису даютъ, между прочимъ, и нѣкоторые лидеры радикализма. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, цитированный нами Бюиссонъ: «Радикальная этикетка пользовалась народными симпатіями, и многіе взяли ее, не выяснивъ предварительно, какія обязательства она накладываетъ. Сама широта радикальныхъ формулъ (Вотъ она, спасительная широта, которую Бюиссонъ въ своей теоретической работѣ считаетъ преимуществомъ радикализма! Е. С.) и ихъ необходимая эластичность, позволяющая включать въ партійные ряды какъ парламентскихъ соціалистовъ (т. е. «независимыхъ». Е. С.), такъ и лѣвыхъ республиканцевъ, способствовала нѣкоторому шатанію въ области программы. Разногласія не проявлялись, пока дѣло шло лишь о заявленіяхъ общаго характера при формулировкѣ избирательнаго profession de foi; они не могли не возникнуть, когда стало необходимо вотировать опредѣленные законы» *).

Еще болѣе категорически выражается Камиль Пелльтанъ. Онъ видитъ одну изъ причинъ кризиса въ томъ, что огромное большинство парламентскихъ представителей радикализма принадлежитъ къ буржуазному классу. Указавъ въ свою очередь, что радикальная партія наводнена консервативными элементами, Пелльтанъ продолжаетъ:

«Католическая церковь объявила слишкомъ ожесточенную войну республиканской партіи, чтобы законодательныя мѣры, имѣвшія цѣлью разрушить господство клерикализма, не были вотированы съ увлеченіемъ. Но положеніе глубоко измѣнилось, когда радикаламъ пришлось взяться за другую часть своей программы. Въ этой части не было ни одного пункта, реализація котораго не требовала бы матеріальныхъ жертвъ отъ господствующихъ классовъ. Нѣтъ возможности осуществить фискальную реформу, не уменьшивъ налоговой тяжести, лежащей на обездоленныхъ, и не увеличивъ налоги, падающіе на болѣе состоятельныхъ гражданъ. Нѣтъ возможности вотировать государственную пенсію для рабочихъ, не потребовавъ хотя бы части необходимыхъ для этой цѣли суммъ у сравнительно богатыхъ общественныхъ слоевъ. Нѣтъ возможности націонализировать крупныя отрасли производства, не лишивъ легкихъ и существенныхъ прибылей владѣльцевъ капиталовъ. Нѣтъ возможности, наконецъ, провести въ жизнь регламентацію рабочаго договора, не рискуя стѣснить болѣе или менѣе предпринимателей. Одинъ изъ персонажей Баррэса, которому читаютъ предлагаемый ему для подписи контрактъ, восклицаетъ: «Но въ этомъ контрактѣ рѣчь все время идетъ лишь о моей смерти»? Люди среднихъ классовъ, реформаторы по убѣжденію и буржуа по положенію, должны

*) La Polit. radic., стр. 101.

были воскликнуть передъ необходимостью осуществить мѣры, имѣющія цѣлью облегчить положеніе работниковъ: «Но здѣсь рѣчь идетъ все время лишь о моемъ портмонэ» *).

Но не однѣ только перечисленныя причины парализовали парламентскую дѣятельность раликаловъ. Здѣсь проявилось вліяніе еще и другихъ обстоятельствъ. Огромную роль въ этомъ отношеніи сыграло развивавшееся въ странѣ стачечное движеніе и революціонная агитація синдикализма,; раздутая буржуазной прессой, она вызвала необычайную панику среди имущихъ слоевъ.

Испуганные радикалы, которымъ началъ уже мерещиться призракъ непосредственной революціи, подъ вліяніемъ праваго крыла своей партіи стали быстро эволюціонировать въ сторону соціальнаго консерватизма и политики кулака по отношенію къ борющимся рабочимъ организаціямъ. При такихъ условіяхъ проведеніе въ жизнь реформъ, затрагивающихъ существенные интересы имущихъ классовъ, сдѣлалось, конечно, затруднительнымъ; и это тѣмъ болѣе, что энергичная поддержка соціалистической партіей выступленій Конфедераціи труда рѣзко обострила отношенія между радикализмомъ и соціализмомъ. Вмѣсто того, чтобы продолжать борьбу съ партіями правой и центра, какъ они это дѣлали до тѣхъ поръ, радикалы начали тогда направлять свои удары, съ одной стороны, противъ синдикальнаго движенія, съ другой — противъ соціалистической партіи. Обостренію отношеній между радикализмомъ и соціализмомъ содѣйствовала еще усилившаяся въ странѣ пропаганда эрвэизма и рѣзкія антимилитаристскія резолюціи, принятыя соціалистическими конгрессами, что дало возможность радикаламъ сосредоточить борьбу противъ соціалистовъ на почвѣ патріотизма, минуя соціально-экономическія разногласія. Группировка политическихъ и общественныхъ силъ рѣзко измѣнилась такимъ образомъ во Франціи и измѣнилась въ направленіи безусловно неблагопріятномъ для развитія реформистской дѣятельности парламента.

Вдобавокъ Клемансо вмѣсто того, чтобы, подобно Комбу, давать импульсъ законодательной энергіи своего большинства, которое особенно нуждалось въ такомъ импульсѣ въ виду своего состава и характера стоявшихъ на очереди реформъ, и самъ толкалъ его въ сторону борьбы съ соціалистами.

Такая тактика Клемансо объясняется преимущественно особенностями его характера; его импульсивностью, злопамятствомъ и мстительностью. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ либеральныхъ выступленій въ имѣвшихъ мѣсто въ началѣ его министерства крупныхъ конфликтахъ труда съ капиталомъ Клемансо рѣшительно призналъ такую тактику негодной и сдѣлался не менѣе рѣшительнымъ сторонникомъ тактики бичей и скорпіоновъ.

*) Camille Pelletan, „La crise du parti radical“, La Revue, 15 мая 1909, стр. 149.

По его собственному признанію, онъ сталъ «по ту сторону баррикады».

Безпрерывныя нападки соціалистовъ на его политику по отношенію къ рабочему движенію, рѣзкія выступленія противъ него вчерашняго соратника и друга Жореса еще болѣе раздражали импульсивнаго министра-президента, который, слѣдуя свойственной его натурѣ склонности отдавать ударъ за ударъ, начинаетъ страстную кампанію въ странѣ и въ парламентѣ противъ соціалистической партіи, провозглашая, какъ нѣкогда Жюль Ферри во время своей борьбы съ радикалами, что «правой опасности больше не существуетъ,—врагъ налѣво».

Такое измѣненіе политическаго положенія окрылило надеждами правыхъ радикаловъ, которые на столько осмѣлѣли, что стали открыто убѣждать партію отказаться разъ навсегда отъ своей пролетарской кліентуры и сдѣлаться исключительно защитницей буржуазіи.

Такъ, въ газетѣ «Siècle» бывшій министръ въ кабинетѣ Вальдекъ-Руссо, Ланесанъ, началъ печатать рядъ статей съ изложеніемъ основныхъ линій той новой политики, которую долженъ былъ дать усвоить радикализмъ.

Ланесанъ началъ печатать свои статьи въ серединѣ 1906 года, когда кампанія противъ соціалистовъ только еще начиналась. Констатировавъ, что составъ парламентскаго большинства измѣнился, что отъ него окончательно отдѣлились соціалисты и небольшая группа непримиримыхъ радикалъ-соціалистовъ, и рядомъ съ этимъ къ нему фактически присоедились «прогрессисты» (современная кличка оппортюнистовъ), Ланесанъ предлагалъ радикальной партіи бросить свои заискиванія передъ пролетаріатомъ и превратиться исключительно въ партію мелкой буржуазіи.

«Мелкая буржуазія,—писалъ онъ—нуждается во внутреннемъ порядкѣ, ибо ей необходимо имѣть возможность спокойно работать, нуждается и во внѣшнемъ мирѣ, чтобы въ безопасности создавать свое состояніе и, наконецъ, въ соціальномъ прогрессѣ, который могъ бы облегчить ей подниматься на болѣе высокія ступени соціальной іерархіи... Мелкая буржуазія, включающая мелкихъ коммерсантовъ, мелкихъ и среднихъ земледѣльцевъ, мелкихъ патроновъ промышленныхъ предпріятій и т. п., экономна, степенна, нѣсколько боязлива и мало расположена афишировать свои политическія убѣжденія. Но за то пока она будетъ опасаться за свои матеріальные интересы, составляющіе для нея все, она образуетъ непоколебимый фундаментъ для республиканской партіи». Къ консерваторамъ этотъ соціальный классъ не пойдетъ, потому что онъ долженъ бороться противъ крупнаго капитала. Тѣмъ болѣе не пойдетъ онъ къ соціалистамъ, ибо они угрожаютъ ему ограбленіемъ, угрожаютъ отнять у него собственность, добытую трудомъ.

«Слишкомъ робкая, чтобы громко протестовать противъ мечта-

телей соціализма, размахивающихъ надъ ея головой краснымъ знаменемъ революціи и коммунизма, мелкая буржуазія готова, однако, поддержать всякое правительство, которое она найдетъ достаточно сильнымъ для защиты своихъ интересовъ. До тѣхъ поръ, пока соціалисты ограничивались громкими фразами, мелкая буржуазія оставалась спокойной; но теперь, когда они угрожають перейти отъ словъ къ дѣлу, она дрожитъ всѣмъ тѣломъ и готова броситься въ объятія тѣхъ, кто избавитъ ее отъ этого кошмара» *).

Сравнительно позже, уже въ 1907 году, другой видный радикалъ, Морисъ Ансамъ, выступилъ въ томъ же «Siècle» съ проектомъ новой радикальной программы.

Ансамъ предлагалъ радикаламъ вычеркнуть изъ своей программы требованія пересмотра конституціи, избирательной реформы, выборности судей, отмѣны смертной казни. Что касается подоходнаго налога, то «принимая во вниманіе оппозицію, которую этотъ проектъ налога встрѣчаетъ въ странѣ, партія, мало заботясь объ абсолютныхъ рѣшеніяхъ, объявитъ свою готовность принять всякую другую систему, которая будетъ имѣть слѣдствіемъ прогрессивное и постепенное измѣненіе фискальнаго режима». Вообще же Ансамъ предлагалъ провозгласить оффиціально, что «радикальная партія не считаетъ необходимымъ вмѣшательство государства въ отношенія между капиталомъ и трудомъ. Партія убѣждена, что справедливость можетъ быть реализована путемъ свободы и что свободная ассоціація — лучшее средство для улучшенія положенія рабочаго класса. Партія отказывается, однако, допустить право коалиціи или союзовъ для чиновниковъ и государственныхъ служащихъ» **).

Большинство другихъ радикальныхъ газетъ если и не пропагандировали открыто взглядовъ «Siecle», тѣмъ не менѣе не отставали отъ него въ своихъ нападкахъ на соціалистическую партію и рабочее движеніе; особенно отличался въ этомъ отношеніи «Radical», самая крупная радикальная газета въ Парижѣ.

Враждебное отношеніе къ соціализму такъ усилилось въ рядахъ радикаловъ, что передъ Нансійскимъ конгрессомъ радикальной партіи въ 1907 году въ руководящихъ партійныхъ сферахъ существовало твердое намѣреніе провести на конгрессѣ резолюцію, осуждающую эрвеизмъ, объявляющую вотумы соціалистическихъ конгрессовъ присоединеніемъ къ принципамъ антипатріотизма и запрещающую радикаламъ вотировать при перебаллотировкахъ за получившаго большинство голосовъ соціалистическаго кандидата, какъ это практиковалось до сихъ поръ. Такимъ образомъ, разрушалась традиціонная республиканская дисциплина, объединявшая всегда радикаловъ и соціалистовъ во время перебаллотировокъ противъ кандидатовъ правой и центра.

---

*) Siècle отъ 17 іюня 1906 г.

**) Siècle отъ 6 окт. 1907 г.

Отказываясь отдавать на перебаллотировкахъ свои голоса соціалисту, пользующемуся большими шансами на успѣхъ, чѣмъ ихъ собственный кандидатъ, радикалы тѣмъ самымъ фактически поддерживали бы консерваторовъ и реакціонеровъ. Такая тактика могла бы завести радикализмъ очень далеко.

Только благодаря усиліямъ лѣвыхъ радикаловъ, эта резолюція была снята съ голосованія и замѣнена другой резолюціей компромиссннаго характера, рекомендовавшей радикальнымъ избирателямъ вотировать въ случаѣ необходимости за тѣхъ соціалистовъ, которые публично откажутся отъ солидарности съ сторонниками антипатріотизма и всеобщей стачки. Но и эта резолюція могла только еще болѣе обострить отношенія между радикализмомъ и соціализмомъ, ибо вся соціалистическая печать единодушно заявила, что ни одинъ соціалистъ не унизится до исполненія требованія радикаловъ.

Усиливавшаяся политика репрессій правительства въ свою очередь расширяла пропасть между обѣими демократическими партіями. И въ напряженной атмосферѣ борьбы радикализма, къ которому съ энтузіазмомъ присоединились консерваторы всѣхъ оттѣнковъ, противъ крайней лѣвой, законодательная энергія радикальнаго большинства, парализуемая указанными въ началѣ главы причинами, и оставленная безъ всякаго руководства со стороны правительства, совсѣмъ какъ бы растаяла. Нельзя проводить реформы при парламентскомъ режимѣ, борясь въ союзѣ съ консерваторами противъ тѣхъ, которые являются наиболѣе горячими защитниками этихъ реформъ.

Репрессіи правительства, создавая иллюзіи у господствующихъ классовъ о возможности успѣшной борьбы съ демократіей и разочаровывая передовые слои этой послѣдней въ искренности реформистскихъ намѣреній парламентскаго большинства, еще болѣе затрудняли возможность политики реформизма.

Въ результатѣ, когда весною прошлаго года радикальная партія предстала передъ избирателями во время дополнительныхъ выборовъ въ 24 избирательныхъ округахъ, депутаты которыхъ прошли въ сенаторы, въ ея активѣ за трехлѣтнюю легислатуру числилась, какъ уже упоминалось выше, одна только реформа: выкупъ Западной желѣзной дороги, а въ пассивѣ—забастовка почтальоновъ, подавленіе всеобщей стачки углекоповъ, кровавыя событія въ Нантѣ, Дравейлѣ, Нарбоннѣ, Вильневъ-Сенъ-Жоржѣ, революціонизированное движеніе чиновниковъ, нѣсколько десятковъ политическихъ заключенныхъ въ тюрьмахъ, осужденныхъ за антимилитаристскія писанія и рѣчи.

Вердиктъ, вынесенный радикализму демократіей, былъ таковъ, какъ и слѣдовало ожидать. Изъ 24 мѣстъ, изъ которыхъ ни одно до тѣхъ поръ не было занято соціалистами,—8 мѣстъ на этотъ

разъ было завоевано этими послѣдними и изъ нихъ 5 въ чисто крестьянскихъ округахъ.

Этотъ результатъ не заключалъ въ себѣ ничего неожиданнаго. Въ дѣйствительности, именно потому, что радикальная партія стала у власти, благодаря присоединенію большинства народа къ ея программѣ, можно было ожидать, что ея трехлѣтняя политика, шедшая въ разрѣзъ со всѣми идейными и тактическими традиціями радикализма, заставитъ отшатнуться отъ нея наиболѣе чуткіе элементы несоціалистической демократіи. Тѣмъ болѣе, что патріотическій угаръ, охватившій было одно время значительную часть мелкой буржуазіи подъ вліяніемъ пропаганды правыхъ радикаловъ и буржуазной печати, не преминулъ разсѣяться, ибо вызванъ онъ былъ искусственнымъ путемъ.

Результатъ дополнительныхъ выборовъ подѣйствовалъ отрезвляюще на радикаловъ и заставилъ ихъ серьезно призадуматься о судьбѣ, которую приготовитъ имъ ихъ политика къ 1910 году.

Соціализмъ не только не былъ раздавленъ, какъ кричали объ этомъ все время оффиціозы правительства, но, оказалось, еще крѣпче обосновался на своихъ позиціяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ и «правая опасность» далеко не исчезла. Пользуясь общимъ разстройствомъ и замѣшательствомъ въ странѣ, явившимся результатомъ новаго направленія радикальной политики, націонализмъ снова началъ поднимать голову. Выстрѣлъ Грегори и оправданіе его судомъ присяжныхъ, а въ особенности продолжавшіяся въ теченіе всей прошлой зимы бурныя націоналистическія манифестаціи студенчества противъ республиканскихъ профессоровъ явились лучшимъ тому доказательствомъ.

Возродилось также и роялистское движеніе въ формѣ нео-роялизма и хотя это движеніе не распространилось широко, оно тѣмъ не менѣе усиленно привлекало общественное вниманіе своей рѣзкой агитаціей и скандальными выступленіями. Наконецъ, весеннія почтовыя забастовки и все растущая непопулярность парламента въ странѣ окончательно открыли глаза даже наиболѣе ослѣпленнымъ сторонникамъ Клемансо на серьезную опасность, грозящую радикализму. Къ тому же синдикалистская революція оказалась далеко не такой близкой и возможной, какъ это провозглашала буржуазная пресса, и этотъ аргументъ потерялъ силу своего вліянія для многихъ радикальныхъ политиковъ. Правые радикалы, въ свою очередь, убѣдились, что тактика, которую они пропагандировали, привела къ результатамъ, какъ разъ обратнымъ тѣмъ, которыхъ они ожидали. Парламентское большинство поспѣшило тогда воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы избавиться отъ Клемансо и измѣнить ту политику, которой онъ былъ выразителемъ и руководителемъ. И когда Клемансо свалился, споткнувшись объ одинъ изъ многочисленныхъ подводныхъ рифовъ парламентаризма, всѣ радикальные органы въ одинъ голосъ провозгла

сили настоятельную необходимость возврата къ старымъ традиціямъ радикализма и перемѣны отношеній къ соціализму.

VII.

Еще задолго до паденія Клемансо въ республиканской прессѣ начались раздаваться голоса въ пользу такого измѣненія. Въ 1908 году парижская радикальная газета «Rappel», перемѣнивъ свою редакцію, сдѣлалась горячей защитницей союза налѣво и открыла энергичную кампанію противъ клемансизма.

Уже въ первомъ номерѣ, вышедшемъ при новой редакціи, газета писала: «Мы будемъ отстаивать политику, которая осталась широко популярной въ массахъ—политику, которая основана на единеніи всѣхъ фракцій лѣваго большинства противъ объединенныхъ силъ реакціи». *)

«Будемъ говорить ясно, — читаемъ мы въ другомъ номерѣ той же газеты. —Выборъ приходится дѣлать теперь между двумя политиками: политикой концентраціи налѣво и политикой концентраціи направо. Г.г. Рибо, Ланесанъ, газета «le Temps» отстаиваютъ вторую политику—мы будемъ защищать первую. Большинство не можетъ продолжать топтаться на одномъ мѣстѣ; необходимо взять направленіе направо или налѣво. Большинство достаточно ясно сознаетъ свой долгъ по отношенію къ республиканской странѣ, чтобы ея выборъ могъ казаться сомнительнымъ. Оно пойдетъ налѣво». *)

Идеи «Rappel» въ настоящее время, послѣ перемѣны министерства, раздѣляются большинствомъ радикальной партіи. Въ оффиціальной деклараціи партіи, вотированной ея послѣднимъ конгрессомъ, мы читаемъ слѣдующее по вопросу объ отношеніи къ соціалистамъ: «Должны ли мы отказаться отъ надежды на совмѣстную дѣятельность, которая дала бы возможность, сохраняя свои различныя концепціи, объединить усилія для достиженія общей цѣли? Всѣ наши конгрессы провозглашали формулу: «у насъ нѣтъ союзниковъ направо; у насъ нѣтъ враговъ налѣво». Мы не желаемъ другихъ формулъ. И теперь еще мы хотимъ, чтобы на выборахъ 1910 года эта формула служила общимъ правиломъ республиканской дисциплины». ***)

Чтобы ярче отмѣтить свое желаніе осуществить лѣвую политику, радикальный конгрессъ избралъ на постъ президента исполнительнаго комитета партіи Валлэ, бывшаго министра юстиціи въ кабинетѣ Комба.

Политика новаго исполнительнаго комитета оказалась на столько

*) Rappel отъ 3 марта 1909 г.
**) Rappel отъ 5 марта 1909 г.
***) Radical отъ 11 окт. 1909 г.

«лѣвой», что Клемансо въ видѣ протеста противъ этой политики демонстративно покинулъ ряды радикальной партіи.

Правительство Бріана, призваніе къ власти котораго также являлось симптоматичнымъ, въ свою очередь стремится пока дѣйствовать въ примирительномъ духѣ. Оно освободило всѣхъ политическихъ заключенныхъ и приняло обратно на службу всѣхъ уволенныхъ во время почтовой забастовки чиновниковъ; кромѣ того, Бріанъ дѣлалъ энергичныя усилія, чтобы добиться вотированія Сенатомъ до законодательныхъ выборовъ законопроекта о государственной пенсіи для рабочихъ. По отношенію къ соціалистической партіи министръ - президентъ также отказался отъ боевой тактики прежняго кабинета, провозгласивъ необходимость «примиренія».

Съ другой стороны, и радикальная печать заняла теперь рѣзко лѣвую позицію. Газета «Radical» измѣнила даже свою редакцію, отказалась отъ услугъ своего редактора—лидера правыхъ радикаловъ Можана и теперь въ общемъ проводитъ такую же политику, какъ и «Rappel».

Вотъ какъ характеризуетъ въ этой газетѣ лѣвый радикалъ, депутатъ Вурзли, совершившееся измѣненіе въ политическомъ положеніи Франціи. «Кое-что измѣнилось въ нашей странѣ за послѣдніе три мѣсяца. Неоспоримый фактъ, что къ концу министерства Клемансо большое разстройство царило въ рядахъ республиканской партіи; единеніе лѣвыхъ было разбито, республиканское большинство раздиралось разногласіями и лишилось всякаго направленія, работники, разочарованные въ своихъ надеждахъ, раздраженные авторитарной, грубой и аггрессивной политикой, такъ же какъ и чиновники, подчиненные режиму произвола, уходили къ крайнимъ партіямъ. Возмущеніе охватило однихъ, глубокое разочарованіе другихъ, и можно было опасаться самыхъ гибельныхъ послѣдствій такого распаденія и разстройства республиканскихъ силъ. Частичные выборы ярко демонстрировали указанное положеніе. Всюду или почти всюду радикальная и радикалъ-соціалистическая партія потеряла большое число голосовъ и лишилась нѣсколькихъ мѣстъ въ парламентѣ. Министерство безпрерывно «en bataille», чрезвычайныя мѣры репрессіи, посягательства на свободу собраній, на синдикальную свободу, провокаціонныя оскорбленія чиновниковъ, путаница, отказъ отъ республиканскихъ традицій, бичъ, превращенный въ правительственную систему,—все это создало глубокое смятеніе въ странѣ, возбудило недовольство и внесло смятеніе въ ряды республиканцевъ.

«Теперь, какъ ясно для всѣхъ, республиканская партія снова стала на вѣрный путь. Освобожденіе однихъ, обратный пріемъ на службу другихъ, общее впечатлѣніе политики умиротворенія и республиканскаго согласія, рѣшительность реформистскаго дѣйствія, наконецъ, открывшаяся эра осуществленія привели къ серьезному

примиренію и къ единенію въ республиканской партіи». Министръ-президентъ въ своей рѣчи въ Перигэ сказалъ, что для того, чтобы заставить полюбить республику, необходимо ее осуществить. «Но осуществить республику—это значитъ провести реформы, ею обѣщанныя, закончить начатое дѣло воспитанія народа, воспитанія гражданина, избирателя, на которомъ лежитъ обязанность выбирать депутата не только для себя, но для всей Франціи,—это значитъ рѣшительно войти въ область реформъ экономическихъ, соціальныхъ и фискальныхъ. Но такая дѣятельность встрѣтитъ вѣчное сопротивленіе консервативныхъ партій; она найдетъ, наоборотъ, поддержку и сочувствіе у партій демократическихъ. Такая дѣятельность, повторяю, обостритъ враждебныя отношенія съ правой и укрѣпитъ примиреніе налѣво». *)

Мы видимъ, что, какъ только среди радикаловъ начинаетъ преобладать лѣвое настроеніе, они сейчасъ же выдвигаютъ необходимость примиренія съ соціализмомъ.

Въ дѣйствительности во Франціи, благодаря ея свободнымъ политическимъ условіямъ и моральной силѣ соціализма, соціалистическая партія превратилась въ такой важный факторъ политической жизни, что отношеніе къ нему опредѣляетъ направленіе политики парламентскаго большинства.

А опытъ Клемансо съ чрезвычайной ясностью показалъ, что борьба съ соціализмомъ при современныхъ французскихъ условіяхъ ведетъ къ борьбѣ съ демократіей и къ неизбѣжному союзу съ партіями соціальнаго консерватизма. Поэтому то искренніе радикалы добиваются того, чтобы отношенія между радикалами и соціалистами не были враждебны.

Конечно, ни о какомъ «блокѣ» между французскими соціалистами и радикалами не можетъ быть рѣчи. Французскій соціализмъ во всей совокупности его отдѣльныхъ развѣтвленій окончательно отказался послѣ рѣшенія Амстердамскаго международнаго конгресса отъ тактики «блоковъ» съ несоціалистическими партіями. Это знаютъ прекрасно радикалы. И когда они говорятъ о «примиреніи» и «единеніи» съ соціалистами, они имѣютъ въ виду лишь, какъ указалъ на это радикалъ Беранжэ въ «Action», перенесеніе борьбы радикализма слѣва направо, путемъ проведенія энергичной реформистской политики, которая вынудила бы соціалистовъ поддерживать радикаловъ въ ихъ стремленіяхъ завоевать реформы и тѣмъ самымъ привела бы ихъ къ совмѣстнымъ выступленіямъ противъ консервативнаго лагеря. Конечно, для того, чтобы такая политика могла осуществиться и дать положительные результаты, необходимо также, чтобы правительство и радикальное большинство сосредоточили всю свою энергію на развитіи своей реформистской функціи и осуществляли со всею осторожностью свою вторую

*) Radical отъ 28 окт. 1909 г.

функцію—функцію охраны основъ буржуазной легальности, выполняемой всякой стоящей у власти несоціалистической партіей, какъ бы она ни была демократична. При Клемансо дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ, и это вызвало, какъ мы видѣли, кризисъ радикализма.

Можно ли надѣяться, что новая политика радикальной партіи продержится долго и что партія эта рѣшительно двинется по пути соціальнаго реформаторства?

Какъ бы ни были серьезны препятствія, которыя капитализмъ выдвигаетъ противъ всякаго серьезнаго соціально-реформаторскаго начинанія, мы думаемъ все-таки, что объективныхъ причинъ, которыя осуждали бы радикализмъ на полное банкротство въ самомъ близкомъ будущемъ, не имѣется въ условіяхъ современной Франціи. Примѣръ англійскаго либерализма, осуществляющаго въ капиталистическомъ обществѣ самыя радикальныя соціальныя реформы, является въ этомъ отношеніи крайне убѣдительнымъ.

Что же касается тѣхъ причинъ, вліяніе которыхъ на кризисъ радикализма мы выяснили въ предыдущемъ изложеніи, то въ настоящее время дѣйствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ кажется какъ бы парализованнымъ въ виду создавшагося во Франціи положенія, заставившаго даже самого Рибо отказаться отъ основнаго принципа доктринерскаго либерализма, который онъ исповѣдывалъ всю жизнь и провозгласить необходимость осуществленія соціальныхъ улучшеній путемъ вмѣшательства государства. Въ дальнѣйшемъ же все будетъ зависѣть отъ роста рабочаго движенія и соціализма въ странѣ. Ибо чѣмъ болѣе будетъ укрѣпляться организованная сила трудящихся массъ, тѣмъ болѣе духъ оппозиціи противъ современнаго строя будетъ ихъ воодушевлять, тѣмъ болѣе радикальная партія, чтобы не потерять связи съ демократіей, вынуждена будетъ осуществлять реформы и улучшенія.

Благотворное вліяніе на радикализмъ можетъ оказать также въ этомъ отношеніи реформа французской избирательной системы на основѣ пропорціональнаго представительства. Такая реформа, въ пользу которой ведется теперь энергичная кампанія въ странѣ и которая, вѣроятно, будетъ осуществлена будущей палатой, побудитъ политическія партіи провести между собой болѣе рѣзкія демаркаціонныя линіи и основательно сорганизоваться. Радикальная партія, слабая организація которой явилась въ значительной степени одной изъ причинъ, обусловившихъ кризисъ радикализма, получитъ возможность тогда какъ защищаться отъ чрезмѣрнаго наплыва консервативныхъ элементовъ, такъ и направлять болѣе серьезнымъ образомъ дѣятельность своего парламентскаго представительства,—во многихъ случаяхъ не считающагося съ постановленіями радикальныхъ конгрессовъ. Но такъ или иначе, какъ я уже говорилъ въ началѣ статьи, нѣтъ основаній предполагать,—если откинуть не поддающіяся предварительному учету возможности,—чтобы въ близ-

комъ будущемъ радикализмъ могъ потерять свое положеніе партіи большинства.

Весь вопросъ сводится лишь къ тому: будетъ ли его дальнѣйшему пребыванію у власти сопутствовать еще въ теченіе нѣкотораго времени періодъ роста его вліянія и силы въ странѣ или же, наоборотъ, періодъ начинающагося упадка и убывающаго моральнаго и политическаго значенія.

Осуществленіе первой или второй гипотезы, зависящее главнымъ образомъ отъ будущей тактики радикализма, можетъ оказать именно поэтому различное вліяніе на направленіе развитія всей французской политической жизни. И въ этомъ заключается указанная нами въ началѣ статьи серьезность вопроса о судьбахъ радикализма. Но во всякомъ случаѣ, если оппортюнизмъ былъ сбитъ съ своихъ позицій во Франціи потому, что его узкая ограниченная программа, дальше которой онъ не желалъ идти, получила осуществленіе, и его содержаніе оказалось изжитымъ, то радикализмъ рискуетъ сойти преждевременно съ исторической сцены, не выполнивъ своей миссіи, если онъ откажется или окажется не въ силахъ провести въ жизнь свои программныя обѣщанія.

Е. Сталинскій.

Западно-славянская идилія.

(*Письмо изъ Австріи*).

Какъ разъ въ то самое время, когда др. Крамаржъ собирался въ Петербургъ на совѣщаніе «неославянскаго» исполнительнаго комитета, во всѣхъ австрійскихъ газетахъ печатались извѣстія о ходѣ школьной забастовки въ Силезіи. Эта забастовка польскихъ школьниковъ въ Михалковицахъ, Дзецьморовицахъ и Польской Остравѣ, организованная польской соціалъ-демократической партіей, была однимъ изъ самыхъ яркихъ эпизодовъ той ожесточенной борьбы, которая вотъ ужъ около десятка лѣтъ ведется польскими рабочими съ чешскими общинными управленіями западной полосы Силезіи.

Польскія школьныя забастовки, направленныя противъ чешскаго преобладанія въ общинахъ съ чисто польскимъ большинствомъ населенія, являются такимъ характернымъ проявленіемъ «славянскаго братства», что заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Въ настоящей статьѣ мы постараемся ознакомить читателей съ условіями, вызвавшими польско-чешскую борьбу въ Силезіи, съ характеромъ

и ходомъ этой борьбы и съ той ролью, которую въ ней играютъ различные общественные классы обѣихъ враждующихъ народностей.

Для уясненія себѣ взаимоотношеній поляковъ и чеховъ въ Силезіи слѣдуетъ прежде всего познакомиться съ общимъ положеніемъ этого края, съ его исторической судьбой и съ соціальными факторами его развитія. Это намъ дастъ возможность понять, почему поляки, господствующіе въ сосѣдней Галиціи, являются въ Силезіи паріями, лишенными почти всѣхъ правъ, которыми пользуются ихъ галиційскіе земляки.

Силезія—коренной польскій край. Однако, исторически судьба этого края сложилась такъ, что онъ еще въ XIII столѣтіи потерялъ политическую связь съ остальными провинціями Польши. Съ этого времени Силезія входила въ составъ Чешскаго королевства, и вмѣстѣ съ послѣднимъ переживала всѣ злоключенія земель «короны св. Вацлава», пока, наконецъ, въ половинѣ XVIII вѣка большая часть этой провинціи не перешла подъ власть Пруссіи, а за Австріей остался лишь небольшой сравнительно ея клочекъ.

Послѣдній составляетъ одну изъ наименьшихъ правинцій Австріи. Территорія Силезіи равняется всего $93^1/_2$ квадратнымъ милямъ, такъ что на ея долю приходится всего $1^1/_2{}^0/_0$ поверхности земель, представленныхъ въ вѣнскомъ парламентѣ. Австрійская Силезія распадается на двѣ части, почти разъединенныя между собой врѣзывающейся между нимъ частью Моравіи. Одна изъ этихъ частей—герцогство Опавское (Troppau)—по составу населенія край нѣмецкій съ довольно незначительной примѣсью чешскаго элемента. Другая—герцогство Цѣшинское (Teschen)—почти сплошь населено поляками, и только на западной окраинѣ съ сѣвера на югъ тянется узкая полоска чешскихъ населеній.

Территоріей, на которой разыгрывается польско-чешская борьба, является только герцогство Цѣшинское, поэтому въ настоящей статьѣ мы будемъ говорить только о немъ, почти совершенно не касаясь герцогства Опавскаго, живущаго совершенно иной жизнью.

Историческая обособленность Силезіи привела къ тому, что польское культурное вліяніе на ея національную жизнь мало по малу почти совсѣмъ исчезло. Князья-Пястовичи, которымъ принадлежала Силезія, онѣмечились окончательно въ XIV—XV столѣтьямъ, силезская знать послѣдовала ихъ примѣру, города въ Силезіи издавна были нѣмецкими, такъ что свою польскую національность сохранили только крестьяне. Однако, сохранивъ польскій языкъ въ домашнемъ обиходѣ, силезскіе крестьяне подпали вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніе культуры, которая распространялась такими могучими факторами общественной жизни, какъ церковь и школа. Чешское духовенство и народные учителя-чехи были единственными представителями интеллигенціи, непосредственно воздѣйствовавшими на силезское крестьянство. И этимъ объясняется сильное вліяніе чешской культуры на католическую

часть силезскихъ крестьянъ-поляковъ. Что же касается поляковъ-протестантовъ, то они въ меньшей степени подвергались чешскому вліянію, благодаря тому, что у нихъ еще съ XVI столѣтія получила громадное распространеніе польская протестанстская литература (переводъ библіи, псалтыря, проповѣди и т. д.). Однако, поляки-протестанты всегда составляли меньшинство (немногимъ больше трети) польскаго населенія Силезіи, вслѣдствіе чего площадь распространенія польскаго культурнаго вліянія была весьма ограничена.

Къ началу конституціонной эры въ Австріи, когда народныя массы получили возможность активнаго участія въ политической жизни края, національная физіономія Силезіи представлялась въ слѣдующемъ видѣ. Аристократія, въ рукахъ которой была крупная земельная собственность, городская буржуазія и бюрократія принадлежали къ нѣмецкой національности; незначительная часть бюрократіи, католическое духовенство и горсть профессіональной интеллигенціи (учителя, врачи, адвокаты)—къ чешской. Что же касается народныхъ массъ, то онѣ, будучи этнографически польскими и говоря по польски, либо совершенно не сознавали, какова ихъ національность, либо опредѣляли ее на основаніи принадлежности къ тому или другому вѣроисповѣданію. Такъ, протестанты склонны были считать себя поляками, въ то время какъ католики тяготѣли къ чехамъ. Сознанія общности съ остальнымъ польскимъ міромъ у поляковъ-силезцевъ совершенно не существовало. Самое названіе «полякъ» считалось иногда оскорбительнымъ и даже бывали случаи, когда крестьянинъ-силезецъ жаловался въ судъ на обидчика, назвавшаго его полякомъ

Такимъ образомъ польское населеніе Силезіи представляло изъ себя этнографическую массу, лишенную національнаго самосознанія, вслѣдствіе чего отдѣльныя лица, выходившія изъ крестьянской среды, порывали съ ней національную связь и примыкали либо къ нѣмцамъ, либо къ чехамъ. Только мало по малу и въ Силезіи начинаетъ возникать процессъ, аналогичный т. н. «славянскому возрожденію» чеховъ, хорватовъ, лужичамъ, словинцевъ, украинцевъ и т. д.

Подъ вліяніемъ демократическихъ идей первой половины XIX ст. и среди силезской интеллигенціи, вышедшей изъ народа, начинаютъ появляться отдѣльныя личности, не порывающія связи съ его національностью. Священники и народные учителя, живущіе постоянно среди народныхъ массъ, первые дали тотъ немногочисленный контингентъ, который начинаетъ работать въ духѣ національныхъ интересовъ народныхъ массъ. Мало по малу къ этой горсточкѣ національной интеллигенціи примыкаютъ новыя лица изъ среды профессіональной интеллигенціи: тутъ врачъ, тамъ адвокатъ или чиновникъ. Появляется польская печать, выходятъ брошюры по вопросамъ, интересующимъ крестьянское населеніе, возникаютъ

разныя національныя общества, которыя и привлекаютъ новыхъ членовъ изъ крестьянской среды, затронутой національной пропагандой мѣстной интеллигенціи. Однимъ словомъ, нарождается польское національное движеніе, первоначально чисто культурнаго, а затѣмъ и политическаго характера. Появляется тенденція обезпечить за польскимъ языкомъ кое-какія права хотя бы только въ народной школѣ и въ низшихъ судебныхъ и административныхъ инстанціяхъ.

Этимъ путемъ въ силезскія отношенія вторглась политическая борьба съ ярко выраженнымъ національнымъ характеромъ, получавшая постоянно возростающее значеніе въ конституціонную эпоху. Сразу же эта борьба стала вестись на два фронта—съ нѣмецкимъ и съ чешскимъ преобладаніемъ. Однако, она велась главнымъ образомъ противъ нѣмцевъ, которые въ конституціонную эпоху оказались полнѣйшими хозяевами въ Силезіи именно въ политическомъ отношеніи. Они завладѣли всѣми административными учрежденіями, всѣмъ судебнымъ вѣдомствомъ, ландтагомъ и другими органами самоуправленія, что стало для нихъ возможнымъ, благодаря соціальному господству нѣмецкаго элемента въ политическихъ условіяхъ, дающихъ перевѣсъ имущимъ классамъ населенія. Вслѣдствіе этого возрождающіеся въ національномъ отношеніи польское населеніе Силезіи должно было почти всѣ свои силы направить на борьбу съ германизаціей.

Что же касается чешскаго преобладанія, то оно имѣло чисто культурный характеръ. Силезскіе чехи точно также, какъ и поляки, были элементомъ, совершенно лишеннымъ политическаго вліянія, сосредоточеннаго всецѣло въ рукахъ нѣмцевъ. За то чешскій языкъ господствовалъ въ католической церкви даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ чеховъ совсѣмъ не было. Въ извѣстной мѣрѣ тоже самое можно сказать о народныхъ школахъ. И параллельно съ ростомъ національнаго самосознанія поляковъ усиливалась тенденція, направленная къ постоянному вытѣсненію чешскаго языка съ занятыхъ имъ издавна позицій. Однако, эта тенденція была очень слаба по сравненію съ тѣми выступленіями, которыя направлялись противъ нѣмцевъ. Мало того, между поляками и чехами господствовала извѣстная солидарность, такъ какъ гнетъ нѣмецкихъ магнатовъ, капиталистовъ и бюрократовъ давалъ себя чувствовать обѣимъ славянскимъ народностямъ Силезіи.

Общая борьба съ нѣмцами сближала польскую и чешскую интеллигенцію, и, напр., въ той области, гдѣ политическая сила польскаго и чешскаго населенія имѣла возможность проявиться (выборы изъ куріи крестьянской собственности въ ландтагъ и въ парламентъ), польскіе политическіе дѣятели шли рука объ руку съ чешскими. У чеховъ было сравнительно больше интеллигенціи (мѣстной и пришлой—изъ Моравіи и Богеміи) и политически эта интеллигенція была гораздо сознательнѣе польской. Дѣло въ томъ,

что силезскіе чехи исторически были въ гораздо меньшей степени оторваны отъ чешской общенаціональной жизни, нежели поляки. Въ то время, какъ польская интеллигенція, вышедшая изъ среды мѣстнаго силезскаго крестьянства, не чувствовала никакой общности съ національно-политической жизнью другихъ польскихъ провинцій, чешская интеллигенція крѣпко держалась взгляда, что Силезія—часть «земель короны св. Вацлава». Вслѣдствіе такого перевѣса чешской интеллигенціи надъ мѣстной польской въ отношеніи политической сознательности чешскія національныя стремленія нерѣдко усваивались и поляками. Бывали случаи, когда польскіе депутаты опавскаго ландтага высказывались оффиціально въ качествѣ приверженцевъ чешскаго государственнаго права.

Полная оторванность Силезіи отъ общепольской жизни не могла, однако, продолжаться вѣчно. Національное самосознаніе польскаго населенія Силезіи росло медленно, но постоянно. И это содѣйствовало, съ одной стороны, сближенію силезскихъ поляковъ съ сосѣдней Галиціей, а съ другой—проникновенію общепольскихъ вліяній въ Силезію. Спеціально изъ Галиціи наплывало въ сосѣднее Цѣшинское герцогство немало польскихъ интеллигентскихъ силъ — чиновниковъ, учителей, врачей, адвокатовъ, редакторовъ и т. д., которые находили тамъ примѣненіе для своихъ силъ въ виду недостатка мѣстной польской интеллигенціи. Національная борьба, которую ведутъ силезскіе поляки, не могла не вызывать сочувствія у всѣхъ поляковъ, какъ въ Галиціи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ. Все польское общество заинтересовалось тѣмъ, что происходитъ въ Силезіи, и стало по мѣрѣ силъ и возможности помогать силезцамъ въ ихъ борьбѣ—прежде всего съ германизаціей. Возникшія въ Силезіи культурныя общества, въ родѣ «Школьной Матицы», встрѣтили поддержку всего польскаго общества и, напр., изъ Варшавы на эту цѣль шли постоянно десятки тысячъ рублей.

Мало по малу Силезія сближалась съ остальными польскими провинціями и, спеціально, съ Галиціей. Различныя галиційскія культурныя учрежденія стали распространять сѣть своей организаціи и на Силезію. Этому примѣру послѣдовали и партійныя группы. Галиційскіе народники, христіанско-соціальная партія ксендза Стояловскаго, соціалъ-демократія—всѣ эти организаціи перенесли часть своихъ силъ въ Силезію и стали тамъ развивать болѣе или менѣе энергичную дѣятельность. Польскіе депутаты, выбранные въ Силезіи, входятъ въ составъ польскихъ фракцій вѣнскаго рейхсрата. Однимъ словомъ, прежній партикуляризмъ силезскихъ поляковъ постепенно ослабѣвалъ, связь Силезіи съ Галиціей укрѣплялась, и такимъ путемъ какъ бы ликвидировались результаты исторіи этой провинціи, развивавшейся въ болѣе тѣсной связи съ Чехіей, нежели съ Польшей.

Это должно было привести къ возникновенію чисто-политическаго антагонизма между чешскими и польскими политиками. Всѣ

чешскіе буржуазныя партіи стоятъ безусловно на почвѣ государственнаго права «короны св. Вацлава», разсматривающаго Богемію, Моравію и Силезію, какъ одно интегральное цѣлое. Съ этой точки зрѣнія всякая попытка расторгнуть связь трехъ вышеупомянутыхъ провинцій является преступленіемъ. Болѣе радикальныя партіи въ чешскомъ лагерѣ высказываются въ пользу признанія за силезскими поляками правъ, обезпечивающихъ за ними свободное національное развитіе, какъ за національнымъ меньшинствомъ. Чешскіе же націоналисты стремятся къ полной ассимиляціи силезскихъ поляковъ, обнаруживая тенденцію считать ихъ «ополяченными чехами», которыхъ слѣдуетъ превратить въ «настоящихъ» чеховъ.

Конечно, такой взглядъ встрѣчается съ негодованіемъ силезскими поляками, которые давно уже отрѣшились отъ всякихъ воспоминаній о господствѣ чешскаго государственнаго права въ польской части Силезіи. Нѣтъ ни одной польской партіи или политической группы, которая бы хотѣла считаться съ государственно-правовыми притязаніями чеховъ на польскую часть Силезіи. За то цѣлый рядъ польскихъ партій требуетъ возсоединенія герцогства Цѣшинскаго съ Галиціей.

Собственно говоря, въ настоящее время споръ, куда отнести польскую часть Силезіи — къ Чехіи или къ Галиціи — при перестройкѣ Австріи, является споромъ чисто академическимъ. Вѣдь ни реализація чешскаго государственнаго права, ни преобразованіе Австріи въ федерацію этнографически однородныхъ территорій не будутъ проведены въ ближайшемъ будущемъ. И фактически вопросъ объ измѣненіи отношеній Силезіи къ другимъ австрійскимъ провинціямъ не играетъ пока еще никакой реальной роли. Однако эта враждебность поляковъ государственно-правовымъ стремленіямъ чешскихъ партій способствуетъ до извѣстной степени ухудшенію польско-чешскихъ отношеній въ Силезіи, радикально испорченныхъ фактами изъ совсѣмъ другой области. Польско-чешская борьба въ томъ видѣ, въ какомъ она выступаетъ въ настоящее время,—прямой результатъ своеобразнаго экономическаго развитія этого края и наплыва на его территорію новыхъ элементовъ, какъ съ запада, такъ и съ востока. Чтобы понять значеніе этого процесса, слѣдуетъ бросить бѣглый взглядъ на соціально-экономическій характеръ Силезіи и на отраженіе соціально-экономическихъ факторовъ ея развитія въ политической и національной области.

Силезія вообще, а въ особенности ея восточная часть, герцогство Цѣшинское, является краемъ съ чрезвычайно развитой промышленностью. Неисчерпаемыя залежи каменнаго угля способствуютъ возникновенію новыхъ и новыхъ рудниковъ, металлургическихъ заводовъ, множеству самыхъ разнообразныхъ фабрикъ и т. д. Эксплуатація залежей каменнаго угля началась на западныхъ окраинахъ Силезіи и постепенно передвигалась къ востоку, къ гали-

ційской границѣ. Въ этомъ же направленіи шла и индустріализація Силезіи, которая мало по малу превращалась въ одну изъ самыхъ промышленныхъ провинцій Австріи.

Въ силезской промышленности съ момента ея возникновенія полными хозяевами были нѣмецкіе капиталисты. Всѣ каменноугольныя копи принадлежатъ исключительно нѣмцамъ—акціонернымъ кампаніямъ или частнымъ лицамъ. То же самое можно сказать и о металлургическихъ заводахъ и о текстильныхъ предпріятіяхъ, 99% всѣхъ промышленныхъ заведеній находятся въ нѣмецкихъ рукахъ, и господство нѣмецкаго капитала отражается самымъ плачевнымъ образомъ на національныхъ интересахъ польскаго населенія Силезіи. И это тѣмъ болѣе, что крупная земельная собственность этой провинціи точно также принадлежитъ исключительно нѣмцамъ. По большей части крупная земельная собственность и промышленный капиталъ представлены одними и тѣми же лицами. Такъ, напр., около половины территоріи Цѣшинскаго герцогства принадлежитъ двумъ феодаламъ: эрцгерцогу Фридриху и графу Генриху Ляришъ-Мѣнниху, въ рукахъ которыхъ сосредоточены сотни самыхъ разнообразныхъ промышленныхъ предпріятій. Если принять во вниманіе, что силезскіе магнаты (среди которыхъ не мало онѣмеченныхъ поляковъ и чеховъ, какъ Сулковскіе, Вильчеки, Стржиговскіе, Сѣдльницкіе) отличаются рьянымъ національизмомъ и ведутъ сознательно и послѣдовательно германизаторскую политику, то національный гнетъ нѣмецкаго капитала станетъ для насъ вполнѣ очевиднымъ. Для уясненія себѣ, какова сила нѣмецкаго элемента въ герцогствѣ Цѣшинскомъ, не слѣдуетъ забывать, что господствующимъ элементомъ въ его городахъ является нѣмецкая буржуазія и нѣмецкая бюрократія, самымъ энергическимъ образомъ заботящіяся о сохраненіи нѣмецкаго «Besitzstand'а».

Нѣмцы являются элементомъ, господствующимъ не только въ области соціально-экономическихъ отношеній. Въ ихъ рукахъ сосредоточена вся политическая и административная власть края. Силезскій ландтагъ находится всецѣло въ рукахъ нѣмцевъ. Хотя нѣмецкое населеніе Силезіи (обѣихъ ея частей—герцогства Опавскаго и Цѣшинскаго) составляетъ 43,3%, тѣмъ не менѣе въ силезскомъ сеймѣ 80% нѣмецкихъ депутатовъ. Курія крупной земельной собственности, промышленныхъ и торговыхъ палатъ и городская курія выбираютъ въ ландтагѣ исключительно нѣмцевъ, въ то время какъ польскіе и чешскіе депутаты могутъ быть выбраны только въ куріи сельскихъ общинъ, крестьянами. Избирательный же законъ Силезіи составленъ (еще въ 1861 году) въ угоду нѣмцамъ, что видно по тому, сколько на какую курію приходится депутатовъ.

Въ интересахъ крупнѣйшихъ феодаловъ курія крупной земельной собственности раздѣлена на двѣ подъ-куріи. Въ первой четыре князя выбираютъ 2-хъ депутатовъ, во второй 46 помѣщиковъ—7. Курія торговыхъ и промышленныхъ палатъ, представленная 83

избирателями, посылаетъ въ ландтагъ 2-хъ депутатовъ. 13000 членовъ городской куріи располагаетъ 10-ю мандатами, въ то время какъна на 30.000 крестьянъ приходится ихъ всего 9. Такимъ образомъ въ первой куріи 1 депутатъ приходится на 5 избирателей, а въ послѣдней, сельской, на 3.400 избирателей. Что же касается рабочихъ, составляющихъ почти половину населенія Силезіи, то они совершенно лишены права выбирать своихъ представителей въ ландтагъ, отъ чего опять таки страдаетъ польское населеніе.

Вся высшая администрація края находится въ рукахъ нѣмцевъ. Исполнительный органъ ландтага—краевое управленіе—(Landesausschuss) тоже. До 1907 г. нѣмецкій языкъ былъ единственнымъ оффиціальнымъ языкомъ административныхъ и судебныхъ учрежденій Силезіи, и только съ конца 1907 года польскій и чешскій языки получили извѣстныя права въ этой области. Съ этого же времени во многихъ общинахъ польскій языкъ замѣнилъ господствовавшій тамъ всецѣло нѣмецкій языкъ дѣлопроизводства.

Однако, признаніе за польскимъ языкомъ извѣстныхъ правъ очень часто не ведетъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ вслѣдствіе того, что среди чиновниковъ почти нѣтъ лицъ, владѣющихъ польскимъ языкомъ. Такъ, напр., въ герцогствѣ Цѣшинскомъ на 59 судебныхъ чиновниковъ всего 6, т. е. 10% поляковъ, между тѣмъ какъ польское населеніе составляетъ здѣсь 60,9%, а нѣмецкое 15,2%. Въ яблонковскомъ окружномъ судѣ нѣтъ ни одного судьи, который бы владѣлъ польскимъ языкомъ, хотя въ яблонковскомъ округѣ нѣмцы не составляютъ и 5% населенія. На почтѣ, въ податныхъ учрежденіяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ и т. д. нѣмецкій элементъ господствуетъ. Господствуетъ онъ и среди сельскохозяйственной и промышленной администраціи, хотя въ этой области постоянно увеличивается и количество служащихъ чеховъ.

Растущая индустріализація Силезіи вызвала иммиграцію двоякаго характера. Съ запада, изъ чешскихъ провинцій, стала наплывать профессіональная интеллигенція. Извѣстно, что Чехія издавна страдаетъ перепроизводствомъ интеллигенціи, которая не находитъ у себя дома примѣненія для своихъ знаній и энергіи. Этимъ объясняется фактъ, что во всѣхъ провинціяхъ Австріи вы встрѣтите массу чешскихъ чиновниковъ всякаго рода, техниковъ, инженеровъ, архитекторовъ, профессоровъ и т. д. Потокъ чешской интеллигенціи направляется на Балканскій полуостровъ и даже въ Россію, гдѣ всѣмъ извѣстенъ типъ чеха-учителя гимназіи, латиниста или «грека». Само собой разумѣется, что въ Силезію—въ край, исторически связанный съ чешскими землями и лежащій по сосѣдству съ ними,—наплывъ чешскихъ интеллигентовъ и профессіоналовъ долженъ быть очень значителенъ. И, дѣйствительно, параллельно съ индустріализаціей Силезіи возрастаетъ въ ней количество чеховъ-инженеровъ, техниковъ, химиковъ, штейгеровъ, луч-

шихъ мастеровъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ контингентъ чеховъ-чиновниковъ, врачей, адвокатовъ, учителей.

Несмотря на всю свою ненависть къ чехамъ и къ ихъ національнымъ стремленіямъ, нѣмецкіе капиталисты должны пользоваться ими, какъ хорошими, способными, трудолюбивыми и энергичными работниками, не будучи въ состояніи привлечь въ Силезію достаточнаго количества нѣмецкихъ интеллигентовъ и профессіоналовъ. И вотъ мы видимъ, какъ на низшія административныя должности въ промышленныхъ предпріятіяхъ самыхъ заклятыхъ враговъ славянскаго элемента попадаетъ все больше и больше чеховъ, изъ которыхъ многіе, благодаря своимъ способностямъ, занимаютъ и болѣе отвѣтственные посты управляющихъ, директоровъ и т. д. Чешская интеллигенція постепенно становится очень вліятельнымъ факторомъ мѣстной жизни, искусно пользующимся своимъ положеніемъ въ интересахъ чешскаго національнаго дѣла.

Извѣстно, что у чеховъ, благодаря своеобразности ихъ національной жизни, требующей постепеннаго напряженія въ борьбѣ съ германизмомъ, выработались поразительныя организаторскія способности. Достаточно того, чтобы въ какой нибудь мѣстности появилась небольшая горсть чеховъ, какъ тамъ сейчасъ же зарождается кипучая организаціонная работа. Возникаетъ клубъ, ютящійся первоначально въ небольшой комнатѣ какого-нибудь ресторана, появляется отрядъ «соколовъ», отдѣленіе «школьной матицы», пѣвческое общество и т. д. Можно сказать, что нѣтъ чеха, который бы не принадлежалъ къ какому-нибудь организованному кружку, преслѣдующему національныя цѣли. Эта характерная черта чеховъ особенно ярко выступаетъ въ Силезіи, гдѣ они составляютъ меньшинство, ведущее постоянную борьбу съ другими національными элементами и гдѣ мѣстныя условія въ высшей степени облегчаютъ имъ ихъ задачу.

Дѣло въ томъ, что наплывающая въ Силезію чешская интеллигенція и полуинтеллигенція сталкивается съ двоякаго рода элементами: съ господствующими классами нѣмецкаго населенія и съ польской народной массой, главнымъ образомъ представленной рудничными и фабричными рабочими. Что касается нѣмцевъ, то борьба чеховъ съ ними отливается въ форму борьбы двухъ вполнѣ сознательныхъ, сплоченныхъ и организованныхъ группъ, изъ которыхъ одна старается механически вытѣснить другую. Нѣмцы—хозяева положенія, въ ихъ рукахъ сосредоточенъ капиталъ и власть, и чехи стараются, гдѣ только это возможно, вырвать власть изъ рукъ нѣмцевъ, вовсе не мечтая о пріобщеніи нѣмцевъ къ чешской національности, наоборотъ, спасая чешскій элементъ отъ германизаціи. Совсѣмъ иначе складываются отношенія чешской интеллигенціи къ польскимъ фабричнымъ и рудничнымъ рабочимъ, представляющимъ въ значительной степени продуктъ иммиграціи, идущей съ востока.

Быстрая индустріализація Силезіи вызвала громадный спросъ на рабочія руки, въ которыхъ оказывался и оказывается постоянный недостатокъ. Силезскіе рудники и заводы поглотили весь безземельный польскій и чешскій пролетаріатъ края, послѣ чего должны были искать рабочихъ внѣ его. Ближайшей провинціей, могущей поставлять рабочихъ въ Силезію, явилась Галиція, почти совершенно лишенная собственной промышленности и располагающая большимъ количествомъ безземельнаго и малоземельнаго пролетаріата. И этотъ пролетаріатъ сталъ наплывать десятками тысячъ въ рудники, заводы и фабрики Силезіи. Вся западная (чисто польская) часть Галиціи начала поставлять для Силезіи рабочихъ, которые поселялись тамъ либо на извѣстное время, либо навсегда. Въ Силезію хлынула масса самаго темнаго и некультурнаго населенія польской деревни, вытѣсняя постепенно нѣмецкихъ и чешскихъ рабочихъ.

Особенно сильно далъ себя чувствовать наплывъ галиційскаго пролетаріата чешскимъ рабочимъ. Что касается нѣмецкихъ, то ихъ вообще въ Силезіи немного, и почти всѣ они представляютъ аристократическій слой квалифицированныхъ, хорошо оплачиваемыхъ рабочихъ. Для нихъ поэтому конкуренція съ пришлымъ польскимъ элементомъ не была особенно опасна. Иначе обстояло дѣло съ чехами. Рядовые рабочіе-чехи по своему культурному уровню стояли неизмѣримо выше польскихъ рабочихъ изъ Галиціи. Минимумъ заработка, удовлетворяющій чеха, привыкшаго къ лучшей пищѣ, къ извѣстному комфорту, къ организаціи—профессіональной, культурной и политической—былъ для безграмотнаго, питавшагося однимъ картофелемъ, лишеннаго почти всякихъ культурныхъ запросовъ галиційскаго крестьянина чуть ли не идеаломъ. И вслѣдствіе этого галичане работали за болѣе низкую плату и дольше чеховъ, для которыхъ конкуренція съ пришлымъ элементомъ становится чрезвычайно трудной. Чехамъ приходится уходить на западъ или въ Вѣну, гдѣ они по отношенію къ нѣмецкимъ рабочимъ играютъ почти такую же роль, какъ поляки по отношенію къ нимъ въ Силезіи. Процессъ вытѣсненія чеховъ поляками постоянно развивается, вызывая у чешской интеллигенціи опасеніе, что Силезія окончательно потеряетъ характеръ края, въ которомъ чешскій элементъ можетъ играть серьезную роль. И это опасеніе вызвало со стороны чешской интеллигенціи энергическія мѣры противодѣйствія «полонизаціи» Силезіи. Некультурность галиційскаго пролетаріата, столь опасная для чешскихъ рабочихъ, оказалась весьма благопріятнымъ факторомъ подчиненія польскихъ массъ чешскому вліянію.

Польскій рабочій изъ Галиціи, точно такъ же, какъ и мѣстный, сталкивался съ чехами въ лицѣ надсмотрщиковъ, мастеровъ, штейгеровъ, управляющихъ и т. п. представителей промышленной администраціи, которая прилагала всѣ свои усилія къ

тому, чтобы распространить на поляковъ чешское культурное вліяніе. Главнымъ орудіемъ этой дѣятельности стали чешскія школы, основанныя во всѣхъ горнозаводскихъ центрахъ Силезіи. Малосознательные въ національномъ отношеніи польскіе рабочіе охотно посылали своихъ дѣтей въ эти школы, вслѣдствіе чего молодое поколѣніе быстро чехизировалось. Экономическую зависимость рабочихъ отъ фабричной и рудничной администраціи чешская интеллигенція использовала такимъ образомъ, что общинные совѣты во всѣхъ промышленныхъ центрахъ (за единственнымъ исключеніемъ) западной части герцогства Цѣшинскаго, оказались въ рукахъ чеховъ, которые обезпечили въ нихъ за чешскимъ языкомъ полное господство. Быстрый ростъ промышленности, превращавшій въ нѣсколько лѣтъ маленькія деревушки въ многолюдные центры, вызывалъ необходимость появленія въ нихъ самыхъ разнообразныхъ административныхъ, судебныхъ, финансовыхъ, учебныхъ и т. п. учрежденій, неизмѣнно подпадающихъ подъ вліяніе мѣстныхъ промышленныхъ предпріятій. А такъ какъ администрація послѣднихъ находилась въ рукахъ чешской интеллигенціи, то и вышеупомянутыя учрежденія становились пріобрѣтеніемъ чеховъ и средоточіемъ чешскаго вліянія.

Все это упрочивало чехизацію польскихъ рабочихъ, которые быстро теряли свой національный обликъ, привыкали перемѣшивать польскую рѣчь чешскими словами и фразами и постепенно становились чехами. Чешская общественная жизнь въ разнообразныхъ ферейнахъ оказывала на нихъ сильное воздѣйствіе, и, благодаря своей зависимости отъ чешской администраціи, недавніе пришельцы изъ Галиціи втягивались въ эту жизнь, привыкали къ ея формамъ и забывали о своемъ происхожденіи. Такимъ путемъ вмѣсто коренныхъ чеховъ-рабочихъ, принужденныхъ бѣжать въ Вѣну отъ непосильной борьбы съ польскимъ конкурентомъ, являлись новоиспеченные «чехи», замѣнявшіе первыхъ.

Характерно, что чехизаціи польскихъ рабочихъ способствовали не только тѣ факторы, которые подчиняли ихъ чешской промышленной администраціи, но и тѣ, которые должны были освободить ихъ отъ этого подчиненія. Какъ только польскіе рабочіе начали нѣсколько оріентироваться въ своемъ экономическомъ положеніи и искать изъ него выхода, они сразу же столкнулись съ элементами, способствующими ихъ дальнѣйшей чехизаціи.

Почти до половины девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, профессіональное и соціалистическое движеніе силезскихъ рабочихъ имѣло чешско-нѣмецкій характеръ. А такъ какъ число нѣмецкихъ рабочихъ шло постоянно на убыль, то въ этомъ движеніи мало-по-малу чешскій элементъ сталъ господствующимъ. Всѣ

профессіональныя организаціи и политическія общества соціалистическаго характера были основаны чешскими соціалъ-демократами, и польскій рабочій, приходящій къ сознанію необходимости борьбы во имя классовыхъ интересовъ пролетаріата, становился членомъ чешскихъ рабочихъ организацій. Онъ ходилъ на собранія и митинги, созываемые послѣдними, слушалъ чешскихъ ораторовъ и агитаторовъ и нерѣдко учился читать на чешскихъ профессіональныхъ и политическихъ изданіяхъ. Такимъ образомъ, польскіе рабочіе совершенно ассимилировались съ чешскими, и самые интеллигентные и энергичные изъ нихъ быстро разставались со своей національностью подъ вліяніемъ соціализма, усваиваемаго ими въ чешской формѣ.

Конечно, эта чехизація, совершенно добровольная и лишенная всякаго элемента насилія, не могла охватывать широкихъ массъ, все новыми и новыми волнами наплывающихъ изъ Галиціи. Она задѣвала только ограниченную сферу самыхъ интеллигентныхъ рабочихъ, сливавшихся съ чехами, между тѣмъ, какъ десятки тысячъ польскихъ рабочихъ совершенно не поддавались профессіональной и соціалистической агитаціи на чуждомъ имъ чешскомъ языкѣ. И изъ этихъ отсталыхъ, косныхъ массъ выходили штрейкбрехеры и вообще элементы, затрудняющіе правильное развитіе борьбы рабочихъ съ капиталомъ. Сами чешскіе рабочіе поняли, что агитація среди этихъ массъ должна вестись на вполнѣ понятномъ имъ языкѣ и людьми, знающими ихъ психологію, умѣющими воздѣйствовать на нихъ и убѣждать ихъ. И сами чешскіе рабочіе обращаются къ польской соціалъ-демократической партіи Галиціи, упрашивая ее присылать въ Силезію поляковъ-агитаторовъ, которые бы помогли чешскимъ соціалъ-демократамъ съорганизовать инертную массу польскихъ рабочихъ.

Въ Силезію начинаютъ наѣзжать польскіе агитаторы изъ Кракова. На созываемыя ими собранія стекаются тысячи рабочихъ, до сихъ поръ совершенно не затронутые соціалистической пропагандой. Спорадическое появленіе представителей польской соціалдемократіи даетъ въ результатѣ притокъ польскихъ рабочихъ въ чешскія соціалистическія организаціи. Видя это, чешскіе товарищи настаиваютъ на томъ, чтобы польская партія снабжала ихъ постоянными, а не только изрѣдка выступающими въ Силезіи, агитаторами. Я припоминаю себѣ горячую, убѣдительную рѣчь делегата чешской партіи на конгресѣ польской соціалъ-демократіи въ 1894 г. во Львовѣ—Цингера. Послѣдній доказывалъ, что поляки должны удѣлить хотя маленькую часть своихъ силъ Силезіи, чтобы облегчить трудную задачу чешскихъ товарищей. И требованіе чеховъ было исполнено.

Въ Силезіи поселяется молодой, талантливый агитаторъ изъ Кракова—Тадеушъ Регеръ, который организуетъ систематическую работу среди польскаго пролетаріата. Очень скоро оказалось, что

ни успѣхи агитаціи на собраніяхъ и митингахъ, ни пропаганда при посредствѣ издаваемыхъ въ Краковѣ брошюръ и газетки не въ состояніи удовлетворить какъ слѣдуетъ запросовъ польской рабочей массы. Явилась настоятельная необходимость въ созданіи мѣстнаго польскаго партійнаго органа, который и былъ основанъ въ Цѣшинѣ.

Польская соціалистическая газетка дала сильный толчокъ дальнѣйшему развитію движенія польскихъ рабочихъ, что привело нѣсколько лѣтъ спустя къ образованію самостоятельной польской партійной организаціи. Количество польскихъ рабочихъ въ мѣстныхъ организаціяхъ росло такъ быстро, что послѣдніе стали терять свой чешскій характеръ, такъ какъ кое-гдѣ поляки представляли уже большинство. Чехамъ пришлось выдѣлиться въ самостоятельную партію, дѣйствующую главнымъ образомъ на западной окраинѣ Силезіи и въ герцогствѣ Опавскомъ, въ то время, какъ хозяевами соціалистическаго движенія въ герцогствѣ Цѣшинскомъ становятся поляки. Ихъ организація укрѣпляется, благодаря притоку новыхъ силъ изъ Галиціи. Изъ мѣстныхъ рабочихъ, дѣйствовавшихъ прежде въ чешскихъ организаціяхъ, вырабатываются дѣльные организаторы и агитаторы. Соціалистическое движеніе въ Силезіи растетъ, а результаты этого роста характеризуются выборомъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ въ парламентъ. Польскіе рабочіе высылаютъ въ Вѣну трехъ своихъ представителей: Регера, Куницкаго и (чеха) Цингера. Изъ герцогства Опавскаго въ парламентъ попадаютъ тоже соціалисты, и Силезія пріобрѣтаетъ кличку «красной».

Не только политическое движеніе силезскихъ рабочихъ (въ герцогствѣ Цѣшинскомъ) получаетъ польскую окраску. То же самое относится, хотя и въ меньшей мѣрѣ, къ профессіональному. Прежде послѣднимъ руководили исключительно чехи, всѣ профессіональные органы, собранія и кружки имѣли чешскій характеръ. Дѣлопроизводство въ профессіональныхъ организаціяхъ велось на чешскомъ языкѣ, секретарями профессіональныхъ организацій были чешскіе товарищи. Однако, постоянный притокъ польскихъ рабочихъ въ профессіональныя органицаціи заставляетъ считаться съ ихъ національными потребностями. Появляются польскіе профессіональныя изданія (для горнорабочихъ, ткачей и т. д.), на профессіональныхъ собраніяхъ выступаютъ польскіе ораторы, рядомъ съ чешскими появляются польскіе профессіональные секретари. Кооперативное движеніе, сильно развившееся въ послѣдніе годы, ведется почти исключительно поляками. То же самое можно сказать и о женскомъ соціалистическомъ движеніи, располагающемъ своимъ собственнымъ органомъ. Однимъ словомъ, роли чешскихъ и польскихъ соціалистовъ въ Силезіи мѣняются. Польскіе превращаются въ хозяевъ, чешскіе теряютъ свое вліяніе и съуживаютъ

свою работу, концентрируя ее исключительно на западной окраинѣ герцогства Цѣшинскаго.

Быстрый ростъ польскаго соціалистическаго движенія въ Силезіи раньше или позже долженъ былъ привести къ борьбѣ польскихъ рабочихъ массъ съ чешской интеллигенціей, ведущей чехизаторскую дѣятельность главнымъ образомъ именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ концентрируется большинство польскаго горнорабочаго населенія—въ Остравско-Карвинскомъ районѣ. Тутъ чешская интеллигенція (въ рукахъ которой сосредоточивается администрація промышленныхъ предпріятій: рудниковъ, заводовъ и фабрикъ), опираясь на довольно значительное количество коренного чешскаго населенія, прилагаетъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы чехизировать поляковъ и препятствовать ихъ національному развитію.

Однимъ изъ самыхъ безцеремонныхъ средствъ, пускаемыхъ въ ходъ чешскими націоналистами, является подложная статистика. Во время переписи населенія, производящейся въ Австріи каждые 10 лѣтъ, чешскіе націоналисты стараются дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы количество польскаго населенія Силезіи оказалось какъ можно меньше. И это достигается путемъ записыванія малосознательныхъ галиційскихъ рабочихъ въ чешскую рубрику. Самыя разнообразныя уловки, подвохи и даже терроръ пускаются въ ходъ, чтобы утаить ростъ польскаго населенія или умалить его до минимума.

Пока польское населеніе было индифферентно въ національномъ отношеніи (вслѣдствіе причинъ, о которыхъ говорилось выше), такая тактика чешскихъ шовинистовъ давала желательные для нихъ результаты. Однако, по мѣрѣ распространенія политическаго и національнаго самосознанія среди поляковъ чешскимъ націоналистамъ приходилось наталкиваться на противодѣйствіе со стороны польскаго населенія, которое уже не давало себя записывать чехамъ-счетчикамъ въ чешскую рубрику. И получались поразительные курьезы. Такъ, напр., въ Шумбаркѣ на основаніи переписи 1880 г. числилось 17 поляковъ и 697 чеховъ, а въ 1890 г. тамъ оказалось поляковъ 887, а чеховъ—всего 3. Въ Ольбрахтовицахъ въ 1880 не было ни одного поляка и 1092 чеха, а 10 лѣтъ спустя перепись констатировала, что въ этой общинѣ поляковъ 1079, чеховъ же ни одного. Въ Германицахъ и Радваницахъ около Польской Островы во время переписи 1890 г. пускались въ ходъ такія злоупотребленія, что *чешскій* соціалъ-демократъ Цингеръ долженъ былъ внести въ парламентъ запросъ, послѣ чего перепись была произведена вторично, и количество поляковъ въ этихъ общинахъ сразу же возросло на 582. Результатъ переписи 1900 г. когда уже польское населеніе вполнѣ сознательно боролось со злоупотребленіями чешскихъ чиновниковъ, были гораздо благопріятнѣе для поляковъ, на что указываютъ слѣдующія цифры.

Названіе общины	1890		1900	
	поляки	чехи	поляки	чехи
Домброва	893	1.987	3.004	565
Малые Коньчицы .	134	944	2.159	918
Орлова	983	2.199	3.922	2.238
Дзецьморовицы . .	730	1.353	2.368	243
Заблоцье	4	586	383	610

Конечно, и эти цифры не вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности, однако, онѣ всетаки гораздо достовѣрнѣе прежнихъ. А значеніе этихъ цифръ громадно, такъ какъ и чехи, и поляки въ своихъ національныхъ требованіяхъ опираются именно на статистику. Тамъ, гдѣ статистика говоритъ, что польское населеніе ничтожно въ количественномъ отношеніи, полякамъ чрезвычайно трудно добиться школы съ польскимъ языкомъ преподаванія. Въ общинахъ, гдѣ статистика свидѣтельствуетъ о преобладаніи чешскаго элемента, организуются чешскія школы, хотя бы фактически чеховъ тамъ была горсточка.

Понимая, что самымъ сильнымъ средствомъ чехизаціи является школа, чешская интеллигенція въ Силезіи основываетъ чешскія школы во всѣхъ общинахъ, гдѣ чехи имѣютъ хоть какое-нибудь вліяніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ она старается всякими средствами не допустить организаціи польскихъ школъ въ общинахъ, гдѣ поляки составляютъ (по статистическимъ даннымъ или фактически) меньшинство. Въ результатѣ одна школа приходится (въ Остравско-Карвинскомъ округѣ) на 781 чеха и на 26.897 поляковъ, одинъ классъ приходится на 160 чеховъ и на 5.379 поляковъ. Тамъ, гдѣ полякамъ удалось добиться своей школы, чешскіе общинные совѣты ставятъ ее въ совершенно невозможныя условія. Вотъ, напр., школа въ Михалковицахъ (2.226 чеховъ и 3.689 поляковъ) помѣщается въ зданіи, въ которомъ долгое время была лѣчебница для эпидемическихъ больныхъ. Эта школа переполнена польскими дѣтьми, а чешское общинное управленіе никоимъ образомъ че хочетъ согласиться на открытіе параллельныхъ классовъ. Въ 1908/9 году въ первомъ классѣ михалковицкой школы было 120 дѣтей въ третьемъ 103 и, несмотря на это, параллельные классы не были открыты. Дѣти учились на двѣ смѣны. Часть занимала мѣсто на скамейкѣ, другая стояла у стѣны, затѣмъ первыя отправлялись къ стѣнѣ, а послѣднія размѣщались на скамейкахъ. И ничто не могло заставить чешское общинное управленіе завести параллельные классы.

Польское населеніе Польской Остравы, составляющее фактически большинство, издавна домогается собственной школы. Между тѣмъ чешское общинное управленіе, основавшее 9 чешскихъ школъ, переполненныхъ польскими дѣтьми, совершенно игнорируетъ требованіе поляковъ. Когда же польская «Школьная матица» осно-

вала въ Польской Островѣ частную школу, общинное управленіе смилостивилось и ассигновало на нее 800 кронъ субсидіи. Такимъ образомъ школьный бюджетъ Польской Остравы представляется въ слѣдующемъ видѣ:

на чешскія школы	220.607	кронъ
» нѣмецкія »	22.823	»
» польскія »	800	»

Аналогичныя явленія наблюдается во всѣхъ промышленныхъ пунктахъ Островско-карвинскаго района—въ Малыхъ Коньчицахъ, Радваницахъ, Германицахъ, Муглиновѣ, Петвалдѣ, Дзецьморовицахъ и т. д. Польское населеніе издавна добивается въ нихъ польскихъ школъ, высылаетъ петицію за петиціей въ краевой школьный совѣтъ, получаетъ отъ послѣдняго обѣщаніе, что польская школа будетъ открыта, а между тѣмъ нѣтъ и нѣтъ. Чешскія общинныя управленія совершенно игнорируютъ требованія поляковъ.

За то чешскіе націоналисты стараются открывать чешскія школы и тамъ, гдѣ чеховъ почти совсѣмъ нѣтъ.

Напр., въ Шумбаркѣ—чисто польской общинѣ—чешскіе націоналисты задумали основать чешскую школу. Былъ купленъ кусокъ земли, нашлась необходимая сумма на постройку школьнаго зданія, остановка была только за небольшимъ—не было чешскихъ дѣтей, которыя бы могли заполнить предполагаемую школу. И вотъ чешскіе націоналисты изъ сосѣдней общины Лазы—одного изъ центровъ чешской агитаціи, прибѣгли къ слѣдующему средству. Когда шумбаркскіе горнорабочіе отправились на работу, въ деревню пришли чешскіе агитаторы, которые обратились къ оставшимся дома женамъ горнорабочихъ съ предложеніемъ подписать бумагу, якобы заключающую жалобу на мѣстное лѣсничество по поводу вреда, наносимаго сернами и дикими кабанами крестьянскому хозяйству. Сочувствуя мысли, якобы заключающейся въ жалобѣ, легковѣрныя женщины охотно ее подписали за мужей, не читая, такъ какъ онѣ, не зная по чешски, и не могли ее прочесть. Такимъ образомъ было собрано 183 подписи на документѣ, который оказался не жалобой на лѣсничество, а просьбой въ школьное вѣдомство объ основаніи въ Шумбаркѣ чешской школы. Однако, на этотъ разъ, уловка не удалась. Узнавъ своевременно, въ чемъ дѣло, шумбаркскіе горнорабочіе взяли обратно свои подписи, и оказалось, что во всемъ Шумбаркѣ чешскихъ дѣтей всего на всего 8—число, совершенно недостаточное для основанія чешской школы.

Польскому населенію, принужденному посылать дѣтей въ чешскія школы, не остается ничего другого, какъ, не прекращая борьбы за публичныя учебныя заведенія, основывать ихъ пока что на частныя средства. «Школьная матица» въ Цѣшинѣ и галиційское «Общество народной школы» помогаютъ въ этомъ дѣлѣ силез-

скому населенію. Благодаря этимъ учрежденіямъ, въ Силезіи открытъ цѣлый рядъ народныхъ школъ и гимназія въ Цѣшинѣ, которая въ концѣ концовъ, послѣ упорной борьбы (на этотъ разъ съ нѣмецкими шовинистами), была принята на ождивеніе казны.

Чехи стараются противодѣйствовать частнымъ усиліямъ поляковъ въ этой области. Ихъ тактику лучше всего иллюстрируетъ исторія польскаго средняго учебнаго заведенія въ одномъ изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ Силезіи—въ Орловѣ.

«Польская школьная матица» вмѣстѣ съ «Обществомъ народной школы» купили въ Орловѣ домъ, въ которомъ должна была найти помѣщеніе польская реальная гимназія. Покупка дома была совершена въ большой тайнѣ, такъ какъ существовало вполнѣ обоснованное предположеніе, что чехи употребятъ всѣ усилія, чтобы лишить польскую школу пристанища. И, дѣйствительно, какъ только распространилась вѣсть о томъ, что поляки покупаютъ домъ подъ учебное заведеніе, мѣстные чехи обратились къ бывшему домовладѣльцу, продавшему свою недвижимость польскимъ школьнымъ обществамъ, съ предложеніемъ уничтожить купчую и получить за домъ вдвое больше, нежели ему дали поляки. Было, однако, уже поздно, и чехамъ не удалось этимъ путемъ заставить поляковъ отказаться отъ основанія въ Орловѣ польскаго средняго учебнаго заведенія.

По мѣрѣ того, какъ польская соціалъ-демократія укрѣпляется въ Остравско-Карвинскомъ районѣ, она постепенно беретъ въ свои руки борьбу за польскія школы и ведетъ ее съ громаднымъ напряженіемъ силъ. Массовые митинги, собранія, дѣятельность организованныхъ партіей родительскихъ комитетовъ, агитація въ печати—все это сильно оживило борьбу польскихъ рабочихъ за школу и заставило мѣстныя власти обратить серьезное вниманіе на требованія польскаго населенія. Въ 1908—1909 г.г. правленіе края съорганизовало во всѣхъ общинахъ Остравско-Карвинскаго района спеціальныя школьныя коммиссіи, которыя должны были убѣдиться на мѣстахъ въ справедливости требованій рабочихъ.

Въ такія коммиссіи должны были являться родители, снабженные необходимыми документами, къ слову сказать, довольно многочисленными, и заявить, желаютъ ли они учрежденія польской школы. Польская соціалъ-демократическая партія дѣятельно подготовляла почву для работъ коммиссій, которыя дали массу матеріала, свидѣтельствующаго о настоятельной необходимости заведенія польскихъ школъ. А слѣдуетъ замѣтить, что отъ рабочихъ, являющихся въ коммиссію, требовалось не мало самоотверженія.

Въ коммиссіяхъ засѣдали чехи (члены общиннаго совѣта), которые записывали фамиліи рабочихъ, осмѣливавшихся требовать польской школы. Чешскіе инженеры и рудничная администрація открыто ставили на видъ горнорабочимъ, что, требуя польской школы, они могутъ лишиться заработка.

Въ Грушовѣ чехи пускали въ дѣло подкупъ польскихъ родителей. Они уплачивали по 4—5 кронъ тѣмъ изъ горнорабочихъ-поляковъ, которые обязались заявить передъ коммиссій, что они записываютъ своихъ дѣтей въ чешскую школу. Горнорабочіе Натанекъ, Пасекъ, Гахъ и Шымонъ возвратили взятыя ими деньги коммиссіи или учителю, объясняя, какимъ образомъ ими были эти деньги получены. Случаи подкупа были констатированы печатью и въ другихъ общинахъ.

Пущено было въ ходъ и бойкотированіе рабочихъ, требовавшихъ польскихъ школъ. Домовладѣльцы-чехи отказывали имъ въ квартирахъ; рудничная администрація кое гдѣ лишала ихъ заработка или ставила на самую худшую работу и т. д. Все это, однако, не привело ни къ чему. Коммиссіи констатировали, что повсюду громадное количество польскихъ родителей недовольно чешскими школами и требуетъ польскихъ. Такое впечатлѣніе вынесъ краевой школьный совѣтъ, признавъ польскія требованія вполнѣ обоснованными.

Однако и это не могло сломить упорство чешскихъ націоналистовъ, которые всѣми силами старались отодвинуть какъ можно дальше моментъ открытія польской школы. Тогда польская соціалъ-демократическая партія рѣшила прибѣгнуть къ послѣднему средству—къ забастовкѣ польскихъ школьниковъ, которая и была ею организована въ началѣ текущаго года. Особенно сильное впечатлѣніе вызвали школьныя забастовки въ Дзецьморовицахъ и въ Польской Остравѣ.

Въ Дзецьморовицахъ, гдѣ на 2600 жителей чеховъ всего 248 человѣка, мѣстное польское населеніе уже десятки лѣтъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы получить польскую школу. Однако, всѣ старанія польскихъ крестьянъ и рабочихъ встрѣчались съ энергичнымъ противодѣйствіемъ общиннаго управленія, находящагося въ рукахъ чеховъ. Видя полную тщетность своихъ усилій, дзецьморовицкое населеніе обратилось къ «Школьной матицѣ» съ ходатайствомъ объ основаніи частной школы. И, дѣйствительно, въ 1906 г. въ Дзецьморовицахъ была основана этимъ обществомъ польская школа, которая не могла вмѣстить и половины дѣтей мѣстныхъ поляковъ. Когда такимъ путемъ наглядно была доказана необходимость польской школы, дзецьморовицкіе рабочіе и крестьяне стали все громче и громче требовать, чтобы польская школа была превращена изъ частной въ публичную. Однако, эти требованія оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Чешское общинное управленіе не только не хотѣло исполнить требованія поляковъ, но приступило къ основанію второй публичной чешской школы, понимая, что польскія дѣти, для которыхъ не хватаетъ мѣста въ частной польской школѣ, заполнятъ новую чешскую. Такъ и случилось, когда въ 1908 г. она была открыта.

Однако, польское населеніе Дзецьморовицъ добилось одного. Въ

іюнѣ 1908 г. въ это село пріѣхала правительственная школьная коммиссія, которая разсмотрѣла на мѣстѣ требованія поляковъ, произвела систематическій опросъ польскихъ родителей и вынесла рѣшеніе, на основаніи котораго за дзецьморовицкими поляками признавалось право на двѣ публичныя школы. Казалось, что дѣло польской школы, наконецъ, наладится, и что, по крайней мѣрѣ, существующая уже частная школа будетъ принята на содержаніе общины. Однако чешское общинное управленіе рѣшило совершенно игнорировать рѣшеніе правительственной коммиссіи, точно такъ же, какъ и не прекращающіяся просьбы и требованія польскихъ крестьянъ и рабочихъ. Вмѣсто удовлетворенія нуждъ послѣднихъ дзецьморовицкое общинное управленіе основываетъ третью публичную чешскую школу и дѣтскій пріютъ, въ которомъ бы польскія дѣти чехизировались еще до поступленія въ народную школу.

Такая провокаціонная техника чешскихъ націоналистовъ вызвала бурю негодованія дзецьморовицкихъ поляковъ, которые рѣшили, наконецъ, прибѣгнуть къ крайнему средству—именно къ забастовкѣ. Въ воскресенье 25-го января былъ созванъ многолюдный митингъ, который единогласно рѣшилъ, что со слѣдующаго дня родители-поляки перестанутъ посылать дѣтей въ школу, и школьная забастовка будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока требованія польскаго населенія Дзецьморовицъ не будутъ удовлетворены, пока оно не получитъ гарантій, что польская школа станетъ публичной. Объ этомъ рѣшеніи были по телеграфу извѣщены краевыя власти и министерство народнаго просвѣщенія. На слѣдующій день дзецьморовицкіе поляки выслали спеціальную депутацію въ Опаву — въ силезскій ландтагъ и къ мѣстному управленію. Такъ какъ эта депутація не получила въ Опавѣ категорическаго отвѣта, то по возвращеніи депутатовъ было созвано собраніе родителей, которое еще разъ постановило продолжать забастовку вплоть до удовлетворенія минимальныхъ требованій поляковъ, т.-е. до полученія общественныхъ средствъ на содержаніе польской школы въ Дзецьморовицахъ.

Стачка продолжалась почти три недѣли. Все это время родительскій комитетъ организовалъ собранія и митинги, мелкія и крупныя манифестаціи, отправлялъ телеграммы и депутаціи во Фридекъ и Опаву. Вся польская печать помѣщала сотни статей и корреспонденцій о ходѣ школьной забастовки, соціалъ-демократическая партія вела повсюду энергическую агитацію, а чешскіе націоналисты и въ усъ себѣ не дули. Ничто не было въ состояніи поколебать ихъ непреклонности. И забастовка была прекращена вовсе не потому, что чешское дзецьморовицкое гминное управленіе выразило готовность пойти на уступки, а потому, что нѣмецкій ландтагъ въ Опавѣ постановилъ дать „Школьной матицѣ“ субсидію (2000 кронъ) на содержаніе польской школы въ Дзецьморовицахъ и поручилъ своей исполнительной власти въ ближайшемъ времени

разрѣшить школьный вопросъ въ этомъ селѣ въ духѣ требованій его польскаго населенія.

Въ виду такого рѣшенія сейма забастовка была прекращена. Однако, родители бастовавшихъ дѣтей постановили на публичномъ собраніи возобновить забастовку, если до извѣстнаго срока ихъ требованія не будутъ удовлетворены. Аналогичный характеръ имѣла и забастовка въ Польской Островѣ.

Борьба за польскія школы довела до крайняго напряженія польско-чешскій антагонизмъ въ Силезіи. Школьныя забастовки, которымъ вся польская печать посвящала большое вниманіе, вызвали античешское настроеніе въ широкихъ кругахъ польскаго общества, и въ настоящее время польско-чешскія отношенія въ Австріи замѣтно ухудшились. Смѣшанныя конференціи, въ которыхъ принимали участіе польскіе и чешскіе депутаты, не привели ни къ чему, потому что онѣ не были въ состояніи заставить мѣстныхъ, силезскихъ чеховъ измѣнить тактику. Слѣдуетъ отдать справедливость извѣстной части чешской печати и, прежде всего, органамъ реалистовъ, которые настаиваютъ на удовлетвореніи польскихъ требованій въ Силезіи; однако, и они не въ силахъ повліять на силезскихъ чешскихъ націоналистовъ, которые заразили до извѣстной степени своимъ шовинизмомъ и тѣ слои чешскаго населенія, которые обыкновенно идутъ рука объ руку съ польскими рабочими, ведя общую борьбу съ капиталомъ. Характерны въ этомъ отношеніи событія въ Петвалдѣ.

По послѣдней переписи населенія въ Петвалдѣ поляковъ около 4.000, чеховъ — 1.000 съ чѣмъ то. Между тѣмъ въ этой общинѣ существуетъ только чешская (вѣрнѣе, чешско-нѣмецкая) школа, несмотря на то, что поляки добиваются ея издавна. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ общинный совѣтъ были выбраны соціалъ-демократы-чехи. Что бы соціалъ-демократическіе голоса не пропали при распредѣленіи ихъ между польскими и чешскими соціалъ-демократическими кандидатами, поляки голосовали въ пользу чешскихъ соціалъ-демократовъ, взявъ съ нихъ слово, что они въ общинномъ совѣтѣ поддержатъ школьныя требованія польскаго населенія. Какъ разъ черезъ недѣлю послѣ выборовъ разсматривалась въ общинномъ совѣтѣ польская петиція, домогающаяся учрежденія польской школы въ Петвалдѣ—и чешскіе соціалъ-демократы, члены общиннаго совѣта, выбранные единственно благодаря польскимъ голосамъ, не только не поддержали требованія польскаго населенія, но даже голосовали противъ польской школы.

Этотъ фактъ показался мнѣ на столько невѣроятнымъ, что я обратился за разъясненіемъ его къ представителю чешскихъ соціалъ-демократовъ—редактору выходящаго въ Моравской Островѣ партійнаго органа «Hlas lidu slezckeho» (Голосъ силезскаго народа), Кошатѣ. Послѣдній подтвердилъ фактъ, разсказанный мнѣ польскими товарищами, прибавляя, что и онъ самъ, и чешскій соціалъ-

демократическій агитаторъ Поспишиль, въ качествѣ руководителей мѣстнаго партійнаго комитета, обязали чешскихъ соціалъ-демократическихъ членовъ общиннаго совѣта въ Петвальдѣ голосовать въ пользу польской школы. Однако, вліяніе чешскихъ націоналистовъ оказалось сильнѣе партійной дисциплины.

Конечно, подобные факты, на которые жалуются польскіе организованные рабочіе, являются отраженіемъ взглядовъ не оффиціальнаго представительства чешской соціалъ-демократіи, а только извѣстной части чешскихъ рабочихъ партійныхъ рядовыхъ. Что же касается чешской соціалъ-демократической партіи, то она очень часто выступаетъ противъ антипольской тактики чешскихъ націоналистовъ. Такъ, напр., чешскій соціалъ-демократическій депутатъ, Цингеръ, съ 1897 года выбираемый въ вѣнскій парламентъ польскимъ и чешскимъ пролетаріатомъ островскаго округа, внесъ запросъ по поводу переписи населенія въ Задваницахъ и въ Польской Остравѣ. Дѣло въ томъ, что въ двухъ этихъ мѣстностяхъ перепись была произведена чешскими націоналистами съ такой безцеремонностью, что поляковъ тамъ почти совсѣмъ не оказалось, между тѣмъ какъ ихъ здѣсь тысячи. Запросъ депутата Цингера возымѣлъ свое дѣйствіе, и правительство распорядилось о произведеніи вторичной переписи, которая дала иные результаты. Во время школьной агитаціи чешскіе соціалъ-демократы (вмѣстѣ съ нѣмецкими) выступали на митингахъ, выражая свою полную солидарность съ требованіями польскаго населенія, касающимися школъ въ тѣхъ польскихъ общинахъ, гдѣ до сихъ поръ существуетъ только чешскія школы.

Такова картина польско-чешскихъ отношеній въ Силезіи, гдѣ казалось бы борьба съ общимъ врагомъ—германизаціей должна способствовать сплоченію славянскихъ элементовъ въ этомъ лагерѣ. Польско-чешскій антагонизмъ можетъ служить еще одной иллюстраціей всей эфемерности «неославянскихъ» затѣй политиковъ въ родѣ д-ра Крамаржа, политиковъ, закрывающихъ глаза на печальную дѣйствительность и преслѣдующихъ явно утопическія цѣли.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Англійская деревня.

VI.

Мнѣ не разъ приходилось говорить на страницахъ нашего журнала о томъ, какъ живутъ англійскія массы въ городахъ, и о томъ, что сдѣлано законодательствомъ въ послѣднее время для того, чтобы рабочіе имѣли тотъ «home», который обрисованъ въ прошломъ письмѣ. Выработанъ даже опредѣленный идеалъ рабочаго коттеджа. «Что можно назвать идеальнымъ жилищемъ для рабочаго или для клерка?—говоритъ Локъ Уфтингтонъ.—Таковымъ будетъ вмѣстительный и удобный коттеджъ-особнякъ *), съ свободнымъ пространствомъ со всѣхъ сторонъ. Коттеджъ долженъ находиться въ пригородѣ, неподалеку отъ станціи желѣзной дороги. Къ коттеджу долженъ принадлежать клочекъ свободной земли (allotment). Рента должна быть отъ 4—8 шиллинговъ въ недѣлю. Можно довольно свободно умѣстить тридцать подобныхъ коттеджей на одномъ акрѣ; но желательно, чтобы такихъ домиковъ было не больше десяти на акрѣ. Каждый коттеджъ долженъ имѣть садикъ. Въ окрестностяхъ Лондона, гдѣ земля очень дорога, можно строить парные коттеджи, т. е. такіе, которые отдѣляются простѣнкомъ (semi-detached), но абсолютно необходимо, чтобы при домикѣ былъ клочекъ земли. Городскіе совѣты сдѣлали очень много удачныхъ опытовъ этого рода; выстроенные домики (semi-detached) сдаются отъ 3 ш. 9 пен. до 7 ш. 6 пен. въ недѣлю (1 р. 84 к.—3 руб.). Коттеджи должны быть хорошо дренированы и совершенно сухи. Необходимо внушить предпринимателямъ, что для нихъ же выгоднѣе строить прочные, удобные домики, чѣмъ наскоро сляпанные домики, такъ называемые jerry-buildings **). Эти домики красивы снаружи, но совершенно неудобны. Необходимо, чтобы коттеджъ представлялъ собою, прежде всего, удобную оболочку для созданія «home».

Нѣкоторые рабочіе обязаны по роду своихъ занятій жить въ городахъ, гдѣ мѣсто слишкомъ дорого для сооруженія коттеджей. Въ такомъ случаѣ необходимы квартиры съ совершенно отдѣль-

*) Англійскіе дома представляютъ собою сплошную каменную стѣну съ множествомъ дверей. Одинъ домъ отдѣленъ отъ другого только нетолстымъ простѣнкомъ. «Home» долженъ быть «detached», т. е. отдѣленъ пространствомъ отъ другого «home».

**) Слово «jerry», вѣроятно, происходитъ отъ собственнаго имени строителя

ными лѣстницами (self-contained flats). Въ большихъ городахъ за послѣднія двадцать пять лѣтъ сдѣланы многочисленныя попытки сооруженія громадныхъ домовъ со множествомъ отдѣльныхъ квартиръ для рабочихъ. Несмотря на то, что каждая квартира имѣетъ свою особую площадку, дома-казармы (block-dwellings) населены или иностранцами, или совершенно бѣдными поденщиками. Правильно зарабатывающіе работники не любятъ большихъ домовъ съ множествомъ квартиръ, такъ какъ эти зданія противорѣчатъ понятію объ «home». Въ окрестностяхъ Лондона есть цѣлыя улицы, обстроенныя рабочими коттеджами пріемлемаго типа. Таковы домики въ Ноэльпаркѣ, выстроенные акціонернымъ обществомъ (Artizans' Labourers' and General Dwellings Company). Каждый домикъ имѣетъ по фасаду отъ 40—60 футовъ. Рента отъ 26—30 ф. ст. въ годъ. Къ каждому коттеджу прилегаетъ садикъ, имѣющій въ длину 70 футовъ. Та же компанія выстроила коттеджи поменьше, сдаваемые по 6 ш. въ недѣлю (15 ф. 12 ш. въ годъ.) Идеальный рабочій коттеджъ долженъ состоять изъ 5—6 комнатъ. Въ немъ должны быть ванная съ горячей и холодной водой, прачечная съ мѣдными котлами и прочія удобства *).

Англійскіе муниципалитеты (кромѣ Лондонскаго), какъ я сказалъ, много сдѣлали для разрѣшенія жилищнаго вопроса. Много дѣлаютъ также въ этомъ направленіи кооперативныя общества, не только для своихъ членовъ (Главное общество въ этомъ отношеніи—Co-partnership Tenants Housing Council). Въ 1908 году былъ внесенъ въ парламентъ законопроектъ объ улучшеніи жилищъ массъ (Housing and Town Planning Bill), принятый Верхней палатой въ 1909 году. Законъ этотъ считается съ фактомъ, что «большіе англійскіе города все еще поставлены лицомъ къ лицу съ вопросомъ о трущобахъ», и передаетъ иниціативу борьбы съ ними населенію. Въ Англіи уже существуетъ законъ, въ силу котораго муниципалитетъ долженъ закрыть дома, признанные неудобными или нездоровыми. Но во многихъ городахъ трущобы принадлежатъ вліятельнымъ лицамъ. Священники, врачи, рантье отдаютъ свои сбереженія подъ закладныя владѣльцамъ такихъ трущобъ. Такимъ образомъ, значительная часть населенія заинтересована въ сохраненіи нездоровыхъ жилищъ, и муниципалитетъ не спѣшитъ приводить въ исполненіе законъ о снесеніи трущобъ. Законъ 1909 года даетъ право четыремъ домонанимателямъ даннаго округа поднять вопросъ о снесеніи трущобъ. И если муниципалитетъ не удовлетворяетъ ходатайства, четыре обывателя могутъ обратиться къ министру земствъ и муниципалитетовъ. Министерство обязано немедленно провѣрить жалобу, и если заявленіе четырехъ обывателей подтверждается, т. е. если командированные санитарные инспекторы дѣйствительно найдутъ жилища неудобными и нездоровыми, министръ

*) T. Locke Worthington, «Dwellings of the People» P. p. 52—60.

можетъ заставить муниципалитетъ привести въ исполненіе существующій законъ.

Въ общемъ, въ городахъ за послѣднія двадцать пять лѣтъ надъ жилищнымъ вопросомъ много работали, хотя очень много еще остается сдѣлать. Кое-гдѣ коттеджи, выстроенные съ цѣлью разрѣшенія жилищнаго вопроса, ниже того идеала, который набросанъ Локкомъ Уортингтономъ; но кое-гдѣ также дѣйствительность далеко превзошла намѣченный идеалъ. Таковы, напр., рабочіе коттеджи, выстроенные въ Боуривилѣ шоколаднымъ фабрикантомъ Кодбери или дома въ Санлайтъ-портѣ.

За то очень мало сдѣлано для разрѣшенія жилищнаго вопроса въ деревняхъ. Всѣ коттеджи здѣсь принадлежатъ помѣщику. Строптивый сельскій работникъ рискуетъ быть немедленно изгнанъ изъ коттеджа. А такъ какъ въ деревнѣ нѣтъ домовъ, не принадлежащихъ помѣщику, то сельскій работникъ поставленъ въ необходимость покинуть округъ. Затѣмъ деревенскіе коттеджи, сравнительно съ городскими, очень плохи. Обратимся за матеріаломъ къ капитальному изслѣдованію Райдера Хаггарда, о которомъ (изслѣдованіи) мнѣ пришлось уже писать нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Райдеръ Хаггардъ приводитъ нѣсколько описаній коттеджей сельскихъ работниковъ въ Кэмбриджширѣ.

№ 1. Домикъ построенъ изъ кирпича, но стѣны потрескались. Крыша соломенная. Коттеджъ состоитъ изъ трехъ комнатъ. Въ спальню подъ самой крышей, заткнутой тряпками отъ дождя, ведетъ крутая лѣстница. Пробраться въ комнату можно было только ползкомъ. Въ комнатѣ этой спали двѣ женщины. Одна изъ нихъ раньше занимала одну комнату со своимъ отцомъ въ сосѣднемъ коттеджѣ, но миссъ Кочранъ (изслѣдовательница, помогавшая Райдеру Хаггарду) настояла на томъ, чтобы отецъ спалъ отдѣльно. Въ комнатѣ внизу спала древняя, постоянно прикованная къ постели, девяностовосьмилѣтняя старуха и ея сноха. Долженъ сказать, что женщины ничего не платили за наемъ коттеджа. Владѣльцы разрѣшили пользоваться имъ безплатно до тѣхъ поръ, покуда не умретъ старуха. Мужъ ея умеръ незадолго до того, девяносто девяти лѣтъ. Теренсъ Гули (помѣщикъ) обѣщалъ старику 10 ф. ст., если онъ доживетъ до ста лѣтъ. И когда старикъ умеръ, не дотянувъ до ста лѣтъ, дочь его сказала миссъ Кочранъ: «Боже мой! За что! Я все сдѣлала, чтобы отецъ дотянулъ до ста лѣтъ и получилъ бы десять фунтовъ!» Эта самая женщина все ворчала на старуху и жаловалась, что та зажилась на этомъ свѣтѣ и причиняетъ массу хлопотъ.

«Сельскіе работники часто проявляютъ извѣстную жестокость по отношенію къ очень старымъ родственникамъ,—прибавляетъ Райдеръ Хаггардъ.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ Дитчингэмъ я зналъ 102-хъ лѣтнюю старуху, жившую съ внучкой и правнучкой. Однажды, проходя мимо коттеджа, я встрѣтилъ старуху, которая, сильно огорченная, ковыляла по саду. На мой во-

просъ старуха отвѣтила мнѣ, что внучка потушила огонь въ каминѣ, единственную радость старухи. Побуждаемый жалостью, я обратился къ внучкѣ, которая пришла въ ярость, когда я заговорилъ о старухѣ. Я сказалъ, что глубокая старость даетъ право на ласковое обращеніе.

— Если вы такъ любите грязныхъ стариковъ,—крикнула мнѣ внучка,—такъ берите себѣ бабушку и смотрите за нею» *). Положеніе старика, какъ лишняго рта, трагично всюду. Украинская поговорка рекомендуетъ заохочивать стариковъ къ труду палкой (сім раз на день кием бити ледащо старця, коли здоровий, а хліба просить). Болѣе мягкая поговорка убѣждаетъ не бить старика, если онъ не беретъ чужого (не бий старого, если не бере чужого). Старикъ съ горечью констатируетъ, что у него только одинъ братъ—посохъ и жена—сума (торба мені жінка, кий у мене братомъ) **). Голодъ заставляетъ людей быть жестокими. Въ Англіи теперь положеніе стариковъ сильно измѣнилось послѣ закона о пенсіи. Теперь старикъ въ деревнѣ является уже маленькимъ «капиталистомъ».

Возвращусь, однако, къ описанію деревенскихъ коттеджей.

№ 2. Здѣсь жилъ вдовецъ съ дочерью. Коттеджъ, по моему мнѣнію, не годится для человѣческаго жилья.

№ 3. Рядъ небольшихъ коттеджей. До тѣхъ поръ, покуда миссъ Кочранъ не убѣдила помѣщика отвести полосу земли на задворкахъ, чтобы выстроить здѣсь необходимыя приспособленія, всѣ остатки, отбросы и нечистоты шли въ канаву, въ которую упирались коттеджи. Эти домики были извѣстны подъ названіемъ «людоморовъ». Окна, выходящія на канаву, невозможно было открыть изъ-за сильной вони.

№ 4. Маленькій коттеджъ изъ двухъ комнатъ. Въ одной комнатѣ спятъ семеро дѣтей. Полъ невозможно мыть, такъ какъ вода течетъ чрезъ щели внизъ, въ столовую.

№ 5. Коттеджъ состоитъ изъ двухъ комнатъ. Нѣтъ никакихъ особыхъ приспособленій. Верхняя комната, которую я измѣрилъ, имѣла въ длину 17 фут. 7 дюймовъ, а въ ширину 9 фут.; но размѣры ея скрадывались значительно скатомъ крыши, служившей также и потолкомъ. Окно имѣло 2 фута въ вышину и 18 дюймовъ въ ширину. Въ этой комнатѣ спали родители и восемь дѣтей. Въ смежномъ коттеджѣ, тоже состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, жила семья, состоявшая изъ девяти человѣкъ. Обитатели двухъ коттеджей пользовались водой изъ грязнаго колодца въ саду. Хорошая вода находится въ колодцѣ, отстоящемъ отъ коттеджей на разстояніи 600 ярдовъ (257 саж.).

---

*) H. Rider Haggard, „Rural England", vol. II. P. 62.

**) См. „Украіньскі приказки, прислівъя и таке инше". Спорудив М. Номис. Спб. 1864. Стр. 90—91.

№ 6. Въ этомъ коттеджѣ въ одной комнатѣ спали взрослая сестра и два брата, изъ нихъ одинъ взрослый *).

Изслѣдователя, какъ англичанина, приводитъ въ ужасъ скученность (т. е. когда въ комнатѣ спитъ болѣе двухъ человѣкъ), а въ особенности тотъ фактъ, что братья и сестры помѣщаются въ одной и той же спальнѣ. Райдеръ Хаггардъ описываетъ исключительные по бѣдности коттеджи. Что сказалъ бы изслѣдователь, если бы его ввели въ типичную избу, гдѣ въ одномъ помѣщеніи живутъ взрослые и дѣти, мужчины и женщины, принадлежащіе часто къ двумъ семьямъ; гдѣ всѣ спятъ рядомъ на печи или на полу; гдѣ постельное бѣлье неизвѣстно; гдѣ на ночь часто только разуваются? И такъ живутъ крестьяне, имѣющіе свое хозяйство! Что же сказалъ бы англійскій изслѣдователь при изученіи жизни безземельнаго крестьянина; напр., того «воздушнаго мужика», котораго встрѣтилъ Глѣбъ Успенскій въ лютый морозъ? «Человѣкъ этотъ, крестьянскаго званія, былъ весь какой-то воздушный: онъ былъ маленькій и тощій до послѣдней степени; худенькое лицо, маленькіе безцвѣтные глаза, маленькая, едва примѣтная бородка, такая маленькая, что лютый морозъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, могъ прицѣпить къ ней самую ничтожную сосульку; тощія, худыя, обмотанныя тряпками и веревками, ноги, самые нищенскіе лапти и коротенькій полушубокъ съ огромнымъ воротомъ (не хватило овчины), открывавшимъ всю голую шею, и даже почти плечи, словомъ, почти декольте, и наконецъ, картузишко—все это было такъ тоще, воздушно, тонко и при томъ во всѣхъ направленіяхъ проникнуто холодомъ и лютымъ морозомъ». У «воздушнаго мужика» нѣтъ ни земли, ни хозяйства; но за то есть обязанности. «Главное—капиталу нѣтъ нисколько!—объясняетъ воздушное существо.—Да и паспорта нѣту, подати требуютъ».

— За что же ты платишь-то?—спросилъ авторъ недоумѣвая.

— За двѣ души платимъ!

— Одинъ?

— Вотъ, какъ есть!

— Стало быть, у тебя земля есть?

Воздушный человѣкъ подумалъ и весело прочирикалъ поптичьи:

— Нѣ! Мы платимъ *въ-пуста*! **).

Теперь у насъ такихъ «воздушныхъ мужиковъ» будетъ много. Къ добру ли это поведетъ или къ худу,—покажетъ недалекое будущее.

---

*) „Rural England“, vol. II. P. 63.

**) Глѣбъ Успенскій, „Собраніе сочиненій“ (изд. 1897 г.); т. II, стр. 1220.

VII.

Въ средней англійской деревнѣ Корели, которую такъ подробно описала Модъ Дэвисъ въ своемъ изслѣдованіи «Life in an English Village», коттеджи сельскихъ работниковъ не очень плохи и не очень хороши.

Въ общемъ коттеджи сельскихъ работниковъ въ Корсли средняго достоинства. Сельскіе работники жалуются на то, что только въ немногихъ коттеджахъ имѣются отдѣльныя столовыя и кухни. Въ большинствѣ домиковъ эти двѣ комнаты соединены въ одну. И молодыя пары, не находя удобныхъ и уютныхъ коттеджей, оставляютъ приходъ и предпочитаютъ селиться въ городѣ... Въ деревнѣ имѣются также очень хорошіе и красивые коттеджи, принадлежащіе фермерамъ, ремесленникамъ или лавочникамъ. Большая часть всѣхъ коттеджей составляютъ собственность лорда Базсъ. Нѣкоторые изъ домиковъ сдаются еще въ пожизненную аренду; но чаще всего встрѣчается понедѣльная аренда. О вмѣстительности коттеджей говорятъ слѣдующія цифры. Въ 165 коттеджахъ, описанныхъ Дэвисъ, имѣется 689 комнатъ, въ которыхъ живутъ 689 человѣкъ.

8	коттеджей	имѣютъ	. . .	по 2	комнаты.
51	»	»	. . .	» 3	»
45	»	»	. . .	» 4	»
38	»	»	. . .	» 5	»
13	»	»	. . .	» 6	»
4	»	»	. . .	» 7	»
5	»	»	. . .	» 8	»
1	»	»	. . .	» 9	»

«При изслѣдованіи я нашла только въ трехъ случаяхъ «скученность» согласно опредѣленію генералъ-регистратора, т. е. что въ коттеджѣ на каждую комнату приходилось болѣе, чѣмъ по два человѣка,—говоритъ Модъ Дэвисъ.—Въ сорока двухъ коттеджахъ на комнату приходилось отъ 1—2 человѣкъ. Въ остальныхъ 120 коттеджахъ на каждаго живущаго тамъ приходилось больше, чѣмъ по одной комнатѣ» *). Работники платятъ за свои коттеджи отъ 3—6 ф. ст. въ годъ. Къ домикамъ почти всюду принадлежатъ клочки земли, обрабатываемые подъ огороды. Рента за эту землю не чрезмѣрна: 3—6 пенсовъ за lug (мѣра въ $16^1/_2$ ф.) или 2—4 ф. ст. за акръ.

Перейдемъ теперь къ выясненію экономическаго положенія деревенскаго населенія. Прежде, чѣмъ остановиться на конкретномъ

---

*) „Life in an English Village", p. 133.

примѣрѣ, т. е. на населенiи Корели, скажу нѣсколько словъ о хозяйственномъ положенiи деревенскаго населенiя вообще. Почти всѣми изслѣдователями признается, что рабочему населенiю въ англiйской деревнѣ въ матерiальномъ отношенiи живется хуже, чѣмъ работникамъ въ городахъ. Протекцiонисты особенно настаиваютъ на этомъ и объясняютъ явленiе системой свободной торговли. «Вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ, какъ мы живемъ при системѣ, введенной при нашихъ дѣдахъ, когда внѣшнiя условiя были совершенно иныя, чѣмъ теперь»—сказалъ Джоржъ Чэмберлэнъ, обращаясь къ фермерамъ и сельскимъ работникамъ. Дѣло идетъ о знаменитой Уэльбэкской рѣчи съ 1904 году, которой протекцiонисты придаютъ такое же значенiе, какъ марксисты «Манифесту Коммунистической партiи»). «Въ чемъ состоитъ эта система, причиняющая вамъ столько страданiй? Мы дозволяемъ иностранцамъ привозить къ намъ безпошлинно все то, что они приготовляютъ на своихъ фабрикахъ или выращиваютъ на своихъ поляхъ, хотя тѣ же продукты мы сами можемъ изготовлять на нашихъ фабрикахъ или выращивать на нашихъ поляхъ. Въ то же время иностранцы, извлекающiе такую пользу изъ нашего великодушiя, не позволяютъ намъ ввозить безпошлинно къ себѣ, что мы изготовляемъ у себя дома. Наши товары обложены большими налогами, собиранiе торыхъ даетъ возможность иностранцамъ строить флоты и содержать армiи. Въ продолженiе первыхъ тридцати лѣтъ со времени введенiя свободной торговли земледѣлiе за границей не сдѣлало большаго прогресса. Безграничныя степи въ Западныхъ штатахъ Сѣверной Америки не были еще вспаханы, и ввозъ иностранныхъ сельскихъ продуктовъ въ Англiю не достигъ еще большихъ размѣровъ. Но за послѣднiя тридцать лѣтъ все измѣнилось: иностранцы добыли, наконецъ, то, чего долго не имѣли, а именно—капиталъ, искуссныхъ работниковъ и отличныя машины. Сперва иностранцы стали изготовлять, что имъ самимъ надо было, и закрыли для насъ свой рынокъ. Затѣмъ у нашихъ промышленныхъ соперниковъ на континентѣ явился избытокъ, который они стали отправлять въ Англiю. И такъ какъ съ цѣлью захвата нашего внутренняго рынка иностранцы продавали себѣ въ убытокъ, то отъ этого жестоко страдали, какъ англiйскiе фабриканты, такъ и работники. И каковъ результатъ? Получилось то, что Германiя, Францiя и Соединенные Штаты, охраняемые таможенными тарифами, развивались въ промышленномъ отношенiи гораздо быстрѣе, чѣмъ Англiя. Насъ оттѣсняютъ назадъ. Мы потеряли то главенство на международныхъ рынкахъ, которое принадлежало намъ еще недавно. Намъ приходится уже довольствоваться второстепеннымъ, если не третьестепеннымъ мѣстомъ. И если та же система свободной торговли будетъ дѣйствовать и дальше, мы опустимся въ промышленномъ отношенiи на положенiе пятистепеннаго государства. И, по мѣрѣ того, какъ намѣченный процессъ подвигается впередъ, нашимъ фермерамъ

и фабрикантамъ становится все труднѣе извлекать какую-нибудь прибыль, и наши городскіе и сельскіе работники встрѣчаютъ все большую трудность при прінсканіи работы. Правительство (т. е. консервативный кабинетъ Бальфура, стоявшій у власти въ 1904 году) приняло все это во вниманіе и собирается предложить на ваше утвержденіе систему воздаянія (retaliation). Правительство намѣрено сказать иностранцамъ такъ: «Если вы не дадите намъ разрѣшенія ввозить наши товары безпошлинно въ вашу страну, мы обложимъ все то, что вы привозите къ намъ. Намъ надоѣло держать постоянно открытыми двери предъ вами, тогда какъ вы запираете ихъ передъ самымъ нашимъ носомъ. Мы прикинемъ къ вамъ ту же мѣру, которой вы мѣрите насъ. И если вы хотите вести съ нами тарифную войну, мы сдѣлаемъ тоже самое».

Отъ системы свободной торговли больше всѣхъ, по увѣренію Джозефа Чэмберлэна, пострадали фермеры и сельскіе работники. «За послѣднія 30 лѣтъ площадь вспаханныхъ полей въ Великобританіи сократилась на три милліона акровъ. Многія нивы не обрабатываются больше и превращены въ пастбища *). И хотя это превращеніе не имѣетъ значенія для фермера, оно крайне важно для сельскаго работника. Съ сокращеніемъ площади вспаханной земли уменьшается также возможность достать работу въ деревнѣ. Количество скота уменьшилось за послѣднія тридцать лѣтъ на два милліона. Капиталъ фермеровъ, по вычисленію сэра Роберта Гиффена, сократился на двѣсти милліоновъ ф. ст. Послѣдствіемъ всего этого,—продолжаетъ Чэмберлэнъ,—является то, что число земледѣльцевъ за послѣднія тридцать лѣтъ уменьшилось на 600 тысячъ, а за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ—на милліонъ» **).

Но всѣмъ извѣстенъ фактъ, что въ началѣ XIX вѣка, когда Англія была окружена высокими стѣнами таможенныхъ пошлинъ, работникамъ, и въ особенности сельскимъ, жилось очень плохо. Въ деревняхъ живы еще старики, помнящіе «голодные сороковые годы», когда заработная плата была ниже, чѣмъ теперь, а хлѣбъ стоилъ въ четыре раза дороже. Чэмберлэнъ доказываетъ, что тутъ протекціонизмъ былъ не при чемъ. «Ваши отцы страдали не отъ того, что хлѣбъ стоилъ дорого (т. е. отъ послѣдствій протекціонизма), а отъ того, что было мало заработковъ и что заработная плата стояла низкая. Нагляднымъ доказательствомъ является фактъ, что въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ послѣ отмѣны хлѣбныхъ налоговъ цѣны на хлѣбъ не уменьшились. Положеніе городского и сельскаго работника улучшилось не вслѣдствіе того, что подешевѣли хлѣбъ и съѣстные продукты, а потому, что вслѣдствіе изобрѣтенія новыхъ машинъ и открытія золота въ Америкѣ и Австраліи раз-

---

*) Въ прошлой статьѣ я показалъ, что такой же процессъ происходилъ задолго до введенія системы свободной торговли.

**) J. Z. Green, «Agriculture and Tariff Reform», p. 159—161.

вивалась промышленность и торговля» *). Выводъ отсюда слѣдующій. Только возвращеніе къ протекціонизму, иначе — «тарифная реформа», можетъ возродить земледѣліе и улучшить положеніе фермера и сельскаго работника.

«Свободная торговля, т. е. безпошлинный ввозъ изъ-за границы пшеницы, овощей, фруктовъ, хмеля и пр., убила англійское земледѣліе, которое раньше было самымъ цвѣтущимъ въ Европѣ,— говоритъ одинъ изъ самыхъ главныхъ экономистовъ партіи протекціонистовъ — Эллисъ Баркеръ. — Свободная торговля сдѣлала крупное фермерство невыгоднымъ. Она поставила англійскихъ фермеровъ въ необходимость отказаться отъ культуры пшеницы и отъ выращиванія овощей. Вслѣдствіе этого пашни, требующія для обработки много труда, были обращены въ пастбища, не нуждающіяся въ приложеніи рабочихъ рукъ. Такимъ образомъ система свободной торговли погнала милліоны крестьянъ и сельскихъ работниковъ въ трущобы большихъ городовъ и въ далекія страны за океанъ, гдѣ трудолюбивый работникъ защищенъ тарифами отъ раззорительнаго соперничества со стороны иностранцевъ.

«Королевская коммиссія, назначенная въ девяностыхъ годахъ для изученія положенія земледѣлія, вычислила, что потеря, понесенныя Великобританіей съ 1874 года вслѣдствіе паденія сельской промышленности, равна одному милліарду ф. ст.,—говоритъ Эллисъ Баркеръ.—Потеря эта растетъ постоянно съ каждымъ годомъ. Въ 1905 году, по вычисленію Полгрэйва, она достигла 1, 7 и даже двухъ милліардовъ ф. ст. Такимъ образомъ, потеря націи въ деньгахъ только превышаетъ въ два-три раза національный долгъ. Гибель англійскаго земледѣлія стоитъ націи въ восемь разъ дороже, чѣмъ послѣдняя южно-африканская война. Сумма, потерянная Англіей, равна почти тому капиталу, который вложенъ ею въ иностранныя предпріятія. Чтобы сдѣлать ковригу хлѣба дешевле на одинъ фартингъ, погублено два милліарда британскаго капитала и выгнаны изъ насиженныхъ жилищъ милліоны британскихъ гражданъ. Такова та цѣна, которую Англія заплатила за «дешевый хлѣбъ!»—Такъ трагически восклицаетъ Эллисъ Баркеръ.—«Гибель англійскаго земледѣлія, — продолжаетъ экономистъ, — не только умчала съ собою два милліарда британскаго капитала, но нанесла ударъ національному здоровью, силѣ и безопасности. Смерть деревни заставила націю жить при искусственныхъ условіяхъ. Доставка пищевыхъ продуктовъ въ Англію всецѣло зависитъ отъ иностранцевъ. Благодаря такъ называемой свободной торговлѣ, говядина, баранина, свинина, яйца, фрукты, сыръ и масло *англійскаго* происхожденія стали роскошью, доступною только очень состоятельнымъ людямъ. Вслѣдствіе гибели земледѣлія, молоко въ Англіи дороже, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ въ мірѣ. Поэтому бѣднякъ,

*) «Agriculture and Tariff Reform». p. 165.

не имѣя возможности кормить дѣтей свѣжимъ молокомъ, даетъ имъ дешевые суррогаты (т. е. конденсированное швейцарское или канадское молоко), что гибельно отзывается на здоровьѣ подростающаго поколѣнія». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же экономистъ выясняетъ зависимость расцвѣта земледѣлія отъ тарифныхъ реформъ.

«Защитники свободной торговли говорятъ намъ, что британское земледѣліе должно было придти въ упадокъ вслѣдствіе стремительнаго развитія промышленности,—говоритъ Элисъ Баркеръ.—Фритрэдеры увѣряютъ, что въ такой густо населенной странѣ, какъ Англія, земледѣліе въ цвѣтущемъ состояніи невозможно. Аргументы эти гибельны,—продолжаетъ экономистъ. Промышленность и земледѣліе могутъ процвѣтать бокъ-о-бокъ въ густо населенныхъ странахъ, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ Англіи и Уэльсѣ на одну квадратную милю приходится 558 человѣкъ, а въ Саксоніи—779. Въ 1879 году Германія ввела у себя пошлину на привозный хлѣбъ и на сельскіе продукты. И съ тѣхъ поръ благосостояніе городского и сельскаго населенія въ Саксоніи стремительно увеличилось, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры, выражающія доходъ народа въ деревняхъ и городахъ:

	Въ городахъ.	Въ деревняхъ.
въ 1878 году . . .	24.585.600 ф. ст.	21.793.750 ф. ст.
» 1906 » . . .	83.611.700 » »	42.959.165 » »

Другими словами: за двадцать восемь лѣтъ доходъ сельскаго населенія въ Саксоніи увеличился вдвое, а городского населенія—въ четыре раза. Таблица эта показываетъ, что прогрессъ земледѣлія и промышленности можетъ происходить одновременно при наличности протекціонизма. Тарифныя реформы, возрождая земледѣліе, не убиваютъ въ то же время фабричной промышленности. При протекціонизмѣ фермеры привѣтствуютъ ростъ промышленныхъ городовъ, такъ какъ видятъ въ нихъ новые рынки для своихъ продуктовъ. Деревня снабжаетъ городъ хлѣбомъ, мясомъ и овощами, а въ обмѣнъ беретъ фабрикаты. Надо брать примѣръ съ Саксоніи. Надо возродить земледѣліе при помощи тарифныхъ реформъ!»

При протекціонизмѣ земледѣліе цвѣтетъ, какъ кринъ сельный. Защитники тарифныхъ реформъ не идутъ для доказательства своего тезиса за примѣрами въ Россію, гдѣ таможенныя пошлины выше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, но гдѣ крестьянское населеніе живетъ хуже, чѣмъ земледѣльцы любой другой страны. Во время моихъ путешествій по Тунису, Алжиру и Марокко я могъ убѣдиться, что самый бѣдный кабильскій «дуаръ» находится въ болѣе выгодныхъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ великорусскій крестьянинъ. Изученіе Россіи немедленно показало бы, что «тарифныя реформы», т. е. высокія пошлины не возрождаютъ ни земледѣлія, ни промышленности. За примѣрами протекціонисты обра-

щаются постоянно къ Германіи. «Въ 1879 году,—говоритъ Эллисъ Баркеръ—Германія ввела протекціонизмъ какъ для фабричныхъ, такъ и для земледѣльческихъ продуктовъ. Всѣмъ извѣстно,—продолжаетъ экономистъ,—что съ тѣхъ поръ въ Германіи фабричная промышленность сильно развилась, а земледѣліе достигло изумительнаго расцвѣта. О прогрессѣ германскаго земледѣлія подъ покровительствомъ таможенныхъ пошлинъ говоритъ тотъ фактъ, что площадь подъ хлѣбными злаками увеличивается съ каждымъ годомъ. Производство ржи, пшеницы, ячменя, картофеля и пр. увеличилось на пятьдесятъ процентовъ. Пастбища и пустующія земли вспаханы». Эллисъ Баркеръ приводитъ слѣдующія цифры для доказательства, что прогрессъ земледѣлія въ Германіи находится въ зависимости отъ введенія таможенныхъ пошлинъ.

Въ Германіи было	лошад.	крупн. рог. скота.	овецъ.	свиней.
въ 1883 году . . .	3.522.525	15.786.764	19.189.715	9.206.195
› 1907 › . . .	4.337.263	20.589.856	7.681.072	22.080.008

«Число овецъ въ Германіи уменьшилось именно потому,—объясняетъ Баркеръ,—что пастбища вспаханы. Гдѣ прежде бродили бараны, теперь колосится хлѣбъ, тогда какъ въ Англіи наблюдается какъ разъ обратное явленіе. Сокращеніе числа овецъ, такимъ образомъ,—объясняетъ Баркеръ,—является доказательствомъ цвѣтущаго состоянія германскаго земледѣлія. Въ Германіи свинья стоитъ втрое дороже овцы, поэтому, потеря 11.500.000 овецъ—бездѣлица, если мы сопоставимъ ее съ увеличеніемъ числа лошадей на 800.000, крупнаго рогатаго скота на 5.800.000 и свиней на 12.900.000. Въ Германіи теперь вдвое больше лошадей и крупнаго рогатаго скота, а свиней впятеро больше, чѣмъ въ Великобританіи. Германія поэтому питается исключительно мясомъ мѣстнаго происхожденія. Заграничное мороженое мясо и чикагскіе консервы совершенно неизвѣстны въ Германіи» *).

Привожу эти аргументы для доказательства той изумительной гибкости, которую проявляютъ статистическія таблицы въ рукахъ «смѣлаго» экономиста. Таблицы такъ легко подаются «моделировкѣ», что при помощи ихъ можно если не *доказать*, то хоть *доказывать* все, что угодно. Посмотримъ, что возражаютъ фритрэдеры протекціонистамъ. Обратимся къ экономисту, занимающему въ рядахъ фритрэдеровъ такое же положеніе, какъ Эллисъ Баркеръ въ партіи протекціонистовъ: я имѣю въ виду Чіоза Моней. Послѣдній категорически отрицаетъ тезисъ, что британское земледѣліе убито системой свободной торговли. Совершенно невѣрно утвержденіе, что свободная торговля погнала милліоны работниковъ изъ деревни въ городъ. Цифры, показывающія уменьшеніе

*) J. Ellis Barker, „Hundred and one Points against Free trade". Points 53, 70, 71.

числа сельскихъ работниковъ, надо читать такъ, что работаютъ въ Англіи въ полѣ теперь *только* взрослые мужчины, а не мужчины, женщины и дѣти, какъ раньше въ Великобританіи или, какъ теперь — на континентѣ. Есть картина англійскаго художника, производящая крайне сильное впечатлѣніе. Называется она «Упряжка крофтера» и изображаетъ старуху и дѣвочку, впряженныхъ въ соху. Такія «упряжки» исчезли совершенно. Жена и дочь сельскаго работника не надрываются теперь больше въ полѣ надъ непосильной работой. Уменьшеніе числа сельскихъ работниковъ въ Англіи объясняется въ значительной степени улучшеніемъ положенія женщины. Только на континентѣ она продолжаетъ еще служить въ деревнѣ рабочей скотиной. Отъ 1851 года до 1901 г. число вообще сельскихъ работниковъ въ Англіи и Уэльсѣ (мужчинъ, женщинъ и дѣтей) сократилось на 900.000, но число, однако, взрослыхъ работниковъ сократилось только на 390.000. Синяя книга, выпущенная министерствомъ торговли въ 1906 году *), объясняетъ сокращеніе числа взрослыхъ работниковъ, главнымъ образомъ, введеніемъ усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ Та же причина создаетъ одинаковое явленіе и въ другихъ странахъ. Всюду на земномъ шарѣ примѣненіе усовершенствованныхъ машинъ сокращаетъ число сельскихъ работниковъ.

Чіоза Молей доказываетъ, что цитаты, приводимыя Эллисомъ Баркеромъ и выражающія, будто бы, потери, понесенныя Англіей вслѣдствіе гибели земледѣлія отъ системы свободной торговли (1—2 милліарда ф. ст.) являются чистой фантазіей. Цифры, приводимыя Баркеромъ, показываютъ только паденіе арендной платы за землю вслѣдствіе уменьшенія цѣнъ на хлѣбъ. Совершенно невѣрно также, что система свободной торговли косвенно гибельно отозвалась на силѣ и здоровьѣ англійскаго народа. Статистика показываетъ, что англичане, болѣе рослы и крѣпки, чѣмъ нѣмцы, которыя питаются хуже и скуднѣе. Экономисты-протекціонисты совершенно произвольно обращаются съ цифрами при выясненіями благосостоянія Англіи и Германіи. Мы видѣли, что Эллисъ Баркеръ вычисляетъ годовой доходъ городского и сельскаго населенія Саксоніи въ 126.570,865 ф. ст. Доходъ этотъ вычисленъ на основаніи подоходнаго налога. Эллисъ Баркеръ забываетъ прибавить, что въ Саксоніи лица, получающія больше 7 ш. 9 п. въ недѣлю, платятъ уже подоходный налогъ. Въ Пруссіи подоходнымъ налогомъ обложены заработки больше чѣмъ въ 17 ш. 3 п. въ недѣлю. Въ Англіи получающіе 3 ф. въ недѣлю не платятъ никакихъ налоговъ. Понятно, если будемъ опредѣлять доходы населенія страны только на основаніи подоходнаго налога; если мы упустимъ изъ вида, что въ Англіи получающіе меньше 3 ф. въ недѣлю ничего не платятъ, то получится явная несообразность: выйдетъ, что населеніе Германіи зарабатываетъ больше,

*) Сд. 3273.

чѣмъ населеніе Англіи, тогда какъ въ дѣйствительности мы имѣемъ какъ разъ обратное. Абсолютно невѣрно также, что массы въ Германіи питаются лучше, чѣмъ въ Англіи.

Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ брошюра «Decrepit Horses», выпущенная недавно Обществомъ покровительства животныхъ. Авторъ (Fairholme) говоритъ о больныхъ, искалѣченныхъ, старыхъ лошадяхъ, которыхъ, послѣ долгой трудовой жизни, вывозятъ изъ Англіи за границу на убой. Причиной усиленнаго вывоза лошадей является бѣдность массъ на континентѣ и потребность въ дешевомъ мясѣ. Вывезено изъ Англіи больныхъ и старыхъ лошадей на убой:

Въ 1904 году	24.148
» 1905 »	36.313
» 1906 »	46.886
» 1907 »	45.492
» 1908 »	39.749

Противъ такого экспорта протестуютъ многіе въ Англіи; но экспортеры оправдываются тѣмъ, что не ихъ дѣло обсуждать вкусы жителей континента. На это авторъ брошюры указываетъ, что часть мяса старыхъ, больныхъ лошадей возвращается потомъ въ Англію подъ видомъ консервированныхъ суповъ, колбасъ, «паштетовъ изъ дичи» и пр.

Общество покровительства животнымъ въ своей брошюрѣ требуетъ, чтобы больныя и старыя лошади, непригодныя для работы, не вывозились за границу, а убивались въ Англіи. Fairholme описываетъ печальный и отвратительный кортежъ больныхъ лошадей, привезенныхъ изъ Англіи въ Антверпенъ. Имъ надо пройти четыре мили. Лошади представляютъ собою живые скелеты. Кожа ихъ покрыта громадными язвами; ноги распухли. И это все—пища рабочаго класса въ Голландіи, Бельгіи и Германіи. «Желудокъ средняго англійскаго рабочаго не принялъ бы той пищи, которой питается саксонскій крестьянинъ»,—говоритъ Чіоза Моней.

Выгодно ли для Германіи обложеніе привозныхъ сельскихъ продуктовъ пошлиной? На этотъ вопросъ Чіоза Моней отвѣчаетъ отрицательно. «Германскіе помѣщики получили возможность, вслѣдствіе безпрерывнаго повышенія пошлинъ, облагать налогами германскій народъ. Послѣдствія были гибельны для питанія народа, хотя въ то же время, подвозъ иностранныхъ пищевыхъ продуктовъ не прекратился. Съ каждымъ годомъ Германія вынуждена повышать налоги на пищевые продукты». «Мы должны ввозить хлѣбъ,—сказалъ въ рейхстагѣ графъ Каприви въ 1891 году.—Вотъ уже много лѣтъ какъ Пруссія перестала быть страной, отправляющей за границу хлѣбъ на продажу. Мы вынуждены получать заграничное зерно. И чѣмъ болѣе населеніе будетъ увеличиваться, тѣмъ сильнѣе будетъ наша зависимость отъ привознаго хлѣба. *Въ общемъ, мы платимъ*

за зерновой хлѣбъ стоимость его на международномъ рынкѣ плюсъ пошлины».

Ввозъ хлѣба въ Германію увеличивается съ каждымъ годомъ, несмотря на протекціонизмъ. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ цифры. Въ 1887 году импортъ хлѣба въ Германію былъ на 967.000,000 м. Въ 1907 на 2.430.000,000 м.

Что касается утвержденія протекціонистовъ, что германскій народъ питается исключительно говядиной мѣстнаго происхожденія, составляющей въ Англіи предметъ роскоши, то это надо понимать, какъ шутку: нѣмецкій рабочій и нѣмецкій крестьянинъ ѣдятъ гораздо меньше мяса, чѣмъ ихъ англійскіе товарищи. Въ Англіи мясо—предметъ первой необходимости въ домѣ рабочаго, въ Германіи оно—предметъ роскоши. Мы видимъ, такимъ образомъ, что протекціонисты не могутъ доказать своихъ основныхъ тезисовъ: 1) развитіе земледѣлія находится въ прямой зависимости только отъ налоговъ на хлѣбъ; 2) при протекціонизмѣ земледѣльцамъ и, въ частности, сельскимъ рабочимъ живется гораздо лучше и сытнѣе, чѣмъ при системѣ свободной торговли.

VIII.

Посмотримъ теперь на конкретномъ примѣрѣ, каково экономическое положеніе англійской деревни. Въ деревнѣ, описываемой г-жей Дэвисъ, 220 семействъ. Какая часть изъ нихъ бѣдствуетъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, миссъ Дэвисъ сперва выясняетъ доходъ рабочей семьи, а потомъ опредѣляетъ, что слѣдуетъ признавать бѣдностью. Авторъ, слѣдуя примѣру Раунтри, описавшему городъ Іоркъ, устанавливаетъ двѣ стадіи бѣдности: высшую (первичную, *primary*) и низшую (вторичную, *secondary*). Для установленія первой стадіи, Раунтри вычислилъ наименьшую стоимость въ данномъ округѣ продуктовъ, абсолютно необходимыхъ для поддержанія существованія. Изслѣдователь входитъ въ подробную оцѣнку питательныхъ свойствъ разныхъ продуктовъ и дѣлаетъ выводъ, что «минимальный minimum» средствъ, необходимыхъ для поддержки существованія, будетъ 3 ш. въ недѣлю для взрослаго и 2 ш. 3 п. для ребенка *). Другой англійскій изслѣдователь Мэнъ нашелъ, что мѣрка, выработанная Раунтри, очень удобна при изслѣдованіи положенія деревни **). Миссъ Дэвисъ, слѣдуя за Раунтри и Мэномъ, нашла, «что и въ Корсли можно принять за скалу для опредѣленія высшей бѣдности доходъ въ 3 ш. въ недѣлю на каждаго взрослаго и 2 ш. 3. п. на каждаго ребенка. Опредѣливъ скалу, г-жа Дэвисъ приходитъ къ слѣдующему выводу: 28 семействъ въ Корсли (144 человѣка) находятся въ стадіи высшей бѣдности.

---

*) S. Rowntree, Poverty: a Study of Town Life. P. p. 88—106.
**) Mann, «Sociological Papers», vol. I.

Ко второй стадіи бѣдности изслѣдовательница относитъ тѣ семейства, у которыхъ, послѣ покрытія абсолютно необходимыхъ потребностей, остается еженедѣльно небольшая сумма на страховку, на членскіе взносы въ дружественныя общества и пр. Такихъ семействъ въ нашей типичной англійской деревнѣ тридцать семь. Такимъ образомъ, по степени матеріальной обезпеченности населеніе Корсли раздѣляется такъ.

	Взрослыхъ	дѣтей	всего душъ	число семействъ
Высшая бѣдность . . .	57	87	144	28
Низшая бѣдность . . .	80	48	128	37
За предѣломъ бѣдности .	—	—	—	155

Семействъ, глава которыхъ сельскій работникъ, въ Корсли 70. Изъ нихъ 16 находятся въ стадіи высшей бѣдности, 13—низшей и 41 семейство стоитъ за предѣлами бѣдности *). Чѣмъ питается англійскій сельскій работникъ, находящійся въ стадіи «высшей бѣдности»? Просматривая колонки цифръ въ книгѣ г-жи Дэвисъ, мнѣ невольно припомнилось одно мѣсто изъ «Анны Карениной»: великолѣпное описаніе сѣнокоса. Послѣ нѣсколькихъ часовъ крайне тяжелаго труда крестьяне садятся обѣдать. «Мужики приготавливались обѣдать. Одни мылись, молодые ребята купались въ рѣкѣ, другіе прилаживали мѣсто для отдыха, развязывали мѣшочки съ хлѣбомъ и оттыкали кувшинчики съ квасомъ. Старикъ накрошилъ въ чашку хлѣба, размялъ его стеблемъ ложки, налилъ воды изъ брусницы, еще разрѣзалъ хлѣба и, посыпавъ солью, сталъ на востокъ молиться.

— Ну-ка, баринъ, моей тюрьки,—сказалъ онъ, присаживаясь на колѣни передъ чашкой». Въ этомъ состоялъ весь обѣдъ. Правда, Левинъ нашелъ, что «тюрька была такъ вкусна, что раздумалъ ѣхать домой обѣдать». За то вечеромъ, возвратившись домой, Левинъ отдалъ должное обѣду, приготовленному Кузьмой.

— Ну, аппетитъ у тебя! — сказалъ онъ (Сергѣй Ивановичъ) глядя на его склоненное надъ тарелкой буро-красно-загорѣлое лицо и шею.

Посмотримъ теперь, чѣмъ питаются не хозяйственные крестьяне, косившіе у Левина за водку Машкинъ Верхъ, а бѣднѣйшіе англійскіе сельскіе работники. «Копченое сало составляетъ предметъ ежедневнаго потребленія. Даже въ бѣднѣйшихъ коттеджахъ ѣдятъ мясо трижды въ недѣлю; въ остальныхъ домахъ оно бываетъ на столѣ ежедневно». Второе блюдо, состоящее изъ «сладкихъ пироговъ или оладей (pancakes), подается почти въ каждомъ домѣ». Дѣти, отправляющіеся въ школу, „забираютъ съ собою хлѣбъ, намазанный масломъ и вареньемъ; матери находятъ, что дѣти не съѣдаютъ, а бросаютъ мясо, если имъ даютъ его въ школу“.

*) *M. Davis*, „Life in an English Village“, p. p. 142—147.

„За послѣднія сорокъ лѣтъ количество бакалейныхъ товаровъ, покупаемыхъ въ деревенскихъ лавкахъ, сильно увеличилось. Тридцать лѣтъ тому назадъ жена сельскаго работника покупала унцъ чая или кофе и фунтъ сахара на недѣлю. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ потребленіе чая въ деревнѣ увеличилось до 1/4 ф. въ недѣлю, а сахара — до 3 ф. на семью. Теперь бѣднѣйшая рабочая семья выпиваетъ 1/2 ф. чая въ недѣлю *). Просматривая повседневный бюджетъ бѣднѣйшихъ сельскихъ работниковъ, приводимый г-жей Дэвисъ, мы находимъ тутъ хлѣбъ (крупичатый), овсянку для завтрака, масло, сыръ, молоко, копченое сало, австралійскую баранину, рыбу, «мармеладъ» (варенье изъ апельсиновъ), изюмъ для пуддинговъ, апельсины, чай, сахаръ, бисквиты **).

Какъ англичанка, г-жа Дэвисъ приходитъ въ ужасъ отъ того, что бѣднѣйшая часть населенія деревни можетъ имѣть мясо только трижды въ недѣлю, тогда какъ въ остальные дни должно довольствоваться поджареннымъ копченнымъ саломъ, сыромъ, хлѣбомъ, картофелемъ, капустой и чаемъ. Изслѣдовательница старается показать, что недостаточное питаніе невыгодно отражается на здоровьѣ и на развитіи умственныхъ способностей подростающаго поколѣнія. Съ этой цѣлью г-жа Дэвисъ анализируетъ отчеты деревенской школы и показываетъ, что хорошо питающіяся дѣти лавочниковъ, огородниковъ или сельскихъ работниковъ, стоящихъ «за линіей бѣдности, — сообразительнѣе и смышленнѣе, чѣмъ вѣчно недоѣдающія дѣти, родители которыхъ находятся въ стадіи «высшей бѣдности». «Приведенные мною факты,—говоритъ г-жа Дэвисъ, — краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что невнимательность, тупость и неспособность дѣтей даже въ деревенскихъ здоровыхъ округахъ, главнымъ образомъ, обусловливаются плохимъ питаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя извѣстный процентъ тупыхъ дѣтей падаетъ и на сравнительно состоятельныя семьи въ деревнѣ, но подавляющее большинство малоуспѣвающихъ принадлежитъ къ бѣднѣйшей части населенія. Объ этомъ фактѣ говорятъ слѣдующія цифры.

Матеріальныя условія семьи.	Число семействъ.	Число тупыхъ дѣтей.
Внѣ линіи бѣдности.	30	6
Низшая стадія бѣдности.	18	7
Высшая стадія.	18	10

Г-жа Дэвисъ въ концѣ своей книги приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Существуетъ твердо установившееся мнѣніе, что сельскіе рабочіе въ Англіи въ матеріальномъ отношеніи поставлены неизмѣримо хуже, чѣмъ остальные рабочіе. Поэтому, изслѣдовавъ типичную деревню въ Уилтширѣ, я была не мало изумлена, когда нашла,

*) Life in an English Village, p. p. 189—194.

**) Ib., p. 197.

что большинство населенія ея находится сравнительно въ благопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Только $^1/_8$ часть населенія находится въ стадіи высшей бѣдности. Благосостояніе большинства семействъ въ Корсли обусловливается двумя факторами; одинъ изъ нихъ положительный, обѣщающій дать въ будущемъ еще болѣе благопріятные результаты. Другой—отрицательный и внушающій серьезныя опасенія. Первый факторъ— возможность имѣть земельные участки. Графскій совѣтъ склоненъ приводить въ исполненіе законъ о мелкихъ земельныхъ участкахъ. Помѣщикъ въ Корсли охотно уступаетъ совѣту землю, которая сдается потомъ сельскимъ работникамъ и другимъ желающимъ. Сравнительно съ другими деревнями, въ Корсли населеніе имѣетъ нетрудный доступъ къ землѣ. Почти всѣ сельскіе работники и ремесленники—огородники. Клочекъ земли можетъ прокормить ихъ, даже если они потеряютъ заработную плату. И такъ какъ площадь, занятая мелкими хозяйствами, увеличивается, то можно ждать пропорціональнаго возрастанія благосостоянія населенія.

Другой факторъ, обусловливающій сравнительное благосостояніе деревни, описываемой г-жей Дэвисъ, внушаетъ серьезныя опасенія. Это — отсутствіе дѣтей. Многіе ремесленники скопили достаточно денегъ, чтобы стать фермерами только потому, что бездѣтны или имѣютъ лишь одного ребенка. «Практическое мальтузіанство», какъ выяснилъ Сидней Веббъ въ трудѣ, о которомъ мнѣ пришлось уже говорить въ «Русскомъ Богатствѣ», проникло даже въ деревню.

IX.

Что можетъ быть сдѣлало для англійской деревни, по мнѣнію г-жи Дэвисъ? Гораздо шире и лучше ставитъ этотъ вопросъ Гобсонъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ *). Широко образованный и вдумчивый экономистъ обсуждаетъ, что вообще можетъ и должно быть сдѣлано для массъ. Самое характерное въ общественной жизни Англіи, по мнѣнію изслѣдователя, заключается въ томъ, что сила обстоятельствъ «заставляетъ мало-по-малу либеральную партію придавать все болѣе и болѣе широкое толкованіе понятію о свободѣ личности». И не одна лишь либеральная партія вынуждена поступать такъ. Крайніе консерваторы, обвиняя правительство въ «соціализмѣ» во время недавнихъ дебатовъ по поводу бюджета **), ссылались, какъ на улики, на законъ о государственной пенсіи для стариковъ, на билль о пустующихъ земляхъ и на финансовый законопроектъ. Но первыя двѣ мѣры были одобрены и оппозиціей (т.-е. консерваторами). Что же касается бюджета 1909 года, то

*) J. A. Hobson, The Crisis of Liberalism.
**) Бюджетъ 1909 г. послѣ года борьбы, 27 апрѣля 1910 г., сталъ закономъ.

прогрессивный подоходный налогъ не является новостью въ англійской финансовой политикѣ. Обложеніе незаработаннаго приращенія мы находимъ въ одной изъ самыхъ консервативныхъ странъ Западной Европы—въ Германіи.

«Въ Англіи такъ вкоренилось понятіе, что хорошо только то правительство, которое предоставляетъ всякую возможность личности свободно развиваться, что другая концепція, ставящая въ вершину угла «государственное благо», совершенно непріемлема у насъ,—пишетъ Гобсонъ.—Расширеніе функцій государства у насъ, въ направленіи фабричнаго законодательства, народнаго здравія, воспитанія и увеличенія полномочій муниципалитетовъ,—всегда мотивировалось необходимостью защиты индивидуума отъ неблагопріятныхъ условій, созданныхъ экономически болѣе сильными помѣщиками, предпринимателями или монополистами. Указывалось при этомъ, что экономическая безпомощность индивидуума усиливается еще его невѣжествомъ, слабостью характера и неспособностью думать о будущемъ. Каждая изъ мѣръ, выработанныхъ для защиты индивидуума, имѣла цѣлью поднять и улучшить физическія, моральныя, интеллектуальныя и экономическія условія, при которыхъ личность развивается. Другими словами, законодательство стремилось и стремится поставить личность въ такія условія, чтобы она съ наибольшею выгодою для себя могла использовать свою свободу». *) Какія же условія, по мнѣнію современнаго англичанина, должно создать государство, чтобы дать индивидууму дѣйствительную свободу и возможность развиваться? На этотъ вопросъ Гобсонъ отвѣчаетъ подробно въ главѣ «Equality of Opportunity». Надо замѣтить, что Гобсонъ относится критически къ соціализму и себя называетъ радикаломъ-демократомъ. Влѣдствіе этого отвѣтъ Гобсона на поставленный выше вопросъ особенно интересенъ.

«Первымъ пунктомъ хартіи индивидуальной свободы является равное право каждаго на землю и на естественныя богатства своей родной страны, — говоритъ Гобсонъ.—Если это право сокращено или отнято, это должно быть возвращено. Очевиднымъ нарушеніемъ равенства всѣхъ является то, что вся земля составляетъ собственность нѣсколькихъ тысячъ владѣльцевъ, которые, такимъ образомъ, одни опредѣляютъ, что дѣлать съ землей и должны ли оставаться въ деревняхъ милліоны гражданъ, родившихся тамъ. Положеніе безземельнаго въ современной Англіи противорѣчитъ основному элементу личной свободы: праву передвиженія. Въ самомъ дѣлѣ, передвиженіе по огороженной землѣ (trespassing) является преступленіемъ. Безземельный гражданинъ не можетъ выполнить извѣстное повелѣніе «добывать въ потѣ лица свой хлѣбъ». Нарушающій систематическій законъ о «trespassing», т.-е. осуществляющій право передвиженія, оффиціально клеймится, какъ «бродяга и негодяй»,

*) J. A. Hobson, „The Crisis of Libesalism". P. 96.

(rogue and vagabond). Чтобы имѣть возможность проживать вообще въ своемъ родномъ городѣ или въ родной деревнѣ, гражданинъ обязанъ вступать предварительно въ договоръ съ землевладѣльцемъ, который можетъ и отказать въ своемъ разрѣшеніи. Соперничество между землевладѣльцами въ извѣстной степени смягчаетъ участь безземельнаго, но все же его свобода ограничена. Государство обязано поставить всѣхъ своихъ гражданъ въ одинаковыя благопріятныя условія. По отношенію къ земельному вопросу это не означаетъ, что вся земля должна быть раздѣлена на равные участки и отдана въ личную собственность. Подобная мѣра была бы непрактична въ такой густонаселенной странѣ, какъ Англія. Пожелай каждый возвратиться къ землѣ, ея не хватило бы всѣмъ, какъ бы интенсивна ни была культура. Необходимо другое. Необходимо, чтобы каждый, нуждающійся въ землѣ и умѣющій съ нею обращаться,—имѣлъ свободный доступъ къ ней. Условія аренды земли должны быть регулированы не частнымъ владѣльцемъ, а общественнымъ авторитетомъ. Никакое равенство,—говоритъ Гобсонъ,—невозможно до тѣхъ поръ, покуда постепенно въ городахъ и деревняхъ земля изъ частной собственности не станетъ собственностью общественной.

Основныя понятія о равенствѣ требуютъ, чтобы, покуда земля не перейдетъ въ общественную собственность, цѣнность земли, являющаяся не результатомъ улучшеній, принадлежала бы не частному владѣльцу, а тому, кто создаетъ эту цѣнность, т. е. обществу. Всѣ либералы признаютъ теперь право на свободный доступъ къ землѣ, гарантированный прочностью арендная договора. Равное право на доступъ къ землѣ является до такой степени очевиднымъ выводомъ изъ понятія объ индивидуальной свободѣ, что вполнѣ понятно, почему многіе реформаторы на немъ исключительно останавливаются. Они полагаютъ, что всѣ соціальные вопросы будутъ разрѣшены, когда уничтожится частное право на землю. Анализъ вопроса, однако, покажетъ мнѣ,—говоритъ Габсонъ,– что для полной свободы саморазвитія требуются еще другія условія, не имѣющія даже отдаленнаго отношенія къ частной собственности на землю.

Возьмемъ, прежде всего, одно проявленіе свободы, которое имѣетъ отношеніе къ земельной собственности. Право безпрепятственнаго *передвиженія* съ мѣста на мѣсто является такимъ же элементомъ свободы, какъ и право *проживать* въ опредѣленномъ пунктѣ. Чтобы индивидуумъ могъ съ наибольшей выгодой для себя всесторонне использовать свои способности и дарованія, онъ долженъ быть воленъ перемѣщаться самъ или со своими домашними съ мѣста на мѣсто. Въ наше время, когда мѣстныя условія промышленности часто мѣняются, подвижность становится все болѣе важнымъ элементомъ свободы. Въ зависимости отъ быстроты передвиженія находится возможность примѣнить свои силы въ новомъ

мѣстѣ или пріисканіе новыхъ рынковъ. О томъ, что свобода быстраго перемѣщенія является элементомъ индивидуальной свободы, свидѣтельствуетъ старая, избитая формула laissez faire, laissez aller. Свободное передвиженіе по большимъ дорогамъ не составляетъ еще той подвижности, которая требуется современнымъ состояніемъ промышленности. Рабочій, обязанный вступать въ соглашеніе съ желѣзнодорожной компаніей для полученія мѣста въ вагонѣ и лишенный возможности, вслѣдствіе скудости средствъ, путешествовать удобно, быстро и въ требуемое время,—фактически ограниченъ въ своей свободѣ передвиженія. Онъ, такимъ образомъ, не имѣетъ широкой возможности выбора въ работѣ. Съ своей стороны, общество тоже теряетъ отъ такого ограниченія индивидуума въ его правахъ. Отсюда выводъ, что демократическое государство не можетъ допустить, чтобы желѣзныя дороги находились въ рукахъ частныхъ компаній. Конечно, есть громадная разница между національзаціей желѣзныхъ дорогъ демократическимъ государствомъ и принудительнымъ захватомъ ихъ государствомъ бюрократическимъ. Въ первомъ случаѣ всѣ выгоды достаются обществу, т. е. всѣмъ индивидуумамъ, свободно выбирающимъ свое правительство. Во второмъ случаѣ принудительный захватъ желѣзныхъ дорогъ усиливаетъ только и безъ того уже могущественную бюрократію. Въ рукахъ ея «національзація» дорого является добавочной веревкой, чтобы связать общество. Въ демократическомъ государствѣ, при системѣ широкаго общественнаго контроля, національзація дорогъ является богатымъ источникомъ доходовъ для казны. Въ государствѣ бюрократическомъ, при отсутствіи общественнаго контроля, «національзація» дорогъ открываетъ собою широкое поле для самаго безсовѣстнаго казнокрадства. Желѣзныя дороги, въ такомъ случаѣ, превращаются въ своего рода садки съ жирной рыбой, куда впускаютъ щукъ. Обогащая нѣкоторыхъ казнокрадовъ, желѣзныя дороги, въ такомъ случаѣ, приносятъ государству только убытокъ.

Идеаломъ свободнаго передвиженія были бы, конечно, безплатные переѣзды; но въ современномъ обществѣ объ этомъ говорить не приходится. За то и теперь при національзаціи желѣзныхъ дорогъ демократическое государство можетъ установить крайне дешевые тарифы и ввести быстрые поѣзда. Такимъ образомъ каждый будетъ имѣть возможность, безъ потери лишняго времени и лишнихъ средствъ, передвигаться, куда требуетъ его работа. Свободный человѣкъ въ свободномъ государствѣ долженъ имѣть возможность быстро и съ удобствомъ для себя явиться туда, гдѣ въ данный моментъ существуетъ спросъ на трудъ. Демократическое государство, національзируя желѣзныя дороги, будетъ стремиться къ введенію того же принципа, который принятъ уже на почтѣ для посылокъ, писемъ и телеграммъ. Дешевые тарифы, кромѣ того, дадутъ широкую возможность мелкимъ фермерамъ и огородникамъ отправлять свои продукты въ города на рынокъ. Дальше на очереди

стоитъ развитіе еще одной формы свободы, а именно свободный доступъ для всѣхъ къ силамъ природы. Въ настоящее время всюду въ промышленности все больше и больше примѣняется энергія нечеловѣческая. Цивилизація заключается въ освобожденіи мускульной и нервной силы человѣка отъ тяжелой, рутинной работы и въ замѣнѣ ея механической энергіей. Во многихъ отрасляхъ промышленности теперь успѣхъ или неудача обусловливаются удобнымъ или затруднительнымъ доступомъ къ этой энергіи. До сихъ поръ господствующей силой былъ паръ. Богатыя залежи каменнаго угля въ разныхъ мѣстахъ Англіи и соперничество многочисленныхъ угольныхъ копей между собою сдѣлали пользованіе этимъ двигателемъ не особенно затруднительнымъ. Теперь не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ Гобсонъ,—что мы находимся наканунѣ новой промышленной революціи, которая быстро замѣнитъ паръ электрической энергіей. Если всѣмъ фабрикамъ и мастерскимъ,—говоритъ Гобсонъ,—суждено находиться въ зависимости отъ электричества, которое при помощи усовершенствованія методовъ распредѣленія, можетъ децентрализовать многія отрасли промышленности и возродить значительное число кустарныхъ промысловъ; если, кромѣ примѣненія въ промышленности, электричество будетъ исключительно употребляться для тракціи и для освѣщенія,—то понятно, что вопросъ о накопленіи и распредѣленіи этой новой силы пріобрѣтаетъ для общества громадное значеніе. Переходъ контроля надъ этимъ важнымъ факторомъ въ руки частной компаніи гибельно отзовется на интересахъ общества и индивидуума. Производитель и потребители увидятъ передъ собою новую форму промышленной тираннія, пожалуй, еще болѣе стѣснительную, чѣмъ монополіи на землю или на желѣзныя дороги, отъ которыхъ (монополій) общество желаетъ теперь освободиться. Внѣ сомнѣнія, что проницательные дѣльцы употребляютъ уже и теперь всѣ усилія, дабы захватить въ свои руки новую силу—электричество и, такимъ образомъ, набить на ноги промышленному народу новыя колодки. Если каждый крупный или мелкій производитель и каждый обыватель въ отдѣльности, для приведенія станка въ движеніе, для освѣщенія или для изготовленія обѣда, вынуждены будутъ вступать въ частныя соглашенія съ мѣстнымъ отдѣленіемъ электрическаго синдиката, то мы будемъ имѣть еще горшій режимъ, чѣмъ тотъ, который созданъ теперь компаніями, монополизировавшими желѣзныя дороги. Электрическіе синдикаты будутъ держать въ своихъ рукахъ ключи промышленности. Отъ условій, наложенныхъ синдикатами, будетъ зависѣть расцвѣтъ или гибель цѣлой отрасли промышленности въ данномъ городѣ. Вопросъ въ высшей степени серьезенъ. Допустятъ ли парламентъ и муниципалитеты нарожденіе новой экономической деспотіи, съ которой придется потомъ отчаянно бороться и отъ которой надо будетъ откупаться? Вполнѣ возможно, что химія и физика въ ближайшемъ будущемъ найдутъ новые минеральные

источники энергіи (напр., радій). Возможно также, что наука устранитъ тѣ практическія затрудненія, которыя мѣшаютъ намъ пользоваться механической энергіей солнца или морскихъ приливовъ. Современное государство,—продолжаетъ Гобсонъ,—должно заранѣе принять мѣры для защиты общества отъ новыхъ формъ экономической тираніи. Съ этой цѣлью, по мнѣнію нашего автора, парламентъ долженъ издать законъ, объявляющій всѣ источники энергіи, какъ открытыя, такъ и не открытыя, достояніемъ короны. Парламентъ ни въ коемъ случаѣ не долженъ допустить, чтобы «въ вѣкъ радія» всѣ залежи смоляной руды попали въ руки монополистамъ.

Свобода промышленности требуетъ, чтобы источники *) энергіи, приводящіе въ движеніе всѣ машины, находились въ рукахъ общества, и чтобы всѣ имѣли доступъ къ нимъ на равныхъ условіяхъ.

Каждому производителю и торговцу необходимъ капиталъ. Кредитъ это — капиталъ. Торговецъ или промышленникъ не могутъ быть названы *свободными*, если они не имѣютъ возможности доставать на легкихъ и выгодныхъ условіяхъ необходимый имъ капиталъ. Послѣ войны и чумы ничто такъ не раззоряетъ мелкаго фермера, какъ необходимость прибѣгать къ ростовщикамъ въ неурожайные годы. Никакая серьезная земельная реформа невозможна, если параллельно съ этимъ не принимаются мѣры для спасенія крестьянина отъ клешней ростовщика. Въ опасномъ положеніи находится не только крестьянинъ. Всюду въ промышленныхъ городахъ мелкіе производители и лавочники, вслѣдствіе отсутствія дешеваго кредита, запутываются совершенно. Существуетъ мнѣніе, будто въ наше время новое дѣло можетъ открыть только человѣкъ, располагающій большимъ капиталомъ. Гобсонъ оспариваетъ это мнѣніе.

Даже въ главныхъ отрасляхъ промышленности рабочій, имѣющій опытность и практическія знанія, могъ бы открыть дѣло, если бы только имѣлъ возможность достать капиталъ на выгодныхъ условіяхъ. Теперь такой знающій рабочій долженъ или совершенно отказаться отъ намѣренія устроить самостоятельное дѣло, или ему надо обращаться къ фирмѣ, снабжающей мелкихъ производителей машинами (Въ Англіи фирмы эти называются *trade-furnishers*). Фирма даетъ машины съ разсрочкой платежа и выжимаетъ невѣроятные проценты. Банковое дѣло въ Англіи очень развито, но оно все больше и больше попадаетъ въ руки нѣсколькихъ большихъ объединившихся компаній. Банки обслуживаютъ только состоятельныхъ людей и въ теперешнемъ видѣ своемъ совершенно не могутъ явиться на помощь къ мелкимъ производителямъ. Даже фабриканты и прочно стоящіе торговцы испытываютъ иногда необходимость въ дешевомъ, эластичномъ кредитѣ и вынуждены обращаться къ ро-

*) «The Crisis of Liberalism». P. 102.

стовщикамъ или занимать въ банкахъ на такихъ же условіяхъ, которыя приковываютъ должника къ заимодателю. При современной системѣ капиталистическаго производства господствующимъ факторомъ является кредитъ. Все больше и больше фактическій контроль надъ промышленностью переходитъ отъ фабриканта и торговца къ финансисту. Ему же достается большая доля прибылей. Анализъ распредѣленія богатствъ обнаружилъ бы, что въ современномъ обществѣ все большая часть богатства достается владѣльцамъ подвижного капитала. Стѣсненіе въ кредитѣ для обыкновеннаго человѣка означаетъ слѣдующее. Если онъ имѣетъ возможность взять участокъ земли и знаетъ, какъ обращаться съ нею, ему необходимы деньги для пріобрѣтенія живого инвентаря, удобренія, сельско-хозяйственныхъ орудій и пр. Если даже этотъ человѣкъ имѣетъ кредитъ, то не можетъ достать деньги на выгодныхъ для себя условіяхъ. Отсутствіе дешеваго кредита невыгодно отзывается не только на интересахъ мелкаго фермера, ремесленника или лавочника, не могущихъ добиться самостоятельности (т. е. свободы), но и всего общества: знающіе, опытные и трудолюбивые люди не могутъ содѣйствовать накопленію цѣнностей и промышленному прогрессу. Что касается земледѣлія, то государство отчасти признаетъ создавшееся затруднительное положеніе и дѣлаетъ попытки помочь нуждающимся. Въ Англіи, напримѣръ, въ 1896 г. государство явилось на помощь къ помѣщикамъ, находящимся въ затруднительномъ положеніи. Законы о выкупѣ земли въ Ирландіи и о мелкихъ участкахъ въ Англіи (Small Holdings Act) допускаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ государственныя ссуды. Во многихъ странахъ кооперативные банки организовали систему дешеваго кредита не только для крестьянъ, но и для городскихъ работниковъ. Гобсонъ того мнѣнія, что не только необходима самая широкая организація народныхъ банковъ, но убѣжденъ, что за это должны взяться не частныя компаніи, а государство. Англичанинъ имѣетъ передъ собою *демократическое* государство. Онъ не представляетъ себѣ даже, что монополія банковаго дѣла въ рукахъ бюрократическаго государства можетъ превратиться въ страшное орудіе угнетенія, не говоря уже о глубокомъ развратѣ (въ смыслѣ казнокрадства и хищничества), который эта система, несомнѣнно, внесетъ. Когда то Герценъ говорилъ о современныхъ «Тамерланахъ съ телеграфами», т. е. объ азіатскомъ деспотизмѣ, воспользовавшемся послѣднимъ словомъ техники. Осуществленіе мысли Гобсона въ нѣкоторыхъ государствахъ дало бы намъ, кромѣ «Тамерлановъ съ телеграфами», еще «Тамерлановъ съ банками». Реформы системы кредита могутъ обсуждаться только тогда, когда основная реформа, т. е. дѣйствительный, а не призрачный, контроль населенія надъ своимъ правительствомъ является осуществившимся фактомъ.

Гражданинъ, имѣющій доступъ къ землѣ и къ естественнымъ богатствамъ ея, могущій съ удобствомъ для себя быстро и дешево

передвигаться, располагающій контролемъ надъ источниками энергіи и, въ случаѣ необходимости, обладающій дешевымъ кредитомъ,—сдѣлалъ большой шагъ по пути, ведущему къ дѣйствительной свободѣ; но это еще не все. Для дѣйствительной свободы необходимо сознаніе обезпеченности. У крестьянина, рабочаго, клэрка, мелочнаго лавочника и его приказчика,—словомъ, у значительной части населенія богатой и культурной Англіи этого сознанія нѣтъ. Болѣзнь добытчика можетъ въ любой моментъ ввергнуть его семью въ крайнюю нищету. Такой же результатъ можетъ явиться вслѣдствіе банкротства предпринимателя, колебанія на внѣшнихъ рынкахъ, введенія новыхъ машинъ, застоя въ торговлѣ или просто отъ перемѣны во вкусахъ публики. Два года тому назадъ всѣ мужчины носили галстухи съ готовыми бантами. Тысячи рабочихъ рукъ шили эти галстухи, приготовляли для нихъ патентованныя пряжки и застежки и пр. Выработанъ былъ рядъ усовершенствованій въ этихъ застежкахъ и пряжахъ. И вотъ мода мѣняется. Галстухи съ готовыми бантами становятся почти «неприличными». Всѣ начинаютъ носить завязанные «морскимъ узломъ» шарфы. И тысячи рабочихъ рукъ неожиданно оказываются праздными. Рабочіе, много лѣтъ приготовлявшіе патентованныя машинки для галстуховъ, оказываются на улицѣ. И это тогда, когда за плечами стоитъ уже старость. Я привелъ только одинъ конкретный примѣръ, хотя ихъ можно приводить сотнями. Въ Лондонѣ всѣ готовились къ «сезону», т. е. къ весеннимъ и лѣтнимъ мѣсяцамъ. Магазины наготовили на десятки тысячъ фунтовъ шелковыхъ тряпокъ всѣхъ цвѣтовъ. И вотъ неожиданно умираетъ Эдуардъ VII. Публика, покупающая цвѣтныя тряпки, вырядилась въ трауръ. Сотни лавочниковъ понесли большіе убытки и тысячи модистокъ и портнихъ очутились передъ началомъ самаго бойкаго времени года безъ работы. Въ современномъ обществѣ заработокъ людей, живущихъ силой своихъ мышцъ—нѣчто эфемерное, подверженное тысячамъ случайностей.

Только немногіе изъ всѣхъ этихъ случайностей могутъ быть предусмотрѣны. Средніе классы, въ особенности, люди профессіональные, очень часто находятся въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ и рабочіе. Благосостояніе ихъ и ихъ семействъ зависитъ отъ чистой случайности. Правда, въ Англіи широко развита система страховокъ, но страховыя общества не всегда вѣрны; въ особенности это относится къ обществамъ, къ помощи которыхъ обращаются рабочіе. Государство должно явиться на помощь; оно должно избавить гражданъ отъ вѣчнаго страха передъ завтрашнимъ днемъ. Какъ извѣстно, первый шагъ въ этомъ направленіи въ Англіи уже сдѣланъ въ видѣ закона о пенсіяхъ для престарѣлыхъ. Теперь правительство собирается сдѣлать и второй шагъ: оно вырабатываетъ проектъ государственной страховки на случай болѣзни и безработицы. Только при самой широкой поста-

новкѣ системы государственнаго страхованія рабочіе, клэрки и вообще люди, живущіе жалованьемъ, почувствуютъ себя свободными. Человѣкъ, средства къ существованію котораго могутъ быть уничтожены игрою слѣпого случая или промышленнымъ кризисомъ, не пользуется истинной свободой. Между тѣмъ обязанность каждаго культурнаго государства,—продолжаетъ Гобсонъ,—заключается въ обезпеченіи такой свободы каждому индивидууму.

Наконецъ, дѣйствительная свобода подразумѣваетъ открытый доступъ къ образованію и культурѣ. Безъ этого послѣдняго условія никакой дѣйствительный прогрессъ невозможенъ. Всякое современное государство, считающее себя культурнымъ, обязано принять такія мѣры, чтобы образованіе, какъ среднее, такъ и высшее, стало достояніемъ всѣхъ желающихъ. При нынѣшнихъ условіяхъ, въ Англіи 95% дѣтей рабочихъ классовъ получаютъ только начатки образованія. Не сдѣланы были сколько-нибудь серьезныя попытки открыть передъ массами широкій міръ литературы, искусства и науки. Необходимы не отрывочныя свѣдѣнія, а овладѣніе *методами* знанія.

Гобсонъ предостерегаетъ отъ одной опасности. «Она заключается въ соблазнѣ воспользоваться предложеніями, которыя дѣлаютъ иногда милліонеры, основывать университеты и колледжи для народа. Націи вообще не подобаетъ обращаться къ частной благотворительности, когда необходимо выполнить то, что составляетъ общественный долгъ. Такое обращеніе унижаетъ націю. Строить школы и университеты является первой обязанностью государства. Колледжи и университеты, основанные на частныя средства филантроповъ, никогда не будутъ дѣйствительно свободными. Исторія, политическая экономія, этика и даже біологія, преподаваемыя въ этихъ колледжахъ, поддерживаемыхъ на средства благотворителей, носятъ печать рабскаго подслуживанія и угодничества передъ платящими жалованье». Гобсонъ, какъ видитъ читатель, радикально расходится во взглядахъ съ континентальными публицистами, собственно говоря съ тѣми, которые видятъ передъ собою среднюю и высшую школу, являющуюся объектомъ безпрестанныхъ опытовъ со стороны бюрократіи. Въ такомъ государствѣ, если не свобода преподаванія, то хоть намекъ на это, можетъ существовать только въ частной школѣ. Гобсонъ имѣетъ въ виду государство демократическое, въ которомъ абсолютный контроль надъ правительствомъ находится въ рукахъ населенія.

«Невѣжественный, тупой, капризный народъ, болѣе интересующійся пивомъ, спортомъ и игрой, чѣмъ гражданскими идеалами, легко отрекается отъ своихъ правъ, когда опьяненъ воинственнымъ или коммерческимъ джингоизмомъ. Въ такомъ случаѣ народъ этотъ совершенно забываетъ про права демократіи. Искусные софисты-законники, писатели, политическіе вожди, ученые, священники становятся сознательными и безсознательными орудіями реакціи и

обскурантизма, обличая «несправедливыя, неосуществимыя и безнравственныя» домогательства народа. Необходимо поэтому,—говоритъ Гобсонъ,—воспитать такихъ народныхъ вождей, которые, обладая талантомъ и знаніями, могли бы разбивать теоріи софистовъ. Изъ колледжей, поддерживаемыхъ филантропами,—по мнѣнію Гобсона,—такіе вожди не могутъ выйти».

Итакъ, англійская деревня можетъ возродиться только одновременно съ англійской демократіей вообще. Деревнѣ необходима та же «дѣйствительная свобода», какъ и городскимъ массамъ. «Дѣйствительная свобода», по мнѣнію Гобсона, формулируется такъ: «свободная земля, свобода передвиженія, свободное пользованіе источниками энергіи, свободный кредитъ, обезпеченность на случай болѣзни и потери заработка и свободный доступъ къ знанію. Безъ наличности этихъ вольностей,—заканчиваетъ Гобсонъ,—никто не можетъ считать себя свободнымъ въ современномъ обществѣ».

Діонео.

Профессоръ, поэты, беллетристы и медикъ о любви.

(По поводу альманаха „Любовь“).

Можно побиться объ закладъ, что вы не угадаете, какая роль будетъ, въ нашей темѣ, принадлежать поэтамъ и какая медику.

Такъ какъ вы не угадаете, навѣрно, то перейдемъ сразу къ сборнику «Любовь», трактующему эту вѣчную тему поэтовъ въ нашемъ сѣдомъ, но все еще зеленомъ мірѣ,—по выраженію, кажется, Шелли.

По извѣстному выраженію другого поэта—Ѳедора Сологуба—«Любовь и смерть—одно и то же».

Относительно альманаховъ: «Любовь» и «Смерть»—это совсѣмъ вѣрно.

«Любовь»—новое изданіе «Новаго журнала для всѣхъ»—не хуже и не лучше «Смерти»—прошлогодняго изданія, о которомъ уже приходилось упоминать на страницахъ «Р. Б.» (янв:).

Девять поэтовъ-беллетристовъ разсказываютъ тайны любви, а десятый участникъ альманаха—«проф. Е. В. Аничковъ» (такъ значится въ оглавленіи и на обложкѣ). Его статья—послѣдняя въ альманахѣ. Впереди боевая молодежь, а онъ за нею: научно формулируетъ дѣло «молодежи» и

Тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.

Его заключительная статья и есть заключительно-удручающая вещь въ сборникѣ. Удручающая своей крайней папильонностью въ такомъ огромномъ, больномъ и сложномъ вопросѣ, какъ институтъ брака.

Философія г. Аничкова сводится къ положенію: changez vos dames, messieurs!—впредь до крушенія института частной собственности. И языкъ, и тезисы одинаково вульгарны. «Да. любовница лучше жены, это выводъ, къ которому нельзя не придти, осмысливая современный буржуазный бракъ»... И не думайте, что это относится только къ «буржуазному» браку. Для автора нѣтъ иного брака (сейчасъ), кромѣ буржуазнаго. Онъ совершенно точно оговариваетъ, что «любовь постоянная, любовь—бракъ» существуетъ лишь въ качествѣ пережитка. «Распадается, калѣчится въ городахъ выродившаяся въ буржуазный бракъ (и при томъ церковный, гражданскій, незаконный—это рѣшительно все равно) единая любовь, любовь—«неизгладимая печать». *И никто не жалѣетъ о ней.* Зачѣмъ? Кому это нужно? въ лучшемъ случаѣ—дѣло вкуса. Однолюбство! Чудачество! Конечно, никто не мѣшаетъ. Пожалуйста. Даже очень похвально. Но зачѣмъ?».

А еще жалуются, что профессора пишутъ скучнымъ языкомъ.

Ну, а дѣти? Профессоръ предвидитъ этотъ вопросъ со стороны только «ревнителей отживающей, извращенной половой морали» и потому самъ задаетъ себѣ этотъ вопросъ и находитъ, что ничего нѣтъ «глупѣе и безчестнѣе», какъ этотъ аргументъ. Онъ категорически утверждаетъ, что современнымъ «трудящимся и независимымъ» женщинамъ «не надо отцовъ». Онѣ хотятъ имѣть дѣтей, не привлекая къ заботамъ о нихъ ихъ физическихъ отцовъ.

И все это совершенно серьезно: о современности, о современныхъ условіяхъ—съ *нищенской* оплатой женскаго труда!

Но профессору, сотруднику не только «Любви», но и марксистскаго журнала, все это ничего: на этотъ разъ онъ долженъ «тяжкой твердостью своею крѣпить» боевыя стремленія «молодежи» и потому провидитъ поразительныя перспективы въ ученомъ жанрѣ. Ихъ нельзя передать своими словами—во избѣжаніе упрека въ неточности, приведемъ слово въ слово: «Не надо отцовъ. Все равно, отцамъ дѣти обуза, либо наслѣдники. Право независимой женщины имѣть ребенка увѣнчаетъ зданіе свободной любви, и человѣчество, къ радости антропологовъ, доказавшихъ, что нѣкогда существовала система поліандріи и система матерей и тотемизмъ и *безпорядочное сожительство*, *женовластіе* и всѣ прочіе *прелести* первобытной свободы, вернется ко *всему* этому...»

Мы думаемъ, что почтенный профессоръ все таки немножко увлекся. Неужто *всѣ* эти «прелести», выражаясь красочнымъ языкомъ автора, должны вернуться вмѣстѣ? Если вернется такая «прелесть», какъ «безпорядочное сожительство половъ», то, право,

нѣтъ никакой надобности еще и въ «*системѣ*» поліандріи (многомужества)!

Во всякомъ случаѣ, насъ или нашихъ потомковъ (ближайшихъ) ожидаетъ «прелесть» «безпорядочнаго сожительства»!

Любопытно, что этимъ ученымъ терминомъ авторъ воспользовался въ рѣшительной формѣ, а затѣмъ задалъ себѣ повторительный вопросъ: «Неужели одухотворенная, высоко вознесшаяся любовь, не любовь самца къ самкѣ, а восторгъ души, любовь hominis sapientis... осталась позади, сгинула вмѣстѣ съ схоластикой (?) и романтизмомъ, и не осталось въ удѣлъ человѣку ничего, кромѣ легкихъ быстрыхъ схожденій на время, когда пожаромъ загорается плоть?..»

Обрадовавшіеся антропологи, естественно, будутъ озадачены этимъ вопрошеніемъ самого себя. Вѣдь если вернется, къ ихъ радости, «безпорядочное сожительство», то, казалось бы, не нужно никакихъ дальнѣйшихъ отвѣтовъ самому себѣ съ еще болѣе утвержденною точкой надъ і. Все и такъ ясно.

Но «антропологи» могутъ успокоиться. Г. Аничковъ задалъ себѣ вопросъ не для того, чтобы отвѣтить отрицаніемъ.

Правда, кромѣ «легкихъ быстрыхъ схожденій» и кромѣ брачныхъ «грязей вдвоемъ» понынѣ существуетъ—г. Аничковъ знаетъ это—«любовь—постоянная, любовь—бракъ». Но эта «любовь одухотворенная» существуетъ—по г. Аничкову—лишь въ качествѣ «пережитка» («*Пережитки* этой самой красивой и благородной любви на лицо».)

О томъ, что такая любовь стала пережиткомъ, можно жалѣть, но это фактъ.—Фактъ «современности».

Но обрадовавъ «антропологовъ», профессоръ непрочь обрадовать и моралистовъ.

Онъ допускаетъ, что современная «множественная любовь» вновь трансформируется въ направленіи «постоянной любви».

Но это будетъ не раньше полнаго крушенія института частной собственности.

Пока же мы должны подчиниться ходу исторіи и ожидать наступленія вразъ «веѣхъ прелестей первобытной свободы» вплоть до «безпорядочнаго сожительства».

Такъ провидитъ ближайшее будущее «проф. Е. В. Аничковъ», сотрудникъ «Любви» и марксистскаго журнала.

По этой ученой «прелести», вѣнчающей прелести «Любви», вы можете почти догадаться о прелестяхъ у поэтовъ-беллетристовъ.

Среди нихъ пальма первенства принадлежитъ двумъ: г. Сергѣю Городецкому и г. Осипу Дымову.

Конечно, у обоихъ тайна пола. Разсказъ одного называется: «Въ петлѣ», а драма другого — «Пути Любви» (съ большой буквы).

Но, конечно, это не въ серьезъ. Какая тамъ «тайна»!

Какой же серьезный человѣкъ не знаетъ, что въ этомъ нѣтъ никакой «тайны». Есть «рай», есть «адъ»—это какъ сложатся обстоятельства. Но нѣтъ ровно никакой тайны. Въ основѣ все ясно, какъ у профессора Е. В. Аничкова. «Пожаръ плоти»!

Ради справедливости отмѣтимъ, что и г. Городецкій, и г. Дымовъ философію г. Аничкова принимаютъ не сполна. Пожаръ они принимаютъ, но рѣшительно отказываются признать, что этотъ пожаръ можно такъ легко потушить «быстрыми легкими схожденіями» даже и при наличіи института частной собственности.

Профессоръ рѣшился на такое утвержденіе съ легкостью мотылька только потому, что онъ не прочелъ въ корректурѣ адски страшный разсказъ своего товарища по «Любви», г. Городецкаго.

Ибо если бы онъ прочелъ, онъ зналъ бы, что значитъ пожаръ плоти. Онъ зналъ бы, что въ этомъ случаѣ—нѣтъ спасенія.

Ибо г. Городецкій разсказываетъ ужасную исторію о томъ, какъ юная дѣвушка, дочь хозяйки меблированныхъ комнатъ влюбилась въ ...жандармскаго подполковника Синяго (фамилія).

Въ подполковникѣ многое отвратительно для дѣвушки. Во-первыхъ, у него нѣтъ двухъ пальцевъ на лѣвой рукѣ, шея красная, а ростъ короткій, что очень важно для возможности «пожара» въ смыслѣ г. Аничкова. А во-вторыхъ, Синій завѣдуетъ исполненіемъ смертныхъ казней на Лисьемъ Носу...

Но «пожаръ» оказывается безмѣрно сильнѣе отвращенія, и передъ нами шагъ за шагомъ развертывается трагедія пола... Доходитъ дѣло до того, что героиня ѣздитъ по лавкамъ закупать приданое, и ей кажется, что продаютъ удавленники.

Кончается адское чувство, конечно, смертью. Героиня ѣдетъ съ подполковникомъ въ загородный петербургскій ресторанъ. Поѣхала. Пріѣхала и умерла. Но раньше успѣла отчитать жениха:

— Ахъ, ты, машина скверная, вычищенная, вылощенная, подъ человѣка сдѣланная, съ глазами и лбомъ, съ добрыми глазами, съ умнымъ лбомъ! Какъ ты смѣешь ходить, и жить, и обманывать?... Вѣдь я полюбила тебя, беспалаго, красношеяго, короткаго урода, всей кровью и всѣмъ тепломъ на всю жизнь и на послѣ смерти.

Вотъ какая страшная штука—любовь въ «Любви» у г. Городецкаго.

Совсѣмъ какъ поется въ старой веселой пѣсенкѣ:

Глаза твои коварные—
Охъ, охъ, охъ!
Зажгли огонь въ душѣ моей,
И не зальютъ его пожарные
Тринадцати частей!

Разница только въ томъ, что въ старой комической пѣсенкѣ упоминается «душа», а въ серьезной трагической вещи г. Городецкаго любятъ «всей кровью и всѣмъ тепломъ» машину скверную,

вычищенную и вылощенную... Но результатъ одинъ: никакіе пожарные не зальютъ этого пожара. Не поможетъ даже смѣрть. Огонь перейдетъ даже и въ загробную жизнь.

Разъ героиня вспыхнула, «безпалый, красношеій, короткій уродъ» застрахованъ: онъ будетъ предметомъ по-истинѣ адской любви «въ петлѣ» даже и «послѣ смерти».

Вотъ какая страшная вещь—тайна пола, вскрываемая г. Городецкимъ въ разногласіи съ профессоромъ.

Ужасъ читательскій смягчается только читательскимъ недоумѣніемъ.

Какъ извѣстно, послѣ смерти кровь свертывается, и тѣло остываетъ. Чѣмъ же «послѣ смерти» будутъ любить герои г. Городецкаго, влюбленные другъ въ друга «кровью» и «тепломъ»? Этого довольно для любви maximum «на всю жизнь». Но недостаточно «на послѣ смерти»!

Это, впрочемъ, единственный логическій упрекъ, который можетъ быть сдѣланъ автору. Противъ остального въ разсказѣ со стороны читателя не встрѣчается препятствій. Такъ—пусть такъ. Пусть все такъ. Пусть благочувствительныя дѣвы фатально любятъ «скверныя машины», скверно сдѣланныя г. Городецкимъ подъ жандармскаго подполковника. Это ничуть не странно, разъ сами дѣвы тоже очень скверно сдѣланы подъ человѣка; нельзя только заставлять своихъ героевъ любить «кровью» и «тепломъ» «послѣ смерти». Достаточно въ такихъ случаяхъ ограничиваться любовью только «на всю жизнь».

Изъ категоріи непріемлемаго долженъ быть отмѣченъ у г. Городецкаго еще литературный языкъ.

Это тоже очень «скверная мащина», сдѣланная подъ «стиль» Сергѣя Городецкаго.

Сдѣлано это очень просто. Напримѣръ, окна у г. Городецкаго «вливаютъ в е д р а м и розовато-сѣрую мглу зари, отраженной окнами напротивъ». То же самое дѣлаетъ и авторъ. Онъ вливаетъ „ведрами мглу», составленную изъ смѣси манерности и простого невѣдѣнія русскаго языка. Въ силу манерности—на 223-ой страницѣ «темнота однимъ прыжкомъ выскочила изъ угла». Въ силу невѣдѣнія у автора встрѣчаются такіе перлы: «Принявъ воду, Нонна Николавна опять закрылась у себя». Какъ вы думаете, что это значитъ? Какую воду приняла? Вы склонны, конечно, подумать объ аптекѣ, но вы ошибаетесь. Путемъ такихъ гипотезъ вы не угадаете, какъ это Нонна Николавна «закрылась» послѣ того, какъ «приняла» воду? Ибо она вовсе не лѣчится, а просто сидитъ у себя въ комнатѣ и варитъ кофе. Такъ какъ ей принесли воду (въ кофейникѣ), и она, получивъ кофейникъ, з а к р ы л а д в е р ь въ свою комнату, то это и значитъ по г. Городецкому—«закрыться, принявъ воду».

Перейдемъ къ г. Осипу Дымову.

Онъ счастливѣе г. Городецкаго, ему удается не только поста-

вить вопросъ ребромъ, но и освѣтить это ребро,—удается опредѣлить «пути Любви» (съ большой буквы), какъ именуется его пьеса.

Мы уже видѣли у г. Городецкаго, какіе бываютъ трагическіе случаи отъ любви «на всю жизнь и на послѣ смерти» къ безпалому уроду и скверной машинѣ.

Отчего же это бываетъ?

У г. Дымова это знаютъ досконально: и герой и героиня,—безъ разъясненій г. Аничкова.

Героиня такъ освѣщаетъ Любовь съ большой буквы:

> «Да, я его любила, васъ—нѣтъ. Почему? Онъ былъ гораздо выше васъ ростомъ. Онъ иначе двигался, у него были другіе глаза и совсѣмъ другія уши. Да, уши были совсѣмъ другія».

А въ слѣдующемъ дѣйствіи герой говоритъ то же, но въ другихъ выраженіяхъ (не упоминается только о «совсѣмъ другихъ ушахъ»).

> Ты мнѣ сказала *самую большую правду жизни*: любятъ потому, что разстояніе между глазами именно столько-то сантиметровъ съ дробью, столько-то футовъ росту, такое-то разстояніе между носомъ и ртомъ, такая походка, а не иная. Это точно, какъ математика.

И такъ какъ это вѣрнѣе смерти и, во всякомъ случаѣ, точно, какъ математика, то все становится убѣдительно и понятно. Понятно, что героиня г. Городецкаго любила жандармскаго подполковника любовью «на послѣ смерти». Понятно, что герои г. Дымова любятъ другъ друга.—У всѣхъ у нихъ есть разстояніе между глазами, которое можно измѣрить въ метрической системѣ—сантиметрами съ дробью (почему же въ такомъ случаѣ—не миллиметрами?), а ростъ — въ англійскихъ футахъ. А это все, что требуется для Любви съ большой буквы.

Какъ переплетаются при такихъ условіяхъ пути любви, догадаться не трудно.

Мы могли передать сжато разсказъ г. Городецкаго. Относительно драмы г. Дымова это невозможно: ни силъ не хватитъ, ни умѣнья.

Потому ограничимся только оригинальнымъ, остроумнымъ концомъ драмы и нѣкоторыми подробностями.

Конецъ драмы вотъ какой: послѣ странствій по путямъ любви жена принимаетъ ядъ; принявши, оповѣщаетъ мужа, но запрещаетъ ему звать доктора и при этомъ весьма сожалѣетъ, что мужу-лѣсопромышленнику недавно отдавило ногу бревномъ:

«Жаль, что ты хромаешь».

Почему жаль? Не догадывайтесь—не угадаете, какъ не угадали ничего у г. Городецкаго. Вотъ почему жаль:

> Жаль, что ты хромаешь. Если ты встрѣтишь дѣвушку и захочешь ее получить (sic), она откажетъ тебѣ изъ-

за того, что ты хромаешь. Онѣ вѣдь глупыя дѣвушки, ничего не понимаютъ.

Такъ какъ люди за нѣсколько минутъ передъ смертью не склонны шутить, то вы не имѣете права смѣяться... Рѣчь идетъ о «тайнѣ пола», которая сейчасъ будетъ стоить жизни человѣку и которая сейчасъ—сію минуту—заставитъ героя послать за полиціей.

Какъ «за полиціей»?—спросите вы и обнаружите вновь свое невѣдѣніе того, что твердо знаетъ авторъ: о всякой скоропостижной смерти, а тѣмъ больше о насильственной надлежитъ безотлагательно увѣдомлять полицію. Этого требуетъ законно-изданный уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Это забыли вы, но этого не забылъ неожиданный законникъ-драматургъ.

Впрочемъ, къ полиціи онъ переходитъ не сразу. Предшествуютъ тонкія психологическія подробности.

Жена еще жива. Ей остается жить три страницы. И такъ какъ она не согласна позвать доктора, то мужъ сидитъ и слушаетъ предсмертныя мысли жены. Конечно, это—мысли, трагично маленькія по сравненію съ огромнымъ фактомъ надвигающейся смерти! «Я помню, какъ плескалась вода, когда ты умывался»,—умирающая вспоминаетъ именно это...

Послѣ этой подробности мужъ цѣлуетъ отравившуюся жену въ лобъ. Она умираетъ, а мужъ скромно констатируетъ: «Какъ скромно умерла!»

Слѣдующая фраза (безъ всякихъ промедленій) принадлежитъ полиціи.

Надо послать за полиціей. Осиротѣвшій мужъ торопится, зоветъ прислугу и велитъ идти «*сейчасъ* въ полицію», успокаивая прислугу: «Сейчасъ же. *Это близко*».

Въ наше время всеобщей растерянности и незнанія, что дѣлать, драма г. Дымова почти несравненное происшествіе.

Подумать только, какая выдержка характера и какое самообладаніе! И какое уваженіе къ чужой волѣ. Не велѣла жена звать доктора—подчинился! Запретила бы звать полицію—тоже подчинился бы! Но она не запретила и въ моментъ послѣдняго издыханія—полиція уже освѣдомлена, поскольку это въ волѣ автора!

Несравненная психологія! великолѣпная, утѣшительная пьеса! И какіе въ ней всѣ герои честные и умные! Особенно мы стали бы отстаивать ихъ честность. Взять хотя бы такой эпизодъ: молодой человѣкъ предлагаетъ курсисткѣ взять его подъ руку; курсистка г. Дымова отвѣчаетъ: «Подъ руку я не пойду. Хотя вы такой идеалистъ, что съ вами можно (!)».

Развѣ это не умиляетъ васъ?

Мы, впрочемъ, пропустили такой же «пожарно»-идеалистическій эпизодъ и у г. Городецкаго. У этого студента сидитъ *рядомъ* съ невѣстой подполковника, и г. Городецкій старается воздать ему должное *уже отъ своего лица*: «Онъ зналъ, что Лида невѣста и, пре-

одолѣвая тѣсноту, *честно* старался не прикасаться къ Лидѣ и, кромѣ того, вообще старался «отвѣчать неудовлетворительно и быть сѣрымъ».

Развѣ вы задумались бы выдать премію и за добродѣтель, и за пошлость? И героямъ, и авторамъ.

Остается отмѣтить еще одну родственную черту между г. Дымовымъ и г. Городецкимъ. Оба относятся безъ всякаго «идеализма» къ требованіямъ русской рѣчи, обращаясь съ нею въ высшей степени вольно (Оговоримся, что и здѣсь г. Дымовъ превосходная степень отъ г. Городецкаго).

Послѣ глагола «хотѣть» г. Дымовъ, напр., ставитъ дополненія въ винительномъ падежѣ и герои у него говорятъ въ такомъ родѣ: «Хотите яблоки?» «Хочешь подарокъ?» А то говорятъ: «я одѣваю ей множество... вещей». Или спрашиваютъ: «Вы не знаете, что такое любовь?» и разъясняютъ (въ ту же строку—слѣдомъ), что это значитъ: «бѣгать безъ шляпы по городской площади *ей* навстрѣчу и громко стонать, такъ что оборачиваются прохожіе».

Однако, мы охотно примирились бы съ этимъ. Пусть герои г. Дымова бѣгаютъ по площади навстрѣчу площади (или любви?) и стонутъ такъ, что оборачиваются прохожіе. Но зачѣмъ онъ заставляетъ своихъ героевъ говорить объ Ибсенѣ?

Между тѣмъ, объ Ибсенѣ говорятъ въ «Путяхъ любви» и, мало того, бранятся именемъ одной его драмы!.. Бѣдный Ибсенъ! могъ ли онъ ожидать, что найдется въ Россіи коллега-драматургъ, который «женщину съ моря» будетъ трактовать такимъ же образомъ, какъ Тяпкинъ-Ляпкинъ трактовалъ слово «моветонъ!» А между тѣмъ русскій коллега Ибсена сдѣлалъ именно это: героиня г. Дымова (бывшая *курсистка*) очень обижается, когда ее зовутъ «женщиной съ моря». Она волей автора полагаетъ, что это нѣчто очень зазорное съ точки зрѣнія женской чести. Близкіе ей люди тоже полагаютъ, что «это» гораздо хуже «моветона!» Объ этомъ говорится не разъ. Одинъ «ученый» (по рекомендаціи г. Дымова) не рѣшается въ женскомъ обществѣ объяснить, что это значитъ: «женщина съ моря», и ограничивается словами: «Я не могу допустить, чтобы такъ говорили про человѣка, который мнѣ близокъ...» Въ концѣ концовъ героиня почти догадывается: «я чувствовала, что это совсѣмъ скверное...» Черезъ страницу дѣло оказывается еще безнадежнѣе: героиня заявляетъ съ чувствомъ душевной жути: «...мнѣ сдѣлалось все равно. Я махнула рукой: пусть я буду «женщина съ моря!»

Надѣемся, что читатель теперь повѣритъ, что герои г. Дымова, такъ же, какъ и г. Городецкаго, не только честные, но и умные люди.

Какъ видите, отъ руки г. Дымова одинаково пострадали и грамматика, и Ибсенъ. Впрочемъ, Ибсенъ потерпѣлъ сильнѣе. Его героиней—чистой изъ чистѣйшихъ—бранятся какъ непристойнымъ словомъ. А грамматикой хоть не бранятся!

Но мы уклонились въ сторону. Наша рѣчь не объ Ибсенѣ, а только о Любви съ большой буквы.

Резюмируемъ же то, что мы узнали отъ одного профессора, одного беллетриста и одного драматурга.

Профессоръ утверждаетъ, что любовь есть пожаръ, который при современной экономической структурѣ общества цѣлесообразнѣе погашать легкими быстрыми схожденіями.

Беллетристъ считаетъ, что любятъ «всей кровью и всѣмъ тепломъ». Сообразно съ этимъ «пожаръ» профессора онъ принимаетъ, но думаетъ, что профессоръ нѣсколько легкомысленно оцѣниваетъ серьезность такихъ пожаровъ. Самъ онъ очень серьезно оцѣниваетъ опасность этихъ пожаровъ. Въ интересахъ трагедіи пола онъ готовъ допустить, что профессорскій «пожаръ» можетъ растянуться и «на послѣ смерти». Если этому допущенію можетъ помѣшать его собственный, только что установленный тезисъ относительно любви «кровью» и «тепломъ», онъ готовъ отказаться и отъ тезиса. Богъ съ нимъ—съ тезисомъ! Для него важенъ не тезисъ, а тайна пола, заставляющая дѣвицу пригорѣть къ жандармскому полковнику-уроду любовью «неистребимою ничѣмъ и свыше всякихъ пытокъ сильною».

Драматургъ прибавляетъ къ этому нѣсколько тонкихъ деталей. *Первая деталь*: пожарная опасность зависитъ отъ величины разстоянія между глазами, которое измѣряется числомъ сантиметровъ съ дробью, и отъ роста, который измѣряется въ футахъ. *Вторая деталь*: хромота гораздо хуже, чѣмъ отсутствіе пальцевъ. Ибо если хромой встрѣтитъ дѣвушку и «захочетъ ее получить, она откажетъ» хромающему «изъ-за того, что онъ хромаетъ. Онѣ вѣдь глупыя, эти дѣвушки, ничего не понимаютъ». *Третья деталь*: если жена хромого, извѣдавъ всѣ пути и перепутья любви, отравится,—хромой долженъ не забыть увѣдомить о семъ полицію, дабы не отвѣчать по закону.

Съ насъ больше, чѣмъ достаточно.

Развѣ это литература, а не «Голодная Степь» безъ признаковъ дѣйствительной мысли?

Хотите ясно, до осязательности, ощутить интеллектуальную бѣдность современной художественной литературы въ вопросѣ о *человѣческой* любви?

Хотите компенсировать это впечатлѣніе и получить доказательство, что жива *поэзія* человѣческой любви и жива сложная правда о ней: *обѣ* живы въ современной литературѣ.

Хотите?

Въ такомъ случаѣ забудьте о поэтахъ и возьмите книгу нѣмецкаго медика.

Мы говоримъ совершенно серьезно.

Это—книга, переведенная въ серединѣ прошлаго года. Назы-

вается она: «Половая жизнь нашего времени» и принадлежитъ доктору медицины Ивану Блоху изъ Шарлоттенбурга.

Не смущайтесь тѣмъ, что въ предисловіи упоминается въ числѣ критиковъ книги знаменитый врачъ, про котораго вы узнаете дальше, что онъ изучаетъ вопросъ о прививкѣ сифилиса.

Не пугайтесь всего этого.

Передъ авторомъ-медикомъ стоитъ не фантастическая тайна мистиковъ и словесниковъ, а подлинная дѣйствительная тайна реальности. Наибольшая и огромнѣйшая изъ всѣхъ тайнъ. Вѣрнѣе, единая Тайна.

И авторъ не тайновидецъ, какъ именуютъ себя современные дервиши художественной литературы.

Авторъ—медикъ, ученый. Онъ сотрудникъ спеціальнаго органа-ежегодника, посвященнаго этнологіи и фольклору половой жизни; въ этомъ органѣ работаютъ врачи, фольклористы, этнологи и антропологи, но не изъ тѣхъ, что обрадуются, по словамъ проф. Е. В. Аничкова, возрожденію въ современномъ мірѣ «прелестей» въ родѣ «безпорядочнаго смѣшенія половъ» (о, профессоръ, профессоръ!).

Авторъ—ученый. Онъ ничего не выкидываетъ изъ своего кругозора. Не выкидываетъ сифилиса, не выкидываетъ гомосексуализма: говоритъ о немъ, оправдываетъ съ точки зрѣнія аномалій въ психофизіологическомъ развитіи.

Но на его счастье онъ не поэтъ и потому въ его точномъ, исчерпывающемъ анализѣ «тайны полы»—человѣческая любовь все-таки обвѣяна поэзіей правды... Онъ тоже знаетъ, про Ничшевскій большой разумъ—человѣческое тѣло. Онъ тоже знаетъ про «пожаръ плоти». Но онъ знаетъ, что это только *начальный этапъ* въ психологіи человѣческой любви, этотъ «пожаръ плоти». Для него это только «примитивныя» основы, сказавшіяся еще въ сѣдой старинѣ. И изъ этихъ примитивныхъ основъ выросло огромное культурное явленіе—человѣческая любовь.

Онъ считаетъ нужнымъ подчеркнуть, что слово «любовь» примѣнимо только къ человѣку. Только относительно него можно говорить о «любви».

Эта «любовь»—по словамъ автора и цитируемыхъ имъ ученыхъ—характерная особенность человѣка, начиная съ «самыхъ низшихъ степеней культуры». Уже на этихъ «самыхъ низшихъ» ступеняхъ произошло—по выраженію одного изъ цитируемыхъ—«счастливѣйшее и величайшее событіе въ человѣческой исторіи»—«отрѣшеніе человѣка отъ голаго инстинкта».

Бѣдный профессоръ альманаха о «Любви» съ «быстрыми, легкими схожденіями!».

Что же такое любовь современнаго культурнаго человѣка (въ ея нормальныхъ образцахъ) съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ ученыхъ?

Мы уже знаемъ, началось съ «отрѣшенія человѣка отъ голаго инстинкта». Это было «началомъ стремленія къ свободѣ; оно то и привело постепенно къ тому, что высшіе чувственные тоны ощущеній стали выступать все болѣе и болѣе явственно. Элементарныя влеченія связались съ ощущеніями наслажденія и отвращенія, какъ душевными реакціями... изъ голаго вожделѣнія, чисто инстинктивнаго влеченія... развивается любовь, сущность которой составляетъ тѣсное соединеніе физическихъ ощущеній съ чувствами и мыслями, со всѣмъ духовно-эмоціональнымъ бытіемъ человѣка».

Итогъ эволюціи авторъ резюмируетъ при помощи литературной ссылки: «Любовь»,—говоритъ Шарль Альберъ,—«есть результатъ всѣхъ успѣховъ человѣческой дѣятельности во всѣхъ областяхъ и во всѣхъ направленіяхъ. Прогрессъ ея идетъ рука объ руку съ прогрессомъ во всѣхъ другихъ сферахъ. Вѣдь человѣкъ есть недѣлимое цѣлое, его только въ теоріи можно дробить на отдѣльныя сферы, въ дѣйствительности же всѣ области человѣческаго развитія такъ тѣсно связаны одна съ другой, что прогрессъ въ одной изъ нихъ идетъ на пользу всѣмъ остальнымъ».

Цитируемый (Блохомъ) авторъ перечисляетъ нѣкоторые факторы, создавшіе изъ біологическаго «пожара» огромное соціально-психологическое явленіе любви.

Этими факторами были: «Прогрессирующая психическая утонченность и дифференціація человѣческаго типа; *перевѣсъ интеллекта* и чувства *) надъ грубой силой; измѣненіе соціальнаго отношенія между мужчиной и женщиной подъ вліяніемъ *экономическихъ* условій или религіозныхъ и моральныхъ *идей*; уваженіе къ личности; обезпеченіе удовлетворенія настоятельныхъ житейскихъ нуждъ и *поднятіе и усложненіе* въ силу этого половой жизни; вліяніе стремленія къ идеальной *красотѣ* въ психическомъ и моральномъ смыслѣ».

Цитата заканчивается слѣдующими словами: «все это и многое другое способствовало созданію половой любви, какъ мы ее теперь понимаемъ и ощущаемъ. *Любовный языкъ нашего времени есть сжатое выраженіе всего человѣческаго прогресса.* Разница между животной похотью и возвышеннымъ чувствомъ любви въ точности соотвѣтствуетъ разстоянію, отдѣляющему первобытнаго человѣка, выдѣлывающаго себѣ изъ кремней кое-какія неуклюжія орудія, отъ культурнаго человѣка, дѣлающаго силы природы своими слугами при помощи безчисленныхъ машинъ».

Не правы ли мы, утверждая, что вамъ не догадаться, какую роль въ освѣщеніи Любви (съ большой буквы) займутъ поэты и какую—медикъ?

Вѣдь мы только-что, до медика слышали о «легкихъ, быстрыхъ схожденіяхъ», въ качествѣ психологіи современнаго куль-

*) Курсивъ нашъ.

турнаго человѣка и только что слышали объ ужасныхъ пожарахъ на очень просто разумѣемыхъ «путяхъ Любви».

Право, какъ хорошо, что кромѣ поэтовъ и словесниковъ существуютъ еще и ученые! И какъ жаль, что поэты, провидцы тайнъ, не занимаются хоть немножко медициной и этнологіей!

Впрочемъ, они не занимаются даже школьной грамматикой.

Однако, если не шутить, мы переживаемъ печальную литературную полосу. Вѣдь это поистинѣ «голодная степь». Ставятся проблемы безъ конца, слово «тайна» терзаетъ слухъ, какъ шарманочный мотивъ. А въ дѣйствительности ничего, кромѣ бѣдныхъ, бѣдныхъ мыслей—вѣрнѣе, словъ. Задайте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ: въ какой области вы узнали что-нибудь новое изъ гордой самодовлѣющей современной литературы? Вѣдь ровно ничего! Въ лучшемъ случаѣ—насчетъ того, что антропологи очень будутъ рады возвращенію сезона «прелестей» изъ временъ до-исторической культуры.

Однако, намъ могутъ возразить—съ извѣстной правдоподобностью,—что мы ограничили свой анализъ второстепенными художниками: г. г. Городецкимъ и Дымовымъ.

Это вѣрно, но не совсѣмъ.

Во-первыхъ, второстепенные гораздо характернѣе для улавливанія уродствъ всякаго литературнаго движенія, чѣмъ первоклассные художники, слишкомъ одаренные, чтобы впасть въ смѣшную нелѣпость.

Во-вторыхъ, о г. Сергѣѣ Городецкомъ мы еще недавно слышали воззваніе: «Обратите вниманіе (цитируемъ на память)—у Сергѣя Городецкаго—профиль Гоголя». Такъ что и г. Городецкій не малый писатель, если намъ важно знать, какой у него профиль.

То-же самое и о г. Дымовѣ. Объ немъ мы тоже читали, что его пьеса «будетъ» ставиться въ Берлинѣ. Значитъ, и онъ не пренебрегаемая величина.

И «проф. Е. В. Аничковъ»—тоже. О немъ мы знаемъ, что онъ живетъ, находится въ центрѣ новѣйшихъ литературныхъ интересовъ и исканій.

Въ-третьихъ, мы готовы говорить и о первоклассныхъ.

Вѣдь г. Валерій Брюсовъ—первоклассный, несомнѣнно.

Будемъ говорить о немъ. Точнѣе—будемъ говорить о нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ въ «Путяхъ и перепутьяхъ». Такъ какъ сюда вошли лишь избранныя стихотворенія г. Брюсова, то мы имѣемъ право считать ихъ характерными для него.

Стихотворенія эти посвящены любви и... проституткамъ.

Вотъ стихотвореніе, озаглавленное «Любовь»:

Любовь находитъ черной тучей.
Молись, познавъ ея приходъ!
Не отдавай души упорству,
Не уклоняйся, но покорствуй!

И кто-бъ ни подалъ кубокъ жгучій,—
Въ немъ даръ таинственныхъ высотъ.

Впрочемъ, это «молись», повидимому, попало въ стихотвореніе только отъ избытка воодушевленія.

И короче—«убѣжденія» г. Брюсова должны быть формулированы по профессору, т. е. однимъ словомъ: «Принимай».

По крайней мѣрѣ, о «молитвѣ» ничего не упоминается въ лирическомъ изліяніи по адресу «жрицъ случайной любви», подающихъ «кубокъ жгучій».

Это очень характерное, спокойное, уравновѣшенное по-истинѣ «Брюсовское» стихотвореніе:

Я люблю въ глазахъ оплывшихъ
И въ окованной улыбкѣ
Угадать черты любившихъ—
До безумья, до ошибки.

Прочитать въ ихъ лживыхъ ласкахъ,
Въ повторительныхъ движеньяхъ,
Какъ въ безсмертно-вѣрныхъ сказкахъ
О потерянныхъ томленьяхъ.

За безсиліемъ безстрастья,
Не обмануть дѣтской ложью,
Чую ночи сладострастья,
Сны, пронизанные дрожью,

Чтя, какъ голосъ неслучайный,
Жажду смерти и зачатій,
Я люблю за отблескъ тайны
Сонъ заученныхъ объятій.

Читаешь и не знаешь: что это—въ серьезъ или не въ серьезъ? Вѣдь это разсматривается, съ точки зрѣнія знатока, не приборъ эротическій, а «живой человѣкъ—да еще съ «оплывшими глазами», *принужденный* къ «лживымъ ласкамъ» и «заученнымъ объятьямъ»! Вѣдь это *купленный* человѣкъ!

А *поэтъ* разсматриваетъ его, какъ искусно сдѣланную машину, и протоколируетъ все, что ему кажется занимательнымъ! Дважды говоритъ: «я люблю». Люблю такую-то подробность: люблю—«сонъ заученныхъ объятій»!

Что же это? жестокость? moral insanity?

Конечно, ни то, ни другое. Это просто выдумка и не умная—совершено въ такомъ же родѣ, какъ «жажда зачатій», чтимая поэтомъ, въ примѣненіи къ проституткѣ.

Это катастрофа не морали, не чувства, не человѣческой природы, а катастрофа мысли и художественной честности, по выраженію А. Г. Горнфельда.

Просто символъ вѣры обязываетъ воспѣвать жрицъ, подающихъ кубокъ жгучій.

Въ самомъ дѣлѣ если професоръ правъ и всякая современная любовь есть только пожаръ плоти, то чѣмъ несчастна «жрица»?

Ничѣмъ.—Отчего же ей не писать хотя бы въ альбомъ.

И пишутъ.

Вы знаете, между прочимъ, *гдѣ* напечатано приведенное стихотвореніе, посвященное «Случайной»?

Если вы не обратили на это вниманія при чтеніи «Путей и перепутья», то опять не догадаетесь.

У г. Брюсова есть отдѣлъ, посвященный «Близкимъ». Таково заглавіе.

Въ этомъ отдѣлѣ перечислены «близкіе» автору люди. Это—Лейбницъ, Лермонтовъ, Бальмонтъ, *самъ* г. Брюсовъ, два неизвѣстныхъ, обозначенныхъ иниціалами.

И, наконецъ,—упомянутая «жрица»!

Такимъ образомъ г. Брюсовъ хочетъ подчеркнуть свою послѣдовательность: ему, на самомъ дѣлѣ, все равно, «кто бъ ни подалъ кубокъ жгучій».

Но, повторяемъ, все это скверная выдумка—свидѣтельство о бѣдности психологическаго анализа и неспособности не только разрѣшить, но и прочитать текстъ загадки о «тайнѣ пола».

Если вы думаете, что мы привели все самое дикое изъ категоріи выдумокъ В. Брюсова, то вы опять-таки ошибаетесь.

У него есть еще одно стихотвореніе—тоже въ числѣ избранныхъ для помѣщенія въ «Путяхъ и перепутьяхъ», и это стихотвореніе посвящено тоже «Продажной», съ прибавленіемъ, что этой едва ли было 14 лѣтъ!

Продажная.

Едва ли ей было четырнадцать лѣтъ—
Такъ задумчиво гасли линіи бюста.
О, какъ ей не шелъ пунцовый цвѣтъ,
Символъ страстнаго чувства!

Валерій Брюсовъ считается однимъ изъ утонченнѣйшихъ поэтовъ. Это—поэтъ настроеній, которымъ нѣтъ названія; чувствъ, для которыхъ нѣтъ отлившейся словесной формы. За такія стихотворенія его восторженно хвалитъ г. Ляцкій, который забраковалъ Чехова.

И вотъ, какъ видите, этотъ же самый поэтъ пишетъ стихотворенія, которымъ тоже нѣтъ названія.

Ибо что можно сказать о душевной утонченности писателя, для котораго важно отмѣтить, какъ задумчиво гасли линіи бюста у продающагося ребенка, которому «едва ли было четырнадцать лѣтъ».—И послѣ этого самому элегически воскликнуть: «О, какъ ей не шелъ пунцовый цвѣтъ»!

Въ его полѣ зрѣнія *можетъ быть* вопросъ объ общемъ красочномъ пятнѣ. Пятно оказалось дисгармоничнымъ: «едва ли ей было четырнадцать лѣтъ».

Альковъ задрожалъ золотой бахромой—
Она задернула длинныя кисти.
О, да! ей грезился сводъ голубой
И зеленыя листья.

Немного рано—вотъ вся трагедія «продажной» для чувствительнаго поэта. Другое дѣло—черезъ 3-4 года: онъ охотно воспѣлъ бы новую сосѣдку Лейбница въ отдѣлѣ «Близкимъ». Онъ вѣдь «чтитъ» «жажду зачатій». Какъ же ему не пѣть подающихъ кубокъ жгучій кому бы ни пришлось?

Какъ видите, все равно—говорить ли о второстепенныхъ или о первоклассныхъ, о профессорѣ или поэтахъ.

Нашъ товарищъ по журналу А. В. Пѣшехоновъ недавно отмѣтилъ отсутствіе въ современной общественной жизни элементовъ непосредственнаго чувства.

Это цѣликомъ относится къ литературѣ и искуству. Есть теорія непосредственнаго чувства, какъ основы, которой обязательно подчиняются художники, представители безсознательнаго творчества. Есть теорія импрессіонизма.

Нѣтъ только дѣйствительнаго отношенія къ людямъ, жизни и ея явленіямъ—по непосредственному чувству.

Одна голая выдумка.

И, кажется, придется обратиться на первый разъ хотя бы къ художникамъ: нельзя ли ввести въ литературу хотя крупицу правдивости и непосредственнаго чувства.

Это будетъ въ обоюдныхъ интересахъ: и писателей, и литературы.

А. Е. Рѣдько.

Новыя книги.

Саша Черный. Сатиры. Изд. М. Г. Корнфельда. СПБ. 1910, стр. 208. Ц. 1 р.

Напрасно ядовитый поэтъ «Сатирикона» назвалъ свои злыя обличенія «Сатирами». Яда и злости достаточно въ нихъ для сатиры, но это не все; многаго недостаетъ имъ, чтобы стать настоящей лирической сатирой.

Первый и главный объектъ ненависти Саши Чернаго—русскій обыватель: не какой нибудь отдѣльный, не политическій врагъ или единомышленникъ поэта, не лѣвый или правый, не купецъ или мужикъ, не эстетъ или радикалъ, не проходимецъ или мысли-

тель, а всякій, дурной или хорошій, пріятный или непріятный, но живущій общей жизнью той части земного шара, которая называется Россіей.

Гдѣ событья *нашей* жизни
Кромѣ насморка и блохъ?
Мы давно живемъ, какъ слизни,
Въ нищетѣ случайныхъ крохъ.
Спимъ и хнычемъ. Въ видѣ спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищемъ Бога, ищемъ чорта,
Потерявъ самихъ себя.

Въ себѣ авторъ бичуетъ интеллигента, слабаго и ничтожнаго нытика, уставшаго хоронить надежды:

Вѣчная память прекраснымъ и звучнымъ словамъ!
Вѣчная память дешевымъ и искреннимъ позамъ!
Страшно дрожать по своимъ безпартійнымъ угламъ
Крылья спалившимъ стрекозамъ.

Все безплодно, *все* ненужно, *все* все равно: эта мысль проходитъ чрезъ длинный рядъ стихотвореній Саши Чернаго. Среди нихъ есть очень удачныя и очень забавныя; часто хочется ихъ запомнить и цитировать отдѣльные стихи; ихъ много—такихъ остроумныхъ и выразительныхъ и «пронзительно-унылыхъ»; но нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ такихъ, которые «ударятъ по сердцамъ съ невѣдомою силой». Вотъ это первое отличіе стиховъ Саши Чернаго отъ сатиры: въ нихъ нѣтъ паѳоса, нѣтъ настоящей большой, здоровой страсти. И, конечно, не можетъ быть: поэтъ изображаетъ общее безсиліе людей, сознавшихъ это безсиліе. Сколько бы онъ ни открещивался отъ этого въ своемъ эпиграфѣ, онъ не только о насъ пишетъ, но и о себѣ; и вся его «сатира» есть сплошной вопль о нашемъ общемъ ничтожествѣ.

Не поэтическое безсиліе, а пониженная жизнеспособность сквозитъ въ однообразіи обличеній Саши Чернаго: не неумѣніе писать, а неумѣніе жить.

Въ книгахъ геній Соловьевыхъ
Гейне, Гете и Золя,
А вокругъ отъ Ивановыхъ
Содрагается земля,

Но вѣдь такъ было и во всѣ времена: и во времена Гете и Золя—и что осталось бы отъ Гете, если бы онъ сосредоточился всей своей творческой мыслью на пошлости Ивановыхъ. И развѣ отъ этого его спасъ талантъ? Нѣтъ не талантъ, а способность жить, чувствовать себя человѣкомъ, бороться съ Ивановымъ въ себѣ не однимъ безплоднымъ стономъ, а воплощеніемъ своей жизненности въ любой формѣ энергіи.

Вотъ весна:

> Деревья ждутъ... гніетъ вода
> И пьяныхъ больше, чѣмъ всегда.

Вотъ осень: «бронхитное небо слезится опять»...

> Что будетъ?. Опять соберутся Гучковы
> И мелочи будутъ, скучая, зѣвать,
> А мелочи будутъ сплетаться въ оковы,
> И ихъ некому не порвать,
> О, домъ сумашедшихъ, огромный и грязный!..

А вотъ зима:

> Восемь мѣсяцевъ зима, вмѣсто финиковъ—морошка,
> Холодъ, слизь, дожди и тьма—такъ и тянетъ изъ окошка
> Брякнуть внизъ о мостовую одичалой головой,
> . . . .
> Есть парламентъ, нѣтъ? Богъ вѣсть,
> Я не знаю, черти знаютъ,
> Вотъ тоска –я знаю—есть,
> И безсилье гнѣва есть...

Въ концѣ концовъ по жизнеспособности, по источнику паѳоса, по моральному подъему чѣмъ все это «безсиліе гнѣва» отличается отъ того человѣческаго документа, который напечатанъ въ «Рѣчи» текущей весною. Это отрывокъ изъ дневника гимназиста 7-го класса: «Господи! вырвусь ли я когда-нибудь изъ этого проклятаго болота! Цѣлыми днями лежу на кровати и плюю въ потолокъ. Денегъ—нуль, книгъ хорошихъ—нуль, знаній—два нуля, работы головы—три нуля, хорошихъ впечатлѣній—четыре нуля и т. д. Я сталъ совершенно безчувственнымъ ко всему. Тяжело, досадно, скучно... и тоска, безпредѣльная тоска! Не съ кѣмъ молвить добраго слова: всѣ—скоты, подлецы, мерзавцы, циники... Выхода нѣтъ. Я или съ ума сойду, или пущу себѣ пулю въ лобъ».

Весь Саша Черный—риѳмованный дневникъ этого гимназиста. Онъ, правда, находитъ новыя и удачныя слова, онъ воплощаетъ свою единую тоску въ новыхъ образахъ, но тоска все одна. По существу онъ топчется на мѣстѣ. Хорошо гимназисту—онъ, вѣрно, въ самомъ дѣлѣ пустилъ себѣ пулю въ лобъ; но это исходъ безсилія: у творчества нѣтъ этого исхода; есть другой: оно можетъ перестать быть творчествомъ. «Сатириконъ» смѣется надъ газетчикомъ, который утопилъ Пуришкевича: ему не о чемъ стало писать. Смѣется и Саша Черный надъ провинціальнымъ фельетонистомъ:

> Чѣмъ въ слѣдующемъ номерѣ
> Заполнить сотню строкъ?
> Зимою жизнь въ Житомірѣ
> Сонлива, какъ сурокъ.
> . . . .
> Фельетонистъ взъерошенный

Терзаетъ болеро;
Парадъ—сюжетъ изношенный,
А мордобой—старо!

А что если не сегодня—завтра Саша Черный станетъ подобенъ житомірскому фельетонисту? Вѣдь если всмотрѣться, то для него весь міръ—большой Житоміръ, не больше. Жевать Пуришкевича или жевать обывателя—не все ли равно? Второе острѣе, пикантнѣе, но надолго ли?

Сатиру Саши Чернаго губитъ мелкій, безпочвенный пессимизмъ. Сатирикъ всегда оптимистъ, всегда вѣритъ въ жизнь, всегда пріемлетъ міръ въ цѣломъ, и эта живая, здоровая вѣра въ будущее, въ желанное, въ достижимое даетъ силу его отрицанію. А Саша Черный, обличая *нашу* сегодняшнюю русскую жизнь, винитъ во всемъ... мірозданіе. Да, вокругъ насъ «одно мычаніе, стоны и посвистъ лозъ». Но отчего?

Отчего? Молчи и дохни.
Рокъ—хозяинъ, ты—лишь рабъ.
Плюнь, ослѣпни и оглохни,
И ворочайся, какъ крабъ.

Иногда онъ знаетъ въ себѣ проблески другихъ настроеній:

Хочу отдохнуть отъ сатиры...
 У лиры моей
Есть тихо-дрожащіе, легкіе звуки.,.
....Въ сердцѣ не молкнетъ свирѣль:
Весна опять возвратится...

Но если все дѣло въ томъ, что «рокъ—хозяинъ», то легче ли будетъ отъ весны? Утѣшитъ ли этотъ «оптимизмъ отъ усталости». И право, если дѣло такъ плохо—изъ двухъ крайностей — чѣмъ винить во всемъ рокъ, лучше ужъ во всемъ винить урядника. Тутъ хоть глупость, но нѣтъ этой развращающей атмосферы роковой безсодержательности и душевнаго безсилія. Саша Черный, быть можетъ, засмѣется, но намъ представляется несомнѣннымъ, что это безсиліе отъ отсутствія настоящей культурности. Онъ съ неба упалъ, у него нѣтъ никакой традиціи, никакой связи съ прошлымъ и, стало быть, съ будущимъ, никакой атмосферы: онъ задыхается съ своимъ талантомъ въ этомъ безвоздушномъ пространствѣ, въ этомъ мірѣ миленькой и веселенькой безграмотности. Вотъ онъ обличаетъ толстый журналъ, скучный и бюрократически-важный, и очень мило обличаетъ; но посмотрите, какъ онъ, бойкій и находчивый, здѣсь даже словъ подходящихъ найти не умѣетъ.

Серьезныхъ лицъ густая волосатость
И двухпудовыя, свинцовыя слова;
„Позитивизмъ", „идейная предвзятость",
„Спецификація", „реальныя права",

Какія сочиненныя слова; какъ каждое дышитъ выдумкой, какъ каждое напоминаетъ тотъ великосвѣтскій романъ, гдѣ знатныя дамы пьютъ только сладкую водку. «Спецификація»—быть можетъ, за полтора вѣка существованія русскихъ журналовъ въ ихъ редакціяхъ не раздавалось это нелѣпое слово. А какъ легко было найти настоящія, неподдѣльныя и не менѣе двухпудовыя,— и какъ понятно, что Сашѣ Черному ихъ не найти. Или въ разговорѣ медички съ влюбленнымъ въ нее филологомъ, гдѣ каждый терминъ дышетъ сочиненіемъ; все это не то, все не такъ. Саша Черный даже какъ будто не подозрѣваетъ, что здѣсь есть вещи, которыя надо знать, чтобы обличать—и знаніе сдѣлало бы только сильнѣе, тоньше и убѣдительнѣе эти обличенія.

А между тѣмъ у него есть проблески какой то вѣры въ культуру, какого то наивнаго, почтительнаго преклоненія предъ нею. Оно наивно, потому что оно также абстрактно. Уже Гейдельбергъ не вызываетъ въ немъ ни тѣни того раздраженія, которое вызываютъ Петербургъ или Житоміръ. Онъ перерождается въ театрѣ; здѣсь онъ забылся, подъ потокомъ чужого вдохновенія вспомнилъ, что онъ живъ—и даже чужія пошлыя ненавистныя лица стали вдругъ другими для него:

У барьера много сѣрыхъ, некрасивыхъ, блѣдныхъ лицъ,
Но въ глазахъ у нихъ, какъ искры, бьются крылья синихъ птицъ.

Но въ культурѣ, какъ и въ пламенно любимой природѣ, Саша Черный до сихъ поръ умѣетъ находитъ только забвеніе. Онъ не черпаетъ новой силы въ природѣ: онъ ею напивается, какъ пьяный, и въ пантеистическомъ хмелю забываетъ, что есть людская пошлость. Забываетъ ненадолго; «Сатириконъ» вновь призываетъ своего поэта.

Въ послѣднее время онъ все чаще пробуетъ себя въ чистой лирикѣ; нельзя сказать, что эти опыты неудачны: у него достаточно вкуса, чтобы выступать лишь съ достойными вещами. Но, кажется, неудовлетворенный своей юмористикой, онъ напрасно пытается измѣнить ей: сатирикомъ ему надо остаться, но до подлинной сатиры возвыситься. Единственный путь для этого—черезъ культуру, ложь которой надо преодолѣть, чтобы обрѣсти ея правду. А обличать, только притворяясь, что стоишь выше обличаемаго, можно не долго: это интеллигентскій фокусъ, а не культурное творчество.

Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда (1859 — 1909). Стр. VIII+630. Ц. 3 р.

Среди литературныхъ сборниковъ, столь многочисленныхъ въ послѣднее время, юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда занимаетъ особое мѣсто. Онъ не просто содержателенъ; онъ такъ полонъ цѣнными указаніями и матеріалами, что однѣ ссылки на

него, которыя мы вскорѣ начнемъ встрѣчать въ разнообразныхъ историко-литературныхъ изданіяхъ, обезпечиваютъ ему долгую извѣстность. Это богатство свѣдѣній и, такъ сказать, научно-историческая значительность сборника заставляютъ жалѣть, что онъ не заканчивается указателемъ, который легче далъ бы возможность пользоваться разсѣянными въ его статьяхъ фактами.

Какъ и слѣдовало ожидать, сборникъ главнымъ своимъ содержаніемъ обращенъ къ прошлому — къ прошлому Литературнаго Фонда, къ прошлому русской литературы. Кромѣ общаго историческаго очерка А. А. Корнилова и сжатаго обзора исторіи Фонда въ рѣчи В. Д. Набокова, мы находимъ здѣсь рядъ статей и справокъ объ отдѣльныхъ моментахъ жизни Фонда вплоть до описанія торжественнаго празднованія его шестидесятилѣтія, и о главнѣйшихъ его дѣятеляхъ. Фигура иниціатора Фонда Дружинина встаетъ въ очеркѣ, набросанномъ редакторомъ сборника С. А. Венгеровымъ. О дѣятельности двухъ предсѣдателей «Общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», какъ гласитъ оффиціальное названіе Фонда—Е. П. Ковалевскаго и В. П. Гаевскаго—сообщаютъ статьи Л. Ѳ. Пантелѣева и Ѳ. Ѳ. Воронова; недавно ушедшихъ преданныхъ работниковъ Фонда Я. Г. Гуревича и П. И. Вейнберга характеризуютъ Н. И. Карѣевъ и Н. А. Котляревскій. О замѣчательномъ филантропѣ-врачѣ В. А. Манассеинѣ напоминаетъ горячій очеркъ А. А. Лугового. Н. Ѳ. Анненскій характеризуетъ Н. К. Михайловскаго, какъ преданнаго дѣятеля Фонда. О Дружининѣ по преимуществу говоритъ въ статьѣ «Завѣты литературнаго Фонда» Ѳ. Д. Батюшковъ, къ громкимъ именамъ дѣятелей Фонда присоединяющій имя Надсона, который такъ красиво изъ кліента Фонда сдѣлался его щедрымъ благотворителемъ.

О другихъ дѣятеляхъ русской науки и литературы заставляютъ вспомнить матеріалы, впервые появляющіеся въ Сборникѣ. Это по преимуществу сырье, — но какъ оно захватывающе-интересно, какъ воскрешаетъ недавнее прошлое, какъ значительно. Автобіографическіе отрывки—странички изъ повѣсти Надсона, неизданная глава изъ автобіографіи Костомарова, непропущенныя цензурой части воспоминаній Шелгунова, дневникъ Добролюбова, равно какъ воспоминанія о немъ, дошедшія до насъ черезъ Н. Н. Златовратскаго: все это окутываетъ читателя атмосферой нашей литературной старины, еще сравнительно недавней, но уже отходящей въ преданіе. Къ этимъ матеріаламъ присоединяются неизвѣстная доселѣ эпиграмма Пушкина, письма Кольцова, Тургенева, Гончарова. Простотой, силой и ясностью дышетъ отъ этой литературной старины, и подъ этимъ впечатлѣніемъ блѣдной и мимолетной кажется литературная современность, хорошо представленная въ сборникѣ. И именно потому, что она хорошо и разнообразно представлена, она способна заинтересовать читателя. Здѣсь и поэты, и критики, и беллетристы, и публицисты, и среди тѣхъ и другихъ, какъ не-

гучій дубъ среди молодой заросли, Левъ Толстой, одинъ изъ основателей и старый другъ Литературнаго Фонда. Съ такими друзьями Фонду не страшно никакое будущее. Исторія пережитаго имъ пятидесятилѣтія, какъ и исторія отпразднованнаго имъ юбилейнаго торжества, съ очевидностью показываетъ, что какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, Фондъ считало своимъ дѣломъ все, что было сильнаго, свѣтлаго и большого въ русской литературѣ. При этихъ условіяхъ не трудно относиться съ презрѣніемъ къ мелкимъ клеветамъ и злостному недоброжелательству и ждать съ надеждой лучшаго будущаго.

Густавъ Лебонъ. Эволюція матеріи. Переводъ съ 12-го франц. изданія съ предисловіемъ инженера Б. С. Бычковскаго. Спб. Изд. «Обществ. Польза». 1909.

Открытіе фактовъ радіоактивности, т. е. способности атомовъ нѣкоторыхъ тѣлъ распадаться на составныя части, вызвало серьезный пересмотръ главнѣйшихъ физическихъ теорій и обобщеній. Не только моментъ недѣлимости тѣлъ передвинулся значительно дальше (такъ называемый «электронъ» оказывается въ 1700 разъ меньше атома водорода), но такіе факты, какъ непрерывное выдѣленіе тепла соединеніями радія или превращеніе эманаціи радія въ гелій, столкнулись, казалось бы, съ непоколебимыми законами вѣчности энергіи и матеріи. Понадобилось подвергнуть новому анализу самыя понятія энергіи, матеріи, массы и т. д., и этотъ пересмотръ, если и не сдѣлалъ всѣхъ философовъ учеными физиками, то, во всякомъ случаѣ, сдѣлалъ многихъ выдающихся физиковъ философами. Такъ или иначе, никто изъ этихъ выдающихся физиковъ не отрицаетъ необходимости пересмотра и поправокъ въ области теоретической физики.

Густавъ Лебонъ, не будучи патентованнымъ жрецомъ науки,—скорѣе физикъ-любитель,—уже давно обратилъ на себя вниманіе ученаго міра своими оригинальными опытами и теоріями, связанными съ новѣйшими успѣхами физики. Еще въ 1896 г. онъ оцѣнилъ важность открытія лучеиспусканія, способнаго проникать черезъ матеріальную среду, и выдѣлилъ его въ особую группу явленій «чернаго свѣта»; тогда же онъ давалъ «невидимымъ» лучамъ Беккереля болѣе правильное истолкованіе, чѣмъ самъ Беккерель. И теперь такіе извѣстные ученые, какъ Пуанкарэ, Де-Геенъ, Рутерфордъ, признаютъ пріоритетъ Густава Лебона въ установкѣ однородности лучей катодныхъ съ лучами урана, радія и съ лучами тѣлъ, диссоціирующихся подъ вліяніемъ свѣта и теплоты.

Въ «Эволюція матеріи» Лебонъ идетъ гораздо дальше; онъ восходитъ къ широкимъ обобщеніямъ, имѣющимъ научно философское значеніе. Тамъ, гдѣ другіе физики признаютъ лишь *возможность* новыхъ построеній, Лебонъ пытается смѣло осуществить эти возможности. Если эта попытка носитъ нѣсколько преждевре-

менный и, конечно, гипотетическій характеръ, она тѣмъ не менѣе интересна, какъ яркій показатель новыхъ тенденцій въ современной физикѣ.

«Пять основныхъ открытій,—говоритъ Лебонъ,—образуютъ базисъ, на которомъ медленно строится новая теорія объ устройствѣ матеріи. Вотъ они: 1) факты, открытые изслѣдованіями явленій электрической диссоціаціи; 2) открытіе катодныхъ лучей; 3) открытіе X-лучей; 4) открытіе такъ называемыхъ радіоактивныхъ тѣлъ, напр., урана и радія; 5) доказательство того, что радіоактивность не принадлежитъ только нѣкоторымъ тѣламъ, а—общее свойство матеріи» (стр. 162). Дѣйствительными «открытіями» можно признать, однако, лишь первыя четыре: диссоціацію электрическимъ токомъ химическихъ соединеній (начало XIX в., Дэви и затѣмъ Фарадэй и др.), открытіе катодныхъ лучей при изслѣдованіи электрическаго разряда въ очень разрѣженныхъ газахъ (1879—1880, В. Круксъ), открытіе X-лучей, испускаемыхъ тою частью круксовой трубки, на которую падаютъ катодные лучи (1895 г., Рентгенъ), наконецъ, открытіе невидимыхъ лучей, испускаемыхъ соединеніями урана и тѣлъ, обладающихъ радіоактивностью: радія, полонія, торія (1896 г., Беккерель; 1898 г., Кюри). Что же касается пятаго пункта,—именно, радіоактивности, какъ общаго свойства матеріи, то здѣсь Лебонъ называетъ открытіемъ нѣчто, еще требующее доказательства. Выдающіеся физики, напр., Рутерфордъ, придаютъ большое значеніе тому обстоятельству, что радіоактивность, какъ способность атомовъ распадаться, обнаруживается у элементовъ съ наибольшимъ атомнымъ вѣсомъ, какъ уранъ (238.5), торій (232.42), радій (226.4). Обнаруживаемыя въ другихъ элементахъ явленія радіоактивности многіе объясняютъ присутствіемъ одного изъ этихъ тѣлъ съ большимъ атомнымъ вѣсомъ. Поэтому тезисъ Лебона о всеобщности процесса распаденія матеріи надо разсматривать, какъ смѣлую гипотезу.

Вышеупомянутыя открытія, во всякомъ случаѣ, преобразовали теорію строенія матеріи, и этому вопросу Лебонъ посвящаетъ много интересныхъ страницъ. Онъ указываетъ, что прочность атомовъ обусловливается необыкновенною скоростью движенія составляющихъ ихъ частицъ. Извѣстно, что струя воды, пущенная съ высоты 500 метровъ и пріобрѣтающая, такимъ образомъ, въ концѣ паденія скорость около 100 метровъ, не можетъ быть разрублена острой саблей, которая отскакиваетъ отъ нея, какъ отъ твердой стали. Скорость электроновъ, составляющихъ атомъ, измѣряемая десятками и сотнями тысячъ километровъ въ секунду, придаетъ матеріи ея незыблемую устойчивость. Матерія это—«разновидность энергіи»,—энергіи, которой Лебонъ даетъ названіе «интра-атомной» (стр. 10).

Связывая это положеніе съ тезисомъ о всеобщности процесса распаденія атомовъ, Лебонъ разрабатываетъ вопросъ о строе-

ніи матеріи рядомъ съ вопросомъ объ эволюціи матеріи. Здѣсь опять-таки не лишне привести нѣкоторыя ограничительныя соображенія. Мысль объ эволюціи матеріи не впервые появляется въ наукѣ, но въ трудахъ, напр., В. Крукса и Н. Морозова она была главнымъ образомъ сосредоточена на вопросѣ о единствѣ происхожденія химическихъ элементовъ и возможности ихъ превращенія другъ въ друга, не пріобрѣтая характера абстрактной космогоніи. Эти проблемы, волновавшіе въ старину алхимиковъ, освѣтились новымъ свѣтомъ, когда В. Рамзай (въ 1903 г.) вмѣстѣ съ Содди открылъ превращеніе эманаціи радія въ гелій. Подтвержденное и другими изслѣдователями, это открытіе было первымъ доказаннымъ случаемъ превращенія элементовъ, и въ связи съ этимъ Лебонъ и говоритъ, что «химическіе элементы... измѣняются», что возможно ихъ превращеніе другъ въ друга» (стр. 9, 193 и др.). Не довольствуясь этимъ проблематическимъ утвержденіемъ, Лебонъ дѣлаетъ заманчивую попытку начертать схему общей эволюціи, начала и гибели матеріи, опираясь на гипотезу происхожденія атомовъ изъ вихревыхъ движеній эфира.

По этой схемѣ, атомы образовались приблизительно такимъ же путемъ, какимъ образовалась наша солнечная система согласно гипотезѣ Канта-Лапласа. Вихревыя возмущенія эфира, благодаря скорости своихъ вращательныхъ движеній, сгущались и постепенно группировались вокругъ центральныхъ массъ, образуя атомъ, какъ солнечную систему въ миніатюрѣ (стр. 60, 215 и сл.). Въ атомахъ отношеніе массы къ скорости таково, что величина массы можетъ быть уменьшаема при увеличеніи скорости и при этомъ энергія атома будетъ оставаться неизмѣнной. Стирая, такимъ образомъ, границы матеріи и энергіи, усматривая въ атомѣ колоссальный источникъ энергіи, Лебонъ и объясняетъ этой энергіей сцѣпленіе, свѣтъ, электричество, теплоту и т. п.: все это — различныя проявленія энергіи, скопленной атомами въ началѣ ихъ образованія. Здѣсь онъ подчеркиваетъ эволюціонно-историческій смыслъ гипотезы о всеобщности распаденія атомовъ. Атомы становятся все менѣе устойчивыми. Электричество, свѣтъ, теплота—это послѣдовательные этапы распаденія атомовъ, пока они не возвратятся въ породившій ихъ эфиръ. Атомы такихъ тѣлъ, какъ радій, уранъ и т. п., уже вступили въ тотъ періодъ развитія, въ который постепенно вступятъ всѣ тѣла. Это объясняется тѣмъ, что атомы различныхъ тѣлъ... образовались въ различныя эпохи... Они, такимъ образомъ, имѣютъ различные возрасты»... (стр. 131). «Эволюція міра въ послѣднемъ анализѣ состоитъ изъ двухъ очень различныхъ фазисовъ: изъ фазиса сгущенія энергіи въ атомы и изъ фазиса расходованія этой энергіи» (стр. 219).

Провозглашая эфиръ «первымъ источникомъ, первой основой вещей, субстратомъ міровъ и всѣхъ существъ, ихъ населяющихъ» (стр. 68), Лебонъ въ обновленной формѣ возрождаетъ

натуръ-философію Декарта, по которой вѣсомая матерія представляетъ лишь особую аггрегацію эфира. Условность и символическій характеръ физическихъ формулъ рѣзко подчеркивается при попыткѣ наглядно представить себѣ превращеніе невѣсомаго въ вѣсомое, энергіи въ матерію. Въ устраненіи рѣзкаго дуализма между матеріей и силой можно видѣть разрывъ съ догматическимъ, наивнымъ представленіемъ о матеріи, какъ о чемъ-то осязательно-наглядномъ вмѣсто того, чтобы считать ее удобной формулой естествознанія. Несомнѣнно, что открытіе радіоактивности отводитъ условныя границы законамъ постоянства энергіи и матеріи, раскрывая новыя перспективы своеобразнаго физическаго анализа безконечно-малыхъ величинъ и безконечно-большихъ дѣйствій. Но отсюда еще далеко до тезиса: «все теряется», которымъ открывается книга Лебона.

Нельзя преувеличивать теоретическаго значенія той или иной границы, принимаемой для недѣлимости матеріи. Если въ качествѣ такой границы принимается электронъ, то на него и переносятся свойства атома, динамическое истолкованіе котораго далеко не является новостью. То же самое, если эту границу отодвинуть и нѣсколько дальше. Съ этой точки зрѣнія принятіе эфира, какъ субстрата для движущихся элементовъ (Лоренцъ, Лебонъ), создаетъ лишь фонъ, на которомъ болѣе или менѣе удобно располагается физико-математическая схема движенія атомовъ.

Лучи, не отклоняемые магнитнымъ полемъ и не задерживаемые никакими препятствіями,—говоритъ Лебонъ,—представляютъ «послѣдніе фазисы диссоціаціи матеріи передъ ея окончательнымъ возвращеніемъ въ эфиръ» (стр. 105). Итакъ, міру грозитъ гибель отъ диссоціаціи матеріи. Но вернувшись въ первоначальный эфиръ,—дополняетъ Лебонъ,—матерія снова выплываетъ оттуда «спустя милліоны вѣковъ и подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ намъ силъ. Она тогда принимаетъ ту же форму, какую она имѣла въ отдаленнѣйшіе вѣка, когда въ хаосѣ стали вырисовываться первыя очертанія Вселенной» (стр. 219). Этой поправкой къ положенію «все теряется» Лебонъ снова воскрешаетъ теорію вѣчнаго круговорота, занимавшую еще Бланки, Ничше, Гюйо (см. объ этомъ предисловіе г. Быковскаго, стр. XXVIII—XXX).

Блестяще и увлекательно написанная книга Лебона сообщаетъ много новаго въ довольно доступной формѣ *). Переводъ выполненъ хорошо, но встрѣчаются досадныя опечатки, напр., вмѣсто «фениксъ»—«сфинксъ», сгорающій и изъ пепла своего возрождающійся!» (стр. XXVIII).

---

*) Отмѣтимъ кстати популярную брошюру Лебона: „Зарожденіе и исчезновеніе матеріи“ въ русскомъ переводѣ. Спб., 1909.

А. С. Изгоевъ. Русское общество и революція. Москва. 1910. Стр. 273. Ц. 1 р.

Тотъ читатель, который, довѣрившись заглавію книги г. Изгоева, вздумаетъ искать въ ней то или иное изображеніе жизни русскаго общества въ годы революціи, долженъ будетъ испытать глубокое разочарованіе. Ничего подобнаго въ книгѣ г. Изгоева не имѣется и нѣтъ въ ней даже попытки сколько-нибудь полнаго изображенія ни русскаго общества, ни русской революціи. Подъ громкимъ заглавіемъ «Русское общество и революція» г. Изгоевъ просто собралъ въ своей книгѣ нѣсколько написанныхъ на злобу дня публицистическихъ статей, напечатанныхъ имъ за послѣдніе годы въ «Русской Мысли», въ нашумѣвшемъ сборникѣ «Вѣхи» и въ нѣкоторыхъ мелкихъ журналахъ. Статьи эти въ большинствѣ случаевъ уже при первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ вызывали довольно странное впечатлѣніе, но еще болѣе странное впечатлѣніе производятъ онѣ, будучи собраны вмѣстѣ. Ихъ авторъ, какъ рекомендуетъ онъ самъ себя читателямъ,—«марксистъ», который «въ тяжкія времена реакціи, приблизительно до половины 1904 г., работалъ вмѣстѣ съ соціалъ-демократами потому, что считалъ ихъ наиболѣе серьезной общественной группой, развивающей въ Россіи общественное сознаніе». Однако, къ с.-д. партіи онъ не принадлежалъ и «вступилъ въ „Союзъ Освобожденія" совершенно свободнымъ отъ какихъ бы то ни было принятыхъ раньше партійныхъ обязательствъ» (3). Потомъ онъ вошелъ въ к.-д. партію, а теперь убѣжденъ, что «правильный путь, какъ для земельной, такъ и для политической реформы въ настоящее время лежитъ между кадетами» и умѣренными октябристами, такъ какъ «въ этихъ двухъ группахъ заключена наибольшая идейная сила русскаго общества» (132). Самому г. Изгоеву такая эволюція представляется какъ нельзя болѣе естественной, и въ предисловіи къ своему сборнику онъ доказываетъ полную ея законность. Правда, это доказательство онъ производитъ при помощи черезчуръ ужъ, пожалуй, смѣлыхъ утвержденій, смѣлыхъ до странности. «Русскій марксизмъ—заявляетъ г. Изгоевъ—былъ, несомнѣнно, отцомъ русскаго демократическаго конституціонализма. Внѣшнимъ образомъ это выразилось въ томъ, что значительная часть марксистовъ отдала свои силы теоретической и практической пропагандѣ конституціонныхъ идей въ Россіи. Внутренно это сказалось тѣмъ, что только марксизму удалось теоретически обосновать необходимость для Россіи конституціоннаго строя, и это обоснованіе было такъ блестяще, такъ оправдывалось событіями жизни, что очень скоро отъ старыхъ народническихъ анти-конституціонныхъ иллюзій не осталось и слѣда» (4—5). Въ дальнѣйшемъ, однако—продолжаетъ разсказывать г. Изгоевъ,—сами марксисты раздѣлились на двѣ части. «Значительная часть русской интеллигенціи была соціалистичной до того, какъ восприняла марксизмъ и, воспринявъ его,

рѣшила имъ воспользоваться для скорѣйшаго осуществленія соціализма» (5). Эти такъ называемые ортодоксальные марксисты стали соціалистами, требуя немедленнаго соціалистическаго переворота, но тѣмъ самымъ въ сущности перестали быть марксистами. За то были и другіе марксисты, которые, оставаясь болѣе вѣрными духу своего ученія, не сдѣлались соціалистами. Марксисты неортодоксальные «ясно сознавали невозможность соціалистическаго, въ подлинномъ смыслѣ, переворота въ странѣ со столь низкимъ развитіемъ производительныхъ силъ» и именно поэтому отказались отъ соціализма. «Будучи соціальными реформаторами, выдавать себя за соціалистовъ, какъ популярности ради дѣлаютъ многіе россійскіе публицисты, они считали ниже своего достоинства» (7). Соблюдая крайнюю осторожность въ выраженіяхъ, трудно все же не назвать приведенныя утвержденія, по меньшей мѣрѣ, странными. Въ самомъ дѣлѣ, г. Изгоевъ какъ будто забылъ, что русскій либерализмъ и конституціонализмъ родился задолго до марксизма и что уже по одному этому послѣдній никакъ не могъ быть «отцомъ» перваго. Наряду съ этимъ г. Изгоевъ какъ будто забылъ и то обстоятельство, что и въ соціалистическомъ лагерѣ необходимость для Россіи конституціоннаго строя была признана и обоснована до появленія воинствующаго марксизма, который, наоборотъ, на первыхъ порахъ проповѣдывалъ своего рода отреченіе отъ политики. Въ своемъ родѣ, пожалуй, не менѣе страннымъ, чѣмъ эта забывчивость, является и представленіе г. Изгоева, что всякій соціалистъ, въ отличіе отъ соціальнаго реформатора, непремѣнно обязанъ требовать и ожидать немедленнаго «соціалистическаго переворота въ подлинномъ смыслѣ». Если учесть всѣ эти странности, если вспомнить то, что забылъ г. Изгоевъ, и внести въ его утвержденія всѣ необходимыя оговорки, то отъ аргументаціи, при помощи которой онъ защищаетъ эволюцію своихъ взглядовъ, останется въ сущности очень немногое.

Въ глазахъ г. Изгоева дѣло, однако, обстоитъ иначе и, продѣлавъ самъ эволюцію отъ марксизма на крайнее правое крыло конституціонно-демократической партіи, въ близкое сосѣдство съ октябризмомъ, онъ приглашаетъ и всю русскую интеллигенцію совершить подобную же эволюцію и стать «интеллигенціей государственной». «Если не удастся—торжественно прибавляетъ онъ—создать въ Россіи государственную интеллигенцію сознательными усиліями, она въ ней народится, какъ результатъ цѣлаго ряда катастрофъ, если только за это время не погибнетъ и не расчленится само государство» (11). «Единственный выходъ изъ переживаемаго нами кризиса,—поясняетъ свою мысль г. Изгоевъ въ другомъ мѣстѣ,—организація тѣхъ среднихъ творческихъ слоевъ населенія Россіи, которые стоятъ во главѣ хозяйственной жизни страны и свое право на преобладающее положеніе почерпаютъ не въ сословныхъ привилегіяхъ, а въ своей роли организаторовъ

народнаго труда и производства, увеличивающихъ богатство и культуру народа». «Эти средніе слои—продолжаетъ авторъ—до сихъ поръ были оттѣснены у насъ отъ рѣшенія общественно-политическихъ задачъ и заслонялись интеллигенціей, вдохновлявшейся соціалистическими утопіями», но теперь «интеллигенція должна найти въ себѣ силы и честность для того, чтобы признать себя тѣмъ, чѣмъ она является на самомъ дѣлѣ, т. е. однимъ изъ среднихъ слоевъ» (109). Иначе говоря, г. Изгоевъ предлагаетъ интеллигенціи рѣшительно и безповоротно записаться въ буржуазные слои общества, покинувъ всякія «соціалистическія» утопіи.

Ставя такую задачу для русской интеллигенціи въ будущемъ, г. Изгоевъ, естественно, крайне отрицательно относится къ ея прошлому и настоящему. Но едва-ли естественно то, что это отрицательное отношеніе приводитъ его къ такимъ утвержденіямъ, которыя опять-таки, соблюдая всю необходимую мягкость выраженій, трудно назвать иначе, какъ странными. Въ изображеніи г. Изгоева русская интеллигенція является сборищемъ людей, обладающихъ по преимуществу, чтобы не сказать—почти исключительно, отрицательными качествами, и эти отрицательныя ея качества оказываются весьма разнообразными. «Живопись и поэзія,—заявляетъ г. Изгоевъ—цѣнились у насъ, лишь по скольку онѣ служили средствомъ возбуждать людей къ борьбѣ съ самодержавіемъ» (12). «Наука, цѣнимая за границей, какъ развитіе умственной силы человѣчества и какъ орудіе господства человѣка надъ природой, у насъ потеряла свое огромное методологическое и прикладное значеніе, а за то пріобрѣла огромную цѣнность своими философскими выводами». «У насъ воинствующая сторона научныхъ гипотезъ, являвшихся хорошимъ орудіемъ борьбы съ идеологіей самодержавія, выдвинута была на первый планъ, а развитіе методовъ, изученіе подробностей, безъ знанія которыхъ общія идеи теряютъ свою цѣнность, были отброшены въ отдаленный уголъ и передовой частью общества клеймились даже, какъ педантизмъ и реакціонная наука для науки» (12—13, 13). Ту же самую мысль г. Изгоевъ, не обинуясь, выражаетъ и въ еще болѣе общей формѣ. «Интеллигенція—говоритъ онъ—брала у Европы только то, что прямо или косвенно могло служить боевымъ оружіемъ противъ самодержавія. Наша интеллигенція,—не совсѣмъ послѣдовательно, но очень рѣшительно продолжаетъ г. Изгоевъ,—пользовалась только тѣми плодами европейской мысли, которые за границей предназначены были для взрыва „буржуазнаго“ общества и всѣхъ его учрежденій» (17). «Впрочемъ, и соціалистическія идеи,—заявляетъ г. Изгоевъ,—съ первыхъ своихъ шаговъ имѣли у насъ значеніе исключительно, какъ орудіе борьбы съ „режимомъ“, со „строемъ“ вообще» (18). Далекая отъ искусства, далекая отъ европейской науки, исключительно поглощенная мыслью о борьбѣ съ самодержавіемъ, русская интеллигенція, по

завѣреніямъ г. Изгоева, далека и отъ русскаго народа, отъ пониманія его нуждъ и интересовъ. «Несомнѣнно,—категорически заявляетъ авторъ,—что наша интеллигенція чрезмѣрно далека отъ реализма, что съ настоящими экономическими потребностями народа она знакома слабо. Изъ проблемъ политической экономіи она считается почти исключительно съ вопросомъ о распредѣленіи» (36). Больше того, даже своей собственной жизни наша интеллигенція не можетъ устроить, даже своихъ дѣтей не умѣетъ она воспитать чистыми отъ разврата. Наша интеллигентная семья «неспособна сохранить даже просто физическія силы дѣтей, предохранить ихъ отъ ранняго растлѣнія», которое у насъ наблюдается чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было (198, 199). Идеаломъ нашей интеллигенціи является въ сущности не достойная жизнь, а геройская смерть. Поэтому «русская интеллигенція не могла создать серьезной культуры» (221). «Отношенія половъ, бракъ, заботы о дѣтяхъ, о прочныхъ знаніяхъ, пріобрѣтаемыхъ только многими годами упорной работы, любимое дѣло, плоды котораго видишь самъ, красота существующей жизни—какая обо всемъ этомъ можетъ быть рѣчь, если идеаломъ интеллигентнаго человѣка является профессіональный революціонеръ, года два живущій тревожно боевой жизнью и затѣмъ погибающій на эшафотѣ?» —съ недоумѣніемъ спрашиваетъ г. Изгоевъ (221).

Стоитъ сопоставить любое изъ этихъ утвержденій съ тѣми фактами, къ которымъ оно относится, чтобы немедленно почувствовать всю его бьющую въ глаза странность. Остановимся на одномъ примѣрѣ. Отношенія половъ и бракъ, по словамъ г. Изгоева, не могли серьезно интересовать нашу интеллигенцію. На дѣлѣ какъ разъ вопросъ о признаніи за женщиною человѣческихъ правъ въ бракѣ много занималъ русскую интеллигенцію и былъ практически разрѣшенъ ею въ положительномъ смыслѣ даже раньше, чѣмъ онъ получилъ аналогичное разрѣшеніе на Западѣ. Г. Изгоевъ, надо полагать, въ пылу своихъ обличеній просто забылъ объ этомъ. Совершенно такова же основательность и другихъ приведенныхъ выше утвержденій, развязно выставленныхъ имъ. А между тѣмъ подобныя утвержденія вовсе не являются въ его книгѣ чѣмъ либо случайнымъ. Они разсыпаны по всѣмъ статьямъ, вошедшимъ въ эту книгу, больше того—они составляютъ основной ея мотивъ. Защиту своей главной мысли — о необходимости для русской интеллигенціи разстаться съ «соціалистическими утопіями» и преобразоваться въ «государственную интеллигенцію» — авторъ почти цѣликомъ ведетъ при помощи утвержденій, способныхъ ошеломить сколько-нибудь внимательнаго читателя своею развязностью и напоминающихъ не столько ту дѣйствительность, изображать и критиковать которую они предназначены, сколько обвинительный актъ, составленный очень ретивымъ и не особенно добросовѣстнымъ прокуроромъ.

Эта не знающая границъ развязность утвержденій и сообщаетъ крайне странный оттѣнокъ писаніямъ г. Изгоева, несомнѣнно, причитающаго себя къ прогрессивнымъ писателямъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ съ негодованіемъ говоритъ о томъ, что въ радикальной прессѣ его и его товарищей по «Вѣхамъ» сближали съ Дьяковымъ-Незлобинымъ, Цитовичемъ и другими подобными писателями. «Радикальные публицисты — восклицаетъ онъ — отлично знали, что Маркевичи, Дьяковы, Цитовичи, прославившіеся своими пасквильными нападеніями на интеллигенцію, дѣлали это, большею частью, изъ корыстныхъ побужденій» (9). «Радикальные публицисты», конечно, знали это. Но г. Изгоеву, повидимому, остается неизвѣстнымъ то, что знаменитый завѣтъ: «со словомъ нужно обращаться честно» не слѣдуетъ толковать черезчуръ ограничительно и сводить лишь къ запрещенію продавать писательское слово. Въ противномъ случаѣ онъ самъ, вѣроятно, задумался бы надъ многими мѣстами своей книги и безъ труда понялъ бы, почему онъ вызываетъ въ памяти читающихъ ее нѣкоторыя не вполнѣ благообразныя литературныя фигуры.

Русскіе учителя за границей. Изданіе Коммиссіи по организаціи образовательныхъ экскурсій при Учебномъ Отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ Знаній. М. 1910. Стр. VI+200. Ц. 75 к.

Осенью 1908 года въ Москвѣ при Учебномъ Отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній образовалась, подъ предсѣдательствомъ гр. В. Н. Бобринской, особая Коммиссія по организаціи образовательныхъ экскурсій, поставившая своей задачей устройство, безъ извлеченія какой-либо матеріальной выгоды въ свою пользу, коллективныхъ экскурсій какъ по Россіи, такъ и за границей для недостаточныхъ слоевъ населенія, преимущественно народныхъ учителей. Въ теченіе лѣта 1909 года Коммиссіи этой уже удалось устроить 24 групповыхъ поѣздки за границу и двѣ на выставку въ Казань, при чемъ въ этихъ поѣздкахъ приняло участіе около 1200 человѣкъ, главнымъ образомъ учителей и учительницъ начальныхъ школъ. Настоящая книга и представляетъ собою обстоятельный отчетъ объ этихъ поѣздкахъ, отчетъ, въ высшей степени любопытный. Коммиссія подробно разсказываетъ о своихъ хлопотахъ по выработкѣ маршрутовъ поѣздокъ и по предоставленію экскурсантамъ различныхъ льготъ и удобствъ, объ условіяхъ, въ которыхъ совершались самыя поѣздки, о впечатлѣніяхъ ихъ участниковъ и руководителей, какими снабжены были экскурсанты со стороны Коммиссіи, и изъ всего этого разсказа вырисовывается живая и яркая картина первыхъ шаговъ одного изъ современныхъ культурныхъ начинаній въ Россіи. Въ странахъ европейскаго Запада коллективныя поѣздки учащихъ за границу успѣли уже стать обыденнымъ явленіемъ. Въ Россіи онѣ только что начинаются и

на первыхъ же порахъ встрѣтились съ тѣмъ препятствіемъ, на которое неизмѣнно наталкиваются и всѣ другія наши культурныя предпріятія. Среди маршрутовъ, намѣченныхъ Коммиссіей на лѣто 1909 года, былъ, между прочимъ, маршрутъ на Парижъ и Лондонъ, привлекшій особенно большое количество охотниковъ и потребовавшій особенно энергичныхъ хлопотъ со стороны Коммиссіи. Благодаря дороговизнѣ лондонскихъ цѣнъ устроить экскурсантовъ въ Лондонѣ достаточно дешево въ обыкновенныхъ отеляхъ и пансіонахъ оказалось совершенно невозможно. Тогда на помощь представителю Коммиссіи явились, съ одной стороны, еврейскій эмиграціонный пріютъ, обѣщавшій предоставить экскурсантамъ помѣщеніе и продовольствіе за посильную для Коммиссіи цѣну (6 р. съ человѣка въ недѣлю), съ другой—союзъ лондонскихъ учителей, устроившій для пріема своихъ русскихъ коллегъ товарищескую подписку, которая въ одинъ вечеръ дала 400 ф. ст. (около 4.000 р.). Въ свою очередь лондонскій Графскій Совѣтъ не только разрѣшилъ ожидавшимся экскурсантамъ осмотръ школъ, но постановилъ командировать своего члена для встрѣчи русскихъ экскурсантовъ на пристани и рѣшилъ освободить отъ занятій знающихъ русскій языкъ англійскихъ учителей для сопровожденія экскурсантовъ по городу. Помимо того, оксфордскіе профессора, герцогиня Сусерландская, междупарламентскій комитетъ по изученію положенія въ Россіи и рядъ другихъ учрежденій и частныхъ лицъ выразили желаніе устроить русскимъ учителямъ дружескіе обѣды и пріемы. Но все это оказалось ненужнымъ въ виду мѣръ, принятыхъ съ своей стороны русскимъ правительствомъ. Коммиссіи было объявлено, что, если она не отмѣнитъ маршрута на Парижъ и Лондонъ, отправляемымъ ею экскурантамъ не будетъ предоставлено уже обѣщаннаго имъ права на полученіе коллективныхъ паспортовъ. Мотивомъ къ этому распоряженію послужило, какъ объяснилъ гр. Бобринской товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, то, что «въ Парижѣ и Лондонѣ, по слухамъ, ожидаются манифестаціи со стороны эмигрантовъ» (47). Коммиссіи пришлось подчиниться и на спѣхъ замѣнить для съѣхавшихся уже въ Москву экскурсантовъ поѣздку въ Англію и Францію поѣздкой по Швейцаріи и Сѣверной Италіи. Къ счастью еще, заподозрѣнными въ глазахъ русскихъ властей оказались только Франція и Англія, и экскурсіи въ остальныя государства Западной Европы могли состояться безпрепятственно. Но и состоявшіяся поѣздки прошли не вполнѣ удовлетворительно. Здѣсь уже выступили на сцену препятствія другого рода. Съ одной стороны, новое дѣло не могло наладиться сразу, и первая попытка его организаціи, естественно, сопровождалась нѣкоторыми неудачами. Маршруты поѣздокъ, намѣченные Коммиссіей, были подчасъ черезчуръ велики и оставляли слишкомъ мало времени для осмотра проѣзжаемыхъ мѣстностей. «Быстрота и поспѣшность, съ какой происходило передвиженіе группъ, — замѣчалось по этому поводу

впослѣдствіи на совѣщаніяхъ руководителей поѣздокъ — были таковы, что названіе поѣздокъ русскихъ учителей „танцами по Западной Европѣ“ не лишено основанія» (74). Руководители, которыми Коммиссія снабжала каждую группу, были завалены работой, такъ какъ на нихъ были возложены заботы и о хозяйственной, и объ образовательной сторонѣ экскурсіи, и въ большинствѣ случаевъ едва справлялись съ выпавшимъ на ихъ долю тяжелымъ трудомъ. Съ другой стороны, участники экскурсіи въ громадномъ своемъ большинствѣ оказались черезчуръ мало подготовленными къ тому, чтобы воспринять и усвоить весь образовательный матеріалъ, какой могли имъ дать поѣздки. Позднѣе эти и другіе недочеты дѣла были обсуждены Коммиссіей при помощи руководителей поѣздокъ и самихъ ихъ участниковъ, среди которыхъ была произведена для этой цѣли особая анкета, и свой новый планъ поѣздокъ на лѣто 1910 года, также помѣщенный въ книгѣ, Коммиссія выработала, уже считаясь съ результатами этого обсужденія. Любопытно, однако, отмѣтить, что громадное большинство прошлогоднихъ экскурсантовъ, указывая на частные недостатки въ постановкѣ дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ настойчиво подчеркивало большое значеніе той услуги, какую оказала имъ Коммиссія этимъ дѣломъ. Коммиссія—заявляли участники одной изъ экскурсій—«дала намъ возможность испытать массу разнообразныхъ впечатлѣній и получить запасъ интересныхъ свѣдѣній, которыя мы теперь несемъ въ Россію, въ частности въ русскую школу. Несмотря на видимую усталость, мы возвращаемся на родину окрѣпшими физически, съ расширеннымъ умственнымъ горизонтомъ, съ бодрой и радостной душой, съ убѣжденіемъ, что безъ почина Коммиссіи и ея организаціи мы никогда бы не видали, не испытали, не пережили ничего подобнаго» (157). «До сихъ поръ — писала въ Коммиссію одна экскурсантка, учительница сельской школы — я не могла примириться съ ужасной мыслью остаться всю жизнь въ деревнѣ, заглохнуть въ ней безъ свѣжаго воздуха, безъ смѣны впечатлѣній, не видя просвѣта въ своей одинокой жизни и дѣятельности. Теперь, послѣ поѣздки, я какъ бы пріобщилась культурѣ всего цивилизованнаго міра, я сознала себя членомъ культурной семьи обогнавшихъ насъ во всемъ народовъ; мнѣ не страшно теперь одиночество, и меня опять тянетъ къ школѣ, въ деревню... Поѣздка дала мнѣ больше, чѣмъ 10 лѣтъ сидѣнія на одномъ мѣстѣ въ глуши» (171)... Изъ отвѣтившихъ на вопросы Коммиссіи экскурсантовъ около 80% приняли участіе въ поѣздкахъ съ цѣлью пополнить свое образованіе и около половины (47%) сообщили, что поѣздка вмѣстѣ съ тѣмъ послужила для нихъ и отдыхомъ. Въ своей сводкѣ опросныхъ листовъ сама Коммиссія замѣчаетъ, что ея задача «внести путемъ образовательныхъ экскурсій нѣкоторую струю западной культуры въ деревню черезъ людей, ближе всего къ ней стоящихъ, повидимому, будетъ легко достигнута» (106).

Можно отъ души пожелать, чтобы это было дѣйствительно такъ и чтобы начатое московской Комиссіей дѣло успѣшно развивалось. Выпущенная ею книга, представляющая большой интересъ не только для непосредственныхъ кліентовъ Коммиссіи, могущихъ почерпнуть изъ нея всѣ необходимыя имъ свѣдѣнія объ устройствѣ экскурсій, но и всѣхъ, кого занимаетъ вопросъ объ образованіи учителей, должна въ свою очередь дать новый толчекъ къ такому развитію.

Ал. Котовичъ. Духовная цензура въ Россіи (1799—1855 гг.). СПБ. 1909. Стр. XVI+604+XIII Ц. 2 р. 75 к.

«Исторіи русскаго цензурнаго надзора, удовлетворяющей требованіямъ науки, пока не существуетъ»—замѣчаетъ г. Котовичъ въ предисловіи къ своей книгѣ, и съ этимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться. Въ нашей литературѣ имѣются, правда, довольно подробные и обстоятельные обзоры дѣятельности гражданской цензуры, имѣются и попытки, порою весьма удачныя, разработки отдѣльныхъ эпизодовъ изъ исторіи цензуры духовной, но масса матеріаловъ, относящихся къ этой сторонѣ нашего прошлаго, остается еще совершенно не разработанной и такой исторіи русской цензуры, которая стояла бы на высотѣ научныхъ требованій, мы во всякомъ случаѣ пока не имѣемъ. Г. Котовичъ и поставилъ своей задачей восполнить хотя отчасти этотъ пробѣлъ, освѣтивъ при помощи архивныхъ матеріаловъ исторію русской духовной цензуры съ 1799 по 1855 годъ. «Предлагаемая работа—говоритъ г. Котовичъ о своей книгѣ — представляетъ собою попытку выясненія и обработки тѣхъ залежей, которыя въ нетронутомъ почти видѣ находятся въ архивахъ учрежденій, являвшихся въ свое время средоточіями духовно-цензурнаго надзора. Цѣль ея—воспроизвести на основаніи главнымъ образомъ этихъ архивныхъ данныхъ различныя перипетіи въ устройствѣ духовной цензуры за полувѣковой періодъ, выяснить и подчеркнуть измѣнявшіеся оттѣнки ея критеріевъ, указать личныя точки зрѣнія ея дѣятелей, наконецъ, охарактеризовать роль и послѣдствія существованія духовно-цензурнаго надзора» (V). Наряду съ указанными задачами авторъ ставитъ себѣ, впрочемъ, и еще одну. «Если въ свое время—говоритъ онъ—въ цензурные архивы сдавались на храненіе, вмѣстѣ со всякаго рода литературнымъ мусоромъ, самыя оригинальныя рукописи и въ протоколы заносились мысли, не вмѣщавшіяся въ параграфы цензурнаго устава, то теперь возможно и цѣлесообразно изученіе при посредствѣ этихъ архивовъ и протоколовъ самыхъ нѣжныхъ движеній духа, наиболѣе чуткихъ предвидѣній, самыхъ искреннихъ порывовъ въ религіозной области. Собрать все невысказанное, недоговоренное по независѣвшимъ отъ авторовъ условіямъ, прослѣдить вліяніе гнета на гибель полныхъ жизни и силы талантовъ, засвидѣтельствовать объективный характеръ ихъ свѣто-

ванiй—не значитъ ли осуществить цѣль, имѣющую положительное историко-литературное значенiе?» (II).

Исходнымъ пунктомъ своего широко задуманнаго изслѣдованiя г. Котовичъ взялъ 1799 годъ, иначе говоря, тотъ моментъ, когда духовная цензура получила болѣе или менѣе прочную организацiю и разсѣянный раньше между представителями высшей духовной власти, епархiальными архiереями, учебными заведенiями, избранными духовными особами и смѣшанными комитетами церковный надзоръ за печатью былъ сосредоточенъ въ особомъ учрежденiи. Съ этого момента авторъ прослѣживаетъ исторiю духовной цензуры вплоть до конца царствованiя Николая Павловича, т. е. до того времени, когда во всей русской жизни почувствовался глубокiй переломъ, замѣтно отразившiйся и на судьбахъ цензуры. Внутри этихъ хронологическихъ граней авторъ устанавливаетъ нѣсколько болѣе мелкихъ перiодовъ, соотвѣтствующихъ различной организацiи самаго дѣла духовной цензуры. Въ двухъ первыхъ главахъ своей книги, охватывающихъ время Павла и первую треть царствованiя Александра I, онъ излагаетъ исторiю возникновенiя и дѣятельности московской духовной цензуры, сосредоточившей въ себѣ въ эту эпоху спецiальный церковный надзоръ надъ русской литературой. Въ слѣдующей главѣ авторъ выясняетъ причины, поведшiя къ реформѣ дѣла духовной цензуры въ видѣ регламентированiя его уставомъ и прiуроченiя цензурныхъ учрежденiй къ академическимъ округамъ, и изображаетъ дѣятельность вновь возникшихъ духовно-цензурныхъ комитетовъ при духовныхъ академiяхъ съ 1808 по 1828 г. Третьему перiоду, обнимающему собою годы царствованiя Николая I, посвящены остальныя шесть главъ книги г. Котовича, составляющiя въ общемъ около трехъ четвертей всего ея объема. Въ четвертой главѣ авторъ даетъ общую характеристику охранительной дѣятельности правительственныхъ круговъ николаевскаго времени, по скольку эта дѣятельность имѣла въ виду установленiе опредѣленныхъ рамокъ для современной ей богословской мысли. Въ пятой главѣ онъ изображаетъ дѣятельность высшей, синодальной, инстанцiи цензурнаго надзора въ указанный перiодъ времени, въ шестой—дѣятельность столичныхъ и провинцiальныхъ духовно-цензурныхъ концертовъ. Въ слѣдующей седьмой главѣ авторъ излагаетъ отношенiя духовной цензуры къ свѣтской и подробно передаетъ исторiю возникновенiя и дѣятельности образованнаго 4 апрѣля 1851 г. секретнаго комитета при св. синодѣ, игравшаго въ духовномъ вѣдомствѣ приблизительно ту же самую роль, какую по отношенiю къ свѣтской, а первоначально и духовной, литературѣ игралъ знаменитый комитетъ 2-го апрѣля 1848 г. Наконецъ, въ восьмой главѣ своей книги авторъ обрисовываетъ тенденцiи николаевской духовной цензуры по отношенiю къ попыткамъ изображенiя въ литературѣ дѣйствительной жизни церкви и духовенства, прошлой и современной, а въ девятой

главѣ освѣщаетъ спеціальныя условія, въ какія была поставлена по отношенію къ цензурному надзору проповѣдническая и литературно-научная дѣятельность духовенства.

Таковы внѣшнія рамки изслѣдованія г. Котовича. Въ эти рамки авторъ вложилъ богатое фактическое содержаніе и, широко использовавъ, съ одной стороны, неизданные документы архивовъ изслѣдуемыхъ имъ цензурныхъ учрежденій, съ другой—разнообразные печатные источники, далъ въ своемъ трудѣ обстоятельную исторію русской духовной цензуры за избранный имъ періодъ времени. Порою эта обстоятельность является, пожалуй, даже чрезмѣрной. Такъ, авторъ, не довольствуясь общей характеристикой изучаемыхъ имъ цензурныхъ учрежденій, считаетъ нужнымъ говорить обо всѣхъ работавшихъ въ нихъ цензорахъ. Порою эти свѣдѣнія объ отдѣльныхъ дѣятеляхъ духовной цензуры являются весьма характерными и типичными, но иногда они сводятся къ простому перечисленію отдѣльныхъ цензоровъ или къ сухому пересказу ихъ формулярныхъ списковъ, и въ этихъ случаяхъ авторъ могъ бы сильно сжать свое изложеніе безъ всякаго вреда для послѣдняго или, вѣрнѣе, къ прямой его выгодѣ. Съ другой стороны, въ изложеніи автора есть и еще одна невыгодная для него сторона. Тщательно избѣгая опасности впасть въ тонъ «публициста-историка», авторъ до нѣкоторой степени перегнулъ лукъ въ обратную сторону и явно умышленно придалъ своему изложенію чрезвычайно сдержанный характеръ, на столько сдержанный, что порою рисуемая авторомъ картина оказывается черезчуръ блѣдной по сравненію съ той дѣйствительностью, которую она должна изображать. Съ особенною силою проявляется эта особенность изложенія автора въ даваемыхъ имъ характеристикахъ дѣятелей высшей церковной іерархіи; сказывается она, хотя и не такъ замѣтно, и въ рядѣ другихъ случаевъ. Впрочемъ, факты, приводимые г. Котовичемъ, говорятъ сами за себя, и читателю его книги не такъ трудно будетъ самому договорить то, чего порою не договариваетъ авторъ. Во всемъ же остальномъ изслѣдованіе г. Котовича стоитъ вполнѣ на высотѣ поставленной себѣ авторомъ задачи и представляетъ собою, дѣйствительно, научно разработанную исторію русской духовной цензуры въ одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ ея существованія. Тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ тѣ конечные выводы, къ какимъ пришелъ авторъ этого изслѣдованія. Послѣ первыхъ успѣховъ, достигнутыхъ организованной духовной цензурой,—указываетъ г. Котовичъ—«руководители церковной жизни поставили себѣ грандіозную задачу: по возможности устранить динамику — силу движенія — изъ каждой области богословской литературы и ограничиться одной статикой. Обработанные по заказу или возстановленные артикулы вѣры, положенія изъ области библейской, догматической, канонической, отчасти церковно-исторической, должны были пріобрѣсти общеобязательное значеніе. Оффиціальная броня и печати должны были

ограждать ихъ отъ прикосновенія свободнаго изслѣдованія» (598). «Разработка богословскихъ темъ — продолжаетъ авторъ—пріобрѣтала такимъ образомъ тепличный характеръ. Требовались спеціальныя усилія, чтобы охранить искусственныя построенія отъ дуновенія свѣжаго вѣтра. И, дѣйствительно, къ созданію охранительнаго стеклянаго колпака была направлена соединенная дѣятельность высшихъ и низшихъ агентовъ духовной цензуры. Непосредственно приставленные къ литературѣ, они должны были систематически охлаждать пылъ „фанатиковъ“ библеизма, предупреждать „неблагопріятныя и съ общей пользою несообразныя послѣдствія“ отъ ученыхъ изслѣдованій церковнаго права, возвращать „въ кабинеты авторовъ“ выдающіяся по жизненности бесѣды „для предотвращенія всякихъ недобрыхъ толковъ и перетолковъ“, уничтожать „соблазнительный характеръ“ фактовъ изъ исторіи и дѣйствительности и вездѣ оставлять лишь „то, что въ уваженіи, въ ходу и въ модѣ, что сообразно съ духомъ настоящаго времени“ (599). И въ послѣднемъ счетѣ цѣною всѣхъ этихъ усилій пріобрѣталась лишь полная мертвенность духовной литературы. Въ общемъ своемъ видѣ этотъ выводъ, конечно, не новъ, но книга г. Котовича впервые развернула полностью все его конкретное содержаніе, и благодаря этому она является чрезвычайно цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу.

П. С. Троицкій. Церковь и государство въ Россіи (Отношеніе государства къ церкви по воззрѣніямъ наиболѣе видныхъ нашихъ писателей и общественныхъ дѣятелей). М. 1909. Стр. 198. Ц. 1 р. 25 к.

«Можно сказать,—заявляетъ г. Троицкій во введеніи къ своей книгѣ—что вообще, какъ въ духовной литературѣ, такъ равно и свѣтской, у насъ нѣтъ трудовъ, разсматривавшихъ вопросъ объ отношеніи церкви и государства съ той или другой точки зрѣнія болѣе или менѣе научно» (5). «У насъ нѣтъ почти—прибавляетъ г. Троицкій—трудовъ, которые давали бы истинное рѣшеніе и вопроса о свободѣ совѣсти» (5). Эти утвержденія, пожалуй, черезчуръ ужъ категоричны. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что съ появленіемъ книги г. Троицкаго количество «трудовъ, разсматривающихъ вопросъ объ отношеніи церкви и государства болѣе или менѣе научно», въ нашей литературѣ во всякомъ случаѣ не увеличилось. Задавшись цѣлью разрѣшить общій вопросъ объ отношеніи государства къ церкви въ Россіи, въ который «упирается въ своей послѣдней стадіи едва-ли не каждый церковный вопросъ», г. Троицкій избралъ для такого разрѣшенія нѣсколько извилистый путь. Онъ раздѣлилъ свою книгу на три части: историческую, теоретическую и практическую. Первая часть состоитъ изъ двухъ главъ, излагающихъ исторію взаимоотношеній церкви и государства въ Византіи и Россіи, и представляетъ собою крайне

сжатую историческую компиляцію, далеко не во всѣхъ своихъ частяхъ одинаково удачную, особенно, по скольку дѣло касается Россіи. Впрочемъ, частныя ошибки, встрѣчающіяся здѣсь, не нарушаютъ, по крайней мѣрѣ, правильности основной мысли автора, что и въ Византіи, и въ Россіи историческая церковь находилась въ подчиненіи у государства. Нѣсколько иначе стоитъ дѣло со второй, «теоретической», частью книги г. Троицкаго. До нѣкоторой степени вопреки заглавію, данному имъ этой части, авторъ не развиваетъ въ ней своего собственнаго взгляда, согласно которому церковь должна быть совершенно отдѣлена отъ государства и ни религія, ни мораль не должны имѣть сами по себѣ государственной санкціи, а пытается дать «критическій обзоръ и анализъ теоретическихъ воззрѣній наиболѣе видныхъ нашихъ писателей по данному вопросу». Въ качествѣ таковыхъ онъ избираетъ старыхъ славянофиловъ, главнымъ образомъ И. В. Кирѣевскаго, А. С. Хомякова и И. С. Аксакова, затѣмъ Ѳ. М. Достоевскаго, В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого и г. Мережковскаго. Наконецъ, въ особой главѣ авторъ даетъ обзоръ взглядовъ на тотъ же вопросъ нѣсколькихъ нашихъ канонистовъ и нѣсколькихъ «государственныхъ правовѣдовъ», при чемъ изъ послѣднихъ онъ беретъ почему-то только Коркунова, Побѣдоносцева и Чичерина. «Критическаго анализа» во всѣхъ этихъ обзорахъ не очень много и, къ чему онъ сводится, можно видѣть хотя бы изъ тѣхъ комментаріевъ, какими авторъ сопровождаетъ свое изложеніе славянофильскихъ взглядовъ. По мнѣнію г. Троицкаго, «до сихъ поръ генеалогія славянофильскаго ученія не была хорошо опредѣлена ни его послѣдователями, ни противниками» (80). И. С. Аксаковъ, утверждаетъ далѣе авторъ, «въ своихъ публицистическихъ статьяхъ является носителемъ нашей общественной силы» (96). Не хуже и отзывы автора обо всѣхъ вообще славянофилахъ. «Въ общихъ чертахъ—говоритъ онъ—славянофильство представляетъ собою не только эмансипацію народнаго духа отъ иноземнаго ига, но и подвигъ народнаго самосознанія, разъяснившій и опредѣлившій тѣ духовныя и соціальныя начала русской народности, которыя признаны были могучими факторами всемірно-историческаго развитія и просвѣщенія. Въ Хомяковѣ, Константинѣ Аксаковѣ, Самаринѣ и др. русская народность получила свое первое раскрытіе и оправданіе, какъ въ самостоятельныхъ мыслителяхъ» (102). Такого рода комментаріи, весьма мало согласованные даже съ основною мыслью самого автора, конечно, не особенно много прибавляютъ къ даваемому имъ пересказу мнѣній перечисленныхъ писателей, и къ этому пересказу въ концѣ концовъ и сводится все существенное содержаніе «теоретической» части его книги. Слѣдующую «практическую» часть, являющуюся вмѣстѣ съ тѣмъ и «заключеніемъ» книги, авторъ посвящаетъ изложенію и оцѣнкѣ трехъ выдвинутыхъ въ послѣдніе годы законопроектовъ, различно разрѣшающихъ вопросъ объ отно-

шеніи государства къ церкви,—законопроекта т. н. «предсоборной коммиссіи», образованной было при синодѣ въ то время, когда еще ожидался созывъ церковнаго собора, правительственнаго законопроекта и законопроекта конституціонно-демократической партіи. Кратко отмѣтивъ недостатки первыхъ двухъ законопроектовъ, какъ основанныхъ на неправильныхъ принципахъ «узкаго клерикализма» и «насильственнаго соединенія государства съ церковью» въ связи съ «государственнымъ абсолютизмомъ», авторъ всѣ свои симпатіи отдаетъ законопроекту к.-д. партіи, не подвергая, однако, его сколько-нибудь обстоятельному разбору. Въ концѣ концовъ всѣ три части книги очень мало связаны между собою, и эта случайность содержанія, поверхностное трактованіе всѣхъ охваченныхъ имъ темъ и непослѣдовательность мысли автора лишаютъ книгу г. Троицкаго всякаго серьезнаго значенія.

Памятники русской исторіи, издаваемые подъ редакціей преподавателей русской исторіи въ Московскомъ Университетѣ: профессоровъ **В. О. Ключевскаго, М. К. Любавскаго**, приватъ-доцентовъ **С. В. Бахрушина, М. М. Богословскаго, А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера и А. И. Яковлева**: 1) **Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ.** Подъ редакціей С. В. Бахрушина. М. 1909. Стр. 148. Ц. 85 к. 2) **Памятники исторіи Великаго Новгорода.** Подъ редакціей С. В. Бахрушина. М. 1909. Стр. 87. Ц. 55 к. 3) **Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ.** Подъ редакціей Ю. В. Готье. М. 1909. Стр. 76. Ц. 50 к. 4) **Памятники исторіи Смутнаго времени.** Подъ редакціей А. И. Яковлева. М. 1909. Стр. 101. Ц. 65 к. 5) **Основные законодательные акты, касающіеся высшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи XVIII и первой четверти XIX столѣтія.** Подъ редакціей А. А. Кизеветтера М. 1909. Стр. 97. Ц. 65 к. 6) **Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX вв.** Подъ редакціей А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева. М. 1910. Стр. 260. Ц. 1 р. 60 к.

«Задача настоящаго изданія—говорятъ въ своемъ предисловіи редакторы «Памятниковъ русской исторіи»—пойти навстрѣчу потребностямъ университетскаго преподаванія русской исторіи при веденіи тѣхъ «семинарскихъ» занятій, въ основу которыхъ кладется непосредственное изученіе первоисточниковъ». Такъ какъ въ настоящее время успѣшному ходу подобныхъ занятій часто мѣшаетъ малая доступность для учащейся молодежи многихъ изданій, въ которыхъ первоначально были напечатаны тѣ или другіе важные историческіе документы, то преподаватели русской исторіи въ московскомъ университетѣ задались цѣлью «издать серію сборниковъ, составленныхъ изъ тѣхъ историческихъ текстовъ и памятниковъ, которые въ особенности могутъ пригодиться при веденіи практическихъ занятій по русской исторіи». Первымъ шагомъ къ осуществленію

этого плана и явилось изданіе шести выпусковъ «Памятниковъ русской исторіи». Тексты документовъ, помѣщенныхъ въ этихъ выпускахъ, не сопровождаются въ нихъ какимъ-либо критическимъ аппаратомъ. Предвидя возможность упрековъ по этому поводу, редакція заранѣе оговаривается, что она считала въ данномъ случаѣ всякій критическій аппаратъ излишнимъ, такъ какъ изданія, подобныя настоящему, вовсе не должны предварять критической работы по изученію источниковъ. «Задача изданія, предпринимаемаго съ учебными цѣлями, — замѣчаетъ редакція, и съ правильностью этого замѣчанія нельзя не согласиться,—одна: облегчить участникамъ университетскихъ семинарій возможность всегда имѣть подъ руками подлежащіе критическому анализу историческіе тексты, не предваряя той коллективной работы руководителя и участниковъ семинарія, которая и составитъ предметъ семинарскихъ занятій». Сообразно этому всѣ вышедшіе до сихъ поръ шесть выпусковъ «Памятниковъ русской исторіи» составлены по одному и тому же приблизительно плану: тексты документовъ, либо подобранныхъ въ извѣстной полнотѣ, либо представляющихъ собою типичные образчики опредѣленнаго рода актовъ, снабжены лишь краткимъ предисловіемъ редактора или редакторовъ даннаго сборника въ самой общей формѣ намѣчающимъ значеніе помѣщенныхъ въ сборникѣ документовъ, перечисляющимъ наиболѣе необходимыя при изученіи освѣщаемаго ими вопроса пособія и, наконецъ, указывающимъ тѣ источники, къ которымъ надо обратиться для болѣе глубокаго и пристальнаго изслѣдованія этого вопроса. Всѣ такія указанія въ редакторскихъ предисловіяхъ къ отдѣльнымъ выпускамъ «Памятниковъ русской исторіи» сдѣланы очень тщательно и по поводу ихъ возможны развѣ лишь нѣкоторыя частныя замѣчанія. Такъ, напримѣръ, намъ казалось бы, что при перечисленіи пособій по исторіи Великаго Новгорода не слѣдовало бы обходить молчаніемъ работъ покойнаго Ильинскаго о городскомъ населеніи новгородской области, работъ, въ главной своей части трактующихъ, правда, о болѣе позднемъ времени, но имѣющихъ отношеніе и къ болѣе раннему періоду. Въ другомъ выпускѣ, наоборотъ, въ числѣ пособій для изученія высшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи XVIII в., думается намъ, едва-ли слѣдовало помѣщать книгу г. Филиппова «Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта», такъ какъ книга эта далеко не можетъ быть признана серьезнымъ научнымъ трудомъ. Но наиболѣе серьезное замѣчаніе можетъ, пожалуй, вызвать выпускъ, посвященный «Памятникамъ исторіи крестьянъ XV—XIX вв.» Тексты документовъ, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, касаются главнымъ образомъ великорусскихъ крестьянъ, но редакторы включили въ него и нѣкоторые законодательные акты, относящіеся къ крестьянамъ малорусскимъ, правда, только нѣкоторые, миновавъ другіе, подчасъ не менѣе важные. Между тѣмъ въ редакторскомъ предисловіи къ этому

выпуску указана лишь литература по исторіи крестьянъ и крестьянскаго землевладѣнія въ Великороссіи и по исторіи землевладѣнія въ Западной Руси XVI вѣка, литература же по исторіи малорусскихъ крестьянъ и малорусскаго землевладѣнія обойдена полнымъ молчаніемъ. Однако всѣ эти частные недочеты не имѣютъ особенно большого значенія, тѣмъ болѣе, что настоящее изданіе предназначено для нуждъ университетскихъ семинаріевъ, руководители которыхъ сами смогутъ дать своимъ ученикамъ всѣ необходимыя имъ указанія. Остается только пожелать, чтобы преподаватели русской исторіи въ московскомъ университетѣ съ такою же энергіею продолжали свое чрезвычайно удачно задуманное изданіе, съ какою они начали его. Дѣлу университетскаго преподаванія русской исторіи это изданіе, несомнѣнно, сослужитъ хорошую службу.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Кн-во В. М. Саблина. М. 1910.—***Габр. д'Аннунціо***. Полн. собр. соч. Т. X. Наслажденіе. Ц. 1 р. 50 к. Т. XII. Можетъ быть - да, можетъ быть—нѣтъ. Ц. 1 р. 50 к.—***А. Б. Качкалевъ***. Въ мірѣ грезъ. Ц. 75 к.—***Ж. Роденбахъ***. Полн. собр. соч. Т. V. Дерево. Миражъ. Избранное меньшинство. Ц. 1 р.—***Берн. Шоу***. Полн. собр. соч. Т. II. Человѣкъ и сверхчеловѣкъ. Ц. 1 р. Т. IV. Профессія г-жи Ворренъ. Шоколадный солдатикъ. Ц. 1 р.

Кн-во Т-во „Просвѣщеніе". Спб. 1910.—***В. Г. Танъ***. Колымскіе разсказы. Изд. 3-ье. Ц. 1 р.—***Б. Лазаревскій***. Дѣвушки. Ц. 1 р.—***В. Г. Танъ***. Восемь племенъ. Ц. 1 р. 50 к.—***П. Я.*** (***П. Якубовичъ-Мельшинъ***). Стихотворенія. Т. I. Изд. 6-е. Ц. 1 р. 50 к.

Кн-во „Современныя проблемы". М. 1910.—***Шоломъ-Алейхемъ***. Собр. соч. Тт. I и II. Дѣти „черты". Ц. 2 р.—***Ген. Маннъ***. Собр. соч. Т. IV. Ц. 1 р.—***Бьерн. Бьернсонъ***. Собр. соч. Т. II. Волосы Авессалома. Одинъ день. Перчатка. Ц. 1 р.—***Жоржъ Экоутъ***. Собр. соч. Т. I. Изъ міра бывшихъ людей. Ц. 1 р.

Кн-во „Образованіе". Спб. 1910.—***Пьеръ Дюгемъ***. Физическая теорія, ея цѣль и строеніе. Пер. Г. Котляра. Съ пред. Эрн. Маха. Ц. 2 р.—***О. Гертвигъ***. Развитіе и наслѣдственность. Пер. А. С. Шаповича и П. Зеленскаго. Ц. 70 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1910.—***Г. Клейнпетеръ***. Теорія познанія современнаго естествознанія. Пер. Р. Лемберкъ подъ ред. П. Юшкевича. Ц. 1 р. 25 к.—***Ѳед. Сологубъ***. Собр. соч. Т. V. Стихи. Ц. 1 р. 50 к.—Альманахъ. Книга XII. Ц. 1 р.

Изд. Т-ва „Знаніе". Спб. 1910.—***В. Чарнолускій***. Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія. Ц. 1 р. ***Его-же***. Ежегодникъ внѣшкольнаго образованія. Вып. 2. Ц. 2 р. 25 к.

Кн-во „Другъ". Спб. 1910. Наша библіотека подъ ред. Е. М. Чарнолуской: ***Шиллеръ***. Стихотворенія. Ц. 20 к.—***Байронъ***. Стихотворенія и поэмы. Ц. 20 к.—***С. Аксаковъ***. Первая весна въ деревнѣ. Ц 8 к.—***Его-же***. Очеркъ зимняго дѣл. Буранъ. Ц. 10 к.

Московск. кн изд. Т-во „Образованіе". М. 1910.—***В. А. Апушкинъ***. Русско-Японская война 1904—1905 г.—***И. П. Бѣлоконскій***. Земское движеніе.

Изд. Т-ва „Общественная Польза.

Спб. 1910.—*В. Е[illegible]инъ*. Разсказы. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.—*Ив Рукавишниковъ*. Diarium. Ц. 70 к.

Кн-во „Вехови". Спб. 1910.—*С. Гусевъ-Оренбургскій*. Разсказы. Ц. 50 к.—*Ж. Рони* Вамирехъ. Изд. 3-е. Ц. 40 к.—*Т. Бейлей Ольдричъ*. Американскій школьникъ. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

Кн-во „Атенеумъ". М. 1910. *Берн. Шоу*. Собр. соч. Т. I. Избранникъ судьбы. Шоколадный солдатикъ. Ц. 75 к.—*Израэль Зангвилль*. Собр. соч. Т. I. Комедія Гетто. Ц. 80 к.

Е. В. Гешинъ. Въ роковомъ кругу. Очерки. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Б. Неклопъ. Разсказы и стихотворенія. Могилевъ. 1910.

Е. Д. Кадитская. „Миражъ". Изъ жизни бѣлокожихъ. Романъ. Ч. I. Женева. Ц. 1 р.

Ал. Рославлевъ. Карусели. Книга стиховъ. 1908—1909. Спб. Ц. 1 р.

Алтаевъ. Двѣ королевы. Истор. повѣсть. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Е. А. Нагродская. Гнѣвъ Діонжа. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Кам. Лемонье. Собр. соч. Т. III. Въ плѣну страсти. Пер. С. А. Лопашовъ. М. 1910. Ц. 1 р.

М. Кузьминъ. Вторая книга разсказовъ. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Н. Шульговской. Аза. Драма. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Ив. Лачаловъ. Аккорды мысли. Стихи. Спб. 1910. Ц. 35 к.

Е. Курловъ. Стихи. М. 1910. Ц. 60 к.

Николай Могучій. Провокаторъ. Повѣсть. М. Ц. 1 р.

Аделаида Герцынъ. Стихотворенія. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Ольга Шапиръ. Въ бурные годы. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.—***Ея-же***. Роза Сирона. Повѣсть. Спб. 1910. Ц. 1 р.

А. М. Гущинъ. Разсказы. Т. I. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Н Гумилевъ. Жемчуга. Стихи. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Колетта Иверъ. Сервелинки. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Испепеленный. Изд. 2-е. М. 1910. Ц. 40 к.

П. А. Нестеровскій. На сѣверѣ Бессарабіи. Путевые очерки. Варш. Ц. 1 р. 75 к.

Евг. Зноско-Боровскій. Крейсеръ „Алмазъ" (Цусима). Спб. 1910. Ц. 50 к.

Ал. Плетневъ. Старое и новое. 1905—1910. Изд. 2-е. Оу. Ц. 15 к.

К. Чуковскій. 1. Натъ Пинкертонъ и современ. литература.—2. „Куда мы пришли"? М. 1910. Ц. 60 к.

А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки Съ прил. статьи „Два мѣсяца въ Прагѣ" и „Вяч. Ганка". Подъ ред. В. А. Лямкой. М. 1910. Ц. 2 р.

Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1909.

Викторъ Острогорскій. Этюды о русскихъ писателяхъ: И. А. Гончаровъ. Изд. 2-е. Ц. 50 к.—Мотивы лермонтовской поэзіи. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

П. И. Ѳедосьевъ. Изъ-за принципа. М. 1910. Ц. 1 р.

Ник. Морозовъ. Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

Ник. Смоленскій. Защитникамъ Леонида Андреева. Изд. 2-е. М. 1910. Ц. 65 к.

Иванъ Станковъ. Сатаполъ Шаржъ. Гимнъ Анаѳемѣ. Хар. 1910. Ц. 33 к.

Ник. Андреевъ. Интеллигенты. Казань. Ц. 25 к.

В. Розановъ. Когда начальство ушло. 1905—1906. Ц. 2 р.

Ал. Цитронъ. 103 дня Второй Думы. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Вл. Оголъвецъ. Слово о полку Игоревѣ. Полтава. 1910. Ц. 20 к.

Русская Исторія. Т. I. Кн. I. М. Н. Покровскаго при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Изд. Т-ва „Міръ". М. 1910.

Ѳ. М. Уманецъ. Александръ и Сперанскій. Истор. монографія. Спб. Ц. 1 р.

Н. Карѣевъ. Общій курсъ исторіи XIX в. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Л. Лойко. Къ пониманію историческаго процесса. Подъ ред. М. Шишко. М. 1910. Ц. 80 к.

Пфлугъ-Гартунгъ. Всемірная исторія 1815—1910. Пер. подъ ред. проф. Н. И. Карѣева и С. Г. Лозинскаго. Отд. русской исторіи А. А. Корнилова. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. 1910. 2 ч.

Петръ Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства. Спб. 1910. Ц. 2 р.

В. Г. Бажаевъ. Крестьянская аренда въ Россіи. М. 1910. Ц. 60 к.

Н. Четвериковъ. Относительность движенія и начало наименьшаго дѣйствія въ природѣ. Щербатов. рудникъ. 1910.

Д. Святскій. Галлеева комета въ библіи и талмудѣ. Спб. 1910. Ц. 15 к.

Д-ръ ***А. Владимірскій***. Содержаніе душевныхъ переживаній при отсутствіи зрительныхъ и слуховыхъ воспріятій. Спб. 1910.

Его-же. Объ умственной работе-

способности дѣвочекъ и мальчиковъ. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Н. Брюсова. Наука о музыкѣ. М. 1910. Ц. 40 к.

Д-ръ *Я. Фидлеръ.* Къ вопросамъ пола. Критич. замѣтки. Спб. 1910. Ц. 50 к.

В. П. Бѣлецкій. Сборникъ обвинительныхъ пунктовъ. Житоміръ. 1910.

Ѳ. Кноррингъ. Попытка опредѣлить хозяйственность эксплуатаціи Забайк. ж. д. 1906—1909. Иркутскъ. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

А. Ф. Волковъ. Курсъ междунар. хлѣбной торговли. Спб. 1910. Ц. 3 р.

В. Каррикъ. Сказки. Картинки. 1. Колобокъ. 2. Хромая уточка. 3. Котъ-Самсонъ. 4. Собака и волкъ. 5. Пѣтухъ и бобокъ. 6 Пѣтухъ, котъ и лисица. Ц. по 10 к. каждая.

Н. В. Тулуповъ и *П. М. Шестаковъ.* Новь. Книжка третья. М. 1910. Ц. 75 к.—Студенческій альманахъ. Кн. 1-я. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р.

Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда. 1859—1909. Спб. Ц. 3 р.

На помощь молодежи. Сборникъ статей, писемъ и замѣтокъ о студенческой нуждѣ и самоубійствахъ учащихся. Сост. Т. Л. Кривоносовъ. Кіевъ. 1910. Ц. 75 к.

Памяти Викт. Алекс. Гольцева. Подъ ред. А. А. Кизеветтера. Изд. И. Н. Клочкова. М. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Огни. Литературный альманахъ памяти В. Башкина. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Маякъ, № 3. 1910.

Журналы Тверского очередного губ. зем. собранія сессія 1908 г.

Отчетъ Тверской Губ. Земской Управы за 1907 г.

Статистическій ежегодникъ 1909 г. Изд. Харьк. Губ. Зем. Упр. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Земскій сборникъ Черниговской губ. 1910. Мартъ.

Изд. статист. бюро Ярославскаго губ. земства. 1909.—Ярославская губ. Т. III. Мологскій уѣздъ. В. II—Урожай 1908 г. у крестьянъ Яросл. губ.—Исторія обложенія земскими сборами недвижимыхъ имуществъ Угличскаго уѣзда.—Базарная торговля въ 1907 и 1908 гг. по Яросл. губ.—Оцѣнка недвижимыхъ имуществъ г. Углича. В. III.

Политика.

Французскіе законодательные выборы: Эволюція партій, голосованіе 11 апрѣля, распредѣленіе голосовъ по партіямъ; голосованія 25 апрѣля, составъ палаты.

I.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ 4 сент. (23 авг.) 1870 года, черезъ 2 дня послѣ капитуляціи Наполеона и его генераловъ въ Седанѣ, народъ въ Парижѣ прогналъ императорское правительство (императрица Евгенія съ сыномъ бѣжала въ Англію), провозгласилъ республику и назначилъ временное правительство, которое приняло названіе «правительство національной обороны» (Жюль Фавръ, Жюль Симонъ, Гамбетта, Рошфоръ и др. съ генераломъ Трошю во главѣ). Республика не выдержала борьбы съ нѣмцами. Она получила страну изъ рукъ имперіи не готовою къ войнѣ, безъ оружія, съ никуда негодными военачальниками въ родѣ знаменитаго своею измѣною маршала Базэна и своей бездарностью маршала Макъ-Магона и генерала Дюкро. Несмотря на героическій

порывъ, республика не справилась съ нашествіемъ нѣмцевъ и потерпѣла пораженіе... Давно сказано: «всегда побитый виноватъ». Побита была имперія, но оказалась какъ будто побитою и республика. Это обстоятельство и вліяніее духовенства, тогда еще очень значительное, привели къ тому, что на выборахъ въ національное собраніе одержалъ побѣду такъ называемый «либеральный союзъ», точнѣе выражаясь, союзъ легитимистовъ и орлеанистовъ. Національное собраніе, засѣдавшее сначала въ Бордо, а потомъ въ Версали, заключило миръ съ нѣмцами, уступивъ имъ Эльзасъ-Лотарингію и уплативъ пятъ милліардовъ франковъ контрибуціи, избрало Тьера «главою исполнительной власти»; подавило возстаніе парижискихъ коммунаровъ; затѣмъ низвергло Тьера за либерализмъ; не сумѣло реставрировать монархію; и учредило септенатъ (републику на семь лѣтъ) и президентомъ избрало Макъ-Магона. Затѣмъ разошлось.

Реставрація не состоялась вслѣдствіе упорства стараго и бездѣтнаго претендента графа Шамбора, но она была только отсрочена на семь лѣтъ въ надеждѣ придти къ соглашенію въ это время. Возможность реставраціи оставалась угрозою не только республикѣ, но и вообще прогрессу и свободѣ, а слѣдовательно, и возрожденію Франціи послѣ наполеоновскаго растлѣнія и нѣмецкаго разгрома. Это поняла нація и прислала республиканскую палату. Вскорѣ она была распущена, а министерство образовано изъ элементовъ крайней правой (герцогъ Брольи, Фурту, Соссье и др.). Новые выборы, несмотря на самое беззастѣнчивое административное давленіе, дали снова республиканскую палату. Реакціонеры были удалены отъ власти, маршалъ Макъ-Магонъ вышелъ въ отставку, а президентомъ былъ избранъ старый республиканецъ Жюль Греви. Этимъ, однако, борьба за образъ правленія, а слѣдовательно, за свободу и демократію, не кончилась. Въ 1885 году происходили генеральные выборы, на которыхъ республиканцы съ трудомъ удержали большинство. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ наполнили собою Буланже и буланжизмъ и, наконецъ, уже въ президентство Лубэ покушеніе Деруледа на государственный переворотъ. Все это долго заставляло всѣхъ сторониковъ республики и свободы сплачиваться въ одно цѣлое подъ девизомъ «Concentration republicaine». Это спасало отъ реакціи, но и отодвигало демократическія реформы. Нація устала ихъ ждать и заставила республиканцевъ палатъ разбиться на политическія группы съ своею программою каждая. Началась борьба за реформы и началось ихъ осуществленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно образовались большія политическія партіи и совершенно по новому раздѣлили націю.

Сначала все республиканское большинство распалось на умѣренныхъ и радикаловъ. Затѣмъ самостоятельно выступали соціалисты, до половины послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка не выдѣлявшіеся въ отдѣльную организованную партію.

Эти три республиканскихъ партіи въ свою очередь распались каждая: умѣренные, принявшіе названіе прогрессистовъ, выдѣлили налѣво болѣе передовую группу демократовъ или лѣвыхъ республиканцевъ, и направо націоналистовъ и либераловъ, вошедшихъ въ союзъ съ правыми. Радикалы распались было на радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ, но въ послѣднее время ихъ программы совершенно объединились и различать ихъ нѣтъ надобности. Соціалисты распались на независимыхъ и объединенныхъ, при чемъ внѣ парламента имѣетъ значеніе группа синдикалистовъ, отрицающая, между прочимъ, участіе въ парламентѣ, на выборы не выходящая и поэтому подсчету не подлежащая.

Враждебныя республикѣ партіи считаютъ въ своей средѣ группы монархистовъ, плебисцитаріевъ (остатки бонапартистовъ), націоналистовъ, либеральнаго дѣйствія (action liberale) и просто либераловъ. Въ сущности, все это подлинные реакціонеры, открытые или болѣе или менѣе маскирующіеся подъ разными кличками. Различать ихъ нѣтъ надобности, и мы ихъ соединяемъ въ рубрикѣ «правые».

Итого шесть партій:

правые (реакціонеры всѣхъ оттѣнковъ);

прогрессисты (бывшіе умѣренные республиканцы, не одобряющіе ярко-демократическаго направленія послѣднихъ кабинетовъ);

лѣвые республиканцы (бывшіе умѣренные республиканцы, одобряющіе демократическую политику и поддерживающіе правительство);

радикалы, вмѣстѣ съ радикалами-соціалистами, главная опора нынѣшняго режима;

независимые соціалисты, входятъ въ составъ правительства (Бріанъ, Вивіани, Мильеранъ), теперь очень мало отличаются отъ радикаловъ;

объединенные соціалисты, окончательно сложившаяся только недавно соціалъ-демократическая партія (по образцу нѣмецкой), непримиримая оппозиція правительству. Сюда принадлежатъ Жоресъ, Гедъ, Вальянъ, Руанэ и другіе соціалистическіе нотабли.

Слѣва ихъ аттакуютъ (вплоть до физическаго насилія) синдикалисты.

По этимъ шести рубрикамъ мы и сгруппируемъ голоса, поданные 24 (11) апрѣля 1910 года, на первой баллотировкѣ, когда партіи выступаютъ самостоятельно и считаютъ своихъ сторонниковъ. На второй баллотировкѣ (теперь это было 8 мая н. ст.), партіи входятъ въ компромиссы и соглашенія, а голоса смѣшиваются или совсѣмъ теряются.

II.

На выборахъ, нами теперь анализируемыхъ, голоса распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

Падано за правыхъ	1.709,400
» » прогрессистовъ	1.064,614
» » лѣвыхъ республик.	895,704
» » радикаловъ	2.865,994
» » незав. соціалистовъ	377,581
» » объедин. »	1.073,691
Всего	7.986,934

Иначе говоря, нынѣшнее правительство получило (лѣвые республиканцы, радикалы и независимые соціалисты) голосовъ 4.139,279.

Противъ правительства (правые, прогрессисты и объединенные специалисты) подано было голосовъ 3.847,704.

Абсолютное большинство въ пользу нынѣшней правительственной политики, политически демократической, но слабо соціалистической оказывается 311,575.

На выборахъ 1906 года радикальное министерство (Сарріенъ-Клеменсо) получило 4.237,868 голосовъ, а противъ него было — 4.241,554, такъ что до большинста не хватало $3^1/_2$ тыс. голосовъ. Компромиссы на перебаллотировкѣ сохранили, однако, большинство въ палатѣ. Теперь правительственная политика имѣетъ за себя, несомнѣнно, большинство націи.

Особый интересъ всегда представляетъ голосованіе Парижа, нерѣдко предуказующее вѣроятную эволюцію общественнаго мнѣнія въ будущемъ.

Остановимся на этомъ голосованіи (24 апрѣля 1910 года по н. стилю). Подано парижанами голосовъ:

За правыхъ	128,391
» прогрессистовъ	61,200
» лѣвыхъ республиканцевъ	44,259
» радикаловъ	183,458
» соціалистовъ независимыхъ	58,316
» » объединенныхъ	192,303
Всего	668,327

Парижъ не одобряетъ нынѣшней правительственной политики. Подано голосовъ:

За правительство	286,433
Противъ	381,894

Оппозиція имѣетъ перевѣсъ въ 95,461 голосъ.

Еще отмѣтимъ особо голосованіе въ Ліонѣ и Марсели, какъ въ большихъ экономическихъ и умственныхъ центрахъ.

	Въ Ліонѣ:	*Въ Марсели:*
Правые. . . .	7,103	—
Прогрессисты. .	36,955	9,484
Лѣв. респ. . .	—	10,236
Радикаловъ . .	34,357	20,769
Нез. социал. . .	19,125	7,432
Объед. » . .	27,101	25,040
Всего . .	124,143	72,961

Въ этихъ двухъ городахъ, вмѣстѣ взятыхъ:

За правительство	92,019
Противъ	105,675

При этомъ Марсель благопріятнѣе правительству, Ліонъ — враждебнѣе. Вообще крупные центры недовольны нынѣшнимъ правительствомъ.

Надо отмѣтить, что въ Парижѣ и въ Ліонѣ немаловажную часть недовольныхъ составляютъ реакціонеры и консерваторы (прогрессисты). Безъ нихъ одна лѣвая оппозиція не дала бы антиправительственнаго большинства.

III.

Переходимъ къ анализу голосованія 24 (11) апрѣля по партіямъ.

Правые, иначе реакціонеры. Сначала это были роялисты и бонапартисты, объединенные враждою къ господствующему республиканскому режиму и преданностью клерикализму. Затѣмъ изъ состава роялистовъ выдѣлилась партія raillés (примкнувшихъ), объявившихъ себя республиканцами, но сохранявшихъ всю свою клерикальную программу. Послѣ отдѣленія церкви отъ государства, изгнанія католическихъ конгрегацій и дипломатическаго разрыва французскаго правительства съ Ватиканомъ, эти raillés вернулись въ коалицію реакціонеровъ и образовали тамъ группу Action liberale. Осадокъ бонапартизма, буланжизма и всяческаго шовинизма, подъ благословеніемъ церкви и покровительствомъ роялистской аристократіи, поднялся на поверхность въ видѣ волны націонализма. Сначала очень бурная и казавшаяся

даже опасною, эта волна скоро потеряла силу, но осталась группа націоналистовъ, которая тоже вошла въ коалицію правыхъ, гдѣ очутились и всякіе иные перебѣжчики изъ лѣвыхъ, назвавшіеся либералами. Такая пестрота состава партіи и такія мутаціи повліяли и на численность правыхъ голосовъ на разныхъ выборахъ, именно за правыхъ подано голосовъ:

На выборахъ	1898	года	1.011.236
» »	1902	»	2.306.230
» »	1906	»	2.467.390
» »	1910	»	1.709.400

Выборы 1898 года дали результаты голосованія за монархистовъ и клерикаловъ, открыто исповѣдующихъ свое политическое credo. Выборы 1902 и 1906 годовъ происходили подъ вліяніемъ массоваго оставленія республиканской партіи націоналистами, увлекшими было за собою значительное число и республиканскихъ избирателей. Голосованіе 1910 года доказываетъ, что избиратели отрезвились отъ націонализма. Бѣгство такъ называемыхъ «либераловъ» слѣва направо все еще держитъ число реакціонныхъ избирателей выше числа 1898 года.

Прогрессисты или республиканцы-консерваторы. Въ 1898 году эта партія еще не распалась на либераловъ, прогрессистовъ и демократовъ. Поэтому данныя о развитіи партіи, какъ она сложилась въ настоящее время, можно предложить только за три послѣднихъ голосованія.

За прогрессистовъ было подано голосовъ:

На выборахъ	1902	года	1.952.296
» »	1906	»	1.007.248
» »	1910	»	1.064.614

Четырехлѣтіе 1902—1906 гг. именно ознаменовалось шумнымъ выступленіемъ націоналистовъ, благодаря чему прогрессисты потеряли около милліона голосовъ. Эти голоса частью вернулись, но были уравновѣшены отпаденіемъ либераловъ, именно въ четырехлѣтіе 1906—1910 гг. Положеніе прогрессистовъ отчасти окрѣпло и упрочилось.

Лѣвые республиканцы или демократы. Со времени ихъ отдѣленія отъ прогрессистовъ за нихъ подано голосовъ:

На выборахъ	1902	года	636.726
» »	1906	»	1.186.144
» »	1910	»	895.704

Въ 1906 году лѣвые республиканцы выиграли за счетъ реакціонеровъ и прогрессистовъ, а въ 1910 году потеряли преимущественно въ пользу радикаловъ.

Радикалы (вмѣстѣ съ радикалами-соціалистами), нынѣ господствующая во Франціи партія. Ея развитіе выясняется слѣдующими данными, именно подано голосовъ за радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ:

На выборахъ	1898	года	2.159.520
» »	1902	»	2.199.164
» »	1906	»	2.779.432
» »	1910	»	2.865.994

Этотъ постепенный ростъ радикальной партіи показываетъ, что она глубоко пустила корни въ странѣ, и что Франція еще долго будетъ управляема главнымъ образомъ этой партіей. Здѣсь Комбъ, Клемансо, Сарріенъ, Кошери, Кайо, Делькассэ, Бриссонъ, Леонъ Буржуа, Эстурнель де-Констанъ, Каммилъ Пельтанъ и мн. др. парламентскіе нотабли и лидеры.

Независимые соціалисты, та часть французскихъ соціалистовъ, которая не пожелала слѣдовать тактикѣ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, ни подчиниться суровой дисциплинѣ этой тактики. Ихъ сравнительная малочисленность повела къ тому, что, теоретически оставаясь соціалистами, практически они идутъ объ руку съ радикалами. Только въ 1906 году они и ихъ недавніе единомышленники объединенные соціалисты выступили отдѣльно. За независимыхъ соціалистовъ было подано голосовъ:

На выборахъ	1906	года	342.292
» »	1910	»	377.281

Больше на 35 тыс. Если партія въ ближайшемъ будущемъ не сумѣетъ организоваться съ самостоятельною и широко демократическою программой, ей едва-ли предстоитъ что-либо другое, кромѣ распаденія. Одни уйдутъ къ радикаламъ, другіе—къ объединеннымъ соціалистамъ. Крупныя дарованія ея лидеровъ придаютъ ей силу, но и самыхъ крупныхъ дарованій не хватитъ, если нѣтъ собственнаго самостоятельнаго содержанія. Зеваэсъ уже ушелъ изъ партіи, и это очень крупная потеря.

Наконецъ, объединенные соціалисты, партія, которой положеніе выше уже выяснено. За нее подано голосовъ:

На выборахъ	1906	года	677.442
» »	1910	»	1.073.691

Больше круглою цифрою на четыреста тысячъ голосовъ (точно: 389.259). Это крупное увеличеніе, и партія имѣла полное основаніе торжественно отпраздновать свой успѣхъ.

Общее впечатлѣніе отъ французскихъ выборовъ, это—устойчивость народныхъ симпатій разнымъ политическимъ направленіямъ. Симпатіи падаютъ и наростаютъ, но постепенно, совершенно наоборотъ тому, что мы недавно наблюдали въ Англіи. Тамъ огромныя ампли-

туды политическихъ колебаній, здѣсь устойчивость политическихъ симпатій.

Говорите послѣ этого о французскомъ легкомысліи и британскомъ хладнокровіи!

Горячатся только правые и синдикалисты... Первые потому горячатся, что все еще питаютъ чисто бредовыя иллюзіи о возстановленіи монархіи и возрожденіи клерикальнаго господства путемъ поворота народныхъ сочувствій. Ожидая этого чуда, они естественно должны нервничать.

Съ другой стороны, синдикалисты отрицаютъ законодательный путь для соціальныхъ реформъ и пропагандируютъ революцію. Они тоже нервничаютъ. Они разгромили редакцію Humanité (газета Жореса), ранили выдающагося соціалистическаго лидера Руанэ, мѣшали ораторамъ держать рѣчи на митингахъ.

Однако, всѣ эти инциденты еле кое-гдѣ рябятъ спокойную поверхность этого глубокаго народнаго моря, изъ нѣдръ котораго вынесено голосованіе 24 (11) апрѣля 1910 года.

IV.

Перебаллотировка, состоявшаяся 8 мая (25 апрѣля), дополнила голосованіе 24 (11) апрѣля и окончательно опредѣлило составъ палаты депутатовъ на четырехлѣтіе 1910—1914 годовъ.

Составъ этотъ опредѣлился въ слѣдующихъ числахъ, именно избрано:

Правыхъ	88
Прогрессистовъ	59
Лѣвыхъ республ.	93
Радикаловъ	248
Независ. соціалистовъ	29
Объедин. соціалистовъ	74
Всего	591

Кромѣ того, шесть избраній (въ колоніяхъ) здѣсь не введены. Избранія большею частью радикальныя и всѣ за правительство.

Сравнивая съ предъидущею палатою, надо указать, что потеряли мандаты:

Правая	8
Прогрессисты	1
Радикалы	21

Пріобрѣли новые мандаты:

Лѣвые республик.	11
Объедин. соціалисты	19

Независимые соціалисты удержали прежнее число мандатовъ.

За правительство будутъ подавать свои голоса (лѣв. респ., радикалы и независ. соціалисты) — 370 и шесть колоніальныхъ, всего 376.

Оппозиція (справа и слѣва)—221. Справа оппозиція сократилась на девять голосовъ, слѣва возросла—на девятнадцать. Въ числѣ объединенныхъ соціалистовъ три (Эмиль Дюма, Лаво и Лошъ) примыкаютъ къ синдикализму и принадлежатъ къ генеральной конференціи труда. Лошъ и Лаво избраны Парижемъ. Эм. Дюма отъ департамента Шеръ (Cher). Парижскіе замѣнили радикаловъ.

Надо отмѣтить, что на перебаллотировкѣ потерпѣли пораженіе Бруссъ и Аллеманъ, вожди соціалистовъ-поссибилистовъ, въ 1906 году вошедшихъ въ составъ объединенныхъ соціалистовъ. Такъ выбываютъ постепенно представители прежнихъ традицій французскаго соціализма. Брусса вытѣснилъ Эрнестъ Рошъ, націоналистъ, Аллемана—лѣвый республиканецъ Патэ.

Исторически партіи развивались слѣдующимъ образомъ:

	1898	1902	1906	1910
Правые.	92	122	108	88
Прогрессисты . . .	—	95	66	59
Лѣвые республ. . .	—	62	90	93
Радикалы	187	230	248	248
Соціал. независ. . .	61	51	20	29
» объедин. . .			55	74

Дополнительные выборы всегда вносятъ измѣненія въ численный составъ партій, такъ что, напр., палата 1906 года ко дню ея роспуска въ 1910 году заключала въ своемъ составѣ:

Правыхъ	96 (избрано	было	сначала	108)
Прогрессистовъ . .	60 (	»	»	»	66)
Лѣв. республ. . .	82 (	»	»	»	90)
Радикаловъ . . .	269 (	»	»	»	248)
Незав. соціал. . .	29 (	»	»	»	20)
Соціал. объедин. .	55 (	»	»	»	55)

Таковы главные итоги генеральныхъ законодательныхъ выборовъ 1910 года во Франціи. Передъ новою палатою правительство Бріана предстанетъ 1 іюня (18 мая) с. г.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

Время отъ времени въ нѣкоторыхъ органахъ нашей реакціонной прессы можно встрѣтить любопытныя заявленія на счетъ характера переживаемаго нами момента,—заявленія, въ которыхъ совершенно недвусмысленно звучатъ мало понятныя на первый взглядъ ноты смутнаго недовольства и тревожнаго недоумѣнія. И, хотя вообще такія заявленія въ реакціонныхъ органахъ не особенно часты, но все же, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ чаще они попадаются и тѣмъ опредѣленнѣе становится проникающее ихъ чувство. На фонѣ обычныхъ самодовольныхъ и торжествующихъ рѣчей современной реакціонной печати эти заявленія выступаютъ съ особенною рѣзкостью, являясь своего рода диссонансомъ, неожиданно врывающимся въ дружный, наладившійся хоръ и невольно возбуждающимъ вниманіе.

«Намъ все чего-то не хватаетъ — жаловалось, напримѣръ, недавно „Новое Время", обсуждая движеніе нашего законодательства и сравнивая его съ ходомъ законодательной работы во Франціи и въ Германіи. — Въ боевые моменты государственной жизни мы говоримъ: теперь не время для спокойной законодательной работы; въ періоды затишья мы жалуемся на оскудѣніе, на отсутствіе необходимаго подъема духа. Или мы хватаемся за вѣковѣчные вопросы, которыхъ все равно не разрѣшить, витаемъ въ облакахъ, или разсыпаемся въ мелочахъ, тонемъ въ вермишели»...

Третью Думу — продолжала свои жалобы газета — «затопили законопроектами и неопытные законодатели наши сразу же потонули въ кучѣ „вермишели". Общество успокоилось съ появленіемъ „работоспособной" Думы, а, узнавъ, что въ нее внесено нѣсколько сотъ законопроектовъ, окончательно сложило руки, забывая, что работа народнаго представительства есть въ сущности работа самого народа и что, предоставленное самому себѣ, оно сдѣлается простымъ департаментомъ законодательныхъ дѣлъ.

„Этотъ недостатокъ связи между обществомъ и законодательными учрежденіями даетъ себя чувствовать все сильнѣе. Въ прежнее время онъ восполнялся печатью, трудомъ ученыхъ обществъ, изрѣдка участіемъ свѣдущихъ людей въ правительственныхъ коммиссіяхъ. Теперь, казалось бы, долженъ наступить расцвѣтъ вспомогательной дѣятельности общества своему любимому дѣтищу — народному представительству. Ничуть не бывало. Проявленія общественной самодѣятельности носятъ исключительно характеръ политическихъ выпадовъ по адресу правительства, приближающихся къ скандалу, и кончаются закрытіемъ обществъ, съѣздовъ, собраній. Съ другой стороны, дѣятельность правительственныхъ подготовительныхъ учрежденій: всякаго рода коммиссій, комитетовъ и т. п. точно замерла. Не говоря уже о такихъ замѣчательныхъ коммиссіяхъ, какъ редакціонныя коммисеіи по освобожденію крестьянъ, за послѣднее время не слышно, чтобы создавались такія подготовительныя совѣщанія, какъ, напримѣръ, коммиссіи по составленію новаго уголовнаго уложенія, гдѣ участвовали лучшія научныя силы страны" *).

---

*) „Н. Время", 29 апрѣля.

Я позволилъ себѣ привести эту длинную выдержку не съ тѣмъ, чтобы разбирать по существу заключающіяся въ ней мысли, безнадежно спутанныя и противорѣчивыя, а исключительно для того, чтобы наглядно иллюстрировать ею характеръ тѣхъ заявленій, которыя, какъ я только что упоминалъ, за послѣднее время все чаще появляются въ реакціонной прессѣ, свидѣтельствуя о какомъ-то смутномъ недовольствѣ, назрѣвающемъ въ обслуживаемой этой прессою средѣ. Казалось бы, органамъ названной прессы, по крайней мѣрѣ, болѣе уравновѣшеннымъ изъ нихъ, не о чемъ скорбѣть и остается только радоваться. Казалось бы, все идетъ именно такъ, какъ они этого желали, и сами они не упускаютъ случая подчеркнуть это, постоянно разсыпаясь въ похвалахъ «успокоительной» политикѣ правительства и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ завѣряя, что мы стоимъ на порогѣ полнаго благополучія, которое вотъ-вотъ окончательно водворится въ Россіи съ тѣмъ, чтобы впредь уже оставаться рѣшительно ничѣмъ не затемненнымъ.

Можно надѣяться, — увѣрялъ недавно „Голосъ Москвы“ въ статьѣ, написанной по поводу рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ въ Государственной Думѣ при обсужденіи послѣдней запроса о 96 статьѣ основныхъ законовъ, — что «недалеко то время, когда правительство и общество въ общей работѣ по укрѣпленію русской государственности будутъ союзниками, а не противниками». «Достиженіе этого равновѣсія общественныхъ и нравственныхъ силъ и вліяній—прибавляла газета — и является одной изъ главныхъ задачъ настоящаго момента. Правительство готово идти по этому пути, и П. А. Столыпинъ еще разъ подтвердилъ это въ своей рѣчи» *).

«Правительство готово идти» по пути, ведущему къ «достиженію равновѣсія общественныхъ и правительственныхъ силъ и вліяній», и поэтому сохраняетъ третью Думу, а третья Дума или, вѣрнѣе, ея большинство въ свою очередь готово идти навстрѣчу правительству и съ своей стороны содѣйствовать окончательному водворенію благополучія въ странѣ. И опять-таки не далеко то время, когда это содѣйствіе дастъ вполнѣ осязательные плоды.

«Работа народныхъ представителей — заявлялъ тотъ же „Голосъ Москвы“ въ другой разъ—стала подходить все болѣе и болѣе къ кореннымъ и существеннымъ вопросамъ русской жизни. Еще немного—и народное представительство выростетъ въ ту мощную зрѣлую силу, которую звалъ къ себѣ и на которую разсчитывалъ русскій царь, призывая народныя силы на помощь въ державныхъ трудахъ своихъ. „Въ самой Думѣ распредѣленіе силъ стало складываться въ весьма грозную для національныхъ и государственныхъ враговъ Россіи форму: рядомъ съ октябристской группой, опредѣленно и строго защищающей государственную крѣпость и народное представительство, выросла и опредѣлилась группа націоналистовъ, строго и опредѣленно защищающая крѣпость народнаго русскаго ядра, создавшаго государственность своимъ разумомъ и высоко-

*) «Голосъ Москвы», 3 апрѣля.

вознесшаго на невиданную высоту царскій престолъ, народное и государственное могущество. Обѣ группы раздѣляются и разно мыслятъ въ частностяхъ, расходятся въ спеціальныхъ задачахъ, но глубоко и внутренне совпадаютъ въ корнѣ, ибо государственность русскую нельзя отдѣлить отъ русскаго, ее создавшаго, народа; представительство народное нельзя отдѣлить отъ престола царскаго, ибо единеніе царя и народа и создало нашу несокрушимую историческую силу“ *).

Такого рода тирады о несомнѣнномъ благополучіи, долженствующемъ въ самомъ скоромъ времени наступить для Россіи благодаря необыкновенно успѣшной и чрезвычайно благожелательной политикѣ правительства и энергичной работѣ содѣйствующаго охраненію русской государственности третьедумскаго большинства, можно, конечно, найти въ какомъ угодно количествѣ и въ «Новомъ Времени». Мало того,—въ дѣлѣ составленія такихъ тирадъ эта послѣдняя газета въ сущности способна всегда побить любой рекордъ. Не далѣе, какъ на-дняхъ, напримѣръ, она съ самымъ серьезнымъ видомъ объявила, что составленный правительствомъ и на всѣхъ парахъ проводимый думскимъ большинствомъ законопроектъ о Финляндіи по существу имѣетъ своею цѣлью ничто иное, какъ исправленіе «несправедливости», благодаря которой «въ настоящее время финляндскій народъ, входя, какъ неотъемлемая часть, въ составъ имперіи, не имѣетъ въ общеимперскихъ дѣлахъ никакого голоса».

«Законопроектъ—завѣряла газета—даетъ представителямъ финляндскаго народа законное мѣсто въ общеимперскомъ народномъ представительствѣ, котораго онъ до сихъ поръ не имѣлъ. Можно быть увѣреннымъ, что самая численность финляндскихъ представителей въ имперскихъ законодательныхъ установленіяхъ будетъ опредѣлена ими справедливо Такимъ образомъ представители завоеванной области получатъ совѣщательный и рѣшающій голосъ не только по дѣламъ своей маленькой окраины, но и по дѣламъ міровой имперіи. Изъ завоеванной и подчиненной провинціи Финляндія выростаетъ до состоянія равноправнаго члена государства. Нужна безграничная недобросовѣстность, чтобы въ такомъ расширеніи правъ финляндскаго народа увидѣть ихъ ограниченіе» **).

Обратить покушеніе на финляндскую конституцію въ «расширеніе правъ финляндскаго народа»—для такихъ чудесъ словеснаго престидижитаторства требуется, конечно, смѣлость, какою даже въ средѣ реакціонной печати обладаютъ лишь немногіе органы, кромѣ «Новаго Времени». Вѣдь подобное чудо безъ всякаго преувеличенія можетъ быть поставлено наравнѣ съ чудесами того «пиро-гидро-техника Капитона Иванова», о которомъ разсказывалъ покойный Г. И. Успенскій и который «давалъ представленія въ высокоблагородныхъ домахъ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, съ апаратами и безъ апаратовъ, попури изъ міра чудесъ, каба-

*) «Голосъ Москвы», 9 марта.
**) «Новое Время», 5 мая.

листика и чревоувѣщеваніе по весьма сходнымъ цѣнамъ, также индійское ескамотированіе, гирлянда розъ, невозможность въ дѣйствіи, обезглавленіе головы, носа и другихъ частей тѣла и проч., и проч., и проч.» *)... Въ своемъ стремленіи поддержать современную «государственность» нововременскіе «пиро-гидро-техники» ни на минуту не задумываются передъ «обезглавленіемъ головы, носа и другихъ частей тѣла» и съ легкимъ сердцемъ совершаютъ такія «обезглавленія» чуть не ежедневно. И тѣмъ не менѣе это самое «Новое Время», во всякомъ случаѣ не менѣе чѣмъ «Голосъ Москвы», близкое къ думскимъ октябристамъ и націоналистамъ и нисколько не менѣе «Голоса Москвы» заинтересованное въ восхваленіи ихъ подвиговъ, повременамъ проговаривается заявленіями, что у насъ чего-то не хватаетъ, что между нашими «законодательными учрежденіями» и обществомъ нѣтъ связи, что третья Дума потонула въ вермишели, что для дѣйствительной успѣшности работъ Думы необходимъ подготовительный трудъ, при чемъ «общество и правительство должны подать другъ другу руку въ этомъ вопросѣ». Заявленія въ такомъ родѣ можно при томъ встрѣтить не только въ «Новомъ Времени», но и въ нѣкоторыхъ другихъ органахъ реакціонной печати. На первый взглядъ всѣ эти заявленія представляются въ высшей степени странными. Однако, вдумавшись въ нихъ глубже, можно понять, что въ условіяхъ настоящаго момента для нихъ имѣется своя почва и что они не являются простою случайностью, а скорѣе служатъ нѣкоторымъ характернымъ симптомомъ совершающагося въ общественной жизни процесса.

Въ самомъ дѣлѣ, въ средѣ нашихъ ожесточенныхъ консерваторовъ рѣшительное преобладаніе принадлежитъ, конечно, людямъ, предпочитающимъ совершенно не размышлять надъ вопросами государственнаго строительства и не рисующимъ себѣ никакихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ перспективъ. Однако рядомъ съ такими людьми въ названной средѣ, хотя бы въ меньшинствѣ, имѣются все же и люди другого склада, до нѣкоторой степени задумывающіеся надъ подобными вопросами. Пусть даже эти люди не поднимаются выше уровня публицистовъ «Голоса Москвы», для которыхъ идеаломъ государственнаго порядка является «достиженіе равновѣсія общественныхъ и правительственныхъ силъ и вліяній» и которые считаютъ не то что нормальнымъ, а, по крайней мѣрѣ, вполнѣ терпимымъ такое положеніе, при какомъ общество и правительство являются противниками другъ друга. Во всякомъ случаѣ уже и эти люди, обладающіе столь ясными представленіями о государствѣ и государственности, не могутъ не понимать, что для нихъ самихъ выгоднѣе иное положеніе, при

*) Собраніе сочиненій Глѣба Успенскаго. Томъ I. «Нужда пѣсенки поетъ».

которомъ правительство и общество «будутъ союзниками, а не противниками». И въ то же время они вынуждены, подобно публицистамъ «Голоса Москвы», съ горечью констатировать, что сейчасъ такого положенія, для нихъ болѣе выгоднаго, въ наличности не имѣется и что окружающая насъ дѣйствительность представляетъ совершенно обратное зрѣлище.

Было бы, понятно, преувеличеніемъ сказать, что правительство стоитъ въ настоящее время совершенно одиноко, имѣя передъ собою въ качествѣ противника все общество безъ изъятія, всѣ его слои и элементы. Безспорно, въ нашемъ обществѣ, беря это слово въ полномъ его объемѣ, есть слои, обслуживаемые правительствомъ и въ свою очередь поддерживающіе послѣднее, слои, интересами и средствами которыхъ въ конечномъ счетѣ и опредѣляется правительственная политика текущаго дня. Но именно то обстоятельство, что эти слои, количественно совершенно ничтожные, стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи со всею остальною массою общества, тогда какъ правительство стремится удовлетворять исключительно ихъ интересы, сообщаетъ всей правительственной дѣятельности особый характеръ, привлекая къ этой дѣятельности лишь вполнѣ опредѣленные элементы и ставя правительство въ недвусмысленно-враждебныя отношенія къ массѣ общества, для которой оно, по откровенному выраженію его же собственныхъ бардовъ и хвалителей, является противникомъ.

И въ концѣ концовъ, пожалуй, не такъ ужъ удивительно, что даже въ средѣ этихъ хвалителей зарождается сознаніе нѣкоторыхъ неудобствъ существующаго положенія вещей. Начать съ того, что процессъ разложенія правительственнаго механизма, совершающійся подъ вліяніемъ подбора силъ, пригодныхъ для удовлетворенія все обостряющихся требованій, предъявляемыхъ обслуживаемой правительствомъ средой, за послѣднее время сдѣлалъ колоссальные успѣхи. Наша бюрократія, положимъ, никогда не отличалась большою чистотою нравовъ и, въ частности, никогда не блистала чрезмѣрнымъ безкорыстіемъ. Но, быть можетъ, никогда еще за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ эти особенности ея не выдавались такъ рѣзко, какъ въ настоящее время, и причина этого, несомнѣнно, заключается въ характерѣ задачъ, какія ставятся бюрократіи, и въ соотвѣтствующемъ этому характеру составѣ элементовъ, привлекаемыхъ въ нее. Вотъ уже болѣе года въ разныхъ вѣдомствахъ и разныхъ мѣстностяхъ Россіи работаютъ сенаторскія ревизіи, спеціально назначенныя для разслѣдованія случаевъ злоупотребленій агентовъ власти. Ревизующіе сенаторы успѣли уже накопить цѣлыя груды слѣдственнаго матеріала, относящагося къ самымъ различнымъ и самымъ невозможнымъ, казалось бы, злоупотребленіямъ, но накопили они этотъ матеріалъ, по всей видимости, скорѣе для нуждъ будущаго историка современнаго момента, чѣмъ для правительственнаго употребленія. Во вся-

комъ случаѣ на практику текущаго дня сенаторскія ревизіи, какъ и слѣдовало ожидать, не оказали ровно никакого вліянія, и чуть не каждый газетный листъ приноситъ съ собою все новыя и новыя извѣстія о самыхъ различныхъ злоупотребленіяхъ и въ томъ числѣ прежде всего о самыхъ разнообразныхъ хищеніяхъ, постоянно открывающихся и въ затронутыхъ, и въ не затронутыхъ сенаторскими ревизіями областяхъ.

Недавно Государственная Дума единогласно приняла пожеланіе о назначеніи сенаторской ревизіи въ морскомъ вѣдомствѣ. Даже наиболѣе ревностнымъ сторонникамъ правительства показалось неудобнымъ громко возражать противъ такого пожеланія, сводящагося въ сущности къ предложенію правительству самому провѣрить своихъ слугъ. Не такъ, однако, посмотрѣло на дѣло само правительство. Какъ сообщали вскорѣ послѣ рѣшенія Думы газеты, на происходившемъ послѣ этого рѣшенія раутѣ у предсѣдателя совѣта министровъ г. Столыпинъ въ разговорѣ съ однимъ изъ членовъ думской коммиссіи по государственной оборонѣ заявилъ ему, что «думское пожеланіе объ учрежденіи сенаторской ревизіи морского вѣдомства совершенно неосуществимо: „ловить воровъ“ въ морскомъ вѣдомствѣ и неумѣстно, и нѣтъ основаній: ихъ тамъ не окажется» *). Предсѣдателю совѣта министровъ, конечно, ближе всего знать, почему именно «совершенно неосуществима» и даже «неумѣстна» ревизія морского вѣдомства сенаторами. Какъ бы то ни было, о порядкахъ этого вѣдомства даже и безъ такой ревизіи нѣтъ, кажется, двухъ мнѣній, если только не считать категорическаго заявленія г. Столыпина. Въ газетахъ довольно часто мелькаютъ разсказы о странныхъ явленіяхъ, происходящихъ подчасъ при постройкѣ и пріемѣ военныхъ судовъ. Разсказываются порой въ газетахъ и другія исторіи изъ жизни морского вѣдомства, несравненно болѣе простыя, но, пожалуй, тѣмъ болѣе пикантныя,— исторіи, въ которыхъ, на взглядъ обыкновеннаго обывателя, также есть какъ будто нѣчто «неумѣстное».

Недавно корреспондентъ «Р. Вѣдомостей» разсказалъ о сенсаціи, произведенной въ Севастополѣ фактомъ «чудеснаго превращенія», совершившагося въ пришедшемъ изъ Кронштадта товарномъ вагонѣ. Согласно накладной, адресованной въ контору севастопольскаго порта, вагонъ этотъ былъ нагруженъ минными принадлежностями. Въ Севастополь онъ прибылъ совершенно благополучно, и вслѣдъ затѣмъ для осмотра заключавшагося въ немъ груза явилась цѣлая коммиссія, состоявшая изъ чиновъ порта и представителя государственнаго контроля. Но, когда эта коммиссія открыла вагонъ, въ немъ «вмѣсто минъ и минныхъ принадлежностей оказались столы, стулья, шкафы, ящики съ разными хозяйственными предметами, картонки съ дамскими шляпами,—все вещи

*) «Рѣчь», 30 марта.

домашняго обихода и никакихъ слѣдовъ миннаго транспорта». Въ первую минуту коммиссія предположила, что здѣсь замѣшалась какая-то ошибка со стороны желѣзной дороги, но затѣмъ «выяснилось, что желѣзная дорога тутъ не при чемъ, что въ Севастополь пришелъ тотъ именно грузъ, который былъ направленъ туда изъ Кронштадта». «Нашелся и собственникъ груза — капитанъ 1-го ранга Покровскій, недавно назначенный командиромъ „Ростислава". Это его мебель и другія хозяйственныя принадлежности были отправлены въ Севастополь подъ видомъ минъ и минныхъ принадлежностей, конечно, на казенный счетъ». «Въ морскихъ кругахъ— прибавлялъ корреспондентъ, сообщившій «Р. Вѣдомостямъ» эту исторію, — говорятъ, что на переѣздъ въ Севастополь новый командиръ „Ростислава" получилъ тысячи двѣ съ половиной, но этихъ денегъ, очевидно, не хватило и въ результатѣ — удивительная метаморфоза въ вагонѣ съ минными принадлежностями» *).

Можно, конечно, съ увѣренностью сказать, что въ морскомъ вѣдомствѣ вовсе не одинъ только капитанъ Покровскій, получивъ отъ казны подъемныя деньги, провозилъ затѣмъ свои вещи на казенный счетъ подъ видомъ казеннаго груза. Капитанъ Покровскій только недостаточно осторожно обставилъ этотъ провозъ, очевидно, считая его вполнѣ нормальнымъ явленіемъ. Съ обывательской точки зрѣнія такой провозъ домашнихъ вещей, вплоть до картонокъ съ дамскими шляпами, подъ видомъ минъ и минныхъ принадлежностей является, пожалуй, однимъ изъ видовъ хищенія. Но ловить совершителей хищеній въ морскомъ вѣдомствѣ «неумѣстно», и поэтому можно быть увѣреннымъ, что неосторожность капитана Покровскаго не повлечетъ за собою для него никакихъ особенно непріятныхъ послѣдствій. Къ тому же морская хроника послѣднихъ недѣль знаетъ и болѣе пикантные случаи, чѣмъ неосторожно гласное превращеніе минъ и минныхъ принадлежностей въ домашнія вещи и дамскія шляпки. Недавно, напримѣръ, газеты разсказывали поучительную исторію поставки въ либавскій портъ 2.000 пудовъ кислой капусты. Капуста эта первоначально была освидѣтельствована въ Петербургѣ и признана вполнѣ отвѣчающей условіямъ подряда. Однако въ Либавѣ ее нашли совершенно негодной. Тогда по просьбѣ поставившей капусту фирмы, за которой, по слухамъ, стояло одно высокопоставленное лицо, было назначено переосвидѣтельствованіе въ Петербургѣ и пробы капусты вновь были отправлены сюда. При этомъ въ дорогѣ съ бочекъ, содержавшихъ въ себѣ пробы, случайно были сорваны печати, случайно у бочекъ были выбиты днища и тотъ же услужливый случай направилъ самыя бочки вмѣсто конторы петербургскаго порта въ контору взявшей подрядъ фирмы. Освидѣтельствовавшая здѣсь поврежденныя бочки коммиссія нашла ихъ наполненными хорошей капустой и въ Ли-

*) «Р. Вѣдомости», 3 апрѣля.

баву уже послано было приказаніе уволить членовъ мѣстной пріемной коммиссіи, какъ не отвѣчающихъ своему назначенію. Однако командиръ либавскаго порта сообщилъ, что онъ считаетъ дѣйствія своей коммиссіи вполнѣ правильными и потому проситъ или отмѣнить это распоряженіе, или уволить со службы и его самого. Въ виду такого сообщенія въ Либаву была послана спеціальная коммиссія, которая осмотрѣла капусту на мѣстѣ сообща съ либавской пріемной коммиссіей, и въ результатѣ получилось такое компромиссное рѣшеніе: «въ пищу капуста годна, но къ храненію не годна», а потому, если ее перебрать и переложить въ болѣе мелкую посуду, то можно принять *). Такимъ образомъ, при нѣкоторой протекціи и настойчивости, негодную капусту на глазахъ многочисленныхъ свидѣтелей оказалось въ концѣ концовъ вполнѣ возможнымъ превратить въ годную и такого рода «чудесное превращеніе» нельзя, конечно, не признать еще болѣе пикантнымъ, чѣмъ превращеніе, совершенное капитаномъ Покровскимъ.

Въ морскомъ вѣдомствѣ, выдѣляемомъ изъ всѣхъ прочихъ на томъ основаніи, что въ немъ ловить кого-либо «неумѣстно», въ сущности лишь повторяется то же самое, что и во всѣхъ другихъ отрасляхъ нашей администраціи, и даже для только что разсказанныхъ эпизодовъ не трудно найти аналогіи въ извѣстіяхъ самаго послѣдняго времени, касающихся другихъ вѣдомствъ. «Въ Жмеринкѣ — разсказывалось въ телеграммѣ, напечатанной не такъ давно въ петербургскихъ газетахъ,—коммиссія военныхъ врачей признала, что рядъ заболѣваній солдатъ произошелъ отъ гнилой муки, поставленной жмеринскому продовольственному складу братомъ помощника окружнаго интенданта Бачинскаго» **). Одновременно съ этимъ двѣ телеграммы изъ Кіева сообщали еще о двухъ случахъ «чудесныхъ превращеній». По словамъ одной изъ этихъ телеграммъ, ревизіей кіевскаго округа путей сообщенія выяснено, что ежегодныя исправительныя работы на Днѣпрѣ, обходившіяся въ милліоны рублей, въ теченіе ряда лѣтъ отдавались безъ торговъ одному и тому же лицу. «Въ присутствіи ревизора южнаго округа путей сообщенія и прокурора кіевскаго окружнаго суда—сообщала другая телеграмма—произведено испытаніе изобрѣтенной путейскими инженерами машинки, при посредствѣ которой повышались показанія угольныхъ счетчиковъ на работахъ землечерпалокъ. Испытаніе подтвердило, что машинки блестяще выполняли свое назначеніе» ***). Благодаря этому талантливому изобрѣтенію, кіевскіе инженеры, какъ показало слѣдствіе, ежегодно клали себѣ въ карманъ десятки тысячъ казенныхъ денегъ, занося ихъ въ отчеты въ качествѣ израсходованныхъ на уголь, который въ дѣйствительности

*) «Рѣчь», 8 и 15 апрѣля.
**) «Рѣчь», 9 апрѣля.
***) «Рѣчь», 9 апрѣля.

расходовался въ гораздо меньшемъ количествѣ сравнительно съ тѣмъ, какое записывалъ талантливо приспособленный счетчикъ.

Еще болѣе фантастическіе факты чудеснаго превращенія раскрыла ревизія — на этотъ разъ сенаторская — въ Туркестанскомъ краѣ. Здѣсь, какъ выяснили ревизоры, администраторы различныхъ ранговъ походя расхищали казенное имущество и облагали населеніе противозаконными налогами въ свою пользу, а встрѣчая какое-либо противодѣйствіе, немедленно пускали въ ходъ мѣры суроваго административнаго воздѣйствія, нисколько опять-таки не стѣсняясь при этомъ даже формальными требованіями закона, а дѣйствуя исключительно по своему усмотрѣнію, ничѣмъ рѣшительно не ограниченному. Между прочимъ, сенаторской ревизіи пришлось констатировать такой случай, что администраціей Закаспійской области домовладѣлецъ мѣстечка Бахардея Осиньянцъ былъ арестованъ на двѣ недѣли «въ порядкѣ чрезвычайной охраны», хотя м. Бахардей вовсе не значится на положеніи чрезвычайной охраны. Заинтересованные ревизоры обратились за разъясненіемъ этого случая къ начальнику Закаспійской области, ген. Карцеву, и получили вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ.

«Я зналъ, — отвѣтилъ, по словамъ передающей эту исторію газеты, ген. Карцевъ — что Бахардей не на положеніи чрезвычайной охраны. Но Осиньянцъ былъ очень дерзокъ по отношенію къ приставу. Его надо было примѣрно наказать. И я счелъ возможнымъ превысить свою власть» *).

Случаи чудеснаго превращенія администратора въ законодателя къ прямому ущербу для обывательскаго кармана до такой степени распространены въ окружающей насъ дѣйствительности, до такой степени часто повторяются, что глазъ уже отказывается видѣть что-либо чудесное въ этомъ превращеніи. А газеты продолжаютъ приносить все новыя и новыя извѣстія о случаяхъ такого рода. На-дняхъ, напримѣръ, въ газетахъ разсказывалось, что севастопольская полиція «на основаніи 129 ст. устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій» обязываетъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ «въ недѣльный срокъ завести не менѣе двухъ трехцвѣтныхъ національныхъ флаговъ съ окрашенными флагштоками для украшенія дома въ высокоторжественные дни», а для вывѣшиванія флаговъ «устроить кронштейны», при чемъ предупредительно указываетъ адресъ нѣкоего мастера Ривенсона, берущагося поставить обывателямъ флаги, флагштоки и кронштейны, и любезно сообщаетъ цѣны его мастерской *). Не такъ давно севастопольскій полицеймейстеръ въ особомъ приказѣ, составленномъ въ чрезвычайно прочувственныхъ выраженіяхъ, горько жаловался на нравы мѣстной полиціи, черезчуръ склонной, по его словамъ, забывать о до-

*) «Рѣчь», 9 апрѣля.
**) «Рѣчь», 7 мая.

стоинствѣ полицейской службы. Но, повидимому, интересы мастерской г. Ривенсона оказались выше этого достоинства.

Впрочемъ, аналогичные интересы оказываютъ свое воздѣйствіе далеко не на однихъ только полицейскихъ чиновниковъ. Недавно опять-таки въ газетахъ появилось чрезвычайно любопытное въ этомъ смыслѣ извѣстіе. «Обнаружено,—сообщала телеграмма изъ Одессы—что проректоръ университета, деканъ медицинскаго факультета Маньковскій, пользуясь правомъ безпошлиннаго полученія приборовъ для нуждъ университета, систематически выписывалъ изъ-заграницы по адресу университета цѣнные микроскопы для постороннихъ лицъ, являясь коммерческимъ представителемъ заграничной фирмы» *). Профессоръ, мало того, деканъ и проректоръ университета, пользующійся своимъ служебнымъ положеніемъ для обхода таможни въ цѣляхъ устройства коммерческихъ дѣлъ купеческой фирмы и своихъ собственныхъ и прикрывающій университетскимъ флагомъ контрабандный грузъ,—это какъ будто совсѣмъ уже необыкновенное явленіе. Но не надо забывать, что профессоръ Маньковскій одинъ изъ видныхъ членовъ той компаніи одесскихъ профессоровъ, которая занимается не столько наукой, сколько «патріотизмомъ», и именно поэтому получила возможность захватить въ свои руки новороссійскій университетъ. Съ ея хозяйничаньемъ въ послѣднемъ связаны и другія, не менѣе красивыя исторіи и въ скоромъ времени, напримѣръ, суду предстоитъ разсмотрѣть дѣло о вымогательствѣ взятокъ съ евреевъ, желавшихъ поступить въ число студентовъ одесскаго университета.

Всѣ приведенные эпизоды, безъ особаго подбора взятые мною изъ газетной хроники послѣднихъ недѣль, чтобы не сказать, послѣднихъ дней, сами по себѣ еще не даютъ, конечно, понятія о силѣ и распространенности свирѣпствующей вокругъ насъ эпидеміи административныхъ хищеній. Эти эпизоды являются лишь единичными случаями, лишь примѣрами названной эпидеміи, но въ качествѣ таковыхъ они имѣютъ несомнѣнное симптоматическое значеніе. Заимствуя съ газетныхъ столбцовъ только что разсказанные эпизоды, я вовсе не старался особенно тщательно подбирать ихъ и тѣмъ не менѣе они охватили собою весьма широкій и разнообразный кругъ людей, имѣющихъ отношеніе къ государственной службѣ и казенному интересу. Чины морского и военнаго вѣдомствъ, интенданты и инженеры, полицейскіе чиновники, администраторы, черносотенные профессора—«всѣ промелькнули передъ нами, всѣ побывали тутъ». И всякій, кто болѣе или менѣе внимательно слѣдилъ за газетной хроникой послѣдняго времени, знаетъ, что такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, знаетъ, что даваемыя этою хроникой свѣдѣнія, ничтожная часть которыхъ воспроизведена мною, рисуютъ одну и ту же картину эпидеміи админи-

*) „Рѣчь", 6 марта.

стративныхъ хищеній въ самыхъ разнообразныхъ вѣдомствахъ, въ самыхъ различныхъ отрасляхъ дѣятельности отечественной бюрократіи. Эта эпидемія хищеній широко развертывается подъ аккомпаниментъ разговоровъ о необходимости охранять русскую государственность, и громкія слова объ укрѣпленіи государственности тѣсно переплетаются съ громкими хищеніями.

Такая связь, конечно, не представляетъ собою какой-либо новости въ нашей исторіи. Она существуетъ съ весьма давнихъ временъ, но въ настоящій моментъ она проявляется особенно рельефно, выступаетъ съ такою поражающею наглядностью, что объ ней находятъ уже возможнымъ громко говорить съ думской трибуны даже весьма умѣренные ораторы изъ числа членовъ третьей Думы. И эта наглядность въ свою очередь влечетъ за собою нѣкоторыя послѣдствія. Система укрѣпленія государственности при помощи хищеній, несомнѣнно, имѣетъ пріятныя стороны для лицъ, занимающихся такимъ укрѣпленіемъ, но, когда эта система, достигнувъ извѣстнаго развитія, является безъ всякаго прикрытія, совершенно оголенной, ея оголенность содѣйствуетъ изолированному положенію власти въ обществѣ. Чѣмъ дальше идетъ время, чѣмъ быстрѣе развивается неуклонно прогрессирующее разложеніе правительственнаго механизма, тѣмъ большіе размѣры принимаетъ и тѣмъ яснѣе выступаетъ наружу эта изолированность власти, заставляющая задумываться надъ собою, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ, болѣе осторожныхъ слугъ господствующаго режима, сумѣвшихъ, если не понять, то почувствовать ея непріятныя стороны. Отсюда въ концѣ концовъ и идутъ всѣ сѣтованія реакціонныхъ публицистовъ на унылый характеръ переживаемаго момента, на не оправдавшую будто бы ихъ надеждъ третью Думу, потонувшую въ «вермишели» и обращающуюся въ «простой департаментъ законодательныхъ работъ». Отсюда идутъ и совѣты этихъ публицистовъ перебросить мостъ между обществомъ и правительствомъ, приглашенія общества и правительства «подать другъ другу руку» и создать почву для совмѣстной работы. Отсюда, наконецъ, и торжественныя завѣренія, что общество и правительство очень скоро будутъ «не противниками, а союзниками».

Провѣрить серьезность всѣхъ этихъ сѣтованій, совѣтовъ и завѣреній какъ нельзя болѣе легко. Для этого стоитъ только обратиться къ правительственной практикѣ, восхваляемой тѣми же самыми публицистами. И нѣтъ надобности даже брать эту практику въ полномъ ея объемѣ. Совершенно достаточно остановиться лишь на одной ея сторонѣ, имѣющей наиболѣе близкое отношеніе къ данному случаю —на правительственныхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, устанавливающихъ предѣлы общественной самодѣятельности въ сферѣ наименѣе острыхъ въ политическомъ смыслѣ вопросовъ.

Въ началѣ текущаго года предсѣдатель совѣта министровъ

разослалъ мѣстнымъ властямъ циркуляръ, въ которомъ указывалъ, что «съ изданіемъ высочайше утвержденныхъ 4 марта 1906 года временныхъ правилъ объ обществахъ и союзахъ среди инородческихъ элементовъ, населяющихъ Россію, стало наблюдаться особое движеніе къ культурно-просвѣтительному развитію отдѣльныхъ народностей на почвѣ пробужденія узко-національнаго политическаго самосознанія и образованія для этой цѣли цѣлаго ряда обществъ подъ самыми разнообразными наименованіями, имѣющихъ цѣлью объединеніе инородческихъ элементовъ на почвѣ ихъ исключительно національныхъ интересовъ». «Преслѣдуя указанныя цѣли,— продолжалъ циркуляръ—такія общества, несомнѣнно, ведутъ къ усугубленію началъ національнаго обособленія и розни и потому должны быть признаны угрожающими общественному спокойствію и безопасности, какъ это разъяснено было правительствующимъ сенатомъ въ рядѣ рѣшеній». Сообразно этому, предсѣдатель совѣта министровъ, признавая учрежденіе подобныхъ обществъ недопустимымъ, указывалъ въ своемъ циркулярѣ, что при обсужденіи ходатайствъ о регистраціи какихъ бы то ни было инородческихъ обществъ, независимо отъ преслѣдуемыхъ ими цѣлей, мѣстному по дѣламъ объ обществахъ присутствію слѣдуетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ спеціально останавливаться на вопросѣ о томъ, не ставятъ ли себѣ эти общества названныхъ выше задачъ, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта неукоснительно отказывать въ регистраціи ихъ уставовъ. Помимо этого тотъ же циркуляръ предписывалъ мѣстнымъ властямъ въ лицѣ губернаторовъ тщательно ознакомиться съ дѣятельностью существующихъ уже инородческихъ обществъ и въ случаѣ признанія въ томъ надобности возбудить въ установленномъ порядкѣ вопросъ объ ихъ закрытіи.

Въ сущности этотъ министерскій циркуляръ явился ничѣмъ инымъ, какъ совершенно откровенной отмѣной закона. Вопреки прямому смыслу послѣдняго изложенный циркуляръ рѣшительно возстанавливаетъ для «инородческихъ» обществъ разрѣшительный порядокъ, открыто обязывая мѣстныя власти замѣнить регистрацію такихъ обществъ разрѣшеніемъ, даваемымъ только въ случаѣ признанія за возникающимъ обществомъ достаточной благонадежности. При этомъ намѣчается и критерій такой благонадежности путемъ указанія, что «объединеніе инородческихъ элементовъ на почвѣ ихъ исключительно національныхъ интересовъ» и «движеніе къ культурно-просвѣтительному развитію отдѣльныхъ народностей на почвѣ пробужденія узко-національнаго политическаго самосознанія» должны считаться вредными и недопустимыми явленіями. Для лучшаго поясненія того, что именно слѣдуетъ разумѣть «подъ «пробужденіемъ узко-національнаго самосознанія», циркуляръ ссылается на сенатскія рѣшенія послѣдняго времени. Изъ такихъ рѣшеній въ данномъ случаѣ особенно важны два—по дѣлу закрытаго администраціей въ Кіевѣ польскаго просвѣтительнаго общества «Освяты»

и по дѣлу образовавшейся было въ Полтавѣ, но встрѣтившей отказъ въ регистраціи украинской «Просвіты». Нельзя не признать,— заявлялъ сенатъ въ первомъ изъ этихъ рѣшеній, о которомъ мнѣ приходилось уже говорить на страницахъ «Р. Богатства» въ концѣ прошлаго года *),—что цѣли названнаго общества, направленныя къ укрѣпленію и усиленію польскихъ національныхъ идей и къ объединенію поляковъ, идутъ вразрѣзъ съ основными задачами государственной политики въ краѣ». Въ свою очередь въ рѣшеніи по дѣлу полтавской «Просвіты» сенатъ призналъ отказъ ей въ регистраціи со стороны мѣстнаго присутствія по дѣламъ объ обществахъ совершенно правильнымъ въ виду того, что стремленіе къ культурно-просвѣтительному развитію украинскаго народа является стремленіемъ къ обособленію интересовъ малорусской народности и тѣмъ самымъ можетъ вызвать послѣдствія, угрожающія общественному спокойствію.

Какъ видно уже изъ этихъ ссылокъ на сенатскія рѣшенія, циркуляръ г. Столыпина, отмѣняя законъ, обобщалъ существовавшую и до момента изданія этого циркуляра административную практику. Но, явившись обобщеніемъ этой практики, онъ въ свою очередь давалъ ей толчокъ къ дальнѣйшему развитію въ усвоенномъ ею направленіи. И послѣдствія этого толчка, естественно, не заставили себя ждать, такъ какъ даже и тѣ мѣстныя власти, которыя раньше не проявляли въ соотвѣтствующихъ случахъ особенной энергіи, теперь хорошо поняли, что именно отъ нихъ требуется.

Вскорѣ послѣ изданія г. Столыпинымъ приведеннаго циркуляра, въ началѣ февраля текущаго года, кіевскому губернскому присутствію по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ пришлось разсматривать представленный ему для регистраціи уставъ «уманскаго польскаго общества равноправія женщинъ». Присутствіе впервые примѣнило къ дѣлу указанія, данныя въ циркулярѣ г. Столыпина, и, руководясь этими указаніями, нашло, что названное общество не подлежитъ регистраціи, такъ какъ, включая въ свой составъ лишь лицъ польской національности, оно преслѣдуетъ задачу объединенія инородческихъ элементовъ на почвѣ исключительно національныхъ интересовъ **). Иначе говоря, за уманскими поляками не отрицалось права образовать общество равноправія женщинъ совмѣстно съ русскими жителями Умани, но созданіе такого общества только изъ поляковъ было признано администраціей недопустимымъ, какъ преслѣдующее цѣли «объединенія инородческихъ элементовъ», и въ этомъ случаѣ самое равноправіе женщинъ явилось въ ея глазахъ лишь почвою для развитія «исключительно національныхъ интересовъ». Съ точки зрѣнія закона, равно какъ и съ точки зрѣнія обыкновенной логики, такое умозаключеніе является, конечно,

*) „Р. Богатство", 1909, № 11, „Наброски современности".
**) „Рѣчь", 16 февраля.

чрезвычайно спорнымъ и имѣющимъ весьма сомнительную цѣнность, но нельзя отрицать, что, дѣлая это умозаключеніе, кіевская администрація въ сущности лишь дѣлала совершенно правильный выводъ изъ преподаннаго ей къ руководству циркуляра г. Столыпина.

Не замедлила мѣстная администрація сдѣлать и другіе, столь же правильные выводы изъ этого циркуляра. Уже въ началѣ февраля въ газетахъ появилось извѣстіе, что кіевскимъ губернаторомъ сдѣлано мѣстному генералъ-губернатору представленіе о необходимости, сообразуясь съ указаніями министерскаго циркуляра, закрыть восемь польскихъ и украинскихъ обществъ въ Кіевѣ и въ Кіевской губерніи *). А въ началѣ апрѣля кіевское присутствіе по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ признало вредной дѣятельность существовавшаго въ Кіевѣ съ 1906 года и своевременно зарегистрированнаго украинскаго общества п. н. «Просвіта» и постановило закрыть его **). Мотивы закрытія этого общества, существовавшаго уже четыре года и насчитывавшаго въ своей средѣ болѣе семисотъ членовъ, на столько любопытны, что на нихъ стоитъ нѣсколько остановиться ради того, по крайней мѣрѣ, чтобы при помощи ихъ нѣсколько уяснить себѣ психологію, лежащую въ основѣ дѣйствій власти.

Изъ оффиціальнаго документа, опубликованнаго въ газетахъ и являющагося докладной запиской, представленной въ кіевское присутствіе по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ, какъ будто можно заключить, что присутствіе, рѣшая судьбу кіевской «Просвіты» и постановляя «закрыть ее навсегда», руководилось исключительно свѣдѣніями объ издательской дѣятельности этого общества. По крайней мѣрѣ, въ упомянутой докладной запискѣ говорится только объ этой издательской дѣятельности—объ одиннадцати популярныхъ брошюрахъ и календарѣ на 1908 годъ, выпущенныхъ въ свѣтъ «Просвітою» за четыре года ея существованія. Записка приводитъ выдержки изъ этихъ брошюръ въ доказательство переполняющихъ ихъ «тенденціозной мути и плѣсени» и въ заключеніе даетъ общую ихъ оцѣнку, составленную въ чрезвычайно приподнятомъ тонѣ и изобилующую весьма рѣшительными выраженіями.

«Всѣ брошюры, — утверждаетъ „докладная записка“ — не взирая на различныя заглавія, занимаются соціально-политическими вопросами, и при томъ по довольно опредѣленной программѣ: дискредитированія монархической власти и пропаганды республиканскихъ идей, восхваленія революціонныхъ и бунтовщическихъ дѣяній, принципіальнаго фетишизма предъ политическими преступниками, подрыва авторитета законодательныхъ и административныхъ органовъ правительства и проповѣди рѣшенія аграрнаго вопроса по рецептамъ анархистовъ-коммунистовъ; къ тезисамъ этимъ примыкаетъ также защита антимилитаризма и патріотическаго индиферентизма, отрицаніе необходимости религіознаго воспитанія въ на-

*) „Рѣчь“, 12 февраля.

**) „Рѣчь“, 13 апрѣля.

родныхъ школахъ и поднятіе знамени узконаціональной автономіи для членовъ многоязычныхъ государственныхъ единицъ. Соприкосновеніе съ этой темой заставляетъ авторовъ украинофильскихъ брошюръ соскальзывать быстрымъ темпомъ и по крутой наклонной плоскости изъ области здраваго смысла въ область утопій: авторы возстаютъ противъ пріобщенія малорусскаго племени къ общерусской культурѣ, называютъ это племя лишеннымъ всякихъ человѣческихъ правъ и мечтаютъ о славянской федеративной республикѣ съ Малороссіей въ качествѣ самостоятельнаго члена этой федераціи».

Такимъ образомъ—заканчиваетъ записка—«просвѣтительное товарищество сѣетъ въ народныхъ массахъ не зерна хлѣба духовнаго, а плевелы, или, правильнѣе сказать, усердно старается посѣять вѣтеръ въ надеждѣ пожинать современемъ бурю» *).

Не будемъ слишкомъ строги къ провинціальнымъ администраторамъ и ихъ добровольнымъ пособникамъ. Не будемъ придирчиво спрашивать, что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ такими «тезисами», какъ «принципіальный фетишизмъ предъ политическими преступниками», «патріотическій индиферентизмъ» или «поднятіе знамени узконаціональной автономіи для членовъ многоязычныхъ государственныхъ единицъ». При всемъ презрѣніи составителя или составителей цитированной записки къ грамотности все же достаточно ясно, что собственно хотѣли сказать эти составители и какіе именно «жупелы» и «металлы» стремились они установить въ разбираемыхъ ими изданіяхъ. Но здѣсь неизбѣжно возникаетъ одно очень простое соображеніе: если бы только такіе «жупелы» и «металлы» дѣйствительно имѣлись въ изданіяхъ кіевской «Просвіты», этимъ изданіямъ, конечно, по нынѣшнимъ временамъ не удалось бы миновать суда. А между тѣмъ названныя изданія не только до сихъ поръ не подвергались судебному преслѣдованію, но и теперь, когда въ нихъ оффиціально установлены, повидимому, всѣ признаки преступленій печати, предусмотрѣнныхъ соотвѣтствующими статьями уголовнаго уложенія, о судѣ нѣтъ никакой рѣчи и все дѣло окончилось закрытіемъ общества, издававшаго исполненныя «тенденціонной мути и плѣсени» брошюры, тогда какъ самыя эти якобы преступныя брошюры продолжаютъ свободно обращаться на книжномъ рынкѣ, никѣмъ не преслѣдуемыя. Стоитъ только вспомнить это, чтобы вполнѣ наглядно представить себѣ, что грозныя съ виду обвиненія, выдвинутыя противъ изданій кіевской «Просвіты», имѣли своею цѣлью не столько эти изданія сами по себѣ, сколько выпускавшее ихъ общество. И, если кіевское присутствіе въ данномъ случаѣ усмотрѣло «какъ въ задачахъ, поставленныхъ для себя обществомъ, такъ и въ его издательской

*) „Кіев. Вѣсти“, 11 апрѣля. Названія брошюръ, о которыхъ идетъ рѣчь, слѣдующія: „Объ украинскихъ казакахъ, татарахъ и туркахъ“, „Землеустройство въ Новой Зеландіи“, „Какъ освободились Сѣверо-Американскіе Штаты“, „Разсказы объ Ирландіи“, „Украинцы по Кубани“, „Тарасъ Шевченко“, „Канада“, „Гетманъ Петръ Сагайдачный“, „Трудъ и капиталъ“ „Братья Гракхи“ и „О Буковинѣ“.

дѣятельности угрозу общественной безопасности и спокойствію», то эта издательская дѣятельность, съ виду какъ будто давшая матеріалъ для конкретныхъ обвиненій, по существу, очевидно, была привлечена къ дѣлу, лишь какъ свидѣтельство все о тѣхъ же «задачахъ, поставленныхъ себѣ обществомъ», лишь какъ средство обнаружить въ средѣ послѣдняго стремленіе къ «пробужденію узконаціональнаго политическаго самосознанія». Соображенія, касающіяся издательской дѣятельности кіевской «Просвіты», играли такимъ образомъ въ ея судьбѣ скорѣе служебную роль и явились лишь своеобразнымъ узоромъ, выведеннымъ силами мѣстныхъ дѣятелей на фонѣ общихъ соображеній о вредѣ «движенія къ культурно-просвѣтительному развитію отдѣльныхъ народностей на почвѣ пробужденія узко-національнаго политическаго самосознанія» и объ опасности «объединенія инородческихъ элементовъ на почвѣ ихъ исключительно національныхъ интересовъ».

Для того, чтобы установить наличность или возможность такого вреда и такой опасности, вовсе нѣтъ надобности непремѣнно въ издательской дѣятельности «инородческаго» общества. Для этого, какъ показываетъ практика, совершенно достаточно и другихъ, при томъ самыхъ разнообразныхъ признаковъ. Одновременно съ закрытіемъ «Просвіты» кіевское присутствіе отказало въ регистраціи «обществу для охраны благоустройства могилы Т. Г. Шевченка». «Общество—такъ изложило присутствіе мотивы этого отказа—задалось цѣлью устроить вблизи могилы музей и помѣщеніе для посѣщающихъ могилу. Это является однимъ изъ средствъ сплотить и объединить дѣятелей и адептовъ украинофильской партіи, предоставивъ имъ возможность собираться въ уединенномъ мѣстѣ, мало доступномъ для административнаго наблюденія» *). Если такимъ образомъ забота о благоустройствѣ могилы Шевченка оказалась опасною въ виду возможности на этой почвѣ «сплотить и объединить дѣятелей и адептовъ украинофильской партіи» и малой доступности самой могилы для «административнаго наблюденія», то еще раньше выяснилась опасность воспоминаній о гетманѣ Мазепѣ. Въ Одессѣ еще въ ноябрѣ прошлаго года, слѣдовательно, еще до изданія г. Столыпинымъ его циркуляра, былъ закрытъ въ административномъ порядкѣ книжный магазинъ мѣстнаго украинскаго общества только за то, что въ этомъ магазинѣ наряду съ портретами другихъ дѣятелей Малороссіи продавался и портретъ Мазепы **). Очевидно, одесская администрація усмотрѣла въ продажѣ этого портрета средство къ «пробужденію узко-національнаго политическаго самосознанія» и, предвосхищая циркуляръ г. Столыпина, поспѣшила уничтожить организацію, прибѣгшую къ такому опасному средству.

*) «Рѣчь», 10 апрѣля.
**) «Рѣчь», 25 ноября 1909 г.

Не меньшую бдительность по отношенію къ «инородческимъ» элементамъ проявляла и проявляетъ администрація и въ другихъ мѣстахъ. Когда въ г. Радомѣ нѣсколько обывателей-поляковъ вздумали было въ концѣ прошлаго года основать «Радомское просвѣтительное общество», мѣстное присутствіе категорически отказало имъ въ регистраціи этого общества. «Разсмотрѣвъ ходатайство учредителей,—такъ былъ мотивированъ этотъ отказъ—губернское присутствіе нашло, что при нынѣшнихъ условіяхъ, когда политическое настроеніе мѣстнаго населенія, а въ особенности руководящихъ слоевъ онаго, отличается стремленіемъ къ польско-національной обособленности, есть достаточное основаніе опасаться, что проектируемое «просвѣтительное общество», пользуясь школьнымъ обученіемъ, какъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ воспитательнаго воздѣйствія на народныя массы, будетъ преслѣдовать и успѣшно достигать не столько общія, поощряемыя правительствомъ просвѣтительныя задачи, сколько цѣли узко-націоналистическаго характера, и путемъ организаціи собственныхъ національныхъ школъ создастъ противовѣсъ школамъ правительственнымъ въ ущербъ задачамъ русской государственности въ мѣстномъ краѣ». Одновременно съ этимъ въ Варшавѣ просвѣтительному обществу было отказано въ регистраціи на томъ основаніи, что его «уставъ является сходнымъ съ уставомъ окончательно закрытаго по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ общества «Польской Школьной Матицы» и, очевидно, имѣетъ въ виду возстановленіе ея, но лишь подъ другимъ именемъ» *).

Столь же бдительно относилась и относится администрація польскихъ и сѣверо-западныхъ губерній и къ существующимъ уже «инородческимъ» обществамъ. Въ концѣ прошлаго года въ Петроковской губерніи правленіе профессіональнаго общества рабочихъ мануфактурной промышленности подъ названіемъ «Едность», въ цѣляхъ привлеченія рабочихъ къ болѣе широкому участію въ легальной профессіональной организаціи, постановило «издать воззваніе въ Томашовѣ съ разрѣшенія властей». Воззваніе, дѣйствительно, было отпечатано, представлено инспектору по дѣламъ печати и по истеченіи трехъ дней, въ виду отсутствія какого-либо протеста съ его стороны, выпущено въ свѣтъ, а затѣмъ перепечатано въ спеціальномъ органѣ общества. Но петроковское губернское присутствіе усмотрѣло въ этомъ фактѣ доказательство того, что «общество въ своей дѣятельности стало на путь, угрожающій общественному порядку и спокойствію», и немедленно закрыло общество **). До нѣкоторой степени аналогичная исторія произошла въ Вильнѣ. Существовавшее здѣсь общество равноправія женщинъ издало въ концѣ прошлаго года книгу на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ:

*) „Рѣчи“, 9 мая.
**) „Рѣчь“ 9 мая.

«Руководство для собесѣдованія съ женщиной изъ народа. Коллективный трудъ кружка равноправія женщинъ въ городѣ Вильнѣ». Вскорѣ послѣ этого подоспѣлъ циркуляръ г. Столыпина, и виленскій губернаторъ немедленно усмотрѣлъ въ изданіи названной книги актъ, ведущій къ «усугубленію началъ національнаго обособленія и розни» и тѣмъ самымъ угрожающій общественному спокойствію и безопасности. Въ виду этого губернаторъ своею властью временно пріостановилъ дальнѣйшія дѣйствія виленскаго общества равноправія женщинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ губернскому присутствію по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ разсмотрѣть вопросъ о совершенномъ закрытіи этого общества *).

Приведенные примѣры, думается, достаточно ясно обрисовываютъ судьбу, уготованную «инородческимъ» обществамъ правительственной практикой текущаго дня. Какъ бы ни были узки предѣлы, въ какіе ставятъ свою культурную работу такія общества, какъ бы ни ограничивали въ этомъ отношеніи послѣднія сами себя, отъ этого въ сущности ничто не мѣняется. Участь, для нихъ предназначенная, во всякомъ случаѣ остается одною и тою же и занесенный надъ ними Дамокловъ мечъ можетъ опуститься каждую минуту, по любому поводу. Основаніе школъ съ «инородческимъ» языкомъ преподаванія, изданіе книги или, тѣмъ болѣе, популярной брошюры на «инородческомъ» языкѣ, распространеніе портрета историческаго дѣятеля данной «инородческой» національности, забота объ охранѣ могилы почившаго національнаго поэта, желаніе обсуждать вопросы общественной жизни въ своей національной средѣ и на своемъ собственномъ языкѣ—все это одинаково въ глазахъ администраціи является внѣшнимъ выраженіемъ «движенія къ культурно-просвѣтительному развитію отдѣльныхъ народностей на почвѣ пробужденія узко-національнаго политическаго самосознанія», а такъ какъ такое движеніе заранѣе признано ведущимъ къ «усугубленію началъ національнаго обособленія и розни» и потому «угрожающимъ общественному спокойствію и безопасности», то въ сущности всѣ «инородческія» общества въ совершенно одинаковой степени могутъ считаться «недопустимыми» и подлежащими закрытію. Они, какъ мы видѣли, и закрываются одно за другимъ. Мѣстные администраторы, и раньше довольно дружно дѣйствовавшіе въ этомъ направленіи, теперь съ усиленной энергіей наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ осуществить указанія, данныя центральной властью.

Политика, построенная на столь мудрыхъ умозаключеніяхъ и проводимая путемъ столь утонченныхъ пріемовъ, называется у насъ политикой охраны русской государственности отъ инородческихъ элементовъ. По существу ее, конечно, слѣдовало бы называть совсѣмъ иначе, но сейчасъ, оставаясь въ предѣлахъ нашей

*) „Кiев. Вѣсти“, 30 апрѣля.

темы, мы можемъ и не говорить объ этомъ. Одно во всякомъ случаѣ можно утверждать, какъ совершенно безспорное положеніе,—что такая политика создаетъ полную изолированность власти отъ инородческаго населенія государства, отъ всѣхъ народностей, не совпадающихъ съ народностью господствующей. Между дѣятельными, жизнеспособными элементами этихъ народностей и властью при такой политикѣ нѣтъ возможности перебросить какой бы то ни было мостъ, у нихъ нѣтъ никакой почвы для совмѣстной работы, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ поводовъ «подать другъ другу руку». Загромождая всѣми зависящими отъ нея преградами путь культурнаго развитія отдѣльныхъ народностей, отличающихся отъ господствующей, власть, естественно, не можетъ ждать себѣ отъ нихъ сочувствія. Больше того, — она съ роковою неизбѣжностью ставитъ ихъ, или, по крайней мѣрѣ, всѣ наиболѣе энергичные ихъ элементы, въ положеніе своихъ противниковъ.

Присяжные апологеты дѣйствующаго режима именно эту его особенность выставляютъ подчасъ, какъ одно изъ главныхъ его достоинствъ, обезпечивающее ему тѣсную связь съ русскими народными массами. Не будемъ опять-таки разбирать сейчасъ по существу аргументы, какими обычно защищается этотъ взглядъ,— аргументы, въ громадномъ своемъ большинствѣ грубо наивнаго или наивно лицемѣрнаго характера, — возьмемъ лишь нѣсколько фактовъ, говорящихъ о томъ, какъ обстоитъ дѣло съ интересами «господствующей» народности въ той же самой, сравнительно далекой отъ острыхъ вопросовъ политики, сферѣ культурной работы на почвѣ мѣстныхъ нуждъ и вопросовъ.

Въ Харьковѣ мѣстный губернаторъ въ началѣ текущаго года предложилъ полиціи «не допускать никакихъ собраній разныхъ обществъ и союзовъ, а тѣмъ болѣе чтенія на этихъ собраніяхъ какихъ бы то ни было рефератовъ, безъ испрошенія этими обществами и союзами предварительнаго разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ, о чемъ поставить въ извѣстность существующіе въ Харьковѣ общества и союзы, предупредивъ ихъ, что чтеніе рефератовъ будетъ допущено лишь въ томъ случаѣ, если представленъ будетъ въ подлинникѣ самый рефератъ или на столько полный его конспектъ, чтобы изъ содержанія конспекта можно было судить о содержаніи реферата» *). Такое распоряженіе довольно сильно расходится съ закономъ, но это обстоятельство, очевидно, не могло смутить ни харьковскаго губернатора, ни харьковскую полицію. Нисколько не смущало ихъ, очевидно, и представленіе о томъ, къ чему должно повести исполненіе этого распоряженія на практикѣ. Обязать всѣ общества и союзы испрашивать предварительное разрѣшеніе на каждый рефератъ и обусловить такое разрѣшеніе непремѣннымъ представленіемъ въ письменномъ видѣ подлиннаго ре-

*) «Рѣчь», 31 января.

ферата или подробнаго его конспекта значитъ въ сущности отпугнуть большую часть референтовъ отъ обществъ и союзовъ и тѣмъ самымъ сильно сократить дѣятельность этихъ общественныхъ организацій. Но въ томъ-то и дѣло, что въ глазахъ администраціи такой результатъ вовсе не является нежелательнымъ, скорѣе наоборотъ. И таковъ взглядъ администраціи опять-таки не только въ Харьковѣ, но и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, безъ всякаго почти исключенія.

Порою этотъ взглядъ, сводящійся къ признанію ненужности и даже прямой опасности какихъ бы то ни было общественныхъ организацій, проявляется въ дѣйствіяхъ администраціи безъ всякихъ прикрытій, во всей своей примитивной наивности. Недавно газеты разсказывали «любопытный въ этомъ смыслѣ эпизодъ, происшедшій въ Казанской губерніи. Еще въ 1907 г. три тетюшскихъ обывателя составили, подписали и отправили для регистраціи въ казанское объ обществахъ и союзахъ присутствіе уставъ «Тетюшскаго общества образованія». Отвѣтъ присутствія пришелъ только теперь, черезъ три года. «По имѣющимся въ присутствіи свѣдѣніямъ,—гласитъ этотъ отвѣтъ—политическая благонадежность учредителей Тетюшскаго общества образованія не можетъ быть удостовѣрена и, кромѣ того, по заключенію дирекціи народнаго просвѣщенія, къ открытію означеннаго общества не имѣется достаточныхъ основаній, а посему, не входя въ обсужденіе устава сего общества, присутствіе опредѣлило ходатайство учредителей Тетюшскаго общества образованія объ утвержденіи и регистраціи общества оставить безъ удовлетворенія» *). Въ данномъ случаѣ казанскіе администраторы лишь выразили въ подкупающей своею наивной откровенностью формѣ мысль, лежащую въ основѣ ряда аналогичныхъ дѣйствій и распоряженій администраціи не только въ Казани, но и въ другихъ городахъ и губерніяхъ. Стоило, напримѣръ, администраціи замѣтить, что въ рядѣ городовъ обнаружилось стремленіе къ образованію, по примѣру Петербурга, въ средѣ городскихъ жителей «обществъ обывателей и избирателей», и немедленно же начались отказы въ регистраціи такихъ обществъ, мотивированные тѣмъ, что названныя общества предполагаютъ заниматься вопросами городского благоустройства, а послѣднее отведено закономъ въ завѣдываніе городскихъ думъ.

«Для открытія общества не имѣется достаточныхъ основаній»—эта формула, не предусмотрѣнная закономъ, выдвинута была практикою администраціи и здѣсь. Порою та же формула выдвигается органами власти и въ нѣсколько иномъ видѣ. Не такъ давно, напримѣръ, екатеринославское губернское присутствіе отказало въ регистраціи «Петровско-Бахмутскаго общества образованія» на томъ основаніи, что, «какъ видно изъ параграфа перваго устава проек-

*) „Р. Вѣдомости", 4 мая.

тируемаго общества, учредители его задаются слишкомъ широкими задачами, осуществленіе которыхъ по мѣстнымъ условіямъ совершенно невозможно» *).

Разрѣшительный порядокъ установился такимъ образомъ въ жизни не только для «инородческихъ обществъ», но и для всѣхъ другихъ. Отбросивъ въ сторону законъ, указывающій рамки для ея дѣйствій, администрація всюду въ одинаковой мѣрѣ ведетъ себя по отношенію къ населенію, пытающемуся создать тѣ или иныя общественныя организаціи, какъ полновластный опекунъ, не видящій никакой нужды считаться съ желаніями опекаемаго. И не только тамъ, гдѣ органы власти встрѣчаются съ «инородческими элементами», но и такъ, гдѣ они имѣютъ дѣло съ «коренною», «господствующей» народностью, они одинаково тщательно стремятся разрѣшить вопросы о томъ, обладаютъ ли объединяющіеся въ ту или иную общественную организацію элементы мѣстнаго населенія достаточною политическою благонадежностью, не намѣчаютъ ли они для себя цѣли, которыхъ имъ не слѣдуетъ себѣ ставить, не собираются ли они преслѣдовать задачи, для нихъ неподходящія или непосильныя. Само собою разумѣется, что тщательное изслѣдованіе этихъ вопросовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ приводитъ администрацію къ неблагопріятнымъ выводамъ. И тогда попытки объединенія немедленно пресѣкаются, или, по крайней мѣрѣ, для нихъ ставятся такія условія, которыя должны обезвредить ихъ. Обезвредить,—такъ какъ всякое объединеніе, даже наиболѣе невиннаго съ виду характера, въ глазахъ администраціи можетъ таить въ себѣ нѣчто вредоносное.

Когда въ Полтавѣ образовалось было «общество попеченія о дѣтяхъ», мѣстное губернское присутствіе, «имѣя въ виду, что въ настоящее время нерѣдки случаи, когда подъ видомъ благотворительныхъ возникаютъ общества, преслѣдующія главнымъ образомъ «политическія цѣли», потребовало отъ учредителей измѣненія представленнаго ими устава въ формѣ введенія въ него параграфа, согласно которому предсѣдатель и члены комитета общества утверждались бы губернаторомъ. Когда же учредители не согласились на такое условіе, «обществу попеченія о дѣтяхъ» было рѣшительно отказано въ регистраціи. Не менѣе энергично была искоренена угнѣздившаяся въ обществѣ попеченія о дѣтяхъ крамола въ Тамбовѣ. Здѣсь существовалъ отдѣлъ петербургскаго общества дѣтскихъ развлеченій, содержавшій, между прочимъ, свою библіотеку. Въ 1908 году властями произведена была внезапная ревизія этой библіотеки. Ничего преступнаго или запрещеннаго въ послѣдней не нашлось, но тѣмъ не менѣе ревизія дала возможность установить несомнѣнныя «преступленія» заподозрѣннаго общества. «При осмотрѣ въ библіотекѣ книгъ оказалось значительное число такихъ, которыя,

*) «Рѣчь», 9 мая.

хотя не запрещены, но по своему содержанію тенденціозны и не соотвѣтствуютъ дѣтскому развитію». Больше того,—«оказалось», что «подборъ книгъ не только не соотвѣтствуетъ дѣтскому возрасту и развитію, но по своему направленію долженъ дѣйствовать растлѣвающе на неустойчивые умы дѣтей». Тамбовскій губернаторъ, который даже взрослому населенію губерніи заботливо разъясняетъ, какіе изъ числа легально издаваемыхъ журналовъ и газетъ ему полезно читать, какіе—можно, и какіе—«совершенно недопустимо», не могъ, конечно, потерпѣть такой несогласованности съ видами правительства въ дѣтской библіотекѣ. Воспользовавшись положеніемъ объ усиленной охранѣ, онъ постановилъ «имѣющуюся въ Тамбовѣ при отдѣлѣ петербургскаго общества дѣтскихъ развлеченій дѣтскую библіотеку, какъ оказывающую безусловно вредное вліяніе на подростающее поколѣніе, закрыть» и, кромѣ того, внесъ въ губернское присутствіе предложеніе о закрытіи самаго отдѣла, которое и было, конечно, осуществлено. Отдѣлъ жаловался, правда, въ сенатъ, но сенатская практика по отношенію къ обществамъ вполнѣ совпадаетъ съ губернаторской, и сенатъ, разсмотрѣвъ недавно эту жалобу, оставилъ ее безъ послѣдствій *).

Еще болѣе широкую и рѣшительную постановку придала своей заботѣ о библіотекахъ вятская администрація. Вятскій губернаторъ, г. Камышанскій, ссылаясь на неопубликованное сенатское разъясненіе отъ 12 марта текущаго года, разъясненіе, согласно которому въ попеченіе земства не входятъ заботы о политическомъ и общественномъ воспитаніи населенія, а потому во всѣхъ содержимыхъ земствомъ библіотекахъ и книжныхъ складахъ не могутъ имѣть мѣста печатныя произведенія, трактующія вопросы политическаго и общественнаго характера, предписалъ подчиненнымъ ему полицейскимъ чинамъ пересмотрѣть къ 1 августа съ точки зрѣнія этого разъясненія содержаніе всѣхъ подходящихъ подъ него библіотекъ, имѣющихся въ губерніи. Въ результатѣ, какъ разсказываетъ сообщающая эту исторію газета, «въ настоящее время въ Вятской губерніи происходитъ крестовый походъ противъ библіотекъ. Производятся неимовѣрныя выемки, арестовываются безчисленныя изданія, уничтожаются тысячами книги самаго разнообразнаго содержанія. Походъ этотъ направленъ противъ всѣхъ земскихъ, какъ училищныхъ, такъ и общихъ библіотекъ, городскихъ библіотекъ, земскихъ и городскихъ книжныхъ складовъ и всѣхъ библіотекъ, содержимыхъ благотворительно-просвѣтительными обществами. Словомъ, противъ всѣхъ тѣхъ культурныхъ учрежденій, которыми держалось и держится образованіе широкихъ массъ населенія» **). Въ самомъ дѣлѣ, не трудно представить себѣ, къ какимъ результатамъ можетъ повести исполненіе этого предписанія. При

*) „Рѣчь“, 9 мая.
**) „Рѣчь“, 22 апрѣля.

достаточно строгомъ его толкованіи—а въ надлежащей строгости, надо полагать, недостатка не окажется, такъ какъ и самое губернаторское предписаніе направлено къ тому, чтобы вызвать эту строгость,—почти всякая книга, не исключая даже книгъ беллетристическихъ, можетъ вѣдь быть подведена подъ понятіе «печатнаго произведенія, трактующаго вопросы политическаго и общественнаго характера», и такимъ путемъ земскіе и городскіе книжные склады и библіотеки обрекаются на полное почти уничтоженіе, получая возможность держать на своихъ полкахъ чуть не одни только буквари. «Проще было бы просто запретить всѣ библіотеки, меньше хлопотъ и къ цѣли ближе», —говоритъ по поводу этой исторіи передающая ее газета, и этотъ отзывъ хорошо характеризуетъ впечатлѣніе отъ того положенія, какое сумѣлъ создать вятскій губернаторъ въ роли толкователя сенатскихъ указовъ. Справедливости ради надо только прибавить, что отъ вятскаго губернатора не далеко отстали и всѣ другіе.

Всѣ приведенные выше факты стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ существующимъ на бумагѣ закономъ и въ этомъ смыслѣ могутъ служить яркими образчиками того по истинѣ поразительнаго хаоса безправія, какой представляетъ собою наша современная жизнь. Но сейчасъ для насъ болѣе интересна другая ихъ сторона—именно заключающееся въ нихъ свидѣтельство о характерѣ отношеній, установившихся между правительствомъ и обществомъ. Говорить о желательности «проявленій общественной самодѣятельности» въ виду политики, въ корнѣ отрицающей всякую самодѣятельность населенія и послѣдовательно доводящей это отрицаніе вплоть до уничтоженія земскихъ библіотекъ и закрытія обществъ попеченія о дѣтяхъ, значитъ, несомнѣнно, говорить пустыя и лишенныя всякаго содержанія слова. И точно такъ же пустыми и лишенными содержанія словами являются въ этой обстановкѣ и пожеланія консервативныхъ публицистовъ, чтобы общество и правительство подали другъ другу руки по тому или другому поводу. Съ точки зрѣнія защищаемыхъ имъ интересовъ, рѣзко расходящихся съ интересами широкихъ народныхъ массъ, правительство ведетъ свою политику вполнѣ послѣдовательно. Но именно эта послѣдовательность ставитъ его въ опредѣленныя отношенія съ массой общества—отношенія, не подлежащія измѣненію.

За послѣдніе годы мы видѣли, правда, нѣсколько попытокъ измѣнить такія отношенія, нѣсколько попытокъ «подать руку», исходившихъ отъ общества или, вѣрнѣе, отъ одной его части. Люди, уставшіе отъ непомѣрно затянувшейся борьбы и вѣрившіе или хотѣвшіе вѣрить въ возможность, если не мира, то перемирія, нѣсколько разъ пытались подойти къ правительству хотя бы окружнымъ путемъ и отвлечь, по крайней мѣрѣ, часть входящихъ въ составъ правительства силъ въ сторону отъ основныхъ принциповъ его политики. Но всѣ такія попытки неизбѣжно получали

одинъ и тотъ же исходъ. Отдѣльныя лица, черезчуръ близко подходившія къ правительственнымъ сферамъ, подчасъ такъ и оставались затѣмъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ правительствомъ, но сколько-нибудь независимыя общественныя группы, не принадлежащія къ немногочисленнымъ слоямъ, обслуживаемымъ современною властью, не могли долго выдержать такого сосѣдства и уже очень скоро видѣли себя вынужденными вновь возвратиться на прежнюю позицію, имѣющую весьма мало общаго съ позиціей союзниковъ правительства.

Такъ было съ представителями конституціонно-демократической партіи, когда они собрались подойти къ правительству черезъ Западную Европу и предприняли совмѣстно съ октябристами и умѣренно-правыми пресловутую заграничную поѣздку «русскихъ народныхъ представителей». Люди ѣздили въ Лондонъ и Парижъ, говорили тамъ рѣчи о русской конституціи, старались поднять престижъ оффиціальной Россіи, принимали, какъ сами потомъ сознавались, обязательства, которыя могло бы принять только русское правительство, выдавали иллюзіи за факты,—и все надѣялись, что этимъ путемъ они чего-то добьются, что-то перемѣнятъ внутри Россіи. Но надежды эти скоро разсѣялись, а вмѣстѣ съ ними въ значительной мѣрѣ исчезло и стремленіе дѣятелей названной общественной группы фигурировать передъ общественнымъ мнѣніемъ европейскаго Запада рядомъ съ представителями русскаго правительства. И когда въ нынѣшнемъ году французскіе парламентаріи сдѣлали отвѣтный визитъ русскимъ думцамъ, г. Милюковъ и другіе видные члены конституціонно-демократической партіи, хотя и приняли участіе въ пріемѣ французскихъ гостей, но, видимо, не стремились играть въ этомъ пріемѣ особенно активной роли, а скорѣе, наоборотъ, старались держаться до нѣкоторой степени въ тѣни. Въ свою очередь и отражающая настроеніе этихъ круговъ «Рѣчь», хотя и увѣряла, будто при этомъ визитѣ «Россія принимаетъ своихъ гостей и союзниковъ, какъ нація», но дѣлала эти увѣренія не совсѣмъ рѣшительнымъ тономъ и немедленно прибавляла, что русская нація еще не можетъ говорить со своими гостями «полнымъ голосомъ», а «говоритъ теперь простуженнымъ басомъ или крикливымъ фальцетомъ» *). Вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще названная газета въ своихъ статьяхъ по поводу французскаго визита не столько уже настаивала на пресловутой «конституціонности» существующаго режима, сколько подчеркивала проблематическій характеръ этой конституціонности. Занятая было близко къ правительству позиція оказалась слишкомъ неудобной для того, чтобы на ней можно было долго держаться.

То же самое повторилось и въ другомъ, имѣвшемъ нѣсколько болѣе длительный характеръ, эпизодѣ—эпизодѣ т. н. «неославизма».

*) «Рѣчь» 5 февраля.

Первоначально, когда знамя «неославизма» только что было выкинуто въ Россіи, многіе видные члены к.-д. партіи поспѣшили стать подъ это знамя, сознательно объединяясь подъ его сѣнью съ октябристами и націоналистами вплоть до самого г. Суворина и разсчитывая путемъ такого объединенія достигнуть какихъ-то практическихъ результатовъ, добиться какихъ-то перемѣнъ правительственной политики въ Польшѣ и даже внутри самой Россіи. Время вскрыло опять-таки ошибочность и этихъ разсчетовъ.

«Одни—писала не такъ давно по поводу ихъ близкая, если не къ к.-д. партіи, то къ к.-д. кругамъ газета—боялись этихъ плодовъ увлеченія неославизмомъ, другіе возлагали на него всяческія надежды. Оказалось, что тѣ и другіе находятся въ власти иллюзіи и что рѣчи, произносимыя въ Прагѣ, отнюдь не связываютъ участниковъ славянскихъ съѣздовъ въ ихъ выступленіяхъ во Государственной Думѣ, гдѣ они являются усерднѣйшими апологетами существующаго курса въ польскомъ вопросѣ»*).

Выступленіе въ третьей Думѣ гр. В. А. Бобринскаго, одного изъ наиболѣе горячихъ адептовъ «неославизма», съ проповѣдью національной вражды къ полякамъ и съ хвалебнымъ гимномъ правительственной политикѣ въ Польшѣ охладило симпатіи къ неославизму и въ «Рѣчи», вначалѣ горячо поддерживавшей это движеніе. Послѣ упомянутаго выступленія «Рѣчь» дала заднимъ числомъ не лишенную ядовитости характеристику современнаго неославизма и выставила рядъ существенныхъ оговорокъ къ нему.

«Во внутренней политикѣ—писала теперь газета—уже съ самаго начала иллюзій не было относительно роли „неославизма" ни у кого, кто могъ внимательно присмотрѣться къ захватившимъ его въ свои руки главнымъ антрепренерамъ. Наивный дилеттантъ и ловкій политикъ въ союзѣ съ легко воспламеняющимся актеромъ націонализма и хитроумнымъ пѣнкоснимателемъ, около нихъ нѣсколько любителей славянскаго туризма, награжденныхъ сокольскими костюмами, нѣсколько фанатиковъ мѣстныхъ славянскихъ распрей и группа хорошихъ людей, съ стѣсненнымъ сердцемъ тащившая на себѣ скрипучій возъ во имя хорошей идеи: вотъ то карнавальное шествіе, которое изъ Праги черезъ Петербургъ направляетъ теперь свой путь въ Софію».

«Никогда еще—говорила газета спеціально по поводу выступленія гр. Бобринскаго—внутреннее противорѣчіе, на которое мы не разъ указывали, не выходило такъ ярко наружу... Обнаружилось здѣсь то, что при теперешней внутренней политикѣ Россіи возбуждать вопросъ объ улаженіи междуславянскихъ отношеній намъ не ко двору. Нельзя говорить одно, а дѣлать прямо противоположное. И нельзя быть попутчикомъ съ человѣкомъ, который ѣдетъ на востокъ, когда вы ѣдете на западъ»**).

Положимъ, въ «сокольскіе костюмы» наряжались, между прочимъ, и видные члены конституціонно-демократической партіи. Положимъ, и на «внутреннее противорѣчіе» неославизма недавно еще не столько указывала «Рѣчь», сколько указывали «Рѣчи» другіе.

---

*) «Р. Вѣдомости», 30 января.

**) «Рѣчь» 28 марта.

Но это сейчасъ не такъ ужъ важно. Важнѣе другое,—что это внутреннее противорѣчіе сознано теперь и тѣми, кто первоначально не понималъ или затушевывалъ его, что идея совмѣстной работы оппозиціонныхъ круговъ съ сотрудниками правительства въ своемъ практическомъ осуществленіи и на этотъ разъ окончилась банкротствомъ. Газетныя статьи въ данномъ случаѣ только отразили въ себѣ факты жизни: почти всѣ болѣе видные дѣятели к.-д. лагеря одинъ за другимъ отошли отъ неославистовъ и не принимаютъ болѣе сколько-нибудь замѣтнаго участія въ дѣятельности послѣднихъ, предоставивъ арену этой дѣятельности въ полное распоряженіе октябристовъ и націоналистовъ.

Попытки найти почву для компромисса на обходныхъ путяхъ потерпѣли такимъ образомъ полное крушеніе и, если нельзя утверждать, что въ ближайшемъ будущемъ не будетъ предпринято новыхъ попытокъ такого рода, то можно все-таки съ большою увѣренностью сказать, что въ случаѣ своего возникновенія онѣ привлекутъ къ себѣ въ виду испытанныхъ уже разочарованій гораздо меньшее количество силъ. Въ настоящемъ такія попытки во всякомъ случаѣ ничего не измѣнили. Власть остается изолированной, правительство и общество являются не союзниками, а противниками, и правительственный механизмъ на глазахъ у общества подвергается быстро прогрессирующему разложенію. Можно понять, что чрезмѣрная ясность такого положенія вещей подчасъ нѣсколько безпокоитъ сторонниковъ создавшаго это положеніе порядка и что они ищутъ средствъ, способныхъ смягчить и ослабить черезчуръ рѣзкія краски дѣйствительности. Понятно, пожалуй, и то, что «Новое Время», напримѣръ, въ поискахъ такихъ средствъ не довольствуется уже «народнымъ представительствомъ» третьей Думы. Третьедумское большинство весьма исправно выполняетъ законодательные подряды, сдаваемые ему правительствомъ, но это продѣлывается слишкомъ ужъ откровенно, и сама третья Дума слишкомъ ужъ явно для всѣхъ обращается въ «простой департаментъ законодательныхъ дѣлъ». Неудивительно, что начинаетъ ощущаться потребность въ болѣе надежныхъ, болѣе удачно маскирующихъ дѣйствительность ширмахъ, и чуткіе публицисты «Новаго Времени» заводятъ разговоры о необходимости для общества и правительства подать другъ другу руку и совмѣстными усиліями вести подготовительную работу для «неопытныхъ законодателей» третьей Думы.

Многоопытная газета г. Суворина знаетъ, что дѣлаетъ, заводя эти разговоры. Но въ то самое время, какъ она ведетъ ихъ, нѣкоторые ея собратья изъ рядовъ реакціонной прессы выступаютъ съ другими, болѣе откровенными и болѣе прямолинейными планами.

«Депутатская неприкосновенность и свобода депутатскаго слова—писали недавно «С.-Петербургскія Вѣдомости»—сами по себѣ законъ. Едва-ли

*) „Рѣчь“, 29 января и 1 февраля.

въ этой нормѣ постояннаго закона возможны какія-либо измѣненія. Но нельзя упускать изъ виду, что есть возможность ограничить свободу зловреднаго слова, раздающагося съ думской трибуны, не пуская стенограммъ явно революціонныхъ, зажигательныхъ и оскорбительныхъ для священныхъ завѣтовъ народа рѣчей дальше стѣнъ Таврическаго дворца.

«Не пора ли придти къ заключенію, что народу, придающему большое значеніе тому, что пропечатано, народу, еще не успокоившемуся отъ всѣхъ агитацій, волною разливавшихся по Россіи пять лѣтъ назадъ, народу, начавшему жадно читать только со времени послѣдней войны, трудно анализировать всѣ рѣчи, которыя фейерверкомъ и съ точно опредѣленною, анти-государственной цѣлью разсыпаетъ оппозиція?.. Какъ бы не поплатиться намъ въ будущемъ за промахъ, допускающій свободу думскаго слова внѣ стѣнъ Думы!» *)

Жизнь успѣла уже въ конкретномъ эпизодѣ отвѣтить на вопросъ о томъ, какой изъ этихъ двухъ плановъ является въ современныхъ условіяхъ болѣе осуществимымъ. «Вице-губернаторъ—сообщала недавно газетная телеграмма изъ Томска—оштрафовалъ на 500 р. газету «Сибирская Жизнь» за помѣщеніе стенограммъ думскихъ рѣчей Маклакова и Караулова» *). Врядъ-ли надо что-либо прибавлять къ этому отвѣту для уясненія всей тщеты попытокъ создать какую-либо двусмысленность въ современной политической жизни. Объ исчезновеніи двусмысленности ея любителямъ можно жалѣть, объ ней можно мечтать, но вновь создать ее, очевидно, невозможно.

В. Мякотинъ.

На очередныя темы.

О нынѣшнихъ съѣздахъ вообще, о писательскомъ—въ особенности.

I.

Одною изъ характерныхъ особенностей общественной жизни за послѣдній годъ приходится считать съѣзды. Какъ никогда, ихъ было много, и всѣ почти они отличались многолюдствомъ, нѣкоторые—даже небывалымъ. Напримѣръ, XII съѣздъ естествоиспытателей, состоявшійся въ теченіе рождественскихъ вакацій въ Москвѣ, привлекъ до 5.000 участниковъ, — число, до сихъ поръ невиданное. Неожиданно многолюднымъ оказался и XI Пироговскій съѣздъ, засѣдавшій въ Петербургѣ на Пасхѣ; по числу членовъ онъ уступалъ лишь IX съѣзду, состоявшемуся въ началѣ

*) Цитирую по „Кіев. Вѣстямъ“, 5 апрѣля.

1904 г. и совпавшему по времени съ только что обнаружившимся тогда общимъ подъемомъ. Съѣздъ ветеринаровъ собралъ около тысячи членовъ. Не могли пожаловаться на недостатокъ членовъ и другіе нынѣшніе съѣзды, за исключеніемъ развѣ только писательскаго. Но о послѣднемъ рѣчь будетъ особая...

Въ многочисленности и многолюдствѣ состоявшихся въ нынѣшнемъ году съѣздовъ нѣкоторые склонны видѣть признакъ возрожденія нашей общественности. Возможно однако, что публика потому лишь такъ охотно собиралась на съѣзды, что ей больше некуда было дѣваться и нечѣмъ было заняться. Общественная жизнь за послѣдній годъ отличалась, вѣдь, и еще одной особенностью—отсутствіемъ сколько-нибудь замѣтныхъ общественныхъ увлеченій. Въ предъидущіе годы была для этого половая проблема въ разныхъ ея варіаціяхъ, религіозная, національная. Съ другой стороны, были «вечера новаго искусства», была «борьба», была «Вампука», была «Синяя Птица»... Но все это уже прискучило, новаго же ничего нынѣшній сезонъ не принесъ.

Правильнѣе, впрочемъ, будетъ сказать, что публика оказалась недостаточно воспріимчивой къ предлагавшимся ей новинкамъ. А новинки—по крайней мѣрѣ, по части развлеченій—были. Напомню хотя бы петербургскій національный балъ или московскій «капустникъ»,—эффектныя, вѣдь, были развлеченія, въ особенности послѣдній, устроенный артистами Московскаго Художественнаго Театра. Между прочимъ

> для одного отдѣленія обратили сцену, гдѣ царятъ Чеховъ и Ибсенъ, въ арену цирка. Въ форменную цирковую арену... Вся цирковая обстановка. И полная, даже до чрезмѣрности, цирковая программа. Конечно, все въ пародіяхъ. К. С. Станиславскій, отлично загриммированный, выводилъ ученую лошадь, А. Л. Вишневскаго. И тотъ, не жалѣя себя, продѣлывалъ всякіе аллюры, бралъ барьеры, которыми служили пьесы изъ репертуара Художественнаго театра, танцовалъ по лошадиному и т. д. А когда онъ уходилъ, „чистили“ арену *).

«Чистили»... Это значитъ, что выходилъ артистъ съ метлою и изображалъ, какъ убираютъ съ арены послѣдствія лошадинаго на ней пребыванія... Дѣйствительно, не жалѣючи себя, можно сказать, старались люди. И успѣхъ имѣли: «въ зрительной залѣ стонъ стоялъ отъ хохота, хотя былъ уже четвертый часъ ночи». По опыту прежнихъ лѣтъ, можно было ожидать, что послѣ этого повсюду начнутся «капустники». Но нѣтъ, не слышно... «Выѣзду» московскихъ артистовъ суждено, повидимому, остаться въ своемъ родѣ единственнымъ, хотя въ намѣченномъ ими направленіи возможны были бы и не такіе еще «эксцессы».

«Шантеклеръ» тоже былъ встрѣченъ русской публикой довольно

---

*) «Рѣчь», 12 марта.

холодно,—не то что «Синяя Птица», изъ которой въ прошломъ году живо состряпали «проблему».

Была, далѣе, комета Галлея,—самимъ Богомъ, можно сказать, посланная,—но и ею какъ то мало интересовались.

Была еще авіація, но и ею достаточно сильно увлекались, повидимому, только гимназисты. По крайней мѣрѣ, въ Москвѣ на конкурсѣ летательныхъ моделей не только по численности, но и по успѣхамъ, они занимали первое мѣсто. Студенты же, которые въ прошломъ году какъ будто начали увлекаться авіацией, чуть ли не совсѣмъ къ ней охладѣли, и, напримѣръ, въ Петербургѣ сооруженный ими планеръ преспокойно остается на мѣстѣ. И городового держатъ у этого планера въ сущности совершенно напрасно. Градоначальникъ опасался, что увлеченные воздухоплаваніемъ студенты, не взирая на чрезвычайную охрану, полетятъ съ какой нибудь горки. Не знаю, какъ въ прошломъ году, но въ нынѣшнемъ эта опасность едва ли угрожаетъ государственному порядку и общественному спокойствію: даже мысль о полетахъ студентами, повидимому, оставлена. Что касается вообще публики, то въ одномъ изъ большихъ городовъ былъ уже случай, что полеты не состоялись за отсутствіемъ достаточнаго числа зрителей. Въ Петербургѣ—благодаря, какъ можно думать, прекрасной погодѣ, когда всѣхъ тянуло на воздухъ,—около Коломяжскаго ипподрома въ теченіе авіаціонной недѣли побывало чуть ли не все населеніе. Но въ этой несмѣтной толпѣ не было замѣтно воодушевленія. Г. Пришвинъ (если не ошибаюсь, членъ одного изъ съѣздовъ), побывавшій въ Коломягахъ, такъ объяснилъ себѣ это явленіе:

> Толпа уже похоронила свои первыя впечатлѣнія въ массѣ нахлынувшихъ потомъ техническихъ и спортивныхъ интересовъ. Сама по себѣ мысль о летающемъ человѣкѣ занимаетъ только насъ, провинціаловъ, а столичная толпа это уже пережила.

Однако и собственныя, «первыя», не пережитыя еще впечатлѣнія попавшаго въ эту толпу человѣка оказались отнюдь не захватывающими. Онъ такъ ихъ описываетъ:

> ...Въ горизонтальной плоскости очень низко летитъ трескучій ящикъ, поворачиваетъ, летитъ надъ извозчиками; одинъ кругъ, другой, третій.
>
> Издали незнающему дѣла очень скучно смотрѣть, и всѣ эти ожиданія получить настроенія, похожія на полученныя отъ прочитанной въ дѣтствѣ хорошей книжки подъ заглавіемъ «Мученики науки», исчезаютъ.
>
> Однообразно летаетъ этотъ аппаратъ, похожій на ящикъ, а иногда просто на лавочку съ парусиновой спинкой. Утомленный этимъ круженіемъ глазъ съ завистью смотритъ на летающую гдѣ то высоко въ небесахъ ворону...

Когда взлетѣлъ французъ Моранъ на своей стрекозѣ, то зрители, по словамъ г. Пришвина, ощутили въ себѣ «радостное расширеніе обогащеннаго духа», но очень не на долго. Это радостное ощущеніе быстро исчезло...

Была сдѣлана, какъ извѣстно, попытка воодушевить петербургскую публику при помощи націоналистическаго доппинга. Одинъ изъ гг. Сувориныхъ, разсчитывая, повидимому, на высокій подъемъ націоналистическихъ чувствъ въ связи съ авіаціей, заблаговременно основалъ «русское товарищество» воздухоплаванія подъ названіемъ «Крылья», а Суворинская газета усиленно рекламировала и рекламируетъ «русскаго летуна» (а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственнаго сотрудника) Попова. Не говоря уже объ обѣдахъ и раутахъ въ честь его, была даже подписка на подарокъ ему открыта. Но и «русскій летунъ» не вызвалъ достаточно замѣтнаго подъема.

— Молодецъ Поповъ! Русскій герой!—повторяли всѣ на пароходѣ.

Но почему же—спрашиваетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»—нѣтъ того простого, радостнаго чувства, какъ въ тотъ вечеръ, когда Моранъ дѣлалъ свои изящные круги въ воздухѣ на стрекозѣ? Напротивъ, тоска поднимается и кажется, что этотъ авіаторъ не съ нами, не нашъ, что онъ по ту сторону всякой радости...

Не знаю, много ли «русское товарищество» продало иностранныхъ биплановъ и монопдановъ, которыми оно торгуетъ, но денегъ на подарокъ «русскому летуну» собрано пока не такъ, чтобы очень много. Да и вообще дѣло съ этой подпиской что то не ладится. Авіаціонный комитетъ потребовалъ внесенную имъ тысячу рублей обратно; «Новое Время», не довольствуясь сообщеніемъ въ текстѣ, помѣстило объ этомъ объявленіе на самомъ видномъ мѣстѣ: смотрите-де, добрые люди! подарили, а потомъ назадъ взяли... На слѣдующій день авіаціонный комитетъ отвѣтилъ, что онъ взялъ деньги изъ конторы газеты для непосредственной передачи ихъ г. Попову. Другими словами: не у «русскаго летуна» ихъ отобралъ, а у «Новаго Времени»... Однимъ словомъ, вмѣсто единодушія и воодушевленія получились какія то дрязги... Въ концѣ концовъ даже отъ раута «летунъ» отказался.

Тщетно я вспоминаю другіе поводы, какіе представлялись публикѣ въ минувшемъ году, чтобы воодушевиться. Сколько нибудь длящихся увлеченій, несомнѣнно, не было. Какъ то въ срединѣ зимы «Новое Время» сообщило, что петербургская публика начинаетъ увлекаться спиритизмомъ. «Невѣдомое»—писало оно—«привлекаетъ людей разныхъ возрастовъ, классовъ и положеній. Всѣ стремятся раздвинуть завѣсу, раздѣляющую видимый міръ отъ невидимаго» *). Съ своей стороны, «Новое Время» и «Биржевыя Вѣдомости» начали еще больше публику къ этому пріохочивать: онѣ стали печатать предчувствія, предсказанія, описанія спиритическихъ сеансовъ. Но скоро однако бросили... Должно быть, вышла ошибка, или увлеченіе остыло, прежде чѣмъ не въ мѣру «чуткія» газеты успѣли его раздуть и въ должной мѣрѣ поэксплоатировать.

*) «Новое Время», 31 декабря.

Не увлекалась публика, какъ я думаю, и съѣздами, хотя послѣдніе и отличались многолюдствомъ. По крайней мѣрѣ, при взглядѣ со стороны получалось такое впечатлѣніе, что люди въ громадной ихъ части съѣзжались на авось, въ расчетѣ на то, что, быть можетъ, и представится случай чѣмъ нибудь воодушевиться. Нѣкоторымъ участникамъ съѣздовъ я въ упоръ ставилъ вопросъ: съ какою цѣлью они пріѣхали? Со смутною, какъ оказывалось, надеждою на то, что, разъ люди соберутся вмѣстѣ, то само собой получится что-нибудь такое, общественное. Ничего общественнаго однако изъ этихъ собраній на авось не получилось. Народу было много... Но вѣдь и на улицѣ иной разъ скопляется много прохожихъ: идутъ люди въ одиночку и мелкими группами, ничѣмъ между собою не связанные, кто по дѣлу, кто прогуливается... Нельзя же думать, что это и есть общественность...

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, что я вовсе отрицаю симптоматическое значеніе за нынѣшними съѣздами. По моему мнѣнію, это хорошо, что публика перестала кидаться отъ одной проблемы къ другой, метаться изъ стороны въ сторону. И то, быть можетъ, хорошій признакъ, что люди въ такомъ большомъ числѣ появились на общественной аренѣ, хотя и не давая еще себѣ отчета, что можно и нужно дѣлать. Стало быть, отвращеніе къ общественной работѣ проходитъ, появилась охота опять за нее взяться *)...

Но пока и только... Общественнаго дѣла изъ нынѣшнихъ съѣздовъ не вышло. Въ результатѣ получилось все то же, какъ я назвалъ его когда-то, времяпрепровожденіе, не менѣе, пожалуй, безполезное, чѣмъ занятія половой проблемой или богоискательствомъ. И осадокъ получился, хотя менѣе мутный, но не менѣе тягостный.

Съ тяжелымъ чувствомъ,—пишетъ теперь одинъ изъ участниковъ Пироговскаго съѣзда, подводя ему итоги,—разъѣхались врачи по разбросаннымъ уголкамъ Россіи, чтобы снова приняться за свою будничную, сѣрую работу. Что новаго они принесутъ съ собой? Съѣздъ былъ многолюдный; въ этомъ отношеніи врачи, настроенные ранѣе пессимистически, въ первые дни подъ вліяніемъ одного этого факта—многочисленности

---

*) Читатели обратили, конечно, вниманіе, что я все время говорю о публикѣ вообще, не останавливаясь на ея составѣ, не всматриваясь въ отдѣльныя лица. Мнѣ могутъ сказать, что публика, которая увлекалась въ свое время половой проблемой или «Синей Птицей», была совершенно иная, чѣмъ та, которая теперь собиралась на съѣзды. Возможно... Я и самъ думаю, что въ одной своей части эта публика, несомнѣнно, была иная, хотя въ другой части, такъ же несомнѣнно, одна и та же (я могъ бы назвать нѣкоторыхъ лицъ по имени). Но это въ данномъ случаѣ не важно. Пусть даже такъ: тѣ, которые метались отъ «проблемы» къ «проблемѣ», притихли и отошли къ сторонкѣ; а тѣ, которые сидѣли по своимъ угламъ, пришли въ движеніе и появились въ качествѣ публики. Стало быть, на авансценѣ общественной жизни произошла или происходитъ смѣна. Можетъ быть, это—смѣна лицъ, но съ точки зрѣнія общества въ его цѣломъ, это вмѣстѣ съ тѣмъ—смѣна настроеній.

участниковъ съѣзда—нѣсколько ободрились. Но съ каждымъ засѣданіемъ настроеніе падало, чувствовалось недовольство, неудовлетворенность... Съѣздъ проходилъ вяло, не было оживленія, чувствовалось часто отсутствіе интереса. Временами звучали нотки, характерныя для прошлыхъ съѣздовъ: то старые идеалисты будировали молодыхъ, напоминали о завѣтахъ предшественниковъ, призывали къ работѣ на пользу грядущаго. Но нотки эти звучали глухо, отклика не находили *)...

«Въ результатѣ,—говоритъ д-ръ Ловичъ, которому принадлежатъ эти строки,—научное значеніе съѣзда крайне незначительно. Незначительно также общественное значеніе съѣзда». Таковы оказались итоги, какъ ихъ подсчитали въ провинціи. Еще болѣе плачевными оказались они по подсчету, произведенному въ столицѣ. «Ни одного новаго слова, ни одного ростка, ни одного научнаго открытія!—читаемъ мы въ «Русскомъ Врачѣ». — Одни трюизмы, казуистичность, вялость и скука». «Собранія,—пишетъ г. Р. Г. въ этомъ, наиболѣе распространенномъ изъ медицинскихъ журналовъ,—были какъ будто и грандіозны, и импозантны. Тѣснота, духота, давка, пыль, табачный дымъ, гулъ шаркающихъ ногъ, отдѣльныхъ восклицаній, потока журчащихъ разговоровъ, и... все-таки не чувствовалось живого общенія, не было близости и радости встрѣчи, не было ощущенія сплоченности, сознанія, что ты не одинъ, что ты за всѣхъ и всѣ за тебя... Всѣ попытки создать уютность и теплоту товарищеской встрѣчи фатально разбивались о что-то такое, что не поддавалось учету, что роковымъ образомъ носило отпечатокъ настоящаго момента общей замкнутости, взаимнаго недовѣрія, холода и отчужденности» **).

Для примѣра я взялъ именно Пироговскій съѣздъ... Въ этихъ съѣздахъ всегда была сильна струя общественности, но и здѣсь она на этотъ разъ не пробилась. О другихъ съѣздахъ и говорить нечего. Были созданы общественныя формы, но надлежащаго содержанія въ нихъ не оказалось. «Не было,—какъ говоритъ г. Р. Г. относительно Пироговскаго съѣзда,—связующаго настроенія, не наблюдалось захватывающаго подъема, не чувствовалось глубокаго объединенія». Именно общественности-то въ нынѣшнихъ съѣздахъ и не было.

По разному проявляется послѣдняя въ собраніяхъ. Иной разъ чуть не всѣ сходятся на одной мысли, сливаются въ одномъ чувствѣ, проявляютъ себя въ одномъ актѣ. Въ другихъ случаяхъ среди собравшихся ясно обозначаются разныя теченія, которыя и приходятъ въ столкновеніе между собою. Въ конечномъ счетѣ эта разница сводится къ тому, противопоставляетъ ли себя одна группа собравшихся другой, или же всѣ собравшіеся противопоставляютъ себя чему-то, находящемуся внѣ собранія. Но какъ бы ни проявилась въ томъ или другомъ случаѣ общественность, ея

---

*) „Вятская Рѣчь“, 4 мая.

**) „Русскій Врачъ“, № 19.

роль остается въ сущности одна и та же. Съ одной стороны, мысль каждой личности въ атмосферѣ общенія ея съ другими становится ярче, чувство сильнѣе, воля напряженнѣе. Съ другой стороны, пережившіе сообща этотъ подъемъ люди становятся другъ другу ближе: связь между ними дѣлается прочнѣе, ихъ способность къ совмѣстнымъ актамъ—больше. Такимъ путемъ механическая группа людей и превращается въ коллективъ, получающій иногда послѣ этого длящееся существованіе и внѣшнюю организацію, а существовавшіе раньше коллективы пріобрѣтаютъ большую связность и прочность. Во всякомъ случаѣ повышенное настроеніе, какое пережили участники собранія, и взаимная близость, какую они въ большей или меньшей своей части почувствовали, не пройдутъ безслѣдно,—они скажутся и послѣ того, какъ собраніе разойдется. Въ результатѣ получается, обыкновенно, большая интенсивность жизни,—и личной, и коллективной. Поэтому-то удачный съѣздъ нерѣдко составляетъ своего рода эпоху въ развитіи той или иной отрасли мысли, той или иной области жизни и получаетъ свое мѣсто въ ихъ исторіи.

Нынѣшніе же съѣзды, въ большинствѣ ихъ, займутъ, вѣроятно, мѣсто только въ нумераціи. Ихъ участники не пережили сколько-нибудь замѣтнаго подъема и разошлись, какъ и пришли, чужими другъ другу. Общественность не проявила себя ни въ той, ни въ другой формѣ,—ни въ видѣ солидарности, которая объединила бы всю массу собравшихся въ отношеніяхъ ея къ внѣшнему міру, ни въ видѣ внутренней борьбы, въ которой отдѣльныя группы противопоставили бы себя другъ другу.

Нѣкоторымъ исключеніемъ явился—на первый, по крайней мѣрѣ, взглядъ,—съѣздъ по борьбѣ съ пьянствомъ. Видимость была такая, что на немъ все время шла борьба и при томъ довольно оживленная: произошелъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ рѣзкихъ конфликтовъ. Не трудно, однако, было догадаться, что эта борьба была не настоящая, а какъ бы имитація: былъ видимый азартъ, но не было внутренняго воодушевленія. И это понятно: творчества въ этой борьбѣ вовсе не было. Участники съѣзда просто-на-просто расположились по давно извѣстнымъ трафаретамъ,—отчасти либеральному («бюрократія» и «общество»), отчасти соціалъ-демократическому («буржуи» и «пролетаріи»), —и устроили примѣрное сраженіе, пользуясь уже готовыми шаблонами. Зрѣлище оказалось, пожалуй, занятное, — заинтересовавшее публику, главнымъ образомъ, своею неожиданностью. А, вѣдь, живъ курилка! живъ, не умеръ!—такое получилось впечатлѣніе. Но и только... Правительство, не досмотрѣвшее своевременно за «курилкой», очень легко и быстро съ нимъ расправилось, арестовавъ «рабочую делегацію». Если не считать думскаго запроса — тоже довольно-таки избитаго шаблона, — то тѣмъ вся «борьба» и кончилась; никакихъ другихъ послѣдствій въ общественной средѣ она не имѣла.

На съѣздѣ по борьбѣ съ проституціей была сдѣлана попытка возобновить турниръ въ той же формѣ, но она не произвела уже никакого впечатлѣнія, а если и произвела, то скорѣе обратное: можетъ быть, и живъ курилка, но, должно быть, онъ совсѣмъ на ладонъ дышетъ... Довольно жалкій видъ «рабочей делегаціи» объяснялся, вѣроятно, проще: правительство заблаговременно приняло нѣкоторыя мѣры. Можетъ быть, и охота повторять избитые шаблоны ослабѣла: рискъ есть, а толку никакого.

Что касается другихъ съѣздовъ, то на нихъ, если не считать совершенно мимолетныхъ эпизодовъ, даже примѣрной, какъ я ее назвалъ, борьбы не было. Соберутся люди, потолкаются и разъѣдутся,—въ этомъ въ сущности и заключались нынѣшніе съѣзды. Соберутся со смутной надеждой, разъѣдутся съ явнымъ разочарованіемъ...

Можетъ быть,—сказалъ я,—это хорошій признакъ, что публика въ такомъ значительномъ количествѣ появилась на общественной аренѣ. Но если онъ хорошъ, то только, какъ симптомъ. Сами по себѣ съѣзды, взятые независимо отъ того, что было раньше, едва ли можно отнести къ числу положительныхъ явленій русской жизни. Разочарованіе, которое они оставили по себѣ, исчезнетъ не сразу, и у людей, испытавшихъ его, вѣроятно, не скоро появится охота выйти опять на общественную арену. Во всякомъ случаѣ, на авось идти многіе изъ нихъ не согласятся. Впрочемъ, можетъ быть, это и къ лучшему...

II.

Въ ряду нынѣшнихъ съѣздовъ писательскій занимаетъ совершенно особое мѣсто. О немъ нельзя сказать, что онъ никого не раздѣлилъ и никого не сблизилъ. Напротивъ, онъ провелъ довольно рѣзкую, хотя и очень прихотливую черту. Другой, конечно, вопросъ, насколько родственные элементы онъ объединилъ и на сколько чуждые—раздѣлилъ. Фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что черта проведена. Вѣроятно, что она потомъ нѣсколько выпрямится, утратитъ свой зигзагообразный видъ, но исчезнетъ она, повидимому, не сразу. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ дальнѣйшемъ она еще рѣзче обозначится. Такъ или иначе, но съ нею, несомнѣнно, придется считаться.

Первоначально эту черту намѣтилъ не съѣздъ даже, а вопросъ о томъ, быть или не быть съѣзду. Мы—я имѣю въ виду ближайшихъ сотрудниковъ «Русскаго Богатства»—были противниками съѣзда и, на сколько это было въ нашихъ силахъ, пытались предотвратить его созывъ. Въ частности, мнѣ лично пришлось и печатно выступать по этому поводу,—въ февралѣ мѣсяцѣ я помѣстилъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» двѣ статьи, въ которыхъ доказывалъ несвоевременность съѣзда и нецѣлесообразность его при

данныхъ условіяхъ. Но въ «Русскомъ Богатствѣ» ни мнѣ, ни товарищамъ не приходилось еще касаться этого вопроса. Считаю поэтому не лишнимъ напомнить вкратцѣ суть, а отчасти и ходъ борьбы, возгорѣвшейся по вопросу о съѣздѣ.

Дѣло было такъ. Въ 20-хъ числахъ января правительство разрѣшило писательскій съѣздъ, но при этомъ существенно урѣзало его программу, а именно исключило вопросы, которые имѣли или могли получить политическую окраску (общій вопросъ о правовомъ положеніи печати, о положеніи печати инороязычной и на окраинахъ, о спеціальной цензурѣ и т. д.). До этого вопросъ о съѣздѣ въ широкихъ писательскихъ кругахъ не обсуждался. Первоначально извѣстіе о немъ многими было воспринято въ положительной формѣ: съѣздъ разрѣшенъ, стало быть, будетъ...

Немедленно, однако, возникъ вопросъ: что это будетъ за съѣздъ? Серія рождественскихъ съѣздовъ только что окончилась, а мы видѣли, каковы были вообще нынѣшніе съѣзды. Собрались люди, потолкались въ видѣ нестройной толпы и съ тяжелымъ чувствомъ разъѣхались,—таковъ былъ общій ихъ типъ. Въ лучшемъ случаѣ,—какъ на съѣздѣ по борьбѣ съ пьянствомъ,—собравшіеся нашли въ себѣ силы лишь для того, чтобы расположиться по ранѣе проведеннымъ линіямъ и повторить одно изъ прежнихъ сраженій. Въ результатѣ съѣзды не только не повысили, но еще болѣе уронили общественное настроеніе. Неужели такимъ же будетъ и писательскій съѣздъ? Естественно, что возникли сомнѣнія, стоитъ ли такой съѣздъ устраивать.

Надо сказать, что писатели подобный съѣздъ уже имѣли. Онъ состоялся еще въ 1908 году, въ періодъ наиболѣе угнетеннаго состоянія общественной психики. Не въ примѣръ нынѣшнимъ съѣздамъ, онъ не отличался даже многолюдствомъ. Многіе столичные писатели и изданія молчаливо уклонились отъ участія въ немъ, провинціальныя изданія, если и приняли участіе, то, главнымъ образомъ, въ лицѣ своихъ петербургскихъ корреспондентовъ. Собралось что-то около 100 человѣкъ, среди которыхъ,—по словамъ одного изъ участниковъ,—видное мѣсто занимали «петербургскіе репортеры и кліенты Литературнаго Фонда». Немноголюдный, не очень авторитетный и вдобавокъ ко всему очень еще пестрый по своему составу, съѣздъ оказался вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени вялымъ по своему настроенію. По отношенію къ «внѣшнему міру» онъ держалъ себя, по меньшей мѣрѣ, робко и не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки себя ему противопоставить. Напротивъ, къ полиціи у съѣзда установились самыя предупредительныя отношенія и руководители съѣзда сами старались устранить возможные поводы для конфликтовъ, лишь бы сберечь его. Съ серьезнымъ видомъ собравшіеся занимались своимъ дѣломъ. Чтобы показать, каковы были эти занятія, достаточно привести нѣкоторыя изъ постановленій, принятыхъ съѣздомъ по главному вопросу, для котораго онъ

былъ созванъ,—по вопросу о чествованіи Л. Н. Толстого по случаю восьмидесятилѣтія со дня его рожденія. Съѣздъ постановилъ, например̀ъ, чтобы номера газетъ и журналовъ, которые выйдутъ 28 августа, были посвящены Толстому. Онъ выразилъ, далѣе, пожеланіе, чтобы въ этотъ день были устроены въ честь чествуемаго писателя чтенія въ школахъ, народныя чтенія и спектакли. Онъ выразилъ, наконецъ, пожеланіе, чтобы во всѣхъ семьяхъ въ этотъ день читались произведенія Толстого... Если читатели вспомнятъ, какъ держала себя администрація въ связи съ чествованіемъ Толстого,—какъ она держала себя, въ частности, по отношенію къ печати,—то они, конечно, поймутъ, на сколько не серьезны были всѣ эти постановленія и пожеланія съѣзда, какъ они плохо соотвѣтствовали потребностямъ переживавшагося момента и какъ мало отвѣчали тому, что чувствовали сами писатели и все общество. Остается прибавить, что дѣловыя занятія закончились увеселительной прогулкой на острова, которую устроило для членовъ съѣзда петербургское городское управленіе.

Нечего и говорить, что на общественную среду такой съѣздъ, если и могъ произвести, то только угнетающее впечатлѣніе. Не прибавилъ онъ энергіи и писательской средѣ. Даже тому, что съѣздъ самъ и въ серьезъ задумалъ, онъ оказался не въ состояніи дать достаточно сильное движеніе. Открытая имъ подписка на домъ-музей имени Толстого пошла туго и дала въ концѣ концовъ мало. Учрежденный съѣздомъ судъ чести фактически не осуществился и лишь въ самое послѣднее время разсмотрѣлъ одно дѣло (конфликтъ «Современнаго Міра» и «Рѣчи»). Избранный съѣздомъ организаціонный комитетъ въ теченіе полутора лѣтъ пребывалъ въ бездѣйствіи, хотя ему и поручено было созвать слѣдующій съѣздъ черезъ полгода.

При извѣстіи о новомъ съѣздѣ естественно возникъ вопросъ: неужели и онъ будетъ такимъ же, какъ предъидущій? Можно было однако думать, что писатели, опередившіе со своимъ съѣздомъ «на авось» другіе общественные круги, уже пережили эту, можетъ быть, неизбѣжную полосу, когда имѣется сознаніе, что нужно браться за общественное дѣло, и нѣтъ еще настроенія, чтобы въ серьезъ за него взяться. Были признаки, которые давали право думать, что въ ихъ средѣ имѣется уже нѣкоторый запасъ активности. Можно было поэтому ожидать, что если они соберутся на съѣздъ, то у нихъ явится стремленіе противопоставить себя тѣмъ, кто гнететъ печать, и что они предпримутъ попытку возобновить борьбу за ея независимость, достоинство и свободу. Но тѣ вопросы, на которыхъ съѣздъ долженъ былъ бы для этого сосредоточить свое вниманіе, какъ разъ и были заблаговременно исключены изъ его программы. Послѣ этого понятно, что споръ о томъ, быть или не быть съѣзду, оказался связаннымъ именно съ программой. Одни находили, что и при урѣзанной программѣ

съѣздъ безусловно желателенъ, другіе считали его при данныхъ условіяхъ совершенно нецѣлесообразнымъ.

Мнѣ приходилось уже указывать, что программа была важна не сама по себѣ, а въ связи съ другими условіями. Въ самомъ дѣлѣ: бывало, вѣдь, что писатели не только безъ разрѣшенія обсуждали тѣ или иные вопросы, но и самый съѣздъ устраивали «явочнымъ порядкомъ». Разрѣшеніе или запрещеніе при нѣкоторыхъ условіяхъ не такъ ужъ много значатъ. И въ данномъ случаѣ сама по себѣ урѣзанная программа не помѣшала бы. Пусть даже съѣздъ закрыли бы—и въ такомъ случаѣ онъ могъ бы сослужить свою службу. Но для этого необходимо было достаточно активное и достаточно единодушное настроеніе писательской среды. А его то и не было въ наличности. Активность, хотя и была, но совсѣмъ маленькая, еле замѣтная, едва ли достаточная для того, чтобы преодолѣть полицейскую преграду и, по крайней мѣрѣ, съ силой удариться о нее. На единодушіе же и вовсе нельзя было расчитывать.

Это обнаружилось съ самаго начала. Нѣкоторые писатели, принявъ съ благодарностью разрѣшеніе правительства собраться на съѣздъ, считали необходимымъ и возможнымъ остаться въ указанныхъ имъ рамкахъ, надѣясь плодотворно при этомъ поработать надъ профессіональными вопросами. Самое большее, на что они расчитывали, это то, что правительство, видя благонравіе съѣзда, нѣсколько раздвинетъ эти рамки. Г. Градовскій, на сколько это можно понять изъ его статей, во время своихъ хожденій по канцеляріямъ велъ даже какіе то переговоры на счетъ благонравія и заручился на этотъ случай какими то обѣщаніями. Намеками на эти обѣщанія онъ и старался склонить противниковъ съѣзда къ участію въ немъ. Будьте-де только благонравны... «Если бы—писалъ онъ—съѣздъ писателей состоялся и держался въ тѣхъ предѣлахъ, которые явно были очерчены на съѣздѣ 1908 года... то правительство не встрѣтило бы препятствій не только къ выясненію современнаго положенія печати, но и къ передачѣ на заключеніе съѣзда готовящагося законопроекта о печати». Такъ выходитъ-де «по моимъ свѣдѣніямъ», такая «во мнѣ сохраняется увѣренность» *). Большаго предложить г. Градовскій былъ не въ силахъ, да большаго, чѣмъ обсудить «готовящійся законопроектъ», онъ, вѣроятно, и не желалъ для съѣзда. Когда же П. Н. Милюковъ спросилъ его печатно, на чемъ основана хотя бы эта его увѣренность, то г. Градовскій отвѣтилъ: напрасно-де вы не пришли въ комитетъ, гдѣ я объ этомъ докладывалъ **). Изъ этого слѣдовало заключить, что свѣдѣнія, которыя онъ имѣетъ, конфиденціальныя и что писатели должны удовлетвориться одними намеками.

---

*) «Биржевыя Вѣдомости», 14 февраля.
**) «Биржевыя Вѣдомости», 19 февраля.

Но для однихъ изъ нихъ и намековъ этихъ не требовалось,— они считали, какъ я уже сказалъ, съѣздъ безусловно желательнымъ и при данной его программѣ цѣлесообразнымъ. Другихъ и намеки, конечно, не могли соблазнить, потомучто благонравіе писательскаго съѣзда при данномъ положеніи печати имъ представлялось совершенно немыслимымъ. Если собираться на съѣздъ, то ужъ скорѣе для того, чтобы учинить безчинство по адресу тѣхъ, кто этого благонравія добивается...

Въ сущности въ данномъ случаѣ пришли въ столкновеніе два теченія, издавна имѣющіяся въ писательской средѣ: профессіональное и политическое. Представители перваго теченія, придавая особо важное значеніе профессіональнымъ задачамъ, находятъ возможнымъ успѣшно поработать надъ ними независимо отъ правовыхъ условій, въ какихъ находится печать, и считаютъ необходимымъ прежде всего этимъ заняться. Представители другого теченія, наоборотъ, полагаютъ что профессіональные интересы въ жизни писателей имѣютъ вообще ограниченное значеніе, при данныхъ же условіяхъ необходимо прежде всего отстаивать свободу, независимость и достоинство печати и ея дѣятелей, и что лишь послѣ того, какъ эта задача въ наиболѣе существенной ея части будетъ разрѣшена, профессіональная работа сдѣлается возможной и въ доступныхъ для нея предѣлахъ можетъ быть плодотворной.

Въ связи съ этой разницей во взглядахъ на задачи писательскихъ организацій находится и разное отношеніе представителей того и другого теченія къ существующему режиму: одни всегда обнаруживали склонность къ компромиссу съ нимъ, другіе отличались непримиримымъ къ нему отношеніемъ. Примѣровъ этому можно было бы указать не мало и помимо отношенія тѣхъ и другихъ къ урѣзанной программѣ нынѣшняго съѣзда. Мнѣ уже приходилось приводить два наиболѣе яркихъ. Не далѣе, какъ минувшею осенью, Касса взаимопомощи, около которой группируются профессіоналисты, покорно склонила свою голову передъ самымъ откровеннымъ произволомъ, лишь бы сохранить свое существованіе и матеріальные интересы своихъ членовъ. Бывшій Союзъ писателей, имѣвшій политическую окраску, наоборотъ, самъ пошелъ навстрѣчу смерти, когда этого потребовало достоинство печати и ея представителей. Можно указать и еще: на писательскихъ съѣздахъ 1905 года, собиравшихся явочнымъ порядкомъ и состоявшихся въ эпоху общаго подъема, профессіональное теченіе совсѣмъ не было замѣтно; на съѣздѣ 1908 года, созванномъ съ разрѣшенія правительства и совпавшемъ по времени съ періодомъ наибольшаго общественнаго унынія, наоборотъ, ничѣмъ себя не проявило общественно-политическое теченіе. Къ съѣздамъ 1905 года полиція не рѣшалась подступиться, а съѣздъ 1908 года, наоборотъ, самъ боялся, какъ бы не задѣть полицію.

Не было бы, конечно, никакой бѣды, если бы оба эти теченія

встрѣтились и вступили въ борьбу на открытой аренѣ, какой могъ послужить для нихъ новый съѣздъ. Общественность проявила бы себя въ такомъ случаѣ не въ первой, а во второй изъ указанныхъ мною выше формъ: не «внѣшнему міру» противопоставили бы себя собравшіеся, а одна группа противопоставила бы себя другой. Въ результатѣ та и другая, вѣроятно, получили бы большую связность. Общественная жизнь отъ этого только выиграла бы. Но въ томъ то и дѣло, что послѣ того, какъ программа съѣзда была урѣзана, онъ не могъ явиться подходящей для указанной цѣли ареной. Въ борьбу между сторонниками тѣхъ и другихъ взглядовъ на задачи писательскихъ организацій вообще и даннаго писательскаго съѣзда въ частности все время вмѣшивалась бы полиція. Могло быть и хуже. Сторонники профессіональнаго «благонравія» могли получить поддержку справа противъ сторонниковъ политическаго «безчинства». Само собой понятно, что эта подержка была бы оказана изъ политическихъ видовъ и только прикрывалась бы профессіональными задачами. Въ результатѣ, вмѣсто большей опредѣленности, такой съѣздъ внесъ бы въ общественныя отношенія еще большую путаницу.

Надо сказать, что попытка изобразить «политику» прихотью— и притомъ прихотью сытыхъ писателей въ ущербъ голоднымъ— была сдѣлана уже до съѣзда. Первымъ взялъ эту ноту октябристскій «Голосъ Москвы», и будущій почетный предсѣдатель писательскаго съѣзда, г. Градовскій, не удержался, чтобы немедленно не подхватить ее. «Лишь сытые благотворители, выдающіе съ великимъ трудомъ выпрашиваемыя у нихъ ничтожныя пособія,—писалъ онъ,—дерзаютъ считать это (профессіональные вопросы) мелочью, недостойной ихъ благодѣтельнаго вниманія» *). Для того, чтобы читатели могли оцѣнить эту реплику, достаточно, какъ мнѣ кажется, сказать, что она была направлена противъ Литературнаго Фонда, провинившагося тѣмъ, что онъ не пожелалъ принять участіе въ съѣздѣ, изъ программы котораго исключена «политика»,—противъ Литературнаго Фонда, этого старѣйшаго изъ учрежденій, какимъ располагаютъ русскіе писатели, являющагося и до сихъ поръ главнымъ прибѣжищемъ для нихъ въ пору нужды и безработицы. Впрочемъ, г. Градовскій проявлявшій все время особую запальчивость, позволялъ себѣ и не такія еще реплики по адресу «братьевъ-писателей». Заявивъ о «всѣми признанной любви своей» къ нимъ, онъ обвинялъ тѣхъ изъ нихъ, которые явились противниками исходатайствованнаго имъ съѣзда, въ «проискахъ», въ «интригѣ», въ «измѣнѣ», въ «лживости», «недобросовѣстности», и т. д. **).

Но я не буду останавливаться на этихъ и имъ подобныхъ наслоеніяхъ, какія были привнесены въ полемику о съѣздѣ, благо-

---

*) „Биржевыя Вѣдомости", 24 февраля.

**) См. „Биржевыя Вѣдомости", 14 февраля.

даря личнымъ темпераментамъ, личнымъ счетамъ, личнымъ самолюбіямъ и т. д. ея участниковъ. Думаю, что читателямъ интересны не дрязги, а общественная борьба, какая велась около съѣзда, и тѣ основныя теченія, которыя въ ней проявились. Въ основѣ же возгорѣвшейся около съѣзда борьбы, какъ я ее понималъ и понимаю, лежалъ имено споръ между сторонниками профессіональнаго и политическаго теченій. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, но потомъ эта борьба осложнилась.

Чистые профессіональисты не такъ ужъ многочисленны въ писательской средѣ и, главное, не особенно вліятельны. Предоставленные самимъ себѣ, они ни въ коемъ случаѣ устроить съѣздъ не рѣшились бы. Но они нашли поддержку въ писателяхъ марксистскаго направленія и, главнымъ образомъ, въ сотрудникахъ «Современнаго Міра». Эти писатели находились еще подъ впечатлѣніемъ незадолго передъ тѣмъ состоявшагося съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ и чувствовали себя до извѣстной степени героями. Вѣдь это людямъ ихъ, главнымъ образомъ, направленія удалось продемонстрировать живучесть «курилки» и устроить хотя бы примѣрную борьбу. Послѣ нѣкотораго колебанія, они сочли, повидимому, возможнымъ использовать и писательскій съѣздъ съ тою же цѣлью, т. е. для политической манифестаціи, почему и заявили, что считаютъ съѣздъ, хотя программа его урѣзана, возможнымъ и цѣлесообразнымъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, многіе тогда ихъ поняли, да иначе понять кажется и нельзя было. Напримѣръ, г. Іорданскій, высказываясь въ Литературномъ обществѣ за съѣздъ,—а это было первое публичное выступленіе писателей изъ этой группы,—доказывалъ, что рамки, поставленныя правительствомъ, ни въ коемъ случаѣ не могутъ помѣшать съѣзду, такъ какъ онъ въ большинствѣ своемъ, несомнѣнно, окажется лѣвымъ. Мнѣніе П. Н. Милюкова и вообще «Рѣчи», что съѣздъ устраивать не слѣдуетъ, г. Іорданскій объяснялъ тѣмъ, что кадеты боятся черезъ-чуръ лѣваго и черезъ-чуръ активнаго съѣзда. При этомъ дѣлались и прямыя ссылки на съѣздъ по борьбѣ съ пьянствомъ, упоминалось и о представителяхъ отъ рабочихъ проффессіональныхъ изданій. Въ этомъ же духѣ, — такъ по крайней мѣрѣ казалось тогда,—была составлена предложенная В. П. Кранихфельдомъ и принятая собраніемъ резолюція. Въ ней говорилось: «считая, что ограниченіе программы съѣзда не въ состояніи воспрепятствовать выраженію насущныхъ правовыхъ и матеріальныхъ нуждъ печати, Литературное общество высказывается за участіе въ съѣздѣ». Въ указанномъ мною смыслѣ появились и статьи въ марксистскихъ изданіяхъ. Укажу хотя бы статью въ московскомъ «Возрожденіи». Полемизируя съ моими статьями въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», г. Мировъ писалъ въ этомъ журналѣ:

Если либеральная печать съ «Рѣчью» во главѣ стоитъ за бойкотъ, то лишь потому, что съѣздъ прорветъ ту дипломатическую паутину, которую плететъ эта почтенная компанія. Появленіе на съѣздѣ сплоченной, небольшой количественно, но сильной своей опредѣленностью и выдержкой рабочей группы, которой обезпечена будетъ поддержка лѣво-демократической печати, *приведетъ или къ расколу на съѣздѣ или къ такой рѣзкой демонстраціи*, коей больше всего боятся трезвые политики «Рѣчи»...

Весь ли съѣздъ или авторитетнѣйшая часть его—читали мы дальше—заявитъ о тѣхъ нуждахъ, которыя есть у страны, у ея печати, закроютъ ли съѣздъ въ первый же день, или демократіи съ него прійдется уйти, или, наконецъ, его совсѣмъ не допустятъ—во всѣхъ этихъ случаяхъ активная подготовка къ съѣзду съ полной, не урѣзанной программой, выдержанное, послѣдовательное поведеніе демократической печати отдастъ ей симпатіи общества. К.-д. боязнь съѣзда—лучшая порука того, что провинціальная писательская среда настроена далеко не оппортунистически.*)

Упомянувъ о томъ, что съѣздъ при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ сыграть «роль той декораціи обновленнаго строя, которая такъ нужна правительству для Европы», г. Мировъ писалъ: «демократія своимъ активнымъ участіемъ въ съѣздѣ—все равно, къ чему это приведетъ,—должна разбить эти иллюзіи и дать слово доподлинной, новой Россіи».

Такъ писали марксистскіе писатели, пока вопросъ о съѣздѣ оставался нерѣшеннымъ. Планъ у нихъ, казалось бы, былъ совершенно опредѣленный. Правда, и тогда они указывали на важность профессіональныхъ задачъ и профессіональнаго объединенія, но при этомъ рѣзко отмежевывались отъ такихъ профессіоналистовъ, какъ г. Градовскій. Вообще получалось такое впечатлѣніе, что «политику», разъ выборъ окажется неизбѣжнымъ, они предпочтутъ профессіональнымъ вопросамъ.

Надо сказать, что въ нѣкоторыхъ марксистскихъ рѣчахъ и статьяхъ чувствовались все-таки неопредѣленность и недоговоренность. Но таковыя представлялись совершенно понятными: нѣкоторая неопредѣленность легко объяснялась тѣмъ, что трудно заранѣе предусмотрѣть, какова можетъ быть физіономія съѣзда, а недоговоренность—тѣмъ, что люди не желаютъ напередъ раскрывать свои карты, въ которыя могутъ, вѣдь, заглянуть и враги.

Прибавлю, что позиція марксистскихъ писателей, какъ мы ее тогда себѣ представляли, казалась намъ вполнѣ понятной, имѣющей свой смыслъ, хотя она и не казалась намъ соблазнительной. Склонности къ выступленіямъ въ трафаретныхъ формахъ мы не имѣли, да и рѣзкая «демонстрація», «вспышко-пускательство»-тожъ (если употребить появившееся позднѣе слово), по скольку она свелась бы къ принятію той или иной резолюціи, не увлекала насъ **). Что касается «рабочей делегаціи,» то таковую на писа-

---

*) «Возрожденіе», № 3. *Курсивъ мой.*

**) Въ дальнѣйшей полемикѣ начали приписывать уже намъ, противникамъ съѣзда, что мы видимъ главный его смыслъ въ «резолюціяхъ»,—

тельской съѣздѣ мы и вовсе считали неумѣстной. Вѣдь это былъ бы маскарадъ самый несомнѣнный. Прибавлю, что эти взгляды намъ приходилось совершенно откровенно высказывать, бесѣдуя со сторонниками съѣзда изъ марксистскаго лагеря.

Какъ бы то ни было, если бы марксисты остались на пози-

направленныхъ по адресу тѣхъ, кому эти резолюціи, какъ стѣнѣ горохъ. Уклоняться въ эту сторону мнѣ не хотѣлось бы. Поэтому скажу вкратцѣ, что для насъ важнѣе всего было настроеніе писательскаго съѣзда, та общность мыслей и чувствъ, какія могли бы объединить его участниковъ, то напряженіе воли, какое въ нихъ могло бы создаться. Что касается формъ, въ которыхъ это повышенное настроеніе могло бы выразиться, то они могли быть, конечно, разныя. Въ частности, мнѣ лично тогда представлялось и теперь представляется борьба въ болѣе реальныхъ формахъ, чѣмъ «резолюціи», а если и въ видѣ резолюцій, то направленныхъ по адресу не тѣхъ, кто болѣе, чѣмъ когда-либо, глухъ къ нимъ, а по адресу тѣхъ, которые могли и должны были бы отнестись къ нимъ внимательно. Если бы въ результатѣ съѣзда въ писательской средѣ явилась рѣшимость не отступать больше передъ насѣдающимъ врагомъ, то это значило бы много. Дѣло въ томъ, что мы вѣдь все отступаемъ и отступаемъ,—отступаемъ даже безъ сопротивленія. Приведу хотя бы такой фактъ. Съ нѣкоторыхъ поръ (трудно даже сказать, съ какихъ именно) установился такой обычай: судебная палата, утверждая арестъ на книгу, указываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣ мѣста въ ней, которыя она считаетъ подлежащими изъятію, при чемъ опредѣляетъ, что, если эти мѣста будутъ изъяты, то книга можетъ быть выпущена. Если издатель или авторъ идетъ на это, то, обыкновенно, противъ нихъ уже не возбуждается преслѣдованія (въ томъ случаѣ, когда книга не разошлась еще). И многіе идутъ,—двойная, вѣдь, выгода: и книга будетъ спасена, хотя въ искалѣченномъ видѣ, и отъ суда можно отвертѣться. Между тѣмъ, такимъ путемъ фактически возстанавливается ни больше, ни меньше, какъ карательная цензура. Соглашаясь подчиниться опредѣленію палаты, состоявшемуся въ распорядительномъ (административномъ) засѣданіи, собственникъ книги въ сущности соглашается безъ суда подчиниться усмотрѣнію правительственныхъ органовъ и прежде всего комитета по дѣламъ печати. Я упоминаю объ «отступленіи» въ этой именно формѣ не только потому, что оно обусловлено всецѣло угнетеннымъ настроеніемъ и разобщенностью писателей, но и тѣмъ, что самъ въ такомъ отступленіи участвовалъ, въ чемъ и чувствую потребность публично покаяться. Мы ясно сознавали весь вредъ отъ названныхъ операцій, и въ то же время видѣли, что многіе вокругъ насъ на нихъ соглашаются. Когда было, наконецъ, и мнѣ предложено исключить нѣкоторыя мѣста изъ книги «На очередныя темы», не доводя дѣло до суда, то я долго колебался... и въ концѣ концовъ согласился. Какой въ самомъ дѣлѣ былъ бы толкъ отъ моего упорства? Одинъ въ полѣ не воинъ,—возстановленію карательной цензуры я одинъ не помѣшалъ бы. Погибла бы только книга, да новое судебное дѣло на меня нависло бы. Но судебныхъ дѣлъ у меня было и имѣется уже свыше десятка. Новое никого бы даже не заинтересовало. И я согласился на выпускъ книги въ изрѣзанномъ видѣ... Не мало можно было бы указать и другихъ подобныхъ «отступленій». Укажу хотя бы «циркуляры», которые тоже, можно сказать, возстановлены. Помѣшать операціямъ, которыя облегчаютъ врагу наступленіе, было бы, конечно, очень важно. И этого можно было бы достигнуть при наличности единодушнаго и активнаго настроенія въ писательской средѣ.

ціи, какъ она намѣчалась ими въ началѣ и какъ была совершенно опредѣленно обрисована въ «Возрожденіи», то картину съѣзда предосмотрѣть было бы не трудно. Произошло бы довольно рѣзкое столкновеніе марксистовъ съ профессіоналистами и, въ зависимости отъ того, какую поддержку послѣдніе получили бы справа, первые или овладѣли бы съѣздомъ, устроивъ изъ него «рѣзкую демонстрацію», или прибѣгли бы къ своему шаблону—ушли бы со съѣзда.

Но марксисты на указанной позиціи не остались... Совершенно неожиданно—не только для меня, но и для многихъ, какъ я думаю,—въ № 3 «Вѣстника второго всероссійскаго съѣзда писателей», вышедшемъ 17 апрѣля, т. е. за нѣсколько дней до открытія съѣзда появилась статья г. Іорданскаго: «Странныя опасенія». Статья—маленькая, 70—80 печатныхъ строкъ, но страстная, почти запальчивая. Авторъ ополчается въ ней противъ «противниковъ съѣзда», которые «распространяютъ слухи, будто крайнія лѣвыя группы пошли на съѣздъ съ цѣлями, чуждыми литературѣ, что они стремятся къ демонстраціи, что они намѣрены взорвать съѣздъ» и категорически заявляетъ, что «эти запугиванія ни на чемъ не основаны». «Никакихъ партійныхъ директивъ о взрывѣ съѣзда—прибавляетъ онъ—нѣтъ и быть не можетъ».

Въ той же статьѣ г. Іорданскій кратко и рѣшительно—какъ главнокомандующій въ критическую минуту—намѣтилъ и ту позицію, которую займутъ на съѣздѣ «крайнія лѣвыя группы». «Безплоднымъ вспышкопускательствомъ» онѣ заниматься не будутъ.

«Взрывъ» съѣзда,—писалъ онъ,—мгновенная вспышка, отъ которой останется мимолетное облако. Профессіональная организація, созданная съѣздомъ,—острое оружіе, которое останется въ рукахъ писателей на долгое время.

И на предстоящемъ съѣздѣ мы должны выковать это оружіе, не останавливаясь передъ всѣми трудностями такой задачи и не увлекаясь легкостью демонстративной тактики.

Такимъ образомъ оказалось, что мы все время ошибались, совершенно неправильно представляя себя ту позицію, которую марксисты намѣрены занять на съѣздѣ. Но такъ какъ въ дѣйствительности не противники съѣзда распускали «слухи» о томъ, что «крайнія лѣвыя группы» склонны къ «демонстративной тактикѣ» а сторонники съѣзда, въ родѣ г. Мирова и другихъ марксисткихъ писателей, то возможно и другое предположеніе: не мы ошибались, а они измѣнили свои намѣренія. Въ виду приведенныхъ уже мною и многихъ другихъ данныхъ такое предположеніе представляется едва ли не болѣе вѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ не трудно объяснить себѣ перемѣну позицій, если такокая имѣла мѣсто.

Стоитъ только припомнить, что между первымъ выступленіемъ г. Іорданскаго по вопросу о съѣздѣ въ Литературномъ обществѣ и послѣдней его статьею въ «Вѣстникѣ Съѣзда» произошелъ ца-

вѣстный конфликтъ его съ г. Гессеновъ, расширившійся до конфликта «Современнаго Міра» съ «Рѣчью». Г. Іорданскій и ближайшіе его товарищи натворили при этомъ такъ много безтактностей (судъ чести, какъ извѣстно, еще болѣе рѣзко квалифицировалъ ихъ поступки), что въ писательской средѣ создалось далеко не благопріятное къ нимъ отношеніе. И они это, конечно, чувствовали. Надо сказать, что такое отношеніе къ нимъ проявилось не только у противниковъ ихъ по вопросу о съѣздѣ, но и въ еще болѣе демонстративной формѣ у союзниковъ, — у профессіоналистовъ. Въ Кассѣ взаимопомощи, около которой, главнымъ образомъ, группируются послѣдніе, имѣлъ мѣсто такой случай.

Въ засѣданіи 14 марта послѣ того, какъ было принято рѣшеніе принять участіе въ съѣздѣ, г. Колубовскій

произнесъ горячую рѣчь, въ которой выразилъ возмущеніе поступкомъ Н. И. Іорданскаго, вносящаго въ литературу дикіе нравы своимъ требованіемъ разрѣшить литературный споръ путемъ кроваваго поединка. Этотъ поступокъ,—говорилъ Колубовскій,—необходимо заклеймить. Мы должны выразить Іорданскому свое негодованіе въ самой рѣзкой формѣ, чтобы показать, на сколько мы осуждаемъ подобные пріемы. Рѣчь Колубовскаго была покрыта аплодисментами. Значительнымъ большинствомъ голосовъ принято слѣдующее постановленіе: общее собраніе Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ выражаетъ свое негодованіе по поводу образа дѣйствій фактическаго редактора журнала «Современный Міръ», пытавшагося разрѣшить литературный споръ посредствомъ дуэли *).

Самъ собою возникалъ вопросъ, какъ встрѣтятся послѣ этого двѣ группы сторонниковъ съѣзда—профессіоналисты и марксисты? Какъ встрѣтятся, напримѣръ, въ организаціонномъ комитетѣ г. Колубовскій и «заклейменный» имъ г. Іорданскій? Такъ и казалось, что эти двѣ группы сторонниковъ съѣзда разойдутся другъ съ другомъ прежде, чѣмъ онъ состоится. Дѣло однако обошлось... по хорошему: встрѣтились и не только не раскочились, но чуть ли не облобызались. Въ виду вопроса о съѣздѣ, тѣ и другіе сочли, повидимому, возможнымъ предать забвенію другіе вопросы, которые могли оказаться между ними спорными и, въ частности, литературный конфликтъ, только что заставившій ту и другую сторону пережить такія сильныя чувства. Послѣ этого ссориться ужъ не приходилось, кто-нибудь долженъ былъ уступить,— и марксисты, если не бросили за бортъ, то въ совершенно неопредѣленную даль отодвинули «политику»; сдѣлать это имъ было, конечно, тѣмъ легче, что въ багажѣ у нихъ и «профессіонализмъ» имѣлся.

Возможны, конечно, и другія объясненія... Напримѣръ, противоалкогольный съѣздъ успѣлъ ужъ отодвинуться и даже гордившіеся имъ люди могли убѣдиться, что послѣ него осталось лишь

*) «Русскія Вѣдомости», 16 марта.

«мимолетное облако». Съ другой стороны, появленіе на писательскомъ съѣздѣ «рабочей делегаціи» могло показаться несуразнымъ даже самимъ творцамъ этого плана. Наконецъ, «уходъ со съѣзда»— пріемъ, настолько уже затасканный, что возможность его заранѣе уже вызывала насмѣшки. Никакой же другой «политики» въ запасѣ у марксистовъ не было,—и, быть можетъ, волей-неволей имъ пришлось ухватиться за «профессіонализмъ».

Было, пожалуй, и еще одно обстоятельство, которое могло съиграть нѣкоторую роль въ данномъ случаѣ. Ко времени появленія статьи г. Іорданскаго выяснилось, что октябристская и правая печать отъ участія въ съѣздѣ уклонится. Изъ суворинскихъ изданій записался только «Историческій Вѣстникъ», а изъ откровенно правыхъ только «Свѣтлый Лучъ». Такимъ образомъ устроить мало-мальски занимательный турниръ было не съ кѣмъ. Профессіональное же объединеніе получало при такихъ условіяхъ менѣе приторный характеръ.

Такъ или иначе, но на нашихъ глазахъ произошло сближеніе двухъ группъ, занимавшихъ до сихъ поръ совершенно разныя мѣста въ писательской средѣ, — сближеніе, достигшее на съѣздѣ чуть ли не полнаго сліянія. Прибавлю, что оно имѣло случай сказаться и потомъ, послѣ съѣзда.

Кромѣ названныхъ мною группъ, у съѣзда были и еще сторонники. Трудно ихъ охарактеризовать какимъ-нибудь однимъ словомъ. Я довольно пристально вглядывался въ ихъ физіономіи, внимательно вслушивался и вчитывался въ излагавшіеся ими доводы въ пользу съѣзда. На сколько я могу уяснить себѣ, въ большинствѣ своемъ это были люди, которые очень высоко цѣнили въ съѣздѣ его общественную форму, не особенно безпокоясь, будетъ ли въ ней, и если будетъ, то какое именно содержаніе. Въ сущности, они раздѣляли ту же презумпцію, съ какою, какъ мы видѣли, явились на нынѣшніе съѣзды многіе ихъ участники: разъ люди соберутся вмѣстѣ, то общественность сама собой явится; разъ союзъ будетъ учрежденъ, то и будетъ общественная сила. А общественность нужна, настоятельно нужны и общественныя силы. Какъ же можно отказываться отъ съѣзда, разъ онъ разрѣшенъ и возможенъ? Можно ли упустить случай учредить союзъ, разъ такой случай представляется?

Помимо этихъ соображеній, на многихъ, какъ можно думать, оказало вліяніе и то обстоятельство, что противниковъ съѣзда окрестили бойкотистами. А бойкотъ, какъ извѣстно, это — такое слово, которое въ душахъ многихъ русскихъ интеллигентовъ само по себѣ поднимаетъ непріятный осадокъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ лѣвые бойкотировали первую Думу, и оказалось, что напрасно, дѣлать этого не слѣдовало. Имъ самимъ потомъ пришлось раскаяться и принять участіе въ дальнѣйшихъ выборахъ. Нѣтъ, ужъ лучше подальше отъ всякаго бойкота, чтобы не попасть

опять впросакъ!.. Вотъ, примѣрно, какъ разсуждаютъ многіе интеллигенты, а нѣкоторые идутъ и еще дальше по этой линіи: не шутя вѣдь, встрѣчаются люди, которые отрицательное отношеніе къ бойкоту возвели въ своего рода принципъ, сдѣлали однимъ изъ догматовъ своей общественно-политической програмы.

На презумпціи, что всякая общественная форма сама по себѣ является благомъ, я останавливаться не буду. Объ этомъ мнѣ пришлось уже говорить выше, да многіе участники нынѣшнихъ съѣздовъ, въ томъ числѣ и писательскаго, какъ я думаю, и сами убѣдились, что не Богъ знаетъ какую цѣнность представляетъ общественная форма, когда въ ней нѣтъ достаточно цѣннаго содержанія. Скажу лишь нѣсколько словъ о соображеніяхъ, связанныхъ съ «бойкотомъ».

Мнѣ приходилось уже говорить, что я лично не считаю бойкота первой Думы ошибкой. Если это и была ошибка, то лишь въ той мѣрѣ, поскольку тактика лѣвыхъ не получила себѣ достаточной поддержки. Во всякомъ случаѣ это былъ бойкотъ мотивированный и жизнью не опровергнутый: разсчетъ состоялъ вѣдь въ томъ, что если общественныя силы задержатся на пред-думскихъ позиціяхъ, то онѣ больше добудутъ и во всякомъ случаѣ вѣрнѣе обезпечатъ то, что было уже добыто. Но общественныя силы въ значительной ихъ части не задержались и перенесли борьбу на думскую арену. Что было бы, если бы бойкотъ въ надлежащихъ размѣрахъ осуществился,—мы такъ и не знаемъ. Противники же бойкота свой планъ выполнили полностью, — и мнѣ нечего, конечно, напоминать, что онъ завершился полнымъ крахомъ. Если ужъ говорить объ ошибкахъ, то надо сказать, что ихъ ошибка засвидѣтельствована исторіей.

Не считаю я ошибкой и то, что лѣвые приняли участіе во вторыхъ выборахъ. Обстоятельства измѣнились, и разсчитывать на внѣдумскую борьбу было немыслимо. Оставалось одно: попытаться продолжать ее на думской аренѣ, расчитывая, самое большее, на нѣкоторую поддержку извнѣ. Во всякомъ случаѣ другого плана тогда не было.

Если я и склоненъ что считать ошибкой, то развѣ только участіе лѣвыхъ въ Думѣ 3 іюня. Три уже сессіи сидятъ они въ ней,—и толку никакого. Если бы ихъ тамъ не было, то, можетъ быть, отношенія были бы проще, яснѣе, опредѣленнѣе.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о бойкотѣ — не принципіальный вопросъ, а тактическій. Его нельзя рѣшить разъ навсегда, его приходится рѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ связи съ данными конкретными обстоятельствами. Можно было бы указать не мало случаевъ, когда бойкотъ сослужилъ обществу очень цѣнную службу. Главное же, что приходится имѣть въ виду, говоря о писательскомъ съѣздѣ, это то, что противниковъ въ сущности со-

вершенно неправильно называли бойкотистами. Таковыми они не были.

Мы считали съѣздъ ненужнымъ и не желали его устраивать, сознавая, что писатели при данныхъ условіяхъ не въ состояніи наполнить эту общественную форму достаточно цѣннымъ содержаніемъ. Но устройству съѣзда мы не препятствовали, и когда было рѣшено его устроить, то изъ нашей среды—по крайней мѣрѣ, изъ группы «Русскаго Богатства»—не раздался ни одинъ протестъ (хотя основаній для таковаго было не мало) и ни одинъ призывъ къ бойкоту. Наша позиція была иная: если хотите устраивать, то устраивайте, — потомъ видно будетъ, кто былъ правъ и кто ошибался. Нечего и говорить, что устроителей съѣзда или его участниковъ ни въ «интригахъ», ни въ «измѣнѣ» общему дѣлу мы не обвиняли. И рта никому изъ сторонниковъ съѣзда не зажимали...

Изъ кого состояли эти сторонники, мы уже видѣли. Теперь остается сказать, что общими усиліями они не только устроили съѣздъ, но и ввели его, выражаясь словами одного изъ устроителей, въ «тѣ предѣлы, которые явно были очерчены на съѣздѣ 1908 года». Другими словами: нынѣшній съѣздъ оказался очень близкимъ, если не вполнѣ тождественнымъ, по своему характеру и внутреннему содержанію со съѣздомъ 1908 года. Профессіоналисты во главѣ съ г. Градовскимъ могутъ быть довольны: этого, вѣдь, они и желали. Г. Градовскій можетъ быть даже вдвойнѣ доволенъ: что съѣздъ будетъ именно такимъ, онъ заранѣе «свидѣтельствовалъ» передъ г. Столыпинымъ *). Имѣютъ довольный видъ и марксисты. Я нѣсколько сомнѣваюсь, вполнѣ ли соотвѣтствуетъ ихъ внутреннее состояніе этому внѣшнему виду: совсѣмъ недавно, вѣдь, съѣздъ 1908 г. они называли «позорнымъ зрѣлищемъ» **) и отнюдь не желали его повторенія. Впрочемъ, желанья у людей могутъ мѣняться,—и разъ они говорятъ, что довольны, стало быть, такъ и запишемъ. Остаются тѣ писатели, которые, хотя и не принадлежатъ къ названнымъ группамъ, но по всякимъ другимъ соображеніямъ приняли участіе въ съѣздѣ. Довольны ли они?—я не знаю... Этихъ сторонниковъ съѣзда, какъ я уже сказалъ, нельзя охватить однимъ какимъ-нибудь наименованіемъ, такъ какъ они принадлежатъ къ довольно разнообразнымъ писательскимъ кругамъ и занимаютъ разное положеніе въ писательской средѣ. Они то именно своимъ участіемъ и придали зигзагообразный видъ той линіи, которая подѣлила всѣхъ писателей по вопросу о съѣздѣ на два лагеря. Не зная какъ они относятся къ результатамъ съѣзда, я и сказалъ, что, можетъ быть, эта линія нѣсколько еще выпрямится...

---

*) См. «Биржевыя Вѣдомости», 14 февраля.

**) См. «Возрожденіе», № 3.

III.

Дать читателямъ связный отчетъ о писательскомъ съѣздѣ я чувствую себя не въ состояніи. Боюсь, что слишкомъ велика для этого у меня склонность дать этотъ отчетъ въ легкой, фельетонной формѣ. Матеріаловъ для этого имѣется, вѣдь, болѣе, чѣмъ достаточно.

Возьмите хотя бы это. Съѣздъ только что съорганизовался, т. е. выбралъ президіумъ, и выслушалъ торжественныя рѣчи, какія приличествуютъ открытію. Встаетъ одинъ изъ участниковъ и при дружныхъ аплодисментахъ предлагаетъ: «выразить уваженіе собравшимся и симпатію отсутствующимъ» *). Собравшіеся выражаютъ уваженіе собравшимся... Ну какъ тутъ не улыбнуться?

Или возьмите хотя бы это. Въ организаціонный комитетъ вносится предложеніе учредить особую секцію земской печати. Всѣ читаютъ объ этомъ въ газетахъ, и потомъ оказывается, что въ съѣздѣ принимаетъ участіе лишь одно земское изданіе. — «Вѣстникъ Пензенскаго Земства».

Возьмите, далѣе, почетнаго предсѣдателя всероссійскаго съѣзда писателей, г. Градовскаго, — къ слову сказать, избраннаго единогласно. На предъидущихъ страницахъ мнѣ не разъ приходилось упоминать его фамилію, и читатели, вѣроятно, составили себѣ нѣкоторое представленіе, какъ онъ держалъ себя въ подготовительной стадіи. Теперь нужно только прибавить, какъ онъ проявилъ себя на съѣздѣ.

Между прочимъ онъ прочиталъ докладъ «объ отвѣтственности сотрудниковъ періодической печати передъ судомъ». Тезисовъ этого доклада почему то я не нахожу въ «Вѣстникѣ съѣзда», хотя даже тезисы къ докладу г. Локотя въ немъ помѣщены. Поэтому я могу судить о докладѣ г. Градовскаго лишь по газетамъ. Изъ нихъ же извѣстно, что г. Градовскій предложилъ ходатайствовать передъ правительствомъ,—въ интересахъ свободы печати, конечно,—чтобы судебной отвѣтственности за статьи подлежали только авторы, но отнюдь не редакторы и тѣмъ болѣе не издатели. Надо сказать, что теперь авторовъ привлекаютъ сравнительно рѣдко и предпочитаютъ расправляться по преимуществу съ редакторами и издателями. Вотъ г. Градовскій и обдумалъ улучшеніе... Представьте же себѣ теперь, что его предложеніе было бы принято. Получилась бы такая картина: писатели собрались на съѣздъ отыскали въ своей средѣ виновнаго и потомъ били челомъ г. Столыпину: вонъ онъ, главный-то злодѣй, его и наказывайте... Нечего и говорить, конечно, что предложеніе г. Градовскаго для писательскаго

*) «Вѣстникъ второго всероссійскаго съѣзда писателей», № 7.

съѣзда оказалось непріемлемымъ. Къ счастью, вмѣшался полицейскій чиновникъ и помѣшалъ членамъ съѣзда достаточно энергично отмежеваться отъ своего почетнаго предсѣдателя.

Въ другомъ засѣданіи съѣзда г. Градовскій предложилъ, «не ограничиваясь взаимопомощью, выразить пожеланіе объ участіи казенныхъ денегъ въ кассѣ, предназначенной для нуждающихся журналистовъ». Надо сказать, что объ этомъ предложеніи я узналъ изъ «Сѣверокавказской Газеты», въ которой одинъ изъ участниковъ, г. Кулябко-Корецкій, обѣляетъ теперь съѣздъ отъ обвиненія, что засѣдавшіе на немъ писатели зарились на казенныя деньги. И вотъ, что онъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ:

Начались протесты и возраженія. Престарѣлый иниціаторъ (т. е. г. Градовскій) гнѣвнымъ голосомъ, едва ли не со слезами, сталъ доказывать, что смѣшивать государство съ правительствомъ нельзя и что во всякомъ случаѣ онъ, ораторъ, слишкомъ далекъ отъ сочувствія рептиліямъ.

Собраніе сдѣлало все возможное, чтобы подчеркнуть свое уваженіе къ докладчику, но, когда дошло до голосованія, оно большинствомъ 40 противъ 8 отвергло упомянутое предложеніе. (Воздержавшихся я не считалъ) *).

Видите, чему участникамъ съѣзда приходится теперь радоваться? Тому, что они съ трескомъ провалили предложеніе своего почетнаго предсѣдателя.

Ниже мнѣ придется еще упомянуть о скверномъ анекдотѣ, какой произошелъ на съѣздѣ съ письмомъ Л. Н. Толстого,—объ анекдотѣ, въ которомъ г. Градовскій, судя по всему, игралъ одну изъ главныхъ ролей. Вообще, какъ мнѣ кажется, участники съѣзда не разъ готовы были закричать благимъ матомъ отъ своего почетнаго предсѣдателя. Какъ жаль, что они своевременно не вспомнили «вопль Краевскаго». Давній это вопль, но когда имѣешь дѣло съ г. Градовскимъ, не мѣшаетъ его помнить.

Ахъ! пошто себѣ на горе я,
Не жалѣя гонорарія,
Взялъ Градовскаго Григорія
Вмѣсто Нила Адмирарія... **)

Если бы члены съѣзда это вспомнили, то въ почетные предсѣдатели, себѣ на горе, быть можетъ, его и не взяли бы...

Возьмите далѣе доклады, читавшіеся на съѣздѣ,—хотя бы докладъ г. Арабажина, цѣликомъ помѣщенный теперь въ «Вѣстникѣ» (№№ 7—9). Какъ легко и просто онъ расправляется въ немъ съ противниками съѣзда! Напримѣръ:

---

*) „Сѣверокавказская Газета", 4 мая.

**) Нилъ Адмирари (Nil admirari) — псевдонимъ фельетониста, котораго смѣнилъ въ „Голосѣ" г. Градовскій.

Доводы сторонниковъ бойкота, съ наибольшею полностью выраженные въ статьѣ г. Пѣшехонова, были подвергнуты рѣшительно уничтожающей критикѣ...

Хотя мнѣ именно пришлось въ данномъ случаѣ фигурировать въ качествѣ побѣжденнаго, я все-таки готовъ любоваться легкостью и изяществомъ, съ какими г. Арабажинъ со мною покончилъ. Единственно, что я хотѣлъ бы спросить у него, кто именно, гдѣ и когда положилъ меня на обѣ лопатки? Не въ Литературномъ ли обществѣ это было, когда сторонники съѣзда, почувствовавъ себя въ большинствѣ, рѣшили немедленно покончить съ вопросомъ и прервали пренія, отказавъ въ словѣ десяти записавшимся ораторамъ, въ томъ числѣ, и мнѣ, такъ и не получившему возможности высказаться, хотя мое имя сторонниками съѣзда упоминалось во время преній очень часто... Къ сожалѣнію, сообщать подробности г. Арабажину было некогда: слишкомъ много было такихъ побѣдъ, и о всѣхъ нихъ нужно было протрубить передъ съѣздомъ и публикой. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ познакомить читателей, какъ онъ, напримѣръ, побѣдилъ Литературный фондъ, Общество думскихъ журналистовъ, Московское общество дѣятелей печати и т. д. Изъ массы рекламныхъ перловъ, имѣющихся въ докладѣ, я лучше возьму парочку другого сорта. Какъ восхитительно, изящно и просто г. Арабажинъ разсыпаетъ въ немъ комплименты сторонникамъ съѣзда! Напримѣръ:

„Прекрасный отвѣтъ... даетъ Н. И. Іорданскій въ сжатой, но исчерпывающей вопросъ, своей статьѣ „Странныя опасенія“...

Или:

...Тѣ специфическія кружковыя препятствія, о которыхъ говоритъ въ своей блестящей статьѣ о съѣздѣ писателей г. Бикерманъ въ „Бодромъ Словѣ“.

Одно-два слова,—и никакого больше славословія не нужно. Вотъ это писатель! Читаешь и думаешь: кукушка хвалитъ пѣтуха; должно быть, и пѣтухъ хвалилъ кукушку...

Вообще комическаго—и отдѣльныхъ выступленій, и цѣлыхъ сценъ—въ съѣздѣ было не мало. Когда начинаешь писать о немъ, то перо невольно уклоняется въ эту сторону... Но смѣяться мнѣ не хотѣлось бы,—я прекрасно сознаю, что намъ, писателямъ, не до смѣха съ этимъ съѣздомъ. Съ другой стороны, я ясно вижу, что этотъ комическій элементъ—то, что кажется смѣшнымъ при взглядѣ со стороны,—былъ въ сущности неизбѣженъ въ съѣздѣ, какъ неизбѣженъ онъ бываетъ иногда въ самой заправской драмѣ. Дѣло въ томъ, что устроители съѣзда, какъ я думаю, совершили одну роковую ошибку и тѣмъ поставили себя и съѣздъ въ фальшивое положеніе. Благодаря этому, въ результатѣ и получилось что-то вродѣ трагикомедіи. Постараюсь уяснить эту ошибку, какъ я ее понимаю.

Между сторонниками и противниками съѣзда никакого соглашенія по вопросу, быть или не быть ему, какъ извѣстно, не состоялось. Кто же рѣшилъ этотъ вопросъ? Отвѣтить на это можно не сразу.

Первоначально вопросъ возникъ въ комитетѣ, избранномъ для этого съѣздомъ 1908 г. Этому именно комитету, въ лицѣ его предсѣдателя М. М. Ковалевскаго, и былъ разрѣшенъ новый съѣздъ. Въ томъ же комитетѣ обсуждались возникшія относительно цѣлесообразности съѣзда сомнѣнія и разногласія. Предполагалось, что онъ же и рѣшитъ вопросъ, быть или не быть съѣзду. Видимость, пожалуй, такая и сохранилась. Своихъ полномочій комитетъ никому не передавалъ и дѣйствій своихъ какъ будто не пріостанавливалъ. Появлявшіяся въ газетахъ свѣдѣнія относились все время какъ будто къ одному и тому же комитету. Легко поэтому могло получиться впечатлѣніе, что этотъ именно комитетъ и рѣшилъ вопросъ о съѣздѣ, въ качествѣ общеписательскаго учрежденія, получившаго на это полномочія отъ предъидущаго съѣзда *). Въ дѣйствительности, однако, дѣло было не такъ, и въ этомъ не трудно убѣдиться.

Въ составъ комитета, по постановленію съѣзда 1908 г., должно было войти 12 человѣкъ, въ томъ числѣ 3 представителя отъ петербургскихъ литературныхъ организацій (отъ Литературнаго фонда, Кассы взаимопомощи и Литературнаго общества) и 9 членовъ, избранныхъ съѣздомъ. Въ случаѣ выбытія кого-либо изъ послѣднихъ они могли замѣщаться только кандидатами, избранными съѣздомъ въ числѣ 7 человѣкъ. Кромѣ того, комитету было предоставлено право кооптировать трехъ членовъ по своему усмотрѣнію, и на этомъ основаніи комитетъ тогда же пригласилъ въ свой составъ Л. Н. Андреева и Г. В. Плеханова. Если мы сопоставимъ теперь личный составъ комитета (кромѣ представителей отъ обществъ), какъ онъ былъ намѣченъ въ 1908 г., съ личнымъ составомъ комитета, который завѣдывалъ устройствомъ нынѣшняго съѣзда, то получимъ такую картину:

---

*) Упомянувъ объ этихъ полномочіяхъ, считаю не лишнимъ оговориться, что я лично, въ виду указаннаго выше характера, какой имѣлъ съѣздъ 1908 г., не считалъ ихъ очень важными и цѣнными. Будучи заочно выбранъ этимъ съѣздомъ въ кандидаты къ членамъ комитета, я тогда же отказался отъ этой чести,—уже изъ-за того только, что не желалъ числиться въ одномъ спискѣ съ г. Столыпинымъ, такъ какъ въ возможность объединенія съ нововременцами я не вѣрилъ и не вѣрю. Но съ точки зрѣнія устроителей нынѣшняго съѣзда, дѣйствовавшихъ все время именемъ съѣзда 1908 г., съ полномочіями, данными послѣднимъ, слѣдовало бы, казалось, считаться.

Комитетъ, учрежденный съѣздомъ 1908 г.	Комитетъ устроившій съѣздъ 1910 г.
Члены:	
Н. Ѳ. Анненскій.	
П. Н. Милюковъ.	
В. Я. Богучарскій.	
М. М. Ковалевскій.	
Г. К. Градовскій.	Г. К. Градовскій.
В. Г. Короленко.	
М. М. Ѳедоровъ.	
В. В. Водовозовъ.	В. В. Водовозовъ.
М. А. Стаховичъ.	
Кандидаты:	
А. В. Пѣшехоновъ.	
К. В. Аркадакскій.	
А. А. Столыпинъ.	
В. Г. Танъ.	
І. В. Гессенъ.	
С. Н. Прокоповичъ.	
Ѳ. Д. Батюшковъ.	
Коонтир. члены:	
Л. Н. Андреевъ.	
Г. В. Плехановъ.	
	Д. Н. Бородинъ.
	К. И. Арабажинъ.
	Я. Н. Колубовскій.
	И. В. Жилкинъ.
	В. П. Кранихфельдъ.
	Д. А. Линевъ.
	В. Н. Перетцъ.
	М. И. Туганъ-Барановскій.
	Е. Н. Чириковъ.

Если бы дѣйствовалъ комитетъ, сформированный въ 1908 г., то онъ съѣзда ни въ коемъ случаѣ не созвалъ бы (мнѣніе значительной части членовъ этого комитета извѣстно, и оно было отрицательное). Но изъ намѣченныхъ тогда лицъ лишь два человѣка (Г. К. Градовскій и В. В. Водовозовъ) участвовали въ комитетѣ, который устроилъ съѣздъ нынѣшняго года. Почему другія лица, оказавшіяся въ составѣ этого комитета—гг. Бородинъ, Арабажинъ, Колубовскій и др.—считали себя правомочными рѣшить вопросъ, раздѣлившій всѣхъ писателей на два лагеря, я не знаю.

А они рѣшили... Вмѣсто того, чтобы прямо заявить, что съѣздъ созываетъ частный кружокъ, они все время поддерживали иллюзію, что дѣйствуетъ какое то правильно организованное общеписательское учрежденіе. Потомъ въ своемъ докладѣ г. Арабажинъ доказывалъ, что они дѣйствовали не «самочинно», что съѣздъ былъ ими созванъ по «волѣ большинства». Какого «большинства» онъ не пояснилъ, и я думаю, что при всей, отмѣченной уже выше, легкости въ утвержденіяхъ, г. Арабажинъ не рѣшился бы сказать: по волѣ большинства россійскихъ писателей или россійскихъ періодическихъ изданій.

Организаторамъ съѣзда хорошо было извѣстно, что значительная часть писателей и изданій не приметъ участія въ съѣздѣ, но они все-таки дали послѣднему названіе «всероссійскаго». Созови они частный съѣздъ,—и все бы обошлось, можетъ быть, по хорошему: получилось бы, вѣроятно, скромное по виду, но не безполезное учрежденіе. Поставивъ же съѣздъ на «всероссійскую» позицію съ тѣмъ, чтобы онъ говорилъ отъ лица всѣхъ россійскихъ писателей, они взвалили на его плечи непосильную задачу. Въ этомъ, какъ я думаю, и заключалась ихъ коренная ошибка, отсюда и проистекли всѣ затрудненія.

«Участники съѣзда—великодушно заявили они въ первомъ номерѣ «Вѣстника»—поработаютъ и за отсутствующихъ». «Много благодарны,—тогда же подумалъ я,—но вѣдь мы васъ объ этомъ не просили и на это не уполномочивали». Общественное дѣло такъ же, какъ и общественное имущество, никто не вправѣ захватывать. Даже господа Бородины... Но дѣло было не только въ полномочіяхъ, но и въ силахъ. Для того, чтобы говорить и дѣйствовать отъ имени писателей всей Россіи, нужно и видъ имѣть соотвѣтствующій. А вида-то такого у съѣзда и не получилось. Чуть не главныя усилія пришлось затратить на то, чтобы онъ походилъ на всероссійскій съѣздъ, чтобы «въ дородствѣ съ нимъ сравнялся». Это сказалось и въ мелочахъ, и въ крупныхъ вещахъ.

Взять хотя бы составъ съѣзда и прежде всего его численность. На съѣздѣ ветеринаровъ было около тысячи человѣкъ, а на всероссійскомъ писательскомъ? Комитетъ, несомнѣнно, употребилъ всѣ усилія, чтобы членовъ было больше. «По точному подсчету—какъ заявилъ потомъ г. Арабажинъ въ «Вятской Рѣчи»—записалось 317 членовъ» *). Эту «точную» цифру мы находимъ и въ № 9 «Вѣстника», который вышелъ спустя нѣсколько дней послѣ съѣзда когда списокъ можно было бы уже вывѣрить. Между тѣмъ въ спискѣ имѣются ошибки. Напримѣръ, совершенно случайно я убѣдился, что нѣкоторыя лица записаны въ списокъ дважды (такъ, гг. Кричевскій и Оленевъ, значащіеся во второмъ дополнительномъ спискѣ, за №№ 7 и 15, значатся и въ основномъ спискѣ за №№ 95 и 151). Нѣкоторыя лица были, повидимому, внесены комитетомъ въ списокъ безъ прямого заявленія ихъ, на томъ лишь основаніи, что они гдѣ-нибудь и когда-нибудь (хотя бы въ частномъ письмѣ) высказались въ пользу съѣзда. На этой почвѣ комитетъ, какъ извѣстно, имѣлъ даже конфликтъ съ г. Погодинымъ, который печатно протестовалъ противъ включенія его имени въ списокъ членовъ съѣзда. Но и г. Погодинъ вошелъ въ «точную» цифру 317. Нѣкоторыя лица попали въ списокъ, какъ можно думать, просто по недоразумѣнію. Въ основномъ спискѣ значится, напримѣръ, В. Г. Танъ. Между тѣмъ, онъ писалъ потомъ, что, идя

*) „Вятская Рѣчь", 5 мая.

на съѣздъ въ качествѣ корреспондента, опасался, какъ бы не завербовали его въ члены, но пошелъ и ничего,—говоритъ—все обошлось благополучно... Въ спискахъ, однако, какъ оказывается, онъ уже былъ «завербованъ». Все это мелочи, конечно, но и за всѣмъ тѣмъ онѣ характерны. Главное же, они объясняютъ, почему списочный составъ участниковъ писательскаго съѣзда разошелся съ дѣйствительнымъ, какъ ни на какомъ другомъ съѣздѣ. Изъ 317 лицъ, значащихся въ спискахъ, едва ли и половина принимала дѣйствительное участіе въ его занятіяхъ (число лицъ, посѣтившихъ засѣданія съѣзда, по свѣдѣніямъ г. Арабажина, было «около» 180).

Еще больше огорченій и затрудненій организаторамъ и руководителямъ съѣзда его видъ доставилъ съ точки зрѣнія состава участниковъ. Достаточно сказать, что изъ петербургскихъ ежедневныхъ изданій приняли участіе въ съѣздѣ только «Биржевыя Вѣдомости» и «Газета-Копейка», изъ московскихъ ежедневныхъ— только «Газета-Копейка». Столичные журналы были представлены нѣсколько лучше, но, конечно, далеко отъ «большинства».

Руководители съѣзда все время усиленно старались представить дѣло такъ, что если столичныя изданія уклонились отъ участія въ съѣздѣ, то за то широко на немъ была представлена провинціальная печать. По списку я насчиталъ 21 провинціальное изданіе— число совсѣмъ незначительное,—причемъ лишь 13 изъ нихъ прислали делегатовъ съ мѣстъ, а остальными уполномочены были, повидимому, петербуржцы (сужу по отмѣткамъ въ спискѣ). Для того, чтобы пояснить, какъ слабо была представлена провинція, достаточно сказать, что вовсе не было представителей отъ одесскихъ изданій, отъ саратовскихъ, нижегородскихъ, казанскихъ,—вообще поволжскихъ (былъ представленъ только «Библіографическій Листокъ», издающійся въ Сызрани). Не было представителей отъ тифлисскихъ, бакинскихъ и другихъ кавказскихъ изданій, кромѣ газеты «Сѣверный Кавказъ», издающейся въ Ставрополѣ. Изъ крымскихъ были представлены только «Южныя Вѣдомости». Изъ всѣхъ сибирскихъ изданій были представители только отъ «Эха» и «Пріамурья». Вовсе не было представителей отъ иноязычныхъ изданій,—хотя на «всероссійскомъ» съѣздѣ иноязычная печать, конечно, должна была бы быть представлена. Не было представителей, въ частности, и отъ украинскихъ изданій,—представлена была только великорусская печать.

Еще менѣе импозантнымъ оказался съѣздъ въ отношеніи личнаго состава его участниковъ. Устроители съѣзда были очень обижены тѣмъ, что одна изъ московскихъ газетъ, говоря о съѣздѣ, отмѣтила малочисленность пользующихся извѣстностью именъ среди членовъ съѣзда. По моему мнѣнію, дѣло обстояло хуже: мало было не извѣстныхъ только, но вобще писателей,—тѣхъ писателей, для которыхъ литературныя занятія являются дѣломъ жизни, а не

случайностью и не подсобнымъ только промысломъ. Мы видѣли, что фактическое число участниковъ съѣзда было не велико. Между тѣмъ среди нихъ не мало было лицъ, имѣющихъ къ литературѣ очень небольшое касательство. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать писателемъ хотя бы г-на Пилипенко. Онъ былъ принятъ въ члены съѣза, повидимому, по личному цензу, т. е. какъ лицо, извѣстное комитету своими трудами въ области литературы. Но, какъ онъ самъ объяснилъ, литературная дѣятельность его заключается въ томъ лишь, что онъ корреспондируетъ со ст. Вырица въ газету «Царскосельское Дѣло». Я упоминаю именно о Пилипенко, потомучто этотъ «писатель съ Вырицы» прославился своимъ выступленіемъ на съѣздѣ, и я, не стѣсняясь, могу назвать его фамилію. Онъ былъ однако не единственный въ своемъ родѣ. Просматривая списокъ членовъ, я замѣтилъ въ немъ и еще нѣсколько извѣстныхъ мнѣ лицъ,—не столько писателей, сколько желающихъ прослыть таковыми. Но и помимо этого въ числѣ членовъ было не мало лицъ, которыхъ нельзя назвать писателями въ профессіональномъ смыслѣ. Любопытно, что даже среди трехъ делегатовъ отъ С.-Петербургскаго литературнаго общества, оказался лишь одинъ профессіональный писатель, г. Невѣдомскій *).

Что касаетъ «именъ», то, какъ замѣтилъ г. Арабажинъ въ своемъ докладѣ, «вопросъ объ именахъ вообще спорный». На всякій случай онъ создалъ все-таки теорію, согласно которой «имена» для писательскаго съѣзда и не требовались. «Литературу— говорилъ онъ—создаютъ таланты, оставляя свои имена въ исторіи, но литературное профессіональное объединеніе создается массами рядовыхъ литературныхъ работниковъ».

Но очевидно, что «имена» все-таки безпокоили руководителей съѣзда и, въ частности, г. Арабажина. Онъ дважды составлялъ списокъ имъ,—одинъ разъ для своего доклада, другой разъ для своей статьи въ «Вятской Рѣчи».

Пріятно отмѣтить,—писалъ онъ, въ послѣдней,—что въ съѣздѣ приняли участіе или выразили ему сочувствіе и виднѣйшіе русскіе писатели и беллетристы; Л. Н. Толстой, П. Д. Боборыкинъ, М. Горькій, Е. Н. Чириковъ, А. Луговой, К. Баранцевичъ и мн. др.

Въ докладѣ ихъ насчитано больше. Кромѣ названныхъ, тамъ упомянуты: А. П. Философова, В. Тихоновъ, Арцыбашевъ, О. Шапиръ, Г. К. Градовскій, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій,

---

*) Такой исходъ выборовъ въ Литературномъ обществѣ находился, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ, что они долго не клеились. Послѣ спѣшнаго рѣшенія принять участіе въ съѣздѣ, дважды назначались выборы делегатовъ. Собранія были довольно многолюдныя, но большинство присутствующихъ уклонялось, а нѣкоторые и прямо отказывались, отъ участія въ выборахъ. Трижды производилась баллатировка, пока делегаты были, наконецъ, выбраны очень небольшимъ числомъ членовъ.

проф. В. Н. Перетцъ, А. Н. Потресовъ и Л. З. Слонимскій. Но «вопросъ объ именахъ вообще спорный». Къ тому же ни въ томъ, ни въ другомъ спискѣ г. Арабажинъ такъ и не отдѣлилъ тѣхъ, кто принялъ участіе, отъ тѣхъ, кто только выразилъ сочувствіе.

Впрочемъ, одно «имя»—безспорно: Л. Н. Толстой былъ съ ними, съ устроителями съѣзда, если не лично, то духовно. На первомъ же засѣданіи съѣзда было прочитано привѣтствіе отъ него, выслушанное стоя. Въ качествѣ этого привѣтствія было прочитано начало письма Л. Н. Толстого къ г. Градовскому слѣдующаго содержанія:

Вы желаете, чтобы я выразилъ свое отношеніе къ предполагаемому и устраиваемому вами съѣзду писателей. Отношеніе мое къ людямъ, стремящимся къ единенію, не можетъ быть инымъ, какъ самымъ сочувственнымъ, особенно въ настоящемъ случаѣ, когда стремятся къ единенію писатели, люди, къ которымъ я принадлежу, занятые дѣятельностью слова, могущественнымъ орудіемъ единенія, а потому вполнѣ сочувствую и желаю наибольшаго успѣха съѣзду.

Все письмо не могло быть прочитано «по независящимъ обстоятельствамъ». Само собой понятно, что письмо это вызвало со стороны собравшихся болѣе, чѣмъ горячій откликъ. Понятно было и то, что руководители съѣзда выдвигаютъ на первый планъ, когда заходитъ рѣчь объ именахъ, имя Л. Н. Толстого.

Однако на другой день послѣ закрытія съѣзда вскрылось, что съ письмомъ Толстого произошелъ довольно «скверный анекдотъ». Вскрылось это сначала совершенно случайно. Л. Н. Андреевъ былъ у Л. Н. Толстого и о своемъ посѣщеніи разсказалъ сотруднику одной московской газеты. Между прочимъ г. Андреевъ передалъ слѣдующій разговоръ съ Толстымъ.

Левъ Николаевичъ спросилъ, какъ относится Андреевъ къ писательскому съѣзду, и Леонидъ Николаевичъ отвѣтилъ, что отрицательно.

— Да, да,—сказалъ Левъ Николаевичъ,—они и меня приглашали, но я написалъ письмо, говорю, что при настоящихъ ограниченіяхъ считаю съѣздъ не достигающимъ цѣли и даже вреднымъ. Я просилъ, чтобы въ случаѣ, если они опубликуютъ мое письмо, то пусть публикуютъ полностью. На это они отвѣчаютъ мнѣ, что полностью напечатать невозможно, такъ какъ письмо содержитъ рѣзкую критику правительства... Ну, —махнулъ рукой Левъ Николаевичъ,—пусть ихъ. *)

Когда появилось это сообщеніе, то прямо таки не вѣрилось: ну, конечно,—думалось,—интервьюеръ что-нибудь напуталъ и комитетъ съѣзда немедленно опровергнетъ его выдумку. Опроверженія однако не появилось. Между тѣмъ черезъ нѣсколько дней въ «Рѣчи» появилось письмо г. Черткова, который писалъ:

... Опубликованныя строки письма представляютъ лишь одну треть

*) „Утро Россіи", 29 апрѣля; цитирую по перепечаткѣ въ „Современномъ Словѣ" отъ 1 мая.

всего его содержанія. Въ опущенной же большей части письма обстоятельно выражена оговорка, изъятіе которой совершенно искажаетъ въ представленіи читателей дѣйствительное отношеніе Л. Н-ча къ этому съѣзду. Такое обращеніе съ его письмомъ, вполнѣ естественно, было Л. Н чу непріятно, а потому, ради возстановленія истины, я, съ его согласія и одобренія, приведу подлинный текстъ его письма съ замѣною многоточіемъ тѣхъ строкъ, которыя въ настоящее время неудобны для печати по независящимъ обстоятельствамъ.

Какъ оказывается, вслѣдъ за прочитаннымъ на съѣздѣ началомъ письма Л. Н. Толстого въ немъ говорилось:

Одно только обстоятельство въ приготовленіяхъ къ этому съѣзду смущаетъ меня, смущаетъ настолько, что, если бы я и имѣлъ для этого силы и возможность, я не могъ бы принять участія въ съѣздѣ.

Устройство съѣзда и даже предѣлы области его занятій разрѣшаются, опредѣляются тѣми лицами, которыя у насъ называются правительствомъ . . . .

Если найдете нужнымъ обнародовать это письмо, то я ничего не имѣю противъ, но только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы не было исключено и мое объясненіе тѣхъ причинъ, по которымъ я считалъ бы для себя невозможнымъ участвовать въ съѣздѣ писателей.

Съ совершеннымъ уваженіемъ *Левъ Толстой*.

6 апр. 10 г.

«Читатели, конечно, согласятся съ тѣмъ, — говорилъ г. Чертковъ въ заключеніе, — что возстановленіе полнаго смысла этого письма было желательно въ интересахъ, какъ ихъ самихъ, такъ и Л. Н-ча, а также и тѣхъ писателей, которые по тѣмъ же причинамъ какъ и Л. Н. воздержались отъ участія въ съѣздѣ и, безъ сомнѣнія, удивились безусловной солидарности, будто бы выраженной Толстымъ по отношенію къ этому съѣзду» *).

Изъ оглашенныхъ такимъ образомъ документовъ слѣдовало: во 1-хъ, что Л. Н. Толстой не былъ участникомъ (хотя бы и заочнымъ) съѣзда и не могъ имъ быть; во 2-хъ, что оглашеніе письма въ одной лишь его части послѣдовало вопреки желанію Толстого и было непріятно автору; въ 3-хъ, что при оглашеніи были сдѣланы большіе пропуски, чѣмъ это требовалось независящими обстоятельствами, т. е. желаніемъ сберечь съѣздъ отъ полицейскаго вмѣшательства; и въ 4-хъ, что, благодаря этимъ пропускамъ и тому, что содержаніе всего письма не было передано хотя бы вкратцѣ, отношеніе Л. Н. Толстого къ съѣзду было изображено по меньшей мѣрѣ, въ неполномъ и не точномъ видѣ.

8 мая Г. К. Градовскій помѣстилъ въ газетахъ въ отвѣтъ г. Черткову письмо, производившее довольно странное впечатлѣніе. По существу инцидента изъ него можно было извлечь только одно указаніе, а именно, что по вопросу объ оглашеніи письма въ неполномъ видѣ онъ писалъ Толстому и въ отвѣтъ получилъ «изъ Ясной Поляны» письмо съ ясно выраженнымъ согласіемъ испол-

*) „Рѣчь“, 5 мая.

нить его просьбу; послѣдняя же, по словамъ г. Градовскаго, состояла въ томъ, чтобы «передать съѣзду вторую часть письма только съ нѣкоторыми изъ тѣхъ изъятій, которыя замѣнены г. Чертковымъ многоточіемъ» (но этого то, именно, и не было сдѣлано). Въ остальной части письмо г. Градовскаго содержало въ себѣ рѣзкую полемику съ г. Чертковымъ, который-де неправильно толкуетъ причины, въ силу которыхъ Толстой уклонился отъ участія въ съѣздѣ, что эти причины совершенно не тѣ, что у другихъ писателей, что онѣ индивидуальны и «приличествуютъ» только Толстому. «Рѣчь» тогда же отмѣтила, что г. Градовскій, повидимому, упустилъ изъ виду, что письмо г. Черткова написано «съ согласія и одобренія» Толстого, и, стало быть, содержащееся въ немъ толкованіе имѣетъ аутентическій характеръ. Прибавлю, что, помимо г. Черткова, тоже толкованіе сдѣлалось извѣстно и чрезъ Л. Н. Андреева. Главное же, вопросъ о причинахъ, на которыхъ сосредоточилъ свое вниманіе г. Градовскій, имѣетъ во всемъ этомъ эпизодѣ второстепенное значеніе, да и нѣтъ ничего удивительнаго, что у Толстого эти причины были своеобразны, такъ же, какъ и у другихъ, уклонившихся отъ участія въ съѣздѣ, писателей онѣ не были, конечно, тождественны.

Во всякомъ случаѣ чувствовалась потребность въ болѣе вразумительныхъ и болѣе убѣдительныхъ объясненіяхъ. 15-го мая появилось, наконецъ, заявленіе отъ комитета съѣздовъ (безъ подписей). Изъ него видно: во 1-хъ, что самъ организаціонный комитетъ въ переписку съ Толстымъ не вступалъ и что ему было извѣстно только одно письмо Толстого къ Градовскому; во 2-хъ, что организаціонному комитету «была ясна» невозможность огласить письмо цѣликомъ, но что никто изъ его членовъ не высказывался противъ желательности оглашенія письма въ первой его половинѣ, гдѣ выражено сочувствіе съѣзду, какъ новой ячейкѣ единенія; въ 3-ихъ, что дальнѣйшій ходъ переписки г. Градовскаго съ Толстымъ комитету не былъ извѣстенъ, хотя онъ и зналъ, что такая переписка ведется; въ 4-хъ, что содержаніе этой переписки было извѣстно г. Стаховичу, который и нашелъ возможнымъ въ своей рѣчи прочесть первую половину письма, и въ 5-хъ, наконецъ, что «члены организаціоннаго комитета и президіума объ этомъ не были предувѣдомлены, но изъ факта прочтенія письма вынесли увѣренность, что разрѣшеніе получено». «И до прочтенія, однако, и послѣ него—прибавляетъ комитетъ,—они не скрывали содержанія второй половины письма ни отъ членовъ съѣзда, ни отъ представителей печати» *).

Я не буду говорить, снимаютъ ли эти объясненія отвѣтственность съ устроителей и руководителей съѣзда и, если не снимаютъ, то на комъ изъ нихъ и въ какой мѣрѣ она должна остаться.

*) Цитирую по «Новому Времени» отъ 15 мая.

Фактъ во всякомъ случаѣ остается фактомъ: на писательскомъ съѣздѣ къ одному изъ писателей—и при томъ такому, какъ Л. Н. Толстой—было проявлено, по меньшей мѣрѣ, неделикатное отношеніе и этотъ, фактъ, несомнѣнно, только усиливаетъ тотъ непріятный налетъ, который получился на всемъ съѣздѣ, благодаря усиліямъ его устроителей изобразить этотъ съѣздъ во что бы то ни стало «всероссійскимъ», правоспособнымъ говорить и дѣйствовать отъ имени писателей всей Россіи.

Взявшись «поработать за отсутствующихъ», когда тѣ ихъ объ этомъ не просили, участники съѣзда, какъ я уже сказалъ, взяли на себя непосильную задачу и сдѣлали вмѣстѣ съ тѣмъ роковую ошибку. И мы, не бывшіе на съѣздѣ, можемъ только пожалѣть объ этомъ...

А. Пѣшехоновъ.

Памяти Элизы Ожешко.

Въ своей автобіографіи Элиза Ожешко разсказываетъ, какъ ей удалось помочь бѣдной женщинѣ, женѣ извозчика, котораго придавила его лошадь, сама издохшая при этомъ. Трудно было помочь—это было послѣ большого Гродненскаго пожара, причинившаго столько заботъ писательницѣ: пожертвованныхъ денегъ было мало, а море нужды безконечно. Но удалось урвать изъ пожертвованій—взять тамъ и сямъ и—«выкроить лошадь». Трудно представить себѣ радость облагодѣтельствованной женщины. Она упала на колѣни и залилась слезами. «И съ ея устъ, передъ тѣмъ такихъ молчаливыхъ, полилась быстрая, страстная безъ мѣры, благодарная рѣчь. Руками, мокрыми отъ ея слезъ, я подняла ее съ колѣнъ, и въ красныхъ лучахъ солнца, пробивавшихся черезъ занавѣски, мы поцѣловались, какъ сестры».

Эти лучи солнца какъ будто не только извнѣ, но и изнутри освѣтили для писательницы ея переживанія. Много уже испытавшая и усталая, въ чудовищной обстановкѣ, среди грязи и сырости, въ неуютномъ обиталищѣ, куда перенесло ее общее бѣдствіе, среди погорѣльцевъ и бѣдняковъ, на порогѣ безвыходнаго отчаянія, Ожешко вдругъ почувствовала себя бодрой и радостной. «О,солнце—продолжаетъ она,—ты, которое огромнымъ, горящимъ окомъ смотрѣло на меня, окрыленную первыми мечтами и увлеченіями молодости, ты видѣло, что, когда я опять осталась одна въ грустномъ, холодномъ домѣ, среди обугленныхъ развалинъ, я не чувствовала уже своего червяка, меня не давила черная туча, я забыла о пессимистическихъ вопросахъ—*я была счастлива*».

Какъ должна быть счастлива теперь ушедшая отъ насъ на склонѣ долгой трудовой жизни Элиза Ожешко. Опять она одна—и въ какомъ печальномъ, въ какомъ холодномъ домѣ; и опять потокомъ льются надъ этимъ «домомъ» слезы благодарности, но уже не одной бѣдной женщины а цѣлыхъ народовъ. Опять не одинока она въ своей печали, въ своемъ одиночествѣ.

Счастливая она, въ самомъ дѣлѣ. Что же какъ не счастье, этотъ громадный талантъ быть радостной и счастливой отъ одного того, что дѣлаешь другимъ добро. Что въ сравненіи съ нимъ всѣ невзгоды личной жизни покойной, что въ сравненіи съ нимъ и литературный ея даръ: вѣдь и онъ питался главнымъ образомъ ея сердцемъ.

Иногда это говорятъ для того, чтобы этимъ смягчить сдержанную оцѣнку творческихъ силъ; иногда это прикрытый приговоръ о хорошемъ человѣкѣ, который былъ неважнымъ музыкантомъ. Здѣсь нѣтъ ни тѣни этого ограниченія. Ожешко была замѣчательная писательница, и кощунственны были бы надъ ея свѣжей могилой слова о ея великомъ сердцѣ, если бы они были нужны только для того, чтобы напомнить, что ея художественное творчество не могло сравняться съ ея творчествомъ моральнымъ.

Но невозможно при общемъ взглядѣ на ея законченную дѣятельность не сосредоточиться прежде всего на этихъ моральныхъ силахъ, озарившихъ безконечнымъ обаяніемъ ея произведенія и ея личность. О чемъ бы ни писала Элиза Ожешко, она писала всегда во имя чего то высшаго. Сперва это было наивно; она была первобытно тенденціозна въ своихъ раннихъ произведеніяхъ, но и позже, когда она стала настоящимъ большимъ художникомъ, учительный характеръ ея произведеній остался преобладающимъ впечатлѣніемъ, выносимымъ изъ нихъ. Она хотѣла не только, чтобы люди отъ нея узнали все, что дѣлается вокругъ нихъ и въ нихъ самихъ; она понимала, что и въ общественной и въ личной жизни человѣка есть глубины, раскрыть которыя подъ силу только генію. Но со всей отчетливостью, изо всѣхъ силъ она стремилась указать: это дурно, это хорошо, исправимъ то, поддержимъ это; будемъ знать,—и будемъ хотѣть.

Она начала какъ разъ въ ту эпоху, когда реальное значеніе и дѣйственное хотѣніе были тенденціей дня на ея родинѣ. Умирала старая романтика, въ польской литературѣ оказавшаяся болѣе жизнеспособной, чѣмъ гдѣ-либо, и на смѣну ея приходили новыя требованія жизненнаго строительства, новыя преображенія національныхъ идеаловъ, новыя литературныя формы. Красиво сочеталась въ произведеніяхъ Элизы Ожешко эта новизна формъ и тенденцій съ какой то удивительно благородной вѣрностью традиціи. Романтизмъ былъ аристократиченъ; реализмъ шелъ ему на смѣну, какъ воплощеніе демократизма; подъ это знамя стала Ожешко. Ее считаютъ поэтомъ униженныхъ и оскорбленныхъ, проповѣдницей

вниманія къ низшей братіи, чуть не филантропкой. Пусть это вѣрно, но здѣсь есть оттѣнки, обидные для обѣихъ сторонъ. Трогательная, безконечно задушевная, отъ сердца къ сердцу говорящая Ожешко никогда не старалась породить вялую жалость къ обдѣленнымъ судьбой: она прежде всего внушала къ нимъ уваженіе. И не за особыя добродѣтели, а за нормальное, обычное человѣческое достоинство. Съ какой то настойчивой очевидностью книги Ожешко учатъ тому, что демократизмъ есть единственный возможный видъ гуманности. Для читательской толпы мужикъ есть «хамъ»; она покажетъ, какъ безконечно благородство этого «хама». Для читательской толпы еврей есть парія, мелкій мошенникъ и матеріалистъ; она покажетъ въ немъ идеалиста, искателя и прежде всего равнаго: ибо она не скроетъ его недостатковъ; она покажетъ идеалиста въ старомъ фанатикѣ и въ юномъ просвѣтителѣ; для барина, графа, аристократа она откроетъ своего, близкаго въ старомъ часовщикѣ. Часъ назадъ пропасть раздѣляла ихъ; но вотъ, сознаніе общей единой человѣческой жизни заполнило эту пропасть, и они стали равны. Именно равны: нѣтъ ни тѣни «сверху внизъ». И читателя унесла какая-то волна новыхъ чувствъ и новыхъ мыслей; сперва кажется, что онъ только растроганъ; на самомъ дѣлѣ онъ зараженъ мыслью. Въ микрокосмѣ обывательскаго уголка явился ему новый циклъ идей—и уже не застынетъ, не остановится его духовная работа. Ожешко не дастъ ему уснуть: она говорила простыя, элементарныя, почти до конца извѣстныя слова, но мы вдругъ поняли, что ничто не забыто нами болѣе, чѣмъ это банальное дважды два четыре. Въ простѣйшія истины правды житейской она вкладывала новый, оживляющій, возрождающій ихъ смыслъ. Простое было для нея формой; возвышенное было ея содержаніемъ. Такъ въ подъемѣ вдохновенія, въ моральномъ паѳосѣ, въ идеализмѣ проповѣди она вернулась къ романтикѣ, осѣнявшей ея юность, ничего не повторяя, конечно, изъ отжившихъ формъ литературной традиціи. На склонѣ ея дней пришли въ ея родную литературу новыя художественныя формы, новыя требованія, новыя слова; они прошли мимо нея, потому что она сама никогда не останавливалась. Никто не скажетъ, что Ожешко пережила себя; въ преклонныхъ лѣтахъ она умерла признанной литературной величиной, всѣмъ нужной, всѣмъ современной и—теперь это становится рѣдкостью—всѣмъ понятной.

Русская прогрессивная общественность лишилась въ ней друга, но не потеряла учителя: долго еще произведенія Элизы Ожешко, издавна любимой русскими читателями, будутъ для нихъ источникомъ художественной и житейской правды. Уже теперь распространеніе ея нѣкоторыхъ разсказовъ въ популярныхъ народныхъ изданіяхъ громадно; съ ростомъ читательскихъ массъ оно будетъ рости, наставляя ихъ въ добрѣ, рождая свѣтъ и родня людей.

Въ риторическомъ и все же великолѣпномъ панегирикѣ Элизѣ Ожешко, три года тому назадъ созданномъ единственной равной

ей среди польскихъ писательницъ, Конопницкой, вся дѣятельность Ожешко связана съ тѣмъ трагическимъ, сладостнымъ и мучительнымъ источникомъ творческаго паѳоса, который мы отмѣтили въ началѣ: съ ея сердцемъ. «Не было прекрасной, живой и благородной мысли, которой она не согрѣла бы своимъ вдохновеніемъ. Не было общественной неправды, противъ которой она не ратовала бы... Не было несправедливости, противъ которой она не разразилась бы негодованіемъ... и, быть можетъ, это первая черта ея высокаго, ея прекраснаго духа. Справедливой она была для любимыхъ и нелюбимыхъ, старыхъ и молодыхъ, близкихъ и дальнихъ, своихъ и чужихъ. Только иногда, въ безмѣрной скромности бывало она несправедлива—къ себѣ самой. Геніальная альтруистка, возвышенная христіанка, великій мастеръ въ сладкихъ звукахъ родного слова, госпожа, ввысь и вглубь владѣющая огромными наслѣдіями мысли—развѣ не проста она, какъ ребенокъ и не добра, какъ мать? Развѣ она не мужественна, какъ жизнь, и не вѣрна, какъ смерть, на своемъ непоколебимомъ посту? Развѣ она не отдала намъ всей своей души, обѣщанной намъ согласно присягѣ? Если мы перечислимъ ея творенія, которыя говорили не только *для насъ*, но и *о насъ* пространному міру, творенія, которыя свидѣтельствовали о нашемъ духѣ, то выйдетъ цѣлая библіотека, цѣлая сокровищница мыслей, чувствъ, документовъ и картинъ жизни, полная тонкаго анализа и великихъ чертъ широкаго синтеза. Если мы окинемъ взоромъ ея труды въ живыхъ людскихъ душахъ, то найдемъ тамъ могучія твердыни народныхъ идеаловъ, сильныхъ, здоровыхъ, освѣщенныхъ зарею будущаго»...

И восторженный хвалебный гимнъ замыкается предложеніемъ почестей, которыя теперь, у могилы Ожешко, никому не покажутся преувеличенными:

«Соединимъ ея имя съ эпохой; дадимъ ей королевское мѣсьо среди насъ—пусть иочувствуетъ она, какъ дорога она своему народу... Ея удѣлъ не только литература; это и подвигъ. Ея душа не только арфа, но и мечъ, и плугъ. Удѣломъ ея была суровая пограничная служба, тяжесть которой снесли бы немногіе. Удѣломъ ея были запущенныя, невоздѣланныя поля, съ которыхъ она въ напряженіи духа сняла обильную жатву. Борьбой была жизнь ея, а отдыхомъ—забота о нашемъ утрѣ. И пусть зашумитъ ей Бѣловѣжская пуща величавымъ гимномъ своихъ вѣковѣчныхъ дубовъ. Пусть шумитъ ей родной Нѣманъ, душу котораго она явила намъ. Пусть бьются для нея сердца! Пусть родина увѣнчаетъ ее вѣнцомъ гражданскаго подвига *).

И вотъ, пришло время для этой свѣтской канонизаціи. Конечно, въ ней приметъ участіе не только польская родина Элизы

*) Цит. въ „Новѣйшей польской литературѣ“ А. И. Яцимирскаго, томъ I.

Ожешко. Ея историческая роль слишкомъ значительна для исключительно національнаго культа. Живымъ знаменіемъ зиждущей силы ея великаго сердца должна стать ея могила, алтаремъ въ храмѣ всенароднаго братства и всечеловѣческаго мира.

А. Горнфельдъ.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства": отъ Костарева, изъ Владивостока—1 р.; отъ Л. Ѳ. Чеботаевой, изъ Одессы—15 р.; отъ М. Ѳ. Моисеевой—10 р.; отъ Н. М. Танхѣева, изъ Херсона—3 р.; отъ В. Н. Казановскаго, изъ Никольска—1 р.

Итого. . . . 30 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 328 р. 94 к.

Съ благотворительной цѣлью: отъ М. А. Л.—7 р.; отъ X.—1 р.; отъ Натана и Розы—2 р.

Итого . . . 10 р. — к.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: отъ Ю.—25 р.; отъ Б.—40 р.

Итого. . . . 65 р. — к.

Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко.***

Роскошные и пышные волосы достигаются только при употребленіи

БАЛЬЗАМА ЭЙКАЛИПТИ

ДЛЯ РОЩЕНІЯ ВОЛОСЪ.

Приготовленный въ Лабораторіи А. Энглундъ.

Завѣдующіе Лабораторіею Докторъ В. К. Панченко и А. К. Энглундъ.

Уничтожаетъ перхоть, пріятно освѣжаетъ головную кожу и способствуетъ усиленному рощенію волосъ.

Цѣна за флаконъ **1** р. **50** коп. съ пересылкой **2** руб.

Для того, чтобы почтеннѣйшая публика могла убѣдиться въ доброкачественности нижепоименованныхъ косметическихъ средствъ, а также въ полезности ихъ примѣненія нами высылаются немедленно по почтѣ три пробные образца: **„Бальзамъ Эйкалипти", Березовый Кремъ" и Глицериновое мыло на березовомъ сокѣ** по полученіи 3-хъ семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку **С.-Петербургской Косметической Лабораторіи**, которыя имѣются на всѣхъ этикетахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Гамбургъ—**Эмиль Беръ**; Вѣна—**Лео Глаубаухъ**, Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—**Е. Лотаръ**: для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Іоркъ—**Л. Мишнеръ.**

Главный складъ для всей Россіи **А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Сабировская, № 15.**

НОВОСТЬ! НОВОСТЬ!

ГЛУХІЕ!

Слуховой апаратъ „ОДИТОРЪ“ неминуемо дѣйствуетъ!

Глухіе пріобрѣтаютъ полность слуха!

Обращайтесь съ 4-хъ коп. маркой на открыткѣ и требуйте безплатно проспектъ по адресу:

Dr. J. Schroeter, Berlin-Charlottenburg 2/8

Д-ръ Я. Шретеръ, Берлинъ-Шарлотенб. 2/8

Фамилію и адресъ писать разборчиво!

ВНИМАНІЮ МАЛОКРОВНЫХЪ И СЛАБОСИЛЬНЫХЪ!

ФЕРРО-ЛЕЦИТИНЪ

Леопольдъ Столкиндъ и Ко.

Незамѣнимое средство для взрослыхъ, а особенно для дѣтей при малокровіи, блѣдной немочи, нервномъ разстройствѣ, болѣзняхъ костей, рахитѣ, золотухѣ и послѣ болѣзни, какъ укрѣпляющее, а также при беременности и кормленіи грудью. Главный складъ: Москва, Никольская, Берлинъ, 0,27/6.

Продажа вездѣ, цѣна 1/4 фл. 1 р. 50 к., 1/2 фл. 2 р. 50 к. и 1/1 фл. 5 р. Спросите любого врача и онъ всегда посовѣтуетъ.

БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО.

КЪ МАТЕРЯМЪ!!

Если Вы и Ваши Дѣти малокровны,

КУШАЙТЕ

ШОКОЛАДЪ СЪ ЛЕЦИТИНОМЪ

ЛЕОПОЛЬДА СТОЛКИНДА

по 40, 20 и 10 к. плитка.

Продажа во всѣхъ лучшихъ колоніальныхъ, булочныхъ и аптекарск. магаз.

СКЛАДЪ: У ЛЕОПОЛЬДА СТОЛКИНДА, МОСКВА, Никольская. БЕРЛИНЪ, О.

„СПЕРМИНОЛЬ“

ЛЕОПОЛЬДА СТОЛКИНДА

съ успѣхомъ назначается врачами при всякихъ нарушеніяхъ обмѣна веществъ (діабетъ, подагра, рахитъ), при неврастеніи, истеріи, малокровіи, половомъ безсиліи, старческой слабости, спинной сухоткѣ, невралгіи, при переутомленіяхъ, до и послѣ тяжелыхъ операцій и выздоравливающимъ; при ревматизмѣ, острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, разстройствахъ сердечной дѣятельности (міокардитъ, ожиреніе сердца), сифилисѣ и т. п.

Пріемъ по 30 капель 3 раза въ день за 1/2 часа до ѣды.

По сравнительному анализу, произведенному Химико-Бактеріологическимъ Институтомъ д-ра Ф. М. Блюменталя въ Москвѣ, оказалось, что **„СПЕРМИНОЛЬ“ Леопольда Столкинда** содержитъ цѣлебной части **спермина** значительно больше, чѣмъ сперминъ проф. Пеля и другихъ фирмъ.—Копія протокола анализа высылается безплатно.

Главный складъ у **Л. СТОЛКИНДЪ и Ко.**

МОСКВА, Никольская, 17/19. БЕРЛИНЪ О, 27/4.

НОВАЯ КНИГА:

С. П. ЛУНЕВСКІЙ.

Теоретическій и практическій курсъ

СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ

И ТРУДОСПОСОБНОСТИ.

Общедоступное руководство для участниковъ страховыхъ и пенсіонн. организацій, для лицъ, желающихъ ознакомиться съ основн. задачами страхов. института, а также для **УЧАЩИХСЯ** съ цѣлью ознакомленія ихъ съ теоріей страхованія, какъ предметомъ прикладной математики. Цѣна 1 руб. 75 коп. При одноврем. выпис. нѣск. экз. уступка. Складъ изданія: Спб., Чернышевъ, 22, кв. 23. Книгу можно пріобр. въ магаз. «Новаго Времени» и М. О. Вольфа.

1 р. 50 к. въ мѣс.

ГИМНАЗІЯ

1 р. 50 к. въ мѣс.

НА ДОМУ

СРЕДНЕ-УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ЗАОЧНО.

РАСХОДУЯ 1 р. 50 к. въ м-цъ, никакихъ больше расходовъ! Учебныхъ пособій не требуется! ВСЯКІЙ имѣетъ возможность пройти серьезно и основательно, подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей-спеціалистовъ и по новѣйшимъ педагогическимъ методамъ.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,

подготовиться къ любому экзамену по разнымъ программамъ, на званія учителя-цы городскихъ, уѣздныхъ, начальныхъ и сельск. училищъ, аптек. ученика-цы, вольноопред. 1 и 2-го разряда, на классн. чинъ и т. д.

Проспекты высылаются безплатно.

Для подробнаго ознакомленія съ изданіемъ выпуски высылаются наложен. платежомъ (1 р. 50 к. за каждый вып.). Вышло 3 вып.

Адр.: СПБ., Изд. Т-ву «БЛАГО», Владимірскій пр., 10–11.

СОСТОЯЩІЕ ВЪ ВѢДѢНІИ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ

общеобразовательные курсы

(Существуютъ съ 1902 года).

Спб., Петербургская ст., уг. Кронверкскаго пр. и Татарскаго пер., пр. Зоологич. сада.
Занятія съ 6 час. веч. до 11. На курсы принимаются взрослыя лица обоего пола во всѣ четыре класса курсовъ. Окончившіе 3-й и 4-й классы получаютъ знанія въ объемѣ полнаго курса **средняго учебнаго завед.** (гимназій и реальныхъ училищъ). Окончившіе 1-й и 2-й кл. получаютъ знанія въ объемѣ **4-хъ кл. средн. учебн. заведен.** Плата въ годъ: 1 кл.—31 руб. 25 коп., 2 кл.—55 р. 25 к. безъ язык., 3 кл. 83 р. 25 к., 4 кл.—92 р. 25 к. Изучающіе нѣмецкій, французск. и латинскій языки въ 1-мъ и 2-мъ кл. доплачиваютъ 18 р. въ годъ. Начало учебныхъ занятій съ 1-го сентября. **Пріемъ прошеній съ 1-го мая.** Плата вносится по полугодіямъ. Канцелярія открыта съ 10 ч. утра до 2 ч. дня и съ 5 ч. до 8 ч. вечера. За 3-семикопеечн. марки высылаются подробныя свѣдѣнія. Въ 1910 учебномъ году занималось на курсахъ 500 учащихся.
Учред-завѣдыв. **А. ЧЕРНЯЕВЪ.** Инспекторъ ученой части прив.-доц. спб. университета **А. ГЕНКЕЛЬ.**

Изъ всѣхъ цензуръ самая вѣроломная—дороговизна книги.
С. Ан—скій.

Издат. Библіотечка Копейка

ставитъ себѣ цѣлью провести въ широкія читающія массы лучшія произведенія родныхъ и иностранныхъ писателей. Печатая въ полумил. количествѣ каждую серію, издательство имѣетъ возможность дать за **одну копейку** книжку съ законченнымъ разсказомъ, въ художествен. обложкѣ, съ портрет. автора.
За 3 семикопеечн. марки высылается 10 книжекъ, и за 5 семикоп. марокъ высылается 20 книжекъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

Л. Н. Толстой. Франсуаза.—**Леонидъ Андреевъ.** Баргамотъ и Гараська. —**Альфонсъ Додэ.** Рождество на маякѣ.—**В. Гюго.** Епископъ Миріель.—**Кнутъ Гамсунъ.** На почтовыхъ.—**Марсель Прево.** Поѣздка на кладбище.—**Генр. Сенкевичъ.** Вождь.—**А. С. Пушкинъ.** Станціонный смотритель.—**Л. Н. Толстой.** Три старца.—**Евг. Чириковъ.** Страшный сонъ. —**Н. В. Гоголь.** Тяжба. **К. Жаковъ.** Атаманъ Шыпича. — **Борисъ Зайцевъ.** Молодые. — **Александръ Дюма сынъ.** Подлинная исторія. — **Александръ Дюма отецъ.** Маскарадъ. — **Кн. Гамсунъ.** Рождество въ горахъ. — **Л. Н. Толстой.** Суратская кофейная. — **Гр. Петровъ.** Зеленый змій.—**Альфонсъ Додэ.** Послѣдній урокъ. — **Н. В. Гоголь.** Заколдованное мѣсто. — **К. Жаковъ.** Мудрый Памъ.—**Кнутъ Гамсунъ.** Страхъ. Кольцо.

ПЕЧАТАЕТСЯ: НОВАЯ БИБЛІОТЕЧКА. ЦѢНА 2 КОП.

Всеволодъ Гаршинъ. Attalea princeps.—**Гр. Петровъ.** Пѣвецъ тоски.—**Гр. Петровъ.** Пропащій человѣкъ.—**А. Г. Генкель.** Илья Ильичъ Мечниковъ. Его жизнь и дѣятельность.

БИБЛІОТЕЧКА «НАРОДНОЕ ЗДРАВІЕ». ЦѢНА 5 КОП.

Д-ръ П. Б. Ваксъ. Чахотка и борьба съ нею.

При требованіяхъ на вышеуказанныя наши изданія просятъ присылать задатокъ въ размѣрѣ 1/3 стоимости заказа.
Книжн. магазинамъ, газетнымъ агентамъ обычная уступка.
Объявленія принимаются въ главной конторѣ.
ПИСЬМА И ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:
С.-Петербургъ, Троицкая, 11, „Библіотечка Копейка“.

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдующій лабораторіей: инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

17233/c

Книжная торговля И. Ф. КОСЦОВА.

С.-Петербургъ, Литейный просп., 28-2.

Дешево, аккуратно и быстро пополняетъ и составляетъ вновь всевозможныя, школьныя, полковыя, служебныя, общественныя и частныя библіотеки и читальни. Отыскиваетъ разрозненные томы сочиненій.

Высылаетъ съ наложеннымъ платежемъ всѣ русскія книги, какъ послѣднія новости, такъ и ранѣе изданныя.

Высылаю книги по рекламамъ всѣхъ издателей и книгопродавцевъ по ихъ цѣнамъ, а иногда и дешевле.

Каталогъ 5500 книгъ высылаю безплатно.

Имѣются на складѣ и продаются удешевленно слѣдующія книги (цѣны безъ пересылки) (высыл. наложеннымъ платежемъ).

Форель, А. Половой вопросъ. 2 т. съ рисун. 550 стр. за 1 р. 50 к.

Мирбо, О. Садъ пытокъ. Романъ за 70 коп.

Вилли. Клодина. Извѣстн. французск. пикантн. романъ весьма изящно написанный. 1) Клодина въ школѣ за 70 к., 2) Клодина въ Парижѣ за 70 к., 3) Клодина замужемъ за 80 к., 4) Клодина уходитъ; за 70 коп. Всѣ 4 книги вмѣстѣ 2 р. 60 к.

Литературные вечера. Художественный сборникъ избран. произвед. извѣстныхъ писателей (проза) изящн. изд. съ портр. 270 стр. за 90 к.

Преступленія, раскрытыя начальникомъ С.-Петерб. сыскной полиціи И. Д. Путилинымъ (его записки) 490 стр. съ рисунками за 1 р.

А. Шницлеръ. Діалоги: 1) Хороводъ, 2) Анатоль 200 стр. за 60 к.

Андріановъ, Н. Самоучитель и справочная книжка фотографа съ 216 рисун. 350 стр. вмѣсто 2 р. за 1 р.

Гильденбрандъ, Д-ръ мед. Міръ половыхъ страстей. Картины половой жизни мужчины и женщины. Вм. 1 р. за 50 к.

Оболенскій, Л. Исторія мысли. Опытъ критическ. истор. философіи. 356 стр. за 50 к.

В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ. Сост. Е. Соловьевъ. 250 стр. за 70 к.

Тысяча и одна ночь. Арабскіе разсказы шахразады. Первый полный русскій переводъ. 4 т. около 1800 стр. съ рисун. Вмѣсто 9 р. за 4 р. 50 к.

Галлерея красавицъ. 208 снимковъ съ красивыхъ женскихъ лицъ и фигуръ. Альбомъ, роскошн. изд. Мертца. Вмѣсто 5 р. за 2 р.

Міръ животныхъ Европы, ихъ бытъ, нравы и жизнь. Соч. проф. Гааке. 600 стран. съ рисун. Вмѣсто 3 руб. за 1 р. 50 к. въ золочен. перепл. 2 р. 25 к.

И. КОСЦОВЪ.—Книгопродавецъ.

С.-Петербургъ, Литейный просп., 28-2.